This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,100,069

ИЗЪ КНИГЪ

Алексѣя Сергѣевича

МАЗУРИНА.

№ 263.

PROPERTY OF

University of Michigan Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

ИЗЪ КНИГЪ
А. С.
МАЗУРИНА

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1876

№ 1 ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

СТРАН.

I. — ГЕРОИ ВРЕМЕНИ. Траги-комедія. **Н. Некрасова** . 5

II. — НА ВЕЧЕРѢ. (Изъ записной книжки). **В. Крестовскаго** (псевдонимъ) 53

III. — ИЗЪ ИСТОРІИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА. —I.— **А. Н. Энгельгардта**: 85

IV. — КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ. (Гл. I—IV). **Н. Щедрина** . 119

V. — БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. (Соціологическіе очерки). — II. СЕМЬЯ. (Не нами міръ начался и не нами кончится.—Къ теоріи борьбы за индивидуальность.—Практическіе и идеальные типы.—Типы и степени развитія.—Отсутствіе семьи, какъ исходная точка супружескихъ и родительскихъ отношеній. — Факты, характеризующіе эти отношенія въ глубокой древности. — Теорія любви Шоппенгауера. — Теорія любви Геккеля. — Любовь съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность. — Миѳъ Платона о происхожденіи половыхъ различій). **Ник. Михайловскаго**. 159

VI. — МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ. Святочный разсказъ. **Эдварда Дженкинса**. Автора «Джинксова Младенца».

VII. — ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ. Романъ **Бретъ-Гарта**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—32).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

VIII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Книги и театры. — II. Неожиданная перемѣна декорацій въ версальскомъ собраніи: окончательное признаніе республики.—Планъ Бюффѐ по поводу избранія сенаторовъ. — Герцогъ Одиффре, ставшій республиканцемъ. — Соглашеніе лѣвыхъ съ чистыми легитимистами. — Побѣда лѣвыхъ. — Республиканское большинство въ сенатѣ. — Умѣренность побѣдителей и заявленія нѣкоторыхъ сенаторовъ.—Результатъ сенатскихъ выборовъ — спасительный для Франціи.— III. Предложеніе Накэ объ амнистіи. — Уменьшеніе

(*См. страницу 3-ю*).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ИЗЪ КНИГЪ А. С. МАЛУРИНА

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1876.

AP
50
.087
v.224
pt.1

01-225890

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ.

ТРАГИ-КОМЕДІЯ.

(Дѣйствіе происходитъ въ извѣстномъ ресторанѣ).

«Кушать подано!»—Мнѣ дали
Очень маленькій салонъ.
За стѣной «ура!» кричали,
По тарелкамъ шелъ трезвонъ.
Кто-жь они—съ моимъ чуланомъ
Рядомъ—пьющіе теперь?
Я чуть-чуть открылъ диваномъ
Загороженную дверь,
Поглядѣлъ изъ за портьеры:
Зала публикой кишитъ
Все тузы-акціонеры!
На ловца и звѣрь бѣжитъ...

Производитель работъ
Акціонерной компаніи,
Сдавшій недавно отчетъ
Въ общемъ годичномъ собраніи,
Въ группѣ директоровъ Шкуринъ сидитъ
(Синяя чуйка и крупныя губы).
Старецъ, прошедшій сквозь мѣдныя трубы —
Савва Антихристовъ — спичь говоритъ.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генералъ, и банкиръ, и кулакъ):

— «Да господа! самородокъ-русакъ
Стòитъ нѣмецкихъ философовъ пары!
Былъ онъ мужикъ, не имѣлъ ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.

Дальше скажу вамъ словами его
(Тутъ и отвага, и умъ, и смекалка):

«Я—уроженецъ степей;
Давъ пастухамъ по алтыну,
Я изъ хребта у свиней
Въ младости дергалъ щетину.

«Мечется стадо, реветъ
Знамо: живая скотина!
Мальчикъ не труситъ — деретъ,
Перваго сорту щетина!

«Сталъ я теперь богачемъ;
Домъ у меня какъ картинка,
Думаю, глядя на домъ:
Это—свиная щетинка!..»

«Великорусская, мѣткая рѣчь!..
Съ дѣтства умѣлъ онъ добыть и сберечь.
Сняли мы линію; много заботы:
Надо сдавать земляныя работы.
Ѣду я разъ по дѣламъ въ Перекопъ,
Вижу, съ артелью идетъ землекопъ.
— Кто ты? «Я—Ѳедоръ Никифоровъ Шкуринъ».
(*Обращается къ Шкурину*).
Чокнемся! выпьемъ, христовъ мужичокъ!
Ну, господа генералы! чокъ-чокъ!..
Выборъ-то мой оказался не дуренъ...
(*чокаются и пьютъ*)

«Прибылъ подрядчикъ на мѣсто работъ,
Вмѣсто науки, съ однимъ «глазомѣромъ»,
Ѣздитъ по селамъ съ своимъ инженеромъ,
Радитъ рабочихъ — никто неидетъ!
Земли кругомъ тутъ дворянскія были—
Только дворяне о нихъ позабыли.
Всѣмъ тутъ орудовалъ грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу въ озерахъ ловили,
Гнали безданно изъ пѣньевъ смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: «нейдемъ въ кабалу!»

Нѣтъ послушанья, порядка и прочаго,
Прежде всего: создавай тутъ «рабочаго».
Какъ же создашь его? Шкуринъ не спитъ:
Земли, озера, болота, графитъ —
Все откупилъ у помѣщика,
«Все — до послѣдняго лещика!»
(Какъ энергически самъ говоритъ).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Какъ изъ подъ ногъ ея почва ушла...
Мысль эта, смѣю сказать, лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плодъ этой мѣры въ графѣ дивиденда
Акціонеры найдутъ:
На сорокъ три съ половиной процента
Разомъ понизился трудъ!..

«Ходко пошла земляная работа.
Шкуринъ, трудясь до кроваваго пота,
Не раздѣвался въ ночи,
Жилъ безъ семейства въ степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Самъ поставлялъ для артели громадной.
Онъ, раздѣляя съ рабочимъ труды,
Не пренебрегъ гигіеной народной:
Вмѣсто болотной, стоячей воды,
Далъ онъ рабочему квасъ превосходный!
Этимъ и наша достигнута цѣль:
Въ жаркіе дни, доваливши́сь до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно безъ мяса!
Быстро въ артели упалъ аппетитъ
На двадцать два съ половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Краснорѣчивѣе словъ говоритъ!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
Съ находчивымъ «янки». А я, между тѣмъ,
Покамѣстъ здоровье подрядчика пили,
Успѣлъ присмотрѣться ко всѣмъ:
Во первыхъ, тутъ были почотныя лица
Въ чинахъ, съ орденами. Ихъ видитъ столица
Въ сенатѣ, въ палатахъ, въ судахъ,
Служа безупречно и пользуясь вѣсомъ,

Они посвящаютъ досугъ интересамъ
Комерческихъ фирмъ на паяхъ.
Тутъ были плебеи, изъ праха и пыли
Достигшіе денегъ, крестовъ,
И рядомъ вельможи тутъ русскіе были,
Погрязшіе въ тинѣ долговъ,
(То имя, что̀ дѣды въ безумной отвагѣ
Прославили — гордость страны —
Они за паи подмахнутъ на бумагѣ,
Нестоющей трети цѣны)...
Сидѣли тутъ важно, въ сознаніи силы
«Зацѣпа» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацѣпа былъ мраченъ, а Савва сіялъ).
Тутъ были банкиры, дѣльцы биржевые,
И земская сила—дворяне степные—
Тутъ было съ десятокъ мѣнялъ.
Сидѣли тутъ рядомъ тузы-иноземцы:
Остзейскіе, русскіе, прусскіе нѣмцы,
Евреи и греки и много другихъ —
Въ Варшавѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Петербургѣ
Банкирскія фирмы у нихъ —
На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
Кончаются прозвища ихъ.
Зацѣпа—красивый старикъ бѣлокудрый,
Нажившій богатство политикой мудрой —
Былъ сборища главнымъ вождемъ.
Профессоръ, юристъ, адвокатъ знаменитый
И два инженера—съ ученымъ значкомъ—
Его окружали почетною свитой.
Григорій Аркадьичъ Зацѣпинъ стяжалъ
Въ комерческомъ мірѣ великую славу
И львиную долю себѣ выдѣлялъ
Изъ каждаго крупнаго дѣла по праву.
Зацѣпа находчивъ, уменъ, даровитъ,
Въ немъ чудная тайна успѣха таится,
Не даромъ онъ въ каждомъ правленьи сидитъ...
Придетъ вамъ охота въ аферы пуститься,
Старайтесь его къ предпріятью привлечь —
Пойдетъ какъ по маслу!..

Герой-тріумфаторъ
Раскланялся... Выступилъ новый ораторъ,
Мѣняло,—писклива была его рѣчь:

Мм. гг.
«Времена наступаютъ тревожныя,
Кризисъ близится: мало даютъ
Предпріятья желѣзно-дорожныя,
Банки тоже не бойко идутъ:
«Половину закрыть не мѣшало бы!»
Слышенъ въ публикѣ хоръ голосовъ,
Какъ недавно мы слышали жалобы
На избытокъ питейныхъ домовъ.
Время выдти на поприще новое,
Честь имѣю проектъ предложить,
Все обдумано, — дѣло готовое,
Стòитъ только Уставъ сочинить.

(*Пауза. Выпивъ глотокъ воды, ораторъ продолжаетъ съ одушевленіемъ*).

Мысль — «Центральнаго Дома Терпимости»
Такова наша мысль! Скажутъ намъ:
Прежде Невскій цѣлковыми вымости,
И на то я согласіе дамъ!
Вамъ порукою наше серьёзное
Отношенье къ дѣламъ вообще,
Что развитіе ей грандіозное
Мы надѣемся дать не вотще:
Лишь бы намъ разрѣшили концессію...
Учредимъ капиталъ на паяхъ
И, убивъ мелочную профессію,
Двинемъ дѣло на всѣхъ парусахъ!
Нѣтъ сомнѣнья, что цѣль учрежденія
Наше общество скоро пойметъ:
Понесутъ намъ свои сбереженія
Всѣ, кутящіе нынѣ въ разбродъ!
Предпріятія съ точки вещественной
Невозможно вѣрнѣе желать,
Равнымъ образомъ, съ точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Безъ надзора строжайшаго, честнаго
Не оставимъ мы дѣло никакъ,
Мы наймемъ адвоката извѣстнаго
Для разбора скандаловъ и дракъ.
Будетъ много у насъ подражателей,
Но не будетъ такого нигдѣ
Наблюденья: возьмемъ наблюдателей
Въ нашей скромной мѣняльной средѣ...»

— Въ тихомъ омутѣ водятся черти!
Кто-то рядомъ со мной прошепталъ;
Нѣкто Грошъ испугался до смерти
Остроумной затѣи мѣнялъ
И подвинулся дальше со стуломъ.
На проектъ отвѣчала толпа
Нерѣшительнымъ, сдержаннымъ гуломъ,
Ждали мнѣнья Зацѣпы-столпа.

«Да̀ (сказалъ онъ), доходное дѣло,
Но совѣтую вамъ подождать.
Ново... странно... до дерзости смѣло...
Преждевременно, смѣю сказать!
Кто не знаетъ? Пророки событій,
Пролагатели новыхъ путей,
Провозвѣстники важныхъ открытій —
Побиваются грудой камней.
Двинувъ раньше впередъ спекуляцію,
Чѣмъ прогрессъ узаконитъ ее,
Потеряете вы репутацію
И погубите дѣло свое.
Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что̀ сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...»

«Браво!» Залпъ громоподобный...
На арену вышелъ Грошъ
И проекту спичь надгробный
Довершилъ: «Проектъ хорошъ,
Исполнители опасны!»
Онъ язвительно сказалъ.
Пренья были долги, страстны,
Впрочемъ, я ихъ не слыхалъ —
Я заснулъ...
Мнѣ снились планы
О походахъ на карманы
Благодушныхъ россіянъ,
И, ощупавъ мой карманъ,
Я проснулся...
Шумно... Въ уши
Словно бьютъ колокола,
Гомерическіе куши,

Миліонныя дѣла,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дѣлежъ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидѣлъ тупой и мрачный,
Долго мнѣ понять мѣшалъ
Этотъ крикъ и дымъ табачный:
Гдѣ я? Какъ сюда попалъ?..

Черезъ дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лицъ усталыхъ рядъ,
Вижу жжонку недопитую,
Землянику, виноградъ.
Къ англичанину съ объятьями
Лѣзетъ русскій человѣкъ,
— Выпьемъ: Борухъ! Будемъ братьями!
Говоритъ Еврею Грекъ.
Кто-то низко клонитъ голову,
Кто-то на полъ льетъ вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобилъ... Все пьяно!..

Я понялъ: кончили дѣла
И на распашку закутили.
Одни сидѣли у стола,
Другіе парами ходили.
Сюда пришелъ и князь Иванъ [1].

---

[1] Характеристика князя Ивана помѣщена въ другомъ очеркѣ («От. Зап.» 1875 года, № 8-й). Напоминаемъ ее читателю:

Князь Иванъ — колоссъ по брюху,
Руки — родъ пуховика,
Пьедесталомъ служитъ уху
Ожирѣвшая щека.
По устройству верхней губы
Онъ—бульдогъ; съ оскаломъ зубы,
Подъ гребенку волоса
И — добрѣйшіе глаза.
Онъ—извѣстный объѣдало,
Говоритъ умно,
Словно въ бочку изъ подъ сала
Льетъ въ себя вино.
Дома рѣдко пребываетъ,
До шестидесяти лѣтъ

И, на диванѣ отдыхая,
Неумолкалъ, какъ барабанъ,
Чужія рѣчи заглушая.
Старикъ съ друзьями продолжалъ
Пить вдохновляющую жжонку
И мимо шедшимъ посылалъ
Свои любезности въ догонку.
Теперь цинизмъ у нихъ царилъ,
И разговоръ былъ часто страшенъ:
— Съ какой иконы ты скусилъ
Тотъ перлъ, которымъ ты украшенъ?
«Да съ той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпалъ яду...»
Такъ остроумно веселясь,
Одни смѣялись до упаду,
Другіе хмурились... Журча,
Лился потокъ сужденій, споровъ...
Вотъ вамъ отрывки разговоровъ,
Ищите сами къ нимъ ключа...

1-й голосъ.

Отложили на недѣлю,
Миліончикъ пропадетъ.
Вотъ Господь послалъ Емелю!
Доложилъ на оборотъ:
Позабылъ о братьяхъ Примахъ,
Знай наладилъ: Цахъ да Цахъ!
Образецъ непроходимыхъ
Государственныхъ неряхъ!
. . . . . .

Водевили посѣщаетъ,
Оперетку и балетъ.
У него друзья — кадеты.
Именитый дѣдъ его
Былъ шутомъ Елизаветы,
Самъ онъ — ровно ничего.
Презираетъ аксельбанты,
Не охотникъ до чиновъ.
Унаслѣдовавъ таланты
Историческихъ шутовъ,
Съ языкомъ своимъ проворнымъ,
Съ дерзкимъ смѣхомъ, въ вѣкъ иной
Былъ бы онъ — шутомъ придворнымъ,
А теперь онъ — шутъ простой...

2-й голосъ (князя Ивана).

Чу! какъ орутъ: «Казань!..» «Ветлуга!..»
Адепты сѣвера и юга.
Не много фактовъ, бездна словъ...
Одно тутъ каждый понимаетъ,
Что на пути до рудниковъ
Постлать соломки не мѣшаетъ!

3-й голосъ.

У насъ былъ директоръ дороги,
Кондукторамъ красть не давалъ:
Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,
У сонныхъ сосчитывалъ ноги,
Чтобъ видѣть: придется иль нѣтъ
На каждую пару билетъ?
Но дальше билетовъ и ногъ
Считать ничего онъ не могъ!..

Голосъ князя Ивана (*кому-то на встрѣчу*).

Сотню рублей серебра
Въ день получаю...
Сорокъ четыре ребра
Въ сутки ломаю...
А! господинъ костоломъ!
Радуюсь встрѣчѣ случайной.
Правда ли? мы создаемъ
Новый проектъ чрезвычайный:
Предупредительныхъ мѣръ
Мы отрицаемъ полезность...
(Такъ! господинъ инженеръ!
Благодаримъ за любезность).
Вѣчно мы будемъ ломать
Ѣдущимъ руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дороги,
Съ праваго боку возвесть
Раненымъ нужно жилища,
А для убитыхъ отвесть
Съ лѣваго боку кладбища.

Такъ-съ! Выражаясь точнѣй,
Вы узаконить хотите
Право увѣчить людей...
Мало еще вы кутите!
Что-же? Дай Богъ вамъ успѣхъ!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагрѣть,
И пассажирамъ пріятно:
Вмѣсто того, чтобъ зѣвать,
Въ нашихъ пустыняхъ унылыхъ—
Впредь до крушенья—считать
Будутъ кресты на могилахъ!

Двое (4-й и 5-й) (*проходя мимо двери, не громко*).

— Вамъ дадутъ пай строители,
Я готовъ держать пари
На тысченку! Не хотите ли?
— «Въ чемъ же дѣло, говори!»
— Это—путь изъ самыхъ прибыльныхъ,
Но вѣдь это—тоже дверь
Для обмѣна мыслей гибельныхъ...
Понимаете теперь?
— «Вѣрно! малый ты практическій!
Какъ пари не заплатить?
Съ точки зрѣнья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Голосъ князя Ивана (*кому-то въ догонку*).

Пестрый галстукъ съ чернымъ фракомъ,
Рядъ нечищенныхъ зубовъ
И подернутая лакомъ
Рожа — признакъ дураковъ.
Въ перстнѣ камень изумрудный.
Неотесанный болванъ:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный санъ!
Этотъ типъ безмѣрно гнусенъ.
Современный Митрофанъ
Глупъ во всемъ, въ одномъ искусенъ:
Залѣзать въ чужой карманъ!

И на немъ духъ вѣка видѣнъ,
Онъ по трусости — скупецъ,
По невѣжеству — безстыденъ
И по глупости — подлецъ!

6-й голосъ.

За что̀ швырнулъ въ меня онъ карточкой своей
И завтра обѣщалъ прислать мнѣ секунданта?
Вѣдь я не отрицалъ у Душкиной таланта,
Я только говорилъ, что Радина милѣй!
Военный человѣкъ, не спорю я, прекрасенъ,
Но дальше отъ него держаться должно намъ.
Во времена войны — опасенъ онъ врагамъ,
А въ мирное — онъ всѣмъ опасенъ.

Голосъ кн. Ивана (*кому-то на встрѣчу*).

Тысячъ восемдесятъ въ банкахъ
Получаетъ этотъ франтъ,
Онъ живетъ безсмѣнно въ санкахъ—
Въ этомъ весь его талантъ.
Есть другой счастливецъ въ мірѣ,
Полу-нѣмецъ, полу-грекъ,
Получаетъ *сто четыре...*
Заурядный человѣкъ!
Дай мнѣ легонькіе санки
И рысистаго коня,
Я и самъ всѣ наши банки
Облечу въ теченьи дня!

7-й голосъ.

Человѣка накачали
И забыли... Ка̀къ тутъ быть?
Если нѣтъ цыганъ, нельзя ли
Хоть арфистокъ пригласить?
Безъ прекраснаго-то пола
Скучновато во хмѣлю.
Пить такъ пить — *до протокола*,
Середины не люблю!

Голосъ кн. Ивана.

На французскомъ маслѣ,
Сдѣланномъ изъ сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборецъ!
Желѣзнодорожникъ
. . . . . .
. . . . . .

8-й голосъ.

Въ нашемъ банкѣ засѣдаютъ
Пять ростовщиковъ,
Фортель ихъ таковъ:
Межъ собой распредѣляютъ
Весь наличный капиталъ
Изъ осьми... а выручаютъ
Сорокъ... Подло! я отсталъ.

Голосъ князя Ивана (*кому-то въ догонку*).

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
Поклонники въ немъ видѣли мессію;
Попалъ на министерскій стулъ
И—наглупилъ на всю Россію!

9-й голосъ.

...Говорю: помиритесь добромъ!
Не совѣтую знаться съ судомъ!..

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой.
Я тамъ былъ. Не послѣднее бѣдствіе,
Доложу вамъ, судебное слѣдствіе —
Юный приставъ меня истерзалъ;
Прокуроръ, посѣдѣвшій во бдѣніи,
Такъ копался въ моемъ поведеніи,

Что съ натуги въ истерику впалъ;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя—цѣпь непрерывная
Вопіющихъ какихъ-то картинъ,
И, содравъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга альпійскихъ вершинъ!..»

Невеселое вышло рѣшеніе:
Безъ лишенія правъ заключеніе.
Двѣ недѣли пришлось проскучать,
Да сполгода ругала печать!

10-й голосъ.

Печать? У ней строитель—воръ!
Желѣзныя дороги—душегубки,
Суды?.. По платью приговоръ!
А имъ любезны только полушубки.
Теперь не въ модѣ уважать
По капиталу, чину, званью...
Какъ!? подъ арестомъ содержать
Игуменью—честную Митрофанью?..

11-й голосъ.

Не щадятъ и духовнаго званія!
Адвокатамъ однимъ только рай:
За лишеніе правъ состоянія
И за то теперь деньги подай!

Голосъ князя Ивана (*кому-то въ догонку*).

Не люблю австрійца!
Думается мнѣ:
Вотъ—сыноубійца!
Чу! призывъ къ войнѣ!
Брошены парады,
Дѣти въ бой идутъ,
А отцы подряды
На войска берутъ.
Юные герои

Гибнутъ въ каждомъ бо́ѣ,
Не поймутъ никакъ:
Отчего въ атакѣ,
Въ самой жаркой дракѣ,
Не вредимъ прусакъ?
Дѣти! васъ надули
Ваши старики:
Глиняныя пули
Ставили въ полки!

Неразлучной бродятъ парой
Суетливый коммерсантъ
И еврей, процентщикъ ярый,
Въ драгоцѣнныхъ камняхъ франтъ.
Вотъ подходятъ къ самой двери,
Продолжая разсуждать:
— Мнѣ «товарища на вѣрѣ»
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты одинъ.
Выручай! ты—безупречный,
Полноправный гражданинъ!
Ты—писатель! Ты брошюрой
«О процентахъ» заявилъ
Связь свою съ литературой,
Ты Тиблену кумомъ былъ.
Ты—художникъ по натурѣ...
—«Не желательно прослыть
Подставнымъ въ литературѣ...»
—Вотъ нашелъ о чемъ тужить!
Полно! Мы съ тобой—не дѣтки.
Нынче—царство подставныхъ,
Настоящіе-то рѣдки,
Да и спросу нѣтъ на нихъ.
Погляди: морякъ на сушѣ,
Инженеръ на кораблѣ,
А дѣла идутъ не хуже
И не лучше на землѣ.
Не у насъ—во всей Европѣ
Прессой правитъ капиталъ,
Былъ же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче ихъ сіялъ!

Прессѣ нужны коммерсанты.
Поспѣшивъ на помощь ей,
Кàкъ направимъ мы таланты,
Кàкъ устроимся! —

Еврей
Отвѣчаетъ, убѣжденью
Начиная уступать:
—«Если нужно просвѣщенью
Руку помощи подать,
Я готовъ, но—Богъ свидѣтель —
Я отъ грамоты отвыкъ...»
—Тутъ нужна лишь добродѣтель!
Восклицаетъ биржевикъ...

— Дай еще имъ пять бутылокъ!
Испустилъ внезапный крикъ
Нѣкто—стриженый затылокъ,
Голова «à la мужикъ».
Ростъ высокій, станъ не гибкой,
А лицо... страннѣй всего,
Кàкъ не высѣкли ошибкой
По лицу его!
Выпивъ первую бутылку,
Лизоблюдовъ пьяный хоръ
Тароватому затылку
Лестью выпалилъ въ упоръ:

— Сколько вы божьихъ храмовъ построили!
— Сколько выдали замужъ невѣстъ!
— Сколько вдовъ и сиротъ успокоили!
— Сколько роздали пенсій и мѣстъ!
— «А какія вы строите линіи!
Подвигъ вашъ—достоянье вѣковъ!»
Поправляя очки свои синіе,
Заключилъ запѣвало листецовъ:
— «На Уралѣ, на Ленѣ, на Терекѣ
Предстоятъ еще подвиги вамъ.
Были люди въ Европѣ, въ Америкѣ,
А такихъ не встрѣчалось и тамъ!»

— Будто? Вотъ какъ! Скажите! Неужели?
Восклицалъ осовѣвшій герой:

— Мы, однако, такъ плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его вѣрные,
И героя домой повели...

Про таланты его непомѣрные
Очень громкіе слухи прошли.
Какъ шаманъ, онъ обвѣшанъ жетонами
(А на шеѣ владимірскій крестъ).
Съ телеграммами, спичами, звонами
Колокольными—ѣздитъ и ѣстъ,
Упивается тонкими винами,
Сыплетъ золото щедрой рукой,
Въ предпріятіяхъ долями львиными
Надѣляется... Чѣмъ не герой?..
Есть, однако, и мнѣнье противное:
Говорятъ: у него никакихъ
Дарованій, богатство фиктивное;
Говорятъ: онъ—игрушка другихъ,
Нуженъ онъ для одной декораціи;
Три-черыре искусныхъ дѣльца
Въ омутъ самой шальной спекуляціи,
Словно мячикъ, бросаютъ глупца.
Какъ вопьются раки жирные
Въ тѣло бѣлое его,
Эти люди, съ виду смирные,
Обрываютъ ихъ съ него,
И потомъ дружка сердечнаго
Въ новый омутъ повлекутъ...
Ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго—
Скоро будетъ онъ банкрутъ!

Голосъ князя Ивана (*на встрѣчу вновь вошедшему*).

А! Авраамъ изъискатель!
Мимо прошелъ: не узналъ,
Чѣмъ возгордился, пріятель?
Я пастухомъ тебя зналъ...

Лота отца попрекаетъ,
Берка отъ Лоты бѣжитъ,
Мѣсяца три пропадаетъ
И, возвратясь, говоритъ:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сынъ!
Дѣти! купилъ я болота
Семьдесятъ семь десятинъ!»

Лота одѣлася въ шубку,
Янкель за шапкой бѣжитъ,
Ѣдутъ смотрѣть на покупку —
Лошадь съ натуги хрипитъ,

Мѣстность все ниже и ниже,
Множество кочекъ и ямъ.
«Вотъ оно! Лота! смотри же!»
Лота не вѣритъ глазамъ:

Нѣту ничѣмъ ничего-то,
Кромѣ трясины и мховъ!
Только слетѣли съ болота
Семдесятъ семь куликовъ!

Ѣдучи шагомъ обратно,
Янкель трунилъ надъ отцомъ,
Лота работала знатно
Длиннымъ своимъ языкомъ.

Берка на жалобы эти
Молвилъ, подъѣхавъ къ крыльцу:
«Не угодилъ я вамъ, дѣти,
Да угодилъ продавцу!»

Утромъ онъ съ ними простился,
Мѣсяца три пропадалъ.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» снова сказалъ.

Янкель и Лота не рады,
Думаютъ: глупость опять!
«Взялъ я большіе подряды!»
Берка пустился плясать:

«Четверть съ рубля обойдется
Четверть съ рубля... безъ гроша...
Семьдесятъ семь остается,
Семьдесятъ семь барыша!»

Денегъ у Берки безъ счета,
Берка—давно дворянинъ,
Благословляя болота
Семьдесятъ семь десятинъ!..

Чу! пѣсня! Полные виномъ,
Два инженера ликовали
И пѣли пѣсенку о томъ,
Какъ «непреклоннаго» сломали:

Я сначала доказалъ
Ясно, непреложно
Пользу дѣла—онъ сказалъ:
«Это невозможно!»

Я протекцію съискалъ,
Все обставилъ чудно,
Онъ сурово отвѣчалъ:
«Это очень трудно!»

Въ третій разъ сказалъ я:—Кушъ
Будетъ—гривна со ста,
И воскликнулъ строгій мужъ:
«Это—очень просто!..»

Голосъ князя Ивана.

На умѣ чины да куши,
Пассажировъ бьетъ гуртомъ:
Христіанскія-то души
Жидовинѣ ни по чемъ.
До предѣловъ незаконныхъ
Глупъ, а денежки гребетъ...
Все равно, что̀ рѣзать сонныхъ—
Обирать народъ!

Слышны толки: «лѣность... пьянство...
Земство... волость... мужики»...
Это—мѣстное дворянство
И дворяне-степняки.
У степнаго дворянина
Рѣчь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спросъ на водку и барду»,
А у мѣстнаго вопросы
«Все сословные» въ ходу,
Графъ Д—довъ, князь Л—новъ
Въ центрѣ этого кружка
Излагаютъ пользу плаповъ,
Не удавшихся пока:

«Вся бѣда Россіи
Въ недостаткѣ власти!»
Говорятъ витіи
По сословной части.

— «Да! провинція пустѣетъ:
Города объяты сномъ,
Земледѣлецъ нашъ бѣднѣетъ,
Дворянинъ поникъ челомъ.

Кто не «высшаго разбора»,
Убѣгай изъ нашихъ мѣстъ,
Ты—добыча прокурора,
Мировой тебя заѣстъ!

Кто теперь тамъ толку сыщетъ?
Народившійся кулакъ
По селеньямъ звѣремъ рыщетъ,
Выжимаетъ четвертакъ.

Выбиваютъ недоимку,
Разворяютъ до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловитъ каждая душа!

Даже Божіи стихіи
Ополчились на крестьянъ:
Повсемѣстно по Россіи
Вихри, штормы, ураганъ.

Громъ жилища зажигаетъ,
Нивы градъ Господень бьетъ,
Деньги земство обираетъ,
Жадный волкъ уноситъ скотъ!

Съ мужикомъ однимъ случилось —
То-то онъ оторопѣлъ! —
Даже почва провалилась
Отведенная въ надѣлъ!

Не затѣмъ мы уступали
Наши древнія права,
Чтобъ на наше мѣсто стали
Становой и голова!

Жаль роднаго достоянья,
Жаль и бѣдныхъ мужиковъ!..
Тамъ — семейныя преданья,
Тамъ — любезный прахъ отцовъ!

Прахъ отцовъ—добыча тлѣнья,
А живому дорогъ день:
Какъ изъ чумнаго селенья,
Мы бѣжимъ изъ деревень!»

Такъ искатели концессій,
Потерпѣвшіе накладъ
Отъ хозяйственныхъ профессій,
Нашимъ земцамъ говорятъ.

— «Нѣтъ, а мы такъ не уходимъ!
Обновивъ съ народомъ связь,
Мы народъ облагородимъ»,
Говоритъ—по Гнейсту—князь:

«Мы судебно-полицейской
Властью — пьянство укротимъ!»

И съ улыбкой фарисейской
Ренегаты вторятъ имъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дворянинъ многоземельный
Съ тайной думою своей
Дышетъ скукою смертельной,
Есть субьекты веселѣй:
Генеральный бой дворянской
Проигравъ, они нашлись
И войною партизанской
На досугѣ занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Такъ и рвутъ что̀ можно съ бою
У народа, у казны:
Взявъ съ подряда «разрѣженье»
Государственныхъ лѣсовъ,
Произвесть опустошенье,
Подмѣнить у мужиковъ
Зѐмли — дѣло «партизана»;
Онъ—процентщикъ, онъ—торгашъ,
Не уйдешь его капкана,
Неизбѣжно дань отдашь!
Четверикъ фальшивой мѣры,
Тайный фортель у вѣсовъ...
Впрочемъ, тутъ же есть примѣры.
Чу! помѣщикъ Хватуновъ
Самъ кричитъ: «удралъ я штуку!
Не зѣвайте! вотъ вамъ шансъ!»
И поетъ, друзьямъ въ науку,
Назидательный романсъ:

Пѣсня объ «Орошеніи».

Комитету «Поощренья
Земледѣльческихъ Трудовъ»

Сдѣлать опытъ орошенья
Нашихъ пашень и луговъ

Предложилъ я: снарядили
Двѣ комисіи въ нашъ край
И потомъ благословили,
Дали денегъ: «Орошай!»

Я поѣхалъ за границу,
Пожуировалъ; затѣмъ
Началъ сѣять свекловицу.
Время мчалось, между тѣмъ,

Домъ мой сталъ богаче, краше,
Самъ толстѣю, что̀ ни годъ,
Вдругъ запросъ: «Успѣшно-ль ваше
Орошеніе идетъ?»

— «При ближайшемъ наблюденьи»,
Отвѣчаю въ комитетъ:
«Нахожу, что въ орошеньи
Въ нашемъ краѣ — нужды нѣтъ,

— «Трудъ притомъ безмѣрно дорогъ...!»
Согласились: Нѣтъ нужды!
А задатокъ — тысячь сорокъ —
За посильные труды

Комитетъ — не безъ участья
Добрыхъ душъ — съ меня сложилъ,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я *оросилъ*!..

Нѣсколько голосовъ.

Браво, браво! оситель!
Браво!.. Пьемъ за подвигъ твой!..

Князь Иванъ.

Эй! орловскій предводитель!
Познакомь меня съ Ѳомой!
Я изъ чести, не изъ видовъ,
Подружиться съ нимъ готовъ.
Прежде былъ—Денисъ Давыдовъ,
Нынче — *Ѳомка Хватуновъ*!

Въ каждой группѣ плутократовъ—
Русскихъ, нѣмцевъ ли, жидовъ —
Замѣчаю ренегатовъ
Изъ семьи профессоровъ.
Ихъ исторія извѣстна:
Скромнымъ труженикомъ жилъ
И, служа наукѣ честно,
Плутократію громилъ,
Былъ профессоромъ, ученымъ
Лѣтъ до тридцати,
И, казалось, миліономъ
Не собьешь его съ пути...
Вдругъ — конецъ исторіи —
Въ тридцать лѣтъ герой —
Прыгъ съ обсерваторіи
Въ омутъ биржевой!..

Вотъ москвичъ — родоначальникъ
Этой фракціи дѣльцовъ:
Объ отечествѣ печальникъ,
Лучшій типъ профессоровъ,
Встарь онъ пѣлъ иныя пѣсни,
Искандеръ былъ другъ его,
Кромѣ каменной болѣзни,
Не имѣлъ онъ ничего;
Подъ опалой въ оны годы
Находился демократъ,
Другъ народа и свободы,
А теперь онъ — плутократъ!
Спекуляторскія штуки
Ловко двигаетъ впередъ

При содѣйствіи науки
Этотъ старый патріотъ...

Вотъ другой — слыветъ за чудо:
Говорунъ и острословъ,
(«Леонидъ» — ему покуда
Кличка у тузовъ).
Онъ *машиннымъ краснорѣчьемъ*
Плутократію дивитъ;
Никакимъ противорѣчьемъ
Не смущаясь, говоритъ
Въ интересахъ господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Загудитъ: подниметъ лай,
Будетъ плакать и смѣяться,
Цыфры, факты извращать,
На Бутовскаго ссылаться,
Марксомъ тону задавать.
Предпочтя ученой славѣ
Соблазнительный металлъ,
Леонидъ сперва при Саввѣ
На посылкахъ состоялъ,
Подавалъ ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Зналъ къ редакторамъ лазейки,
Къ представителямъ суда,
Составлялъ «записки», «мнѣнья»,
Сплетни прессы отражалъ,
И въ директоры правленья
Наконецъ попалъ!
Тутъ ужь торная дорога:
Нахватавъ десятокъ мѣстъ,
Какъ за пазухой у Бога,
Онъ живетъ; по барски ѣстъ,
На балы къ концесьонерамъ
Возитъ куколку-жену
И поетъ акціонерамъ
Вѣчно пѣсенку одну;
Смыслъ извѣстный: «дивидендовъ
Нѣтъ покамѣстъ — ожидай!
И не медля шесть процентовъ
Намъ въ награду отчисляй!»

Кризисъ: дѣло не спорится,
Денегъ нѣтъ, должны кругомъ,
Въ дверь правленія стучится
Съ исполнительнымъ листомъ
Приставъ: кассу запираетъ,
Мебель штемпелемъ клеймитъ.
Леонидъ не унываетъ
И цинически острить:
«Матъ, конечно, предпріятью,
А правленью — не бѣда!
Стулъ съ казенною печатью
Такъ же мягокъ, господа!..»

Нынче счету нѣтъ артистамъ,
Что̀ такимъ путемъ пошли,
И на помощь аферистамъ
Силу знанья принесли.
Всякій планъ, въ основѣ шаткой,
Какъ на сваяхъ утвердятъ:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдятъ!
Дѣло ихъ — стоять на стражѣ
«Государственныхъ идей».
Нѣтъ еще идеи даже,
Есть одинъ намекъ о ней,
Ужь бѣгутъ они къ патронамъ,
Выговариваютъ пай.
Начинаютъ скромнымъ тономъ:
«Нужный банкъ»... «Забытый край»...
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернувъ до дна,
Чудо сдѣлаютъ изъ края,
Этнографіей блеснутъ,
И статистика такая...
Гдѣ они ее берутъ?

Аргументъ экономическій,
Аргументъ патріотическій
И важнѣйшій, наконецъ,
Съ точки зрѣнья стратегической
Аргументъ — всему вѣнецъ!..

Изъ пяти одна затѣя
Удалась — набить карманъ!
А гуманная идея
Отошла на дальній планъ.
Новый тузъ-богачъ въ итогѣ,
И сказались барыши
Лишней гривною въ налогѣ
Съ податной души...

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу, и дворянину
Плохо спится въ наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Риѳмамъ не было числа,
А теперь практичнѣй стала:
На проекты налегла!
Предпріимчивостью чудной
Преисполнились сердца,
Нѣтъ теперь задачи трудной,
Каждый планъ найдетъ дѣльца.
Запрудятъ Неву, каналы
По Сахарѣ проведутъ!..
Дайте только капиталы,
Обезпечьте рискъ и трудъ...

Да̀, постигла и Россія
Тайну жизни, наконецъ,
Тайна жизни — гарантія,
А субсидія — вѣнецъ!
Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій! изваяй
«ГАРАНТІЮ» и «СУБСИДІЮ»,
Идеаламъ форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идутъ на поклоненье
И ученый, и герой;
Пусть идутъ израильтяне
И другіе пришлецы,
И россійскіе дворяне,
И моршанскіе скопцы...

Весѣла кипитъ, не смолкая,
И льется рѣкою вино,
Великихъ и малыхъ равняя,
Всѣ группы смѣшались давно.
Зацѣпинъ въ ударѣ, какъ воду,
Венгерское пьетъ; Леонидъ,
Великому мужу въ угоду,
Вистуетъ ему и лиситъ.
Изъ оперы новыя лица
Явились; затѣялся споръ:
Которая выше пѣвица,
Который пошлѣе актёръ.
Веселый толстякъ, краснорожій,
Хохочетъ Иванушка шутъ,
И мужъ государственный тоже,
Подвыпивъ, бесѣдуетъ тутъ:
«Да̀-съ, наша тропа не безъ терній!
Энергія — свойство мое,
Но на сорокъ восемь губерній
Всегда ли достанетъ ее?..»

Но былъ одинъ — онъ общества чуждался;
Построивши дорогу въ восемь верстъ,
На собственномъ величьи помѣшался
Остзейскій тузъ—баронъ фонъ-Клоппенгорстъ.
Онъ вынуждалъ къ невольному решпекту,—
Торжественность въ осанкѣ и въ лицѣ;
Пусти нагимъ по Невскому проспекту —
Покажется онъ — въ тогѣ и вѣнцѣ.
Онъ не сгибалъ своей баронской выи
Ни передъ кѣмъ; на лбу его крутомъ
Начертано: «Трудился для Россіи
И памятникъ воздвигъ себѣ притомъ!»
Онъ былъ смѣшонъ картинно, грандіозно
И шумный пиръ эффектно оттѣнялъ.
Онъ пилъ одинъ, насупивъ брови грозно,
По слову въ часъ медлительно ронялъ.
Молчитъ ли онъ — особая манера
Молчать... глядитъ — побѣдоносный взоръ!
Идетъ ли онъ — незыблемая вѣра,
Что долгъ другихъ давать ему просторъ.
Среди судовъ обычнаго размѣра
Такъ шествовалъ въ Россію «Мониторъ»...

Остроумная случайность!
На барона не похожъ,
Представлялъ другую крайность
Эдуардъ Иванычъ Грошъ —
Господинъ на ножкахъ низкихъ,
Веселъ, юрокъ и румянъ,
Изъ породы самыхъ близкихъ
Къ человѣку обезьянъ.
Къ разнымъ группамъ подбѣгаетъ,
Щуритъ глазки, руки жметъ
И головкою киваетъ,
И хихикаетъ, и вретъ.
Голосокъ его писклывый
Раздается тамъ и тутъ,
Толстый, маленькій, плѣшивый,
Сибаритъ, дѣлецъ и шутъ —
Онъ, какъ ртуть, на всякомъ мѣстѣ,
Слышитъ — кто-то говоритъ:
— Нужно завтра акцій двѣсти...
«На наличность? на кредитъ?..»
По рукамъ въ минуту хлопнулъ
И бѣжитъ туда бѣгомъ,
Гдѣ услышалъ слово: лопнулъ.
«Кто? Какой торговый домъ?..»
— Лопнулъ—шаръ!.. Зимою въ санкахъ
Вѣчно встрѣтите его;
Онъ на биржѣ, въ думѣ, въ банкахъ,
Нѣтъ собранья безъ него:
Это высшаго разряда
Факторъ — сила нашихъ дней.
Телеграфовъ съ нимъ не надо,
Ни газетныхъ новостей.
Свѣтскій міръ и міръ подпольный
Дань равно ему несутъ,
Какъ револьверъ шестиствольный,
Онъ заряженъ! Съ виду шутъ,
Онъ не-спроста бьетъ баклуши,
Онъ трудится больше насъ:
Настороженныя уши,
Волчій зубъ и лисій глазъ!
Что̀ вамъ нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, домъ,
Капиталъ?.. Рекомендую:

Не ударитъ въ грязь лицомъ!
Честолюбье ль васъ тревожитъ?
Онъ карьерѣ дастъ толчокъ,
Даже выхлопотать можетъ
Португальскій орденокъ!
По рукѣ пригнать перчатку —
Дѣло Гроша! Всюду вхожъ,
Онъ туда протиснетъ взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели изъ мрака
Случай, ловкость и родня,
Не выходитъ онъ изъ фрака,
Пробудясь, кричитъ: коня!
Въ девять рыщетъ по трущобамъ,
Ищетъ нужнаго дѣльца,
Въ десять — шествуетъ за гробомъ
Сановитаго лица;
До двѣнадцати — въ передняхъ
У вліятельныхъ господъ,
Въ часъ—въ пріютѣ малолѣтнихъ,
Гдѣ молебенъ и отчетъ.
Въ два—за завтракомъ съ кокоткой
(Онъ—кокотокъ первый другъ),
Съ трехъ—на биржѣ... День короткой —
Пообѣдать недосугъ!
Вечеръ: два, три комитета,
Оперетка и балетъ
И у дамы полусвѣта
За рулеткой — дня разсвѣтъ!

Тише!.. новый гость явился;
Всѣ вскочили, самъ баронъ
Клоппенгорстъ предъ нимъ склонился,
Подалъ руку... Кто же онъ?

Кто онъ? Дѣйствуя практически,
Я обязанъ умолчать,
Но могу аллегорически
Пѣтухомъ его назвать.
Нѣтъ вѣрнѣе аттестаціи:
Золото клюетъ —

Возвращаетъ... ассигнаціи!
Плавно онъ идетъ
Съ видомъ скромнаго достоинства.
Словно предъ вождемъ
Дрессированное воинство,
Смолкло все кругомъ...

Поздоровался съ Саввой Степанычемъ,
Крѣпко палецъ Зацѣпѣ сдавилъ,
Пошутилъ съ Эдуардомъ Иванычемъ:
«У! какъ блѣденъ! Опять пошалилъ?»

— «Испугался проекта Дерницына:
Объ общественной пользѣ поетъ,
А въ душѣ — идеалы Плотицына!
Зазѣвайся — . . . . . .»

А затѣмъ, неизвѣстность полнѣйшая!
Къ сожалѣнью, бесѣда дальнѣйшая
Шла въ полголоса... «Время на балъ!»
Уходя, незнакомецъ сказалъ.

Къ счастью, онъ вернулся снова,
На минуту сѣлъ,
И тогда четыре слова
Я поймать успѣлъ.
«Нужно выждать двѣ недѣли»,
Саввѣ онъ сказалъ:
«Нужно выждать: не созрѣли...»
И, допивъ бокалъ,
Вышелъ...

Эксъ-писатель блѣднолицый
Появился Пьеръ Кульковъ;
Былъ онъ долго заграницей
По комиссіямъ дѣльцовъ
И друзьямъ поклонъ собрата
Изъ Италіи привезъ.
Вожделѣній плутократа,
Такъ сказать, апоѳеозъ
Совмѣщалъ въ себѣ фонъ-Руге:

Ухвативъ громадный кушъ,
Онъ ушелъ—на свѣтломъ югѣ
Отдыхать. «Великій мужъ!»
Говорятъ ему витіи:
«Не пугайся клеветы!
Предпріимчивость Россіи
На такія высоты
Ты вознесъ, что миліарда
Увезеннаго не жаль!..»
Не безъ чувства и азарта,
Устремляя очи въ даль,
Разсказалъ туристъ свиданье
Съ удалившимся дѣльцомъ;
Было общее молчанье,
Пѣлъ разскащикъ соловьемъ:

Я посѣтилъ отшельника Севильи,
На виллу Миртъ хотѣлось мнѣ взглянуть;
Предъ ней поэтъ преклонится — въ безсильи
Вообразить прекраснѣй что нибудь!

Изъ мрамора каррарскаго колоны,
На потолкахъ сибирскій малахитъ,
И въ воздухѣ висящіе балконы,
И съ одного — въ Европѣ лучшій видъ!

Тамъ онъ любилъ сидѣть послѣ обѣда
И нѣсколько тревожился лишь тѣмъ,
Что тотъ же видъ доступенъ для сосѣда;
Его девизъ: я не дѣлюсь ни съ кѣмъ!

Онъ этимъ былъ глубоко опечаленъ
И, наконецъ, сосѣда побѣдилъ:
Настроилъ онъ искуственныхъ развалинъ
И чудный видъ сосѣду заградилъ!..

Весь подъ шатромъ навѣсовъ виноградныхъ
Шелъ путь къ нему извилистой тропой;
Не пожалѣвъ расходовъ безпощадныхъ,
Онъ срылъ сады — и сдѣлалъ путь прямой!

Такъ онъ живетъ, такъ тратитъ онъ доходы,
Всѣмъ жертвуя комфорту своему...

*

Кругомъ цвѣты... искуственныя воды...
Его оркестръ обходится ему

Въ огромный кушъ. Устроивъ родъ престола,
Уходитъ онъ въ свой музыкальный залъ,
И, такъ сказать, оркестру внемлетъ *solo*,
Вотъ жизнь его... вотъ жизни идеалъ!..

«По такому идеалу
Можетъ только жить — кретинъ!»
Вдругъ сказалъ вошедшій въ залу
Незадолго господинъ.
(Сумасшедшій или геній?
Возникалъ въ умѣ вопросъ,
Послѣ краткихъ наблюденій
Надъ вошедшимъ): «Онъ унесъ
Изъ Россіи миліоны
И, построивъ пышный гробъ,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственныхъ особъ
Онъ разсчитывалъ, сгарая
Честолюбіемъ... Увы!
Ѣдутъ мимо, не склоняя
Передъ Руге головы!
У него въ груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте почему?
Передъ боемъ франко-прусскимъ
Переписывался онъ
Съ императоромъ французскимъ,
За серебрянный мильонъ
Титулъ герцога — я слышалъ —
Ужь совсѣмъ приторговалъ...
Вдругъ скандалъ седанскій вышелъ —
Продавецъ банкротомъ сталъ!
И теперь о томъ героѣ
(Не забавный ли пассажъ?)
Въ цѣломъ мірѣ плачутъ трое —
Сынъ, жена... да Руге нашъ!

Пожалѣй честнàя публика!
Гдѣ купить высокій санъ?
Ужь во Франціи — республика!
Титловъ нѣтъ у англичанъ
На продажу... а Германія?..
Онъ и такъ—нѣмецкій фонъ...
Таковы его страданія...
Гдѣ же счастье?.. Дурень онъ!

Дайте мнѣ его мильоны,
Я бы имъ протеръ глаза!
Не висячіе балконы —
Я бы создалъ чудеса!
Петръ Великій въ Сестербекѣ
Портъ громадный замышлялъ;
Здѣсь въ великомъ человѣкѣ
Геній видимо дремалъ,
Но и въ маломъ человѣчкѣ
Онъ не дремлетъ иногда:
Нуженъ портъ... *на Чорной рѣчкѣ*!
Вотъ идея, господа!
Всѣ другіе планы къ чорту!
Составляйте капиталъ:
Смѣло строй дорогу къ порту
И веди къ нему каналъ!
Подойдутъ вагонъ и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Какъ маякъ, горящій ярко,
Будетъ портъ мой на Руси!
Я ужь рельсы далъ дорогамъ,
Я войскамъ оружье далъ...
Въ новый путь иду я съ Богомъ...
Составляйте капиталъ!
Съ деньгами, съ геніемъ
Чуднымъ движеніемъ
Русь оживимъ.
Море Балтійское,
Море Каспійское
Соединимъ!
Вотъ занятіе! вотъ дѣло!
Можно душу положить!
Ненавижу нѣжить тѣло,
Нервы праздностью томить.

Ужъ давно я былъ бы Крезомъ,
Могъ бы лавры пожинать,
Но безпошлиннымъ желѣзомъ
Не хочу я торговать.
Металическихъ заводовъ
Съ пивоваренным котломъ
Я не строю для доходовъ...
Наживаться воровствомъ
Сродно подлому холопу!
Цѣль моя: къ окну въ Европу,
Что̀ прорублено Петромъ,
Вѣковой пристроить домъ!

(*Уходитъ быстро и съ эффектомъ, еще въ комнатѣ надѣвъ шляпу*).

Голосъ князя Ивана.

Появился метеоромъ,
Метеоромъ — и пропалъ!
Никогда онъ не былъ воромъ,
А людей съ сумой пускалъ.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штатъ удвоить скоро.
Въ день до тысячи рублей
Платитъ онъ однихъ процентовъ.
То-то жизнь! топи каминъ
Грудой старыхъ документовъ
Да на новыхъ ставь: *Ладьинъ*.
А въ стяжаніи не грѣшенъ,
Самъ послѣднее отдастъ...

Чье-то замѣчаніе:

Но зато вѣдь онъ помѣшанъ?

Голосъ князя Ивана.

Нѣтъ, большой энтузіастъ!
Занимая всюду деньги
И *простроить* ихъ спѣша,
Ищетъ онъ по *шапкѣ Сеньки*...
Идеальная душа!..

Въ лѣтній день, у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждетъ...
Духовенство шествуетъ сначала,
А за нимъ комиссія идетъ:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! въ дали запѣли бурлаки!
Но они не тощи, какъ скелеты,
На подборъ красавцы-мужики,
«Въ шелковыхъ рубахахъ!» шепчутъ бабы.
— Глянь: и Савва!» гаркнула толпа:
Съ деревянной ложкою у шляпы
И съ желѣзнымъ гребнемъ у пупа,
Самъ купецъ-подрядчикъ бичевою
Тянетъ барку... Къ пристани пришли...
Отслуживъ молебенъ чередою,
Пировать въ палатку побрели.

Въ торжествѣ открытія канала
Самъ министръ участье принималъ,
Но не струсилъ Саввушка ни мало —
Рѣчь его сіятельству сказалъ!
Былъ тогда вельможа этотъ въ силѣ,
Затѣвалъ громадныя дѣла...
Эта рѣчь «въ народномъ, русскомъ стилѣ»
Миліоны Саввѣ принесла.
Нынче онъ... да словомъ: нѣтъ другого!
Савву надо въ лѣтописи внесть:
Савву Богъ сподобилъ *даромъ слова*
На Руси богатство пріобрѣсть!

Но, начавъ карьеру бичевою,
Любитъ онъ простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напѣваетъ пѣсню бурлака,
Ту, что̀ пѣлъ когда-то на каналѣ...
Выпивъ тостъ за «братьевъ мужиковъ»,
Онъ запѣлъ... что̀ было русскихъ въ залѣ
Подошли — и стройный хоръ готовъ:

ВЪ-ГОРУ!

(Бурлацкая пѣсня).

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужь лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъёмъ!
Ухнемъ! напремъ!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Хлѣбушка дай!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денёкъ!
Эка жара!
Камушка! сколько мы слезъ въ тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?
Денежекъ дай!
Бросили домъ,
Малыхъ ребятъ...
Ухнемъ, напремъ!..
Кости трещшатъ!
На печь бы лечь
Зиму проспать,
Лѣтомъ утечь
Съ бабой гулять!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денёкъ!
Эка жара!
Ухни ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Нѣтъ тѣ конца!..
Эдакъ бы впрячь

Въ лямку купца —
Легъ бы богачъ!..
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денёкъ!
Эка жара!
Эй! вѣтерокъ!
Дуй посильнѣй!
Намъ хоть часокъ
Дай повольнѣй!..

Два три подрядчика съ дѣдушкой Саввой
Въ пѣніе душу кладутъ;
Спой такъ пѣвецъ — наградили бы славой!
За̀-сердце звуки берутъ.
Что̀-жь это, Господи! Всѣхъ задушевнѣй
Шкурина голосъ звучитъ!
Вѣетъ лѣсами, рѣкою, деревней,
Русской истомой томитъ!
Все въ этой пѣсни: тупое терпѣніе,
Долгое рабство, укоръ...
Чуть и меня не привелъ въ умиленіе
Этотъ разбойничій хоръ!..

ЭПИЛОГЪ.

«Я — воръ!» вдругъ громко прозвучалъ
Какой-то голосъ изступленный.
По залѣ шопотъ пробѣжалъ
И смолкъ. Глубоко-удивленный,
Плотнѣе къ двери я приникъ:
Изнеможенный и печальный,
Передъ столомъ сидѣлъ старикъ...
Ужель Зацѣпа геніальный?
Да̀, вѣрно! Блѣденъ, какъ мертвецъ,
Въ очахъ глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И, наконецъ —
Неудержимое рыданье!

Князь Иванъ.

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядемъ лучше въ домино.
Постороннему — обидно,
А друзьямъ твоимъ — смѣшно!
Ты подобенъ той гетерѣ,
Что̀ на склонѣ блудныхъ дней
Горько плачетъ о потерѣ
Добродѣтели своей!
Не воротится невинность,
Ка̀къ глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь насъ уйти!

Ушелъ Эфруси, важный грекъ,
Кивнувъ собранью величаво...
«Куда же вы?» воскликнулъ Савва:
«Зацѣпинъ—умный человѣкъ,
Но человѣкъ немного странный:
Впадаетъ онъ, напившись пьянъ,
Какъ древлѣ Грозный Іоаннъ,
Въ какой-то паѳосъ покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдетъ,
И завтра-жь — побожиться смѣю —
Великій умъ изобрѣтетъ
Золотоносную идею!
Какъ подъ дождемъ цвѣты ростутъ
Сильнѣй — прибавилъ онъ къ евреямъ —
Такъ эти бури придаютъ
На-утро блескъ его идеямъ!..»

Зацѣпинъ.

Я — воръ! Я—рыцарь шайки той
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что̀ исповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!
Гдѣ сплошь да рядомъ—видитъ Богъ!—
Лежатъ въ основѣ состоянья

Два-три фальшивыхъ завѣщанья,
Убійство, кража и поджогъ!
Гдѣ позабудь покой и сонъ,
Добычу зорко карауля,
Гдѣ въ результатѣ — миліонъ
Или коническая пуля!

Какъ огорошенные градомъ,
Ушли остзейскіе тузы,
Жиды вскочили... стали рядомъ...
«Куда? Сейчасъ—конецъ грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздухъ душенъ сталъ...
Зацѣпа рвалъ рубашку съ шеи
И истерически рыдалъ...

Князь Иванъ.

На миліонъ согрѣша,
На миліарды тоскуетъ!
То-то святая душа!
Что̀ же сей сонъ знаменуетъ?

Бѣдный Зацѣпа — поэтъ,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нѣтъ.
Ка̀къ ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдемъ!
Нынче твердитъ и бородка:
«Американскій пріемъ»,
«Великорусская смѣтка!»

Грошъ у новѣйшихъ господъ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскуетъ лишь тотъ,
Кто не укралъ миліона.

Бредитъ Америкой Русь,
Къ ней тяготѣя сердечно...

Шуйско-Ивановскій гусь —
Американецъ?.. Конечно!

Что ни попадо — тащатъ,
«Нашъ идеалъ» — говорятъ —
«За-атлантическій братъ:
«Богъ его—тоже вѣдь долларъ!..»

Правда! но разница въ томъ:
Богъ его — долларъ, добытый трудомъ,
А не украденный долларъ!

Зацѣпинъ.

Къ религіи наклонность я питалъ,
Мечталъ носить желѣзныя вериги,
А кончилъ тѣмъ, что утверждалъ
Завѣдомо подчищенныя книги...
(*Рыдаетъ*).

Князь Иванъ.

Ты книги подчистилъ? и только!
Уйми щекотливую честь!
Ахъ! еслибъ всѣ выпили столько,
Не то услыхали бъ мы здѣсь!

Тернисты пути совершенства
И Русь помѣшалась на томъ:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратнымъ путемъ?

Позорныя пятна на чести,
Торжественный, крупный скандалъ
И тысячъ четыреста... двѣсти
Въ итогѣ — вотъ нашъ идеалъ!

Тебя угнетаетъ сознанье,
Что шатко общественный крестъ
Ты несъ, получая даянье
Съ пятнадцати прибыльныхъ мѣстъ?

Утѣшься! Подъ жертвою крупной
Таится подходъ къ грабежу,

Подъ маской добра неприступной
Холодный расчетъ докажу!

Завидуешь доблестямъ мужа,
Что̀ нѣсколько разъ устоялъ,
И, плутни другихъ обнаружа,
Копеечки самъ не укралъ?

Гонитель воровъ безпощадный,
Блистающій честностью мужъ
Ждетъ случая хапнуть громадный,
Приличный амбиціи кушъ!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сброситъ съ лица...
Утѣшься! *Блаженство паденья* —
Конечная цѣль мудреца!..

Рѣдѣла дружная семья,
Поочередно подходили
Къ Зацѣпѣ вѣрные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрѣшенъ только Богъ,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Отвѣтъ: рыданье, тяжкій вздохъ
Или язвительное слово!

Тронутъ ближняго несчастьемъ,
Милiонщикъ-мукомолъ
Къ удрученному съ участьемъ
И съ совѣтомъ подошелъ:
«Чтобы совѣсть успокоить,
Поговѣй-ка ты постомъ,
Да ссвѣтую устроить
Богадельный домъ.
Передъ ризницей святою
Въ ночь лампадки зажигай,
Да получше, безъ отстою,
Масло наливай!»

Подошелъ и Ѳедоръ Шкуринъ.
— Прочь! не подходи!
Вмѣсто сердца, грошъ фальшивый
У тебя въ груди!

Ты ребенкомъ дралъ щетину
Изъ живыхъ свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Изъ живыхъ людей!»

Шкуринъ голову повѣсилъ,
«Тыкъ-съ!» пробормоталъ...
Князь Иванъ одинъ былъ веселъ,
«Браво!» онъ сказалъ.

Друженъ былъ старикъ съ Зацѣпой,
Онъ къ нему подсѣлъ —
Укротить порывъ свирѣпой
Въ свой чередъ хотѣлъ...

Князь Иванъ.

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль черезъ-чуръ венгерскаго хлѣбнулъ!
Кто не мечталъ... и кто не оказался
Отступникомъ? Кто круто не свернулъ
Съ прямыхъ путей — по волѣ... по неволѣ?..
Припомнимъ-ка товарищей по школѣ:

Окончивъ курсъ, на лекціи студентамъ
Ученый Швабсъ съ энергіей внушалъ
Любовь къ труду, презрѣніе къ процентамъ,
Громя тарифъ, налоги, капиталъ,
Сочувственно ему внимали классы...
А нынѣ онъ—директоръ ссудной кассы...

«Судья лишь тотъ, кто Богу самъ негрѣшенъ,
А мой принципъ—прощенье и любовь!»
Говаривалъ Володя Перелѣшинъ:
«Кто низко палъ—воспрянуть можетъ вновь,
«Не бичевать, жалѣть должны мы вора...»
А нынѣ онъ—товарищъ прокурора...

Графъ Твердышовъ... ужь онъ ли надъ Россіей,
Надъ мужичкомъ голоднымъ не грустилъ?
А кончилъ тѣмъ, что съ земской гарантіей
По пустырямъ дорогу проложилъ
И съ помощью не нужной той дороги
Отяготилъ крестьянскіе налоги...

Зацѣпинъ (*внезапно вскакиваетъ*).

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужь лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое!

Князь Иванъ.

Эхъ, ты! не кстати перервалъ!
Шумитъ, какъ угли въ самоварѣ!
А я бы вѣрно перебралъ
Весь Петербургъ: я былъ въ ударѣ!

Зацѣпинъ.

Горе! горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?
Охъ! горька твоя судьбина
Русская земля!
У мужицкаго алтына,
У дворянскаго рубля
Плутократъ, какъ караульный,
Станетъ на часахъ,
И пойдетъ грабежъ огульной
И—случится крррахъ!

Онъ осушилъ стаканъ воды,
Порывы грусти тише стали;
Не уходившіе жиды
Его почти не понимали;

Они подумали, что онъ
Свершилъ въ Россіи преступленье,
Укравъ казенный миліонъ,
И—предложили наставленье.

Еврейская мелодія.

Денежки есть—нѣтъ бѣды,
Денежки есть—нѣтъ опасности—
(Такъ говорили жиды,
Слогъ я исправилъ для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолѣйте истерику.
Вы намъ продайте пай,
Деньги пошлите въ Америку.
Вы разсчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слухъ о болѣзни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Одѣньтесь тепло.
Вы до Кронштата на катерѣ,
Вы на корабль... подъ крыло
Къ насей финансовой матери [1].
Денежки—добрый товаръ—
Вы поселяйтесь на жительство
Гдѣ недостанетъ правительство,
И поживайте какъ—*царръ*!..

Зацѣпинъ.

Прочь! гнушаюсь вашихъ узъ!..
Проклинаю процвѣтающій,
Все-берущій, все-хватающій,
Все-ворующій союзъ!..

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонидъ
Съ послѣднимъ словомъ увѣщанья
Передъ Зацѣпинымъ стоитъ.

---

[1] Англія.

Леонидъ.

Явленье—строго говоря —
Не ново съ русскими великими умами:
Съ Ивана Грознаго царя
До переписки Гоголя съ друзьями,
Самобичующій протестъ —
Россійскихъ гражданъ достоянье!
Его, какъ ржа желѣзо, ѣстъ
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь въ Россіи невозможна...
Мы искалечены безбожно
И развѣ наша въ томъ вина?

(*Пауза. Ораторъ всматривается въ лицо Зацѣпы, наблюдая впечатлѣніе своей рѣчи. Зацѣпинъ закрываетъ глаза*).

Русской души не понять иновѣрцу...
Пусть онъ бичуетъ себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нѣтъ въ покаяньи стыда.
Что̀ за нелѣпость—крестьянинъ не сѣченый?
Нѐчѣмъ тутъ хвастать, а лучше молчать:
Темныя пятна души изувѣченной
Русскому глупо скрывать,
Неисчислимы орудья клеймящія!
Если кого не коснулись они,
Это—не Руси сыны настоящіе,
Это—уроды! Куда ни взгляни
Все подъ гребенку подстрижено,
Сбито съ прямого пути,
Неотразимо обижено...
Гдѣ же спасенье найти?
Гдѣ? «Въ миліонахъ!» такъ жизнь подсказала,
Геній достигнуть помогъ...
Горе одно: онъ убить идеала
Въ сердцѣ прекрасномъ не могъ...
О, роковая судебъ неизбѣжность!
Въ практикѣ—строгій дѣлецъ,
Голубь въ душѣ—благородство и нѣжность!..
Вотъ его драма... Уснулъ, наконецъ...

(*Пауза. Ораторъ снова всматривается въ лицо Зацѣпы, сидящаго съ закрытыми глазами, и продолжаетъ болѣе развязнымъ тономъ*).

Ужь лучше бить, чѣмъ битымъ быть,
Ужь лучше ѣсть арбузы, чѣмъ солому...
Созналъ ты эту аксіому?
Такъ, стало, не о чемъ тужить!
Знай свой шестокъ и дань плати культурѣ!
На Западѣ—Мишле, Эдгаръ Кинѐ,
Овсянниковъ—въ родной твоей странѣ
Явленья—вѣрныя натурѣ!
И то ужь хорошо, что выигралъ ты бой...
Толпа идетъ избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но намъ даны иные аппетиты...
О, Господи! Удвой желудокъ мой!
Утрой гортань! учетвери мой разумъ!
Дай ножницы такія изобрѣсть,
Чтобъ цѣлый міръ остричь въ плотную разомъ —
Вотъ русская незыблемая честь!..
(*Зацѣпинъ кидается къ Леониду съ кулаками, его удерживаютъ*).

Князь Иванъ.

Дай венгерскаго старѣйшаго!
Дружно тостъ провозгласимъ:
«За философа новѣйшаго!»
Вы—мальчишки передъ нимъ!
Ничего не будетъ новаго,
Если завтра у него
На спинѣ туза бубноваго
Мы увидимъ... ничего!
Но гораздо вѣроятнѣе,
Что его карьера ждетъ
Деликатнѣе, опрятнѣе...
Миліоны наживетъ!

Савва (*хлопоча между тѣмъ около Зацѣпы, говоритъ вполголоса*).

Опомнись, Гриша! что̀ съ тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Не хорошо! Уйди домой
И тамъ бѣснуйся сколько хочешь.
Или ты выгоднымъ нашелъ
Пустить молву между врагами,

Что состоянье пріобрѣлъ
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сынъ...
Услышитъ...

Защѣпинъ.

У меня нѣтъ сына...
(*Бросаетъ Саввѣ телеграмму*).

Савва (*читаетъ*).

«Сегодня умеръ Константинъ».
Такъ вотъ разгадка! вотъ причина!
Недаромъ онъ съ утра ходилъ
Угрюмъ и золъ, въ хандрѣ глубокой,
Недаромъ такъ безумно пилъ...
Ударъ, дѣйствительно, жестокій!..

Гриша—обращикъ широкихъ натуръ —
Съ молоду въ крайности дерзко бросался,
То миліоновъ желалъ самодуръ,
То въ монастырь запереться сбирался.
И богомолецъ, и ротмистръ лихой,
И хлѣбосолъ—предводитель дворянства,
Сталъ онъ со временемъ тузъ откупной—
Эксплуататоръ народнаго пьянства.
Откупъ рѣшили; герой не хотѣлъ
Праздно сидѣть на своемъ капиталѣ
И провалился—по новости дѣлъ...
Многіе такъ провалились въ началѣ.
Бывшій гусаръ, зарядивъ пистолетъ,
Дерзко на биржѣ сыгралъ на остатки —
Вывезло счастье!.. Увѣровалъ свѣтъ
Въ геній Зацѣпы... Постигнувъ порядки
Новой эпохи, и онъ не дремалъ:
Счастливо, нѣтъ ли, на биржѣ играя,
Давнія связи Зацѣпа скрѣплялъ,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободныя» взять у друзей
И возвратить съ дивидендомъ высокимъ—

Чудное средство для скрѣпы связей!
Гриша прослылъ финансистомъ глубокимъ.
Стали къ нему, какъ ручьи въ океанъ,
Тайныя нити успѣха стекаться,
Мысль озарила—несн къ нему планъ,
А безъ Зацѣпы не смѣй и соваться...

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ—
Сдѣлано слишкомъ ужь дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ:
«Правда ли?» «Правда ли?» юноша смѣло,
Сыплетъ вопросы—и нѣтъ имъ конца;
Вспыхнула ссора. Зацѣпа сбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Въ тайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
«Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«*Воромъ отца обозвали при немъ*»...
Черныя мысли отцомъ овладѣли,
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...
Какъ ни крѣпился старикъ—не стерпѣлъ
И разыгралась во-очію драма...

Князь острилъ, бурлилъ Зацѣпа,
Леонидъ не уходилъ,
Онъ посматривалъ свирѣпо
Да съ азартомъ соду пилъ.
Савва—честь ему и слава!—
«Сядемъ въ горку!» вдругъ сказалъ.
Столъ раскрытъ—пошла забава,
Что̀ ни ставка—капиталъ!
Разсчиталъ недурно Савва:
И Зацѣпинъ къ нимъ подсталъ.

Н. Некрасовъ.

НА ВЕЧЕРѢ.

(изъ записной книжки).

Лѣтъ десять назадъ...

Страхъ какъ давно. Спросишь кого-нибудь изъ *своихъ*, тогдашнихъ—всѣ стали какіе-то безпамятные. Пожалуй, еще помнятъ факты, но кàкъ они принимались, кàкъ понимались, но ощущеніе этого волновавшаго прошедшаго, трепетъ прошлыхъ надеждъ, пылъ прошлаго негодованія—куда все дѣвалось? Годъ за годомъ, и, растеривая воспоминанія, оставляя тупѣть впечатлѣнія, пожалуй, дойдемъ до того, что станемъ себя спрашивать: да, полно, было ли чтò нибудь?.. Говорятъ, забвеніе въ порядкѣ вещей, въ законѣ природы; десять лѣтъ—мало-ли воды утечетъ?..

Вѣрно. Къ тому-жь и половодье было немаленькое. Но—мнѣ упрямо такъ кажется—тò, чтò оно смыло, было лучше того, чтò оно оставило. Я все помню.

Иногда мнѣ вспоминаются и не одни *наши*. Въ противоположностяхъ, въ противорѣчіяхъ тому, чтò было и осталось мнѣ дорого, я ищу объясненія неудачамъ, перемѣнамъ, забвенію. Въ прошедшемъ, на разстояніи, это виднѣе... Мнѣ вспоминаются мелочи, разговоры, обстановка; многое съ вида невинно, многое глупо, вообще все пустовато; но мелочи не разъ разыгрывали съ людьми дурныя шутки. Занятые своимъ дѣломъ и своей мыслью, мы идемъ, не обращая вниманія на то, чтò лежитъ по сторонамъ, мелкое, ничтожное; вдругъ, глядишь—оно шевельнулось и встало. Мы замѣчаемъ, что встало чтò-то враждебное, но все спокойно, все отважно презираемъ и продолжаемъ идти, покуда это ничтожное выростетъ въ чудище и станетъ поперекъ дороги. И

не одно: оно умѣетъ найти, подкликать, изъ земли достать себѣ помощниковъ. Тогда разгоняй ихъ, бейся съ ними, пропадай, или пристань къ нимъ, забывая куда шелъ, зачѣмъ шелъ, чему вѣрилъ и чѣмъ былъ... Оттого я и боюсь мелочей; оттого, можетъ быть, я къ нимъ и присматриваюсь: сначала—ничего, смѣшно, презрѣнно, а въ сложности, со временемъ—кто знаетъ, что̀ изъ нихъ выйдетъ...

Лѣтъ десять назадъ со мной случилось большое горе; пришлось на нѣсколько времени покинуть свой уголъ и переселиться въ Петербургъ. Въ первыя недѣли я еще не оглядѣлся, не принялся ни за что̀ и потому много терялъ времени. Личное тяжелое чувство не заглушалось никакимъ занятіемъ—напротивъ: отъ него всякое занятіе дѣлалось противно, и являлось какое-то отчаянное желаніе совсѣмъ терять свои дни. Утро пропадало и отъ петербургской темноты, въ которую не хочется просыпаться, и отъ мелкихъ помѣхъ, которыя забираютъ не много часовъ, но туманятъ голову на вдвое больше. Вечеръ и подавно не было возможности оставаться одному съ самимъ собою. Пустой день не приготовилъ думать и заниматься; чтеніе не увлекаетъ: что-то постороннее, несвязное заслоняетъ строки; собственное горе тѣснитъ мысль; становится скучно отъ самого себя и стыдно за себя, и вдругъ озаряетъ соображеніе—что, можетъ быть, на людяхъ будетъ легче. Я и убѣгалъ въ люди, конечно, для того, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ убѣдиться, что великолѣпное озарившее меня соображеніе было—глупость.

Однако, я часто ей поддавался. Я тратилъ время, спрашивая себя—къ чему его беречь? Чтобы меня образумить, нужно было бы подставить мнѣ обстоятельства, въ которыхъ я могъ бы, очевидно, признать свою полезность, дать мнѣ какое-нибудь спѣшное дѣло или хоть вложить въ меня столько самолюбія, чтобъ я могъ сколько-нибудь быть довольнымъ собою. Ничего подобнаго не случалось, и я жилъ день за день, желая одного, чтобъ ихъ проходило какъ можно больше... Я рѣдко видалъ своихъ друзей. Съ ними мнѣ было тяжелѣе. Занятые дѣломъ, занятые *общимъ*, они, хотя сочувственно, но какъ-то слишкомъ рѣшительно дотрогивались до моей *частной* печали, и мнѣ дѣлалось больнѣе. Именно, въ ихъ кружкѣ мнѣ становилось замѣтнѣе, чего мнѣ не доставало, чьего голоса я не слышалъ, чья рука мнѣ не протягивалась. Я отчаянно бѣжалъ отъ *своихъ* и бросался совсѣмъ въ противоположность, въ пустоту, гдѣ, по крайней мѣрѣ, ничто ничего не напоминало...

Замѣтивъ, что свѣтскіе разговоры одуряютъ до усталости, а отъ усталости крѣпче спится, я посѣщалъ свѣтскихъ знакомыхъ, которыхъ-было оставилъ. Я погубилъ нѣсколько вечеровъ и въ театрѣ, хотя положительно его не люблю и во всю жизнь едва припомню два-три спектакля, которые меня удовлетворили. Я слушалъ, какъ хохотала публика и, забывая піесу, покуда смотрѣлъ ее, спрашивалъ себя—чему хохочутъ? Вопросы въ родѣ этого я дѣлалъ себѣ и въ нарядныхъ салонахъ, но тамъ приходилось быть повнимательнѣе, хотя бы для того, чтобъ самому не сдѣлаться предметомъ развлеченія. Мое появленіе тамъ сначала какъ будто удивило: я былъ пришлый, человѣкъ другого кружка—это знали. Въ свою очередь, я зналъ, что всякое слово не въ тонѣ и духѣ салоновъ будетъ подхвачено и перетолковано, и, не желая доставлять имъ этого занятія, ограничивался самыми безцвѣтными разговорами. Мнѣ было все равно—считаютъ меня или не считаютъ пріятнымъ гостемъ; мнѣ было нужно только гдѣ нибудь тратить время. Молча, я смотрѣлъ на общество, сравнивая, на сколько оно перемѣнилось противъ того, какъ я его предъ тѣмъ видѣлъ.

Оно очень перемѣнилось. Если хорошее расположеніе духа есть признакъ счастья—салоны были когда-то совершенно счастливы: тамъ хорошее расположеніе духа было даже обязательно, какъ приличіе. Тамъ были довольны всѣмъ, что̀ совершалось въ мірѣ; его прошедшая и настоящая исторія имѣла значеніе туманныхъ картинъ, вызывающихъ мимолетныя улыбки и еще болѣе мимолетные вздохи; насущные, роковые вопросы обсуждались, какъ что̀-то покончeнное за нѣсколько вѣковъ назадъ; живое дѣлалось такой отвлеченностью, что казалось почти странно, невозможно напомнить хоть словомъ о массѣ человѣческихъ жизней, стоящей за этой великолѣпной занавѣсью соображеній, и, вообще, рѣчь о подобныхъ предметахъ заходила рѣдко. Теперь обо всемъ говорили очень много; никто не былъ забытъ и ничто не было забыто; на всѣ вопросы смотрѣли прямо, дѣйствительность была во всемъ; все факты, все цифры; безстрастно высчитывались жертвы и произносились приговоры, неудачи осмѣивались даже весело. Но минутами являлось недоумѣніе, даже страннѣе прежняго: казалось, будто эти все знающіе, все рѣшающіе люди не увѣрены—уже не только въ томъ, что̀ они говорятъ, а просто, неувѣрены, сами ли они говорятъ это...

Съ другой стороны, не смотря на законъ о расположеніи духа, общество было не оживлено, оно становилось не любезно. Les à propos, les fines reparties, которыми оно прежде услаждалось, дѣлались все рѣже или, такъ сказать, исчезалъ букетъ ихъ;

отходящее поколѣніе—кто замолкалъ, кто повторялся, а новое—или не выучилось, или было грубо, не тѣмъ занято. Неизвѣстно, чѣмъ оно занималось; не видно было, чтобы свѣтскіе молодые люди дѣлали что нибудь больше своихъ отцовъ, но они, положительно, были не такъ любезны. Женщины—тоже. Старыя grandes dames сходили со сцены и примолкали; молодыя были какъ-то торопливо привлекательны и не обѣщали съ годами сдѣлаться des grandes dames; въ ихъ величавости какъ будто недоставало вѣса, ихъ кокетство было слишкомъ снисходительно; онѣ были смѣлы, но не рѣшительны; онѣ сочиняли себѣ жизнь, но не жили, какъ ихъ матери, а еще менѣе, какъ ихъ бабушки; онѣ какъ-то скоро давали разгадать себя и не внушали страха... Вообще, какъ будто проходила пора этого «начала премудрости»—страха предъ grandes dames, какъ и предъ прочими сильными міра. Точно, какъ будто ихъ обступило что-то такое, изъ-за чего не такъ виднѣлись ихъ высокія прически и высоко поднятыя плечи, не такъ звучно раздавались ихъ голоса, привычные къ простору. Точно будто и для нихъ наставало «начало премудрости», и онѣ умѣряли отвагу, примолкали съ своими fines reparties, прислушивались, примѣнялись, заговаривали о «дѣлѣ и убѣжденіяхъ»... Это выходило забавно, особенно, когда такое непривычное стѣсненіе ихъ вдругъ одолѣвало и онѣ силились опять очаровать, презрѣть, устрашить, подняться во весь ростъ...

Онѣ притихали не даромъ. Тогда складывалась жизнь по новому, вѣяло свѣжимъ, рѣзкимъ воздухомъ, гибельнымъ для всякаго тлѣнія; вставала тихая, прочная, суровая и полная достоинства сила мысли, справедливости и труда, которую отрицать было невозможно, запугать трудно, передъ которой было неловко хитрить и играть въ убѣжденія, потому что, прощая многое, этой игры она не прощала... Это безпокоило, это грозило—хуже: это какъ-то внутренно смущало. Чтобъ удержать свои улетающіе смѣхи и радости, обитателямъ нарядныхъ салоновъ оставалось или завѣдомо отвращать глаза отъ этого новаго склада, или наивно, съ заботой, равняющейся заботамъ свѣтскихъ людей о своемъ здоровьи, стараться сохранить себя въ блаженномъ невѣдѣніи. Это было мудрено, но дѣлалось. Было легче, признавъ существованіе людей другого склада, не удостоивать узнавать ихъ ближе, относиться къ нимъ съ соболѣзнованіемъ, съ спокойно-презрительной брезгливостью, въ минуты нервнаго разстройства—вѣрить о нихъ всякимъ сказочнымъ ужасамъ, а подъ веселый часъ—цинически смѣяться... Случалось, что салоны бывали и правы въ своихъ осужденіяхъ: какой кружокъ не имѣетъ своихъ недостойныхъ, которые ему навязываются, пятнаютъ его, которыхъ онъ

самъ, первый, отвергаетъ? Но салоны этого не разбирали. Напротивъ, чѣмъ безобразнѣе и грязнѣе были слухи и выдумки, тѣмъ охотнѣе общество ихъ принимало: это его успокоивало; очевидныхъ нелѣпостей бояться нечего, но слушать ихъ очень пріятно. Какое счастье! среди самой тревоги, именно въ томъ, что̀ грозило—для салоновъ нашлось новое развлеченіе, новый предметъ для разговора. Имъ стало даже весело.

Убѣдясь въ полной безопасности своего «очага и капитала», но продолжая трепетать за нихъ для вида, для того, чтобы какъ-нибудь не выдать своего тайнаго страха за свою нравственную несостоятельность, скучая отъ своего однообразія, ища развлеченія, общество стало допускать къ себѣ людей новаго склада. Это было любопытно. Разумѣется, требовалась презентабельность.

Теперь, черезъ десятокъ лѣтъ, мнѣ кажется, что это знакомство только вредило признанію новой силы или, по крайней мѣрѣ, его отдаляло. Общество начинало изнывать въ своей дорогой скукѣ, начинало тревожиться. Новые люди принесли ему свой умъ, таланты, поддержали его живучесть, но не переработали его понятій, не передали ему своихъ понятій. Напротивъ, они сами были не поняты. Ихъ возраженія, ка̀къ-бы ни были умѣренны, всегда казались рѣзки и приписывались неумѣнью держаться; ихъ холодное достоинство и молчаніе передъ тѣмъ, что̀ они находили нестоющимъ возраженія—принимались за робость и даже за согласіе. Глядя на этихъ неловкихъ, безмолвныхъ, порядочное общество мечтало, что это — заблудшіе, которыхъ сто̀итъ только чѣмъ-нибудь «обязать», чтобъ они превратились въ воспѣвателей... Предъ другими, за которыми общество по чему-нибудь считало болѣе значенія—общество кокетничало изяществомъ воспитанія или покорнымъ сознаніемъ въ невѣжествѣ, простосердечной добротой, восторженностью чувства, готовностью служить и помогать, жаждой дѣла, раскаяніемъ въ своей пустотѣ и горестью пустоты... Тогда это было вновѣ, и многіе повѣрили. По собственной добротѣ сердца, изъ добросовѣстности, не осуждавшей сразу, отъ надежды на лучшее или отъ недоглядки, этимъ людямъ иногда мерещилось въ нарядномъ обществѣ то̀, что̀ они желали найти; они извиняли, ждали, были ласково снисходительны, а общество веселилось и гордилось, что люди новаго склада признаютъ за нимъ добродѣтели. Въ этой веселости было не мало и злаго торжества, что, вотъ, «les incorruptibles передаются». Такъ и говорилось: «incorruptibles», безъ перевода... Общество, конечно, ошиблось: безмолвные скоро его разглядывали, снисходительные скоро теряли тер-

пѣніе, и въ салонахъ не осталось-бы представителей новаго склада, если-бы не нашлось еще одного вида этой «диковинки».

Это были—какъ ихъ назвать?—потворщики. Приглашая ихъ, салоны едва-ли не въ первый разъ оказались знатоками сердца человѣческаго: эти гости не обманули ожиданій. За то общество обошлось съ ними безъ церемоній, не трудясь выставлять свои добродѣтели; оно просто устроило себѣ изъ нихъ развлеченіе. Эти гости влюбились въ надушонный воздухъ салоновъ, обсидѣлись въ немъ, привыкли къ покойнымъ мѣстечкамъ. Сначала неловкіе, они позволяли себѣ мрачную, желчную шутку, можетъ быть, искренній порывъ недовольства, но, спохватившись, что подобныя вещи не допускаются въ салонахъ, стали шутить надъ собственнымъ недовольствомъ, все еще намекая, что шутятъ не спроста. Ихъ, конечно, не трудились понимать, и нарядное общество (въ большинствѣ женщинъ) весело, привѣтливо смѣялось надъ «человѣконенавистниками», спорило, вызывая новыя выходки, граціозно утѣшало, обѣщая примиреніе съ жизнью, фразировало до умиленія. Положеніе новыхъ гостей начинало дѣлаться пріятнымъ. Было-бы неумѣстно, неприлично, неучтиво платить рѣзкостями за милое вниманіе, омрачать общее настроеніе, быть недовольнымъ во что̀-бы ни стало... И точно-ли есть основаніе для недовольства? Точно-ли то, что̀ предъ глазами (какъ кричатъ *тѣ*, люди другого склада), мелко на чувство, нецеремонно на произволъ, трусливо на дѣло? Точно-ли это заслуживаетъ сарказма? И что̀ такое самый сарказмъ? не просто ли дурная привычка дурнаго тона? Или хуже — неосмысленное выраженіе духа партіи, упрямаго, пристрастнаго и ограниченнаго? Или... Боже избави!—нѣчто въ родѣ вспышки мелкой зависти мелкихъ бѣдняковъ?.. Самолюбіе у всѣхъ бываетъ; у этихъ людей оно еще разрослось отъ постояннаго безпокойства за значеніе ихъ личности въ свѣтлыхъ салонахъ. Едва они вообразили, что выраженіе общечеловѣческаго негодованія можетъ быть принято за мораль басни о лисицѣ и виноградѣ, какъ ихъ дѣло было кончено. Они—какъ говорили сами—рѣшались «добросовѣстно» стать на точку зрѣнія общества и поискать, нѣтъ-ли осадка этой морали въ осужденіяхъ ихъ... увы! *бывшаго* кружка̀. Для этого, въ кружкѣ надо было найти виноватыхъ. Виноватые вездѣ бываютъ. Они были скоро найдены, «добросовѣстно» осуждены, осмѣяны и принесены въ жертву забавѣ нарядного общества. Разскащики, безспорно остроумные, сами повеселѣли отъ веселья, которое они доставили. Можетъ быть, на первыхъ порахъ, имъ еще казалось, что они допускаютъ обвинять слишкомъ многое, дѣлаютъ слишкомъ мало исключеній, что они не-

достаточно опредѣлили границы между тѣмъ, что̀ говорятъ сами, и тѣмъ, что̀, вслѣдствіе ихъ словъ, можетъ взбрести на умъ ихъ празднымъ слушателямъ; можетъ быть, они чувствовали, что предаютъ... но это только на первыхъ порахъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, счастливое нарядное общество совершенно втягивало въ себя ихъ плоть и кровь, ихъ искаженный ѹмъ и растраченное время, и платило, въ самомъ дѣлѣ, пріязнью: кромѣ развлеченія, которое доставляли потворщики, сами бывшіе люди другого кружка̀, люди знающіе, судьи компетентные, своими насмѣшками и обвиненіями подтверждали и подкрѣпляли мнѣнія общества, будто освящали ихъ...

Въ мои скитанія по салонамъ мнѣ случалось встрѣчать такихъ перерожденныхъ; они меня избѣгали. Они казались какими-то жалкими непомнящими родства, которыхъ уличать было даже незабавно. Только съ однимъ изъ нихъ, Репеховскимъ, я провелъ цѣлый вечеръ у m-me Городницкой.

M-me Городницкая была очень хорошенькая, нѣжная, бѣлокурая дамочка, не первой молодости, но какъ разъ той поры, когда еще цѣлы права̀ на желаніе нравиться и уже можно предъявлять права̀ на значеніе; она была лѣтъ десять замужемъ. Ея мужъ былъ богатъ, занималъ почетную, хотя невліятельную должность и много игралъ въ карты. Его почти не бывало видно. На своихъ вечерахъ онъ показывался на минуту, устраивалъ партіи и скрывался вмѣстѣ съ играющими въ свой кабинетъ. Въ гостиной играли только дамы, которыхъ размѣщала хозяйка. Я былъ знакомъ еще прежде. Въ мое первое появленіе, m-me Городницкая приняла меня особенно привѣтливо, съ легкимъ оттѣнкомъ грусти и вмѣстѣ какой-то далекой надежды; какъ-то настоятельно порадовалась, что я «къ нимъ воротился», но не поминала ни о какой перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ или мнѣній. За то она видимо желала, чтобъ я замѣтилъ перемѣну въ ней самой, и даже постаралась мнѣ на нее указать. Проходя мимо играющихъ дамъ, она сказала мнѣ въ полголоса и даже слегка пожавъ плечами:

— Вотъ занятіе!!.

— Какое? спросилъ я.

— Но—карты! Pardon, вы-ли это спрашиваете?

— Почему-же? я самъ играю охотно.

— Не лукавьте... возразила она серьёзно, почти строго.

Я приглядывался: она, въ самомъ дѣлѣ, перемѣнилась. Прежде, m-me Городницкая была образецъ всегда ровнаго, спокойнаго, свѣтлаго расположенія духа. Она понимала, что задуматься, растрогаться — значило спугнуть то настроеніе, которое застав-

ляетъ находить тонкіе отвѣты, легкіе намеки, прелестныя злости, эти цвѣты бесѣды, безъ которыхъ погибаетъ салонъ; она боялась прислушиваться къ чему-нибудь посущественнѣе, хотя-бы это говорилось въ прилично-сглаженномъ и обезцвѣченномъ тонѣ салона: ужасъ! могли предположить, что она берется не за свое дѣло! Она боялась читать даже сколько-нибудь не пустые романы, повторяя, что это выше ея пониманія... Теперь врывался новый воздухъ, являлась новая мода. M-me Городницкая прослышала два новыя слова: «дѣло и убѣжденіе». Что̀ это такое—она не старалась себѣ объяснить, но бросилась за тѣмъ и другимъ. Имѣть убѣжденія было необходимо. Это она узнала изъ двухъ книжекъ, разрѣзанныхъ съ начала, которыя были ей доставлены одною, нѣсколько ранѣе обращенною пріятельницей, получившею ихъ въ такомъ же видѣ отъ молодаго человѣка, неутомимаго̀ танцора, конькобѣжца и наѣздника, о которомъ недавно вдругъ узнали, что онъ необыкновенно много знаетъ. M-me Городницкая не трудилась дальше разрѣзать книжки: если немногія страницы успѣли подѣйствовать на пріятельницу—M-me Городницкая не считала себя менѣе чуткой и менѣе способной на развитіе. Она стала говорить о развитіи. Убѣжденія были готовы, оставалось найти дѣло. Уже болѣе не игнорируя существованія труда, m-me Городницкая откуда-то узнала, что трудъ тяжелъ, и граціозно выражала ему свое сочувствіе, но до такой степени признавала его святость, что строго, какъ истинная новообращенная, требовала, чтобъ люди трудились. Она выказала большую послѣдовательность—внесла свои убѣжденія въ свой собственный домъ, гдѣ сократила число прислуги и завела разные новые порядки. Противъ своего прежняго обыкновенія, она даже разсказала объ этомъ въ своемъ салонѣ, прибавляя, что сдѣлалась très-positive et positiviste и что безобразно и не производительно держать такое множество илотовъ. Она ихъ припомнила... Впрочемъ, такъ поступила не одна m-me Городницкая; вслѣдствіе идей разумной экономіи и нормальнаго распредѣленія труда, всяческое сокращеніе илотовъ доставило нарядным салонамъ не мало «средствъ» и «возможностей». M-me Городницкая была только откровеннѣе другихъ... Наконецъ, она нашла себѣ и дѣло:—«содѣйствіе труду». Это было довольно неопредѣленно, хотя стоило хлопотъ и времени, но времени ей было дѣвать некуда, а хлопоты были названы «заботой» и придавали значеніе—хоть звонкамъ у подъѣзда. Забота разнообразила разговоръ, давала право бывать не въ духѣ, заставляла торопиться, иногда тревожиться, чтобъ не пропустить какого-нибудь удовольствія, а они всѣ такъ прискучили, что не мѣ-

шаетъ ихъ оживлять хоть тревогой. M-me Городницкая содѣйствовала труду, конечно, въ его наименѣе грубой формѣ — въ формѣ искуства. Это доставило знакомство артистовъ въ разныхъ родахъ, которые являлись въ салонѣ, разумѣется, не позднѣе часа пополудни. Тогда m-me Городницкая «работала», то есть, принимала этихъ посѣтителей, между разговоромъ провѣряла хозяйственные счеты, писала рекомендаціи и свои billets de matin, отмѣчала въ особую книжку, кто изъ лицъ ея общества былъ у нея вчера съ визитомъ или обѣдалъ, совѣщалась съ своими fleuristes и brodeuses (это были тоже артистки), пробѣгала «Journal de St.-Pétersbourg» (она ужь не игнорировала политики), перелистывала (рѣдко идя дальше заглавія) брошюру, непремѣнно заграничную, о которой ей предстояло говорить въ теченіе дня. Кончивъ, она одѣвалась, принимала, выѣзжала и такъ далѣе. Вечера она отдыхала отъ труда, на балѣ, въ оперѣ, въ чьемъ-нибудь салонѣ, и разъ въ недѣлю принимала у себя...

Въ тотъ вечеръ было что-то пусто; я подумалъ, что, въ разсѣянности, пріѣхалъ слишкомъ рано. Въ большой залѣ бродилъ тапёръ и вертѣлись двѣ маленькія дѣвочки, дочки m-me Городницкой. Свѣчи и лампы отражались въ паркетъ; принаряженная гувернантка одиноко сидѣла въ ряду стульевъ у бѣлой стѣны. Изъ гостиной слышался смѣхъ; даже удивительно, что это общество смѣялось такъ громко: очевидно, оно было еще en petit comité, все свои. Въ самомъ дѣлѣ — двѣ-три дамы, нѣсколько мужчинъ. Въ центрѣ кружка, въ срединѣ маленькаго дивана предъ столомъ сидѣлъ Репеховскій. Входя, я услышалъ — онъ разсказывалъ:

— «Если, говоритъ *она*: — вамъ угодно, милая маменька, чтобъ я не покидала васъ, то вы можете сами *принять форму* съ *нимъ*, и тогда мы будемъ жить съ вами подъ одной кровлей; это кстати будетъ удобнѣе для меня и для него въ экономическомъ отношеніи...»

Я подошелъ; дамамъ я былъ ужь представленъ прежде; хозяйка здоровалась немного торопливо.

— Вотъ, заговорила она:—вы застаете такой занимательный разсказъ... M-r Репеховскій...

— Мы знакомы, сказалъ я.

— Ахъ, тѣмъ лучше... M-r Репеховскій неистощимъ!.. Позвольте, pardon... Что-жь далѣе, m-r Репеховскій?

Репеховскій какъ будто сконфузился.

— Нѣтъ, что̀-же, сказалъ онъ черезъ минуту:—грустная это исторія... Вы помѣшали!

Онъ кивнулъ мнѣ, какъ-то странно улыбаясь.

— Я помѣшалъ? Чѣмъ же?

Общество смотрѣло на меня.

— Нѣтъ, не то... Вотъ, что̀, обратился Репеховскій опять къ своимъ слушательницамъ:—вотъ что̀. Когда подобныя вещи разсказываются сгоряча, ихъ еще можно выражать легко, пожалуй, шутя. Но едва маленькій перерывъ, оглядка — и все, что̀ есть горькаго подъ смѣхомъ, вся изнанка, все вспоминается... Тутъ ужь сердце вступаетъ въ свои права̀ и — остается негодованіе или молчаніе...

— Ah, c'est bien vrai, вздохнула одна дама.

— M-r Репеховскій, я хочу конецъ исторіи, сказала m-me Городницкая.

Она не знала, что̀ дѣлать съ своими гостями; мужа, по дѣламъ службы, даже не было въ Петербургѣ; мужчины были незаняты, эти дамы не играли; молодыхъ людей было всего двое, дѣвицъ ни одной—слѣдовательно, танцовать некому. Разсказчикъ былъ ея спасеніе.

— Давайте конецъ исторіи! повторила она, мило капризничая.

— Конецъ исторіи! Но развѣ можетъ быть конецъ у такой нескладицы? вскричалъ онъ, оживляясь и какъ-то наставительно. Среда—подземная, подпольная! невѣжество, распущенность, разнузданность, умственная ограниченность, отрицаніе всего... Чего-же вы хотите, какого конца? Тутъ никакихъ концовъ не свяжешь, когда всѣ узы порваны... Что̀ у *нихъ* тамъ вышло—я не безпокоился узнавать!

Онъ слегка, свѣтски граціозно махнулъ рукой, будто въ смягченіе своихъ страшныхъ словъ, а потомъ, какъ человѣкъ, невольно сознающій свое превосходство надъ окружающимъ, сумрачно поникъ головой. Онъ самъ добровольно далъ упасть эффекту своего разсказа. Когда настала та минута молчанія, которая убѣждаетъ разсказчика въ неуспѣхѣ, Репеховскій первый прервалъ ее, вдругъ перемѣнивъ свой взволнованный тонъ на легкую задумчивость, и даже вздохнулъ, будто почувствовалъ облегченіе.

— Недурно играетъ... этотъ... замѣтилъ онъ, кивнувъ головой въ сторону залы.

Тапёръ игралъ разныя штучки для дѣтей, покуда ихъ не увели спать; тогда онъ сталъ утѣшать себя, оглашая пустыню залы «Пробужденіемъ Льва».

— Недурно... повторилъ, мечтая, Репеховскій.

— Да... отозвались нерѣшительно дамы.

Онѣ, казалось, не были увѣрены, что онъ не шутитъ.

— Желаетъ доказать, что онъ и это умѣетъ, продолжалъ сквозь зубы Репеховскій.—Ну, ну... и заврался. Свободное творчество!..

Явились еще гости, салонъ понемногу наполнялся; хозяйка ожила. По мѣрѣ того, какъ общество начинало заниматься между собою, его занимательъ отодвигался на второй планъ. Но Репеховскому было не скучно. Онъ встрѣчался со всѣми, какъ знакомый; замѣтно, онъ былъ на слуху всѣхъ отношеній, мелкихъ и крупныхъ пикировокъ, даже сплетень, и умѣлъ лавировать между ними. Разговаривая съ женщинами, онъ, ловко или неловко, но непремѣнно вклеивалъ комплименты или поблажки ихъ мнѣніямъ. Онъ очень часто бралъ на себя тонъ наставника и всего удобнѣе въ немъ держался. Онъ даже выговаривалъ довольно рѣзко; но его рѣзкости были такъ пріятны по своему смыслу, что слушательницы могли-бы благодарить за нихъ. Онѣ не благодарили, но спорили, чтобъ вызвать одобренія еще болѣе опредѣленныя. Репеховскій даже насмѣшничалъ, но и насмѣшки выходили какой-то игрой, гдѣ выигрывалъ проигрывающій. Я не могъ надивиться: прежде я не зналъ за нимъ такихъ способностей. Ему, въ самомъ дѣлѣ, тутъ весело жилось. Иногда шуткой, словомъ, недовольно изысканнымъ для салона, онъ будто нарочно напоминалъ и выказывалъ, что не принадлежитъ къ этому обществу, но не принадлежитъ добровольно, стоитъ выше его, сознаетъ себя силой, которую и оно должно признать. Съ женщинами это ему удавалось въ совершенствѣ, съ мужчинами было труднѣе. Одинъ важный господинъ заговорилъ съ нимъ; Репеховскій весь просіялъ; его радость была особенно замѣтна среди общаго спокойнаго равнодушія. Другіе господа встрѣчали его нецеремонными радушными восклицаніями, чрезъ минуту хохотали какой-нибудь его шуткѣ и чрезъ минуту оставляли его, занявшись другимъ. Молодые люди съ нимъ не говорили, впрочемъ, улыбались тому, что̀ онъ говорилъ. Онъ безпрестанно что̀-нибудь разсказывалъ. Я какъ-то оглянулся: мнѣ показалось, что онъ даже что̀-то представлялъ въ лицахъ.

— Скучна нынче молодежь, сказалъ онъ, вдругъ подходя ко мнѣ.

Я въ это время смотрѣлъ одинъ изъ альбомовъ, лежавшихъ на столѣ, въ сторонѣ. Меня удивило, что Репеховскій заговорилъ со мной; до этой минуты онъ ко мнѣ не обращался.

— Да̀-съ, скучна молодежь, повторилъ онъ.—Вы что̀ на это скажете?

— Ничего. Можетъ быть.

— Только? сказалъ онъ выразительно.

Онъ казался опять задумчивъ и утомленъ и выразилъ это опять вздохомъ, опускаясь на мягкій диванчикъ. Я продолжалъ смотрѣть альбомъ; тамъ были рисунки перомъ, карандашемъ, акварелью. Репеховскій посматривалъ на меня.

— Вы еще этимъ занимаетесь? спросилъ онъ, наконецъ, не то съ состраданіемъ, не то съ упрекомъ.

— Нѣтъ, не рису́ю давно.

— А смотрѣть еще не отказались?

— Если сто̀итъ.

— Такъ, стало быть... Марья Николаевна!

Онъ, по своему, нецеремонно обратился къ проходившей хозяйкѣ.

— На минутку. Торжествуйте: ваши альбомы привлекли вниманіе человѣка уже хладѣющаго, если не совсѣмъ охладѣвшаго къ искуству. Вотъ, находитъ...

— Ахъ, я очень рада. Тѣмъ болѣе потому, что тутъ нѣтъ прославленныхъ именъ; это—все работы моихъ молодыхъ друзей, des enfants de génie, des génies en herbe. Меня даже упрекаютъ...

— Да̀, да̀, въ «свѣтѣ» вашемъ! прервалъ Репеховскій. — Видите-ли, нападки — онъ обернулся ко мнѣ — зачѣмъ въ альбомахъ Марьи Николаевны нѣтъ рисунковъ «знаменитостей». А что̀ такое рисунки знаменитостей? Знаменитость соизволитъ изобразить, напримѣръ, комара на обрывкѣ оберточной бумаги; это подберутъ, тотчасъ въ альбомъ, тотчасъ—годъ, мѣсяцъ и число, и умиляются: «вотъ чѣмъ тогда-то былъ занятъ великій человѣкъ—созерцалъ тайны мірозданія!» Или догадываются, не намекъ-ли, можетъ быть, даже политическій...

— Даже политическій? oh, c'est trop fort!

— Ничего! предполагать все можно. Развѣ не было?..

Но она отошла и Репеховскій опять заговорилъ со мной; впрочемъ, то, что̀ онъ говорилъ, очевидно, назначалось хозяйкѣ: она была недалеко, а онъ не понижалъ голоса.

— Не знаменитости, за то все оконченное, миленькій, легкій жанръ, красиво, нарядно. Все—молодые художники. Она—добрая, имъ хлѣбъ даетъ. Ужь конечно, это не дареное. Помилуйте, станутъ они дарить! Чтобъ какой-нибудь растрепанный enfant de génie догадался сдѣлать угожденіе женщинѣ... Но ка̀къ-же вы находите?

— Исполненіе есть прелестное; мысли мало.

— Какой же вы хотите мысли въ альбомномъ рисункѣ? возразилъ онъ.—Не все же вамъ изображать «Явленіе Христа народу», да «Serment du jeu de paume...»

— Пожалуй, хоть и помельче.

— Напримѣръ, что̀ же?

— Хоть тоже, что̀ здѣсь, но чтобъ это было, по крайней мѣрѣ, вѣрно дѣйствительности.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, вотъ: что̀ это—Андромаха надъ прахомъ своего супруга?

— Гдѣ?.. Помилуйте, даже и подпись: «Paysanne russe»... Ну, да̀, да̀, понимаю! смутила васъ драпировка. Но у молодаго человѣка зрѣніе воспитано на классическихъ образахъ — нельзяже требовать, чтобъ онъ отъ нихъ отрѣшился. Напротивъ, онъ ищетъ ихъ въ дѣйствительности, а не находитъ, такъ создаетъ. И прекрасно дѣлаетъ! И правъ! И слава Богу! Что̀-жь ему—намалевать грязный шушунъ, кичку на бокъ? Да ему за нихъ гроша не дадутъ—вотъ вамъ и дѣйствительность!

На его голосъ подошли m-me Городницкая и дамы.

— Что̀ случилось? Что̀ вы защищаете?

— И съ такимъ жаромъ!

— Да, вотъ, рисунокъ... Вѣдь—реалистъ! Баба, видите-ли, не довольно натурально упала; пожалуй, захочетъ, чтобъ она и голосомъ выла...

— О, что̀ вы говорите! это было бы ужасно!

— Фантастическій образъ. Но если вашъ альбомъ вздумаетъ дать вамъ фантастическое представленіе, будутъ сцены и въ другомъ родѣ. Вотъ, напримѣръ, какое веселье!

Онъ открылъ еще картинку: пьяные мужики. Это было безобразно даже и не для салоннаго альбома.

— Ah, quelle idée, оставьте это! вскричала m-me Городницкая.

Репеховскій хохоталъ.

— Этимъ-то, этимъ вы довольны? спрашивалъ онъ меня. Реальность! Жизнь, какъ она есть, настоящая всероссійская!

— Ахъ, оставьте! это—шалость моего мужа, онъ вложилъ это сюда...

— Любимая моя! продолжалъ Репеховскій.—Вѣдь, я—патріотъ: люблю «пьяный топотъ трепака передъ порогомъ кабака...»

— Mais, fi, quelle horreur...

— Правда, правда, правда! восклицалъ Репеховскій.—Не отворачивайтесь отъ правды! Прекрасно сдѣлалъ вашъ мужъ, что вложилъ это сюда; смотрите почаще. Вы все воображаете: «ахъ,

милый народъ» — вотъ онъ какой. Отступитесь отъ мечтаній, смотрите на правду. А то вы слишкомъ чувствительны. Вся вы— изъ одного сердца...

— M-r Репеховскій est mon directeur spirituel, сказала мнѣ m-me Городницкая:—онъ дѣлаетъ мое воспитаніе, разрушаетъ мои иллюзіи...

— И вамъ тяжело съ ними разставаться? спросилъ я.

— Неужели вы думаете, что легко? вскричала она:—такъ вы предполагаете въ насъ большую жестокость! Разставаться съ убѣжденіемъ, что этотъ бѣдный народъ... Но это ужасно! Чѣмъ же вы считаете насъ, если думаете, что мы не страдаемъ?

— Не смѣю этого думать, но—вы страдаете, стало быть, ваши иллюзіи ужь разрушаются?

Она немного вспыхнула.

— Если хотите—да, отвѣчала она съ твердостью, какой можно бы и не ожидать отъ такой воздушной особы.—Онѣ разрушаются. И я не одна... я вступаюсь за многихъ. Мы всѣ—какъ нынче насъ называютъ—безсердечныя свѣтскія женщины, мы всѣ дѣлали себѣ иллюзіи о народѣ, о бѣдности, о стѣсненіи, потому что... надо признаться! мы видѣли много произвола, много жесткаго въ нашемъ старшемъ поколѣніи...

— Ну, гдѣ вы видѣли?.. вступился Репеховскій.

— Pardon, M-r Репеховскій, мы видали! Но тѣмъ болѣе теперь, мы поневолѣ принуждены сказать, что въ этомъ была своя справедливость; это, по крайней мѣрѣ, уравновѣшивало! Тогда какъ теперь...

Она энергически обратилась ко мнѣ.

— Теперь, знаете-ли? Часто достойны сожалѣнія не тѣ, кого принято жалѣть!

— Браво! поздравляю! вскричалъ Репеховскій.

— Ah, c'est bien vrai! отозвались дамы.

— Поздравляю—прямой, откровенный отвѣтъ! продолжалъ Репеховскій.—Для такого отвѣта нужно мужество. Другая женщина только бы разахалась и изъ сантиментальности, изъ ложнаго стыда [illegible] лѣнила бы себѣ... Вотъ это называется стоять за правду. Вы чувствительны, вы можете прощать, но вы не безсильны!

Онъ покровительственно протянулъ ей черезъ столъ руку; M-me Городницкая, пріятно волнуясь и улыбаясь, положила въ нее свою.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, заговорила она поспѣшно, желая довершить свое торжество: — въ самомъ дѣлѣ, мы, свѣтскія женщины, часто бываемъ поставлены въ очень неловкое положеніе. Во всемъ обращаются къ нашему чувству! Но, Боже мой — мы

тоже мыслимъ! У насъ могутъ быть чувства и гражданскія! Ихъ эксплуатируютъ во имя мягкости нашего сердца, во имя нашего былаго незнанія вещей. А мы ужь успѣли многое узнать, и какъ узнать!.. Намъ не остается выбора: мы должны или отсторониться, попрежнему отказаться отъ всякаго значенія, или получить упрекъ въ рѣзкости... Что до меня—я лучше рискую на послѣднее! заключила она съ очаровательной улыбкой.

— И прекрасно дѣлаете, подтвердилъ Репеховскій.—Въ наше время необходимы голоса образованныхъ женщинъ. У насъ хаосъ. Только отъ женщинъ можно ждать спасенія. Наши современные дѣятели выказали всю свою пустоту, окончательно прорвались; наши публицисты... такая путаница идей, такой недостатокъ знанія, недостатокъ воспитанія, такое невѣдѣніе народа! Это—враги нашего развитія, враги всякаго прогресса! Грошевой либерализмъ, фразёрство... Женщины, спасите насъ!

— Ахъ, m-r Репеховскій... сказала, подходя, еще новая гостья, полная, не молодая и одѣтая очень молодо.

Она здоровалась съ хозяйкой и кругомъ.

— Кажется, m-r Репеховскій—en verve?

— Il est charmant aujourd'hui! сказала m-me Городницкая.

— О чемъ же идетъ дѣло? M-r Репеховскій, вы взывали къ женщинамъ? Это—не продолженіе ли вашего пророчества о наступленіи царства пуассардокъ? Прошлый разъ вы насъ такъ много смѣшили!

Репеховскій нахмурился; казалось, это напоминаніе не совсѣмъ ему понравилось.

— Нѣтъ, возразилъ онъ: — это ужь выходитъ изъ предѣловъ смѣшнаго, это серьёзно. Это какъ разъ приходится къ тому что я сейчасъ говорилъ. Упадокъ образованія — имъ шутить нельзя... Но развѣ *тѣ* — женщины? Когда, вмѣсто того, чтобы быть хранительницей семейныхъ началъ...

— Совершенно справедливо! вмѣшалась m-me Городницкая и договорила послѣдней гостьѣ: — Какія онъ вещи намъ сегодня разсказывалъ!!..

— Вмѣсто того, чтобы поддержать священный, вѣковой строй общественнаго быта, обязанностей...

— Il est éloquent, одобрительно произнесла важная дама, прислушиваясь издали.

— Человѣкъ съ дарованіемъ, задумчиво подтвердилъ господинъ, такъ же, какъ она, дожидавшійся карточной партіи.

— Когда женщина отрекается даже отъ того, къ чему назначена самой природою—отъ изящнаго!—когда она засучитъ рукава, подвяжетъ клеенчатый фартукъ...

— Ah, m-r Репеховскій, n'allez pas, comme l'autre jour, dire des choses dégoûtantes! съ испугомъ вскричала полная дама: — эти ужасы во снѣ мерещатся!

— Des monstruosités!

Репеховскій засмѣялся.

— Не имѣю намѣренія тревожить ваши нервы, сказалъ онъ:— но, разсудите, чѣмъ же легче, напримѣръ, хоть, вотъ, эта монструозность: прежде, таланты были обязательны для женщины; теперь обязательно не имѣть талантовъ...

— О, это не вѣрно, возразила полная дама:—напротивъ, мы безпрестанно видимъ... *онѣ* играютъ, поютъ, ходятъ въ школы...

— Дà, ходятъ для удовольствія бѣгать по улицамъ!

Въ кружкѣ послышался прелестный одобрительный смѣхъ.

— Я тоже ихъ безпрестанно встрѣчаю, десятками, продолжалъ Репеховскій:—прическа à la diable m'emporte, подъ обѣими мышками—вотъ! папки, фоліанты! ботфорты—и мчатся! вечеромъ, по плитамъ искры брызжутъ... Ночной поѣздъ валькирій!

Смѣхъ раздался всеобщій.

— Но это ужь слишкомъ поэтично!

— Не я, а вы ихъ поэтизируете!

— Нѣтъ, но все-же, смѣясь возразила защитница:—нѣтъ, все же *онѣ* учатся, стараются развить свои способности... Я сошлюсь...

Она обратилась къ хозяйкѣ.

— У васъ, какъ-то утромъ, я застала одну; она пѣла...

— Дà...

— Дà! вскричалъ Репеховскій: — и я слышалъ! пѣла! Глюка во гробѣ терзала! На все посягаютъ, ничего священнаго...

— У нея недурной голосъ, осторожно замѣтила m-me Городницкая.

— Тѣмъ хуже! Къ чему онъ?

— Кàкъ, къ чему?

— Дà, къ чему? Цѣль какая? Самая презрѣнная меркантильность! Разсчетъ: «буду уроки давать, пойду на сцену, возьму деньги!» Все—деньги! Развѣ это—любовь къ искуству, развѣ это восторгъ, въ которомъ забывается житейская мелочь, въ которомъ растетъ духъ человѣка — восторгъ, который одинъ даетъ право человѣку называться человѣкомъ...

— Люблю, когда онъ говоритъ!.. сказала, какъ-то замирая, m-me Городницкая.

Репеховскій будто не слышалъ.

— А эти несчастныя, понимаютъ ли онѣ, что̀ дѣлаютъ? Сцена! Но сцена потрясаетъ массы! А у нихъ самихъ, у этихъ жалкихъ, бываетъ ли когда нибудь хоть минута истиннаго увлеченія...

— Ахъ, но можетъ быть.. вздохнула защитница.

— Не можетъ быть! Никогда! разразился Репеховскій. Тамъ нѣтъ пищи для небеснаго огня! Невѣжество и упорство, упоеніе невѣжества! Новое нашествіе варваровъ, возвратъ въ потемки... Что̀ жь въ томъ, что выломаетъ себѣ пальцы, выкричитъ голосъ, ка̀къ нибудь малюетъ... Я видалъ эту компанію, знаю... Но чего же ближе — Марья Николаевна, это—ваша спеціальность, говорите!

— Ахъ, да̀, посредственности! отозвалась m-me Городницкая.

Репеховскій перевелъ духъ.

— Нѣтъ, доканчивайте! Безпристрастно, безпристрастно! И торгашество?

— Да̀, но все же это—трудъ...

— Трудъ и, можетъ быть, необходимость...

— Трудъ, необходимость — называйте ка̀къ хотите; но цѣль? Цѣль—деньги?

— Вы немного слишкомъ строги...

— Нѣтъ, позвольте: цѣль—деньги?

— Такъ, но...

— Слѣдовательно, цѣль корыстная? слѣдовательно, это—низведеніе искуства въ ремесло, продажность, поруганіе искуства...

— Ah, elles sont si interessées! произнесла одна дама.

— Положимъ, но вы такъ строги...

— Послѣдовательность!.. Помилуйте, въ былыя времена, бѣдныхъ уѣздныхъ барышень карали за то, что онѣ щеголяли талантами для ловли жениховъ... Пушкинъ даже... Дуня, тамъ, у него пищитъ «*Приди въ чертогъ ко мнѣ златой*»...

— Ah, il est impayable!

— Il est charmant!

— Ка̀къ онъ разнообразенъ!

— M-r Репеховскій, откуда вы все это берете?..

Онъ смѣялся самъ, довольный.

— Позвольте, все это прекрасно, но я—все свое. Тогда была логика...

— Какая же логика?

— Безъ сомнѣнія! Искуство, этотъ небесный свѣтъ, приносило свое, достойное себя, давало счастье, любовь...

— То-есть, выгоднаго жениха!

— Тоже корыстная цѣль!

— Будьте послѣдовательны: вы сами сказали...

— Позвольте, тутъ надо различить... Во времена о̀ны, уѣздная барышня... Что̀ такое ея кругозоръ? это—такая умственная ничтожность...

— Pardon, вступилась полная дама:—но вы сами, и совсѣмъ не во времена ѝны, а очень недавно говорили... Я напомню вамъ одно soprano-aigu...

— Кàкъ? M-r Репеховскій?!

— Это—не уѣздная барышня! Помните, mesdames?

— О, конечно, помнимъ, заговорили дамы.—Чтò же далѣе?

— M-r Репеховскій, vous voilà pris!

— Вотъ вы какой!

Дамы волновались, но было очень замѣтно, что особа, о которой намекали, не пользовалась ихъ симпатіей.

— Вы не скажете, что кругозоръ прелестнаго сопрано былъ ограниченъ, продолжала дама.

— О, напротивъ, даже слишкомъ широкъ! прибавила другая.

— А вы говорили... вспомните, m-r Репеховскій! что ея «*Когда-бъ онъ зналъ*» равняется «La bourse ou la vie!»

— Ахъ, прелестно! хоромъ воскликнули дамы.

— И когда цѣль была достигнута...

— Ну, дà, я говорилъ, вскричалъ Репеховскій: — говорилъ и былъ не прочь! Тутъ разница громадная...

— Какая? тоже корыстная цѣль...

— Нѣтъ! то была невинная, граціозно-дѣтская игра... хоть бы даже и кокетство! Могло быть... Нѣтъ, навѣрно было и чувство въ глубинѣ кокетства! Сердце женщины—такой тайникъ...

Онъ выговорилъ это съ порывомъ, даже съ обращеніемъ къ небу.

— Неизслѣдованное, неизвѣданное! Я былъ виноватъ, я бы дорого далъ, чтобъ взять назадъ свое праздное слово...

— Бѣдный Репеховскій, онъ такъ добръ, сказала m-me Городницкая.

— Мы тратимъ слово, мы унижаемъ слово, продолжалъ онъ восторженно, между тѣмъ какъ кругомъ начинали умиляться его покаянію.—Слово—страшное дѣло! Всякое праздное слово...

— Мы вамъ вѣримъ, поспѣшила прервать m-me Городницкая.

Онъ, должно быть, самъ почувствовалъ, что дѣлается незанимателенъ, и поспѣшилъ перейти въ другой тонъ.

— La bourse ou la vie! это вамъ кричатъ эти юные геніи, топтатели мостовой, ревнители новыхъ идей, которые лѣзутъ въ вашъ карманъ—вотъ, съ своимъ ученическимъ малеваньемъ, которые требуютъ вашего участія во всѣхъ своихъ безобразныхъ складчинахъ и все-таки считаютъ васъ врагами... Вы — враги, потому что вамъ есть чѣмъ заплатить за какой-нибудь билетъ, который они вамъ всѣми мѣрами навязываютъ...

— Ah, c'est vrai! Il sont si interessés! On nous exploite!

— И для какихъ цѣлей...

— Не далѣе, какъ сегодня...

М-me Городницкая не договорила. Явилось новое лицо—музыкальная знаменитость, за которымъ посылали. Хозяйка убѣдилась, что въ этотъ вечеръ не можетъ быть танцевъ: дѣвицъ было всего двѣ. Къ счастью, «знаменитость» былъ изъ сговорчивыхъ и, вскорѣ послѣ первыхъ привѣтствій, бросилъ свои перчатки въ шляпу, что̀ для обрадованной хозяйки было дозволеніемъ приступить къ просьбѣ «дать себя послушать».—Репеховскій былъ забытъ. Общество переходило изъ гостиной въ залу.

Я хотѣлъ сдѣлать тоже и пріостановился, давая кому-то пройти; меня удержали за руку.

— Куда вы? сказалъ мнѣ Репеховскій.—Этотъ господинъ убиваетъ подъ собою по два рояля въ концертъ. Довольно треску будетъ и отсюда слышно. Мнѣ васъ нужно; воротитесь.

Въ гостиной насъ оставалось только двое.

— Что̀ вамъ отъ меня нужно? спросилъ я.

— Да ничего. Садитесь, потолкуемъ.

Онъ принялъ покойное положеніе на диванчикѣ, почти легъ, будто дома.

— Намъ нечего толковать, сказалъ я, повернувшись, чтобъ отойти.—Я слышалъ довольно.

Онъ опять удержалъ меня за руку.

— Полноте, постойте. Нехорошо, въ самомъ дѣлѣ... Люди одного кружка̀, встрѣтились... Ка̀къ же такъ, ни слова...

Я смотрѣлъ на него. Только въ моемъ тогдашнемъ положеніи, только въ томъ измученномъ, разбитомъ состояніи духа, которое я пытался заглушить чѣмъ попало, могло придти мнѣ въ голову, что Репеховскому стало совѣстно... Совѣстно—такъ подѣломъ, рѣшилъ я съ злостью въ первую минуту; но на вторую, отъ собственной боли, мнѣ вдругъ повѣрилось, что и ему больно, показалось тоже совѣстно не выслушать хотя бы виноватаго. Потомъ, конечно, отъ добровольно вынесеннаго впечатлѣнія всего, что̀ окружало, показалось, что ужь за одно, куда ни шло выслушать и еще пошлость... И все-то это сто̀итъ ли горячей досады? Еще не долго—и все само собой расплывется...

— Что̀ жь вы хотите сказать? спросилъ я.

— Присядьте. Ну, ка̀къ поживаете?

— Разскажите лучше, ка̀къ вамъ живется.

— Мнѣ? что̀ же, не жалуюсь. Я, впрочемъ, никогда не жаловался. Теперь у меня служба, занятъ. Вы очень перемѣнились

— Конечно.

— Нѣтъ, я разумѣю не то, не наружно. А такъ, перемѣнились. Я, вѣдь, знаю, да и сейчасъ видно...

— А не наружно — я все тотъ же, что̀ былъ.

— О, нѣтъ. Прежде, бывало, сколько общаго! А теперь — я откровенно скажу — вѣдь не сто̀итъ заводить и рѣчи? Заранѣе можно сказать, что мы врозь? такъ ли?

— Вы это сами чувствуете.

— То-то и есть... Грустно... Я вамъ всегда такъ искренно сочувствовалъ. Взрослому мораль не читаютъ, но можно доказать, что онъ заблуждается.

— Не трудитесь напрасно. Меня вразумлять мудренѣе, чѣмъ этихъ барынь.

— Знаю, знаю! вскричалъ онъ и засмѣялся. — Что̀ барыни! Онѣ—добренькія. Что̀ вы на нихъ тотчасъ! Право, добренькія, съ ними отлично!

Онъ спохватился, что слишкомъ скоро далъ прорваться своей веселости, и примолкъ. Я слушалъ музыку; игралось что̀-то хорошее. Репеховскій прислушался тоже.

— Это *онъ* для начала, сказалъ онъ: — а тамъ примется выпускать свои собственныя штуки.

Онъ впадалъ въ меланхолію, но молчать онъ уже не могъ, не умѣлъ. Выждавъ нѣсколько секундъ, онъ заключилъ ихъ такимъ порывистымъ, глухимъ «Да̀!!», какъ будто отвѣчалъ имъ себѣ на цѣлый рядъ самыхъ сложныхъ вопросовъ. Піанистъ кончилъ; ему сдержанно, прилично апплодировали; онъ, въ благодарность, сейчасъ загремѣлъ «свое собственное...»

— И лучше! опять порывно сказалъ Репеховскій.—Да̀!.. Лучше, чѣмъ все это томящее, раздражающее... ну, колотитъ онъ, ну, смысла нѣтъ — но оживляетъ, здорово!.. вотъ!.. славно!

Нѣсколько минутъ онъ пробовалъ бить тактъ.

— Нѣтъ, не поспѣешь!.. Нѣтъ, что̀ же? заговорилъ онъ опять, повернувшись ко мнѣ: — жалобы все нынче, что жить скучно. Сто̀итъ разобрать, отчего. Я разобралъ. Слишкомъ много думаемъ. Что̀ такое мы дѣлаемъ изъ жизни, какую мрачную фантасмагорію!!.. Право. Вошло въ привычку и нѣтъ средствъ отвязаться: все думаемъ, думаемъ... Ну, и додумываемся ни вѣсть до чего. А между тѣмъ, года клонятъ; мы—ужь не ребята. Я—откровенно признаюсь, — я усталъ. И отдыхаю, бываю у людей... Вѣдь, разсудивъ справедливо, люди-то — вотъ они: языкъ человѣческій, складъ, воспитаніе... Стремленіе къ нимъ—не прихоть, а высокая потребность духа...—«Барыни!» Посмотрите, сколько чувства, изящества, ума, деликатнаго, тонкаго пониманія... По-

жалуй, можно все осмѣивать, все отвергать. Односторонность нынче не въ диковинку. Затѣятъ, запоютъ свое—и пойдетъ клевета на жизнь. А жизнь совсѣмъ не то—о, совсѣмъ не то, что̀ бредится нашимъ мудрецамъ! Жизнь — великое дѣло! И такой-то вздоръ—всѣ эти разныя измышленія и умиленія надъ разными печалями разныхъ субъектовъ... которые и не думаютъ печалиться!

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Въ чемъ?

— Что никто не печалится?

— Увѣренъ. Я ни отъ чего глазъ не отворачиваю. Прежде дѣлалъ эту глупость—отворачивался отъ свѣтлыхъ, отъ истинныхъ сторонъ жизни. Теперь — позналъ и прозрѣлъ!

— Здѣсь?

— Здѣсь-съ, отвѣчалъ онъ обиженно.—Здѣсь-съ. Я себѣ выбралъ среду. Здѣсь отдыхаютъ нервы и здравый разсудокъ. Здѣсь образованность въ воздухѣ и — серьёзнѣе, нежели иные думаютъ. Занимательно и пріятно... Что̀-жь, сознаюсь, есть и пустое, забавное, свои анекдотцы, скандальчики; но все своеобразно, мило, красиво, легко. Не растрепанныя драмы, отъ которыхъ тошно. Была когда-то давно литература всякихъ ужасовъ; нынче изъ жизни стряпаютъ такую же грязь. Сюда, слава Богу, такое направленіе не проникло...

— И не проникнетъ.

— Ужь конечно! А ка̀къ по-вашему—почему?

— Потому что для всякой драмы, хоть бы даже грязной, нужна сила, а здѣсь ея нѣтъ никакой; пробавляются скандальчиками.

— Ка̀къ скандальчиками?

— Вы же сказали.

— Для подобнаго вздора силы и не нужно! Но для высокой драмы...

— А высокой и подавно быть не изъ чего. Какая ужь сила тамъ, гдѣ все дѣланное — отъ длинныхъ ногтей до убѣжденія.

— Что̀? вскричалъ онъ, захохотавъ:—ка̀къ вы сказали? вотъ славно, метко...

— Чему-жь вы рады? вѣдь я говорю про вашихъ.

— Нѣтъ... Но, позвольте, ка̀къ же нѣтъ силы?..

— Нѣтъ ея тамъ, гдѣ нѣтъ ни искреннихъ привязанностей, ни завѣтной мысли; эти люди ни для кого и ни за что̀ не разстанутся... ну, хоть съ своей мягкой мебелью, не только съ чѣмъ поважнѣе.

— Хорошо-съ, сказалъ онъ со злостью: — а мягкая мебель—

развѣ ничто? Это—вся жизнь съ пеленокъ, воспитаніе, складъ, значеніе, семья! Это—не избеная лавка, не трехногій стулъ изъ трактира, отъ которыхъ отказаться легко, потому что съ ними не связано преданія... Чего нибудь оно стоило, право-то имѣть мягкую мебель!

— Денегъ, я думаю.

— Побольше-съ! Подороже!.. Все нынче разцѣнили на деньги!.. Мягкая мебель! Да это—цѣлое историческое прошедшее! это—идея, переданная изъ поколѣнія въ поколѣніе! Во имя чего же новаго разставаться съ ней? Научите! Да сообщите, кстати, новые-то—кто съ чѣмъ разстается? укажите героевъ! Не знаешь, куда дѣваться отъ великихъ и непризнанныхъ, а въ результатѣ—одно безсмысленное броженіе... Поникнешь головой, посмѣешься...

— Смѣхъ ужь очень не новый, прервалъ я. — Когда люди живьемъ отдаются средѣ, которая не въ силахъ предположить отвѣтственности дѣла предъ словомъ, слова предъ мыслью, не въ силахъ вообразить, что можно жить, дѣйствовать не своекорыстно, мучиться не на заказъ...

— Фразочки вы говорите хорошія, прервалъ онъ:—но, извините, это—все извѣстное. Вы волнуетесь, а мы... Вы скажете, пожалуй, что и въ отношеніи къ вамъ у насъ нѣтъ силы? Ошибетесь. Мы только молчимъ. Въ отношеніи къ вамъ у насъ не можетъ быть даже разумнаго и сердечнаго негодованія, а такъ — тихо-грустное созерцаніе. Мы признаемъ необходимость этого момента въ нашей... такъ-называемой «умственной» жизни... Броженіе, разложеніе... Что-жь! Таковъ органическій законъ всякаго развитія, такъ идетъ міръ всегда и вездѣ. Устойчивое, содержательное общество спокойно... Эхъ, вѣчно-юная «Современная Пѣснь» партизана Давыдова!..

Онъ еще говорилъ, когда изъ-за портьеры внутреннихъ комнатъ вбѣжала молодая особа. Она, какъ видно, сейчасъ только пріѣхала, торопилась, запыхалась, раскраснѣлась; ея маленькіе глазки свѣтились, волосы намокли. Она была недурна собою, одѣта особенно изысканно по модѣ и сердита. Съ досадой, все спѣша, она бросила на столъ небольшой свертокъ бумаги, а сама бросилась къ зеркалу.

— А, здравствуйте, сказалъ ей Репеховскій.

— Здравствуйте. Вложите это, выговорила она, не оборачиваясь.

Репеховскій развернулъ бумагу; въ ней былъ очень пестрый и яркій акварельный рисунокъ.

— Славная вещь, сказалъ онъ и передалъ мнѣ:—посмотрите. Да позвольте васъ скорѣе познакомить.

Онъ представилъ меня.

— Лизавета Ивановна Вощикова, прибавилъ онъ: — поэтъ и художница.

— Очень рада, сказала она мнѣ.—Кладите же рисунокъ скорѣе на мѣсто. Такая досада — торопилась, а раньше привезти не успѣла: княгиня ужь тамъ сидитъ; заслушается музыки, потомъ заиграется въ карты, и хлопоты мои даромъ пропали.

— Какія хлопоты? спросилъ Репеховскій. — Да говорите при немъ, не стѣсняйтесь; это—свой человѣкъ.

Рекомендація была довольно неожиданна, но сказана какъ ни въ чемъ не бывало; я почти сконфузился.

— Очень рада, повторила дѣвица. — Мнѣ, просто, бѣда. Во-первыхъ—милѣе всего!—я должна была подарить этотъ рисунокъ, а вѣдь я за нимъ все-таки просидѣла. Ну, ужь такъ здѣсь заведено — общій удѣлъ!

Она показала на альбомы.

— Будто бы? вскричалъ Репеховскій.

— Э, вы сами знаете! возразила она съ досадой. — Чего вы-то хитрите, не понимаю... Лучше слушайте мое горе. Городницкая велѣла мнѣ привезти рисунокъ пораньше, чтобы показать княгинѣ мою работу... Завелся у нихъ пріѣзжій французъ, расписываетъ имъ вѣера, платятъ ему на вѣсъ золота. Княгинѣ очень желательно для дочекъ, но вѣдь всѣ онѣ скупы, какъ вѣдьмы. Я сказала Городницкой, что возьму дешевле француза: два вѣера—все-таки что̀ нибудь. Она обѣщалась схлопотать; я, вотъ, и взятку дала заранѣе, да, кажется, ни съ чѣмъ останусь.

— Ну, ка̀къ можно, возразилъ Репеховскій.

— И очень можно: перезабудетъ—что̀ ей? И теперь ужь почти некогда толковать, торговаться. Такая, право, досада. На дворѣ слякоть, тащилась сюда, едва двигалась...

— Раньше бы выѣхали, сказалъ Репеховскій.

— Раньше! Будто отъ насъ выберешься...

Она оглянулась на меня и остановилась.

— Да еще. Скажите, правда ли—баронесса хочетъ портретъ своей дочки? Я возьмусь. Дочка—уродъ, но ничего—напишу херувима. Скажите ей...

— Что дочка уродъ?

— Э, полноте съ вашимъ вздоромъ! Скажите, что у меня отдѣлка, какой поискать: кружева напишу—настоящій алансонъ; муаръ—такъ скажете почемъ аршинъ. И возьму дешевле *того*... извѣстно. И позу придумаемъ... У меня, вѣдь, есть медаль *за экспрессію*, обратилась она вдругъ ко мнѣ.

— Ваши работы были на выставкѣ? спросилъ я.

— Какъ же, я картины писала. Двѣ. Но съ рукъ нейдутъ, и теперь стоятъ у меня. Не знаете ли, кому сбыть? Съ тѣхъ поръ — полно, довольно творчества. Дѣло другое—портреты, акварели... Ахъ, Боже, хоть бы вызвать эту Городницкую! что̀ она тамъ... Кажется, кончился этотъ громъ...

Но то былъ только промежутокъ чувствительнаго затишья, ужь до того тихаго, что почти ничего нельзя было разобрать. Въ залѣ, у самой портьеры дверей, сидѣла дама, и по движенію, съ которымъ она опрокидывала на спинку стула свой круглый шиньонъ, было ясно, что она обмирала отъ восторга. M-me Вощикова подкралась и высматривала.

Репеховскій не выпустилъ меня.

— Милая дѣвушка, сказалъ онъ.—Я радъ, что вы ее встрѣтили, очень радъ. Это—кстати къ тому, что̀ говорили... Вотъ, на такихъ глядя, пожалуй, согласишься съ вами, но такія—въ рѣдкость. Бѣдна, работаетъ. Сдѣлала своимъ талантомъ, что, посмотрите, ка̀къ одѣта и въ обществѣ принята. Можетъ позволить себѣ и удовольствія; въ оперу абонирована. Приплачиваетъ, вонъ той барынѣ, за мѣсто въ ложѣ; не на вышку же лѣзть!.. Семья у нея, мать, еще двѣ сестры, живутъ у египетскаго моста. Я говорю—въ Египтѣ. Семья... Вѣдь, я не отрицаю новыхъ понятій! воскликнулъ онъ вдругъ съ какимъ-то озлобленіемъ. — Семья! Какова семья! Иная семья—обуза, наказаніе Божіе. Вотъ, у нея, напримѣръ, сестры—учились тоже, институтки, и вдругъ—подай имъ дѣятельность! Помѣшались на дѣятельности. Вѣдь съ шифромъ одна—вообразите! Ну, метались, искали уроковъ. Конечно, не нашли; слава Богу, нынче вволю этого народу, что всѣ сбираются другихъ учить. И все—фразы: на словахъ готовы за трудомъ на край свѣта, а предложатъ имъ трудъ — назадъ. Выискалось мѣсто компаньонки въ домъ. Еще я и постарался; вотъ, *она* пришла, хоть отъ одной ее избавить. Такъ, нѣтъ: та парочка не можетъ разстаться, мать оставить; «компаньонка — приживалка, унизительно». Ну, выбрали, наконецъ, не унизительное: шьютъ и кроятъ по мѣркѣ, коломенскія Андріё. Недавно затѣяли еще ботинки шить. Да вѣдь дерзость какая: просили сестру—вотъ ее—напиши она имъ вывѣску! Мать на кухнѣ возится... Одурѣть—сидѣть съ ними. Трудиться для такой семьи—безобразно. Она имъ платитъ за столъ и квартиру двадцать рублей въ мѣсяцъ—и довольно; не шутка, вѣдь, и это, не даромъ... Комната, разумѣется, у нея особенная... А остальное, ея заработокъ, по всей справедливости—ея собственность. Вотъ, ей достаетъ—и прекрасно. Не понимаю даже, чего она стѣсняется,

живетъ съ ними. Ей нельзя принимать знакомыхъ отъ этой глупой обстановки, неловко, стыдно. Что-жь—кто-нибудь пріѣдетъ, а сестрица съ моткомъ нитокъ на шеѣ дверь отворитъ. Со мной это случалось; я у нея бываю. Срамъ. Даль такая. Присылаютъ къ ней, вотъ, эти барыни—лакеи лѣстницу клянутъ: девяносто четыре ступеньки-съ! Она жалка. Я совѣтую ей бросить это все, жить одной. Подороже станетъ; но средства есть и больше еще будетъ на людяхъ. Художница—исключительное положеніе—можетъ жить одна. Умна, хорошенькая; принимала бы художниковъ, литераторовъ. Ничего бы не предположили. Знакомство у нея, видите, лучшій кругъ; это—не какая-нибудь самоновѣйшая мамзель Теруань...

M-lle Вощикова отскочила отъ двери; изъ залы входила хозяйка.

— Bonsoir, madame...

M-me Городницкая торопилась и не обращала вниманія.

— M-r Репеховскій, заговорила она: — soyez ma providence! Вообразите, какая непріятность: этотъ... J'oublie son nom... Мы его зовемъ monsieur Ton-ton... Нашъ тапёръ сѣлъ тамъ въ углу и не уходитъ!

— Добросовѣстный нѣмецъ, замѣтилъ Репеховскій: — его наняли до такого-то часа — онъ досиживаетъ.

— Но ему ужь заплатили! вскричала съ ужасомъ m-me Городницкая. — Просто, онъ увидѣлъ, что пріѣхалъ N и остался слушать. Онъ доставляетъ себѣ даровой концертъ; онъ, вѣроятно, хочетъ усвоить себѣ манеру... Я все ждала, что онъ, по крайней мѣрѣ, послѣ первой піесы... нѣтъ!.. N сейчасъ все оглядывался на эту фигуру...

— Ему сказать надо, сказалъ Репеховскій.

— Ну, да. Вы знаете, какъ говорить съ этими людьми, будьте такъ добры, дайте ему понять...

— Сейчасъ, сказалъ Репеховскій и пошелъ.

— Un mot, madame... заговорила художница.

— Да ужь марш! Когда хотятъ дѣлать дѣло, то не запаздываютъ. Теперь, если хотите, ждите...

Она повернулась къ двери и увидѣла меня.

— Ne m'en voulez pas, chère Lise. У меня нынче выше головы всякаго дѣла... Подождите, увидимъ.

M-me Городницкая ушла въ залу, я тоже, но еще оглянулся на художницу. Она спѣшила за хозяйкой, но опять опоздала, поправляя свой нарядъ передъ зеркаломъ. Ей пришлось входить въ залъ одной. Она старалась сдѣлать это съ свѣтской

степенной развязностью, но старанія не удались: она была смущена. На нее оглянулись чинные, безмолвные слушатели. Хотя между ними оставалось много свободныхъ мѣстъ и эти мѣста были близко, но m-lle Вощикова не отважилась сѣсть. Напротивъ, ужь видимо мучась и стукомъ своихъ каблуковъ, и шелестомъ своего шлейфа, казалось, мучась даже своею мелькавшею тѣнью, она прошла всю залу до другого конца и сѣла тамъ подлѣ особы, которая одна изъ всего общества дружески кивнула ей издали. Это была гувернантка, получившая позволеніе, когда уснули дѣти, придти послушать музыки. Но, усѣвшись, m-lle Вощикова вмигъ положила должное нравственное разстояніе между собою и этой сосѣдкой. Она, казалось, такъ утомлена такимъ длиннымъ переходомъ, что совершенно натурально не замѣтила руки безъ перчатки, протянутой ей для пожатія, и, поглощенная музыкой, не разслышала, что̀ ей шептали... Шептаться, и еще въ послѣднія минуты симфоніи, когда tremolo гудѣли, какъ буря, когда хозяйка, при всей памяти приличій, невольно оглядывалась на трепетавшую бренную подставку поднятой крышки рояля, когда даже во взорѣ княгини, желавшей вѣера, выражалось, что она удостоиваетъ ощущать то, что̀ называла «la chair de poule», когда менѣе важныя лица забывались до того, что даже вздрагивали при аккордахъ, взятыхъ всей ладонью, когда на всѣхъ лицахъ было написано ожиданіе конечнаго разрушенія — шептаться съ гувернантками въ высшей степени непорядочно...

Артистъ кончилъ; общество встало благодарить его. Онъ надѣлъ перчатки и спросилъ стаканъ воды, какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ, давая этимъ знать, что больше играть не будетъ и вступаетъ въ права̀ гостя. M-me Городницкой, наконецъ, удалось пристроить нѣкоторыхъ за карты. Дамы возвратились въ гостиную; двѣ-три еще оставались въ залѣ. M-lle Вощикова ловко пристала къ нимъ и послѣдняя подошла къ артисту; такимъ образомъ, она выдѣлилась отъ другихъ, стала замѣтнѣе, и это вышло удачно. N, какъ видно, с[illegible]ой нѣсколько знакомъ. Въ своихъ привѣтствіяхъ и выраженіяхъ благодарности она была даже находчивѣе свѣтскихъ д[illegible], какъ-то оживленнѣе и проще. Она подала руку артисту, чего другія не удостоили, не отважились или не придумали сдѣлать, и это какъ будто прервало общую натянутость. Артистъ будто обрадовался встрѣчѣ, поздоровался почти по дружески; онъ—весельчакъ и говорунъ и чрезъ минуту ужь перебрасывался съ художницей шутками и остротами. Она находчиво ему отвѣчала, смѣялась;

отъ оживленія, отъ непринужденности, отъ чувства своего успѣха, она будто похорошѣла, стала граціознѣе. Въ концѣ просторной залы, у рояля, гдѣ было больше свѣта, эти два веселыя лица выдавались красиво. Дамы слушали ихъ разговоръ, снисходительно и полунасмѣшливо улыбаясь. Одна изъ дѣвицъ, замѣтно скучавшая, подошла ближе къ счастливицѣ, которой было такъ весело; другая, нерѣшительнѣе, посмотрѣла, посмотрѣла и тоже рискнула подойти, будто въ надеждѣ, что и на ея долю перепадетъ немножко веселья. Впрочемъ, на ея молодомъ и красивенькомъ личикѣ выражался самый свѣтскій протестъ противъ этого веселья, возвышающаго голосъ до смѣха и маленькихъ восклицаній.

Приближеніе этихъ дѣвицъ вдругъ все измѣнило и охладило расположеніе духа артиста. Онъ оглянулся на нихъ, почтительно отодвинулся, будто уступая мѣсто, и, не перемѣняя разговора, рѣзко перемѣнилъ тонъ.

— Если вы такъ страстны къ музыкѣ, сказалъ онъ m-lle Вощиковой:—то что̀ же не играете сами?

— Не умѣю.

— Невозможно!

— Всего на свѣтѣ умѣть нельзя.

— Я знаю, что̀ вы умѣете; такъ вамъ сто̀итъ только еще пожелать...

— Ахъ, по желанію только чудеса творятся!

— Но вдругъ надъ вами свершится чудо!

— Ахъ, еслибы!

— И это сейчасъ? Скорѣе, пробуйте, садитесь, начинайте!..

— Послѣ васъ?

— Комплименты ужь истощены, довольно. Пробуйте, не свершилось ли чудо.

— Ахъ, нѣтъ, ни за что̀! вскричала она, даже взмахнувъ стянутыми ручками. — Нѣтъ, знаете ли, отъ кистей и палитры пальцы дѣлаются еще менѣе гибкими. Я совсѣмъ не владѣю лѣвой рукой — парализована.

— Неправда!

— Увѣряю васъ.

— Такъ докажите; мы посмотримъ, ка̀къ она у васъ парализована. Сыграйте гамму. La gamme en ut majeur; vous en savez au moins aussi long que ça?

— Кто-жь этого не знаетъ!

— Ну, и сыграйте.

— А что̀-же я получу за это?

— Вы не хотите даромъ?

— Конечно, не хочу.

— Такъ что-же бы... Да! Вы, кажется, пишите стихи?

— Пишу.

— Я напишу музыку на какія-нибудь ваши слова.

— Неужели? Votre parole?

— Какъ! Еще сомнѣваться?

— Ахъ, какое искушеніе! сказала она съ радостью въ глазахъ.

— И уступите искушенію.

— И вы напечатаете это? Не оставите между Oeuvres inédites?

— Увидимъ!

— Поддержите меня, дайте совѣтъ, обратилась она къ дѣвицамъ.

— Mais, mademoiselle... сказала одна изъ нихъ.

Эта дѣвица была музыкантша въ совершенствѣ. Изъ приличія, она никогда не участвовала въ публичныхъ концертахъ; изъ глубокаго уваженія, общество очень рѣдко безпокоило ее просьбой сыграть. Въ эту минуту она замѣтно умирала отъ зависти.

— Mais, mademoiselle, произнесла она неподвижно, ровными, глухими нотами:—s'il vous coûte trop de consentir...

N обратился къ ней съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, отъ котораго она выходила изъ себя, хотя прогнѣвалась бы еще больше, еслибъ ей оказали его хотя немного меньше.

— Еслибъ я осмѣлился просить mademoiselle, началъ онъ, наклоняясь передъ нею, чтобъ не было сомнѣнія, о комъ онъ говорилъ въ третьемъ лицѣ, и мѣняя свой уличный французскій языкъ на отборныя фразы:—еслибъ я осмѣлился—я зналъ бы, что за такое высокое наслажденіе у меня не достанетъ силъ и словъ благодарности!.. Но тутъ—онъ кивнулъ на m-lle Вощикову — тутъ я предлагаю вознагражденіе, потому что, знаю, будетъ дурная минута...

— Для исполнительницы, какъ для слушателей! подхватила m-lle Вощикова, смѣясь, но уколотая.—Ахъ, mademoiselle, еслибъ вы сыграли для того, чтобъ посмотрѣть, какъ у m-r N недостанетъ словъ...

— Oh, mademoiselle!.. возразила дѣвица, вся вспыхнувъ.

Она была жестоко оскорблена и даже на шагъ отступила. Въ самомъ дѣлѣ, для такой особы нужны были настоятельныя просьбы хозяйки и, по крайней мѣрѣ, двухъ изъ тѣхъ важныхъ господъ, что отдалились и разсуждали о политикѣ... Впрочемъ,

оскорбляясь, дѣвица оглядывалась: она замѣтно искала, нѣтъ ли вблизи кого-нибудь, кто бы имѣлъ хоть небольшое право поддержать безумное предложеніе m-lle Вощиковой. Но дамы были заняты между собою. Молодой военный, стоявшій около нихъ, былъ не меломанъ; онъ даже равнодушно отошелъ въ эту минуту, взялъ подъ руку другого, и оба заходили по залѣ, разговаривая тихо и не весело. Къ нимъ подвернулся-было Репеховскій; они взглянули на него, не останавливаясь; онъ отошелъ, мелькнулъ въ гостиной, появился опять. Онъ былъ никому не нуженъ и искалъ, гдѣ пристроиться.

M-lle Вощикова завидѣла издали своего друга, вѣроятно, разсчитывала на его помощь и боялась дать остыть шуткѣ.

— Но я, всетаки, хочу заработать себѣ романсъ! вскричала она, ребячась.

— Такъ потрудитесь для этого! отвѣчалъ, хохоча, артистъ.

— Страшно!..

— Voyons! A l'oeuvre!

Она сдернула перчатки, и раздалась жалкая гамма, на которую всѣ оглянулись. N покрылъ ее апплодисментомъ и новымъ хохотомъ.

— Ну, я выиграла? спросила m-lle Вощикова, смѣясь, конфузясь и вставая.

— Нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ?

— Вы три раза ошиблись.

— А, этого не было въ уговорѣ!

— Да! Въ уговорѣ не было фальшивыхъ нотъ!

— Mesdemoiselles, я сошлюсь на васъ, вы были свидѣтельницами...

Дѣвицы величаво и молча откланялись. N хохоталъ.

— Я фальшиво играю, а вы въ игрѣ фальшивите! вскричала она со злостью и вся вспыхнула.

— Браво! Каламбуры! Вы и это умѣете? Vous êtes de cette force-là? Но предупреждаю — силы будутъ неравныя, не рискуйте!

— De quoi s'agit-il? спросила, величаво улыбаясь, та княгиня, отъ которой художница ждала заказа.

Эта важная особа подходила подъ руку съ хозяйкой; можетъ быть, хозяйка предупреждала ее о заказѣ, можетъ быть, за тѣмъ и шла она... Положеніе m-lle Вощиковой было не изъ пріятныхъ: N обидился, а онъ былъ извѣстенъ своей дерзостью. Ей оставалось, что̀ называется, улыбаться своему несчастью.

— Вы слышали музыкальный урокъ? спросила она, смѣясь.— M-r N былъ такъ добръ далъ мнѣ его...

— Желаю, чтобъ мой урокъ пригодился, сказалъ N.

— Но урокъ не принесъ мнѣ того, на что я надѣялась, продолжала она, обращаясь къ дамамъ и вооружаясь всей своей смѣлостью.—Не правда ли, нужна была сильная причина, чтобъ осмѣлиться растерзать слухъ всего общества? Причина необычайная? Madame, il y avait un enjeu: m-r N обѣщалъ написать романсъ на мои слова...

— И что-же?

— Увы, этого не будетъ! отвѣчала она шутливо-жалобно, торжествуя, что ее выслушали.

— Но отъ этого теряемъ мы всѣ, замѣтила княгиня, которой, должно быть, очень хотѣлось вѣера:—мы лишаемся вашего романса, m-r N.

— Я напишу романсъ безъ словъ и, если позволите, буду имѣть счастіе поднести его вамъ, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ.

M-lle Вощиковой оставалось только отойти. Сконфуженная, раздосадованная, она была жалка и непріятна. Слишкомъ дорого поплатилась она за свое короткое веселье. Свѣтскія особы дозволили ей минуту пошутить, посмѣяться, слегка блеснуть жизненностью среди ихъ оцѣпенѣнія, и вдругъ покрыли ее холоднымъ, равнодушнымъ забвеніемъ—въ ихъ обществѣ равнымъ смерти. Ей будто повелѣли уничтожиться. Она еще возставала противъ этого повелѣнія, держалась будто свободно, смѣялась безъ желанія и надобности...

Она обрадовалась, увидя близко Репеховскаго, подошла къ нему и разсказывала, какъ ее обидѣли.

— Да полноте, утѣшалъ ее Репеховскій и вдругъ подвелъ ее ко мнѣ.— Полноте, изъ-за чего вы волнуетесь? Вотъ, онъ вамъ скажетъ тоже. Великая бѣда! Этотъ N — кретинъ, ничего больше. Разсыпается, угодничаетъ передъ барынями — за то его и принимаютъ. Стоитъ хлопотать!

— Вамъ хорошо! возразила она и обратилась ко мнѣ. — Не правда ли, ему хорошо говорить—онъ въ сторонѣ; а для меня, отношенія этихъ дамъ... за дерзость какого-нибудь N я теряю...

— И ровно ничего, возразилъ Репеховскій.—Что было, то и есть. Я былъ въ гостиной, когда вы играли. Одна сказала: C'est une folle, а другая: Elle est artiste...

— Это кто сказалъ?

— Баронесса.

— Ахъ, она милая! Ну, слава Богу, я всегда говорила — она чудесная... А кто сказалъ folle?

— Ну, что̀ тамъ, оставьте...

— Нѣтъ, кто?.. Знаю, знаю, ваша любезная хозяюшка! Хорошо! погоди же; пусть только мнѣ вѣера спроворитъ... Сейчасъ лечу къ баронессѣ и такъ-то съ нею любезничаю—она отъ меня съ ума сойдетъ. И дочку ей напишу — херувима!

Она развязно отправилась въ гостиную.

Въ залѣ сдѣлалось движеніе. Хозяйка почти у двери встрѣчала входящаго гостя, ужь немолодого, щеголеватаго и представительнаго господина. Я никогда его не встрѣчалъ, но зналъ по слухамъ и фотографіямъ.

— Ка̀къ я васъ ждала! я уже думала — вы измѣните! говорила m-me Городницкая.

— Что̀-жь дѣлать? отвѣчалъ онъ: — обѣдъ былъ *тамъ*; приглашеніе равняется приказанію.

Онъ пожалъ руку княгинѣ и шелъ въ сопровожденіи дамъ, здороваясь съ мужчинами. Репеховскій, кланяясь, переступилъ ему дорогу.

— А, и вы тутъ, сказалъ гость, исчезая въ дверяхъ гостиной.

Всѣ бывшіе въ залѣ стремились туда же.

Репеховскій кинулся ко мнѣ.

— Вы уходите? Что̀ вы! Теперь-то и остаться. Еще рано. Теперь весь вечеръ пойдетъ съизнова... Вы *его* не знаете? Вотъ, послушайте! Онъ прошлый разъ здѣсь читалъ (ка̀къ читаетъ!) свою драму. Великолѣпіе! И, злодѣй, ничего не печатаетъ. Мы спорили съ нимъ... Впрочемъ, онъ правъ, онъ намъ доказалъ: не поймутъ. Въ наше время — на поруганіе отдавать печатать что̀-нибудь изъ міра чистаго искуства!.. Вотъ съ нимъ потолкуйте — убѣдитъ! Увѣруете! Онъ вамъ во очію явитъ, что̀ такое это ваше новое движеніе, этотъ погромъ цивилизаціи. И чего не видалъ, гдѣ не былъ... Куда вы? Постойте. Дождитесь ужина; хозяйка—умница, ужины старинные, на славу... Одно только — поздно, трудно найти извощика, и, чѣмъ хуже погода, тѣмъ этихъ мошенниковъ меньше...

На мое счастье, мнѣ недолго пришлось выносить вьюгу съ дождемъ, которая сыпала въ ту ночь. Возвращаясь домой и дремля, мнѣ пришло въ голову — ка̀къ же совершитъ m-lle Вощикова свой десятиверстный путь до Египетскаго моста и свое восхожденіе на девяносто ступеней въ потемкахъ? Сомнительно, чтобъ которая нибудь изъ любезныхъ знакомыхъ жила въ сосѣдствѣ и вызвалась довести, и еще сомнительнѣе, чтобы кото-

рая нибудь изъ покровительницъ одолжила экипажъ... Всѣ они пестро вертѣлись у меня предъ глазами. Мнѣ стало смѣшно...

Мнѣ не смѣшно теперь, вспоминая... Точно ли мы не ошибались, не слишкомъ много ли надѣялись на себя и на время? Точно ли эта пустота была безсильна и не стòила горячей досады? Вся ли она расплылась.

В. Крестовскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

«Хозяйничать въ настоящее время невозможно», «имѣнія ничего, кромѣ убытку не даютъ», «заниматься хозяйствомъ не стòитъ», «жить въ деревнѣ нельзя»—вотъ возгласы, которые слышатся ежедневно изъ нечерноземной полосы, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ губерній, въ которыхъ, какъ у насъ въ Смоленской, безъ удобренія нельзя получать удовлетворительныхъ урожаевъ.

Всѣ вопіютъ о невозможности и убыточности хозяйства. Чуть только хозяева сошлись—на хозяйственномъ ли съѣздѣ, въ частномъ ли собраніи—начинаются подобныя безплодныя ламентаціи. Но почему же невозможно хозяйничать? На этотъ вопросъ всегда и вездѣ слышится одинъ и тотъ же отвѣтъ: хозяйничать невозможно, потому что рабочіе дороги, дурно работаютъ, пьянствуютъ, не исполняютъ условій, лѣнивы и пр., а другими словами: хозяйничать невозможно, потому что нѣтъ крѣпостного права.

Въ одной изъ моихъ статей, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ», я уже говорилъ, что не дороговизна рабочихъ рукъ есть больное мѣсто нашего хозяйства, какъ думаютъ многіе, а нѣчто другое. Я утверждалъ и утверждаю теперь, прохозяйничавъ пять лѣтъ, что сельско-хозяйственный трудъ оплачивается у насъ очень дешево сравнительно не только съ оплатою его въ другихъ странахъ, но и съ оплатою у насъ же почти всякаго другого труда. Только крайняя бѣдность, безъисходность положенія, способность довольствоваться такимъ кровомъ, такою одеждою, такою пищею, какими довольствуется нашъ рабочій, въ особенности смоленскій, заставляютъ нести такой тя-

желый трудъ, какъ сельско-хозяйственный, за такую ничтожную плату. Нужно пожить въ деревнѣ, нужно посмотрѣть *что* дѣлаетъ человѣкъ за какихъ нибудь 50 копеекъ въ день (а такую плату получаютъ только лучшіе рабочіе, землекопы или грабары), чтобы убѣждаться какимъ трудомъ достается рабочему человѣку каждая копейка. *Свѣжій* человѣкъ будетъ пораженъ дешевизною сельскаго труда. Повторяю, рабочія руки въ нашихъ хозяйствахъ дешевы, и утверждаю, что съ каждымъ годомъ онѣ будутъ дорожать, такъ что, если теперь невозможно хозяйничать, то черезъ нѣсколько лѣтъ это будетъ еще невозможнѣе. Что̀ касается нравственныхъ качествъ рабочихъ, то я уже говорилъ въ одномъ изъ моихъ писемъ «изъ деревни», что рабочіе въ этомъ отношеніи не хуже насъ, людей образованныхъ, и я нахожу, что, у меня, по крайней мѣрѣ, рабочіе исполняютъ свои обязанности не менѣе добросовѣстно, чѣмъ чиновники любого департамента, сотрудники и переводчики любого издателя; у меня рабочіе не пьянствуютъ, не воруютъ, не портятъ хозяйственныхъ орудій, исполняютъ условія, работаютъ хорошо, добросовѣстно... но объ этомъ послѣ.

А между тѣмъ, хозяйства дѣйствительно пришли въ упадокъ; имѣнія дѣйствительно даютъ мало дохода; дѣйствительно заниматься хозяйствомъ не сто̀итъ, хозяйничать невозможно, если хозяйничать такъ, какъ хозяйничали прежде, какъ въ большинствѣ продолжаютъ хозяйничать до сихъ поръ—*если держаться старой системы хозяйства.*

Старая система хозяйства, выработанная при крѣпостномъ правѣ, при даровомъ, а, главное дѣло, при *обязательномъ* трудѣ, оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, несостоятельною при новыхъ условіяхъ и должна быть замѣнена *новою.* Такъ какъ въ большинствѣ имѣній и до сихъ поръ хозяйство ведется по той же системѣ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, то самый упадокъ хозяйствъ въ настоящее время служитъ очевиднымъ доказательствомъ непригодности старой системы хозяйства при настоящихъ условіяхъ. Старая система хозяйства была основана на крѣпостномъ правѣ. Крѣпостное право уничтожено, возвратиться къ нему невозможно, и, какія бы мѣры не принимались къ установленію, такъ называемыхъ, нормальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, прежнихъ отношеній установить нельзя. Ясно, что должна быть выработана *новая* система хозяйства, такая, которая давала бы возможность хозяйничать при новыхъ условіяхъ. Прежде всего нужно, чтобы и помѣщики, и крестьяне, и чиновники—словомъ, всѣ забыли о крѣпостномъ правѣ, забыли объ основанной на немъ старой системѣ хозяйства.

Дѣло не въ томъ, чтобы замѣнить ручной трудъ машиннымъ, какъ думаютъ нѣкоторые, или простой русскій скотъ замѣнить альгаускимъ, удобрять поля суперфосфатами, сѣять тѣ или другія растенія; все это—частности: дѣло въ измѣненіи системы хозяйства, въ коренномъ преобразованіи ея.

Необходимо выработать для новыхъ условій хозяйства и *новую* систему, подобно тому, какъ существовала старая система, выработанная для прежнихъ условій. Я очень хорошо понимаю, что новая система должна выработаться и выработается сама собою временемъ, соединенными усиліями всѣхъ; я совершенно увѣренъ, что никто, будь онъ семи пядей во лбу, единолично не можетъ выработать новую систему и сказать другимъ: дѣлайте вотъ такъ-то и такъ-то. Сама собою выработается и новая система полеводства—теперь уже видно, какая система полеводства будетъ господствующею въ нашей мѣстности—и новая система скотоводства—какая? этого, по моему, теперь еще не видно—и новая система домоустройства. Само собою измѣнится все это несомнѣнно. Каждый, кто *дѣйствительно* хозяйничаетъ въ настоящее время, выработываетъ, дѣлая, разумѣется, цѣлый рядъ ошибокъ, эту новую систему, и потому каждое хозяйство, которое не остается при старой системѣ, поучительно для всѣхъ. Вотъ почему я рѣшаюсь теперь, когда у меня собралось достаточно данныхъ, чтобы судить о значеніи нѣкоторыхъ измѣненій, которыя я сдѣлалъ въ системѣ хозяйства, напечатать отрывокъ изъ «Исторіи моего хозяйства», въ которомъ я намѣренъ, сдѣлавъ сначала очерки положенія помѣщичьихъ хозяйствъ въ нашей мѣстности, описать, что̀ я нашолъ въ своемъ имѣніи, гдѣ хозяйство, до моего пріѣзда, велось такъ, какъ оно ведется въ большинствѣ имѣній до сихъ поръ, и что̀ сдѣлалъ въ теченіи пяти лѣтъ, хотя по нѣкоторымъ отраслямъ моего хозяйства—въ особенности по полеводству.

Поразительно, въ какой упадокъ пришли помѣщичьи хозяйства въ нашей мѣстности. Въ какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ, большинство хозяйствъ, всѣ, въ которыхъ господствуетъ старая система, пришли въ совершенное разстройство: хозяевъ нѣтъ, постройки разрушились, поля на двѣ трети запущены и превратились въ плантаціи лозника, олешника и березняка, луга одичали; съ каждымъ годомъ хозяйства, которыя держатся старыхъ, заповѣданныхъ дѣдами порядковъ, падаютъ все болѣе и болѣе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ возстановить ихъ.

Когда я, пять лѣтъ тому назадъ, пріѣхалъ въ деревню, то былъ до крайности пораженъ печальнымъ видомъ, какъ своего, такъ и сосѣднихъ хозяйствъ... Въ Петербургѣ я находился у

самаго источника, изливающаго агрономію на Россію; самъ я былъ профессоромъ агрономической химіи, постоянно бывалъ въ обществѣ профессоровъ-агрономовъ, изучившихъ всѣ тонкости агрономической науки за границею, читалъ наши агрономическіе журналы, сообщающіе самыя послѣднія изслѣдованія знаменитыхъ иностранныхъ агрономовъ, присутствовалъ на засѣданіяхъ ученыхъ агрономическихъ обществъ, гдѣ дебатировались тончайшіе вопросы агрономической науки, гдѣ спорили о томъ, альгаускую или голландскую породу скота слѣдуетъ намъ разводить, разсуждали о томъ, какими плугами слѣдуетъ обработывать наши земли, какими машинами слѣдуетъ жать наши хлѣба, толковали о суперфосфатахъ, азотистыхъ тукахъ, вилевскихъ полныхъ и неполныхъ удобреніяхъ, самъ, грѣшенъ, толковалъ о подобныхъ вопросахъ... и вдругъ попадаю въ деревню, въ самую такъ сказать суть хозяйственнаго дѣла—и что̀ же? Хозяевъ нѣтъ, хозяйственныхъ построекъ нѣтъ, скотъ еле таскаетъ ноги, на скотныхъ дворахъ не только потолковъ, но даже дверей нѣтъ, скотъ не только не привязанъ, но даже нѣтъ ящиковъ для корма—мякину сыплятъ около стѣнъ, солому бросаютъ посреди хлѣва: «кушайте матушки, сами и ѣшьте, сами и стелите»—поля не только плугами, но даже и сохами не пашутъ, жать нѐчего.

Начать съ того, что въ настоящее время—въ нашихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ—вовсе нѣтъ хозяевъ. Никто въ деревнѣ не живетъ, никто хозяйствомъ не занимается; всѣ служатъ, всѣ разбѣжались и гдѣ находятся—Богъ ихъ знаетъ. Встрѣтить хозяина, вообще встрѣтить помѣщика, который бы занимался хозяйствомъ и имъ интересовался—необыкновенная рѣдкость. Нѣтъ хозяевъ, нѣтъ семействъ, живущихъ въ деревняхъ—даже на лѣто мало кто пріѣзжаетъ—барышень даже нѣтъ. А между тѣмъ, лѣтъ двадцать тому назадъ—я очень хорошо это помню, потому что до 15 лѣтъ воспитывался въ деревнѣ—во всѣхъ усадьбахъ, во всѣхъ хуторкахъ, сидѣли помѣщики-хозяева, занимались хозяйствомъ—примѣрными хозяевами многіе считались—жили весело, разъѣзжали по гостямъ, играли въ преферансъ, охотились. Всюду, куда бывало ни пріѣдешь—поля обширныя, сѣна въ сараяхъ множество, отъ хлѣба амбары ломятся, лошадей, скота, птицы всякой гибель, домъ—полная чаша, семейство большое, барышнямъ счету нѣтъ—молодежь мужскаго пола и тогда была на службѣ въ полкахъ—у дѣтей гувернёры, гувернантки. А теперь ничего нѣтъ: нѣтъ ни хозяевъ, ни семействъ, ни барышень, дѣтей даже нѣтъ. Ѣдешь теперь мимо какой нибудь усадьбы, видишь живетъ кто-то, но ка̀къ живетъ?—точно отшельникъ въ

пустынѣ; спрашиваешь: кто живетъ—или старикъ баринъ, или старуха-барыня, а то и двѣ, три барыни. За исключеніемъ немногихъ лицъ, дѣйствительно занимающихся хозяйствомъ, имъ интересующихся, доходами съ него живущихъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые нашли себѣ мѣстную службу и занимаются хозяйствомъ попутно—какъ незначительно число настоящихъ хозяевъ въ деревняхъ, можно судить потому, что многіе прасолы, скупающіе скотъ, меня увѣряли, что на сто хозяевъ едва ли найдется одинъ, который бы зналъ своихъ коровъ и могъ бы указать на полѣ въ стадѣ тѣхъ коровъ, которыхъ онъ продаетъ—все, что было молодого, ушло; остались по деревнямъ только старики и старухи—словомъ, такіе люди, которымъ дѣваться некуда, да еще среднихъ лѣтъ барыни, занимающіяся хозяйствомъ въ заправду, превратившіяся изъ прежнихъ барынь въ хозяекъ.

Старики хозяева—прежніе хозяева—которые не перемерли, большею частью, люди очень преклонныхъ лѣтъ, уцѣлѣвшіе, какъ уцѣлѣли зубры, живущіе въ несвойственную имъ нынѣшнюю геологическую эпоху, неспособные уже перемѣнить свой прежній образъ жизни, доживаютъ свой вѣкъ по деревнямъ—даже старики помоложе перебрались въ города, гдѣ живутъ доходами съ выкупныхъ свидѣтельствъ, съ капиталовъ, полученныхъ за проданные лѣса—предоставивъ хозяйство старостамъ, лишь бы самимъ оставаться спокойнымп и не имѣть дѣла съ новыми порядками. Такіе старики—разумѣется, люди не бѣдные—сами искуственно устроили себѣ положеніе, въ родѣ того, какое дѣти устроили «Послѣдышу». Баринъ сидитъ вѣчно въ своемъ кабинетѣ, имѣетъ прежняго Ваньку, котораго обязанность—ежеминутно подавать барину закуренную трубку съ Жуковымъ, прежняго Петьку, который служитъ за столомъ, прежняго Ваську, который раза два въ годъ, четверикомъ въ коляскѣ—ѣздящихъ шестерикомъ я уже не засталъ—возитъ барина въ городъ, прежнюю экономку Прасковью Егоровну, которая докладываетъ, что нынче коровушки, слава Богу, хорошо молочка даютъ и можно будетъ продать сколько нибудь маслица. Баринъ доволенъ, что его не оставили прежніе «люди», что они живутъ у него за небольшое жалованіе, изъ любви къ «старому барину», и все у него идетъ по старому, а люди, разумѣется, стараются пополнить ничтожное жалованье сторонними доходами и понемножку устроиваются на случай смерти старика.

Понятно, что въ имѣніяхъ такихъ стариковъ хозяйство пришло въ совершеннѣйшій упадокъ; старикъ же все приписываетъ неурожаямъ, худымъ годамъ.

Бывало, пока «старикъ» хозяйничаетъ, «молодые господа»

послужать и, выслуживъ чинъ, пріѣзжаютъ въ деревню, сначала въ отпускъ, а потомъ, прельстясь деревенской жизнью, остаются дома, женятся и сами садятся на хозяйство, получая отъ старика въ распоряженіе отдѣльное имѣніе. Теперь же молодые всѣ стали служить настоящимъ образомъ—не то, чтобы чинъ выслужить—стали служить для жалованья, а жалованья-то кстати все пошли большія, такъ что и «благородному» человѣку не стыдно служить, хотя бы даже и квартальнымъ. Еще первое время послѣ «Положенія», многіе изъ молодыхъ, застигнутыхъ по деревнямъ на хозяйствѣ, пробовали продолжать хозяйничать, думая вести хозяйство по новому, по «агрономіи», какъ здѣсь говорятъ. Стали выписывать «Труды», «Земледѣльческую газету», читать Бажанова, Совѣтова... Это было самое цвѣтущее время нашей агрономіи, когда чуть не во всѣхъ городахъ устраивались выставки, конкурсы, сельско-хозяйственныя общества. Ученые агрономы-писатели проповѣдывали, что съ уничтоженіемъ крѣпостного труда, при работѣ наемными батраками, необходимо сократить запашки и обработывать лишь столько земли, сколько представляется возможнымъ хорошо удобрить; кто-то вспомнилъ кстати пословицу: «не поле кормитъ, а нива», и вотъ всѣ стали уменьшать запашки и разводить интензивное хозяйство. Заведя батрачное хозяйство, бросились на машины, надѣясь, что машины будутъ работать сами собою и что стòитъ только вспахать землю плугомъ съ почвоуглубителемъ, чтобы получить урожай самъ-двѣнадцать. Кто-то сказалъ, что вся суть дѣла заключается въ скотоводствѣ, и всѣ бросились на скотъ, покупали и голландскій, и альгаускій, и ярославльскій (породу такую тамъ въ Петербургѣ изобрѣли) скотъ; стали сѣять клеверъ, вику, турнеты, заводили и кормовую свеклу, и рутабагу. Бросались и на искуственныя удобренія, скупали кости... Читаетъ хозяинъ въ долгіе зимніе вечера «Чтò можно заимствовать у иностранцевъ по части земледѣлія» и сочиняетъ разные сѣвообороты—выходитъ такъ ловко на бумагѣ: вика по удобренію, рожь или озимая пшеница, клеверъ, овесъ, паръ—и разбиваетъ поля по новому сѣвообороту. Читаетъ объ нормахъ для кормленія скота и сочиняетъ кормовыя дачи, которыя, къ сожалѣнію, только не приводитъ въ исполненіе, потому что къ веснѣ «кормцу умаленіе»... Однако, ни Бажановъ, ни Совѣтовъ, ни даже *сама* земледѣльческая газета не помогли. Ничего не выгарало. «Агрономія», которая у насъ до сихъ поръ давала деньги только служащимъ по части агрономіи, съѣдала деньги и больше ничего. Побьется молодой хозяинъ, побьется годъ, другой, видитъ, что дѣло худо, что и съ агрономіей ничего не выходитъ,

и хлопочетъ какъ бы на службу. Службы же открылись все отличныя, съ большими жалованьями: въ западный край потребовались дѣятели, въ Ташкентъ, въ акцизъ, въ контроль, въ разные мировые, въ земство, на почту, на желѣзныя дороги и пр. и пр., и все—тысяча, двѣ тысячи жалованья, да еще въ перспективѣ сдѣлаться генераломъ—акцизнымъ, земскимъ, желѣзнодорожнымъ—а тутъ уже пять, десять тысячъ, и дѣлать ничего не нужно, только направлять и подписывать. Хоть до помраченія ума зачитывайся Бажановымъ, Совѣтовымъ, а имѣніе, даже съ клеверомъ и турнетами, даже съ привязанными коровами, даже съ посѣвами вики на зеленый кормъ, ничего кромѣ убытку не даетъ; мало того, настоящій доходъ—оброки или выкупныя свидѣтельства—весь съѣдается агрономіей. Хорошо «агрономамъ», которые тамъ въ Петербургѣ сидятъ въ департаментѣ, пишутъ статьи и книги, ведутъ дебаты въ ученыхъ засѣданіяхъ столичныхъ агрономическихъ обществъ, хорошо имъ, когда они за свою агрономію получаютъ тысячи жалованья... а тутъ что̀ ни сдѣлай—все, въ концѣ концовъ, даетъ минусъ. А смотришь—акцизный, контрольный, почтовый, исправникъ, мировой, земскій, получаютъ кто тысячу, кто двѣ. Кто же себѣ врагъ? И вотъ всѣ бросились туда, гдѣ въ берегахъ кисельныхъ текутъ рѣки сытовыя. Сбылось отчасти мужицкое предположеніе. Когда начались толки о волѣ, мужики говорили: «на что̀ панамъ земля, коли они около нея обращенія не знаютъ; выйдетъ воля, Царь отдастъ намъ землю, а пановъ возьметъ на жалованье—у Царя службы много, Царю всякіе люди нужны».

Молодыхъ новыхъ хозяевъ—кромѣ нѣсколькихъ оригиналовъ, которые не хотятъ служить и добиваются устроиться хозяйствомъ—нѣтъ. Молодежь не пріѣзжаетъ, какъ бывало, изъ полковъ въ отпускъ—невидно ни гусаровъ, ни улановъ, жениховъ нѣтъ. Что̀ было дѣлать по деревнямъ барышнямъ, которыхъ функція была выходить замужъ? А тутъ—доходовъ нѣтъ, разъѣзжать по гостямъ стало некуда, не за чѣмъ, не на комъ, не съ кѣмъ, не на что; дѣлать въ деревнѣ нѐчего, жить скучно... Вслѣдъ за молодежью разбѣжались и барышни; все повалило въ Петербургъ, въ Москву—учиться, искать работы. Воспитывать и учить дѣтей въ деревнѣ стало невозможно, потому что въ деревнѣ нѣтъ заведеній для общественнаго воспитанія, воспитывать же дома сто̀итъ непомѣрно дорого; да кромѣ того воспитатели и воспитательницы жить теперь въ деревнѣ и скучать не хотятъ. Всѣ, у кого есть дѣти, ѣдутъ съ семействами въ города, потому что никто, по старой привычкѣ, не можетъ рѣшиться оставить дѣтей безъ воспитанія и учить такъ, какъ учатъ своихъ дѣтей купцы,

которые ограничиваются обученіемъ дѣтей грамотѣ, счету и затѣмъ тотчасъ пріучаютъ къ дѣлу. Такъ какъ для обученія дѣтей другого средства нѣтъ, какъ помѣстить ихъ въ какое нибудь учебное заведеніе, то всѣ, у кого есть дѣти, перебрались въ города.

Старцы, доживающіе свой вѣкъ, изъ молодежи одинъ, два человѣка, дѣйствительно занимающіеся хозяйствомъ, нѣсколько человѣкъ, имѣющихъ мѣстную службу и занимающихся хозяйствомъ попутно — вотъ и весь контингентъ хозяевъ. И затѣмъ, усадьбы или пусты, или въ нихъ сидятъ и хозяйничаютъ *барыни* среднихъ лѣтъ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ почти все хозяйство сосредоточено въ рукахъ барынь: куда ни повернешься—или вовсе нѣтъ хозяина, или хозяйничаетъ барыня; къ сѣверу отъ меня хозяйничаетъ барыня, къ СВ—барыня, къ ЮВ—барыня, къ Югу—барыня, и за ней еще барыня, и тамъ дальше опять барыня, къ ЮЗ—барыня, къ З—барыня, къ СЗ—барыня все барыни кругомъ; по крайней мѣрѣ, двадцать барынь въ округѣ насчитать можно, и всѣ эти барыни ведутъ хозяйство самолично, при содѣйствіи старостъ, ведутъ его по старому бо̀льшею частію, но есть и такія, которыя занимаются по новому и даже довольно удачно и толково. Дѣйствительно, замѣчательно, куда ни посмотришь—или усадьба стоитъ пустая, или хозяйничаетъ барыня, а мужъ, сынъ, братъ на службѣ; любопытно было бы знать, такъ ли это въ другихъ мѣстахъ; мнѣ кажется, что нѣчто подобное должно быть и въ другихъ мѣстахъ, потому что мужчины ушли служить, барышни ушли учиться и искать женскаго труда, но куда же дѣваться барынямъ, которымъ учиться поздно и которыя не могутъ производить тотъ женскій трудъ, какой требуется въ городахъ, то-есть не могутъ ни переводить, ни учить дѣтей, а, между тѣмъ, къ деревенской жизни привыкли, съ хозяйствомъ до извѣстной степени ознакомились. Тутъ совершилось нѣчто въ родѣ того, что̀ бываетъ въ деревняхъ, изъ которыхъ всѣ крестьяне уходятъ на заработки въ отхожіе промыслы и гдѣ остаются одни только бабы. Въ такихъ деревняхъ все хозяйство на рукахъ у бабъ: бабы заправляютъ дворами, бабы пашутъ, косятъ, молотятъ, бабы же торгуютъ, рѣжутъ скотъ, возятъ почту и проѣзжающихъ, ѣздятъ въ извозъ и пр. Мужчинъ-помѣщиковъ осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы занять должности мировыхъ, управскихъ, полицейскихъ. Я думаю, что, еслибы жалованья земскихъ дѣятелей, судей, административныхъ лицъ были бы значительно уменьшены — на столько, чтобы мужчинамъ не было выгодно занимать эти должности — то пришлось бы допустить барынь къ занятію земскихъ

должностей, подобно тому, какъ въ деревняхъ, гдѣ всѣ мужчины занимаются отхожими промыслами и живутъ въ Петербургѣ или Москвѣ, на сходы домохозяевъ являются бабы, должности десятскихъ правятъ бабы, ямщиками ѣздятъ бабы, чуть ли даже нѣтъ бабъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Помнится, я гдѣ-то что̀-то читалъ объ этомъ. Почему же барынямъ не быть земскими гласными, предсѣдателями и членами управъ и т. п. Если мужчины, оказавшіеся неспособными управиться съ хозяйствами своихъ имѣній, очень часто попадаютъ въ хозяева уѣздовъ—въ предсѣдатели и члены управъ—то почему же женщинамъ, справляющимся съ своими имѣніями, не быть хозяйками уѣздовъ — предсѣдательницами управъ? Дѣло вѣдь не мудреное.

Нужно отдать справедливость, что большинство барынь взялись за хозяйство настоящимъ образомъ и дѣйствительно интересуются дѣломъ—ясно потому, что не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни кромѣ того, что̀ даетъ хозяйство. Замѣчательно, что отъ барынь-хозяекъ слышится гораздо менѣе нытья, жалобъ на невозможность хозяйствовать, жалобъ на неудовлетворительность рабочихъ и пр. Барыни, стоя близко къ дѣлу, поняли, что возвратиться къ старымъ порядкамъ нельзя, убѣдились въ безполезности нытья, примирились съ существующимъ положеніемъ и, какъ лица, которымъ невозможно иначе жить, какъ хозяйствомъ, взялись за дѣло съ тою практическою ловкостію, которою отличаются женщины. Въ теченіи пяти лѣтъ, что̀ я живу въ деревнѣ, мнѣ чаще всего приходилось говорить о хозяйствѣ съ барынями; между ними я болѣе всего встрѣчалъ лицъ, дѣйствительно интересующихся дѣломъ, стремящихся выбиться изъ старой рутины, дѣлающихъ въ хозяйствѣ нововведенія, часто очень удачныя. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ у меня есть барыня, которая самолично ведетъ большое хозяйство, и у этой-то барыни самый лучшій скотъ въ округѣ, обширные посѣвы клевера—до 100 десятинъ, если не ошибаюсь — самая лучшая рожь, какой бы позавидовалъ и степной хозяинъ. Сколько ни случалось мнѣ бывать у нея, сколько ни случалось говорить съ ней о хозяйствѣ — а мы никогда ни объ чемъ другомъ съ ней не говоримъ—я никогда не слыхалъ, чтобы она жаловалась на невозможность хозяйничать, на несостоятельность рабочихъ и т. п. Въ прошедшемъ году былъ у насъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ, на который собралось нѣсколько человѣкъ, и то потому только, что съѣздъ происходилъ во время земскихъ собраній, на которыхъ предстояло произвести выборы мировыхъ и земскихъ должностныхъ лицъ. Первое, объ чемъ зашла рѣчь на съѣздѣ, это—о

невозможности хозяйничать по причинѣ несостоятельности рабочихъ, о необходимости завести рабочія книжки, въ которыхъ бы, на подобіе формуляровъ у чиновниковъ, вписывались всѣ проступки рабочихъ и т. п. О хозяйствѣ собственно ничего почти не говорили, а если разговоръ касался хозяйства, то всѣ возраженія сводились на невозможность улучшенія хозяйства по причинѣ несостоятельности рабочихъ: заговорили о необходимости улучшенія скотоводства—сейчасъ возраженія, что улучшеніе скотоводства невозможно, потому что нельзя найти бабъ, которыя умѣли бы хорошо доить, нельзя найти скотниковъ, которые умѣли бы ходить за скотомъ; заговорили о необходимости разработывать запущенныя поля, ввести посѣвы льна—сейчасъ же явились возраженія, что невозможно достать рабочихъ для корчевки березняковъ, нельзя найти бабъ для выборки и мятья льна и т. п., а между тѣмъ, у моей сосѣдки обширное скотоводство, надаивается болѣе 10 тысячъ ведеръ молока, есть подойщицы, есть скотники и все идетъ хорошо. Въ нынѣшнемъ году былъ у насъ опять сельско-хозяйственный съѣздъ; хозяевъ собралось очень мало, такъ что не знаю, можно ли считать съѣздъ состоявшимся и, всетаки, опять первое слово—нѣтъ рабочихъ, рабочіе—воры, пьяницы и т. д. Еслибы барыни собрались на сельско-хозяйственный съѣздъ—не знаю, почему онѣ не бываютъ — то я совершенно увѣренъ, что съѣздъ получилъ бы характеръ настоящаго собранія хозяевъ, и мы бы услыхали много интересныхъ хозяйственныхъ сообщеній.

Но, всетаки, если считать и барынь—разумѣется, тѣхъ, которыя лѣто и зиму живутъ въ деревнѣ и сами занимаются хозяйствомъ—контингентъ хозяевъ не великъ. Въ бо̀льшей части имѣній самихъ хозяевъ-владѣльцевъ нѣтъ, и хозяйство ведется старостами или прикащиками, а на хуторахъ и вовсе никакого хозяйства не ведется, потому что большинство хуторовъ запущено.

Когда, послѣ «Положенія», прогорѣвъ на «агрономіи», помѣщики бросились на службу, то имѣнія остались въ управленіи старостъ и разныхъ прикащиковъ и управителей изъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Староста, разумѣется, прежде всего, отвязывалъ коровъ, переставалъ сѣять клеверъ, сваливалъ плуги и молотилки въ сарай, уничтожалъ батрачное хозяйство и сдавалъ поля сосѣднимъ крестьянамъ на обработку кругами, то-есть сдѣльно на ихъ лошадяхъ, съ ихъ орудіями, сдавалъ крестьянамъ косить луга съ половины, дрова рубить съ половины и, уничтоживъ «агрономію», начиналъ хозяйничать по старому, сокративъ только размѣры хозяйства. Это, впрочемъ—единственное, что̀ могъ сдѣлать такой

староста, и лучшее, что онъ могъ сдѣлать, будучи вынужденнымъ вести хозяйство *безъ крѣпостныхъ и безъ денегъ*.

Разъ помѣщикъ уѣхалъ на службу, всѣ нехозяйственныя постройки — господскій домъ (хоромы), кухни, людскія избы, мастерскія, въ которыхъ работали въ былое время ткачихи, столяры, каретники и пр., погреба, ледники, кухни, каретные сараи, пекарни—оказывались не нужными, а если вещь не нужна, не употребляется, такъ что же объ ней и заботиться! Ненужныя постройки оставались безъ ремонта, безъ присмотра и какъ нехозяйственныя постройки—какъ же можно въ господскіе хоромы ссыпать хлѣбъ или въ каретный сарай складывать сѣно!—ни на что не употреблялись. Начиналось разрушеніе... Неотапливаемыя, неремонтируемыя, оставленныя безъ присмотра постройки, особенно деревянныя, разрушаются чрезвычайно скоро, и домъ, который, при ежегодномъ незначительномъ ремонтѣ, простоялъ бы пятьдесятъ лѣтъ, можетъ безъ присмотра разрушиться въ какія-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ, или, если не совсѣмъ разрушиться, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться необитаемымъ безъ значительныхъ поправокъ.

Начинается съ того, что крыша на хоромахъ гдѣ-нибудь прогнила и дала течь — еслибы положить двѣ-три новыхъ тесины или нѣсколько гонтинъ, то крышу легко можно было бы поправить; но вѣдь это—лишній расходъ, на такіе расходы у старосты денегъ нѣтъ, да и зачѣмъ же тратиться?—вѣдь въ домѣ все равно никто не живетъ! Крыша дала течь; въ дожди вода собирается на потолкѣ, дѣлается течь сквозь потолокъ въ комнаты; такъ какъ домъ не отапливается, то сырой потолокъ гніетъ, прогибается, подается то тамъ, то здѣсь. Стекла въ слуховыхъ окнахъ на чердакѣ выбили кошки и птицы, рамки въ нихъ выгнили; на чердакѣ наметаетъ снѣгу; ни съ крыши, ни съ чердака снѣгъ никогда не счищается; потолокъ и крыша гніютъ и разрушаются все болѣе и болѣе; трубы и печи отъ сырости размокаютъ; обои отклеились и висятъ лохмотьями; балконы, крыльца подгнили и покосились — тамъ колонка вывалилась и гніетъ подлѣ балкона, тамъ навѣсъ надъ крыльцомъ осунулся. Стекла въ окнахъ выбиты вѣтромъ, птицами, а, можетъ кѣмъ, и вытащены; въ комнаты набиваетъ снѣгу, полъ гніетъ, рамы гніютъ, петли, задвижки, замки ржавѣютъ.

Не заказалъ баринъ, уѣзжая на службу, имѣть особенный присмотръ за домомъ, не наѣзжаетъ онъ въ деревню, хотя изрѣдка, лѣтомъ, не осталось въ домѣ мебели, которую староста обязанъ сохранять для пріѣзда, брошенъ домъ на произволъ судьбы — разрушеніе идетъ еще быстрѣе. Тутъ уже и рука человѣ-

ческая начинаетъ помогать естественнымъ невзгодамъ: понадобилась старостѣ вьюшка, гвоздь, крючокъ завѣсы — въ домѣ можно взять; понадобился кирпичъ — въ домѣ можно взять изъ печи; а нѣтъ уже печей, такъ изъ фундамента; понадобилась тесина — а вонъ отъ обшивки отдери. Разъ начали брать изъ дома понемножку кирпичи, тесъ, доски, желѣзо, разрушеніе идетъ еще быстрѣе, потому что сосѣдніе крестьяне навѣрно помогутъ: тотъ доску унесетъ, тотъ тесину оторветъ, тотъ кирпичу изъ фундамента наломаетъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ смотришь— домъ уже совершенно разрушился и стоятъ печальныя хоромы: стекла выбиты, рамы сгнили, потолки прогнулись, крыша осунулась, половъ нѣтъ, наружная обшивка оторвана, вмѣсто печей груды мусора, фундаментъ выбранъ.

Однако, хоромы еще не во всѣхъ имѣніяхъ разрушились, потому что, если домъ былъ хотя сколько-нибудь порядочный, то баринъ, уѣзжая, заказалъ старостѣ смотрѣть за домомъ и сохранять мёбель. Въ такихъ случаяхъ, домъ обыкновенно стоитъ съ заколоченными окнами и дверями и, по крайней мѣрѣ, не разтаскивается, но только разрушается самъ собою отъ недостатка ремонта; еще лучше сохранились дома тамъ, гдѣ есть прикащикъ, живущій въ господскомъ домѣ. Но печать разрушенія лежитъ на всѣхъ деревенскихъ домахъ, даже и на такихъ, въ которыхъ еще живутъ господа — старики, бездѣтныя барыни, потому что всѣ, за недостаткомъ средствъ, стараются какъ можно менѣе тратить на ремонтъ построекъ. Пройдетъ еще немного лѣтъ, и въ деревняхъ уже останется мало домовъ, въ которыхъ возможно будетъ жить, не затративъ предварительно значительныхъ суммъ на поправки.

Если хоромы еще уцѣлѣли кое-гдѣ, за то другія постройки, такъ-называемыя службы, всюду развалились—даже тамъ, гдѣ еще сидятъ господа. Были кухни, людскія, мастерскія, прачечныя, кучерскія, но не стало «людей», и людскія сдѣлались не нужны; кухни, прачечныя тоже стали не нужны безъ господъ, а если гдѣ и остались господа, то кухни и прачечныя переведены въ хоромы — много ли нужно какому-нибудь старику или одинокой барынѣ? Столяровъ, ткачей и разныхъ иныхъ собственныхъ мастеровыхъ нѣтъ, кучеровъ нѣтъ — работникъ какой-нибудь парочкой возитъ — псарей нѣтъ, а потому и службы разныя сдѣлались не нужны. Оставленныя постройки гніютъ, разрушаются, разваливаются, и никому даже въ голову не приходитъ, что эти, теперь ненужныя для прежняго назначенія постройки, могутъ быть употреблены для хозяйства, что изъ бывшихъ кухонь, людскихъ, прачечныхъ можно сдѣлать теплые

хлѣвы для телятъ или для коровъ. Избы гніютъ и валятся, а скотъ мерзнетъ въ холодныхъ хлѣвахъ. Какъ же можно поставить телятъ въ господскую кухню или прачечную! И постройки гніютъ подъ прежними названіями. Только въ двухъ помѣщичьихъ усадьбахъ я видѣлъ, что старыя хоромы употреблены для хозяйственныхъ цѣлей: въ одной—въ домѣ было сложено сѣно, въ другой — рожь въ снопахъ.

Гдѣ помѣщикъ не живетъ, тамъ и хозяйственныя, ненужныя для того простого хозяйства, какое ведетъ староста, постройки оставляются безъ ремонта. Какъ уѣхали господа, такъ и завелось «пустодомство», какъ выражается моя Авдотья. Былъ, напримѣръ, погребъ, хорошій погребъ съ печкой, для овощей и разныхъ запасовъ. Уѣхалъ баринъ на службу; старостѣ погребъ ненуженъ—онъ, сколько накопаетъ для себя картошки, подъ поломъ въ избѣ сбережетъ — вотъ погребъ и развалился: лотоки сгнили, крыша разъѣхалась, вѣтромъ снесло часть крыши; зачѣмъ поправлять—а и поправки-то всего на какой-нибудь рубль—вѣдь теперь погребъ не нуженъ, потолокъ прогнилъ, печь развалилась, кирпичи староста забралъ на поправку печи въ избѣ... Смотришь: вмѣсто погреба, стоитъ никуда не годная развалина. Какъ завелось пустодомство — тоже сталось съ ледникомъ, каретнымъ сараемъ, мшаникомъ и прочими постройками, ненужными для того хозяйства, какое ведетъ староста, сдающій землю на обработку кругами, покосы съ половины, содержащій плохихъ быченковъ для навозу.

Былъ подлѣ дома прудъ, въ которомъ водились хорошіе караси. Уѣхалъ баринъ: карасей повыловили, за плотиной и ставомъ присмотру не стало; перестали отсыпать отмель, починять откоски, наблюдать, чтобы при возвышеніи воды заставки своевременно вынимались—потому: кому озерцо нужно? вѣдь господъ нѣтъ! Вотъ, въ одинъ прекрасный день, плотину прорвало, озерцо сбѣжало, ставъ покачнулся, пришлось для проѣзда накинуть черезъ прорву мостикъ; каждую весну прорву стало размывать все болѣе и болѣе, ставъ началъ разваливаться, мостикъ пришлось дѣлать все длиннѣе и длиннѣе, подпирать съ низу бревнушками; наконецъ плотину размыло такъ, что и мостикъ не можетъ держаться — приходится дѣлать или ставъ, или мостъ, или переводить дорогу на другое мѣсто, если это возможно. Такимъ образомъ, пруды, если на нихъ только нѣтъ мельницъ, которыя съ охотою берутся въ аренду, повсемѣстно уничтожились, и я не ошибусь, если скажу, что изъ сотни прудовъ, бывшихъ прежде около усадьбъ—а около какой же усадьбы не было прежде пруда—осталось теперь много если одинъ, два. А черезъ

это, не говоря уже о томъ, что повсемѣстно уже перевелась искусственно содержимая рыба—карася теперь ни за какія деньги у насъ не достанешь—уменьшилось количество удобныхъ водопоевъ для скота, полевыя дороги и переѣзды черезъ рвы сдѣлались неудобны, что̀ затруднило вывозку навоза; вмѣсто проточныхъ чистыхъ прудовъ появились вонючія лужицы, въ которыхъ лѣтомъ вода, въ жаркое, сухое время, пріобрѣтаетъ вредныя качества, что̀ отражается на здоровьѣ скота, вынужденнаго пить такую воду, на качествѣ молока и молочныхъ продуктовъ.

Были фруктовые сады—яблоковъ, ягодъ всякихъ сколько было! – были парки, рощи, аллеи, цвѣтники, огороды. Теперь ничего этого нѣтъ: яблони повымерзли и новыми не замѣнены, ягодные кусты одичали, парки заглохли, рощи начинаютъ уже рубить на дрова, липовыя аллеи срублены на мочала, цвѣтники, дорожки заглохли, даже огороды и тѣ запущены.

Многіе изъ отдѣльныхъ хуторовъ, гдѣ и прежде не было панскихъ усадьбъ, а сидѣли только старосты, теперь вовсе уничтожены. Уменьшали запашку, выпахали землю и, наконецъ, видя, что хуторъ никакого доходу не даетъ, бросили хозяйство. На такихъ уничтоженныхъ хуторахъ, разумѣется, уже все разрушилось: не только жилыя избы, но и всѣ хозяйственныя постройки—овины, скотные дворы, хлѣбные дворы—потому что, съ уничтоженіемъ хозяйства, всѣ эти постройки, какъ ненужныя, остались безъ всякаго присмотра и ремонта. Если что̀ и уцѣлѣло на такихъ хуторахъ, то только сараи, въ которые складывается сѣно, потому что на уничтоженныхъ хуторахъ все-таки еще остаются покосы. За сѣномъ крестьяне гонятся; мало-мальски порядочный покосъ и всегда найдутся охотники его косить съ части, возьмутъ косить съ половины, съ трехъ пятыхъ, съ трети; брать съ части покосы на запущенныхъ хуторахъ крестьяне даже очень любятъ, потому что, обыкновенно, здѣсь нѣтъ присмотра во время покоса—и, возвращаясь вечеромъ домой, косецъ всегда можетъ увезти возикъ другой травы или сѣна, такъ что съ запущеннаго хутора владѣльцу часто достается не треть сѣна, напримѣръ, а только, можетъ быть, четверть или одна пятая; кромѣ того, во время покоса около построекъ запущеннаго хутора, тоже можно кое-чѣмъ поживиться: кирпичикомъ, гвоздиками, столбиками дубовыми и т. п., у мужика все это на потребу пойдетъ.

Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ хозяйство не уничтожено и ведется по старому, или самими помѣщиками, занимающими мѣстныя служебныя должности, или оставшимися на хозяйствѣ, оттого, что некуда дѣваться, стариками помѣщиками и барынями, или,

наконецъ, арендаторами, прикащиками, старостами, необходимыя хозяйственныя постройки—овинъ, хлѣбный дворъ, кормовой дворъ, амбары, избы для старосты и скотника — еще поддерживаются, но какъ поддерживаются! Послѣ «Положенія», когда покосы стали сдавать на скосъ съ половины или съ третьей части, когда перестали поддерживать и очищать луга, что̀ особенно повліяло на пустошные луга, весьма быстро заростающія пустоши, *количество сѣна во всѣхъ имѣніяхъ стало меньше* и много, если составляетъ двѣ пятыхъ, а вѣрнѣе — въ общей сложности всѣхъ имѣній—одну треть прежняго количества; вслѣдствіе уменьшенія запашекъ и соломы тоже стало меньше. Количество корму, значитъ, во всѣхъ имѣніяхъ уменьшилось, а потому и скота вездѣ пришлось держать гораздо менѣе, чѣмъ прежде. Прежніе скотные дворы оказались уже теперь слишкомъ велики, такъ что скотъ сталъ уже помѣщаться въ одной половинѣ двора, а другая остается пустою. Такъ какъ скотные дворы обыкновенно у насъ строятся такъ называемые круглые, то есть, замкнутые черырехугольные, съ дворомъ посрединѣ, мѣсто, на которомъ ставится дворъ, никогда не выравнивается, водосточныхъ канавъ и трубъ для отвода воды, стекающей съ крышъ, не дѣлается, то одна половина хлѣвовъ, та, которая стоитъ ниже, непремѣнно затапливается водою, стекающею со двора въ нижніе хлѣвы; эти нижніе хлѣвы, въ которыхъ необходимо часто подстилать солому, чтобы скотъ не стоялъ въ грязи, теперь, когда количество скота уменьшилось, обыкновенно оставляютъ пустыми. Ту половину скотнаго двора, гдѣ не стоитъ скотъ, конечно, не ремонтируютъ, а между тѣмъ, отъ сырости, земля въ ней дѣлается вадкою, столбы наклоняются въ ту сторону, куда идетъ покатость, за ними тянетъ всю постройку, крыша объѣзжаетъ. А тутъ понадобилось поправить что-нибудь въ верхней половинѣ, гдѣ стоитъ скотъ—берутъ, что̀ можно, изъ нижней. Такимъ образомъ, часть скотнаго двора, вслѣдствіе опущенія, пустодомства, разрушается, растаскивается и, черезъ нѣсколько времени, остается уже только половина скотнаго двора. Тоже самое и съ другими хозяйственными постройками—вездѣ поддерживается только то, что̀ нужно въ данную минуту, а остальное пропадай, и никто не разсчитываетъ, что такое положеніе не можетъ продолжаться до безконечности, что наступитъ, наконецъ, время, когда опять примутся за сельское хозяйство, безъ котораго благосостояніе страны немыслимо.

Когда было много хлѣба, вездѣ были устроены большіе овины съ достаточнымъ количествомъ садокъ для сушки хлѣба —

*

рѣдкій овинъ не имѣетъ двухъ садокъ; стало меньше хлѣба, оказалось достаточнымъ одной садки, вторую опустили и оставили безъ присмотра. Разумѣется, очень скоро крыша осунулась, мѣстами раскрылась, а тутъ понадобился доръ или заборникъ—«возьми съ той садки; все равно, на ней не сушатъ; по нынѣшнимъ хлѣбамъ и одной садки довольно». Снимаютъ съ крыши доръ, разбираютъ заборъ, берутъ рѣшетникъ, балки, и вотъ остается одна садка, окруженнная поддерживавшими крышу дубовыми столбами, которыхъ не взяли потому только, что ихъ нужно выкапывать изъ земли—зимою же выкапывать нельзя, а лѣтомъ некогда. Оставленная безъ крыши садка гніетъ, разрушается, и хорошо, если дойдетъ хотя на дрова или будетъ отдана какому-нибудь крестьянину подъ работу. Тоже сдѣлалось и съ хлѣбными дворами, которые повсемѣстно на половину разрушились; тоже сдѣлалось съ сѣнными сараями. Когда на пустошахъ накашивалось много сѣна, вездѣ стояли отличные сараи; сѣна стало меньше, потому что пустоши повсемѣстно заросли лозникомъ, травы выродились, да къ тому же и покосы сдаются съ части или за обработку земли. Сараи полевые, какъ ненужные, остались безъ присмотра: доръ съ крышъ растащили, непокрытыя балки сгнили и упали; остались только столбы, а мѣстами и званія сараевъ не осталось—видно только по отмѣнной травѣ, что тутъ стоялъ когда-то сарай.

Такимъ образомъ, все валится, рушится, гніетъ, уничтожается и бо́льшею частію почти безъ слѣда, потому что на хуторахъ, въ небольшихъ усадьбахъ у помѣщиковъ средней руки, отъ 100 до 150 душъ крестьянъ, почти всегда въ нашихъ мѣстахъ постройки были деревянныя, отъ которыхъ уже теперь ничего почти не остается. Въ большихъ имѣніяхъ богатыхъ помѣщиковъ—у насъ въ имѣніяхъ, лежащихъ по Днѣпру—въ имѣніяхъ, гдѣ постройки были каменныя, гдѣ овины, хлѣбные дворы, скотные дворы были на каменныхъ столбахъ, хотя и развалилось многое, но, по крайней мѣрѣ, есть основы, есть развалины.

Было бы очень интересно, еслибы кто-нибудь вычислилъ, ка̀къ велика потеря, понесенная отъ разрушенія построекъ, оставленныхъ безъ присмотра и ремонта, погибшихъ такъ себѣ зря, безплодно, отъ пустодомства, отъ простой неряшливости, отъ того, что каждый, убѣгая изъ имѣнія, бросалъ его на произволъ судьбы, не разсчитывая, что онъ или его дѣти когда-нибудь должны будутъ возвратиться, не разсчитывая, что придетъ время, когда службы на всѣхъ не будетъ хватать, да и платить за службу будетъ нечѣмъ, если всѣ будутъ только служить и никто ничего не будетъ производить. Я думаю, что, если пере-

вести на деньги всѣ потери, происшедшія только отъ разрушенія построекъ, то это составитъ сумму, которая превзойдетъ ту сумму, какую заплатили французы нѣмцамъ въ послѣднюю войну.

Теперь каждому, кто задумаетъ заниматься хозяйствомъ на бывшей помѣщичьей землѣ—будетъ ли это самъ владѣлецъ, или арендаторъ—прежде всего придется затратить большія суммы на постройки, погибшія отъ пустодомства, отъ безпутства, оттого, что никто не хотѣлъ жертвовать копейками на поддержаніе тѣхъ построекъ, которыя были, а, напротивъ, каждый, за послѣднія пятнадцать лѣтъ вытягивалъ изъ имѣнія все, что̀ возможно, ничего не затрачивая. Необходимость затрачивать деньги на возобновленіе построекъ составляетъ въ настоящее время одно изъ главнѣйшихъ затрудненій для того, кто садится на хозяйство въ опустошенный хуторъ.

Постройки развалились. Не въ лучшемъ состояніи находятся и «угодья» помѣщичьихъ имѣній. Луга, сѣнные покосы составляютъ самыя важныя угодья. Теперь вся цѣнность имѣній зависитъ отъ покосовъ, потому что, если есть хорошіе заливные покосы, то имѣніе можетъ доставлять доходъ, если хозяйство не ведется совершенно безсмысленно, и никогда не будетъ встрѣчать затрудненій въ пріисканіи рабочихъ рукъ для обработки земли по старымъ способамъ. Крестьяне въ своихъ надѣлахъ имѣютъ мало луговъ, между тѣмъ, все благосостояніе крестьянина зависитъ отъ количества скота и, главное, отъ количества лошадей, какое онъ можетъ содержать, потому что, чѣмъ больше у него будетъ лошадей, тѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть средствъ для мѣстныхъ заработковъ, тѣмъ болѣе будетъ у него навоза и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе будетъ хлѣба и корма для рогатаго скота. Поэтому крестьянинъ болѣе всего дорожитъ покосомъ и употребляетъ всѣ средства, чтобы заготовить какъ можно болѣе сѣна. Занимается ли крестьянинъ отхожимъ промысломъ, занимается ли онъ торговлею или какимъ-нибудь ремесломъ, все-таки, къ Петрову дню, къ началу покоса, онъ возвращается домой — на сторонѣ остаются только пустодомы, да лишніе члены многолюдныхъ семей—бросаетъ торговлю, всякія другія дѣла̀ и занимается покосомъ. Даже безземельные крестьяне, дворовые, отставные солдаты, деревенскіе ремесленники, бобыли, не занимающіеся земледѣліемъ, старики и молодые, бросаютъ свои обычныя занятія, когда начинается покосъ. Съ Казанской до Спаса у насъ въ деревняхъ нѣтъ ни плотниковъ, ни гробаровъ, ни печниковъ, ни сапожниковъ, ни столяровъ, словомъ, нѣтъ никакихъ ремесленниковъ—всѣ косцы, всѣ занима-

ются покосомъ: тотъ коситъ сѣно для себя, потому что у него есть коровка, лошадка, овечка, другой готовитъ сѣно на продажу. Сѣно у насъ всегда дорого; хорошее сѣно съ заливныхъ луговъ рѣдко можно купить дешевле 15 коп. за пудъ, а, главное дѣло, сѣна у насъ всегда мало и достать его негдѣ, потому что рѣдко кто его готовитъ на продажу — готовятъ сѣно для себя и такіе продаютъ только въ крайности. Поэтому, крестьяне всегда гонятся за покосомъ; богатые крестьяне стараются нанять луга на скосъ и обыкновенно нанимаютъ самые лучшіе заливные днѣпровскіе луга; если нельзя нанять луговъ, если нѣтъ средствъ для найма, крестьянинъ ищетъ гдѣ-бы взять лугъ на скосъ съ части и, если луга хороши, то, лишь бы получить ихъ на скосъ, соглашается, при этомъ, обработывать землю кругами. Даже самые плохіе пустошные луга не остаются неубранными; были бы только луга—крестьяне ихъ всѣ разберутъ.

Покосы поэтому составляютъ самыя важныя «угодья» въ нашихъ имѣніяхъ.

Первое мѣсто между покосами занимаютъ хорошіе заливные луга по Днѣпру и его притокамъ. Въ нашемъ округѣ днѣпровскіе покосы считаются первыми, и всѣ имѣнія, лежащія по Днѣпру—эти имѣнія бо́льшею частію принадлежатъ богатымъ землевладѣльцамъ — считаются лучшими въ хозяйственномъ отношеніи. Днѣпровскіе покосы всегда можно сдать въ аренду, на скосъ травы, за 10 до 15-ти рублей казенную десятину, да сверхъ того еще за право пастьбы скота весною до заказа луговъ и по отавамъ послѣ покоса, сосѣдніе крестьяне будутъ или платить, или работать владѣльцу. Если примемъ среднюю арендную плату за такіе заливные луга въ 12 рублей, то цѣнить такіе луга нужно по 400 рублей за десятину, полагая ренту въ 30%, что̀ еще очень высоко, потому что другія угодья такой ренты не даютъ. Нѣкоторые землевладѣльцы, не находя выгоднымъ вести хозяйство, даже при заливныхъ лугахъ, и не получая изъ хозяйства того дохода, какой можно получать прямо, заставляя косить луга за деньги, вовсе уничтожили хозяйство въ приднѣпровскихъ имѣніяхъ: луга сдаютъ въ аренду за деньги крестьянамъ или помѣщикамъ, занимающимся скотоводствомъ, но не имѣющимъ хорошихъ луговъ, а полевыя угодья запустили подъ заросли, или сдаютъ крестьянамъ подъ ленъ на выпашку. Впрочемъ, такъ поступаютъ лишь немногіе, отказавшіеся отъ старой рутины, и поступаютъ очень разумно, потому что, оставаясь при старой системѣ хозяйства, тѣ, которые сами косятъ луга, сѣномъ кормятъ скотъ, часто получаютъ менѣе дохода, чѣмъ сколько бы они получили прямо, продавая траву. Многіе же и вовсе ни-

чего не получаютъ: косятъ луга, чтобы имѣть сѣно, сѣномъ кормятъ скотъ, чтобы имѣть навозъ, навозомъ удобряютъ поля, чтобы имѣть хлѣбъ, а, продавъ хлѣбъ, получаютъ столько, сколько нужно заплатить за скосъ травы, за уходъ за скотомъ, за обработку земли, такъ что, въ концѣ-концовъ, выходитъ или нуль, или даже минусъ.

Какъ бы то ни было, но большинство не запродаетъ своихъ луговъ, находя болѣе выгоднымъ вести хозяйство, а вѣрнѣе—ничего не находя, просто по рутинѣ. Рѣдко кто коситъ луга самъ—батраками или поденщиками—обыкновенно сдаютъ луга на скосъ изъ части, причемъ лучшіе заливные луга отдаются съ трети въ пользу косца, а худшіе съ половины; въ общей же сложности, можно принять, что владѣлецъ получаетъ три пятыхъ сѣна, да, сверхъ того, за право пастьбы сосѣдніе крестьяне отбываютъ ему какую-нибудь работу, напримѣръ, косятъ часть луга въ пользу владѣльца. Такъ какъ крестьяне очень дорожатъ покосами, то обыкновенно, снимая съ части покосы, они же берутъ за извѣстную плату обработку владѣльческой земли кругами, лишь бы удержать за собой покосъ. Имѣнія съ хорошими заливными лугами относительно покосовъ остались въ томъ же состояніи, какъ были до «Положенія», потому что заливные луга, ежегодно удобряемые иломъ, нанесеннымъ весенними водами, не ухудшились, за исключеніемъ развѣ низменностей, требующихъ осушенія посредствомъ канавъ, которыя послѣ «Положенія», съ опущеніемъ хозяйства, рѣдко гдѣ ремонтируются и уже успѣли заплыть. Разумѣется, относительно количества сѣна и такія имѣнія съ заливными лугами потеряли противъ прежняго, потому что прежде *все* сѣно съ луговъ поступало владѣльцу, а теперь поступаетъ только *три пятыхъ*.

Второй по достоинству разрядъ луговъ составляютъ низменные, болотистые, болѣе или менѣе заливаемые весенними водами луга около маленькихъ рѣчекъ. Такіе покосы какъ по количеству, такъ и по качеству травъ, далеко ниже хорошихъ возвышенныхъ заливныхъ луговъ по Днѣпру и другимъ рѣкамъ; они рѣдко сдаются въ аренду за деньги и обыкновенно косятся мѣстными крестьянами съ половины, а худшіе съ двухъ пятыхъ, даже съ одной трети, въ пользу хозяина. Имѣнія съ такими покосами стоятъ далеко ниже имѣній съ хорошими заливными покосами; здѣсь луга не представляютъ такой вѣрной доходной статьи, какую они представляютъ тамъ, потому что нѣтъ охотниковъ снимать такіе луга на деньги, ибо всякій снимающій луга на скосъ предпочитаетъ лучше дорого заплатить за хорошій лугъ, чѣмъ возиться съ плохимъ лугомъ, который даетъ

мало сѣна, да и то дурнаго качества. Охотники косить такіе луга съ части, однако, всегда есть, и хозяину достается часть сѣна бо̀льшая или мѐньшая, смотря по качеству луга. Здѣсь хозяину уже нельзя ввести ту систему хозяйства, какую ввели нѣкоторые владѣльцы имѣній съ хорошими заливными лугами, то-есть нельзя забросить поля и ограничиться сдачей луговъ въ аренду для полученія вѣрнаго дохода. Получая часть сѣна, хозяинъ могъ бы продавать его, но, такъ какъ охотниковъ до такого сѣна мало, особенно въ урожайные на травы годы, то невозможно основать на этомъ хозяйство. Тутъ уже, волей-неволей, приходится доставшуюся хозяину часть сѣна стравливать скоту и вести полевое хозяйство.

Сѣно съ луговъ этой второй категоріи, содержащее много острецу и другихъ кислыхъ травъ, не годится для прокормленія рогатаго скота и овецъ; его ѣдятъ только лошади, такъ что, имѣя такое сѣно, необходимо держать въ имѣніи лошадей, хотя бы только для переработки этого сѣна въ навозъ. Въ имѣніяхъ съ лугами второй категоріи сѣна теперь получается менѣе половины того, что̀ получалось до «Положенія», потому что половина сѣна отдается за уборку, да, кромѣ того, количество сѣна уменьшилось, потому что болотистые луга требуютъ ухода — очистки канавъ, срѣзыванія кочекъ, вырубанія кустовъ и пр., чего теперь, послѣ «Положенія», не дѣлается, а потому на подобныхъ лугахъ канавы уже затянуло, выросло множество кочекъ и лозовыхъ кустовъ.

Къ той же категоріи нужно отнести покосы по рвамъ, ровкамъ и лощинамъ между полями, дававшіе прежде много хорошаго сѣна — особенно если рвы съ отлогими берегами и не имѣютъ желѣзистыхъ ключей — потому что такіе покосы удобряются водою, стекающею съ унавоженныхъ полей. Эти покосы охотно снимаются крестьянами съ половины, хотя теперь далеко не даютъ того количества сѣна, какое давали прежде, потому что часть полей, вслѣдствіе уменьшенія запашекъ, запущена, а при запусканіи десятинъ принимали въ соображеніе только отдаленность десятинъ отъ усадебъ и часто запускали десятины, лежащія около рвовъ, не обращая вниманія на то, что воды съ удобренныхъ десятинъ будутъ удобрять уже не рвы, а эти запущенныя десятины, быстро заростающія березнякомъ и лозой. Сверхъ того, заросшія лѣсомъ запущенныя десятины замѣнили многіе рвы и лощины, а между тѣмъ, удобренія въ имѣніяхъ вообще вывозится на поля гораздо менѣе, чѣмъ прежде, обработка земли стала хуже, межи около десятинъ оставляются большія, изъ бороздъ не дѣлается надлежащихъ спусковъ, канавы

заросли кустами и пр. Все это значительно уменьшило общее количество сѣна, получаемаго съ такихъ покосовъ, да къ тому же половину сѣна приходится отдавать за уборку. Такимъ образомъ, въ имѣніяхъ съ лугами второй категоріи количество сѣна, получаемаго теперь, составляетъ *много если двѣ пятыхъ* того количества, какое получалось до «Положенія», а мѣстами оно не превосходитъ и одной трети.

Но все-таки же имѣнія, обладающія даже и плохими заливными лугами и хорошо расположенными рвами, относительно покосовъ находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ имѣнія, въ которыхъ покосы состоятъ изъ такъ-называемыхъ пустошей, т. е. луговъ, разработанныхъ изъ-подъ лѣсныхъ пространствъ. Между тѣмъ, у насъ заливныхъ луговъ мало, и главная масса покосовъ состоитъ изъ пустошей.

Въ былыя времена, помѣщики, понимая всю важность удобренія для нашихъ полей, старались заготовлять какъ можно болѣе корма и, если не имѣли заливныхъ луговъ, то разработывали на луга лѣсныя пространства. У иныхъ эта разработка производилась очень правильно, хозяйственно, такъ что на луга разработывались только низины, которыя при этомъ же осушались канавами, а высокія мѣста, горбыли, оставались подъ лѣсомъ, вслѣдствіе чего такъ разработанныя пустоши представляли нѣчто въ родѣ парковъ, гдѣ рощицы смѣнялись лужками; у другихъ разработка производилась сплошными пространствами, причемъ, разумѣется, подъ пустошь выбиралось болѣе или менѣе низкое мѣсто; у третьихъ, наконецъ, разработка пустошей производилась безъ всякаго порядка, какъ попало и гдѣ попало. Какъ бы то ни было, но до «Положенія» постоянно производилась разработка пустошныхъ луговъ изъ-подъ лѣсныхъ пространствъ. Вырубка лѣсовъ на постройки и на дрова производилась болѣе или менѣе правильно; лѣсъ на дрова вырубался до чиста, вырубленныя пространства очищались отъ лому, пней, кустовъ и разработывались подъ покосъ, который «по нови» давалъ хорошіе урожаи сѣна, отлично съѣдаемаго рогатымъ скотомъ и въ особенности пригоднаго для овецъ, которыя охотно ѣдятъ въ видѣ сѣна пахучія, листоватыя травы. Такъ какъ пустоши до «Положенія» постоянно подчищались, т. е. на нихъ вырубали засѣдающій кустъ, срѣзали появляющіяся кочки, очищали канавы, выбирали пни, такъ какъ онѣ тогда косились своевременно и хозяйственно, причемъ срѣзался весь появляющійся отростокъ, трава подкашивалась подъ корень, вслѣдствіе чего лугъ не зарастал бѣлоусомъ и мхомъ, выбивались послѣ покоса большими гуртами скота, и вообще содержались въ по-

рядкѣ, то пустоши въ то время давали много сѣна. У хорошихъ хозяевъ того времени, умѣвшихъ пользоваться крѣпостнымъ трудомъ и выбивавшихъ изъ крестьянъ maximum, имѣнія и при пустошныхъ лугахъ давали не менѣе корму, не менѣе навоза, не менѣе дохода, чѣмъ имѣнія съ заливными лугами. Въ настоящее же время такія имѣнія, уже вслѣдствіе того, что прежде давали много дохода и, слѣдовательно, сильно истощены, при измѣнившихся хозяйственныхъ условіяхъ, отошли на задній планъ. На этихъ-то имѣніяхъ, принадлежавшихъ бо́льшею частію помѣщикамъ средней руки, постоянно жившимъ въ деревнѣ и умѣвшимъ выбивать изъ мужика все, чтобы вести «благородный» образъ жизни — у меня въ сосѣдствѣ есть, напримѣръ, имѣніе съ 350 десятинъ земли при однихъ пустошныхъ лугахъ (даже рѣчки никакой нѣтъ), владѣлецъ котораго при крѣпостномъ правѣ жилъ открыто, держалъ 50 собакъ, славился своей охотой—«Положеніе» отразилось самымъ рѣзкимъ образомъ. Воздѣланныя изъ-подъ лѣсовъ пространства, содержимыя въ порядкѣ, сначала даютъ очень хорошіе урожаи травъ, но потомъ, мало по малу, травы вырождаются, лугъ заростаетъ куманицей, бѣлоусомъ, мхомъ, дичаетъ, и даетъ плохіе урожаи травъ; если же пустошь не содержится въ порядкѣ, не очищается отъ кустовъ, не косится своевременно, не вырѣзается при косьбѣ до чиста, то одичаніе идетъ еще быстрѣе, и она очень скоро превращается въ никуда негодный пустырь. Такая порча происходитъ не столько отъ истощенія почвы — разумѣется, и истощеніе верхняго слоя играетъ нѣкоторую роль—сколько отъ одичанія, задерненія луга. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что, если одичавшую пустошь очистить отъ кустовъ и кочекъ, осушить гдѣ нужно, достаточно освѣтить, вырубивъ окружающія пустошь заросли, косить своевременно въ іюлѣ, косить низко и срѣзать куманицу, бѣлоусъ, мохъ до чиста, то пустошь исправляется и начинаетъ давать гораздо болѣе сѣна и лучшаго качества; напротивъ, если пустошь запустить, дать ей зарости кустами, а еще хуже оставить подъ постояннымъ выгономъ, причемъ скотъ будетъ выѣдать всѣ хорошія травы и уплотнять верхній слой, что особенно вредно, если почва холодна и сыра, то пустошь очень скоро превращается въ пустырь, на которомъ ничего, кромѣ елочекъ, можжевельника, рыжиковъ, бѣлоуса и мха не ростетъ. Единственное средство сдѣлать такой пустырь производительнымъ — это вспахать его и удобрить.

Послѣ «Положенія», новыхъ пустошей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ вовсе не разработывается; вырубленныя на дрова лѣсныя пространства не очищаются отъ лому и пней, не раздѣлываются

на покосы, и вновь заростаютъ лѣсомъ; развѣ что крестьяне, въ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ негдѣ достать покосовъ, возьмутъ выпустошенный лѣсъ подъ расчистку на года изъ части урожая или за какую нибудь послугу, выжгутъ что̀ годится на ляда подъ пшеницу, раздѣлаютъ хорошія низины и покашиваютъ. Но, повторяю, новыхъ пустошей послѣ «Положенія», можно сказать, почти вовсе не раздѣлано.

Старыя пустоши, разработанныя до «Положенія», въ настоящее время повсемѣстно сдаются на скосъ крестьянамъ изъ части сѣна — съ половины, съ трехъ пятыхъ, съ двухъ третей въ пользу косца, въ общей сложности, можно положить съ трехъ пятыхъ. Такимъ образомъ, пустошного сѣна, которымъ исключительно держались многія имѣнія, въ настоящее время, получается владѣльцами не болѣе двухъ пятыхъ, а часто не болѣе одной трети всего накашиваемаго съ пустошей количества. Но этого мало: пустошные луга требуютъ самой внимательной обработки какъ до, такъ и во время покоса; ежегодно необходимо вырубать кусты, затѣняющія пустошь деревья; главное же—необходимо во время покоса, въ самое жаркое время лѣта, скашивать мелкіе отростки подъ корень, черезъ что̀ корень засыхаетъ и не даетъ отростковъ, а то нынче появился отростокъ въ четверть аршина, не скосили его, на лѣто онъ выростаетъ въ аршинъ, черезъ два-три года, смотримъ, это—уже лозовый или ольховый кустъ. Особенно важно и хорошо, у самой земли, скашивать отростокъ, который идетъ послѣ подчистки топоромъ, потому что иначе на мѣсто вырубленнаго куста или деревца, напримѣръ, ольхи, появляется цѣлая заросль, и лугъ заростаетъ, дѣлается неудобнымъ для косьбы; чѣмъ лучше земля, чѣмъ она плодороднѣе, чѣмъ сырѣе мѣсто, тѣмъ скорѣе оно заростаетъ ольхою, такъ что, при дурной обработкѣ, лучшіе пустошные луга еще скорѣе приходятъ въ негодность, чѣмъ худшіе, на которыхъ дернъ сильно уплотнѣлъ.

Между тѣмъ, въ настоящее время пустошные покосы сплошь сдаются для косьбы крестьянамъ съ части изъ году въ годъ. Ни весной, ни осенью эти покосы не подчищаются — какъ это ежегодно дѣлалось до «Положенія» — никто не вырубаетъ на нихъ кустовъ и зарослей; во время косьбы, крестьянинъ, косящій лугъ изъ части, никогда не срѣзаетъ косой отростки и ловко обкашиваетъ траву, оставляя кустики, которые быстро разростаются. Покосъ производится несвоевременно, бо̀льшею частію очень поздно, вслѣдствіе чего сѣно получается дурнаго качества, хорошія мѣста выкашиваются, а худыя, поросшія бѣлоусомъ, часто и вовсе остаются нескошенными. Такъ какъ скота стало

меньше, покосы убираются поздно, то пустоши плохо выбиваются скотомъ, отчего урожаи травъ еще болѣе уменьшаются. При такомъ порядкѣ, пустоши заростаютъ кустами неимовѣрно быстро, и въ какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ многія пустоши уже пришли въ совершенную негодность, и часто тамъ, гдѣ въ былыя времена накашивалось два звѣна сѣна, теперь накашивается одно, да и изъ этого нужно отдать косцу три пятыхъ или половину.

Полагаю, я не ошибусь, если приму, что въ имѣніяхъ съ пустошными лугами, въ настоящее время, получается не болѣе *одной трети* того количества сѣна, какое получалось до «Положенія», вѣрнѣе, что получается менѣе одной трети. Такія имѣнія болѣе всего пострадали въ хозяйственномъ отношеніи и падаютъ годъ отъ году: пустоши заросли, сѣна стало меньше и оно худшаго качества, выгоны ухудшились. Когда хозяева вернутся въ свои имѣнія, то имъ будетъ стòить большихъ денегъ приведеніе въ порядокъ пустошей, на которыхъ даже и лѣсу не выростетъ хорошаго.

И такъ, сравнивая настоящее положеніе имѣній съ прежнимъ относительно кормовыхъ средствъ, получаемыхъ съ естественныхъ луговъ, видимъ, что повсемѣстно *количество кормовъ уменьшилось*. За исключеніемъ имѣній, обладающихъ заливными лугами, гдѣ уменьшеніе не такъ чувствительно, въ остальной массѣ имѣній количество сѣна, въ средней сложности, уменьшилось на двѣ трети, то-есть, составляетъ *одну треть того количества, какое получалось до «Положенія»*.

Такъ какъ отъ количества корма зависитъ количество навоза, а отъ количества навоза количество хлѣба — разумѣется, если хозяйство ведется по одинаковой системѣ — то понятно, кàкъ измѣнилась производительность — не говорю доходность, потому что, и при большой производительности, доходность можетъ быть нуль — имѣній. Ясно, что, съ уменьшеніемъ кормовыхъ средствъ на двѣ трети, и производительность должна была уменьшиться на двѣ трети.

Это и видно на полевыхъ угодьяхъ. Повсемѣстно запашки уменьшены и часть полей запущена. Въ хозяйственной литературѣ шестидесятыхъ годовъ агрономы много толковали о необходимости, при вольно-наемномъ трудѣ, сократить запашки и обработывать менѣе земли, но зато удобрять ее лучше, помня поговорку: «не поле кормитъ, а нива». Этотъ совѣтъ агрономовъ осуществился на дѣлѣ—запашки, дѣйствительно, сокращены—но кàкъ осуществился! Запашки, дѣйствительно, сокращены, въ общей сложности, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети; но, такъ какъ въ тоже время количество кормовъ и, слѣдовательно, удобренія

уменьшилось тоже на двѣ трети, система же хозяйства осталась та же самая, съ тою лишь разницею, что обработка производится хуже, то ясно, что отъ уменьшенія запашекъ производительность имѣній уменьшилась, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети. На уменьшеніе запашекъ вліяло, однако, не одно только уменьшеніе количества удобренія, но и невозможность обработать за дешевую цѣну то количество пахотныхъ земель, какое обработывалось прежде. Батрачное семейство, за немногими исключеніями, не привилось, и вездѣ принята система сдѣльной обработки, обусловливающей, во-первыхъ, сохраненіе той же системы полеводства—по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени—и обусловливаемой количествомъ предлагаемыхъ рукъ въ данной мѣстности. Это обстоятельство было причиною, что во многихъ имѣніяхъ запущены такія земли, которыя вовсе не слѣдовало запускать и которыя могли бы еще давать хорошіе урожаи.

Уменьшеніе запашекъ производилось самымъ простымъ способомъ; когда оказывалось не подъ силу пахать то количество земли, какое пахали прежде, хозяинъ, а чаще всего староста, рѣшалъ запустить по столько-то десятинъ въ полѣ, и эти десятины оставлялись незасѣянными. Обыкновенно запускали землю въ паровомъ полѣ. При запускѣ въ соображеніе принималось обыкновенно только разстояніе запускаемыхъ десятинъ отъ усадьбы, запускали самыя отдаленныя отъ усадьбы десятины, нисколько не соображаясь съ качествомъ земли положеніемъ десятинъ. Иногда, если десятины были очень хороши и являлись охотники засѣвать ихъ безъ навоза, изъ части урожая, сдавали предназначенныя къ запуску десятины крестьянамъ на выпашку. Брошенныя десятины сами собою тотчасъ обсѣменялись сѣменами древесныхъ породъ, господствующихъ въ данной мѣстности, и весьма быстро заростали лозой, алешникомъ, ельникомъ, березнякомъ. Такимъ образомъ, въ имѣніяхъ повсемѣстно образовался изъ запущенныхъ пахатныхъ земель *новый родъ угодій*, составляющихъ, въ общей сложности, до двухъ третей прежнихъ пахатныхъ земель, такъ-называемыя у насъ *облоги* или *пустаки*.

Если запускавшіяся десятины не были совершенно выпаханы, имѣли плодородную, хорошо унаваживавшуюся изстари землю, были низменны, ласковаты, то на нихъ скоро появлялась трава, такъ какъ траву ежегодно косили, причемъ появляющіеся всходы древесныхъ породъ скашивались, то такія десятины не заросли лѣсомъ и представляютъ теперь чистыя облоги, дающія въ мокрые года порядочные укосы хорошихъ травъ. Такихъ чистыхъ облогъ, однако, очень мало: бо́льшею частью на запущенныхъ десятинахъ тотчасъ же появлялась заросль, и они превращались

въ плантаціи древесныхъ породъ; такъ какъ у насъ мало еловыхъ лѣсовъ и такъ какъ сѣмена ели не разносятся вѣтромъ на далекія разстоянія, то облоги рѣдко гдѣ сплошь заросли ельникомъ. Господствующая у насъ лѣсная порода — береза, сѣмена которой разносятся вѣтромъ на далекія разстоянія, и потому запущенныя десятины, обсѣменяясь преимущественно березовыми сѣменами, скоро покрывались березовыми зарослями, болѣе или менѣе сплошными, смотря по качеству земли и мѣстоположенію. На низинахъ, гдѣ земля была хороша, появились, конечно, травы, и, такъ какъ траву косили, то между зарослями образовались по лощинамъ лужайки, которыя косятся и теперь. Господствующими, поэтому, на запущенныхъ десятинахъ оказываются березовыя заросли болѣе или менѣе сплошныя; только низменныя, съ худою почвою, десятины покрылись лозникомъ, характеризующимъ сырую подзолистую почву нашей мѣстности.

Эти облоги, поросшія березнякомъ, представляютъ правильныя лѣсныя плантаціи, которыя нѣмецъ навѣрно принялъ бы за искусственныя лѣсонасажденія. Такъ какъ уменьшеніе запашекъ производилось не вдругъ, а исподволь; такъ какъ сначала запускали болѣе отдаленныя десятины, все подвигаясь отъ окружности къ центру, то-есть, къ усадьбѣ, то теперь повсемѣстно въ имѣніяхъ поля окружены этими новыми угодьями, плантаціями березняковъ разныхъ возрастовъ, которые концентрическими кругами охватили поля и, постепенно понижаясь отъ окружности къ центру амфитеатромъ, окружаютъ помѣщичьи усадьбы. Эти новыя «угодья» въ настоящее время служатъ етоль же отличительнымъ признакомъ помѣщичьихъ имѣній, какъ березовыя рощи служатъ характеристическимъ признакомъ господскихъ усадьбъ. Проѣзжая проселкомъ, если вы видите вдали березовую рощу, знайте, что тутъ усадьба; если видите березовыя плантаціи разныхъ возрастовъ, окружающія поля—помѣщичье имѣніе.

Какой доходъ приносятъ эти новыя «угодья»? Ровно никакого, если не считать безчисленнаго множества черныхъ грибовъ, ростущихъ по березнякамъ. Даже какъ выгоны для скота, эти новыя угодья никакого значенія не имѣютъ, потому что скудныя травы, ростущія въ тѣни березокъ и поѣдаемыя скотомъ только осенью, когда голодный скотъ, «запасаясь на зиму», ѣстъ всякую траву, всякую сушину, не вознаграждаютъ за неудобство пастьбы скота по зарослямъ, въ которыхъ пастухъ не видитъ своего стада.

Ученые лѣсоводы пришли бы въ восторгъ отъ этихъ великолѣпныхъ лѣсныхъ плантацій; имъ и не снилось, что у насъ въ Россіи появятся тысячи, десятки тысячъ десятинъ такихъ пре-

восходныхъ лѣсонасажденій, какимъ позавидовалъ бы любой нѣмецкій лѣсоводъ. Еслибы лѣсоводы увидали эти плантаціи, то они употребили бы еще болѣе старанія и выхлопотали бы, наконецъ, законъ, воспрещающій частнымъ владѣльцамъ рубить и истреблять свои лѣса. Что же, мы не прочь сберегать наши лѣса— если намъ дадутъ за это жалованье!

Хотя послѣ «Положенія» запашки уменьшены на двѣ трети, но остающіяся въ обработкѣ поля не даютъ тѣхъ урожаевъ, какъ прежде. Ржи, овса не собирается и одной трети противъ того, что собиралось прежде, какъ это слѣдовало бы ожидать. Относительное количество удобренія не увеличилось: если прежде изъ 60 десятинъ запашки удобрялось 30, то теперь изъ 20 десятинъ запашки удобряется только десять. Между тѣмъ, вслѣдствіе дурнаго ухода за скотомъ—хлѣвы холодные, потому что нѣкому ихъ законопатить, кормъ дается безъ толку, подстилка не разстилается какъ слѣдуетъ — навозъ получается худшаго качества; обработка земли производится гораздо хуже, кое-какъ, несвоевременно; канавы не очищаются и заросли кустами; водосточныя борозды или вовсе не проводятся, или проводятся какъ попало; спуски въ канавы не дѣлаются; между пашнями и канавами образовались саженныя задернѣвшія пространства, наконецъ, поля окружены зарослями, которыя мѣстами врѣзались въ самыя пашни. Все это чрезвычайно дурно вліяетъ на урожаи озимыхъ хлѣбовъ, которые подвергаются вымочкамъ и сильно страдаютъ отъ заносовъ снѣгомъ.

Отсутствіе хозяевъ, разрушенныя постройки, заросшія всякою дрянью пустоши, облоги, плохой скотъ, по старому, всегда голодающій весною, плохой хлѣбъ на остающихся въ обработкѣ клочкахъ полей—и при этомъ, все та же старая система хозяйства.

Имѣнія не даютъ дохода; но развѣ при такихъ порядкахъ они могутъ давать хорошій доходъ? Да и чѣмъ опредѣляется неудовлетворительная доходность, какимъ мѣриломъ измѣряется она? Чтобы ясно говорить объ этомъ, необходимо прежде всего условиться въ основныхъ положеніяхъ. Всѣ жалуются на малую доходность имѣній. Я не отрицаю, что доходъ съ имѣній малъ, и въ предъидущемъ очеркѣ положенія имѣній старался показать, въ какой упадокъ пришло повсемѣстно хозяйство; но при этихъ жалобахъ, большею частію, мѣриломъ сравненія принимается прежняя доходность имѣній во время крѣпостнаго права. Всѣ еще помнятъ, какіе доходы давали имѣнія въ прежнее время, забывая, что тогда въ каждомъ имѣніи былъ оборотный капиталъ — не даромъ имѣнія цѣнились по числу душъ — каковой представлялъ обязательный трудъ крѣпостныхъ, и этотъ-то ка-

питалъ, обязательный трудъ, давалъ большой процентъ, между тѣмъ какъ земля и тогда не давала большой ренты. Въ настоящее же время, осталась только земля, а оборотнаго капитала нѣтъ, потому что въ большинствѣ случаевъ полученныя выкупныя суммы или пошли на уплату долговъ, или растрачены, а, еслибы даже онѣ и были сохранены, то не представляютъ той цѣнности, какую представлялъ обязательный трудъ крѣпостныхъ, главное значеніе котораго, въ хозяйственномъ смыслѣ, заключалось въ его обязательности, что̀ не всегда можно купить за деньги.

И такъ, прежде всего можно ясно установить, что̀ подразумѣвать подъ доходностію имѣній и, забывъ прежде всего о томъ, что̀ было и чего никогда не будетъ вновь, различать доходъ, получаемый съ земли въ видѣ ренты, безъ труда и затраты капитала, отъ дохода, получаемаго съ оборотнаго капитала, и платы предпринимателю за трудъ.

Рента, то-есть доходъ, получаемый съ земли безъ затраты капитала, у насъ нельзя сказать, чтобы была мала и никакъ не ниже 2-хъ, 3-хъ процентовъ, потому что имѣніе, которое въ нашихъ мѣстахъ можно купить за 10 тысячъ рублей, всегда охотно возьмутъ въ аренду за 200 или 300 рублей, несмотря на то, что имѣнія за послѣдніе года сильно опущены и земли повсемѣстно одичали отъ неудовлетворительной разработки. Получать же отъ 2-хъ до 3-хъ процентовъ на капиталъ, находящійся въ видѣ земли, цѣнность которой постоянно возрастаетъ изъ году въ годъ—вовсе недурно. Нельзя также сказать, чтобы оборотный капиталъ, затраченный на хозяйство, не приносилъ хорошаго процента, какъ это видно по слѣдующимъ примѣрамъ: десятину днѣпровскаго луга можно нанять за 12 рублей, скосить и убрать ее сто̀итъ 4 рубля, слѣдовательно, весь расходъ будетъ 16 рублей; при хорошемъ урожаѣ, съ такой десятины можно получить 150 пудовъ сѣна и продать его по 15 коп.—слѣдовательно, выручить 22 р. 50 к.; когда урожай малъ, тогда цѣна сѣна выше, такъ что выйдетъ одно на одно — и получить чистаго дохода 6 рублей 50 коп. На затраченныхъ 16 рублей, такимъ образомъ, получается въ полгода 6 р. 50 к. дохода, что̀ составляетъ болѣе 40 процентовъ. Процентъ не дурной... Хозяйственную десятину облоги подъ ленъ можно нанять за 15 руб., обработка будетъ стоить 50 руб.—я на все кладу очень высокія цѣны—валоваго доходу, въ средней сложности, десятина льна даетъ 100 р., слѣдовательно, чистаго дохода—35 р. На затраченныхъ 65 руб., такимъ образомъ, получается въ полгода 35 р. доходу, что̀ составляетъ болѣе 53 процентовъ. Процентъ опять-таки не дурной.

Скиньте половину дохода за трудъ предпринимателя, и все-таки придется отъ 20 до 25 процентовъ на затраченный капиталъ.

И такъ, мы видимъ, что и рента вовсе не мала, и процентъ на оборотный капиталъ получается очень хорошій, а между тѣмъ, имѣнія доходу не даютъ, хозяйства повсемѣстно приходятъ въ упадокъ и хозяйничать невыгодно. Отчего же это? Разумѣется, причиною этого — неудовлетворительность самой системы хозяйства. Представьте себѣ, что хозяинъ, вмѣсто того, чтобы отдать лугъ въ аренду и получить 12 руб., самъ коситъ его и, вмѣсто того, чтобы продать сѣно за 20 руб., самъ стравливаетъ его скоту; затѣмъ, не получая никакого дохода со скота, имѣетъ только навозъ отъ 150 пудовъ сѣна, который ему, значитъ, обошелся въ 20 руб. — хорошо еще, если такъ дешево и не пришлось къ цѣнѣ корма прикинуть еще отъ себя что нибудь за уходъ и помѣщеніе скота—навозъ онъ вывозитъ на поле, сѣетъ хлѣбъ, продаетъ и вдругъ получаетъ отъ продажи хлѣба лишь столько, сколько истратилъ на обработку земли, а сѣно пропало! Вотъ въ этомъ-то и заключается одна изъ главныхъ причинъ невыгодности хозяйства. Въ старину, говорятъ, было правило: «клади больше навозу и получишь больше дохода»; того же правила держатся и теперь, не принимая въ разсчетъ того, что, если цѣнность навоза будетъ, напримѣръ, равна цѣнности золота, то чѣмъ больше положишь навозу, тѣмъ больше убытку.

За десятину облоги подъ ленъ даютъ 15 руб.: если хозяинъ самъ посѣетъ ленъ, то получитъ 50 р. Но онъ облогъ подъ ленъ не отдаетъ и самъ льну не сѣетъ на томъ основаніи, что, говорятъ, «ленъ портитъ землю», хотя это—совершеннѣйшій вздоръ, и заставляетъ облоги заростать лозой и березнякомъ. Или, напримѣръ, сѣетъ ленъ, но, вслѣдствіе дурной обработки земли, ленъ у него выходитъ плохъ—случай, впрочемъ, очень рѣдкій, потому что ленъ бо̀льшею частію, даже и при дурной обработкѣ земли, по облогамъ родится хорошо—или онъ не успѣваетъ его во̀-время выбрать, смолотить и разослать, вслѣдствіе чего ленъ попадаетъ подъ снѣгъ, и, вмѣсто доходу, получается убытокъ. Кто же виноватъ?

Обыкновенно все сваливается на рабочихъ и на недостатокъ капиталовъ. Рабочіе—и пьяницы, и воры, и не исполняютъ условій, и недобросовѣстны въ работѣ, и портятъ хозяйскія орудія. Все это—вздоръ, чистѣйшій вздоръ. У меня тридцать человѣкъ рабочихъ и служащихъ; въ числѣ ихъ только трое—два старосты и одинъ мальчикъ—вовсе не пьютъ водки; остальные же 27 человѣкъ, мужчины, женщины, мальчики, всѣ пьютъ водку, не морщась проглатываютъ стаканъ и, при случаѣ, напримѣръ, на яр-

маркахъ, напиваются до пьяна. Я даю своимъ рабочимъ—всѣ рабочіе на моихъ харчахъ и обѣдаютъ за общимъ столомъ — по стакану водки каждое воскресенье и каждый праздникъ. Лѣтомъ, въ самую горячую пору, въ страду, я даю рабочимъ ежедневно по два стакана водки, а иногда, если работа очень трудная и лѣто жаркое, сухое, даю въ день по три, даже по четыре стакана водки для предупрежденія дизентерій, которыя развиваются, если рабочіе во время работы пьютъ безъ разбору какую попало воду. Осенью, во время молотьбы льна, рабочіе получаютъ по стакану водки за завтракомъ, а плужные пахари, работающіе цѣлый день на открытомъ воздухѣ, получаютъ ежедневно по два стакана. Два раза въ году, во время мѣстныхъ ярмарокъ — Троица и Спасъ — каждый дома получаетъ по стакану водки и на ярмарку по 30 копеекъ, на которыя обыкновенно выпиваетъ шесть стакановъ; на другой день послѣ ярмарки—обыкновенно мы сѣемъ рожь на другой день Спаса—я даю по стакану, чтобы опохмѣлиться, а во время сѣва—и по два. Всѣ 27 человѣкъ пьютъ водку и хорошо пьютъ, какъ видите; называйте ихъ пьяницами, если хотите, но я этого сказать не могу. Въ верстѣ отъ моего дома есть кабакъ, но во все лѣто никогда ни одинъ работникъ безъ спросу — про будніе дни и говорить нечего; но у меня никто не имѣетъ права отлучаться изъ усадьбы безъ спросу даже и въ праздники—не былъ въ кабакѣ, никогда никто не напился въ кабакѣ пьянъ, да и вообще кабакъ отъ моихъ рабочихъ имѣетъ очень мало дохода. Въ теченіи цѣлаго лѣта не было случая, чтобы кто нибудь изъ рабочихъ былъ пьянъ, явился на работу пьяный, прогулялъ безъ спросу рабочій день; даже въ праздники — за исключеніемъ Свѣтлаго воскресенья, когда на разговины рабочіе отъ меня угощаются водкой и могутъ пить сколько хотятъ—никогда не бываетъ пьяныхъ въ усадьбѣ, а если кто и возвратится изъ дому или съ ярмарки пьянымъ, то другіе рабочіе его спрячутъ и не позволятъ ему шумѣть. До сихъ поръ у меня не было случая, чтобы отъ пьянства рабочихъ произошелъ какой нибудь ущербъ въ работѣ, и совѣстливость рабочихъ въ этомъ отношеніи замѣчательна. На Свѣтлое Воскресенье, когда разговляются и всѣ могутъ пить сколько хотятъ, скотники—которымъ и въ Свѣтлое Воскресеніе, все-таки, нужно убирать скотъ—никогда не пьютъ болѣе, какъ по два стакана. Въ прошедшемъ году, на Спаса, на ярмаркѣ, всѣ рабочіе были выпивши и поздно ночью возвратились домой; на другой день мы сѣяли рожь: я далъ сѣвцамъ, чтобы опохмѣлиться, по стакану водки; когда посѣяли двѣ десятины, далъ еще по стакану и приказалъ засѣять еще двѣ десятины; затѣмъ скород-

биты задѣлали четыре посѣянныхъ десятины. Посѣвъ былъ произведенъ превосходно, и рожь уродилась на этихъ десятинахъ отлично—кругомъ съ каждой десятины получено по 18 четвертей ржи. Отчего же не хозяйничать съ такими пьяницами? и можно ли такихъ людей называть пьяницами? Работникъ, который ѣздитъ со мной за кучера, очень любитъ водку и при случаѣ можетъ напиться—говорятъ, что онъ былъ за пьянство выгнанъ изъ другого дома, а между тѣмъ, я ѣзжу съ этимъ работникомъ въ городъ, дорогой, разумѣется, когда самъ пью водку, даю и ему, въ городѣ даю ему водку за завтракомъ, за обѣдомъ, и за ужиномъ; но это нисколько не мѣшаетъ ему отлично исполнять всѣ мои порученія, дѣлать закупки, убирать лошадей, прислуживать мнѣ. Но чтобы онъ напился—это невозможно. Во первыхъ, онъ знаетъ, что, если напьется до неспособности править лошадьми, то я его брошу въ городѣ и уѣду одинъ, а вовторыхъ, если, возвратясь домой, я скажу, что Ванька, поѣхавъ со мной въ городъ, тамъ напился, то всѣ остальные рабочіе подымутъ его на смѣхъ. Называйте этихъ людей пьяницами за то, что они въ покосъ пьютъ по четыре стакана водки—хотя я думаю, безъ такого количества водки трудно было бы переварить пироги съ творогомъ, щи съ солониной, кашу съ свинымъ саломъ—я спорить не буду; но я утверждаю, что съ такими пьяницами и жить можно, и хозяйство вести можно. Разумѣется, если хозяинъ кормитъ рабочихъ кое-какъ, или, еще того хуже, даетъ имъ отсыпное, если онъ не даетъ рабочимъ водки, если у него староста пьетъ, прислуга изъ бывшихъ дворовыхъ тоже пьетъ—тогда между рабочими можетъ развиться пьянство, которое нанесетъ чувствительный ущербъ хозяйству.

Говорятъ, что рабочіе воры — и это вздоръ. У меня рабочіе никогда ничего не воруютъ, хотя въ числѣ ихъ есть одинъ, который шесть лѣтъ содержался въ острогѣ, и двое, которые выгнаны за воровство изъ другихъ хозяйствъ. Это отсутствіе воровства я не могу объяснить ничѣмъ инымъ, какъ строгимъ надзоромъ за хозяйствомъ, духомъ, господствующимъ въ моей артели рабочихъ, отсутствіемъ необходимости воровать, такъ какъ всѣ рабочіе на готовомъ содержаніи — главное же «духомъ, господствующимъ въ артели». «У насъ воровъ нѣтъ», «мы вора не потерпимъ», и вотъ случалось, что староста нанималъ работника, которому за воровство было отказано въ другомъ домѣ, и на мое замѣчаніе: «смотри, Сидоръ, чтобы онъ у насъ шашни не завелъ, вѣдь ему въ О... за воровство отказали», староста отвѣчалъ: «не извольте безпокоиться, у насъ воровать не станетъ, не такое у насъ заведеніе». И дѣйствительно, у меня воров-

ства нѣтъ. Вотъ уже пять лѣтъ, что̀ я хозяйничаю, а между тѣмъ, у меня никогда ничего не было украдено, не только своими, но даже чужими ворами, тогда какъ у сосѣдей то, слышимъ, лошадь украли, то хлѣбъ на полѣ обмолотили; между тѣмъ, у меня нѣтъ даже спеціальнаго сторожа—просто по очереди дежуритъ ночью одинъ изъ рабочихъ, а жалованье на сторожа выдается артели, которая и раздѣляетъ его дежурившимъ по ночамъ.

Говорятъ, что рабочіе, забравъ деньги, не исполняютъ условій. У меня подобнаго случая еще не разу не было. Вообще, я замѣтилъ, что мужикъ, если взялъ деньги, никогда отъ долга не отказывается и, если не отдаетъ долга или не исполняетъ работы, на которую обязался, то только по крайней невозможности уплатить или исполнить; при первой же возможности, разумѣется, если вы сами не упустите случая, онъ честно съ вами расплатится. У меня есть знакомый разнощикъ изъ сосѣдней деревни, который торгуетъ краснымъ товаромъ и развозитъ по деревнямъ ситцы, платки и разную необходимую для бабъ мелочь. Разумѣется, онъ распускаетъ свой товаръ въ долгъ — безъ этого и торговать нельзя — по мелочамъ, и всѣ бабы въ околодкѣ ему должны. Разнощикъ этотъ говорилъ мнѣ, что ему никогда не случалось, чтобы кто нибудь изъ крестьянъ отказывался отъ долга, и всѣ честно расплачиваютси рано или поздно. Тоже самое я слышалъ и отъ одного помѣщика, ведущаго обширное хозяйство и распускающаго много хлѣба и денегъ въ долгъ.

Что̀ касается неисполненія условій, забора лишнихъ денегъ и тому подобное, то и въ этомъ отношеніи у меня не было ни одного случая, и я въ теченіи 5 лѣтъ не имѣлъ ни одного дѣла подобнаго рода у мироваго судьи. Я знаю одного помѣщика, ведущаго обширное хозяйство, который, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права, не имѣлъ ни одного дѣла ни у мировыхъ посредниковъ, ни у мировыхъ судей, хотя онъ ежегодно заключаетъ сотни условій, выдаетъ задатки и имѣетъ дѣло съ множествомъ рабочихъ разнаго рода. Я думаю, что въ этомъ отношеніи хозяева бываютъ болѣе виноваты, чѣмъ рабочіе, и что дѣла̀ подобнаго рода происходятъ чаще всего отъ неопредѣленности условій, отъ излишней требовательности и неуступчивости самихъ хозяевъ, отъ безтолковаго веденія дѣла, неакуратности въ платежахъ, невниманія къ положенію человѣка. Замѣчательно, что въ одной и той же мѣстности, у одного, другого, третьяго хозяина люди живутъ, исполняютъ договоры, не пьянствуютъ, не воруютъ, а у четвертаго никто не живетъ, договоры не исполняются и пр.

Иные никогда не приносятъ жалобъ мировымъ судьямъ, а отъ другихъ жалобы поступаютъ каждую недѣлю... Ясно, что тутъ виноваты сами хозяева. Здоровый ребенокъ не долженъ капризничать, а, если здоровыя дѣти капризничаютъ, то всегда виновата мать или воспитательница; у серьёзной матери, любящей своихъ дѣтей, дѣти не капризничаютъ, а у безтолковой, да еще притомъ тяготящейся своими дѣтьми, только и слышны крикъ да слезы.

Что̀ касается добросовѣстнаго исполненія работъ, то это—такой вопросъ, который рѣшать очень трудно, потому что нѣтъ мѣрила для опредѣленія добросовѣстности въ работѣ. Нужно очень тонко понимать работу, нужно самому не только умѣть работать, но и, дѣйствительно, заправду работать, нужно близко знать людей, чтобы рѣшить, добросовѣстно ли работаютъ. Хозяину все кажется мало; ему все кажется, что можно было бы сдѣлать болѣе, еслибы люди не лѣнились и работали добросовѣстнѣе, а между тѣмъ, обыкновенно онъ и самъ не понимаетъ работы, самъ не знаетъ, что̀ можно и чего нельзя сдѣлать. Не слѣдуетъ забывать, что наши хозяева сами никогда не работаютъ, никогда не работали и съ малолѣтства къ физическому труду не приготовлены; поэтому и мнѣнія ихъ о трудѣ рабочихъ, по меньшей мѣрѣ, односторонни. Я знаю, что наши работники для нашихъ климатическихъ, экономическихъ и прочихъ условій, незамѣнимы никакими другими... Впрочемъ, я уже говорилъ объ этомъ въ одномъ изъ моихъ писемъ.

Вторая любимая тэма при разговорахъ о несостоятельности хозяйствъ, это — недостатокъ капиталовъ. Конечно, если нѣтъ оборотного капитала, если невозможно его добыть изъ самаго имѣнія, то и за хозяйство приниматься не сто̀итъ; но дѣйствительно ли нѣтъ капиталовъ? Положимъ, выкупныя свидѣтельства давно уже проѣдены или прохозяйничаны, но въ большинствѣ имѣній есть возможность найдти оборотный капиталъ въ самомъ имѣніи: въ одномъ есть оброки, въ другомъ есть лѣса, которые можно продать, въ третьемъ есть отрѣзки, въ четвертомъ заливные луга и т. п. Можно продать лѣсъ, можно продать часть земли, можно часть земли отдавать въ аренду и получать ренту, которую затрачивать въ хозяйство — вотъ и оборотный капиталъ. Такъ или иначе вывернуться можно. Подобно тому, какъ при всякихъ климатическихъ условіяхъ можно вести хозяйство, точно также его можно вести при всякихъ экономическихъ условіяхъ—сто̀итъ только выработать *правильную систему хозяйства*. Но, если система хозяй-

ства невѣрна, какой бы ни былъ у хозяина въ рукахъ капиталъ, все-таки дѣло будетъ идти въ убытокъ.

Не недостатокъ капиталовъ—капиталы сами собою нахлынутъ, если дѣло выгодно — не качества рабочихъ причиною упадка нашего хозяйства, а несостоятельность самой системы хозяйства или, другими словами, несостоятельность самихъ хозяевъ, которые держатся старой рутины и не могутъ выработать новой системы.

Какой бы у васъ ни былъ капиталъ, не если ваше хозяйство поставлено такъ, что навозъ, вывозимый на десятину, стòитъ вамъ 150 рублей, а ржи вы получаете съ десятины 12 кулей на 84 рубля, то ясно, что вы будете въ убыткѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ прохозяйничаете вашъ капиталъ подобно тому, какъ прохозяйничаны многіе капиталы.

Вся суть въ системѣ хозяйства, доведшей имѣнія до того состоянія, въ какомъ они теперь находятся.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ.

Глава первая.

Культурная тоска.

Я сидѣлъ дома, и, по обыкновенію, не зналъ, что̀ съ собой дѣлать. Чего-то хотѣлось: не то конституцій, не то севрюжины съ хрѣномъ, не то кого-нибудь ободрать. Ободрать бы сначала хорошо, мелькнуло у меня въ головѣ; ободрать, да и въ сторону. Да по нынѣшнему—такъ, чтобъ ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ — ничего. Такъ-молъ, само собою случилось, поди, доискивайся! А потомъ, зарекомендовавши себя благонамѣреннымъ, можно и объ конституціяхъ, на досугѣ, помечтать.

Будетъ ли при конституціяхъ казначей? — вотъ въ чемъ вопросъ. И вопросъ очень существенный, ежели принять въ соображеніе, что жизненные припасы съ каждымъ годомъ дѣлаются дороже и дороже, а потребности, благодаря развитію культурности, увеличиваются не поднямъ, а по часамъ. Чо̀рта ли и въ конституціяхъ, ежели при нихъ должности казначея не полагается! Ободрать... вотъ это—безподобно! Вотъ, при «Уложеніи о наказаніяхъ» нѣтъ казначея, поэтому оно ни для кого и не лестно.

Я—человѣкъ культурный, потому что служилъ въ кавалеріи. И еще потому, что заказываю платья у Шармера. И еще потому, что по суботамъ обѣдаю въ англійскомъ клубѣ. Приду въ пять часовъ, проберусь въ уголокъ на свое мѣсто и ѣмъ, по-

куда не запыхаюсь. Прежде, бывало, я разговаривалъ, а нынче— только ѣмъ.

Нынче въ англійскомъ клубѣ чиновники преобладаютъ. Длинные, сухіе, прожженые. Шепчутся другъ съ другомъ, судьбы, по секрету, рѣшаютъ, а на лбу, между тѣмъ, написано: чего изволите? Настоящихъ культурныхъ людей, утробистыхъ, совсѣмъ мало стало, да и тѣ, которые остались, въ конецъ развратились. Ѣдятъ разсѣянно, за чиновниками глазами безпокойно слѣдятъ, словно думаютъ: что-то они еще съ нами сдѣлаютъ? И глаза какіе-то подлые, ласковые у всѣхъ дѣлаются, когда съ ними какой-нибудь чиновный извергъ невзначай заговоритъ...

Говорятъ, будто утробистые люди частью въ Москву перебрались, частью у себя, по своимъ губернскимъ клубамъ, засѣли. Тамъ, будто бы, они не только ѣдятъ и пьютъ, но и разговариваютъ. Только объ губернаторахъ говорить не смѣютъ, потому что губернаторы строго за этимъ слѣдятъ. А о прочихъ предметахъ, какъ-то: объ икрѣ, о севрюжинѣ и даже о Наполеонѣ III— говори, сколько угодно. Говорятъ, былъ даже такой случай: одинъ утробистый взялъ да вдругъ, ни съ того, ни съ сего, и ляпнулъ: конституцій, говоритъ, желаю! Туда, сюда—къ счастью, губернаторъ зналъ, что малый-то выпить любитъ, стало быть, человѣкъ благонамѣренный.

— Пьянъ, старикъ, былъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство, заставьте Богу за себя молить!

— Ну, Богъ проститъ — ступай! Только впередъ, коли чувствуешь, что пьянъ, сейчасъ бѣги домой и спать ложись!

— Ради стараться, ваше превосходительство!

И, такимъ образомъ, вся эта исторія изморомъ кончилась. А будь-ка губернаторъ построже, да взгляни на дѣло съ точки зрѣнія «внутренней политики»—ну, и быть бы бычку на веревочкѣ! Фюить!

Ужь не удрать ли, въ самомъ дѣлѣ, въ губернскій городъ Залупскъ? Хорошо тамъ. Утромъ всталъ, не торопясь, умылся, не торопясь, чаю напился—гляди-ко, ужь двѣнадцать часовъ на дворѣ. Походилъ, посидѣлъ, покурилъ, посвисталъ, въ окошко поглядѣлъ: выкупныя-то свидѣтельства, кажется, еще не всѣ въ расходѣ? Завтракать подано! гудитъ сзади холопскій басъ. Позавтракалъ, опять походилъ, покурилъ — одурь взяла: эй, кто тамъ! тройку велѣть заложить! И—охъ! у—ахъ! Эхъ вы, соколики!.. безподобно! Воротился — ха! да никакъ ужь обѣдъ на столѣ! Въ комнатахъ тепло, свѣтло; щи, солонина съ хрѣномъ,

поросенокъ съ кашей... порусски! И, какъ только ложкой стукнулъ—сейчасъ и гость на порогѣ. Ежели настоящій человѣкъ не наклюнулся, такъ секретарь какой-нибудь забѣжалъ. И все-то онъ тебѣ разскажетъ: кто кому рукой плюху далъ, кто кого калошей по лицу смазалъ. Заслушаешься и не замѣтишь, какъ на часахъ девять пробьетъ. Въ клубъ, сударь, въ клубъ! А тамъ ужь всѣ въ сборѣ и всѣ объ давишнихъ плюхахъ разсказываютъ. И одинъ по одному — въ буфетъ да въ буфетъ. Постепенно да постепенно—и вдругъ... конституція! А что̀-жь такое, что конституція! Коли ты пьянъ да благонамѣренъ — Христосъ съ тобой! Ступай домой, ложись спать—сномъ все пройдетъ.

Ахъ, хорошо!

Хорошо-то, хорошо, да полно, такъ ли? Было такое времячко у насъ въ Залупскѣ, было—да не прошло ли оно̀? Не даромъ мой другъ, капитанъ Копейкинъ, пишетъ: «не ѣзди въ Залупскъ! у насъ, братъ, столько теперь поджарыхъ да прожженныхъ развелось—весь нашъ культурный клубъ испакостили!» Да̀; развелись-таки и тамъ. Ищутъ, нюхаютъ, законы подводятъ. Въ преферансъ съ тобой играютъ и черезъ часъ у тебя же въ квартирѣ поличнаго ищутъ. И въ клубы заползли: сперва одинъ, за нимъ другой, а потомъ, глядишь, и въ старшины попадать начали. Брякни-ка при немъ: «конституція»! а онъ тебѣ: вы кажется, существующей формой правленія недовольны?.. А мнѣ что̀! Форма правленія—эка нѐвидаль! Я такъ... самъ по себѣ... проваливай, братъ, проваливай!

То-то? проваливай! Языкъ-то храбръ, коли заочно, а какъ до дѣла дойдетъ—пожалуй, онъ и не всякое слово выговоритъ. Иное вѣдь слово прямо къ отягченію служитъ — попробуй-ка, выговори его! Да коли при этомъ ты еще не пьешь, да на дурномъ счету состоишь, сколько тебѣ, ради этого слова, слезъ потомъ пролить нужно будетъ, чтобъ прощенье себѣ испросить!

И надо сознаться, что во всемъ мы сами, утробистые, виноваты. Еще въ то время, когда «прожженные» только-что нарождаться въ губерніяхъ стали—тогда надо было мѣры принимать. Явился прожженный—и съ Богомъ! Живите, сколько васъ есть, промежду себя. Играйте другъ съ другомъ въ преферансъ, ѣздите другъ къ другу въ гости, угощайтесь, упивайтесь, прелюбодѣйствуйте! Но въ нашъ культурный клубъ—ни-ни! Валяй, братцы, имъ черняковъ, чтобъ впередъ не повадно было! И жили бы прожженные особнякомъ, словно прокаженные...

Да̀, нынче утробистый человѣкъ гляди въ оба, несмотря на то, что ему благосклонно присвоено названіе культурнаго. При-

шелъ ты въ клубъ—проходи бочкомъ, не задѣть бы вотъ этихъ двухъ выродковъ, которые, по секрету, объ тебѣ между собой сужденіе имѣютъ. Ты его задѣнешь, а онъ тебя смягчающихъ обстоятельствъ лишитъ. Сторонись же, иди бочкомъ къ буфету, пей молча водку и молча закусывай, потому что, ежели ты разинешь ротъ —это можетъ вонъ тѣхъ двухъ выродковъ оскорбить, которые, тоже по секрету, разсуждаютъ, какому роду истребленія тебя подвергнуть! И, такимъ образомъ, никого не задѣвши, садись, засучивай рукава и ѣшь. Ѣшь молча, и когда ѣда начнетъ одолѣвать тебя, то прилично вздыхай.

Много виноваты утробистые люди въ печальной судьбѣ своей, но, съ другой стороны, нельзя и осуждать ихъ строго. Прожженные люди, именно какъ внутренностные паразиты, проползли въ самое нутро культурныхъ людей. Я помню, какъ въ первый разъ къ намъ въ Залупскъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ явился. Все благосклонности просилъ, всю надежду на земскую культурную силу полагалъ, да и объ конституціяхъ самъ же первый заговорилъ. Да еще какъ заговорилъ-то! Съ хохотомъ, съ визгомъ, со свистомъ, со слюною... Въ лицахъ форму правленія представлялъ, пѣсни скоромныя пѣлъ, брудершафты предлагалъ! Ну, культурный человѣкъ и смякъ. Видитъ, что малый разухабистый: и сплясать, и спѣть, и соврать—на все первый сортъ. «Милости просимъ! прошу покорно! запросто! отобѣдать! да вечеркомъ... къ женѣ! Да въ клубъ, ваше превосходительство, въ клубъ!» Ну, и пустили козла въ огородъ. А Солитеръ, между тѣмъ, не будь простъ, послужилъ-послужилъ, да и цапъ-царапъ! «Вы, кажется, формой правленія недовольны?» Ахъ, прахъ-те побери! Я такъ... самъ по себѣ... а онъ: форма правленія!

А жены наши еще больше виноваты. Легкомысленны наши жены, ахъ, какъ легкомысленны! Прожженные такъ и вьются около нихъ, такъ и шепчутъ, и шепчутъ. У иной отъ этого шопота и грудочка поднимается, и глазки искрятся, и личико полымемъ пышетъ.—Ты что-жь, душенька, мсьё Солитера къ намъ не пригласишь?—Солитера! ахъ, сдѣлайте милость! Господинъ Солитеръ! милости просимъ! запросто! Отобѣдать! вечеромъ... къ женѣ!

Нѣтъ, совсѣмъ у нынѣшнихъ культурныхъ людей ни esprit de corps, ни esprit de conduite нѣтъ. А прежнихъ утробистыхъ представителей культуры, съ жирными кадыками и пространными затылками, которые, завязавшись по горло салфеткой, ѣли и «независимо» сквернословили—нѣтъ и въ поминѣ. Бывало, собе-

рутся въ каре вокругъ своихъ вольностей (такъ, встарину, крѣпостное право называлось), да уставятся лбами—пушками ихъ не прошибешь! А ныньче, какой-нибудь дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ—и тотъ все въ одинъ моментъ развратилъ. Женъ и дѣвъ перепортилъ, птенцовъ расточилъ, старцамъ — показалъ фигу...

Поэтому, нынѣшній культурный человѣкъ объ вольностяхъ ужь не думаетъ, а либо на теплыя воды удралъ, либо самъ въ «Солитеры» наровитъ. Только и слышишь окрестъ: да отчего же не довѣряютъ намъ? да попробовали бы! да насъ только помани! да мы... Что̀-жь, если у васъ такая охота есть—рапортуйте, любезные, рапортуйте!

Фу, подлость! Живешь-живешь—и все на положеніи грудного ребенка находишься! Мнѣ вотъ пятьдесятъ лѣтъ, а я даже объ конституціяхъ въ волю наговориться не могу! Развѣ я что-нибудь говорю! Перемѣнить, что̀ ли, я что-нибудь хочу! Да мнѣ—Христосъ съ вами! Я такъ... самъ по себѣ... разговариваю...

Хочешь сказать ему, этому Солитеру долговязому: да вы что̀, въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь! да я самъ дворянинъ! я въ кавалеріи, государь мой, служилъ! И хотя въ походахъ не бывалъ, но на походномъ положеніи, и даже въ лагеряхъ... да̀-съ! Хочешь сказать все это—и молчишь. Потому что всюду, во всѣ клубы, во всѣ щели клубовъ—вездѣ Солитеры наползли и вездѣ соглядатайствуютъ. Смотрятъ и улыбаются, словно вотъ говорятъ: ты думаешь, мы и не знаемъ, что̀ у тебя въ затылкѣ шевелится? Все, мой другъ, знаемъ, и при случаѣ...

Вотъ это-то «при случаѣ» и сбиваетъ культурную спѣсь. Такъ оно ясно, не смотря на внѣшнюю таинственность, что даже клубные лакеи — и тѣ понимаютъ. Прежде, бывало — кому первый кусъ? Ему, культурному человѣку, тому, кому и по всѣмъ утробнымъ правамъ онъ слѣдуетъ. А ныньче на культурнаго человѣка и смотрѣть не хотятъ — прямо ему, дѣйствительному статскому совѣтнику Солитеру, несутъ. Ну, и опѣшили культурные люди.— Позвольте, я вашему превосходительству рапортовать буду? — Рапортуй, братецъ, рапортуй!

Подлость, подлость и подлость! Скоро мы и не то услышимъ. У меня, ваше превосходительство, сынъ превратными идеями занимается — не прикажете ли его подкузьмить? отрапортуетъ культурный человѣкъ... фуй, мерзость!

Да̀, плохъ, ты, культурный человѣкъ! совсѣмъ никуда не годишься! Никто съ тобой не разговариваетъ, вездѣ тебя обносятъ, женѣ твоей подлости въ уши нашептываетъ... скучно, другъ! И

дома у тебя тоска, и въ клубахъ твоихъ тоска, а въ собраніяхъ твоихъ (бывшихъ палладіумахъ твоихъ вольностей)—жгучее, надрывающее запустѣніе царствуетъ. Не метено, не чищено, сыро, грязно... рапортуй, мой другъ, рапортуй!

И именно съ тѣхъ поръ ты и смякъ, какъ тебя культурнымъ человѣкомъ назвали. Культурность обязываетъ. Теперь и ты, и дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ—вы оба одно дѣло дѣлаете. Онъ дѣйствуетъ, а ты содѣйствуешь. А ты думалъ — какъ? Ты, можетъ быть, думалъ, что Солитеръ станетъ распинаться да душу за общество полагать, а ты будешь лежать да благороднымъ манеромъ въ потолокъ плевать? Такъ разувѣрься, голубчикъ! Это въ тѣ времена такіе порядки были, когда ты еще чистопсовымъ назывался, а теперь шалишь!—теперь ты культурный человѣкъ сталъ! Солитеръ будетъ дѣйствовать, а ты — содѣйствуй! Рапортуй, братецъ, рапортуй!

И, за всѣмъ тѣмъ, никогда никто въ цѣломъ мірѣ такъ не тосковалъ, какъ тоскуемъ мы, представители русской культуры. Мы чувствуемъ, что жизнь уходитъ отъ насъ, и, хотя цѣпляемся за нее при пособіи «содѣйствія», но все-таки не можемъ не сознавать, что это—совсѣмъ не та жизнь, которой бы мы, по культурности своей, заслуживали. Хотя предки наши назывались только чистопсовыми, но они многаго не понимали изъ тѣхъ подлостей, которыя намъ, какъ свои пять пальцевъ, извѣстны.

И я увѣренъ, что въ большинствѣ ихъ, такія, напримѣръ, слова какъ «содѣйствовать», «рапортовать»—вызвали бы только недоумѣніе. Мой прадѣдъ, еслибъ при немъ употребили эти выраженія, навѣрное, воскликнулъ бы: «Я, ваше превосходительство — государю моему вѣрный слуга, но не лакей-съ? Даже отецъ мой — и тотъ бы отвѣтилъ: «я самъ заблуждался-съ! и, хотя принесъ въ томъ чистосердечное раскаяніе, но не содѣйствовалъ... нѣтъ, не содѣйствовалъ...» И всѣ они почувствовали бы себя оскорбленными и будировали бы... Конечно, будировали бы до тѣхъ поръ, пока имъ Станислава на шею не прислали бы. Но не за содѣйствіе-съ! а за благородно-вѣрный порывъ чувствъ-съ!

А я, правнукъ, внукъ и сынъ—что я скажу? Я могу сказать только, что я—культурный человѣкъ и что въ этомъ качествѣ не имѣю возможности даже «чистосердечнаго раскаянья въ томъ принести». Ибо я даже и не заблуждался никогда — нѣтъ, никогда! Ни заблужденій, ни истины, ни превратныхъ идей, ни идей благонамѣренныхъ—ничего я не знаю! Стало быть, я могу только содѣйствовать—вотъ моя спеціальность; не дѣлать, не производить, не распоряжаться, а только содѣйствовать. Вотъ

почему многіе, боясь увлечься этой спеціальностью, бѣгутъ на теплыя воды и тамъ влачатъ остатки культурнаго существованія.

Но однажды меня интриговала мысль, какимъ это образомъ русскій культурный человѣкъ вдругъ словно изъ земли выросъ? Все были чистопсовые, а теперь культурными сдѣлались. И даже заслуги особенныя выдумали, которыя объ культурности несомнѣнно свидѣтельствуютъ. Я, говоритъ, изъ тарелки ѣмъ, а Иванъ мой изъ плошки; я салфеткой утираюсь, а Иванъ—стекломъ. Вотъ почему я и называюсь культурнымъ человѣкомъ!

Но едва я притрогивался къ вопросу: дѣйствительно ли ѣда изъ тарелки, а не изъ плошки, составляетъ непререкаемый призракъ культурности? какъ предо мной вставалъ другой вопросъ: да неужто это можетъ кого-нибудь интересовать? и убудетъ ли отъ того хоть сколько-нибудь той безконечной тоски, которая день и ночь гложетъ культурнаго человѣка, не смотря на то, что онъ ѣстъ изъ тарелки, а не изъ плошки?

Тоска, тоска и тоска! Съ какимъ-то отчаяніемъ обращаешься къ прошлому: прошлое! прошлое! воротись! И знаешь, что попусту надрываешься, и все-таки кричишь: воротись! воротись! воротись!

Сознавать себя культурнымъ человѣкомъ и, въ тоже время, не знать, куда дѣваться съ этою культурностью—вотъ истинно трагическое положеніе! Ну, что̀ я съ собой предприму? Куда, куда я пойду... ну, хоть сегодня вечеромъ? Все, что можно было, въ предѣлахъ русской культурности, видѣть и совершить—все это я уже видѣлъ и совершилъ. Жюдикъ—видѣлъ, Шнейдершу — видѣлъ, у Елисеева и на биржѣ, и на Невскомъ—былъ. Повторять тоже самое—ну, просто противно, да и все тутъ. Вѣдь и для культурности есть предѣлы, за которыми даже право «содѣйствія» становится безсильнымъ оживить человѣка. А между тѣмъ, ни смерть, ни болѣзнь—ничто насъ не беретъ; жить, жить надо, не потому, чтобы хотѣлъ жить, а потому что встала у тебя жизнь на дорогѣ, и, ка̀къ ты ей ни кричи: сторонись!—она все стоитъ да подманиваетъ. Встанешь утромъ и глядишь испуганными глазами въ лицо грядущему дню. А въ человѣкѣ такъ и стучитъ: чѣмъ? ну, чѣмъ наполню я его?

И такъ, я сидѣлъ дома и не зналъ, что̀ дѣлать съ собою. Впереди предстояло одно изъ двухъ: или въ балаганы идти, или въ тайное юридическое общество̀ проникнуть и послушать, ка̀къ разрѣшается вопросъ о правахъ седьмой воды на киселѣ на наслѣдованіе послѣ единокровныхъ и единоутробныхъ?

— Господи! да вѣдь это—отрава! вырвался изъ груди моей вопль.

Глава вторая.

Продолженіе тоски и появленіе Прокопа.

Дѣло было въ половинѣ апрѣля, какъ разъ въ свѣтлый праздникъ. Я смотрѣлъ изъ окошка на улицу и любовался на истерическую сумятицу, происходившую въ природѣ. Воздухъ былъ наполненъ неизобразимымъ мельканіемъ: густая бѣлесоватая кашица кружилась и металась передъ глазами, отдѣляя изъ себя крупныя-крупныя снѣжины, мокрыя, разорванныя, которыя тяжко шлепались объ оконныя стекла. На наружныхъ подоконникахъ уже образовались порядочныя груды бѣлой массы, рыхлой и источенной, какъ тающій сахаръ; мостовая, два часа тому назадъ сѣрая, начинала бѣлѣть; темные ряды домовъ, мокрыхъ, ослизлыхъ, загадочно глядѣли, сквозь снѣжную сѣть, своими безчисленными черными окнами, словно тысячами потухшихъ глазъ. Небо давило, и, не смотря на первый часъ дня, больше и больше заволокало городъ ранними сумерками. Но улица, на перекоръ стихіямъ, все еще усиливалась удержать праздничную физіономію. Стрѣлой мчались щегольскія кареты, унося захваченныхъ въ нихъ звѣздоносцевъ: между ними мелкой рысью сновали извощичьи пролетки, съ скрюченными подъ зонтиками чиновниками; на тротуарахъ, дворники и мастеровые христосовались съ бабами въ душегрѣйкахъ. Но вотъ, наконецъ, ударилъ такой снѣжный ливень, что вдругъ праздничный гулъ смолкъ. Улица опустѣла какъ бы волшебствомъ; еще разъ взвизгнула дверь въ кабакѣ напротивъ и захлопнулась; даже ликующіе столоначальники—и тѣ куда-то пропали.

Я стоялъ у окна и припоминалъ. Было время, когда и я въ этотъ день метался по улицамъ. Пріѣдешь, бывало, въ одинъ домъ, подаришь швейцару цѣлковый, распишешься и, что̀ есть мочи, спѣшишь въ другой домъ, гдѣ тоже подаришь цѣлковый и распишешься. Да въ мундирѣ, сударь, въ мундирѣ! Встрѣтишь,

бывало, на улицѣ такого же поздравителя, остановишь, выпучишь глаза:

— Были?

И онъ тоже выпучитъ глаза:

— Былъ, а вы были?

— Былъ.

И летишь дальше.

А нынче, вотъ, сижу дома и глазами хлопаю. Извощика, пожалуй, и не мудрость нанять, да ѣхать-то нѐкуда. Нѐкуда и нѐ зачѣмъ.

Прежде, я потому ѣздилъ, что было у меня такое убѣжденіе: въ Петербургѣ поздравлю, за то въ своемъ мѣстѣ наверстаю. Я даже нарочно въ Петербургѣ періодически появлялся, чтобъ претерпѣть и впослѣдствіи наверстать. Мерзокъ я былъ, низкопоклоненъ, податливъ—это такъ; но, по крайней мѣрѣ, я зналъ, что у меня есть совершенно реальный стимулъ (возможность наверстыванія), который двигаетъ моими дѣйствіями. Впослѣдствіи, обстоятельства заставили меня сознать, что это былъ стимулъ фальшивый — прекрасно! Я понялъ это и, волею или неволею, отказался отъ идеаловъ наверстыванія, которые обуревали меня въ бывалое время. Но почему же, оставивъ прежде стимулы, я не усвоилъ себѣ новыхъ? Для чего я остался жить? для того ли только, чтобъ представлять собой обращикъ отечественной культурности—велика нѐвидаль!

Я знаю, что, ѣзди я или не ѣзди, поздравляй или не поздравляй — я все-таки ничего не наверстаю, потому что наверстать нѐгдѣ. Хотя же дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ и показываетъ мнѣ вдали какія-то преспективы, но, право, мнѣ кажется, что онъ и самъ не сознаётъ, въ чемъ эти преспективы заключаются. Слѣдуй, говоритъ, по моимъ указаніямъ, а куда слѣдуй—и самъ порядкомъ растолковать не можетъ. Эхъ, братъ! у самого-то у тебя яичница въ головѣ, а тоже другихъ за собой приглашаешь!

Да ежели бы онъ и могъ доподлинно разъяснить, куда и какъ нужно слѣдовать—развѣ я могу *туда* идти? Да и не только *туда*—просто никуда я идти не могу. Все, все для меня заперто. По судебной части, я истца отъ отвѣтчика отличить не могу—чьи же я интересы защищать или опровергать буду? По части народнаго просвѣщенія, я не знаю, кто кого кормилъ,

волчица ли Ромула, или Ромулъ волчицу—какъ же я на экзаменахъ баллы ставить буду?...

. . . . .

И откуда нынче такіе дѣйствительные статскіе совѣтники развелись, которые настоящаго не даютъ, а все преспективы показываютъ! И прежде бывало не мало дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—но какая разница! Назывались они не Солитерами, а Довгочхунами, Ѳедоровыми, Ивановыми, Семеновыми, пили, ѣли, по гостямъ ѣздили, и сами балы дѣлали и откупщиковъ балы заставляли дѣлать, играли въ клубахъ въ карты и въ свободное отъ занятій время писали: утверждаю, утверждаю, утверждаю. А Солитеръ пишетъ: раззоряю, раззоряю, раззоряю!..

И ничего. Роззоряетъ—но не созидаетъ, расточаетъ—и самъ стоитъ невредимъ; развращаетъ—и состоитъ членомъ общества распространенія нравственности. Кто эту тайну пойметъ?

Есть одинъ рессурсъ, который выручаетъ его. Это—лганье и показываніе фальшивыхъ преспективъ. Онъ лжетъ неуставаючи, лжетъ, какъ рязанскій дворянинъ, когда начинаетъ разсказывать, какіе у него въ оранжереяхъ персики при крѣпостномъ правѣ росли. Недавняя чистопсовость и до сихъ поръ выступаетъ наружу въ немъ. Онъ лжетъ и самъ нагло прислушивается къ своему лганью. И вѣритъ. Вѣритъ, что со всей тройкой и съ экипажемъ въ одну прорубь провалился, а черезъ двадцать верстъ, на тѣхъ же лошадяхъ и въ томъ же экипажѣ, изъ другой проруби выскочилъ.

И многіе до сихъ поръ вѣрятъ показываемымъ имъ преспективамъ. Я убѣжденъ, что Прокопъ, напримѣръ, даже въ эту минуту мечется, какъ озаренный, и все поздравляетъ, все поздравляетъ. И все потому, что думаетъ: пріѣду домой, тамъ наверстаю! И такъ, съ незапамятныхъ временъ, изъ года въ годъ, у него ведется: чѣмъ больше получаетъ кукишей, тѣмъ больше надѣется, тѣмъ шибче поздравляетъ.

Уже недѣлю тому назадъ, я прочиталъ въ газетахъ, что онъ въ Петербургъ прибылъ — а ко мнѣ до сихъ поръ ни ногой. Вмѣстѣ Шнейдершу слушали, вмѣстѣ въ географическомъ конгрессѣ засѣдали, наконецъ, вмѣстѣ въ сумасшедшемъ домѣ сидѣли—и вотъ! Чай, все преспективы высматриваетъ, связи поддерживаетъ, со швейцарами да съ каммердинерами табаки разнюхиваетъ! Чай, когда изъ Залупска ѣхалъ—хвастался тоже: я, молъ, въ Петербургѣ объ залупскихъ нуждахъ буду разговаривать! Разговаривай, мой другъ, разговаривай... съ швейцарами!

Кому интересны залупскія нужды, культурныя и некультур-

ныя? Вотъ кабы ты сообщилъ секретъ, какъ къ празднику нѣчто заполучить, или какъ такому-то ножку, ради высокоторжественнаго дня, подставить—ну, тогда бы мы тебя послушали. А то: залупскія нужды!—ишь съ чѣмъ подъѣхалъ! Есть у васъ въ Залупскѣ Солитеръ—и будетъ съ васъ. Онъ васъ разберетъ: и стравитъ другъ съ другомъ, и помиритъ, если ему вздумается. Zaloupsk! qu'est ce que c'est que Zaloupsk?

И вотъ, ради безплодныхъ разговоровъ съ швейцарами, Прокопъ даже объ старомъ собутыльникѣ позабылъ. Это ли не черта русской культурности! Сегодня пріятель, а завтра разрѣшилъ ему Солитеръ за каблукъ своего сапога подержаться—онъ ужь отъ вчерашнихъ друзей рыло воротитъ. Я, говоритъ, нынче, наверху, у самаго каблука его превосходительства стою—сверху-то мнѣ преспективы виднѣе!

Мнѣ сдѣлалось и досадно, и жалко. Милый Прокопъ! Глупъ-глупъ, а культурность свою очень тонко понимаетъ. У меня, говоритъ, въ деревнѣ и зальце въ домикѣ есть, и палисадничекъ, и посуда, и серебрецо, и сплю я на матрацѣ, а не на войлокѣ—сейчасъ видно, что культурный человѣкъ живетъ! А мужикъ—что! намѣднись, у насъ на селѣ у крестьянина мальчика тараканы носъ выѣли, а у меня, братъ, тараканы только на кухнѣ живутъ! Милый, милый Прокопъ! какъ сейчасъ вижу, какъ онъ въ Залупскѣ въ клубѣ, завязавшись салфеткой (неопрятенъ онъ, когда ѣстъ) сидитъ: бужанины кусокъ проглотитъ и слово скажетъ, еще кусокъ бужанины проглотитъ и еще слово скажетъ. И слова все такія милыя: течетъ что-то, плыветъ, барахтается—и не зацѣпишь. И вотъ этотъ-то человѣкъ, у котораго тараканы только въ кухнѣ живутъ—поздравляетъ, подличаетъ, съ швейцарами по душѣ калякаетъ! И даже, когда запросто въ клубѣ сидитъ—ѣстъ, а однимъ глазкомъ въ сосѣднюю комнату заглядываетъ! Тамъ, въ этой комнатѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ съ статскимъ совѣтникомъ Глистомъ, по секрету, совѣщаются, а титулярный совѣтникъ Трихина такъ и кружится, такъ и выплясываетъ передъ ними. И жутко Прокопу, и любопытство одолѣваетъ. «Ужо отъ Трихины все вывѣдаю!» думаетъ онъ про себя. И дѣйствительно, какъ только Трихина показался въ дверяхъ, весь пропитанный Солитеровыми инструкціями, такъ по столовой ужь и раздается зыкъ Прокопа: человѣкъ! шампанскаго!

И для чего онъ кланяется и поздравляетъ? для чего вывѣдываетъ? Спросите его—онъ и самъ внятно не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. «Подличить, скажетъ, я не подличаю, это ты врешь, а все-таки»... И такъ-таки и упрется на этомъ «все-та-

ки», какъ будто и Богъ вѣсть какую оно мудрость въ себѣ заключаетъ...

И мнѣ вдругъ такъ загорѣлось видѣть Прокопа, до того захотѣлось на затылокъ его порадоваться, что, не успѣлъ я какъ слѣдуетъ формулировать мое желаніе, какъ въ дверяхъ раздался звонокъ, и Прокопъ собственной персоной предсталъ передо мной.

Онъ былъ въ культурномъ мундирѣ и въ культурныхъ бѣлыхъ штанахъ; лицо его, напоминавшее морду красивѣйшаго изъ мопсовъ, выражало сильнѣйшее утомленіе; щеки одрябли, подъ глазами образовались темные круги; животъ колыхался, ноги тряслись.

— Откуда, голубчикъ? поздравлялъ?

— Разумѣется, поздравлялъ. Вотъ ты такъ и день-то ныньче какой, чай, позабылъ? Христосъ воскресъ!

Мы перецѣловались.

— У заутрени былъ?

— По обыкновенію, мой другъ, по обыкновенію.

— То-то. Въ этакій день вольныя-то идеи оставить надо.

Прокопъ усѣлся противъ камина и протянулъ ноги чуть не въ самый огонь.

— Скинулъ бы ты съ себя форму-то, предложилъ я:—вмѣстѣ позавтракали бы. А какое у меня вино! по случаю... краденное!

— Это, братъ, только хвастаются, что краденное, а попробуй—опивки простые. Нѣтъ, завтракать мнѣ нѐкогда, еще въ двадцати мѣстахъ росписаться нужно, а ты вотъ что̀: вели рюмку водки подать—спасибо скажу!

Принесли водки и балыка. Прокопъ потянулся, выпилъ и нѣкоторое время стоялъ съ разинутымъ ртомъ, словно водка обожгла ему нёбо. Не знаю почему ему показалось, что я въ него всматриваюсь.

— Ты что̀ на меня смотришь? узоры, что̀ ли, на мнѣ написаны?

— Помилуй, мой другъ! я радъ тебя видѣть—и только.

— А радъ—такъ и слава Богу. Измучился, братъ, я. Погодища ныньче—страсть! Ѣздилъ-ѣздилъ, штаны-то бѣлые, замарать боишься—ну, и сидишь распахнувшись, какъ на выставкѣ. Да на грѣхъ, еще происшествіе ныньче въ одномъ мѣстѣ случилось... препоганое!

— Что̀ же такое?

— Да пріѣхалъ я къ особѣ одной—ну, росписался. Только вижу, что тутъ же, въ швейцарской, и камердинеръ особы стоитъ—

и угоразди меня нелегкая въ разговоръ съ нимъ вступить. То да сё: рано ли его сіятельство встаетъ? въ которомъ часу государственными дѣлами заниматься садится? кто къ нему первый съ докладомъ приходитъ? не слышно ли, мѣстовъ гдѣ нибудь не открывается ли? Только разговариваемъ мы такимъ манеромъ, и вдругъ, братецъ, я вижу: вынимаетъ онъ изъ кармана круглую прекруглую табатерчищу, снимаетъ крышку да ко мнѣ... Это, говорю, что?— Нюхните-ка, говоритъ. «Да ты, говорю, свинья, кажется, позабылъ?..»

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и брякнулъ. Я, братъ—прямикъ! не люблю вокругъ да около ходить! По мнѣ, коли свинья—такъ свинья!

— Такъ-то—такъ, а все-таки неосторожно ты поступилъ. Горяченекъ ты, братъ, справляться съ собой не можешь!

Прокопъ струсилъ; казалось, онъ только теперь понялъ всю неключимость своего поступка.

— Тебѣ что нужно? продолжалъ я:—тебѣ нужно Солитеру ножку подставить, да самому на его мѣсто вскочить? Слѣдовательно, такъ ты и долженъ поступать. Знаешь, что каммердинеръ можетъ словечко замолвить—стало быть, и долженъ ты съ нимъ ласковенько: табачку, водочки... Я, на твоемъ мѣстѣ, даже къ себѣ бы его пригласилъ! А теперь онъ тебѣ мстить будетъ.

Прокопъ стоялъ, вытаращивши глаза; вилка, устремленная по направленію къ балыку, такъ и застыла въ его рукѣ.

— Я, братъ, и самъ объ этомъ ужь думалъ, наконецъ, промолвилъ онъ.

— Непремѣнно будетъ мстить. Вотъ сегодня же вечеромъ, какъ станетъ съ его сіятельства сапоги снимать, и скажетъ ему: былъ давича такой-то, не нравится онъ мнѣ, невѣжей смотритъ! А завтра ты явишься къ его сіятельству; его сіятельство посмотритъ на тебя да и подумаетъ: а кто, бишь, мнѣ сказывалъ, что этотъ человѣкъ—невѣжа? какой, въ самомъ дѣлѣ, грубіянъ!

— А что ты думаешь! вѣдь это, пожалуй, и вправду такъ будетъ! Они, эти хамы...

— Вѣрно говорю. Эти каммердинеры да истопники... ахъ, какъ съ ними надо, мой другъ, осторожно! Самый это ехидный народъ! Солитеръ-то, ты думаешь, какъ пролѣзъ?

— Ну, Солитеръ и такъ, самъ собой... На то онъ и солитеръ!

— Нѣтъ, онъ сперва въ каммердинера влѣзъ, а потомъ ужь и...

— Ну, такъ прощай! я бѣгу!

*

— Да погоди! сейчасъ ужь и бѣжать! Разказалъ бы, по крайней мѣрѣ, что̀ у васъ дѣлается?

— Нѐкогда, нѐкогда — чему у насъ дѣлаться! Солитеръ... Я, было, посплетничать на него пріѣхалъ, да вотъ приключеніе это... завтра пріемъ мнѣ былъ назначенъ, а теперь, пожалуй, и не выслушаетъ!

Прокопъ заторопился, подтянулся, вытянулъ ногу, на сапоги взглянулъ, посмотрѣлся въ зеркало, пылинку съ носа смахнулъ, шпагу поправилъ и ужь совсѣмъ на ходу закинулъ мнѣ:

— Я, братъ, съ женой и съ дочерью здѣсь. Въ Гранд-отелѣ стоимъ. За границу ѣхать сбираемся.

— Ка̀къ! И Надежда Лаврентьевна здѣсь! и ты ничего не говоришь!

— Ну, что̀ тутъ! не невидаль какая! Приходи ужо̀ вечеромъ— посидимъ!

Онъ рысцой направился въ переднюю, накинулъ тамъ на себя шинель и вдругъ опять встревожился.

— Ка̀къ ты думаешь? спросилъ онъ меня:—ему... хаму этому... трехъ цѣлковенькихъ довольно будетъ?

— Дай, братъ, десятирублевую! посовѣтовалъ я:—надо воображеніе ему поразить. Потому что хамы эти...

— Ну, ладно, ладно. Такъ ужо̀ вечеромъ. Кстати, я и разскажу, чѣмъ у насъ съ нимъ кончится. Жена, признаться, давно къ тебѣ посылаетъ—съ недѣлю мы ужь здѣсь—да вотъ все происшествія эти...

Онъ исчезъ въ дверяхъ, а я остался опять одинъ съ своею тоскою. Я началъ резюмировать разговоръ, который мы сейчасъ вели—и вдругъ покраснѣлъ. Что̀ я такое сейчасъ говорилъ? какіе такіе совѣты на счетъ десятирублевой бумажки подавалъ? мучительно спрашивалъ я себя. Господи! да неужто-жь холопство имѣетъ такую втягивающую силу!

Вотъ я, напримѣръ, повидимому, кажется, совсѣмъ позабылъ. Ни мундира у меня культурнаго нѣтъ (старый износился, новаго не шилъ), ни поздравлять я не ѣзжу—та̀къ, самъ по себѣ, «независимо» глазами хлопаю! А увидѣлъ человѣка съ краснымъ околышемъ на головѣ—и не вытерпѣлъ! Такъ и лѣзетъ оно, такъ и претъ изъ тебя это проклятое холопство, при первомъ удобномъ случаѣ! И рожа погано осклабляется, и языкъ петлей складывается, какъ только начнутъ объ швейцарахъ да объ каммердинерахъ разговаривать. Не явись Прокопъ, не начни онъ этого разговора, сидѣлъ бы я себѣ да проявлялъ бы гражданское мужество, въ окошко глядючи! А теперь, поди вотъ,

какой грѣхъ случился—даже на языкѣ холопская слизь чувствуется—фу, мерзость!

Вотъ нынче, во Франціи, цѣлая школа беллетристовъ-психологовъ народилась—нѝшто имъ. У нихъ психологія французская, неспутанная—ври себѣ припѣваючи! Нѣтъ, попробовалъ бы ты, господинъ Гонкуръ, вотъ сквозь этотъ психологическій лѣсъ продраться, который у Прокопа въ головѣ засѣлъ! Ему, по настоящему, и до самого его сіятельства горя мало, а онъ съ лакеями объ «внутренней политикѣ» калякаетъ, да еще грубитъ имъ... лакеямъ-то! Да и я тутъ же, за компанію, ему вторю: отомститъ *онъ* тебѣ! не три, а десять рубликовъ ему надо дать! Сказалъ это—и ничего! даже не почувствовалъ, что у меня отъ языка воняетъ! Спрашивается: какое можетъ быть сцѣпленіе идей, когда такія вещи говоришь? И какова должна быть психологія, которая доставляетъ матеріалъ для подобныхъ разговоровъ? Вотъ кабы ты, господинъ Зола, поприсутствовалъ при этихъ разговорахъ—можетъ быть, и понялъ бы, что самое наглое психологическое лганье, которое не снилось ни тебѣ, ни братьямъ Гонкурамъ, ниже прокурорамъ и адвокатамъ (прокурорамъ—разумѣется, французскимъ, а адвокатамъ—всѣмъ вообще), должно встать въ тупикъ передъ этой психологической непроходимостью.

И въ то самое время, какъ я все это думалъ, вдругъ, вслѣдствіе такого же необъяснимаго психологическаго переворота, въ головѣ моей блеснуло: а вѣдь Прокопъ за границу ѣдетъ—не примазаться ли и мнѣ съ нимъ?

Сейчасъ обвинялъ Прокопа въ холопствѣ, сейчасъ на самого себя негодовалъ, что никакъ не могу пропустить случая, чтобъ не похолопствовать—и вотъ опять къ Прокопу льну! знаю я, что Прокопъ, вмѣстѣ съ своей персоной, весь Залупскъ Европѣ покажетъ; знаю, что онъ повезетъ заграницу Залупскъ и въ своемъ платьѣ, и въ покроѣ своего затылка и брюха, и въ тѣхъ рѣчахъ, которыми онъ будетъ за табльдотами щеголять; знаю все это и все-таки льну. Такъ и стремлюсь залупскіе запахи обонять, залупскому внятному бормотанью внимать. И вмѣстѣ со мной будутъ внимать этому бормотанью и Средиземное Море, и сѣрыя скалы, которыя высятся вдоль его береговъ, словно сторожатъ лазурное ложе его въ предвидѣніи нашествія варваровъ.

Глава третья.

Между своими.

Для тѣхъ, которые позабыли о Прокопѣ (см. «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ»), считаю не лишнимъ возстановить здѣсь въ короткихъ словахъ его физіономію. Это—одинъ изъ самыхъ выразительныхъ представителей культурнаго русскаго человѣка, лишь со вчерашняго дня узнавшаго о своей культурности. Въ физическомъ отношеніи, онъ созданъ забавно: голова круглая, затылокъ круглый, спина круглая, животъ круглый, глаза круглые, даже плечи, руки, ноги—и тѣ круглыя. Лицо—портретъ красавца мопса и, по обстоятельствамъ, принимаетъ свойственныя мопсу выраженія. Когда его «никто не дразнитъ» и, когда сверхъ того, онъ сытъ—кожа на его лицѣ растягивается и выраженіе дѣлается ласковымъ: можно держать пари, что у него непремѣнно гдѣ нибудь спрятанъ хвостъ, которымъ онъ въ эту минуту виляетъ. Когда онъ раздразненъ и голоденъ — на лбу и на переносьи дѣлаются складки, зубы злобно оскаливаются и изъ гортани вылетаетъ рычанье; такъ и хочется крикнуть: а гдѣ у насъ арапникъ-то, гдѣ? Въ нравственномъ отношеніи, онъ прежде всего преисполненъ загадочнаго юмора, объ которомъ нельзя сказать положительно, на кого онъ направленъ—на собственную ли персону Прокопа, или на окружающихъ. Сверхъ того, онъ заносчивъ и льстивъ, лукавъ и легковѣренъ, наивенъ и лживъ, преисполненъ всякаго рода предразсудковъ, недоумѣній, противорѣчій и необыкновенно невѣжественъ. Говоритъ онъ обрывками, услащая свою рѣчь безчисленными околичностями, перерывами, многоточіями и при этомъ всегда поражаетъ собесѣдника внезапностью мыслей, въ которыхъ невозможно отличить, что̀ правда и что̀ ложь. Нѣкоторые думаютъ, что онъ глупъ и золъ, но это невѣрно. Онъ не глупъ и не уменъ, не добръ и не золъ—онъ самъ по себѣ. Репутацію глупости составила ему глубокая его невѣжественность, репутацію злого человѣка—нѣкоторые нечеловѣческіе инстинкты, которые довольно частыми вспышками проявлялись въ немъ во времена крѣпостного права. Но ежели надѣть на него прочный намордникъ, то горячность эта довольно скоро остываетъ, и въ Залупскѣ справедливо замѣчаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ упразднено крѣпостное право, Прокопъ сталъ огрызаться значительно меньше прежняго.

Фамилія Прокопа—Лизоблюдъ, изъ тѣхъ Лизоблюдовъ, которые еще при царѣ Горохѣ тарелки лизали. Прокопъ гордится своими предками. Не говоря уже о родоначальникѣ Лизоблюдовъ, занимавшемся лизоблюдствомъ во времена до-историческія, много было и позднѣйшихъ потомковъ, которые шли по его стопамъ уже во времена, освѣщенныя свѣтомъ исторіи. Вообще это были люди смышленные и хозяйственные, и въ то время, какъ другіе «ближніе люди» занимались цѣлованіемъ крестовъ да выщипываньемъ другъ у друга бородъ по волоску, Лизоблюды все больше ютились около утробной части, завѣдывали поварнями, подавали кушанья, служили посредниками въ любовныхъ интригахъ и, проводя въ этомъ занятіи время, укрѣплялись въ милостяхъ и пріобрѣтали вотчины. Но въ половинѣ XVIII вѣка, звѣзда Лизоблюдовъ померкла: Никита Лизоблюдъ, устраивая любовныя дѣла Авдотьи Лопухиной, былъ обвиненъ въ измѣнѣ и, по наказанію на тѣлѣ, сосланъ въ залупскія вотчины, съ воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста жительства. Причемъ было выражено, что снисхожденіемъ этимъ (ему «надлежало» вырѣзать языкъ) онъ обязанъ лишь «неистовой его глупости». Съ этихъ поръ, значеніе фамиліи Лизоблюдовъ принимаетъ характеръ исключительно культурный, и цѣлыя поколѣнія ея членовъ слѣдуютъ одно за другимъ въ роли представителей залупской культурности, сами, впрочемъ, не подозрѣвая всей тяжести бремени, которое судьба возложила на ихъ плечи.

Семейство Прокопа состоитъ изъ жены, сына и дочери Наташеньки. Жена его слыла когда-то красавицей, да и теперь, хоть ей ужь подъ сорокъ, производитъ въ Залупскѣ сенсацію. У ней нѣтъ ни особеннаго ума, ни даже умѣнья болтать милый вздоръ, но есть удивительнѣйшія, наливныя, бѣлоснѣжныя плечи, и она знаетъ это. Къ этимъ плечамъ несутся сердца всѣхъ залупскихъ культурныхъ людей, и въ нихъ же отчасти заключается тайна поднесенія Прокопу бѣлыхъ шаровъ на выборахъ. Самъ Солитеръ, котораго голова, начиненная циркулярными предписаніями, повидимому, недоступна ни для чего, кромѣ тусклаго мерцанія, выражающагося загадочнымъ восклицаніемъ «фюить!»—и тотъ любострастно чавкаетъ и какъ-то нелѣпо коситъ глазами, когда встрѣчается съ Надеждой Лаврентьевной на балахъ. Я не знаю, понимаетъ ли Прокопъ, какое дѣйствіе производятъ плечи его жены на окружающихъ, но думаю, что онъ, дѣлая видъ, что не понимаетъ, все-таки пользуется этимъ дѣйствіемъ, какъ однимъ изъ средствъ внутренней залупской политики.

Единственный сынъ Прокопа, Гаврюша, похожъ на отца до

смѣшного. Тоже круглое тѣло, тоже лицо мопса, забавное во время покоя и бороздящееся складками на лицѣ и на лбу во время гнѣва. Прокопъ любитъ его безъ памяти, всѣмъ нутромъ и ласково рычитъ, когда сынъ является изъ заведенья «домой». Онъ садится тогда на кресло, ставитъ сына между ногъ, беретъ его за руки, распрашиваетъ, зналъ ли онъ урокъ и чѣмъ его на недѣлѣ кормили, и смотрится въ него, словно въ зеркало.

— Такъ ты говоришь, хорошо васъ кормили? спрашиваетъ онъ, заглядывая ему въ глаза.

— Ныньче, папаша, насъ лучше кормятъ: директоръ комиссію изъ воспитанниковъ надъ экономомъ назначилъ.

— То-то. А, паче чаянія, ежели что̀, такъ ты спрашивай: я твоему дядькѣ строго приказалъ и денегъ на это оставилъ. Ѣшь, братъ, ѣсть надо; больше будешь ѣсть — и урокъ будешь лучше знать.

Въ «заведеніе» Прокопъ отдалъ Гаврюшу не безъ разсчета: онъ понялъ, что «заведеніе» есть именно такая вещь, откуда, хочешь не хочешь, а въ концѣ концовъ все-таки и съ чиномъ выйдешь, и на мѣсто поступишь.

— Я, братъ, по себѣ знаю, открывался онъ мнѣ по этому случаю: — и гувернеры, и мадамы у меня были, а что̀ толку! Срамъ сказать, и теперь изъ катихизиса ни одного текста не знаю!

— Да вѣдь на выборахъ изъ катихизиса не спрашиваютъ? возражалъ я.

— Все-таки. Разговариваютъ. Не изъ катихизиса, такъ изъ географіи. Кабы я зналъ, такъ и самъ бы разговаривалъ. А теперь приходится на другихъ смотрѣть, смѣются или нѣтъ.

— Такъ что̀-жь! сходитъ съ рукъ—и слава Богу!

— То-то, что по̀дъ Богомъ мы ныньче ходимъ. Сегодня сошло, а завтра нѣтъ. Ехидные ныньче люди пошли: испытываютъ. Иной цѣлый разговоръ съ тобой ведетъ: ты думаешь, онъ вправду, а онъ на смѣхъ! Вотъ года три назадъ, пришла ко мнѣ бумага насчетъ распространенія спеціальныхъ идей. Натурально, письмоводителя: какія-молъ такія спеціальныя идеи? — А это, говоритъ, по акцизной части, должно быть. Ну, мнѣ что̀! по акцизной—такъ по акцизной! отвѣчай братецъ! Анъ послѣ оказалось, что онъ мнѣ на̀-смѣхъ акцизную-то часть ввелъ!

— Ахъ, Прокопъ, Прокопъ! Милый ты! милый! Такъ ка̀къ же ты съ Гаврюшей хочешь поступить?

— Хочу въ «заведеніе» отдать. Тамъ научатъ. Туда лиха̀ бѣда попасть, а попалъ, такъ будетъ «человѣкомъ». Экзамены

будетъ, братецъ, выдерживать, а вѣдь я никогда ни одного экзамена выдержать не могъ. Такъ воспитываться, безъ экзамена—это я могу, а чуть на экзаменъ повели—ау, братъ!

Какъ ни удивительны представлялись мнѣ эти соображенія Прокопа, но въ результатѣ оказалось, что онъ правъ. Третій годъ находился Гаврюша въ заведеніи—и ничего, даже экзамены выдерживалъ. Жаловались, правда, воспитатели, что онъ, во время препарацій, забирается въ шинельную спать; но Прокопъ такъ наивно возражалъ на это: «такъ неужто-жь робенку не спать?», что начальство махнуло рукой и вновь подтвердило обѣщаніе сдѣлать Гаврюшу «человѣкомъ».

Наташенька—ужь невѣста; ей осьмнадцать лѣтъ, и наружностью она пошла въ мать, то есть, навѣрное, будетъ со временемъ имѣть такія же наливныя, сахарныя плечи. Какъ дѣвица благовоспитанная, она стыдится мужчинъ и, при видѣ ихъ, жмется къ мамашѣ. Сверхъ того, склоняетъ голову нѣсколько на бокъ, что̀ придаетъ ей какую-то трогательную грацію, и ходитъ, слегка привскакивая на носкахъ, тоже для граціи. Вообще, дѣвушка образованная, сытая и аппетитная, хотя совѣстится за свою аппетитность и отъ души молится Богу о неиспосланіи ей худобы. Прокопъ ее любитъ по своему, то есть шутитъ шутки насчетъ ея невинности и аппетитности; но въ этой любви нѣтъ и тѣни той страстности, которую онъ чувствуетъ къ Гаврюшѣ.

— Наташа — что̀! говоритъ онъ:—сегодня она—Лизоблюдъ, а завтра будетъ Тарелкина. Вотъ Гаврило у меня, тотъ—настоящій, коренной Лизоблюдъ будетъ!

Когда я пришелъ къ Прокопу вечеромъ, у него ужь сидѣлъ гость. Поэтому, онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу въ переднюю, чтобъ сообщить о результатѣ давишняго разговора насчетъ графскаго каммердинера.

— Обдѣлалъ, братъ! сказалъ онъ довольнымъ тономъ:—десятирублевинькую выкинулъ.

— Ловко, голубчикъ. Стало быть, скоро тебя и поздравить будетъ можно?

— Ну, это еще бабушка на двое сказала. Мѣстовъ, говоритъ, нѣтъ. Будутъ, говоритъ, два мѣста надняхъ, да вчера, вишь, обѣщаны. А послѣ этихъ двухъ мѣстъ, какъ очистится первая вакансія, такъ и...

— Да не вретъ ли?

— Вѣрно, братецъ. Прямо такъ и сказалъ: послѣ этихъ двухъ, вакансія—моя!

— Ну, и слава Богу. Покуда заграницу съѣздишь, покуда что̀... Завидую я тебѣ, голубчикъ! Какъ тамъ ни говори, а еще

много, очень много въ наше время можно напакостить... то бишь, дѣлъ надѣлать. Вотъ, хоть бы эта самая область, куда Макаръ телятъ не гонялъ...

— Да одно ли это! А прочее-то! Однако, я долженъ тебя предупредить: покуда объ этомъ—молчокъ. Иванъ Созонтычъ такъ сказывалъ: вы, сударь, до времени не хвастайтесь. А теперь, идемъ къ женѣ.

Вся семья Прокопа была на лицо. Надежда Лаврентьевна дала мнѣ руку поцѣловать, Наташенька—въ губки похристосовалась, одинъ Гаврюша бутузомъ сидѣлъ въ углу, держалъ въ обѣихъ рукахъ по яйцу и пробовалъ, которое изъ нихъ крѣпче. Гостемъ оказался какой-то генералъ, до такой степени унылый, что мнѣ съ перваго взгляда показалось, что у него болитъ животъ. Прокопъ отрекомендовалъ насъ другъ другу.

— Генералъ Николай Батистычъ Пупонъ, сказалъ онъ мнѣ:— отецъ его, Батистъ Богданычъ, французъ былъ, съ русскими войсками въ восемьсотъ четырнадцатомъ году Парижъ бралъ, ну, а вотъ онъ—ужь настоящій русскій. И вѣры нашей.

При имени Пупона мнѣ вдругъ что̀-то смутно вспомнилось, что̀-то такое, что̀ я въ 1863 году въ газетахъ читалъ. Реляція какая-то, въ которой говорилось, что храбрый полковникъ Пупонъ... но вотъ тутъ-то имеино я и сбивался: крѣпость ли непріятельскую взялъ, или молодцомъ взлетѣлъ на четвертый этажъ какого-то дома и безъ ключа отперъ дверь какой-то квартиры.

— Вы... тотъ самый храбрый полковникъ Пупонъ?.. невольно сорвалось у меня съ языка.

— Да̀... но теперь — генералъ! отвѣтилъ онъ мнѣ какимъ-то горькимъ голосомъ.

И вдругъ, я въ самомъ дѣлѣ вспомнилъ.—Да̀, это, дѣйствительно, было не подъ Севастополемъ, а на Подъяческой. Онъ взлетѣлъ и какимъ-то волшебствомъ, безъ ключа, очутился внутри запертой квартиры. Но ка̀къ онъ съ тѣхъ поръ измѣнился! Тогда онъ мнѣ казался молодымъ, исполненнымъ отваги и надеждъ, и хотя выраженіе его лица и въ то время имѣло что̀-то наглое, но это была наглость молодая, сильная, ликующая. Теперь—онъ былъ похожъ на заштатнаго индѣйскаго пѣтуха, который до такой степени забитъ и отощалъ, что не имѣетъ силъ даже соплю распустить. Весь онъ былъ словно пепломъ покрытъ; лицо пепельное, глаза пепельные, волосы пепельные, даже на мундирномъ сюртукѣ, какъ будто кусочки пепла виднѣлись. Сидѣлъ онъ молча, часто и глубоко вздыхалъ, а немногіе отвѣты на вопросы давалъ отсырѣлымъ, пещернымъ голосомъ.

Мы сѣли въ кружокъ и стали разговаривать. Сначала, погоду бранили, потомъ перешли къ залупскимъ новостямъ, и Надежда Лаврентьевна въ одну минуту засыпала меня разсказами, въ которыхъ, къ великому моему прискорбію, главную роль играли плюхи.

— Говорили, будто ужь плюхъ больше не будетъ, резюмировалъ эти разсказы Прокопъ:—а онѣ ныньче еще веселѣе прежняго въ ходъ пошли. У насъ, въ Залупскѣ, рѣдкій разговоръ ныньче не кончается плюхой.

— Самолюбивѣе народъ сталъ—отъ того! попробовалъ я объяснить.

— Нѣтъ, не самолюбивѣе, а такъ какъ-то... въ общежитіе, стало быть, вошло. Кабы самолюбіе, такъ онъ, получивши плюху-то, бѣжалъ бы куда нибудь, а то получитъ да такъ съ плюхой и ходитъ по городу.

— Очень ныньче въ Залупскѣ не хорошо стало! вздохнула Надежда Лаврентьевна.

— Скучно?

— Нѣтъ, не то чтобы... Балы въ собраньи бываютъ... офицеры пикники устраиваютъ... нѣтъ, мы не скучаемъ! А такъ, вообще...

— У насъ, братъ, и въ заведеніи скуки нѣтъ! отозвался Прокопъ:—либо у насъ гости, либо мы въ гостяхъ—гдѣ тутъ скукѣ быть! А гостей нѣтъ — лошадей велишь заложить или варенья спросишь. А теперь вотъ за границу собрались. Вздумалось съѣздить—и поѣдемъ.

— Такъ это у васъ ужь окончательно рѣшено? обратился я къ Надеждѣ Лаврентьевнѣ.

— Да, рѣшено. Надо же!

— Я ужь разъ шесть за границей былъ, вездѣ перебывалъ, объяснилъ Прокопъ:—а онѣ еще ни разу не были. Ну, и пусть съѣздятъ, посмотрятъ. Нельзя же...

— Да, да... Это, дѣйствительно, такъ... нельзя же! Но представьте себѣ, какой случай! Вотъ я никогда за границей не бывалъ и даже намѣренія не имѣлъ, а давича пришелъ онъ — я и раздумался. Надо же, думаю, нельзя же!

— Конечно, надо, подтвердила и Надежда Лаврентьевна.

— И прекрасно, братъ, вмѣстѣ всѣ и поѣдемъ. Вотъ генералъ съ нами, да еще по дорогѣ кой-кого подходящихъ подберемъ—чудесно время проведемъ!.. время!

— Только вотъ что: хотѣлось бы мнѣ прежде хоть приблизительное понятіе себѣ составить, что собственно будемъ мы дѣлать за границей?

— А что̀ прочіе дѣлаютъ, то̀ и мы будемъ. Чай, не ариѳметикѣ учиться ѣдемъ! Талеры знаешь, франки знаешь — ну, и все тутъ.

— Напримѣръ, начать хоть бы съ того, *куда* мы ѣдемъ?

— Разумѣется, сначала въ Берлинъ — тамъ на недѣлю остановимся. Въ Берлинѣ можно бы и поменьше побыть, да мнѣ, признаться, Бисмарка показать обѣщали.

— Что̀ ты? Самого Бисмарка!

— Да̀, Иванъ Карлычъ, булочникъ здѣшній обѣщалъ. Я, говоритъ, вамъ къ его каммердинеру, Христофору Иванычу, письмо дамъ, такъ онъ его вамъ за сто марокъ, сколько угодно, покажетъ. А ежели двѣсти марокъ дашь, такъ Бисмаркъ даже на аудіенцію выходитъ. И тутъ что̀ хочешь у него проси, потому что онъ, за аудіенцію, сто марокъ въ свою пользу отсчитываетъ.

— Ахъ, Господи!

— Нѐчего ахать — вѣрно говорю! А ежели сто талеровъ не пожалѣешь, такъ и на квартиру приметъ — разумѣется, ежели ты—русскій. Потому, русскихъ онъ любитъ. Русскіе, говоритъ— добрый, покорный народъ.

Ка̀къ ни привыкъ я къ внезапнымъ мыслямъ Прокопа, но это было такъ необыкновенно, словно я въ армидины волшебные сады вошелъ. Я глядѣлъ на Прокопа во всѣ глаза, усиливаясь угадать, не предается ли онъ, по обычаю своему, загадочному юмору, но лицо его сіяло такимъ ликованіемъ, что не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ искренности его словъ. Очень даже возможно, что преспектива видѣть Бисмарка играла не послѣднюю роль въ его рѣшимости ѣхать за границу и что онъ покуда только не могъ еще вполнѣ опредѣлить себѣ, по какому разряду онъ устроитъ это свиданіе, то есть за что̀—за двѣсти или за триста марокъ.

— А изъ Берлина прямикомъ въ Парижъ, продолжалъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало: — тамъ мѣсяца съ два пробудемъ. Вотъ барыни нарядовъ накупятъ, а мы по ресторанамъ походимъ. Оттуда поѣдемъ въ Баденъ, въ Швейцарію, а на зиму въ Ниццу махнемъ!

— Но, все-таки, что̀ же мы дѣлать-то, дѣлать-то что̀ будемъ?

— Что̀ другіе, то̀ и мы. Другіе гулять — и мы гулять, другіе обѣдать—и мы обѣдать. Тамъ, братъ—не Россія, озорничать не позволяется. Вотъ въ Швейцаріи, скажутъ тебѣ свечера: завтра въ пять часовъ восхожденіе на Риги—ну и будь готовъ въ пять часовъ, и становись въ па̀ру.

— Видъ, что̀ ли, ужь очень хорошъ, что даже выспаться не даютъ?

— Ничего... видъ! Солнце встаетъ — извѣстно! Въ трубки англичане смотрятъ. Посмотрѣли — и опять, какъ арестантовъ, въ отель поведутъ.

— Такъ неужто-жь, послѣ нашего-то простора, такая жизнь можетъ нравиться?

— Я развѣ говорю, что нравится? Нравится или не нравится, а коли назвался груздёмъ, такъ и полѣзай въ кузовъ — вотъ я объ чемъ. И ѣда у нихъ хуже нашей. Говядина есть да своя, а черкасской нѣтъ.

— Такъ кàкъ же это?

— Объ томъ-то я и говорю. А, впрочемъ, коли ты за границу ѣдешь, такъ меня держись. Если на себя надѣяться будешь — одни извощики съ ума сведутъ. А я тамошніе порядки наизусть знаю. И что̀ гдѣ спросить, и гдѣ что̀ поѣсть, и гдѣ гривенникъ сунуть—все знаю. Я, кàкъ пріѣду въ гостинницу—сейчасъ на кухню и повару полтинничекъ. Все покажетъ. Оберъ-кельнеру тоже сунуть надо — первому за табельдотомъ подавать будутъ.

— Такъ, стало быть, ѣдемъ?

— Кàкъ не ѣхать? Нельзя не ѣхать. Я за зиму-то въ Залупскѣ отекý, а лѣтомъ, какъ за границей въ родѣ арестанта побудешь—весь отёкъ съ тебя какъ рукой сниметъ! Вотъ и генералъ съ нами—ты что̀, генералъ, носъ повѣсилъ? Ѣдемъ?

— Не знаю... я ванны брать буду...

— Не все же въ ваннѣ будешь сидѣть. Чай, и поѣсть захочешь!

— Нѣтъ ужь... Я ужь... Не могу я, мой другъ!

— Ахъ, генералъ, генералъ! Какой ты былъ храбрый да проворный, сраженіе въ Средней Подъяческой выигралъ—и вдругъ что̀ съ тобой сдѣлалось!

Генералъ обратилъ на насъ потухающій взоръ и произнесъ:

— Таковы плоды человѣческой мечтательности!

Онъ сказалъ это такимъ безнадежнымъ тономъ, что всѣ невольно смолкли. И затѣмъ, вдругъ, къ величайшему моему удивленію и къ смущенію Наташеньки, которая, впрочемъ, въ одно мгновенье куда-то исчезла, началъ разстегивать свой сюртукъ, потомъ жилетъ, рубашку, покуда не обнажилась лѣвая сторона нижней части его волосатой груди.

— Смотрите, молодой человѣкъ, и да послужитъ вамъ это урокомъ! обратился онъ ко мнѣ, неизвѣстно почему считая меня за молодого человѣка: — вотъ здѣсь, пониже лѣваго соска — что̀ вы видите?

Я приблизился, и дѣйствительно увидѣлъ нѣчто въ высшей

степени странное. Въ нижней части груди, въ томъ самомъ мѣстѣ, на которое сейчасъ указалъ генералъ, находилось продолговатое пространство, усѣянное бѣлыми пупырышками, въ родѣ сыпи. Когда генералъ щелкнулъ по этому мѣсту двумя пальцами, то пупырышки мгновенно покраснѣли, и я могъ прочитать слѣдующее:

КЪ СЕМУ ТѢЛУ, ЗА
БЕЗГРАМАТСТВОМЪ САТАНЫ,
АГГЕЛЪ ЕГО, ИВАНЪ ИВАНОВЪ
ДОМОВОЙ РУКУ ПРИЛОЖИЛЪ.
АНАѲЕМА!!

Повидимому, подпись эта была нѣкогда наколота сапожнымъ шиломъ и натерта порохомъ.

— Теперь вы знаете роковую тайну моего горькаго существованія! продолжалъ генералъ, покуда я, внѣ себя отъ изумленія, смотрѣлъ на него:—покамѣстъ я былъ субалтернъ и штабъ-офицеромъ, не существовало человѣка, который, при встрѣчѣ со мной, не говорилъ: вотъ отважный Пупонъ! Всѣ меня знали! всѣ льстили и чествовали, отовсюду слали мнѣ телеграммы, во всѣхъ трактирахъ пили за мое здоровье! Даже историкъ Соловьевъ, и тотъ, въ предвидѣніи сороковаго тома «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ томовъ», съ благодарностью принялъ отъ меня меморію подъ названіемъ: «Къ исторіи смутнаго времени, съ присовокупленіемъ подвиговъ». Но, съ тѣхъ поръ, какъ я произведенъ въ генералы—все измѣнилось. Пупонъ забытъ, Пупонъ отверженъ, Пупонъ—отчисленъ по кавалеріи! И въ довершеніе всего, господинъ Соловьевъ на дняхъ возвратилъ мнѣ мою меморію обратно съ слѣдующею надписью: «дѣла̀, въ сей меморіи описанныя, столь несвойственны, что даже не весьма стыдливая Кліо—и та отвращаетъ отъ нихъ лицо свое». Замѣтьте: «несвойственны», но почему несвойственны — о томъ умалчиваетъ! Ка̀къ по вашему: обидно это или необидно?

— Конечно, обидно. Но, съ другой стороны, ежели справедливо, что даже «не весьма стыдливая Кліо»—и та зарумянилась, то, можетъ быть, подвиги, которые вы описывали, были такого сорта, что для ученаго и, притомъ, семейнаго человѣка...

— Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ свойствѣ подвиговъ, а въ томъ, что, съ производствомъ моимъ въ генеральскій чинъ, истекъ срокъ контракта, скрѣпленнаго той печатью, которую вы сейчасъ видѣли. Съ этихъ поръ все въ судьбѣ моей измѣнилось. Подвиги продолжаютъ совершаться попрежнему, и профессоръ Соловьевъ самъ очень хорошо знаетъ это—но они совершаются

уже не мною, а людьми совсѣмъ другого вѣдомства! Спрашиваю васъ: можно ли было поступить оскорбительнѣе?

— А впередъ, братъ, умнѣе будь! вмѣшался Прокопъ: — коли съ нечистымъ контракты писать, такъ пиши обстоятельнѣе: такъ-молъ и такъ, до смерти моей обязываешься ты мнѣ... а тамъ-молъ, послѣ смерти, буде что̀ послѣ меня останется—все твое!

— Шутитъ! все шутитъ! съ горечью укорилъ генералъ.

— Позвольте, генералъ! вмѣшался я:—я съ любопытствомъ слѣжу за вашими жалобами и даже сочувствую имъ, но, признаюсь, очень мало въ нихъ понимаю. Ваша прежняя блестящая карьера—и теперешній вашъ унылый видъ... наконецъ, эта странная печать на вашей груди... что̀ все это значитъ? кто вы?

— Я—жертва неопытной мечтательности и жажды благородныхъ подвиговъ, и, такъ какъ мы ѣдемъ вмѣстѣ за границу, то когда-нибудь я разскажу вамъ подробно исторію моей жизни. Теперь же могу сказать только одно: молодой человѣкъ! берегитесь мечтательности! Ибо мечтательность, даже въ границахъ области предупрежденія и преступленія, далеко не всегда ведетъ къ тому концу, который она самонадѣянно себѣ предназначила!

Съ этими словами, онъ всталъ и вышелъ, оставивъ меня лицомъ къ лицу съ какою-то нелѣпою тайною.

Глава четвертая.

Поѣхали.

Черезъ недѣлю, въ одиннадцать часовъ утра, я былъ на дебаркадерѣ варшавской желѣзной дороги. Прокопъ уже распоряжался переноскою багажа, состоявшаго изъ двѣнадцати большихъ сундуковъ и нѣсколькихъ ручныхъ чемодановъ, которые провозились безплатно.

Сырая погода преслѣдовала насъ, и цѣлое море грязи стояло передъ станціей. Неподалеку возвышался закопченный остовъ Фейгинской мельницы, которая нѣкогда была утѣшеніемъ интендантства и около которой теперь шныряли неизвѣстнаго происхожденія люди. Казалось, зданіе еще дымится и духъ Овсянникова паритъ надъ нимъ. Прокопъ, какъ человѣкъ похотливый относительно всѣхъ скандаловъ русской современности, конечно, не преминулъ обратить вниманіе и на мельницу.

— Изъ-за полтинничка кашу-то заварилъ! сказалъ онъ, мигнувъ по направленію пожарища.

— Какъ ты, однакожь, все просто объясняешь! счелъ долгомъ возразить я, изумленный внезапностью этого предположенія.

— Извѣстно, изъ-за полтинника. На низу̀ помолъ дешевле на копейку—вотъ онъ и тово.—Дай молъ сожгу, благо мельница застрахована.

— Ну, нѣтъ, это ты ужь черезчуръ хватилъ. Милліонеръ—и станетъ объ такихъ пустякахъ думать!

— А ты душу-то человѣческую знаешь?

— Нѣтъ, но во всякомъ случаѣ...

— А я знаю. У насъ въ Залупскѣ тоже милліонеръ Голопузовъ живетъ, такъ у него извощикъ пятиалтынный проситъ, а онъ ему гривенникъ даетъ. Да еще усовѣщиваетъ: креста, говоритъ, на тебѣ нѣтъ! Такъ вотъ оно что̀ душа-то человѣческая значитъ!

Въ эту самую минуту, изъ всѣхъ отверстій мельницы цѣлая масса людей высыпала наружу и скучилась противъ фасада ея. Прокопъ не преминулъ и на это обратить свое вниманіе.

— Ишь, ишь, ишь! адвокатовъ-то что̀ собралось! возопилъ онъ:—это они сламъ дѣлятъ!

— Какой еще сламъ?

— Такой и сламъ, что одинъ какой нибудь возьметъ всю тушу за себя, примѣрно, хошь за сто тысячъ—ну, пятьдесятъ себѣ оставитъ, а пятьдесятъ—на драку.

— Скажи по совѣсти! вѣдь ты это сейчасъ только выдумалъ?

— А ежели и выдумалъ—важность какая! Не въ томъ штука выдумалъ или нѣтъ, а въ томъ, что правильно выдумалъ. Смотри-ка! смотри-ка! остановились! глядятъ! ахъ, чтобъ имъ пусто было! Ишь, ишь! Вонъ бѣлый, вонъ-вонъ этотъ! — къ стѣнѣ подошелъ, штукатурки кусокъ отколупнулъ—это у него «совершенное» доказательство будетъ!

Затѣмъ, Прокопъ началъ было объяснять мнѣ, какой разговоръ онъ имѣлъ объ этомъ дѣлѣ съ адвокатомъ Комаринскимъ, но я уже не слушалъ его. Придя въ залъ, я нашелъ тамъ довольно много народу, мужчинъ и дамъ, и у всѣхъ было на лицахъ написано: вотъ и мы за границу ѣдемъ! Нельзя же! Надо же! Меня никто не провожалъ; около Прокопа вертѣлся Гаврюша, которому онъ отъ времени до времени говорилъ:

— Смотри же, ѣшь больше! будешь ѣсть — и урокъ будешь знать! А въ іюнѣ, на каникулы—къ намъ за границу пріѣзжай!

Но вотъ раздался второй звонокъ, и надо было разсаживаться по вагонамъ. Прокопъ въ послѣдній разъ взялъ Гаврюшу за руки, пристально взглянулъ на него, словно бы хотѣлъ укусить, и перекрестилъ.

— Ѣшь, братъ! повторилъ онъ: — тамъ я дядькѣ оставилъ... требуй!

Перейдя въ вагонъ, Прокопъ отворилъ окно и оттуда смотрѣлъ на Гаврюшу. Онъ сидѣлъ безъ словъ, но все лицо его сіяло и смѣялось. Гаврюша тоже смѣялся, но стыдливо, какъ будто совѣстился. Наконецъ, поѣздъ заколыхался и тронулся.

— Ѣшь, братъ! крикнулъ Прокопъ на встрѣчу сыну, который трускомъ бѣжалъ рядомъ съ удаляющимъ вагономъ.

Вагонъ, въ которомъ мы помѣстились, принадлежалъ къ числу самыхъ роскошныхъ. Кромѣ двухъ отдѣльныхъ купѐ, въ немъ былъ еще прекрасный салонъ. Надежда Лаврентьевна съ Наташенькой устроились въ одномъ изъ купѐ, въ которомъ, вмѣстѣ съ ними, сѣлъ и еще какой-то молодой человѣкъ. Остальные пассажиры размѣстились въ салонѣ. Кромѣ Прокопа, генерала Пупона и меня, тутъ было еще четверо пассажировъ. Молодой тайный совѣтникъ Стрекоза, который ожидалъ къ празднику Бѣлаго Орла, а получилъ корону на святыя Анны и, въ знакъ фрондёрства, отправлялся вояжировать; адвокатъ, который былъ обиженъ тѣмъ, что его не пригласили по Овсянниковскому дѣлу ни для судоговоренія, ни даже на побѣгушки; сѣденькій старичёкъ съ Владиміромъ на шеѣ, маленькій, съеженный, подергивающійся, съ необыкновенно густыми и черными бровями, которыя, при каждомъ душевномъ движеніи, становились дыбомъ, и, должно быть, очень злой; наконецъ, какая-то таинственная личность, въ восточномъ костюмѣ, въ родѣ халата изъ термаламы, и съ ермолкой на головѣ.

Когда поѣздъ двинулся, то всякій по своему выразилъ чувство, одушевлявшее его въ эту минуту. Прокопъ смѣло и прямо снялъ картузъ и, перекрестившись большимъ крестомъ, произнесъ: съ Богомъ! Старичёкъ тоже перекрестился, но какъ-то робко, подъ пальто, словно сомнѣвался, входитъ ли это въ кругъ его обязанностей. Пупонъ хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру, но «отецъ лжи» не позволилъ ему. Нѣсколько разъ онъ безуспѣшно замахивался и, наконецъ, чтобъ скрыть свою неудачу, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, высморкался, сказавъ: теперь на долго будетъ! и усѣлся въ уголъ. Восточный человѣкъ, повидимому, хотѣлъ совершить омовеніе, но, за невозможностью, сотворилъ бреніе и помазалъ имъ подъ ермолкой. Адвокатъ долго слѣдилъ за исчезающею въ туманѣ мельницею, потомъ вынулъ изъ кармана фотографическую карточку Овсянникова и пристально посмотрѣлъ на нее, какъ бы вопрошая: «Скажи, сколько далъ ты Потѣхину, и ты ли заплатишь за защиту Левтѣева и Рудометова». Молодой тайный совѣтникъ открылъ окна и долго махалъ плат-

комъ провожавшимъ его столоначальникамъ, какъ бы подтверждая имъ вести дѣла въ томъ же «направленіи». Потомъ сѣлъ и горько улыбнулся, словно укоряя отечество въ неблагодарности. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ эту минуту сравнивалъ себя съ древнимъ Коріоланомъ, съ тою лишь разницей, что, болѣе великодушный, нежели Коріоланъ, онъ не намѣревался привести Волсковъ, чтобъ отомстить за корону на святыя Анны.

Мнѣ было не по себѣ. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ прибавлялъ ходу и врѣзывался въ царство болотъ, мнѣ представлялось, что внутри меня все больше и больше пустѣетъ. Теперь впервые съ особенной назойливостью выдвигался впередъ вопросъ: что̀-то будетъ? Я—человѣкъ привычки и настолько робкій, что всякое передвиженіе непремѣнно волнуетъ и тревожитъ меня. Даже, переѣзжая каждогодно лѣтомъ изъ Петербурга въ деревню, я не могу избавиться отъ вопроса: что̀ будетъ? — до такой степени все, что̀ стоитъ внѣ этой комнаты и дальше этой минуты, кажется мнѣ преисполненнымъ всякаго рода опасностей. Собственно говоря, я оставляю сзади себя очень мало: смутную тоску объ чемъ-то и смутное желаніе чего-то—казалось бы, не объ чемъ очень-то жалѣть! Но неизвѣстность, разстилающаяся впереди, до того преисполнена мучительныхъ загадочностей, что даже та лѣнивая смутность воспоминаній и надеждъ, которой предается современный русскій культурный человѣкъ, ежели онъ— не адвокатъ, не прокуроръ, не желѣзнодорожный дѣятель и не директоръ банка, представляется ему чѣмъ-то въ родѣ убѣжища. Точно вотъ проснулся человѣкъ и началъ въ халатѣ по комнатѣ ходить и не хочется ему ни умываться, ни одѣваться, ни даже къ чаю притронуться: все бы онъ ходилъ взадъ да впередъ, ходилъ бы, да думалъ. Объ чемъ бы думалъ? — право, даже и на этотъ вопросъ отвѣчать нѐ зачѣмъ. Та̀къ бы, думалъ—и все тутъ. Мелькнетъ и исчезнетъ, и опять выскочитъ, и опять пропадетъ. То мотивъ какой-нибудь звукнетъ и замолчитъ, то образъ какой-то освѣтится и потухнетъ. Ходишь-ходишь и даже усталости не замѣчаешь. Я знаю, что эта мечтательность изнурительная, но, по моему мнѣнію, она представляетъ собой эмблему существованія очень многихъ русскихъ людей. Современная жизнь, съ ея лихорадочными движеніями, не для всѣхъ выказала себя матерью. Многихъ хищниковъ выдвинула она впередъ, но большинство людей добродушныхъ и неспохватливыхъ оставила безъ дѣла, за штатомъ. Вотъ они-то и мятутся въ области тоски и всякаго рода смутностей. Безъ ясныхъ сожалѣній въ прошломъ, безъ ясныхъ провидѣній въ будущемъ — точно вотъ сейчасъ проснулись, и ночныя грёзы еще не успѣли съ

нихъ соскочить, да, пожалуй, и не соскочать никогда. И, такъ какъ вездѣ, куда бы они ни пришли, имъ говорятъ: не твое дѣло!—то весьма естественно, что ими овладѣла оторопь. Эту оторопь они носятъ съ собой вездѣ и, по привычкѣ, являются съ ней даже тамъ, гдѣ жизнь, повидимому, не представляетъ уже ни тайнъ, ни неожиданностей. Все кажется, что или кондукторъ обидитъ, или засудятъ, или вдругъ... фюитъ!

Вотъ я, напримѣръ. Хотя я и не бывалъ еще за границей, но весь складъ моей жизни, все воспитаніе, всѣ идеалы, всѣ привычки и пріемы—все и всегда было заграничное. Я и парлé францé умѣю, и Наполеона III обругать могу, и про Бисмарка два-три анекдота знаю, и даже съ нѣкоторыми заграничными обычаями знакомъ. Одинъ знакомый сказалъ: за границей за табльдотомъ семь блюдъ подаютъ! другой знакомый предупредилъ: если вы въ Парижѣ будете, никогда не говорите гарсонамъ: je vous prie, a s'il vous plait—иначе васъ сейчасъ за русскаго примутъ. Съ этими свѣдѣніями, куда бы я ни пріѣхалъ, вездѣ я какъ дома буду. И за всѣмъ тѣмъ, все-таки беретъ оторопь. Вотъ теперь, черезъ сутки—Эйдкуненъ, а мнѣ все кажется: пройдетъ ли? Точно къ родителямъ изъ школы съ дурной отмѣткой на билетѣ идешь. Каковы-то тамъ кондукторы? обходительны ли извощики? не строги ли содержатели отелей? А, главное, кàкъ я за табльдотомъ обѣдать буду? Я привыкъ на просторѣ обѣдать, а тутъ вдругъ—хочешь кусокъ проглотить, анъ тебѣ нѣмецъ въ ротъ смотритъ! И вдругъ онъ расхорохорится, скажетъ: давай за погибель Франціи пить! А я Францію люблю. Люблю, несмотря даже на то, что она теперь—не Франція, а Макмагонія.

Буду ли я съ нѣмцемъ за погибель Франціи пить?

Буду ли я вообще всѣ тѣ мерзости продѣлывать, которыя продѣлываютъ русскіе культурные люди, шляющіеся на теплыхъ водахъ? Буду ли я увѣрять, что мы, русскіе—свиньи, что правительство у насъ революціонное, что молодежь наша не признаетъ ни авторитетовъ, ни государства, ни семейства, ни собственности, что вообще порядочному человѣку въ Россіи дышать нельзя и что поэтому слѣдуетъ пріобрѣсти виллу въ Баденѣ или въ Ниццѣ, а сношенія съ Россіей ограничить полученіемъ оброковъ?

Буду ли я говорить все это?—вотъ странный вопросъ! Развѣ я знаю, что̀ я буду говорить? развѣ могу опредѣлить заранѣе, что̀ я скажу, когда начну говорить? Вотъ еслибъ я одинъ обѣдалъ, я бы, конечно, молчалъ, а то за табльдотомъ, гдѣ сто нѣмцевъ въ ротъ тебѣ смотрятъ, всѣ другъ другу таинственно

шепчутъ: а это, вѣдь—русскій! Ну, какъ тутъ выдержать? какъ не сказать: господа! я, дѣйствительно—русскій, но я изъ тѣхъ русскихъ, которые очень хорошо понимаютъ, что русскіе — кадеты европейской цивилизаціи!

Покуда эти мысли толпились въ моей головѣ, Прокопъ всматривался въ пассажировъ и приставалъ ко мнѣ съ вопросами: это кто? а вонъ этотъ, въ углу, кто таковъ? При этомъ онъ указывалъ пальцемъ и дѣлалъ свои замѣчанія такъ громко, что я каждую минуту ожидалъ, что буду скомпрометированъ. Прежде всего, онъ заинтересовался адвокатомъ, долго припоминалъ, гдѣ онъ его видѣлъ, и, наконецъ, вспомнилъ-таки, что въ Муромскомъ лѣсу.

— Насилу, братъ, мы отъ него удрали! присовокупилъ онъ въ видѣ заключенія.

Потомъ его заинтриговалъ восточный человѣкъ, и онъ опять началъ припоминать, гдѣ онъ его видѣлъ.

— А, вѣдь это—отъ Огюста татаринъ! воскликнулъ онъ, наконецъ:—убей меня Богъ, ежели не онъ! Только фракъ снялъ, да вѣдь я ихъ и въ костюмѣ въ ихнемъ видалъ: въ ноябрѣ они къ своему причастію ходятъ, такъ этакимъ же манеромъ наряжаются! Постой, я ему свиное ухо покажу!

И, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, къ величайшему моему изумленію, черезъ весь вагонъ крикнулъ:

— Здравствуй, саламалика! ты какъ это въ первый классъ попалъ?

Но восточный человѣкъ только привѣтливо улыбнулся въ отвѣтъ на эту апострофу, и, къ моему удовольствію, происшествіе это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ брезгливаго движенія плечами со стороны тайнаго совѣтника Стрекозы, который, казалось, говорилъ: въ какомъ же, однако, я обществѣ ѣду?

Вообще, какъ я ни усиливался воздержать Прокопа отъ внезапныхъ движеній, онъ съ каждымъ шагомъ впередъ эмансипировался все больше и больше. Однимъ изъ самыхъ выдающихся его качествъ было любопытство, соединенное съ легковѣріемъ, и, когда оно выступало впередъ, то совладать съ нимъ было очень трудно. Такъ случилось и теперь. Нѣкоторое время онъ какъ будто боролся съ собой и даже пытался разсказать мнѣ сюжетъ «Трехъ мушкатеровъ», которыхъ онъ, будто бы, читалъ по рекомендаціи какого-то высокопоставленнаго лица, но на половинѣ разсказа не вытерпѣлъ, подсѣлъ къ адвокату и тотчасъ же завязалъ съ нимъ разговоръ.

— Вы—адвокатъ?

— Имѣю честь принадлежать къ сословію адвокатовъ.

— Фамилія ваша?

— Проворный, Алексѣй Андреевъ.

— Какъ будто мы съ вами прежде встрѣчались?

— Очень можетъ быть-съ.

— Въ Муромскомъ лѣсу, будто. Я въ саратовскую деревню, помнится, ѣхалъ.

Проворный взглянулъ на Прокопа недоумѣвающими глазами.

— Какъ ее, станція-то? Булатниково, что̀ ли? еще вы насъ въ оврагѣ поджидали? не смущаясь, продолжалъ Прокопъ:—вы давно тамошнія мѣста бросили?

— Извините... тутъ есть какое-то недоразумѣніе... Я даже не слыхалъ ни объ какихъ Муромскихъ лѣсахъ! все больше и больше недоумѣвалъ Проворный.

— Ну, что̀ тутъ! Конечно, кому пріятно про Муромскіе лѣса вспоминать. Главное дѣло: бросили — и довольно. Тамъ, впрочемъ, нынче и невыгодно: всѣ проѣзжіе на желѣзныя дороги бросились, да и Муромскіе-то лѣса, кажется, въ Петербургъ, на Литейную, перевели. Овсянниковское дѣло знаете?

— Имѣлъ честь быть приглашаемымъ-съ.

— Понюхать или взаправду?

Вопросъ былъ такъ необыкновененъ, что даже самому Проворному сдѣлалось весело.

— Вы чему смѣетесь? спросилъ Прокопъ, замѣтивъ на лицѣ адвоката улыбку.

— Да, признаюсь вамъ откровенно, у васъ такой неожиданный способъ выраженія...

— Никакого у меня способа выраженія нѣтъ, а говорю правду. У меня у самого два адвоката-пріятеля есть: одного, Бѣлобрюшенкова, понюхать приглашали, а другого, Комаринскаго,— того прямо запрягли: ступай, значитъ, въ самый навозъ. Объ Комаринскомъ, чай, слыхали?

— Имѣю честь знать лично-съ.

— Веселый парень, безстрашный. Я, признаться, говорилъ ему: смотри, братъ, вытащишь ли? Какъ бы совсѣмъ въ навозѣ не остаться! Ничего—смѣется. Мнѣ, говоритъ, бояться нечего, я сытъ. Въ Петербургѣ будетъ жить скверно—въ Ниццу уѣду. Куплю палаццо, захвачу парочку литераторовъ съ Ветлуги, будемъ въ чехарду играть, въ Средиземное Море плевать, по вечерамъ трехголосную херувимскую пѣть. Все равно, что въ Ветлугѣ заживемъ. А ка̀къ по вашему мнѣнію: поджегъ Овсянниковъ мельницу, или не поджегъ?

— Это зависитъ-съ.

— То-есть, отъ чего же зависитъ?

— Отъ взгляда-съ. Ежели, съ одной, стороны взглянуть—выйдетъ поджогъ, а ежели съ другой стороны — выйдетъ случайность.

— Ну, а по настоящему, по правдѣ-то какъ?

— По моему мнѣнію, правда есть продуктъ судоговоренія — вотъ все, что̀ могу вамъ на этотъ счетъ сказать.

— Да вѣдь поджогъ-то до судоговоренія былъ?

— Пожаръ-съ.. А что̀ было причиной, поджогъ—или неосторожность, или дѣйствіе стихій, это—ужь тайна судоговоренія.

— Стало быть, на судоговореніи можно и первое, и другое, и третье доказать?

— Не доказать, а доказывать-съ. Три системы доказательствъ будутъ имѣть мѣсто въ этомъ дѣлѣ: одна—со стороны прокурора, другая—со стороны гражданскаго истца, и наконецъ третья — со стороны защиты обвиняемыхъ. Какая изъ этихъ системъ окажется болѣе убѣдительною, та и выиграетъ дѣло.

— Стало быть, еслибъ я, напримѣръ, хоть разневинный былъ, а у прокурора система будетъ лучше, нежели у моего адвоката, такъ меня на каторгу сошлютъ?

— Подобные случаи извѣстны въ юридической практикѣ подъ названіемъ судебныхъ ошибокъ.

— Слава Богу, хоть это. Ну, а теперь имѣніе у меня въ Рязанской Губерніи есть — можно его у меня отнять?

— Ежели есть противная сторона, которая обладаетъ извѣстною суммою доказательствъ...

— Вотъ такъ судоговореніе! Ваше превосходительство! какъ вы объ этомъ думаете?

Вопросъ этотъ относился къ молодому тайному совѣтнику, который полулежалъ въ это время на диванѣ, закрывшись листомъ газеты. Но тайный совѣтникъ даже въ вагонѣ строго соблюдалъ свое достоинство и, чтобъ не вступать въ разговоръ съ неизвѣстною личностью, притворился спящимъ.

— Спитъ? шопотомъ произнесъ Прокопъ: — ну, да ему и не грѣхъ. Обидѣли его. Ну-съ, такъ будемте знакомы, Алексѣй Андреичъ. Хоть вы и собрались у меня рязанскую деревню оттягать — да это еще когда-то будетъ! А покамѣсть знакомы будемъ. Можетъ, за границей свидимся, пріятнѣе будетъ въ своемъ кружку время провести. А что Овсянниковъ мельницу поджегъ— такъ вы въ этомъ не сомнѣвайтесь. Я и съ адвокатомъ его, съ Комаринскимъ говорилъ—и тотъ говоритъ: поджегъ! Только парень-то ужь очень хорошъ, денегъ у него много—вотъ и нельзя не заступиться-то за него.

Прокопъ всталъ, потянулся и осмотрѣлся кругомъ, къ кому бы еще присѣсть. Покосился сначала на восточнаго человѣка, но раздумалъ и направился къ старику съ Владиміромъ на шеѣ. Старецъ какъ-то нервно передернулся, почувствовавъ себя въ этомъ сосѣдствѣ.

— Вы до Вильны? спросилъ Прокопъ.

— Я за границу-съ.

— А я думалъ, до Вильны. Туда нынче много такихъ ѣздитъ. Просвѣтители. А гдѣ служите? чай, въ консисторіи?

Старичекъ ничего не отвѣтилъ, но я видѣлъ, какъ брови его начали постепенно шевелиться, словно въ нихъ что̀-то забѣгало.

— Что̀-жь не говорите? продолжалъ Прокопъ:—чай, языкъ не отвалится?

— При своемъ мѣстѣ служенія нахожусь, отвѣтилъ старецъ, рѣшительно уклоняясь отъ дальнѣйшаго разговора.

— Понимаю! ватерклозетами завѣдуете? Тамъ, вѣрно, и простудились; теперь на казенный счетъ лечиться ѣдете?

Старичекъ не отвѣчалъ, а только безпокойно подергивалъ плечами и спиной и перекладывалъ ноги одну на другую.

— Я и болѣзнь вашу знаю, продолжалъ Прокопъ:—по медицински, восцой она называется. Черносливу, братъ, больше ѣшь—пройдетъ.

— Прокопъ! возопилъ я:—что̀ ты дѣлаешь?

— Ничего я не дѣлаю. Я только объ томъ, сколько на эту восцу казенныхъ денегъ выходитъ. А ежели ты со мной, господинъ Восцынъ, разговаривать не хочешь, обратился онъ къ старику:—ну, и сиди съ Богомъ. Подергивайся. Ишь его передергиваетъ. Восца! она и есть!

Наконецъ, вновь Прокопъ сѣлъ подлѣ меня и нѣкоторое время казался обиженнымъ. Но, такъ какъ никакое опредѣленное чувство не могло въ немъ долго задерживаться, то въ скоромъ времени его занимали уже совсѣмъ другія соображенія, и онъ изумилъ меня цѣлымъ рядомъ совершенно неожиданныхъ вопросовъ и разсужденій.

— Къ Лугѣ, что̀ ли, мы подъѣзжаемъ? спросилъ онъ.

— Къ Лугѣ.

— Ѣсть будемъ—это хорошо. Вотъ я ему компотъ изъ чернослива закажу—ѣшь, братъ, здоровъ будешь. А что̀ за Луга? городъ, что̀ ли?

— Городъ.

— А чудотворцы въ немъ какіе-нибудь — почиваютъ?

— Объ какихъ еще чудотворцахъ ты заговорилъ? Есть исправникъ, становые—вотъ и довольно.

— Нѣтъ, это ты ужь вздоръ мелешь. Это я навѣрное знаю. Во всякомъ городѣ свои угодники почиваютъ—это мнѣ архимандритъ Амфилохій говорилъ. Во Псковѣ—псковскіе угодники, въ Вильнѣ—виленскіе. А мнѣ, братъ, серьёзно ѣсть захотѣлось. Въ Лугѣ какая рыба водится?

— Ей-Богу, не знаю. Одному только удивляюсь: какъ это ты, голубчикъ, часу помолчать не можешь? И мысли у тебя какія-то все разныя являются: сейчасъ были угодники, и вдругъ—рыба...

— А мнѣ развѣ заказано? Кабы мнѣ заказано было: думай объ одномъ — я бы и думалъ. Вонъ ему Восцыну, сказано: думай объ ватерклозетахъ—онъ и думаетъ; къ нему въ это время не подходи. А мнѣ свободно: объ чемъ хочу, объ томъ и думаю.

— Все-таки, иногда не мѣшало бы...

— Ну тебя. Я еще вонъ этого, тайнаго-то совѣтника, къ вечеру раззужу, да и объ татаринѣ досконально разузнаю: съ какой стати свиное ухо съ нами въ первомъ классѣ ѣдетъ? Смотри-ка! смотри-ка! вѣдь, и онъ на насъ глядитъ! Смѣется! ишь.

Дѣйствительно, восточный человѣкъ смотрѣлъ на насъ и улыбался во весь ротъ. Онъ даже хлопалъ ладонью по подушкѣ сосѣдняго мѣста, какъ бы приглашая Прокопа сѣсть возлѣ него.

— Станція Луга! двадцать минутъ остановки! прокричалъ кондукторъ, проходя мимо насъ.

Глава пятая.

Тайна, облекающая личность восточнаго человѣка, слегка разъясняется.

Въ Лугѣ, по дорогѣ къ вокзалу, меня подхватилъ подъ руку тайный совѣтникъ Стрекоза. Признаюсь, я смутно угадывалъ, что будетъ нѣчто подобное (дальше я разскажу читателю мои отношенія къ Стрекозѣ), и порядочно-таки это волновало меня.

— Мы, кажется, съ вами знакомы? спросилъ онъ.

— Кажется, отвѣчалъ я.

— Мы пошли разными дорогами, но, надѣюсь, что это не должно мѣшать намъ взаимно уважать другъ друга.

Говоря это, онъ сжималъ своимъ правымъ локтемъ мой лѣвый локоть, а лѣвою рукой взялъ мою правую руку.

— Признаюсь вамъ, я ужь давно для себя рѣшилъ: ко всѣмъ имѣть уваженіе, кто имѣетъ чинъ не ниже статскаго совѣтника. А, слѣдовательно, и вы въ томъ числѣ.

Онъ усмѣхнулся, заглянулъ мнѣ въ лицо, пробормоталъ, какъ

бы про себя: это—иронія?—и, не отпуская моей руки, засвисталъ какой-то мотивъ.

— Вы мои послѣднія распоряженія читали? вновь началъ онъ разговоръ.

— Нѣтъ, не читалъ.

— Не интересуетесь?

— Сами по себѣ, вѣроятно, они и интересны, но для меня—нѣтъ.

— Многіе такъ разсуждаютъ нынче, и отъ того у насъ ничего не идетъ. Я не понимаю, какъ можетъ не интересовать умнаго человѣка то, въ чемъ, напримѣръ, заинтересовано цѣлое государство!

— Что̀ прикажете дѣлать? Это странно и даже малообъяснимо, но это такъ!

— Вотъ еслибы вы читали, то должны были бы сознаться, что неправы.

— Въ чемъ неправъ?

— А хоть бы въ томъ, что имѣете на меня совершенно невѣрный взглядъ.

— Да помилуйте! что̀ же вамъ-то до этого? развѣ вамъ мой взглядъ нуженъ?

— Даже очень. Я вообще имѣю нужду въ содѣйствіи, а въ частности, относительно васъ, есть, кромѣ того, и еще... Вы, можетъ быть, забыли, но я очень, очень многое помню.

И онъ вновь сжалъ мнѣ локоть. Непріятное чувство испытывалъ я въ эту минуту: какъ будто Богъ вѣсть откуда взялось мертвое тѣло и увязалось за мной.

— Какъ хорошо было двадцать лѣтъ тому назадъ—помните? воскликнулъ онъ и даже ротъ на мгновеніе разинулъ, какъ бы вдыхая въ себя невѣсть какой ароматъ.

Я не отвѣтилъ, но онъ не сконфузился этимъ и еще крѣпче сжалъ мой локоть.

— Вы были въ то время неправы относительно меня, продолжалъ онъ: — мы когда-нибудь объ этомъ поговоримъ надосугѣ. Старыхъ недоразумѣній не должно быть. Вы куда ѣдете?

Я назвалъ нѣсколько пунктовъ.

— Приблизительно, это—и мой маршрутъ. Скажите, что̀ это за чудакъ, который васъ сопровождаетъ?

Я сказалъ.

— Такъ эти дамы—его жена и дочь?

Стрекоза надѣлъ на глаза пенснѐ и, сжавши губы, внимательно осмотрѣлъ Надежду Лаврентьевну и Наташеньку, кото-

рая сидѣла за общимъ столомъ и кушали цыпленка, словно играя имъ.

— Интересныя особы, процѣдилъ Стрекоза сквозь зубы: — можно съ ними познакомиться?

— Полагаю.

Въ эту минуту, я замѣтилъ, что Прокопъ, совсѣмъ запыхавшись, бѣжитъ въ нашемъ направленіи, доѣдая на бѣгу пирогъ, кусокъ котораго еще торчалъ у него во рту.

— Ну что̀! говорилъ я! и вышла моя правда! кричалъ онъ еще издали, махая руками.

Наконецъ, подбѣжалъ и торжественно объявилъ:

— Науматуллу видѣлъ.

— Да ты хоть бы говорилъ толкомъ! возразилъ я, едва воздерживаясь отъ раздраженія.

— Изъ Бель-вю Науматуллу; онъ тоже за границу ѣдетъ, вотъ съ нимъ, вонъ съ этимъ... ну, вонъ, что въ ермолкѣ у насъ въ вагонѣ сидитъ!

— Ну, и пускай ѣдетъ. Какое, наконецъ, намъ до этого дѣло!

— Ка̀къ, какое! Я отъ Науматуллы узналъ про *него*. Онъ принцъ, братецъ, только инкогнито.

— Душа моя! это, наконецъ, утомительно!

— Ты сперва взгляни, а потомъ говори! Вонъ они рядомъ сидятъ. Науматулла-то ужь расчитался съ Бель-вю; теперь у принца каммергеромъ служитъ.

Ка̀къ ни глупо все это представлялось, но я невольно взглянулъ впередъ. Дѣйствительно, восточный человѣкъ сидѣлъ за общимъ столомъ и пилъ шампанское, которое Науматулла изъ Бель-вю (я тотчасъ же узналъ его) наливалъ ему.

— Ты, вотъ, все бѣгаешь, сказалъ я Прокопу: — теперь ѣду прозѣваешь, а потомъ будешь жаловаться, что голоденъ. Садиська лучше, ѣшь.

— Нѣтъ, я хочу тебѣ доказать! хоть я—и не отгадчикъ, а взглядъ у меня есть! Пссст... пссст... сдѣлалъ онъ, кивая головой по направленію къ Науматуллѣ.

Науматулла всталъ, что̀-то почтительно пошепталъ восточному человѣку, потомъ налилъ три бокала, поставилъ на тарелку и поднесъ намъ.

— Принцъ проситъ здоровья кушать! сказалъ онъ.

Прокопъ принялъ бокалъ и, выступя нѣсколько впередъ, церемоніально поклонился. Я и Стрекоза тоже машинально взяли бокалы и нѣкоторое время совсѣмъ по дурацки стояли съ ними, не рѣшаясь, пить или не пить. Восточный человѣкъ, между тѣмъ, во весь ротъ улыбался намъ.

— Что̀ же это, однако, за принцъ такой? спросилъ Стрекоза Науматуллу.

— Въ Эйдкуненъ — все будемъ говорить въ Эйдкуненъ—все чисто будемъ объяснять, таинственно отвѣтилъ Науматулла: — а до Эйдкуненъ—не можемъ объяснять. Еще шампанскаго, господа, угодно?

— Да не мятежникъ ли это какой нибудь? усомнился вдругъ Прокопъ.

— Сказано: въ Эйдкуненъ все чисто объяснять будемъ. И больше ничего! вновь подтвердилъ Науматулла и исчезъ, съ опорожненными бокалами, въ толпѣ.

— Ка̀къ же къ нему обращаться? чай, титулъ у него какой нибудь есть? обезпокоился Прокопъ: — Науматулла, признаться, сказалъ мнѣ что̀-то, да вѣдь его развѣ поймешь? Заблудащій, говоритъ—вотъ и думай!

— Въ Эйдкуненѣ узнаемъ-съ, отозвался Стрекоза.

— Чай, бѣглый какой нибудь, продолжалъ Прокопъ: — ишь, шельма, смѣлый какой! не боится, та̀къ съ подлиннымъ обличьемъ и ѣдетъ! вотъ бы тебя къ становому отсюда препроводить — и узналъ бы ты, гдѣ раки зимуютъ!

— Въ Вержболовѣ, по всей вѣроятности, такъ и поступлено будетъ, вновь отозвался Стрекоза.

— И, все-таки, принцъ! тамъ, ка̀къ ни дразнись свинымъ ухомъ, а и у нихъ, коли принцъ, такъ сейчасъ видно, что есть что̀-то свыше. Вотъ кабы онъ къ Наташенькѣ присватался, я бы его въ нашу православную вѣру перевелъ... ха-ха! А что̀ ты думаешь! уѣхали бы всѣ вмѣстѣ въ Ташкентъ, стали бы новые необременительные налоги придумывать, дворъ, по примѣру прочихъ принцовъ, завели, Патти бы выписали...

— Христосъ съ тобой! вѣдь Ташкентъ-то ужь русскій!

— А, можетъ, царь и проститъ, назадъ велитъ отдать. Мы противъ русской имперіи—ничего, мы—вѣрные слуги; вотъ Коканцы — тѣ мятежники. А мы бумагу такую напишемъ, чтобы, значитъ, ни вамъ, ни намъ. Смотри-ка! да никакъ Науматулла опять съ шампанскимъ идетъ! Постой, я его разспрошу!

Дѣйствительно, Науматулла опять стоялъ передъ нами съ наполненными бокалами, и говорилъ:

— Вторично прынецъ велѣлъ здоровья кушать! Всѣ будьте здоровы! Кофій, чай, шкаладъ — кому что̀ угодно, все спрашивайте! все подавать велѣно!

— Да кто твой принцъ! сказывай! спросилъ Прокопъ:—можетъ, онъ мятежникъ?

— Въ Эйдкуненъ—все говоримъ; до Эйдкуненъ — ничего говорить не можетъ!

— Пить ли? усумнился Прокопъ, обращаясь ко мнѣ.

Къ счастію, звонокъ прервалъ всѣ эти вопросы и недоразумѣнія. Мы нà-скоро выпили шампанское и поспѣшили въ вагонъ, причемъ я, на ходу, представилъ другъ другу Стрекозу и Прокопа. Восточный человѣкъ былъ уже на мѣстѣ, и Прокопъ сказалъ мнѣ: воля твоя, а я его буду благодарить! — подошелъ къ нему. На чтò восточный человѣкъ отвѣтилъ очень привѣтливо, протянувъ руку на диванъ и какъ бы приглашая Прокопа сѣсть на нее.

Надо отдать справедливость Прокопу, онъ отнесся къ этой пантомимѣ довольно недовѣрчиво и сѣлъ поодаль. Затѣмъ, онъ попытался завести разговоръ, и, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, даже выдумалъ совершенно своеобразный языкъ для объясненія съ восточнымъ человѣкомъ.

— Далеко? луанъ? спросилъ онъ и, для ясности нѣсколько разъ махнувъ рукою въ воздухѣ, показалъ пальцемъ въ окно.

Восточный человѣкъ засмѣялся и тоже показалъ пальцемъ въ окно.

— Дѣлà есть? аферъ иль я?

Восточный человѣкъ продолжалъ смѣяться и показывать пальцемъ въ окно.

— И я тоже туда! е муа осси леба! Только я, братъ, безъ дѣла — комсà!

Очевидно было, однако-жь, что восточный человѣкъ или не понималъ, или упорно притворялся непонимающимъ. Онъ только смотрѣлъ какъ-то удивительно весело, раскрывъ ротъ до ушей.

— Не понимаешь? утомился, наконецъ, и Прокопъ:—ну, нѐчего дѣлать, давай такъ сидѣть! другъ на дружку смотрѣть станемъ!

Начали смотрѣть другъ на друга, и вдругъ оба захохотали. За ними захохотали и другіе, такъ что Надежда Лаврентьевна обезпокоилась и выглянула изъ-за двери.

— Наденька! поди сюда! вотъ это—принцъ! а это—ма фама! рекомендовалъ ихъ другъ другу Прокопъ.

Надежда Лаврентьевна ничего не понимала и какъ-то конфузливо оглядывалась. Между тѣмъ, принцъ, съ ловкостью восточнаго человѣка, вскочилъ съ своего мѣста, отвернулъ пòлу халата, порылся въ карманѣ штановъ и поднесъ Надеждѣ Лаврентьевнѣ шепталу, держа ее между двумя пальцами.

— Бери! послѣ за окно выбросишь! разрѣшилъ Прокопъ не-

доумѣніе жены своей:—принцъ, вѣдь, онъ! Ишь вѣдь, свиное ухо, куда вздумалъ гостинцы прятать! въ штаны!

Однако, какъ ни мало требователенъ былъ Прокопъ насчетъ развлеченій, но и ему, повидимому, надоѣло смотрѣть на восточнаго человѣка и смѣяться съ нимъ.

— Будетъ, братъ! сказалъ онъ:—послѣ, ежели еще захочется—давай и опять смотрѣться!

А мнѣ, покуда все это происходило, было совсѣмъ тяжело, потому что ко мнѣ подсѣлъ Стрекоза и самымъ серьёзнымъ образомъ допрашивалъ, почему я его не уважаю?

— Изъ чего вы это заключаете? отбивался я, какъ умѣлъ.

— Нѣтъ, это—для меня вопросъ рѣшеный: я по глазамъ вижу. Скажите же, отчего вы меня не уважаете?

Я бился, какъ рыба объ ледъ, стараясь ежели не разувѣрить, то, по крайней мѣрѣ, успокоить моего собесѣдника. Но онъ не унимался и только видоизмѣнилъ свой вопросъ, представивъ его, впрочемъ, въ формѣ уже извѣстной читателю.

— Вы мои послѣднія распоряженія читали? Не читали? а, между тѣмъ, судите обо мнѣ!

Въ это время, къ моему удовольствію, подошелъ къ намъ Прокопъ, и произнесъ:

— Чортъ ихъ знаетъ, эти татара! вотъ и смѣялся, кажется, а смерть какъ скучно! Какову онъ конфетку Надеждѣ Лаврентьевнѣ подарилъ? замѣтилъ?

Наконецъ, начало и темнѣть въ высотахъ. Проѣхали Псковъ, отобѣдали, стали подъѣзжать къ Острову. Всѣ были утомлены, потягивались и зѣвали; многіе пробовали заснуть, но не могли. Съ полчаса было въ вагонѣ тихо; только слышалось какъ восточный человѣкъ чавкалъ шепталу и щелкалъ миндальные орѣхи. Потомъ, вдругъ все опять заворочалось, стараясь половчѣе усѣсться, и вдругъ всѣ очутились сидящими прямо и глядящими другъ другу въ глаза.

— Вотъ-то, братъ, тоска! произнесъ Прокопъ:—хоть бы сказку кто разсказалъ!

Тогда мнѣ припомнилось, что генералъ обѣщалъ разсказать исторію о томъ, какъ онъ свелъ знакомство съ чортомъ, и я немедленно сообщилъ эту мысль Прокопу.

— А что-жь! и прекрасно! можетъ быть, и разгуляемся! Генералъ! помнишь, ты ему обѣщалъ исторію свою разсказать? вотъ бы теперь—чего лучше! Господа! будемъ всѣ просить генерала!

Генералъ нѣсколько затруднился, но, такъ какъ мы всѣ его обступили и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ просили до-

ставить намъ своимъ разсказомъ живѣйше удовольствіе, то онъ, наконецъ, согласился. Но прежде, нежели приступить къ самому разсказу, онъ всталъ, разстегнулъ сюртукъ, рубашку и фуфайку и показалъ намъ опять ту надпись, которая хранилась у него на груди пониже лѣваго соска и о которой я уже говорилъ читателю.

— Смотрите, господа! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—ибо эта печать есть истинный герой предстоящаго разсказа!

Затѣмъ, онъ высморкался, откашлялся, и разсказалъ намъ слѣдующее.

Н. Щедринъ.

(*Продолженіе будетъ*).

БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.

(Соціологическіе очерки).

II [1].

Семья.

I.

Не нами міръ начался и не нами кончится. — Къ теоріи борьбы за индивидуальность. — Практическіе и идеальные типы. — Типы и степени развитія. — Отсутствіе семьи, какъ исходная точка супружескихъ и родительскихъ отношеній. — Факты, характеризующіе эти отношенія въ глубокой древности. — Теорія любви Шопенгауера. — Теорія любви Геккеля. — Любовь съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность. — Миѳъ Платона о происхожденіи половыхъ различій.

Я имѣю къ читателю, который удостоитъ своимъ вниманіемъ эти очерки, одну очень скромную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень важную просьбу. Я прошу его именно помнить, что не имъ міръ начался и не имъ кончится. Кажется, просьба достаточно скромная, и читатель, я увѣренъ, съ перваго же слова дастъ мнѣ свое согласіе, даже, можетъ быть, съ презрительнымъ нетерпѣніемъ пожметъ плечами: дескать, стоитъ ли объ этомъ толковать? Но я продолжаю настаивать на своей просьбѣ, потому что исполнить ее вовсе не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Читатель долженъ не просто обѣщать, а постараться, какъ можно глубже проникнуться той мыслью, что не имъ міръ начался и не имъ кончится. Множество формъ общественной жизни сдано въ архивъ исторіи и либо погибаютъ тамъ навсегда, не оставивъ по себѣ ни слѣда, ни воспоминанія, либо возстановляются только въ мысли историка и соціолога, какъ возстановляются въ мысли палеонто-

[1] Первый очеркъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1875, № 10.

лога чудовищные образы лабиринтодонтовъ и плезіозавровъ, либо, наконецъ, нырнувъ въ глубь временъ, возникаютъ на почвѣ дѣйствительной жизни вновь въ преобразованномъ видѣ. Съ другой стороны, множество формъ общественной жизни предстоитъ человѣчеству въ будущемъ. Этого нельзя не признать уже по простой аналогіи съ прошедшимъ. Тѣ, можетъ быть, милліоны лѣтъ, которые предстоитъ прожить человѣчеству, не могутъ же быть наполнены нашими теперешними чувствами и отношеніями. Придутъ иныя птицы, совьютъ иныя гнѣзда и запоютъ иныя пѣсни, а наши гнѣзда и пѣсни будутъ играть такую же роль, какъ реставрированныя фигуры лабиринтодонтовъ въ палеонтологическихъ музеяхъ или каменные топоры первобытныхъ людей въ музеяхъ археологическихъ. Мы стоимъ на границѣ необъятнаго прошлаго и необъятнаго будущаго. Какъ ни очевидна эта истина, но дѣйствительно проникнуться ею, такъ чтобы всегда имѣть ее на счету, вовсе не легко. Это свидѣтельствуетъ исторія науки, человѣческой мысли, которая долго была убѣждена, что все, въ ней и вокругъ нея совершающееся, отъ вѣка и до вѣка было и останется въ такомъ видѣ, какъ оно есть. Мысль человѣческая могла себѣ представить начало и конецъ всего сущаго и даже съ особенною любовью останавливалась на этихъ двухъ моментахъ, но иного измѣненія, кромѣ начала и конца, мысль не знала. Идеи для нея были врожденны, т. е. имѣли только начало, а не развитіе, не подлежали никакимъ измѣненіямъ. Виды органической жизни были постоянны, т. е. опять-таки имѣли только начало и, разумѣется, конецъ. Видовъ, говорилъ Линней, столько, сколько ихъ было создано въ началѣ. Точно также относилась мысль и къ солнечной системѣ, и къ земной корѣ, и къ формамъ общественной жизни, и т. д., хотя, собственно говоря, фактовъ было всегда достаточно для опроверженія такихъ воззрѣній. Но ужь это—какая-то коренная слабость человѣческаго ума: принимать данное за типичное, частное за универсальное и преходящее за вѣчное. Что̀ касается въ частности занимающаго насъ здѣсь предмета, т. е. формъ общественной жизни, то новѣйшія работы въ области антропологіи, этнографіи и доисторической археологіи, извѣстныя всѣмъ и каждому хоть по наслышкѣ, казалось бы, должны совершенно поколебать господствующую тупую увѣренность, что исторически данныя формы общества составляютъ предѣлъ, его же не прейдеши. Вѣдь и людоѣдъ думалъ, что учрежденіе не фигуральнаго, а прямого, пожиранія людей людьми никогда не исчезнетъ. Однако, людоѣдъ ошибся, но примѣръ его никого ничему не научилъ. Люди, почему-то называемые практическими, и теперь

разсуждаютъ подобно людоѣду. Они не могутъ сдѣлать тѣхъ усилій мысли и воображенія, которыя требуются для того, чтобы представить себѣ возможность значительнаго измѣненія окружающаго міра. Но если вы и преодолѣли эту слабость, являются новыя трудности. Русскому человѣку, воспитанному на ровномъ, плоскомъ пейзажѣ, какъ-то тѣсно, какъ-то нравственно тѣсно и душно въ узкой швейцарской долинѣ, обрамленной высокими горами. Его давятъ эти непривычныя глазу громады справа, громады слѣва, такъ осязательно дающія ему чувствовать его ничтожество. Подобное же нравственное «не по себѣ» испытываетъ человѣкъ, который вдругъ вспомнитъ, что его настоящая жизнь со всѣми ея треволненіями есть только узкая полоса между необъятнымъ прошедшимъ и столь же необъятнымъ будущимъ. Въ немъ можетъ подняться очень горькое и безотрадное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, завтрашняя исторія смететъ насъ, сегодняшнихъ, послѣзавтрашняя — завтрашнихъ и т. д., и т. д., и т. д., такъ что мысль отказывается, наконецъ, слѣдить за этой безконечною цѣпью, которая становится, по мѣрѣ удаленія, все болѣе неопредѣленною, туманною, неуловимою, какъ очертанія альпійскихъ вершинъ, сливающихся съ облаками. А позади, въ прошедшемъ, такая же утомительно длинная перспектива. Изъ-за чего же я бьюсь? Изъ-за чего напрягаю свой мозгъ, изъ-за чего борюсь и страдаю, когда тò, чтò я съ бою досталъ, какъ истину и справедливость, въ слѣдующее же, быть можетъ, историческое мгновеніе, окажется вздоромъ и гадостью? Вотъ мучительный вопросъ, который заставляетъ васъ инстинктивно цѣпляться за настоящее, какъ за вѣчное, за исторически данное, какъ за непреходящее.

Но вѣдь этимъ не поможешь. Да и чему помогать? Когда человѣкъ голоденъ, онъ ѣстъ, не смущаясь тѣмъ, что часовъ черезъ пять желудокъ опять потребуетъ работы, а тамъ опять и опять, вплоть до предсмертной потери аппетита. Все живущее удовлетворяетъ по возможности своимъ потребностямъ. И такъ идетъ жизнь, то создавая новыя потребности, то отшибая старыя, то такъ, то иначе ихъ удовлетворяя или не удовлетворяя. Въ числѣ потребностей человѣка есть потребности знанія и умиротворенія совѣсти. Одна удовлетворяется истиной, другая — справедливостью, а различныя формы этого удовлетворенія образуютъ тѣ безконечныя перспективы прошедшаго и будущаго, которыя называются исторіей человѣчества. Намъ, стоящимъ на извѣстной точкѣ этой необъятной перспективы, есть ли какой-нибудь резонъ смущаться многочисленностью и разнообразіемъ понятій объ истинномъ и справедливомъ не только въ прошед-

шемъ, а и въ будущемъ? Никакого. Допустимъ, что, черезъ какія нибудь сто лѣтъ, люди ниспровергнутъ даже такую несомнѣнную для насъ истину, какъ: дважды два—четыре. Отъ этого намъ не можетъ быть ни тепло, ни холодно, потому что мы, во всякомъ случаѣ, *сыты* таблицей умноженія, съ успѣхомъ употребляемъ ее и въ расчетахъ съ мелочной лавочкой, и въ вычисленіяхъ пути планетъ—словомъ, получаемъ отъ нея полное удовлетвореніе вездѣ, гдѣ она только приложима. Сомнѣнія въ будущности таблицы умноженія, еслибы они и закрались въ вашъ умъ, не могутъ васъ заставить усомниться въ ней самой. Отъ таблицы умноженія поднимитесь къ высочайшему идеалу справедливости. Создавая его, вы тѣмъ самымъ говорите: вотъ какой порядокъ вещей удовлетворитъ мою жажду справедливости, вотъ что̀ мнѣ нужно, чтобы заморить червяка моей совѣсти. Пройдутъ вѣка, и вы окажетесь, можетъ быть, нищимъ, нищимъ знаніемъ и совѣстью, а идеалъ вашъ будетъ далеко обойденъ или отвергнутъ. Что̀-жь изъ этого? Пока онъ—вашъ идеалъ, вы, во всякомъ случаѣ, ничѣмъ, кромѣ осуществленія его или приближенія къ нему, своей жажды справедливости не удовлетворите. И если вы все-таки продолжаете, какъ нѣмцы говорятъ, grübeln на ту тэму, что, дескать, ахъ! я не могу успокоиться на своемъ идеалѣ, потому что взойдетъ солнце—росу высушитъ, наступитъ слѣдующее историческое мгновеніе и мой идеалъ окажется несостоятельнымъ, такъ это вовсе не значитъ, что идеалъ вамъ очень, въ самомъ дѣлѣ, дорогъ. Совсѣмъ напротивъ. Это значитъ, что онъ вамъ не дорогъ. Если вамъ докажутъ, что будущее человѣчество станетъ довольствоваться несравненно меньшимъ количествомъ пищи, чѣмъ какое поглощается нами теперь, то вы въ отчаяніе не придете, ахать не будете, а исправно скушаете свою порцію, да еще, можетъ быть, прибавки потребуете. Когда удовлетвореніе жажды справедливости станетъ для васъ такою же неотложною органическою потребностью, какъ удовлетвореніе аппетита, будущее перестанетъ васъ смущать и на этомъ пунктѣ. Вы и тутъ будете домогаться своей порціи, потому что домогательство это даже не отъ васъ зависитъ и составляетъ необходимое условіе вашего существованія. Дѣло просто въ томъ, что въ каждое историческое мгновеніе человѣкъ, ка̀къ ни ка̀къ, оріентируется и долженъ оріентироваться въ окружающемъ мірѣ, т. е. извѣстнымъ образомъ группировать результаты своего опыта. Онъ при этомъ старается и неизбѣжно долженъ стараться оставить въ своемъ міровоззрѣніи какъ можно меньше прорѣхъ. Это—требованіе его природы, которое необходимо должно быть удовлетворено. И цѣнность удов-

летворенія нисколько не уменьшается тѣмъ, что тоже самое требованіе природы, по прошествіи извѣстнаго времени, будетъ удовлетворено иначе. Слѣдовательно, скептицизмъ и сидѣніе сложа руки отнюдь не оправдываются вѣчною смѣною понятій объ истинномъ и справедливомъ. Напротивъ, эта смѣна представляетъ нѣчто въ высокой степени утѣшительное; она оставляетъ надежду, что самыя пылкія ваши мечты, которыя вы, можетъ быть, даже боитесь разсказать своимъ современникамъ, хотя бы въ нихъ и не было ничего фантастическаго, съ теченіемъ времени и осуществятся, и даже превзойдутся:

Волна на волну набѣгаетъ,
Волна погоняетъ волну...

Страшная, умъ помрачающая громада этихъ волнъ катится и будетъ катиться въ теченіи вѣковъ по руслу исторіи человѣчества. Будемъ же готовы встрѣтить и въ прошедшемъ, и въ будущемъ такія формы общественной связи, которыя потребуютъ отъ насъ сильнѣйшаго напряженія мысли и воображенія. Объ этомъ я и прошу читателя: не нами міръ начался и не нами онъ кончится. Относительно будущаго, впрочемъ, предлагаемые очерки будутъ крайне скромны. И не только потому, что авторъ ихъ не желаетъ быть осмѣяннымъ, обруганнымъ или заподозрѣннымъ въ сумасшествіи. Нѣтъ, все это я бы взялъ и сумѣлъ бы перенести, еслибы болѣе или менѣе отдаленное будущее могло развернуться передъ нашимъ умственнымъ взоромъ съ полною ясностью. Но это невозможно. Много высокихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ надолго скомпрометировали не только себя, а и свое дѣло, святое дѣло, тѣмъ, что брались предугадать различныя частности будущаго человѣческаго общества. Мнѣ уже случилось однажды сдѣлать это замѣчаніе и получить недавно отъ критика «Недѣли», г. Л—аго, [1] слѣдующее возраженіе: «Едва ли не напрасно г. Михайловскій упрекнулъ утопистовъ въ томъ, что они предполагали возможнымъ опредѣлить идеальное общество до мельчайшихъ подробностей: они были въ этомъ случаѣ очень послѣдовательны, такъ какъ эмпирическое содержаніе нашего «я» складывается именно изъ мелочей, а, слѣдовательно, «признавъ желательнымъ» отождествленіе этого

[1] Кстати, приношу г. Л—му мою глубокую благодарность за добросовѣстное и сочувственное отношеніе къ «Запискамъ профана». Не могу, въ настоящее время, отвѣчать на всѣ его замѣчанія, но, кромѣ упомянутаго въ текстѣ, остановлюсь еще на одномъ, которое устраняется двумя словами. Г. Л—ій полагаетъ, что «еще вопросъ—можно ли признать безспорно желательными тѣ условія, при которыхъ исчезаютъ субъективныя разногласія?» На это я отвѣчу вопросомъ: признаетъ ли г. Л—ій безспорно желательнымъ устраненіе разногласій насчетъ того, земля ли вертится около солнца или наоборотъ?

*

содержанія во всѣхъ членахъ общества, нельзя не желать опредѣлить эти мелочи» («Недѣля», № 30). Я думаю, однако, что я правъ. Прежде всего, какой моментъ исторіи разумѣется подъ «идеальнымъ обществомъ?» Если дѣло идетъ о завтрашнемъ днѣ, такъ, конечно, можно говорить даже о «мельчайшихъ подробностяхъ». Но на завтрашній день можетъ быть предъявленъ только такой скудный maximum требованій, что осуществленіе ихъ едва ли стоитъ называть идеальнымъ обществомъ. Надо бы выбрать какой нибудь менѣе громкій терминъ. Если же осуществленіе идеальнаго общества откладывается до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, то увлечься характеристикой его мельчайшихъ подробностей значитъ совершенно произвольно остановиться на одномъ изъ звеньевъ исторической цѣпи, уходящей въ непроглядную даль. Однихъ техническихъ изобрѣтеній, которыя могутъ быть сдѣланы въ нужный промежутокъ времени, совершенно достаточно, чтобы обратить въ ничто всѣ подробности утопіи. Надо замѣтить, что почти всѣ утописты, начиная съ Томаса Мора, рисовали подробности идеальнаго общества совсѣмъ не съ научными или философскими, а съ сатирическими цѣлями. И въ этомъ заключается ихъ оправданіе. Поражаясь извѣстною неурядицей, они противопоставляли ей извѣстный порядокъ, въ которомъ элементы неурядицы группировались, такъ сказать, на выворотъ. Дѣло эстетической, а не научной или философской критики—судить этотъ художественный пріемъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, какъ художественный пріемъ, законенъ. Однако, и тутъ, увлекаясь изображеніемъ мелочей и подробностей, утописты не рѣдко забывали собственныя основныя требованія и впадали въ странные промахи. Я не помню, кто изъ нихъ полагалъ, что въ идеальномъ обществѣ изъ золота будутъ дѣлаться ночныя вазы и цѣпи каторжниковъ. Это—просто художественное низверженіе кумира золотого тельца. Дурно ли, хорошо ли оно исполнено, это—другой вопросъ, но противъ самого пріема нельзя бы было ничего возразить, если-бы утопистъ, занявшись ночными вазами, не позабылъ изгнать изъ идеальнаго общества каторжниковъ. Мечты, гораздо болѣе скромныя, чѣмъ та, въ которой фигурируетъ золотая ночная ваза, обходятся безъ каторги и цѣпей. Конечно, это—недосмотръ, котораго можно бы было избѣжать, но, избѣжавъ его, авторъ впалъ бы въ другой, въ третій. Идеалъ—всегда отрицательнаго происхожденія. Человѣкъ не удовлетворенъ, оскорбленъ въ томъ или другомъ чувствѣ и дѣлаетъ построеніе, въ которомъ неудовлетворяющія и оскорбляющія его явленія отсутствуютъ. Поэтому отрицательныя черты общественнаго идеала (я здѣсь

вообще не говорю объ идеалѣ личномъ) могутъ быть дѣйствительно обозначены до мельчайшихъ подробностей. Но, какъ только вы начнете подставлять вмѣсто нихъ мельчайшія подробности положительнаго свойства, вы всегда рискуете—да простится мнѣ это выраженіе — попасть пальцемъ въ небо, потому что съ теченіемъ времени можетъ исчезнуть всякій поводъ къ вашимъ мелочнымъ положительнымъ поправкамъ. Вы естественно склонны поставить вмѣсто $(-a)$ тотъ же элементъ съ положительнымъ знакомъ, т. е. $(+a)$, тогда какъ ходъ вещей можетъ и самое a утопить въ Летѣ. Какъ бы далеко ни заглянули вы въ будущее, но всякое будущее станетъ съ теченіемъ времени прошедшимъ. Какое же основаніе имѣете вы обрывать нить исторіи и произвольно останавливать ее на одномъ какомъ нибудь моментѣ, даже если вы вѣрно угадали не только его общій характеръ, а и подробности? А это и дѣлали утописты. Обратитесь назадъ и представьте себѣ первобытнаго человѣка, сочиняющаго подробности идеальнаго общества. Хорошу бы онъ утопію сочинилъ? Вы скажете, что то—дикарь, а то—вы, живущій тысячи лѣтъ спустя, тысячи лѣтъ, не даромъ прожитыя. Это, конечно, правда. Но, въ сравненіи съ тѣмъ человѣкомъ, который будетъ жить тысячи лѣтъ спустя послѣ васъ, вы еще ничтожнѣе, чѣмъ первобытный человѣкъ въ сравненіи съ вами. Да и зачѣмъ вамъ эти подробности идеальнаго общества? Идеалъ нуженъ и важенъ, какъ маякъ, какъ путеводная звѣзда, а, такъ какъ путеводная звѣзда человѣчества не можетъ остановиться (потому что не останавливается бѣгъ времени), то идеаломъ можетъ быть только движеніе въ извѣстномъ направленіи. Опредѣливъ для себя это направленіе, вы получите все, что̀ есть дѣйствительно цѣннаго въ утопіяхъ, и избѣжите всѣхъ ихъ слабостей. Другое дѣло—ближайшія станціи этого движенія. Онѣ, конечно, должны быть ясны, хоть опять-таки не теряться въ мелочахъ.

Вотъ почему, повторяю, я буду въ своихъ очеркахъ очень скроменъ насчетъ будущаго. А пока, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать маленькое отступленіе, отчасти въ интересахъ нижеслѣдующаго, а отчасти, какъ дань привычкѣ откликаться текущей литературѣ.

Г. Мордовцевъ въ статьяхъ своихъ о провинціальной печати («Дѣло» 1875, №№ 9 и 10) предположилъ существованіе соціологическаго закона, въ силу котораго «все изъ провинцій тянется къ центрамъ, въ эти чудовищныя пасти большихъ городовъ, гдѣ оно погибаетъ, если не носитъ въ себѣ задатковъ жизни, такъ сказать, большого полета, или находитъ удовлетво-

реніе всѣмъ своимъ потребностямъ, богатѣетъ и иногда благоденствуетъ, добивается славы, почестей, могущества». Все, въ какомъ бы то ни было отношеніи выдающееся—будь-то геніальный умъ, громадное богатство, невообразимая красота или крупное уродство въ родѣ Юліи Пастраны и двухголоваго соловья — стремится изъ окраинъ къ центрамъ. Провинціи остаются «вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ». Положенія эти иллюстрируются разными примѣрами изъ общественной жизни, а также изъ области природы. Разсматривать я ихъ не буду, потому что и вообще не могу здѣсь останавливаться на спеціальномъ предметѣ статей г. Мордовцева. Замѣчу только, что главный ихъ недостатокъ состоитъ въ полной неопредѣленности и неясности для самого автора его точки зрѣнія и метода. Вмѣсто того, чтобы строго отдѣлить въ занимающемъ его рядѣ явленій существующее отъ желательнаго, авторъ то радуется поглощенію центрами окраинъ, видя въ немъ часть процесса объединенія всего человѣчества, то скорбитъ объ немъ, то считаетъ его неизбѣжнымъ, по крайней мѣрѣ, временно, то предлагаетъ провинціямъ экономически конкурировать съ центрами. Не на эту, однако, шаткость точки зрѣнія и неопредѣленность метода обратилъ вниманіе неизвѣстный авторъ статьи «Одинъ изъ русскихъ централистовъ» («Недѣля» 1875, № 45). Напротивъ, онъ полемизируетъ съ г. Мордовцевымъ, какъ съ совершенно послѣдовательнымъ, цѣльнымъ «централистомъ», игнорируя всѣ его логическіе промахи и противорѣчія. Только въ самомъ концѣ статьи упоминаются эти противорѣчія, какъ свидѣтельство непригодности для насъ централистскихъ теорій. Во всякомъ случаѣ, воображаемому послѣдовательному централисту авторъ хочетъ противопоставить послѣдовательную теорію децентрализаціи или самостоятельнаго развитія окраинъ, провинцій. Вотъ эта теорія. «Цивилизація, имѣя въ началѣ своего развитія силу центростремительную, правило подбора, централизацію для огражденія цѣлаго, нашла скоро другой принципъ, поставившій задачею развитіе частей, ихъ совершенствованіе, присвоеніе ими тѣхъ же функцій, какія имѣли прежде только избранные, и поставила это цѣлью своего прогресса. Такимъ образомъ, мы видимъ въ нашей цивилизаціи... стремленіе не къ одному поглощенію частей, но и къ распредѣленію жизни между ними и уравненію ихъ во имя тѣхъ же цѣлей цивилизаціи. Жизнь частей не можетъ быть игнорируема въ интересахъ жизни цѣлаго, вотъ что часто упускается изъ виду централизаторами. Они предполагали въ человѣческой исторіи дѣйствующимъ только одинъ законъ централизаціи, независимо отъ другихъ, точно также обусловли-

вающихъ человѣческую жизнь, наконецъ, они приняли его безъ всякаго отношенія къ идеямъ и чувствамъ, стремящимся къ созданію идеала, несомнѣнно болѣе справедливаго. Они упустили изъ виду цѣлую массу другихъ силъ, которыя дѣйствовали въ человѣческомъ обществѣ не менѣе значительно: такъ, противъ силы, стремящейся установить только подборъ сильнаго и гибель слабаго, противъ силъ, стремящихся къ поглощенію и подчиненію, выступаютъ силы, дѣйствующія на пользу взаимнаго сохраненія, уравненія, которыя постоянно борятся. Противъ монополіи и привилегій, противъ централизаціи и насильственной регламентаціи, мы видимъ стремленіе индивидуумовъ и группъ къ сохраненію своей жизни и своихъ особенностей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ органической природѣ, такъ и въ развитіи обществъ, мы находимъ такой законъ, который является гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ прежній законъ борьбы за существованіе, поглощенія и истребленія, наконецъ, жизни цѣлаго насчетъ частей. Этотъ законъ, стоящій за сохраненіе частей и единицъ въ природѣ, развитіе органовъ, частей, видовъ, оразноображеніе ихъ и совершенствованіе, которое давало жизнь цѣлому, организму или роду. Прогрессъ и формированіе состоитъ въ обособленіи и спеціализаціи, какъ частей организма, такъ и его цѣлаго. Этотъ естественно историческій законъ, проникающій природу, не менѣе дѣйствуетъ и въ соціологіи. Человѣческое общество также опирается на жизнь своихъ частей, и, чѣмъ болѣе даетъ развитія ихъ силамъ и содѣйствуетъ полнотѣ жизни индивидуумовъ, тѣмъ болѣе гарантируетъ свое собственное существованіе и сохраненіе. Развитіе общества создается обособленіемъ его функцій, дифференцированіемъ отправленій въ различныхъ частяхъ его, какъ и въ индивидуумѣ, и одною изъ задачъ цивилизаціи является настолько же объединеніе жизни, насколько и покровительство разнообразію ея. «Чѣмъ несовершеннѣе существо, говорилъ еще Гёте, тѣмъ болѣе сходства замѣчаемъ мы между отдѣльными частями его и цѣлымъ; чѣмъ совершеннѣе оно, тѣмъ болѣе различія въ его частяхъ. Въ первомъ случаѣ, части въ бо́льшей или меньшей степени повторяютъ собою цѣлое; въ послѣднемъ же—онѣ совершенно не похожи на цѣлое. Чѣмъ больше сходства между частями, тѣмъ меньше между ними зависимости, соподчиненность частей есть признакъ высшей организаціи». Эти истины по отношенію къ животнымъ и растеніямъ также прилагаются и къ обществамъ. «Чѣмъ несовершеннѣе общество—говоритъ другой писатель—т. е. чѣмъ меньше разнообразія въ занятіяхъ, тѣмъ больше сходства между частями, какъ это легко можетъ замѣтить каждый, наблюдая человѣка въ чисто земледѣльческихъ странахъ».

Я никоимъ образомъ не могъ оставить здѣсь безъ вниманія этихъ общихъ взглядовъ, представляющихъ, повидимому, такое близкое сходство съ теоріей борьбы за индивидуальность и, однако, существенно отъ нея отличающихся, не въ свою, какъ мнѣ кажется, пользу. Безъ сомнѣнія, такъ сказать, наружность статьи «Недѣли» далеко превосходитъ наружность статьи г. Мордовцева. Неизвѣстный авторъ прямо заявляетъ, что въ обществѣ борятся силы центробѣжная и центростремительная, изъ которыхъ, смотря по условіямъ борьбы, побѣждаетъ то та, то другая, и что, наконецъ, онъ, авторъ, считаетъ желательною побѣду силы центробѣжной. Еслибы авторъ ограничился этимъ или подобнымъ краткимъ выраженіемъ своихъ мыслей, опровергать его было бы довольно сложнымъ дѣломъ и несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ теперь, когда онъ, развертывая свои формулы, тѣмъ самымъ даетъ оружіе противъ нихъ. Авторъ не выбивается изъ круга тѣхъ аналогій, изъ которыхъ вытекаютъ опровергаемыя имъ самимъ воззрѣнія. Всѣ органисты, всѣ дарвинисты, всѣ нелѣпологи, всѣ тѣ, что̀ возводятъ въ общественный принципъ фактъ подбора сильныхъ и приспособленныхъ и гнета ихъ надъ слабыми и неприспособленными—всѣ они согласны съ нашимъ авторомъ, что «развитіе общества создается обособленіемъ его функцій, дифференцированіемъ отправленій въ различныхъ частяхъ его, какъ и въ индивидуумѣ». Согласны или, по крайней мѣрѣ, должны быть согласны съ этимъ и самые крайніе централизаторы, съ которыми авторъ «Недѣли» полемизируетъ. Они себѣ представляютъ дѣло такъ. Дано обширное общество, называемое Россіей, русскимъ государствомъ. Развиваться оно должно, какъ и всякій индивидъ, путемъ обособленія функцій, дифференцированія о̀рганов и отправленій. Т. е., напримѣръ, Нижнее Поволжье, по естественному характеру своему, должно взять на себя функцію производства хлѣба, быть, какъ говорятъ объ этомъ краѣ, житницей Россіи и ни-ни, отнюдь не помышлять о соперничествѣ съ другими частями русскаго организма въ какихъ нибудь другихъ отрасляхъ матеріальнаго или нематеріальнаго производства: промышленныя издѣлія Поволжье получитъ изъ центровъ промышленности, потому что такова обособленная функція послѣднихъ; собственныхъ продуктовъ умственнаго творчества Поволжью тоже не полагается, потому что оно будетъ снабжено ими изъ спеціальныхъ центровъ, завѣдующихъ умственными отправленіями, и т. д. и т. д. Централизаторы въ состояніи будутъ привести въ пользу этихъ воззрѣній тѣ самыя слова̀ Гёте и другого неизвѣстнаго мнѣ писателя, на которыя опирается авторъ «Недѣли». Они это и дѣлаютъ: слова̀ Гёте

весьма часто ими цитируются. Они именно требуютъ разнообразія, зависимости и подчиненности частей и настаиваютъ, что это необходимо для существованія и сохраненія цѣлаго. Вся разница между спорящими сторонами состоитъ, такимъ образомъ, не столько въ аргументахъ, сколько въ намѣреніяхъ, въ субъективной подкладкѣ спора. Централисты хотятъ, чтобы государственный центръ поглотилъ части, окраины; децентралисты этого не хотятъ. Тяжба при этомъ ведется, собственно говоря, только между государствомъ и тѣми *группами*, на которыя оно дробится. Хотя тяжущіеся и стараются связать каждый свое дѣло съ судьбами личности, индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова, но, такъ какъ судьбы эти играютъ для нихъ все-таки только второстепенную роль, то выплываютъ вещи очень странныя. Напримѣръ, авторъ «Недѣли» категорически заявляетъ: «Тамъ, гдѣ централизація достигала высшаго предѣла, тамъ падала человѣческая дѣятельность и талантливость, а гдѣ развивалась децентрализація, тамъ силы общества поднимались». При этомъ, разумѣются паденіе и ростъ «индивидуальности человѣческихъ способностей». Въ доказательство приводятся нѣкоторые историческіе примѣры. Почти всѣ они могутъ быть истолкованы совсѣмъ иначе. Но я напомню крупный примѣръ — феодальную систему, представлявшую полнѣйшую децентрализацію и, однако, страшно давившую «индивидуальность человѣческихъ способностей». Не безъ всякаго же основанія многіе историки видятъ въ среднихъ вѣкахъ со всей ихъ децентрализаціей какой-то мрачный провалъ въ исторіи. Я это не въ порицаніе принциповъ децентрализаціи и федерализма говорю—объ нихъ у насъ въ свое время особая рѣчь будетъ. Я только пользуюсь случаемъ лишній разъ выяснить основанія моей теоріи, съ которою теорія автора «Недѣли», повидимому, такъ близка. Я готовъ согласиться и съ нимъ, и со всѣми аналогистами, что всякая индивидуализированная единица, будь то растительная клѣточка, зародышъ животнаго, единица національная, сословная, государственная, развивается, дифференцируясь на части и обособляя свои отправленія. Но я предлагаю идти дальше. Существуютъ различныя ступени индивидуальности, которыя борятся между собой, стремятся подчинить другъ друга. Эта борьба (обнимающая Дарвинову борьбу за существованіе, какъ частный случай) ведется различными ступенями индивидуальности съ весьма различнымъ успѣхомъ. Въ высшихъ организмахъ, напримѣръ, въ человѣкѣ, всѣ тѣ 60,000,000,000,000 клѣточекъ, которыя, по разсчету Фирордта и Велькера, обращаются ежесекундно въ его тѣлѣ, всѣ его ткани, органы чувствъ и движе-

женія—закрѣпощены своему цѣлому окончательно. Въ низшихъ организмахъ побѣда цѣлаго надъ частями далеко слабѣе. Въ муравейникѣ, индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова побѣжденъ обществомъ; въ полипнякѣ эта побѣда еще рѣшительнѣе. Фабрика, какъ экономическая единица, стремится подчинить себѣ, поглотить рабочаго. Въ исторіи намъ извѣстны національныя индивидуальности, побѣжденныя и непобѣжденныя единицами государственными. Внутри національной индивидуальности борятся индивидуальности сословныя, а внутри послѣднихъ—индивидуальности человѣческія. Достигая строго обособленной ступени развитія касты, сословіе побѣждаетъ какъ высшую, національную индивидуальность, такъ и низшую—человѣческую и т. д. и т. д. Таковы факты, картину которыхъ должны представить предлагаемые очерки, если имъ суждено достаточно долго занимать вниманіе читателя; такова, собственно, объективная часть теоріи борьбы за индивидуальность. Здѣсь нѣтъ ничего такого, что̀ не могло бы быть доказано съ почти математическою ясностью. Факты такъ просты, что сами по себѣ не могли бы породить никакихъ споровъ. Не такова субъективная сторона дѣла. Историки, соціологи, политики, публицисты, имѣя дѣло съ различными ступенями общественной индивидуальности, произвольно выбираютъ центромъ своихъ изслѣдованій то одну, то другую. Одни принимаютъ близко къ сердцу судьбы «общественнаго организма» вообще (это—самые поверхностные, изъ нихъ то и выходятъ нелѣпологи, нелѣпософы и нелѣпоманы) и радуются, если организмъ этотъ поглощаетъ и уродуетъ человѣка, т. е. индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова. Другіе желаютъ побѣды, кто группѣ національной, кто сословной, кто государственной и т. д. Отсюда идетъ большинство разногласій между людьми, изслѣдующими общественныя явленія, отсюда и ихъ взаимное непониманіе. На какомъ основаніи каждый изъ нихъ желаетъ побѣды именно такой-то ступени индивидуальности? Они, либо не задаютъ себѣ этого вопроса, а инстинктивно, въ силу преданія или *безотчетныхъ* личныхъ склонностей, выбираютъ свой центръ изслѣдованія; либо же, будучи поставлены въ необходимость отвѣчать, скажутъ: я стою, напримѣръ, за національные интересы потому, что они наилучше способствуютъ благосостоянію, умственному развитію и нравственному совершенствованію личностей. Я не могу себѣ, по крайней мѣрѣ, представить возможности иного конечнаго отвѣта. Его должны, хотя бы для виду, дать даже тѣ ученые и писатели, которые завѣдомо своекорыстно или въ интересахъ какой нибудь касты гнутъ и ломаютъ факты общественной жизни. Но дѣло въ томъ, дѣйстви-

тельно ли и насколько и при какихъ условіяхъ интересы національные или какой нибудь другой группы политической, экономической, родственной и т. д. совпадаютъ съ интересами личности. Нужна, слѣдовательно, прежде всего провѣрка отношеній различныхъ общественныхъ индивидуальностей къ индивидуальности человѣческой. Я предлагаю для этого мѣрило крайне простое, не требующее для успѣшнаго приложенія ничего, кромѣ вниманія и добросовѣстности. Оно непосредственно примыкаетъ къ тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, совокупность которыхъ я называю борьбой за индивидуальность и которые не только ни кѣмъ не отрицаются, но множествомъ весьма ученыхъ людей съ особенною охотою, хотя и не слишкомъ логично, выставляются на первый планъ. Такъ какъ я не въ первый разъ предлагаю читателю это мѣрило, то, чтобы не надоѣсть ему, постараюсь здѣсь вкратцѣ изложить свои взгляды въ нѣсколько новомъ видѣ. При этомъ выяснятся кое-какія обстоятельства, которыя ниже сослужатъ намъ службу.

Исчезнувшая, какъ говорится, допотопная животная жизнь представляетъ не мало образцовъ поразительныхъ типовъ, которые Агассицъ называетъ пророческими или синтетическими (онъ дѣлаетъ нѣкоторую разницу между этими двумя терминами, но она для насъ не важна; см. его De l'espèce et de la classification en zoologie, tr. par Vogeli, 182). Они представляютъ собою соединеніе (синтезъ) и какъ бы предвосхищеніе (пророчество) нѣсколькихъ животныхъ типовъ, которые, въ послѣдующіе геологическіе періоды, въ томъ числѣ и въ наше время, существуютъ только въ раздѣльномъ видѣ. Таковы, напримѣръ, чудовищные ихтіозауры, т. е. рыбо-ящеры, совмѣщающіе въ себѣ такія черты организаціи, которыя нынѣ встрѣчаются только порознь въ рыбахъ и въ пресмыкающихся. Таковъ не менѣе чудовищный лабиринтодонтъ, въ которомъ совмѣщаются особенности нынѣшнихъ лягушекъ, черепахъ и ящерицъ. Въ настоящее время, такія смѣшанныя, переходныя формы очень рѣдки, имѣютъ очень слабую организацію и очень бѣдны видами, какъ, напримѣръ, летучая рыба. Но нѣкогда это были цари земли, передъ которыми все дрожало. Какое употребленіе дѣлаетъ изъ этихъ фактовъ Агассицъ—до этого намъ нѣтъ дѣла: онъ измѣненія видовъ, какъ извѣстно, не признавалъ и видѣлъ въ органическихъ формахъ какъ бы застывшія идеи нѣкотораго міроваго разума. Поучительнѣе мнѣнія нѣмецкаго ученаго Снелля, изложенныя въ фантастической, но чрезвычайно умной брошюрѣ Die Schöpfung des Menschen. Снелль сводитъ типы организаціи къ двумъ разрядамъ—типовъ идеальныхъ и практи-

ческихъ. Идеальные, это—тоже, что̀ пророческіе или синтетическіе типы Агассица. Снелль именно въ нихъ видитъ носителей прогрессивнаго развитія; самое даже разнообразіе органической жизни въ значительной степени обусловливается разносторонностью и богатствомъ ихъ природы, изъ которой, какъ изъ общаго источника, расходятся во всѣ стороны рѣзко различныя формы. Типы практическіе, напротивъ, односторонніе и скудные, приспособляются къ тѣмъ или другимъ замкнутымъ условіямъ существованія и все болѣе и болѣе съуживаютъ формулу своей жизни. Само собою разумѣется, что рѣзкой перегородки между практическими и идеальными типами нѣтъ. Могучіе ихтіозауры, птеродактили и т. п. не вынесли своей мощи. Какъ у Ильи Муромца калики перехожіе сбавили половину его силы, потому что иначе землѣ было бы тяжело носить его, такъ и у этихъ древнихъ чудищъ природа обобрала ихъ мощь и раздала ее по частямъ узкимъ, приспособленнымъ къ одной водной стихіи рыбамъ, жалкимъ пресмыкающимся и т. п. Это обстоятельство, между прочимъ, должно бы было нѣсколько затуманить радость тѣхъ дарвинистовъ, которые вѣрятъ въ творческую силу подбора и борьбы за существованіе. Даровитѣйшій изъ нихъ, Геккель, долженъ былъ признаться, что «естественный подборъ вездѣ (überall) способствуетъ развитію типовъ практическихъ въ ущербъ идеальнымъ» (Generelle Morphologie, II, 262). Не все, значитъ, пахнетъ розой въ процессѣ борьбы и не только относительно средствъ, но и относительно результатовъ: вмѣсто одного цѣлковаго положимъ даже десять (конечно, меньше) гривенниковъ, сильно потертыхъ процессомъ размѣна—это не особенно, кажется, выгодно. И, еслибы природа не возмѣщала этой убыли тѣмъ закономъ развитія, о которомъ говорено было въ прошлой статьѣ, на землѣ жить было бы довольно скучно, да, по правдѣ сказать, и не стоило бы. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Въ чемъ собственно состоитъ разница между практическими и идеальными типами, напримѣръ, между нынѣшними рыбами и ящерицами съ одной стороны, и древними рыбо-ящерами—съ другой? и въ чемъ состоитъ процессъ распаденія одного идеальнаго типа на нѣсколько практическихъ? Читатель видитъ, что все дѣло здѣсь опять таки, въ томъ же принципѣ раздѣленія труда, который даетъ діаметрально противоположные результаты, будучи приложенъ къ о̀рганамъ одного и того же индивида и къ нѣсколькимъ индивидамъ. Въ предѣлахъ индивидуальности ихтіозаура физіологическое раздѣленіе труда, т. е. раздѣленіе труда между о̀рганами достигаетъ извѣстной, довольно высокой степени, потому что тутъ есть на лицо и о̀рганы, необходимые для жизни

въ водѣ, и органы, необходимые для жизни на сухомъ пути. Когда идеальный типъ ихтіозаура распался на практическіе типы рыбъ и ящерицъ, произошло раздѣленіе труда между индивидами, причемъ въ каждомъ изъ нихъ степень физіологическаго раздѣленія (въ предѣлахъ разсматриваемыхъ нами свойствъ организаціи) понизилась: одни стали способны только къ водной жизни, другіе только къ сухопутной. Понизился *типъ* развитія. Затѣмъ, этотъ новый, пониженный практическій типъ можетъ достигать весьма высокой *степени* развитія: рыбы выработали себѣ чрезвычайно сложные аппараты, приспособленные къ водной жизни, какихъ у ихтіозаура, конечно, не было. Приложите теперь это разсужденіе къ явленіямъ общественной жизни. Подставьте вмѣсто вида ихтіозаура какую нибудь соціальную группу, какую нибудь общественную индивидуальность. Если внутри этой индивидуальности и подъ вліяніемъ ея развитія, состоящаго въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному, въ дифференцированіи частей, въ усиленіи раздѣленія труда (общественнаго), обособляются рѣзко различные индивиды, то *типъ* послѣднихъ понижается, какъ бы ни была высока *степень* ихъ развитія: общественная индивидуальность можетъ торжествовать побѣду надъ индивидуальностью человѣческою. Типъ безполаго рабочаго муравья далеко ниже типа его отдаленнаго плодовитаго предка, хотя въ предѣлахъ своей односторонности онъ, можетъ быть, достигъ чрезвычайно высокой степени развитія. Теперь сравните съ этой точки зрѣнія два муравейника: одинъ—древній, въ которомъ раздѣленіе труда не произвело еще никакого полиморфизма (многоформенности), и другой—нынѣшній, въ которомъ имѣется 3—5 кастъ, различающихся и наружнымъ видомъ, и общественною дѣятельностью, и характеромъ организаціи. Который изъ нихъ выше? Съ объективной точки зрѣнія, выше нынѣшній муравейникъ, потому что его части (муравьи) сильнѣе дифференцированы. Но съ субъективной точки зрѣнія самого муравья, выше древній муравейникъ. Чтобъ не повторять того, что было доказываемо много разъ, я только просто заявляю, что становлюсь на точку зрѣнія муравья. Пусть совокупными усиліями полиморфныхъ индивидовъ созданы огромныя богатства и даже цѣлая муравьиная цивилизація, это—только *высокая степень* развитія *пониженнаго типа*. Типъ древняго муравейника выше, хотя онъ и не успѣлъ достигнуть высокой степени развитія; онъ выше потому, что въ немъ побѣда въ борьбѣ за индивидуальность осталась на сторонѣ муравья, т. е. индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова. Побѣдѣ высшей индивидуальности, т. е. общественной (какая бы

она ни была—національная, экономическая, родственная, политическая) я радоваться не могу. Какое нибудь высшее существо, передъ всеобъемлющимъ взоромъ котораго субъективная сторона историческаго процесса стушевывается, которое равно безразлично относится и къ муравью, и къ муравейнику, такое высшее существо можетъ надо мной посмѣяться и уличить меня въ противорѣчіи. Въ самомъ дѣлѣ, я признаю низшимъ то, что̀, съ объективной точки зрѣнія, есть высшее, ибо я и самъ готовъ цитировать нѣмецкаго олимпійца: «чѣмъ несовершеннѣе существо, тѣмъ болѣе сходства замѣчаемъ мы между отдѣльными частями его и цѣлымъ: чѣмъ совершеннѣе оно, тѣмъ болѣе различія въ его частяхъ». Значитъ, заключаютъ отсюда соціологи, историки, политики, публицисты, значитъ и общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе различія между его членами. Затѣмъ соціологи, политики и т. д. начинаютъ путаться и препираться, принимая за центръ изслѣдованія одинъ одну, другой другую общественную индивидуальность. Я думаю, они оттого путаются, и препираются, что берутъ на себя въ своей исходной точкѣ (можетъ быть, по недоразумѣнію) непосильное бремя олимпійскаго величія, передъ которымъ «все—все равно». Я—не олимпіецъ, а только человѣкъ, т. е. индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а потому и сочувствовать могу только такому же индивиду, и радоваться только его побѣдѣ, и горевать только о его пораженіи. Внѣ этого, и мнѣ «все — все равно», въ томъ числѣ и централизація и децентрализація.

Надѣюсь, что мнѣ уже больше не придется утомлять вниманіе читателя отвлеченнымъ изложеніемъ теоріи борьбы за индивидуальность, которая ближе выяснится на конкретныхъ примѣрахъ.

Начнемъ съ семьи, какъ съ самой элементарной общественной единицы и, притомъ, во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличающейся отъ всѣхъ другихъ общественныхъ единицъ. Элементарность ея слѣдуетъ, однако, разумѣть только въ томъ смыслѣ, что она обнимаетъ собой наименьшее число людей: мужъ, жена, сынъ или дочь—эти три лица уже составляютъ семью. Было бы ошибочно думать, что семья элементарна еще въ другомъ смыслѣ—именно какъ самая древняя форма общежитія. Это, впрочемъ—мнѣніе очень распрстраненное и раздѣляемое многими высокими авторитетами. Такъ, Мэнъ («Древнее право») полагаетъ, что прототипмъ древнѣйшаго человѣческаго общества долженъ быть признанъ патріархально семейный бытъ, изображенный въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Мы скоро увидимъ, что этотъ бытъ есть плодъ уже довольно высокой цивилизаціи и не даетъ никакого понятія

о «состояніи, въ какомъ находилось человѣчество въ началѣ своей исторіи» (Мэнъ, 98). Дарвинъ, поднимающійся, конечно, гораздо дальше въ глубь временъ, также склоняется къ мнѣнію, что наши отдаленнѣйшіе предки обладали уже извѣстной, вѣроятно, полигамической формой брака и семьи, подобно многимъ нынѣшнимъ четырерукимъ. Однако, онъ убѣждается въ этомъ единственно апріорными соображеніями. Онъ признаетъ, что «всѣ, внимательно изучившіе этотъ предметъ», смотрятъ на дѣло иначе и что «кажется несомнѣннымъ, что обычай брака развивался постепенно» («Происхожденіе человѣка и половой подборъ», пер. Сѣченова, II, 399, 402). Конечно, данныхъ для рѣшенія вопросовъ о томъ времени, когда человѣкъ сталъ человѣкомъ, не имѣется. Но несомнѣнно, съ чѣмъ согласенъ и Дарвинъ, что было такое время, когда простое общее смѣшеніе половъ «было чрезвычайно распространено на всемъ земномъ шарѣ». Дарвинъ, слѣдовательно, полагаетъ, что учрежденіе брака и семьи, хотя бы только въ такой формѣ, въ какой оно нынѣ существуетъ у гориллы, было нѣкогда присуще и человѣку, но затѣмъ имъ утеряно. Интересно сопоставить этотъ выводъ съ мнѣніями одного русскаго ученаго, г. Воеводскаго. Изслѣдованіе греческихъ миѳовъ привело его къ вопросу: насколько дѣтоубійство могло считаться нѣкогда не только безразличнымъ, а прямо нравственнымъ поступкомъ, и какъ мы должны смотрѣть на него съ точки зрѣнія исторіи развитія нравственности. Я уже имѣлъ случай упоминать въ «Запискахъ профана» о точкѣ зрѣнія г. Воеводскаго, который не допускаетъ возможности попятнаго движенія въ исторіи человѣческой нравственности. Сообразно этому, предстояло объяснить и дѣтоубійство, какъ нѣкоторый шагъ впередъ. Онъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ Силезіи и Саксоніи у городскихъ воротъ до сихъ поръ висятъ палицы съ надписью:

Wer seinen Kindern giebt das Brot
Und leidet dabei selber Noth,
Den schlage man mit dieser Keule todt.

Т. е.: кто дѣтямъ своимъ даетъ хлѣбъ и при этомъ самъ терпитъ нужду, тотъ да будетъ убитъ этой палицей. Я полагаю, что надпись эта должна быть объясняема просто какимъ нибудь частнымъ случаемъ или цѣлымъ рядомъ случаевъ (въ родѣ исторіи короля Лира), который поразилъ современниковъ. Но г. Воеводскому они «напоминаютъ, что дорожить чрезмѣрно жизнью ребенка могло когда-то считаться порокомъ. Если мы вспомнимъ при этомъ, продолжаетъ онъ, какъ сильно развита у большей части извѣстныхъ намъ животныхъ любовь къ дѣтенышамъ, при-

нимающая иногда даже отвратительные размѣры, напримѣръ, у обезьянъ, которыя няньчатся даже съ мертвымъ ребенкомъ по нѣскольку дней послѣ его смерти, то всякій шагъ, сдѣланный человѣчествомъ въ противоположную сторону, получитъ для насъ новое значеніе. Дѣйствительно, любовь матери къ своему ребенку, особенно въ первое время его существованія, вытекаетъ даже просто изъ физіологическихъ условій и поэтому уже никакъ не можетъ считаться исключительнымъ плодомъ гуманнаго развитія, а напротивъ, однимъ изъ самыхъ элементарныхъ, всегда существовавшихъ инстинктовъ, безъ котораго, подобно какъ безъ половаго влеченія, немыслимо было бы ни человѣчество, ни вообще міръ животныхъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, намъ уже не представляются столь неблаговидными и древнѣйшіе миѳы о дѣтоубійствѣ... представится возможность уразумѣть и этическое значеніе дѣтоубійства, какъ фактора въ культурномъ развитіи человѣчества («Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ», 129 и слѣд.). Здѣсь не мѣсто говорить, насколько законна точка зрѣнія, признающая шагомъ впередъ *всякое* уклоненіе, въ чемъ бы оно ни состояло, человѣческаго типа отъ нравовъ и обычаевъ животныхъ. Замѣчу только, что она нѣсколько напоминаетъ образъ мыслей дикаря, который привелъ европейскому путешественнику тотъ аргументъ противъ моногаміи, что одной женой довольствуется мѣстный видъ обезьянъ, или тѣхъ жителей Малайскаго Архипелага, которые считаютъ позоромъ имѣть бѣлые зубы, «какъ у собакъ».

Какъ бы то ни было, но, при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній, пробѣлъ между семейнымъ общежитіемъ высшихъ животныхъ и отсутствіемъ семьи у нашихъ отдаленныхъ предковъ можетъ быть наполненъ только отвлеченными соображеніями, съ чѣмъ согласенъ и г. Воеводскій. Фактическая исторія супружескихъ и родительскихъ отношеній въ человѣчествѣ начинается отсутствіемъ семьи, тѣмъ состояніемъ, которое различными изслѣдователями называется то общимъ смѣшеніемъ половъ, то общиннымъ или коммунальнымъ бракомъ, то гетеризмомъ. Намъ, конечно, трудно себѣ представить порядокъ вещей, въ которомъ не имѣютъ мѣста понятія отца, матери, мужа, жены, сына, дочери, т. е. тѣ самыя понятія, которыми полна нравственная атмосфера, окружающая насъ съ ранняго дѣтства. Мы готовы даже признать, отправляясь отъ привычныхъ намъ взглядовъ и чувствъ, такой порядокъ безпорядкомъ, совершеннымъ хаосомъ. Между тѣмъ, это былъ несомнѣнно порядокъ, т. е. нѣчто прочное, всѣми признанное и, такъ сказать, уравновѣшенное. Очень долго этотъ порядокъ совершенно удовлетворялъ потребностямъ и взгля-

дамъ людей и затѣмъ, когда народились новыя силы, уступилъ ихъ напору только съ большимъ трудомъ, оставивъ и понынѣ многочисленные слѣды своего когда-то безграничнаго господства.

Разскажите малообразованному европейцу о русскомъ общинномъ землевладѣніи. Онъ будетъ, вѣроятно, удивленъ этими порядками и назоветъ ихъ страннымъ хаосомъ, который въ самомъ себѣ носитъ залогъ разрушенія, потому что, дескать, люди, въ ряду поколѣній, не могутъ терпѣть такого систематическаго посяганія на личную собственность, какъ передѣлы земли и круговая порука. И это будетъ, повидимому, даже очень удовлетворительное разсужденіе, а, между тѣмъ, община существуетъ цѣлые вѣка. Такимъ же хаотическимъ состояніемъ представляется намъ, напримѣръ, жизнь кавказскихъ горцевъ, у которыхъ господствуетъ кровная или родовая месть. Насъ поражаетъ, при этомъ не только отсутствіе спеціальныхъ судебныхъ органовъ, а и невозможная для насъ идея, что нѣтъ личныхъ преступленій, что въ убійствѣ виноватъ не убійца, а весь его родъ. Съ точки зрѣнія горцевъ, однако, это—вовсе не нелѣпая идея: они съ ней испоконъ вѣка живутъ. Возьмите еще, напримѣръ, хоть цыганскій таборъ, съ его поразительной организаціей, въ которой личная воля, личные вкусы, личное достояніе, личныя симпатіи совершенно утопаютъ. Намъ странно, что люди могутъ такъ жить. Прикидывая на свой аршинъ, представляя себѣ себя и окружающихъ людей въ положеніи членовъ цыганскаго табора, мы видимъ, что намъ не выдержать бы и недѣли такой жизни. Однако, цыгане живутъ, много вѣковъ живутъ и, вѣроятно, считаютъ хаосомъ именно наши порядки. Все это—остатки обычаевъ, когда-то повсемѣстно распространенныхъ, только остатки, дающіе лишь слабое понятіе о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, которыя господствовали на отдаленной зарѣ исторіи человѣчества. Надо себѣ представить, что въ ту неизмѣримо далекую отъ насъ пору личность утопала отнюдь не въ семьѣ (какъ думаетъ Мэнъ) и даже не въ такой опредѣленной общественной единицѣ, какъ русская община, горскій родъ или цыганскій таборъ, а въ чемъ-то такомъ, чему мы и имени не знаемъ. Это было нѣчто въ родѣ стада. Супружескія и родительскія отношенія едва ли не лучше всего обрисовываютъ духъ и характеръ такого общежитія. Однако, даже всѣ имѣющіяся этого рода свѣдѣнія, какъ о вымершихъ уже народахъ, такъ и о нынѣ живущихъ дикаряхъ, только въ совокупности, взаимно дополняясь, могутъ помочь возстановить полную картину древнѣйшаго гетеризма.

Въ замѣчательномъ сочиненіи Бахофена «Материнское право» (Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaekokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur) собраны относящіяся сюда свидѣтельства древнихъ писателей. Я приведу нѣкоторыя изъ нихъ. По Геродоту и Страбону, массагеты и назамоны, хотя и имѣли женъ, но никто никому не препятствовалъ совершать публично половой актъ съ чьей бы то ни было женой. Подобные же нравы поразили, по Ксенофонту и другимъ, солдатъ Кира въ нѣкоторыхъ народахъ, встрѣченныхъ ими въ походѣ. Объ эѳіопскихъ аусеяхъ Геродотъ говоритъ, что они «пользуются женами сообща, не живутъ съ ними въ домахъ и совершаютъ половой актъ подобно скотамъ». При этомъ, массагетъ, вступая въ сношеніе съ первою попавшеюся женщиной, вывѣшивалъ свой колчанъ съ переду кибитки и втыкалъ въ землю свою палку: это была какъ бы вывѣска, символъ того, что происходило въ это время въ кибиткѣ. Съ тою же цѣлью, современный Страбону арабъ оставлялъ свою палку съ наружной стороны двери, и т. п. Относительная малочисленность такихъ прямыхъ свидѣтельствъ о грубѣйшихъ формахъ гетеризма нисколько не удивительна. Удивительна, напротивъ, крайняя живучесть этихъ, въ полномъ смыслѣ слова, первобытныхъ порядковъ. Въ болѣе мягкихъ формахъ общинный бракъ и понынѣ существуетъ, напримѣръ, у бушменовъ; у каировъ (въ Индіи) «никто не знаетъ своего отца, и всякій смотритъ на дѣтей своей сестры, какъ на своихъ наслѣдниковъ» (при чемъ тутъ сестра, мы увидимъ впослѣдствіи); тигуры въ Оудѣ «живутъ обширными общинами въ почти безразличномъ смѣшеніи, и даже для тѣхъ лицъ, которыя считаются въ супружествѣ, брачныя узы существуютъ только по имени»; у туземцевъ острова Королевы Шарлотты «женщины, повидимому, смотрятъ на всѣхъ мужчинъ своего племени, какъ на своихъ мужей.» И т. д. (Дж. Лёббокъ. Начало цивилизаціи. Пер. Коропчевскаго, 65). Я не стану, однако, перечислять и описывать этого рода факты. Гораздо любопытнѣе обширный разрядъ очень разнообразныхъ фактовъ, относящихся къ гораздо болѣе позднимъ историческимъ моментамъ, но косвенно характеризующихъ и стародавнее отсутствіе семьи. Они любопытны потому, что рисуютъ самый процессъ образованія семьи и ея борьбы съ высшею индивидуальностью.

Діодоръ Сицилійскій съ удивленіемъ отмѣчаетъ «странный обычай» жителей Балеарскихъ Острововъ. У нихъ, говоритъ онъ, въ свадебную ночь молодая считается общею собственностью всѣхъ гостей, которые пользуются ею въ порядкѣ старшинства. Мужъ вступаетъ въ свои права послѣднимъ. Подобные

же обычаи существовали въ Вавилонѣ, Арменіи, у многихъ эѳіопскихъ племенъ, кажется, въ Карѳагенѣ, отчасти въ Греціи. Кое-гдѣ и теперь господствуетъ этотъ обычай съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, у санталовъ (одного изъ туземныхъ племенъ Индіи), говоритъ Лёббокъ, браки совершаются только однажды въ годъ—по бо̀льшей части, въ январѣ. Въ теченіе шести дней всѣ, готовящіеся вступить въ бракъ, живутъ вмѣстѣ, и только послѣ этого за отдѣльными парами признаётся право вступать въ бракъ. Факты эти не могутъ быть объяснены ничѣмъ, кромѣ сознанія коллективнаго права племени на всѣхъ женщинъ. Право это во всемъ своемъ объемѣ уже утрачено; мужъ и жена на другой день свадьбы принадлежатъ уже только другъ другу; но страшное давленіе племени еще выражается безропотнымъ предоставленіемъ первой ночи всѣмъ и каждому. Этотъ компромиссъ лучше всего характеризуетъ совершенно для насъ непонятную степень поглощенія личности племенемъ. Я говорю «племенемъ» за невозможностью найти соотвѣтственное имя для той странной общественной индивидуальности, которая, съ нынѣшней точки зрѣнія, такъ грубо и безъапелляціонно давила индивидуальность человѣческую. Это, конечно, была не семья, потому что семья въ пору упомянутаго компромисса только начала еще складываться. Но это—и не племя, и не община, какъ видно изъ многихъ другихъ остатковъ старины, сохранившихся до нашихъ дней. Хотя относительно многихъ нынѣшнихъ дикарей и извѣстно, что свобода половыхъ отношеній не выходитъ у нихъ за предѣлы племени, но совокупность относящихся сюда фактовъ заставляетъ, мнѣ кажется, думать, что несовсѣмъ такъ было на зарѣ исторіи, тѣмъ болѣе, что вѣдь мы, собственно говоря, не знаемъ, ка̀къ сложилась единица, называемая нами теперь племенемъ. Въ вышеупомянутомъ показаніи Діодора Сицилійскаго о жителяхъ Балеарскихъ Острововъ говорится, что жена уступалась всѣмъ «друзьямъ и знакомымъ» (Бахофенъ, 12). Извѣстно далѣе, ка̀къ распространена и донынѣ такъ называемая (несовсѣмъ правильно) «гостепріимная проституція», т. е. обычай, въ силу котораго жена или дочь хозяина предоставляются гостю. У корякъ и чукчей сила этого обычая доходитъ до того, что хозяинъ оскорбляется отказомъ гостя и можетъ даже убить его (Е. Якушкинъ. Обычное право, VII). У алеутовъ всякій, возвратившійся изъ дальняго пути, имѣетъ право на всѣхъ женщинъ юрты (Путешествіе флота капитана Сарычева, 1804 г.). У насъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до послѣдняго времени рекрутъ-наемщикъ имѣлъ право на всѣхъ молодыхъ женщинъ семьи нанявшаго его крестьянина (Якушкинъ, VIII). Бразильскіе людоѣды счи-

*

таютъ обязанностью уступать своихъ женъ и дочерей военнопленнымъ, обреченнымъ на съѣденіе. Всѣ эти обломки несомнѣнно глубокой древности показываютъ, что древнѣйшая общественная индивидуальность, вторгавшаяся въ супружескія отношенія, не можетъ быть названа племенемъ. Лёббокъ говоритъ: «Повидимому, обычаемъ признается извѣстное право за каждымъ членомъ общины и за посѣтителями ея, какъ временными членами; эти послѣдніе не могли бы быть лишены означеннаго права какими либо распоряженіями, сдѣланными до ихъ прибытія и, слѣдовательно, безъ ихъ согласія» (l. c. 92). Вторая половина этого замѣчанія для меня совершенно непонятна, тѣмъ болѣе, что самъ же Лёббокъ приводитъ поразительный обычай бразильскихъ людоѣдовъ: ужь, конечно, согласіе или несогласіе обреченныхъ на съѣденіе не могло имѣть никакого значенія. Приходится, кажется, признать, что тутъ передъ нами полнѣйшій «мракъ неизвѣстности». Позже, гораздо позже, всесильная, но неопредѣленная первобытная общественная индивидуальность выдѣлила изъ себя семью и, въ то же время, сама подверглась кореннымъ измѣненіямъ, обособивъ внутри себя различные общественные классы. На нѣкоторыхъ ея членовъ перешло при этомъ древнее коллективное право, что̀ и выразилось въ учрежденіяхъ «княжо̀го» у насъ и juris primae noctis въ Европѣ. Этотъ замѣчательный процессъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ мы увидимъ еще много разъ. Но здѣсь не онъ насъ интересуетъ. Намъ нужно было только убѣдиться, что исторія супружескихъ и родительскихъ отношеній начинается отсутствіемъ семьи.

Къ такому же результату приводитъ другой разрядъ крайне любопытныхъ фактовъ. За послѣднее время, этнологи, обративъ вниманіе на понятія о родствѣ у различныхъ народовъ, пришли ко многимъ совершенно неожиданнымъ и чрезвычайно важнымъ заключеніямъ. Самая поразительная сторона этихъ изслѣдованій ждетъ еще насъ впереди. Здѣсь намъ нужно только отмѣтить крайнюю неопредѣленность понятій о родствѣ у первобытныхъ народовъ. Ясныя и совершенно раздѣльныя для насъ понятія мужа, жены, отца, дяди, тетки и т. д. у первобытныхъ народовъ болѣе или менѣе сливаются съ сосѣдними степенями родства. Напримѣръ, у гавайцевъ (Сандвичевы Острова) одно и то же слово «вагена» означаетъ жену, свояченицу (сестру жены), невѣстку (жену брата), жену шурина (брата жены), женъ племянниковъ съ отцовской и материнской стороны. То же самое слово означаетъ и женщину вообще. Дѣло тутъ не въ бѣдности языка, какъ замѣчаетъ Лёббокъ, потому что въ гавайской си-

стемѣ различаются нѣкоторыя такія степени родства, для которыхъ въ европейскихъ языкахъ нѣтъ особыхъ названій. Такъ, у гавайцевъ есть особыя имена для усыновленнаго сына, для старшаго и для младшаго брата. «Легко замѣтить, продолжаетъ Лёббокъ:—что дитя принадлежитъ здѣсь цѣлой группѣ, не имѣя болѣе близкаго отношенія ни къ своему отцу, ни къ своей матери, которые стоятъ къ нему въ такой же степени родства, какъ дяди и тетки; такимъ образомъ, у каждаго ребенка бываетъ по нѣскольку отцовъ и матерей». У Лёббока читатель найдетъ довольно подробный анализъ различныхъ системъ родства, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Морганомъ. Общій выводъ, выраженный въ принятыхъ нами терминахъ, будетъ слѣдующій: семейная индивидуальность развивалась, переходя отъ простаго къ сложному, дифференцируя свои отправленія, установляя между своими членами раздѣленіе труда. Только исподоволь и въ теченіи долгаго времени обособлялись тѣ спеціальныя, исключительныя функціи мужа, жены, отца, матери, дяди и т. д., которыми они облечены нынѣ у цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Первоначально же, функціи, напримѣръ, отца и мужа или брата и мужа могли совпадать. Возникающія отсюда семейныя узы съ перваго взгляда очень тѣсны и прочны, но въ сущности они свидѣтельствуютъ опять-таки, что исходною точкою супружескихъ и родительскихъ отношеній было отсутствіе семейной индивидуальности. Они относятся къ тому моменту развитія, когда семья уже сложилась, но находится еще въ зародышевомъ состояніи. Въ такомъ видѣ исторія во многихъ мѣстахъ и до нашего времени донесла семейныя отношенія. У тоттіяровъ въ Индіи, братья, дяди и племянники имѣютъ общихъ женъ. По обычаю сіуксовъ и нѣкоторыхъ другихъ сѣвероамериканскихъ племенъ, покупкою старшей изъ дочерей начальника вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтается право на всѣхъ остальныхъ ея сестеръ. У тодасовъ, обитателей Нейльгеррійскихъ Горъ, дѣвушка, выходя замужъ, въ то же время становится женою всѣхъ братьевъ своего мужа, по мѣрѣ достиженія ими періода возмужалости, а они становятся вмѣстѣ съ тѣмъ мужьями всѣхъ ея сестеръ, какъ скоро возрастъ этихъ послѣднихъ позволяетъ имъ выдти замужъ. Въ этомъ случаѣ, говоритъ цитируемый Лёббокомъ Шортъ, «первый родящійся ребенокъ считается принадлежащимъ старшему брату, слѣдующій второму и, несмотря на эту противоестественную систему, тодасы, нужно признаться, обнаруживаютъ много нѣжности къ своему потомству, болѣе, чѣмъ, казалось бы, могъ способствовать тому ихъ обычай смѣшаннаго сожительства». Тотъ же писатель такъ описываетъ

обычай, господствующій между реддіями въ южной Индіи: «Молодая женщина шестнадцати или двадцати лѣтъ можетъ выдти замужъ за мальчика пяти или шести лѣтъ. При этомъ, однако, она живетъ обыкновенно съ какимъ нибудь взрослымъ мужчиной, напримѣръ, съ дядей или съ двоюроднымъ братомъ со стороны матери, но никакъ не съ родственниками отца; случается, что она живетъ съ отцомъ своего малолѣтняго мужа, т. е. съ своимъ свекромъ! Если отъ какой-либо подобной связи у нея появятся дѣти, они считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Къ тому времени, когда мальчикъ выростетъ, жена его обыкновенно оказывается уже слишкомъ старой или неспособной производить дѣтей; тогда и онъ въ свою очередь живетъ съ женой какого нибудь мальчика» (Лёббокъ, 59). Англійскій писатель ставитъ восклицательный знакъ, отмѣтивъ поразительный для него фактъ сожительства женщины съ свекромъ. Намъ, русскимъ, восклицательнаго знака тутъ ставить не приходится, потому что у насъ существуетъ даже особенный терминъ для выраженія этого факта: снохачество. Несмотря на страшныя легенды о кровосмѣсителяхъ (въ которыхъ, впрочемъ, караются, кажется, исключительно только совершившіе блудъ съ матерью), сожительство ближайшихъ родственниковъ—не Богъ знаетъ какая рѣдкость въ Россіи, не говоря уже о старинѣ, которая оставила свои слѣды въ символическихъ свадебныхъ обрядахъ. «Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ» разсказывалъ г. Шашкову слѣдующую сцену изъ крестьянской жизни Вятской Губерніи. Парень лежитъ на печи и стонетъ. Оказывается, что онъ боленъ вслѣдствіе несчастнаго любовнаго похожденія. «Мать читаетъ ему нотацію за то, что онъ связывается съ разными посторонними потаскухами: «вонъ, вѣдь есть свои кобылы», говорила она, указывая на дочерей» (Очеркъ исторіи русской женщины, 30). Собственно снохачество, конечно, несравненно распространеннѣе. И тамъ, гдѣ русское населеніе примыкаетъ къ инородческому, что̀, понятно, даетъ удобную почву для сохраненія самыхъ архаическихъ формъ общежитія, снохачество имѣетъ или имѣло недавно совершенно тотъ же видъ, въ какомъ оно существуетъ въ Индіи у реддіевъ. Такъ, въ архивѣ томскаго монастыря хранится дѣло, изъ котораго видно, что въ 1735 г. по улицамъ Ачинска ходила, вмѣстѣ съ своими знакомыми, подгулявшая сватья ачинскаго попа Никифора «и сказывала на него, попа, духовное дѣло. А невѣстка его, попова, сказывала, что-де онъ попъ, взялъ ее, Пелагею, въ замужество за сына своего, малолѣтняго сына и растлилъ дѣвство ея и прижилъ съ нею младенца». Г. Серафимовичъ, у котораго я заимствую это свѣдѣ-

ніе, продолжаетъ: «Подобное пользованіе женами своихъ малолѣтнихъ сыновей было весьма распространено въ Сибири, и такіе браки взрослыхъ дѣвицъ съ малолѣтними не разъ запрещались указами. Эти браки поставляли въ самое невыгодное положеніе малолѣтнихъ мужей. Мужъ выросталъ, и, въ то время, когда у него являлась потребность быть мужемъ, его жена оказывалась старухой. Оставалось одно—или заводить вторую жену на сторонѣ или сойтись съ чужой женой. Впрочемъ, если у мужа доставало энергіи и были деньги, то онъ могъ добиться и развода у духовнаго начальства. Такъ, въ 1749 году, одинъ енисейскій крестьянинъ жаловался, что отецъ женилъ его, семилѣтняго, на сороколѣтней дѣвкѣ, что теперь ей уже 60 лѣтъ и она положительно неспособна быть женой. Крестьянинъ просилъ развода и получилъ его» (Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири. «Отечественныя Записки» 1867, № 10). Степень распространенности снохачества въ настоящее время лучше всего характеризуется слѣдующимъ любопытнымъ случаемъ. Въ Воронежской Губерніи одно сельское общество купило для церкви колоколъ, который, несмотря на всѣ усилія собравшихся крестьянъ, не поднимался на колокольню. Дьячекъ, полагая, что колоколъ не идетъ оттого, что между прихожанами много грѣшниковъ, предложилъ выдти изъ толпы снохачамъ: отступила почти половина собравшихся крестьянъ (Кузнецовъ. Историко-статистическій очеркъ проституціи и сифилиса въ Москвѣ. Архивъ судебной медицины, 1870, № 4). Живучесть снохачества объясняется, вѣроятно, тѣмъ же процессомъ сосредоточенія коллективныхъ правъ всѣхъ мужскихъ членовъ семьи въ рукахъ главы—отца.

Не удаляясь отъ русской жизни, мы можемъ намѣтить еще одинъ разрядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о трудностяхъ, которыя должна была преодолѣть семья, чтобы вылупиться изъ неопредѣленной первобытной общественной индивидуальности. Замолкли веселые праздники Купалы и Ярилы или, по крайней мѣрѣ, утратили свой древній элементъ полнѣйшей свободы половыхъ отношеній. Но и сами они были только остатками еще болѣе глубокой древности, когда свобода половыхъ отношеній, отличаясь чисто животною откровенностью, имѣла, такъ сказать, хроническій, а не острый характеръ, т. е. когда она имѣла мѣсто не въ торжественные или праздничные дни, а составляла будничное, заурядное явленіе. Процессъ выдѣленія семьи, сопровождаемый образованіемъ религіозныхъ и поэтическихъ представленій, сконцентрировалъ это заурядное явленіе, пріурочивъ его къ опредѣленной торжественной или веселой обстановкѣ.

Предразсудокъ есть обломокъ древней правды, какъ превосходно сказалъ, кажется, Баратынскій. Сѣдая древность оставляетъ по себѣ болѣе или менѣе широкіе прожилки, оберегаемые религіей или обычаемъ, безсознательно окружаемые ореоломъ почтенія и величія. Христіанство сильно боролось съ древнимъ гетеризмомъ, но явственные слѣды его остаются въ русской жизни и по сю пору. Уже древнѣйшія лѣтописи съ негодованіемъ отмѣчаютъ, что радимичи, вятичи и сѣверяне «браци не возлюбиша; но *игрища* межи селъ и ту слѣтахуся рищюще на плясаніа, и отъ плясаніа познаваху которая жена или дѣвица до младыхъ похотеніе имать, и отъ очнаго воззрѣнія и отъ обнаженія мышца и отъ пръстъ ручныхъ показаніа и отъ пръстней доралаганіа на пръстъ чужая, тожъ потомъ целованіа съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ разжегшися слегахуся, иныхъ поимающа, а другыхъ, поругавше, метаху на насмѣяніе до смерти». (Переяславская лѣтопись). Эти неистовыя игрища, такъ далекія отъ зауряднаго спокойствія любовныхъ сношеній какихъ нибудь дикихъ массагетовъ или назамоновъ, сами были уже «обломкомъ древней правды», на что̀ указываетъ ихъ острый характеръ. Такія неистовства могли, конечно, совершаться только періодически, въ дни, назначенные религіей и обычаемъ, какъ откликъ старины. Съ теченіемъ времени, обломокъ древней правды все больше обтирался, такъ сказать, историческимъ треніемъ, таялъ какъ таетъ комъ снѣгу, все уменьшаясь въ объемѣ. Въ XIII вѣкѣ, митрополитъ Кириллъ писалъ: «Мы слышали, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и скверну творятъ въ ночь святого воскресенія». Въ XVI вѣкѣ, Стоглавъ отмѣчаетъ, что подобныя игрища происходятъ въ Ивановъ день и наканунѣ Рождества и Богоявленія, и такъ описываетъ это времяпровожденіе: «Сходятся народы, мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и плясаніе и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвкамъ растлѣніе. И егда нощь мимо идетъ, къ рѣцѣ тогда отходятъ крѣщіи и съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, омываются водою» (Стоглавъ, гл. 41, вопр. 24). И много подобныхъ громовъ металъ христіанскій аскетическій идеалъ противъ языческаго веселья, сильнаго своей связью съ стародавнимъ обычнымъ правомъ. Но и до нынѣ, напримѣръ, въ Нижегородской Губерніи, по словамъ мѣстныхъ этнографовъ, «сходятся на красную горку женихи и невѣсты, нарядясь какъ можно лучше; при этомъ бываютъ и умыканія. Купальныя ночи (*купальни*) начинаются съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжаются до осени во всѣ празд-

ники. Отъ этихъ ночей сначала завязывается *лада*, потомъ сватовство» (Е. Якушкинъ, l. c., VI). Въ малороссійскихъ губерніяхъ на «вечерницахъ» веселье въ складчину продолжается до полуночи, а потомъ парубки и дѣвушки тутъ же въ хатѣ ложатся спать попарно. Родственники дѣвушекъ противъ этого ничего не имѣютъ, пока дѣвушка не забеременѣетъ (Кузнецовъ). Въ Уссурійскомъ Краѣ «на зимнихъ вечернихъ сходбищахъ или такъ называемыхъ «вечоркахъ» постоянно разыгрываются такія сцены, о которыхъ даже и неудобно говорить въ печати» (Пржевальскій. Путешествіе въ Уссурійскій Край, 30). «Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пинежскаго Уѣзда (Арханг. Губ.) допускается полная свобода половыхъ сношеній. Сношенія эти не считаются тамъ предосудительными; напротивъ того, дѣвушка, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна бываетъ выслушивать горькіе упреки отъ своей матери» (Е. Якушкинъ, VII). Въ извѣстныхъ «Путевыхъ письмахъ изъ Новгородской Губерніи» покойнаго П. И. Якушкина также говорится о «посидкахъ», послѣ которыхъ «всякъ дружень схватитъ друженицу, да и пойдетъ куда нужно» (Русская Бесѣда, 1859, № 4). И проч. и проч. Всѣ эти отклики первобытныхъ половыхъ отношеній слабѣютъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Такъ, г. Якушкинъ приводитъ рѣшеніе воржскаго волостнаго суда (Ярославской Губ., Ростовск. Уѣзда), изъ котораго видно, что въ 1868 году, «по общему согласію запрещено сходиться *бесѣдамъ* собственно отъ соблазновъ и непріятностей, и всѣмъ домохозяевамъ пускать въ свои дома сходбища запрещено». Такъ постепенно таетъ древнее право всякаго мужчины на всякую женщину. Причины этого процесса сводятся, во первыхъ, къ образованію семейной индивидуальности, которая развивается и крѣпнетъ въ борьбѣ съ индивидуальностью племенной; а, вовторыхъ, къ вліянію враждебнаго древнему праву христіанства и, въ частности, православія, легшаго въ основаніе воззрѣній государственной власти на супружескія отношенія. Но иногда семья лишается этой религіозной поддержки и религія, напротивъ, покровительствуетъ древнему праву. Въ такомъ случаѣ слагается то, что̀ принято называть религіозной проституціей. Какъ, напримѣръ, на Балеарскихъ Островахъ брачущіеся должны были выкупать у «племени» цѣною первой ночи свое право на исключительное сожительство, такъ въ Индіи, Вавилонѣ, Арменіи, Персіи, Египтѣ, Финикіи и проч. дѣвушка передъ вступленіемъ въ бракъ должна была купить право на это проституціей въ храмѣ. Въ этихъ случаяхъ боги какъ бы олицетворяютъ собою первобытную общественную индивидуальность, являются ея представителями и

врагами нарождающейся семьи. Они только подъ условіемъ жертвы дѣвственности, терпятъ исключительный, личный бракъ. Дѣвушка обязана отдаваться въ храмѣ Милиты, Афродиты и т. д. каждому, кто потребуетъ, а плата за проституцію идетъ ей въ приданое. И это не помѣшаетъ ей найти мужа, напротивъ— чѣмъ больше ее любили, тѣмъ больше она значитъ достойна любви. Такъ разсуждали не только въ древности, такъ смотрятъ многіе народы и теперь. И замѣчательно, что вездѣ, послѣ жертвы или, собственно говоря, цѣлаго ряда жертвъ богамъ—представителямъ древнѣйшей общественной индивидуальности, женщина становится вѣрной женой или, по крайней мѣрѣ, отъ нея требуется строжайшая вѣрность мужу. Многими наблюдателями замѣчено, что въ Россіи цѣломудріе дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ находится въ обратномъ отношеніи: тамъ, гдѣ дѣвки гуляютъ въ волю, онѣ отличаются крайнею строгостью нравовъ въ замужествѣ—и наоборотъ. Это—не случайное явленіе, это— результаты борьбы двухъ ступеней общественной индивидуальности. Впослѣдствіи мы нѣсколько ближе посмотримъ на одинъ крупный историческій фактъ этого рода, на положеніе женщины, въ Аѳинахъ, гдѣ гетеры, представительницы древняго права свободы половыхъ отношеній, пользовались несравненно бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ законныя жены. Въ Египтѣ незаконныя дѣти, плодъ свободной любви, ставились иногда выше законныхъ (Бахофенъ, 125). Будда воздалъ величайшій почетъ главѣ куртизанокъ города Везали (Лёббокъ, 94). Въ нѣкоторыхъ частяхъ Западной Африки негры съ уваженіемъ смотрятъ на публичныхъ женщинъ (тамъ же). Истинный смыслъ этихъ странныхъ для насъ явленій лучше всего раскрывается слѣдующимъ разсказамъ Карвера, приводимымъ Лёббокомъ. Во время пребыванія своего у одного сѣверо-американскаго племени, Карверъ замѣтилъ, что всѣ съ необыкновеннымъ почтеніемъ относятся къ одной женщинѣ. Оказалось, что «однажды она пригласила сорокъ главнѣйшихъ воиновъ въ свой шатеръ, приготовила для нихъ пиръ и относилась къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ, какъ бы они были ея мужьями. При дальнѣйшихъ разспросахъ Карверу было сообщено, что это—древній обычай, уже пришедшій въ забвеніе, и что едва въ цѣломъ поколѣніи найдется одна женщина, достаточно смѣлая, чтобъ устроить такой пиръ, несмотря на то, что полный успѣхъ обѣщаетъ ей самаго завиднаго мужа».

Читатель понимаетъ, конечно, что я далекъ отъ мысли представить что-нибудь похожее на полную исторію семьи. Моя цѣль совсѣмъ иная. Всѣ вышеупомянутые факты приведены, вопер-

выхъ, для того, чтобы утвердить отсутствіе семьи, какъ исходную точку супружескихъ и родительскихъ отношеній, и, вовторыхъ, чтобы показать общій процессъ выдѣленія семьи изъ «племени», если это слово здѣсь умѣстно, процессъ борьбы этихъ двухъ ступеней общественной индивидуальности. Многія изъ относящихся сюда явленій ниже опять привлекутъ наше вниманіе. Будутъ указаны и другія, изъ которыхъ я долженъ теперь же упомянуть нѣкоторыя. Мы увидимъ впослѣдствіи, что первобытная женщина занимала въ обществѣ совсѣмъ не такое мѣсто, какое она занимаетъ нынѣ у цивилизованныхъ народовъ и дикарей. Она не была ни явной, ни замаскированной рабой она была, по малой мѣрѣ, равна мужчинѣ. Эту черту, разъясненіе которой я принужденъ до поры до времени отложить въ сторону, читатель долженъ постараться ввести въ неясную картину отдаленнаго отъ насъ на тысячи лѣтъ человѣческаго быта.

Историки, соціологи, публицисты и т. д., занмавшіеся изученіемъ семейныхъ отношеній, брака, «женскаго вопроса» и т. д., брали обыкновенно подъ свое покровительство ту или другую форму брака, т. е. ту или другую ступень *общественной* индивидуальности, и приглашали читателей торжествовать ея побѣду, видѣли въ приближеніи къ ней прогрессъ, а въ удаленіи отъ нея—регрессъ. Мы поступимъ иначе. Мы опредѣлимъ прежде всего отношеніе различныхъ формъ супружескихъ и родительскихъ связей къ индивидуальности человѣческой; насъ будутъ занимать *ея* побѣды и пораженія. Оставляя пока въ сторонѣ связь родителей съ дѣтьми, посмотримъ, что̀ связывало и связываетъ мужчину и женщину. Конечно, любовь. Но многимъ кажется неудобнымъ давать это названіе связи первобытныхъ людей. Лёббокъ приводитъ увѣренія многихъ путешественниковъ, что дикари любви собственно не знаютъ и не чувствуютъ. Онъ и самъ утверждаетъ, что «низшія расы не имѣютъ брачныхъ установленій; истинная любовь почти неизвѣстна имъ, и бракъ, въ низшихъ фазахъ своего развитія, вовсе не является дѣломъ привязанности и взаимнаго влеченія». Это—разсужденіе типическое. Не одинъ Лёббокъ отказывается понимать любовь независимо отъ «брачныхъ установленій», которыя, какъ показываетъ ежедневный опытъ, въ дѣйствительности, далеко не всегда завершаютъ «привязанность и взаимное влеченіе». Что супружескія отношенія дикарей не имѣютъ того напряженно, исключительно личнаго характера, которымъ отличается любовь въ цивилизованныхъ обществахъ, это, конечно, вѣрно. Но отрицать у дикарей взаимное влеченіе очень мудрено. Какъ видно изъ словъ цитируемыхъ Лёббокомъ путешественниковъ, ихъ смущаетъ

варварское обращеніе дикарей съ женами. Но этотъ фактъ только ставитъ передъ изслѣдователемъ новую задачу и задачу очень любопытную. По словамъ г. Н. Львова, у дагестанскихъ горцевъ «мужчина смотритъ на женщину, какъ на рабочій скотъ»; «доволенъ ли мужъ своей женой или нѣтъ, послѣдняя, всетаки, играетъ роль служанки, дѣйствующей по волѣ своего господина»; «женскій полъ долженъ довольствоваться остатками отъ стола откушавшихъ уже гостей»; «ласки горцевъ къ женамъ своимъ выражаются ударами; вмѣсто нѣжныхъ словъ; они дарятъ своихъ женъ кличкою и бранью въ родѣ: больхонъ—свинья, гяуръ—невѣрный, чурукай—гадкая, наджасъ — поганая и т. п.; горянки такъ привыкли къ подобнымъ нѣжностямъ, что едва ли имъ понравились бы ласки европейскія. Взамѣнъ грубыхъ ласкъ мужчинъ, женщины отвѣчаютъ имъ самыми нѣжными именами, въ родѣ: свѣтъ очей моихъ, лекарство изъ лекарствъ, да останешься ты живъ для меня, да продлится твой вѣкъ и т. п.» Кажется, далеко ли это отъ варварскаго обращенія съ женщинами какихъ-нибудь готентотовъ или кафровъ, которымъ путешественники отказываютъ въ любви? А, между тѣмъ, «любовь у горцевъ считается священнымъ чувствомъ; они говорятъ, что гдѣ-то въ книгѣ написано, что, если мусульманинъ умретъ отъ чистой любви къ женщинѣ, то наслѣдуетъ царство небесное». («Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени», въ III-мъ выпускѣ «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ»). А извѣстные разсказы о русскихъ женщинахъ и соотвѣтственная имъ пословица «кого люблю, того и бью»? Ясно, что выкидывать взаимное влеченіе изъ супружескихъ отношеній грубыхъ варваровъ, тиранящихъ своихъ женъ, нельзя. Нужно, напротивъ, разрѣшить вопросъ, какъ можетъ это варварство уживаться съ любовью?

Что же такое любовь?

Ihr, Weisen, hoch und tief gelahrt,
Die ihr's ersinnt und wisst,
Wie, wo und wann sich Alles paart?
Warum sich's liebt und küsst?
Ihr, hohen Weisen, sagt mir's an!
Ergrübelt was mir da,
Ergrübelt mir wo, wie und wann,
Warum mir so geschah?

Ergrübeln пытались многіе, слишкомъ многіе. Но изъ всей колоссальной массы отвѣтовъ на этотъ вопросъ можно выбрать только очень мало дѣйствительно цѣннаго. Прототипомъ огромнаго большинства отвѣтовъ можетъ служить рѣшеніе Виктора Гюго: l'amour c'est être deux et n'être qu'un; un homme et une femme qui se fondent en un ange, c'est le ciel. Это до такой

степени скудно и безсмысленно, что даже непереводимо. Мнѣ извѣстна только одна теорія любви, заслуживающая вниманія— теорія Шоппенгауера-Гартмана, т. е. собственно Шоппенгауера, потому что Гартманъ только обокралъ своего мрачнаго философскаго отца, обокралъ и съ выгодой пустилъ наворованное въ оборотъ.

Вотъ какъ разсуждаетъ Шоппенгауеръ (см. Die Welt als Wille und Vorstellung, B. II, Metaphysik der Geschlechtsliebe).

Всякая любовь, со всѣми ея треволненіями и то трагическими, то комическими, то идиллическими аксессуарами, есть только строго опредѣленное, спеціализированное, къ извѣстному индивиду направленное половое стремленіе. «Вся исторія въ томъ, что каждый Гансъ ищетъ своей Гретхенъ» (при этомъ, Шоппенгауеръ замѣчаетъ, что онъ не можетъ выразиться такъ ясно, какъ это сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Аристофанъ). Но почему же такая мелочь, такое ничтожество играетъ въ жизни такую важную роль? Почему любовь такъ властно вторгается въ жизнь и глубокомысленнаго ученаго, и государственнаго человѣка, занятаго дѣлами высокой важности; почему изъ-за такой мелочи люди готовы жертвовать и жизнью, и имуществомъ, и честью? Дѣло въ томъ, что это—вовсе не мелочь. Конечная цѣль всѣхъ любовныхъ шашней вполнѣ соотвѣтствуетъ тому жару и той беззавѣтности, которыя въ нихъ вкладываются. Она важнѣе всѣхъ другихъ цѣлей человѣческой жизни, потому что ею обусловливается ни больше, ни меньше, какъ образованіе новаго поколѣнія. Судьба тѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы человѣческаго бытія, которыя выступятъ на сцену, когда мы сойдемъ съ нея, вполнѣ опредѣляется, и по существу, и по своимъ особенностямъ, нашими любовными дѣлами. Только этою внутреннею и несознаваемою ихъ важностью можно объяснить то обстоятельство, что поэты всѣхъ временъ и народовъ неустанно черпали изъ любви свои сюжеты и, всетаки, не исчерпали ея. Возрастающая склонность двухъ любящихъ сердецъ есть уже, собственно говоря, жизненная воля новаго индивида, котораго они могутъ и хотятъ произвести; въ ихъ страстныхъ взглядахъ уже загорается новая жизнь, имѣющая сложиться въ новую гармоническую индивидуальность. Они стремятся слиться въ одно существо и достигаютъ этого въ лицѣ ребенка, который наслѣдуетъ качества и отца, и матери. Наоборотъ: взаимное и рѣшительное отвращеніе мужчины и женщины показываетъ, что новый индивидъ, котораго они могли бы вызвать къ жизни, былъ бы существомъ, дурно организованнымъ, негармоническимъ, несчастнымъ. Какъ только мужчина и женщина полюбили другъ друга, такъ возникаетъ

уже зародышъ будущаго человѣка въ видѣ Платоновской идеи. Какъ и всѣ идеи, она съ страшною силою стремится выразиться въ явленіи, воплотиться, реализироваться, и эта-то мощь и стремительность и составляетъ взаимную страсть двухъ будущихъ родителей. Дѣло въ томъ, что эгоизмъ есть такое глубокое и коренное свойство всякаго индивида, что только эгоистическими цѣлями и можно навѣрное подѣйствовать на него возбудительнымъ образомъ. Поэтому для достиженія своихъ цѣлей природа внушаетъ индивиду извѣстную иллюзію, благодаря которой нѣчто, составляющее благо вида или рода, представляется ему его личнымъ благомъ. Эта иллюзія есть инстинктъ. Такимъ именно характеромъ иллюзіи, самообмана, отличается и любовь. Человѣкъ думаетъ, что, стремясь соединиться съ извѣстной, опредѣленной особой другого пола, и только именно съ ней одной, онъ дѣйствуетъ исключительно въ видахъ своего личнаго наслажденія. Между тѣмъ, во всѣхъ своихъ скорбяхъ и радостяхъ любви онъ—только игралище верховной воли природы, того генія рода или вида, который одинъ пожинаетъ плоды страсти. Наслажденіе полового акта, само по себѣ, не увеличивается и не уменьшается, напримѣръ, красотой или безобразіемъ супруговъ. Однако, стремясь къ этой цѣли, повидимому, вполнѣ личной, человѣкъ терзаетъ свою личность на всѣ лады, топчетъ свой разумъ, честь, наконецъ, прямо лишаетъ себя жизни. Это—потому, что природа обманнымъ образомъ вдохнула въ него страсть именно къ такому-то лицу; для ея и только для ея цѣлей нужно было связать такого-то съ такой-то, а сами они, удовлетворивъ своей страсти, съ разочарованіемъ видятъ, что любовь, въ концѣ концовъ, дала имъ только то наслажденіе, которое можетъ быть получено безъ всякой борьбы, безъ долгихъ и часто мучительныхъ стараній связать свою жизнь именно съ такимъ-то мужчиной или съ такой-то женщиной. Цѣли, преслѣдуемыя при этомъ природой и ради которыхъ она обманываетъ людей и часто губитъ ихъ, какъ индивидовъ, суть, вопервыхъ, размноженіе человѣческаго рода, вовторыхъ, поддержаніе его типа въ возможно чистомъ видѣ, словомъ—количественное и качественное сохраненіе человѣческаго рода. Она мучитъ и счастливитъ индивидовъ для общаго блага, для блага всего человѣчества въ нескончаемой цѣпи его поколѣній. Цѣль индивидовъ — ихъ личное наслажденіе, которое они или не получаютъ или оплачиваютъ слишкомъ дорого. Цѣль природы—новое, многочисленное и типическое, гармонически развитое поколѣніе. И вотъ какъ дѣйствуетъ природа. Прежде всего надо замѣтить, что мужчина склоненъ къ непостоянству въ любви, женщина—наоборотъ. Лю-

бовь мужчины убываетъ, а любовь женщины прибываетъ послѣ удовлетворенія страсти. Это очень мудро со стороны природы. Мужчина можетъ произвести больше ста дѣтей въ годъ; женщина—только одного ребенка. Мужчина и стремится исполнить свою оплодотворяющую функцію, а женщина, напротивъ, инстинктивно, т. е. по тайному внушенію природы, держится одного мужчины, какъ охранителя и кормильца будущаго ребенка. Такимъ образомъ гарантируется размноженіе и сохраненіе потомства. Но природа пускаетъ въ ходъ и гораздо болѣе сложныя и тонкія средства. Они могутъ быть раздѣлены на абсолютныя, одинаково на всѣхъ дѣйствующія, и относительныя, вліяніе которыхъ индивидуально. Мы замѣчаемъ, что, несмотря на безразличіе собственно половаго наслажденія, любовь вызывается почти исключительно людьми извѣстнаго возраста, именно въ предѣлахъ способности дѣторожденія. Женщина, съ окончаніемъ менструацій, любви не вызываетъ. Ясно, что руководящій при этомъ нами инстинктъ направленъ исключительно на созданіе новаго поколѣнія. За извѣстнымъ возрастомъ слѣдуетъ, какъ мотивъ выбора, здоровье: острыя болѣзни мѣшаютъ любви только временно, хроническія же положительно отталкиваютъ насъ, потому что они передаются дѣтямъ, хотя, опять таки, мы не сознаёмъ и не принимаемъ въ соображеніе этого невыгоднаго для потомства результата. Далѣе на насъ вліяютъ отталкивающимъ образомъ несоразмѣрный ростъ, уродство въ строеніи скелета. Маленькія ноги важны, какъ одна изъ характеристичнѣйшихъ особенностей человѣческаго типа. Зубы играютъ роль въ безсознательномъ выборѣ предмета любви потому, что важны для пищеваренія и еще потому, что качества ихъ унаслѣдываются съ особеннымъ постоянствомъ. Извѣстная полнота въ женщинѣ привлекаетъ насъ той гарантіей, которую она представляетъ для обильнаго питанія зародыша. Наконецъ, важное значеніе имѣетъ красота лица, при чемъ особенно выдается привлекательность правильнаго носа и небольшаго подбородка: и то, и другое характерно для человѣческаго типа. Прекрасные глаза и красивый лобъ связаны съ психическими и преимущественно интеллектуальными качествами, которыя наслѣдуются главнымъ образомъ отъ матери. (Шопенгауеръ убѣжденъ, что дѣти наслѣдуютъ волю и характеръ, а также физическее строеніе, отъ отца, а интеллектуальныя качества и физическій ростъ отъ матери. Соображеніе это играетъ видную роль въ его очеркѣ мужскихъ качествъ, привлекательныхъ для женщинъ; этого очерка я касаться не буду, потому что и предъидущаго достаточно для уясненія точки зрѣнія нѣмецкаго философа). Таковы

абсолютные, т. е. на всѣхъ распространяющіеся мотивы выбора предмета любви. Само собою разумѣется, что тутъ дѣло идетъ именно только о страстной любви. Выборъ разсудочный можетъ руководиться самыми разнообразными побужденіями и совершенно противорѣчить всѣмъ цѣлямъ природы. Мотивы относительные всѣ сводятся, въ сущности, къ стремленію природы исправить уклоненія отъ видоваго типа или недостатка одного изъ влюбленныхъ противуположными качествами другого, и такимъ образомъ, создать въ лицѣ новаго поколѣнія нѣчто уравновѣшенное, гармоническое, нормальное. Поэтому-то, между прочимъ, совершенно правильная красота рѣдко возбуждаетъ страстную любовь. Для страсти нужно нѣчто такое, что̀ можетъ быть выражено только химической метафорой: влюбленные должны другъ друга нейтрализировать, какъ кислоты и щелочи нейтрализуются въ соляхъ. Мужской и женскій полъ суть односторонности. Въ одномъ индивидѣ эта односторонность выражена рѣзче, въ другихъ слабѣе; поэтому каждый индивидъ всего удобнѣе восполняется и нейтрализуется *извѣстною* степенью мужественности или женственности, и эти-то степени и ищетъ человѣкъ въ представителѣ другого пола; ищетъ совершенно безсознательно, инстинктивно, въ интересахъ природы, которая имѣетъ въ виду восполненіе человѣческаго типа въ ребенкѣ. Наиболѣе мужественный мужчина всегда ищетъ наиболѣе женственной женщины и наоборотъ. Влюбленные совершенно напрасно толкуютъ о «гармоніи ихъ душъ». Гармонія эта можетъ оказаться жесточайшимъ диссонансомъ тотчасъ послѣ свадьбы, т. е. тотчасъ по достиженіи цѣли природы, которая состоитъ въ зачатіи ребенка, приближающагося къ нормальному человѣческому типу. Природа жестоко надуваетъ влюбленныхъ, заставляя ихъ думать, что они созданы другъ для друга, тогда какъ все дѣло въ нейтрализаціи ихъ односторонностей не въ нихъ самихъ, а въ будущемъ поколѣніи. Съ этою только цѣлью природа сводитъ слабаго въ мускульномъ отношеніи мужчину съ сильной женщиной и, наоборотъ, маленькаго мужчину съ высокой женщиной и, наоборотъ, блондиновъ съ брюнетками, тупоносыхъ съ длинноносыми и горбоносыми, стройныхъ и худыхъ съ толстыми и т. п. Очень совершенный въ какомъ нибудь отношеніи человѣкъ, хотя, можетъ быть, и не придастъ высокой цѣны соотвѣтственному несовершенству, но, по крайней мѣрѣ, легче другихъ примирится съ нимъ, и это единственно потому, что въ немъ самомъ лежитъ уже гарантія противъ несовершенства дѣтей на этомъ пунктѣ. Благо самихъ брачущихся, самихъ влюбленныхъ и вообще отдѣльныхъ индивидовъ тутъ не при чемъ. Въ страшномъ

видоворотѣ любви безраздѣльно царитъ геній вида. Не влюбленный горюетъ о своей возлюбленной или о невозможности съ ней соединиться—то вопль генія вида, которому стоятъ поперегъ дороги препятствія. Но большинство этихъ препятствій онъ ломитъ. Какъ говоритъ Шамфоръ:—quand un homme et une femme ont l'un pour l'autre une passion violente, il me semble toujours que, quel que soient les obstacles qui les séparent, un mari, des parents etc., les deux amans sont l'un à l'autre, de par la Nature, qu'ils s'appartiennent de droit divin, malgré les lois et les conventions humaines. Большая часть «Декамерона» Боккаччіо есть не что̀ иное, какъ гнѣвъ и насмѣшка генія вида надъ попираемыми имъ правами и интересами отдѣльныхъ индивидовъ. Ребенокъ, ради котораго единственно происходитъ вся исторія любви, тоже, только индивидъ. Онъ выростетъ и точно также будетъ, инстинктивно повинуясь волѣ генія вида, искать счастія въ любви и тоже его не найдетъ. Онъ принужденъ будетъ бороться съ тысячами препятствій, будетъ весь израненъ, потеряетъ, можетъ быть, и честь и совѣсть и растопчетъ даже, можетъ быть, наконецъ свою собственную индивидуальность. Извѣстны случаи, что люди, питая другъ къ другу пламенную страсть, вмѣстѣ съ тѣмъ, презираютъ предметъ любви, даже ненавидятъ его внѣ половаго акта. А когда страсть удовлетворена—любви конецъ, потому что ея метафизическая цѣль достигнута; затѣмъ наступаютъ уже другія чувства, можетъ быть, и высокія, и пріятныя, но это—уже не любовь, а дружба, привычка, уваженіе, чувство общности жизненныхъ задачъ и т. д. Если бы страсть Петрарки была удовлетворена, мы бы не имѣли его пѣсенъ, потому что и птица перестаетъ пѣть, когда яйца положены. Браки по любви, заключаемые въ интересахъ вида (опять-таки, конечно, безсознательно), бываютъ бо̀льшею частью несчастны, потому что, разъ исчезаетъ иллюзія, наступаетъ разочарованіе и скорбь объ отсутствіи гармоніи душъ. Совсѣмъ иное съ браками по разсчету, въ которыхъ иллюзія не участвуетъ. Но если такіе браки и бываютъ счастливы, то счастіе это дается не любовью.

Такова теорія Шоппенгауера, которой нельзя отказать ни въ глубинѣ, ни въ послѣдовательности. Гартманъ, какъ уже сказано, только повторилъ ее и тѣмъ самымъ, относительно говоря, сдѣлалъ шагъ назадъ (что̀, впрочемъ, относится не къ одной теоріи любви). Со времени Шоппенгауера утекло воды совершенно достаточно для того, чтобы человѣкъ, видящій въ философіи, какъ Гартманъ, «умозрительные результаты индуктивнаго естественно-научнаго метода», нѣсколько поохладѣлъ къ идеѣ цѣле-

сообразности явленій природы. Между тѣмъ, какъ извѣстно, цѣли природы составляютъ фундаментъ всей пресловутой философіи Безсознательнаго. Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ предметѣ, но я долженъ упомянуть о возможности совершенно иного, дистелеологическаго, какъ сказалъ бы Геккель, объясненія явленій половаго инстинкта и любви. Трудно найти область явленій, въ которыхъ таинственная мощь инстинкта заявляла бы себя такъ ярко и, въ то же время, такъ трудно объяснимо. Откуда берется и чѣмъ обусловливается это весеннее ликованіе природы, когда цвѣты блистаютъ своими разукрашенными половыми органами и птицы запѣваютъ свои пѣсни любви? Какъ объяснить, что даже многія рыбы, существа, вошедшія въ поговорку своей холодностью и нѣмотою, въ пору размноженія, пріобрѣтаютъ яркую окраску и даже способность издавать звуки? Какъ объяснить инстинктъ самца, безошибочно узнающаго икру своего вида и оплодотворяющаго ее? Какъ объяснить, наконецъ, ту нескончаемую поэму любви, которою полна исторія человѣчества? Во всемъ этомъ и въ другихъ безчисленныхъ проявленіяхъ половаго инстинкта столько поразительнаго, что гдѣ же и искать цѣлей природы, какъ не здѣсь, въ этомъ архитаинственномъ мірѣ, гдѣ все такъ дивно прилажено и соображено! Не даромъ народъ видитъ въ любви чары, волшебство и для объясненія ея симптомовъ придумалъ разныя приворотныя зелья, напускающія сухоту на добрыхъ молодцовъ и красныхъ дѣвицъ. Людямъ ученымъ естественно было приплести сюда цѣли природы. И дѣйствительно, извѣстное разсужденіе Вольтера о часахъ и часовщикѣ наичаще примѣнялось и примѣняется къ области половаго инстинкта и любви. Но бѣда въ томъ, что всякій, разсуждающій о цѣляхъ природы, рисуетъ эту природу съ самого себя и своей собственной личности и подсовываетъ ей тѣ цѣли, которыя онъ самъ считаетъ достойными достиженія. Я не буду говорить о томъ, какъ явно проходитъ эта тенденція сквозь всю исторію метафизики, и замѣчу только, что уже очень давно родилась, хотя и не получила должнаго развитія, мысль, вполнѣ объясняющая видимую цѣлесообразность явленій природы, не прибѣгая къ гипотезѣ цѣлей природы. Еще Эмпедоклъ доказывалъ, что поразительная законченость многихъ явленій, ставящая насъ въ тупикъ, есть просто дѣло случая, а не результатъ воли обдумывающей, соображающей, вообще, мыслящей природы. При этомъ, подъ случаемъ только и слѣдуетъ разумѣть независимость отъ чьей бы то ни было цѣлесообразной дѣятельности, а не отъ закона причинности. Дѣло въ томъ, что могли возникать тысячи, милліоны формъ, устроенныхъ вовсе не цѣле-

сообразно, но, именно вслѣдствіе этой нецѣлесообразности, они не могли продержаться на аренѣ жизни и должны были гибнуть. Слѣдовательно, какъ бы слѣпо ни творила природа, но, въ концѣ концовъ, существуютъ и подлежатъ нашему изученію только тѣ, сравнительно, очень рѣдкія ея созданія, которыя приложены къ цѣлямъ существованія. И въ этомъ весь секретъ цѣлесообразности. «Если бы кто-нибудь, говоритъ Ланге: — чтобы убить зайца, выпустилъ милліоны выстрѣловъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; если бы онъ, чтобы попасть въ запертую комнату, купилъ десять тысячъ разныхъ ключей и перепробовалъ ихъ всѣ; если бы онъ, чтобы имѣть домъ, выстроилъ цѣлый городъ и затѣмъ всѣ лишніе дома предоставилъ на волю вѣтровъ и непогоды — то никто не назвалъ бы его дѣйствія цѣлесообразными; еще менѣе можно бы было увидѣть въ нихъ какую-нибудь высшую мудрость». (Geschichte des Materialismus, B. II, 246). Между тѣмъ, такъ именно дѣйствуетъ природа, порождая милліоны жизней, изъ которыхъ лишь немногимъ, лишь въ видѣ исключенія, суждено дѣйствительно жить, а все остальное погибаетъ отчасти еще въ состояніи зародышей или яицъ, отчасти едва достигнувъ зрѣлаго возраста. Это разсужденіе, лежащее въ основѣ всей теоріи Дарвина, приложимо и къ частностямъ органической жизни, и къ явленіямъ половаго инстинкта. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы видимъ только способные къ размноженію организмы, потому что никакіе другіе не могли бы, вѣдь, и существовать. Природа дѣлала, можетъ быть, милліоны пробъ, извергая изъ своей творческой утробы, напримѣръ, рыбъ, не умѣющихъ распозвавать икру своего вида, но всѣ эти пробы необходимо должны были потерпѣть фіаско—«не расцвѣсть и отцвѣсть». Такъ что та степень цѣлесообразности, которую мы видимъ вокругъ насъ, отнюдь не должна удивлять насъ. Вотъ еслибы ея не было, это было бы дѣйствительно удивительно и совершенно необъяснимо съ точки зрѣнія научныхъ понятій о природѣ. Теперь же, намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ гипотезѣ мыслящей природы—гипотезѣ, вызвавшей вопросъ Дюбуа-Рэмона: гдѣ же мозгъ или вообще органъ мысли природы? Возьмите исторію любаго многочисленнаго семейства. Въ немъ случались, вѣроятно, и выкидыши, и преждевременныя рожденія, можетъ быть, и двойни, и уроды; матери рожали и красивыхъ, и некрасивыхъ, и умныхъ, и глупыхъ, и живучихъ и неживучихъ дѣтей; рожали онѣ, разумѣется, не задаваясь цѣлями произвести на свѣтъ именно такое-то потомство, хотя, конечно, желали имѣть дѣтей умныхъ, здоровыхъ и т. д. Такъ и всеобщая мать—природа. Но надо еще прибавить,

что эта всеобщая мать творитъ безстрастно и хоронитъ безъ слезъ свои дѣтища. Вѣчно бьетъ изъ ея утробы родникъ жизни, вѣчно созидаетъ она новыя и разнообразныя формы, но лишь очень немногія, исключительно немногія, лишь тѣ, которыя случайно (въ вышеупомянутомъ смыслѣ случайно) носятъ въ себѣ залогъ возможности существованія, лишь онѣ не затираются новыми потоками жизни и живутъ, и плодятся, и множатся. Понятно, какъ просто объясняется съ этой точки зрѣнія та страшная мощь половаго инстинкта, которую Шопенгауеръ и Гартманъ ставятъ на счетъ, будто бы, очень хитрой и постоянно насъ надувающей природы или «Генія вида» или «Безсознательнаго».

Однако, это только до тѣхъ поръ просто, пока мы разсматриваемъ явленія половаго инстинкта въ общихъ чертахъ, пока мы не выходимъ изъ предѣловъ тѣхъ понятій о происхожденіи и укрѣпленіи инстинкта *вообще*, которыя Дарвинъ представилъ еще въ первомъ своемъ знаменитомъ сочиненіи. Но собственно половымъ инстинктомъ и самъ Дарвинъ и всѣ дарвинисты занимались весьма мало, хотя Дарвинъ и вынужденъ былъ выдѣлить «половой подборъ», какъ самостоятельный факторъ органическаго прогресса. Несмотря на это выдѣленіе, на первый взглядъ такъ много обѣщающее для интересующихъ насъ здѣсь вопросовъ, половой подборъ объясняетъ вѣдь только возникновеніе и развитіе такъ называемыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, т. е. такихъ половыхъ отличій, которыя не состоятъ въ прямой связи съ актомъ дѣторожденія: таковы, напримѣръ, присутствіе бороды у мужчинъ и отсутствіе ея у женщинъ и т. п. Самъ половой инстинктъ остается при этомъ въ сторонѣ. Чтобы показать читателю, какъ скудны въ этомъ отношеніи воззрѣнія дарвинистовъ, я сдѣлаю довольно длинную выписку изъ послѣдняго сочиненія геніальнѣйшаго изъ нихъ—Геккеля:

«Для половаго размноженія, въ его простѣйшей формѣ, не требуется ничего, кромѣ сліянія или срощенія двухъ различныхъ клѣточекъ: женской, зародышевой, и мужской, сѣменной. Всѣ другія крайне сложныя явленія, группирующіяся около половаго акта въ высшихъ животныхъ, играютъ только подчиненную и второстепенную роль; они только впослѣдствіи примыкаютъ къ первичному простѣйшему процессу и суть результаты «дифференцированія». Но когда мы подумаемъ, какую необычайно важную роль играютъ половыя отношенія во всей органической природѣ, какимъ могучимъ мотивомъ въ разнообразнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ процессахъ является взаимная склонность, притяженіе двухъ половъ, *любовь*—то представится очень важнымъ свести эту любовь къ ея первоначальному источнику,

къ силѣ притяженія (Anziehungskraft) двухъ различныхъ клѣточекъ. Во всемъ органическомъ мірѣ эта малая причина производитъ величайшія слѣдствія. Подумайте только о роли, которую играютъ въ природѣ цвѣты, объ удивительныхъ явленіяхъ, порождаемыхъ половымъ подборомъ въ мірѣ животныхъ, наконецъ, о высокомъ значеніи любви въ жизни человѣка, и вездѣ сліяніе двухъ клѣточекъ есть первичный и единственный мотивъ; вездѣ этотъ невидный процессъ оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на развитіе самыхъ разнообразныхъ отношеній. Можно смѣло сказать, что никакой другой органическій процессъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ этимъ по обширности и напряженности дифференцирующаго дѣйствія. Древняя греческая сказка о Парисѣ и Еленѣ и множество другихъ подобныхъ исторій представляютъ только поэтическое выраженіе того неизмѣримаго вліянія, которое любовь и связанный съ нею половой подборъ имѣли на исторію дифференцированія половъ. Всѣ другія страсти, волнующія грудь человѣка, даже въ совокупности своей, далеко не такъ могучи, какъ воспламеняющая чувство и отуманивающая разумъ любовь. Съ одной стороны, мы благодарно идеализируемъ любовь, какъ источникъ возвышеннѣйшихъ созданій поэзіи, пластическихъ искусствъ и музыки; мы почитаемъ въ ней могучаго фактора человѣческой нравственности, основаніе семейной жизни, а черезъ нее и государственнаго развитія. Съ другой стороны, мы боимся въ цей всепожирающаго пламени, которое губитъ несчастныхъ и причиняетъ больше горя, порока и преступленій, чѣмъ всѣ другія бѣды человѣчества, вмѣстѣ взятыя, Любовь такъ полна чудесъ и такъ безконечно важно ея вліяніе на психическую жизнь, что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, кажется неумѣстнымъ естественное (механическое) объясненіе. И, несмотря на все это, сравнительная біологія и эмбріологія совершенно ясно и несомнѣнно сводятъ любовь къ ея древнѣйшему и простѣйшему источнику—къ *избирательному сродству* (*Wahlverwandschaft*) *двухъ различныхъ клѣточекъ: зародышевой и сѣменной*» (Anthropogenie, 656).

Ни одинъ дарвинистъ не сказалъ больше этого, а, между тѣмъ, далеко ли мы въ сущности отошли, ведомые знаменитымъ ученымъ Геккелемъ, отъ теоріи забытаго метафизика Шопенгауера? Очень недалеко и, притомъ, не совсѣмъ впередъ, не во всѣхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ. Мы ушли, конечно, впередъ, переставъ подсовывать бездушной и безумной природѣ цѣли и цѣлесообразную дѣятельность. Но это—единственный, правда, очень крупный шагъ впередъ. Чѣмъ, въ сущности, «избирательное сродство двухъ клѣточекъ» лучше безсознательнаго взаимнаго тяготѣнія

двухъ индивидовъ? Не только не лучше, а даже хуже, потому что разрѣшеніе вопроса отодвигается въ область, недоступную наблюденію. Это, конечно, отчасти зависитъ отъ самаго предмета, подлежащаго объясненію, потому что, въ концѣ концовъ, сила любви такъ же мало намъ понятна, какъ и сила тяготѣнія или химическаго сродства. Кто скажетъ, что̀ такое тяготѣніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно только прибѣгнуть къ описанію или распространенію, т. е. въ нѣсколькихъ или многихъ словахъ сказать тоже самое, что̀ заключается въ одномъ словѣ «тяготѣніе». Такъ и съ любовью. Но дѣло въ томъ, что всякая теорія должна обнимать бо̀льшій или меньшій кругъ фактовъ и, при равенствѣ другихъ условій, та теорія лучше, которая охватываетъ наибольшее число фактовъ. Очевидно, что теорія Шопенгауера, оставляя въ сторонѣ ея телеологическій характеръ, съ этой точки зрѣнія лучше теоріи Геккеля. Она больше даетъ уму, оставляетъ въ рядѣ явленій половаго инстинкта меньше пробѣловъ. Геккель не умѣетъ объяснить, съ точки зрѣнія избирательнаго сродства двухъ клѣточекъ, ни страшной силы любви, ни того несомнѣннаго факта, что любовь требуетъ извѣстной степени контраста между любящими, ни другихъ вещей, которыя Шопенгауеръ, худо ли, хорошо ли, объясняетъ. Мы не можемъ, конечно, примириться съ его объясненіемъ, потому что оно противорѣчитъ самымъ основнымъ требованіямъ научнаго мышленія. Однако и формулы Геккеля намъ маловато, потому что она тѣсна и узка. Но, можетъ быть, теорія достаточно широкая и невозможна безъ примѣси такой лигатуры, какъ цѣли природы? Къ счастію, дѣло, кажется, стоитъ не такъ безнадежно, и у самихъ дарвинистовъ можетъ быть почерпнуто нѣчто весьма пригодное для нашей цѣли.

Читатель замѣтилъ, что Геккель видитъ въ явленіяхъ половаго инстинкта и высшаго изъ нихъ, любви, результаты «дифференцированія» и затѣмъ имъ самимъ приписываетъ сильное дифференцирующее вліяніе. «Дифференцированіе» стало нынѣ моднымъ словомъ, и съ нимъ случилось тоже, что̀ обыкновенно случается съ модными словами: его употребляютъ, какъ говорится, зря, вкладывая въ него неопредѣленно одобрительный смыслъ. Когда слово «свобода» стало моднымъ, то дѣло дошло до знаменитой «свободы отъ земли» и до анекдота о «свободномъ» извощикѣ, которому мимо ходящіе хлыщи предлагаютъ кричать: «да здравствуетъ свобода». Такъ и съ дифференцированіемъ. Предполагается, что оно есть всегда или спутникъ чего-то очень хорошаго и для кого-то выгоднаго, или же составляетъ самую суть этого хорошаго. Изо всѣхъ мнѣ извѣстныхъ писа-

телей наибольше злоупотребляетъ этимъ словомъ Спенсеръ. Я предлагаю читателю, всякій разъ какъ онъ въ разговорѣ или въ печати встрѣчаетъ слово «дифференцированіе», задавать себѣ или собесѣднику вопросъ: что именно въ данномъ случаѣ дифференцируется и къ какимъ результатамъ дифференцированіе приводитъ? Такъ мы поступимъ и въ занимающемъ насъ случаѣ.

Всѣ разнообразные процессы размноженія сводятся къ отдѣленію отъ организма-производителя одной или нѣсколькихъ клѣточекъ, изъ которыхъ развивается новый индивидъ. Самый простой случай представляетъ размноженіе дѣленіемъ: организмъ-производитель просто распадается на двѣ или нѣсколько частей. Этотъ процессъ можетъ имѣть мѣсто только въ наименѣе дифференцированныхъ организмахъ, т. е. въ такихъ, части которыхъ ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, очень мало зависятъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ своего цѣлаго, и способны каждая составить изъ себя новое, самостоятельное цѣлое. Поднимаясь выше по лѣстницѣ организмовъ, мы встрѣчаемъ послѣдовательно почкованіе, размноженіе спорами, два вида гермафродитизма и, наконецъ, чистое половое размноженіе. Эта градація идетъ параллельно усложненію, дифференцированію организмовъ. Развиваясь, дифференцируясь, организмъ побѣждаетъ входящія въ него низшія индивидуальности именно тѣмъ, что водворяетъ между ними несходство, спеціализацію и раздѣленіе труда. Уже на ступени почкованія не всѣ части организма способны произвести новый индивидъ: почки выростаютъ обыкновенно только на извѣстныхъ мѣстахъ организма-производителя. Наконецъ, въ высшихъ животныхъ только ничтожная доля эпителіальныхъ клѣточекъ, именно клѣточки зародышевыя и сѣменныя, способны развиться въ самостоятельный индивидъ. Только онѣ сохраняютъ еще всю сумму свойствъ необходимыхъ для самостоятельной, свободной жизни, только онѣ не побѣждены высшею индивидуальностью, а всѣ остальныя клѣточки сгруппированы въ служебные, подчиненные органы и усвоили себѣ только одну какую нибудь спеціальную сторону жизни.

Самымъ процессомъ своего развитія организмъ, какъ и всякая другая ступень индивидуальности, установляетъ между своими частями раздѣленіе труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимость и рабство. Подвергшіяся дифференцированію части всякаго побѣдоноснаго цѣлаго другъ безъ друга жить не могутъ и, въ то же время, суть рабы или цѣлаго, или другъ друга. Дѣло въ томъ, что всякое побѣдоносное цѣлое можетъ, въ свою очередь, оба-

заться побѣжденнымъ другою, еще высшею индивидуальностью. И это именно явленіе можно прослѣдить въ градаціи способовъ размноженія. Въ этой градаціи замѣчается не только усиленіе раздѣленія труда, дифференцированія между клѣточками и органами и, слѣдовательно, не только ростъ побѣды индивида въ тѣсномъ смыслѣ, а и усиленіе раздѣленія труда, дифференцированія между индивидами и, слѣдовательно, зачатки ихъ пораженія новою, высшею индивидуальностью. *Процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности необходимо враждебны одинъ другому.* Вотъ незыблемое правило, котораго, къ сожалѣнію, не хотятъ знать господа, зря толкующіе о дифференцированіи и видящіе въ немъ всегда какое-то безусловное благо—для кого? они не говорятъ и сами не знаютъ. Дифференцированіе есть всегда побѣда для извѣстной ступени индивидуальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда, неизбѣжно, составляетъ пораженіе для другой ступени. Спрашивается: какая же это новая ступень индивидуальности дифференцируетъ мужской и женскій полъ, установляетъ раздѣленіе труда въ актѣ воспроизведенія новыхъ поколѣній? Семья. Зачатки ея даны уже въ двуполомъ гермафродитизмѣ, потому что такіе гермафродиты въ періодъ размноженія сходятся другъ съ другомъ, сближаются, и это сближеніе достигаетъ иногда полнѣйшаго слитія, такъ что два индивида совершенно сливаются въ одно цѣлое, и уже въ этомъ новомъ цѣломъ образуется будущее поколѣніе. При чистомъ половомъ размноженіи, трудъ произведенія новаго поколѣнія окончательно дѣлится между самцемъ и самкой, и тѣмъ кладется начало семьѣ. Но благодѣтельный для побѣдителей, роковой для побѣжденныхъ законъ дифференцированія и раздѣленія труда на этомъ не останавливается. Онъ все глубже и рѣзче отдѣляетъ самку и самца, дѣлаетъ ихъ все менѣе другъ на друга похожими и все болѣе другъ отъ друга зависимыми. Дарвинъ предполагаетъ, что долго послѣ того, какъ предки млекопитающихъ перестали быть гермафродитами, оба пола могли отдѣлять молоко и оба кормить дѣтенышей, а у сумчатыхъ оба пола могли носить дѣтенышей въ брюшныхъ сумкахъ. Еще и теперь нѣкоторыя рыбы-самцы носятъ яйца самокъ въ мѣшкахъ до выхода молодыхъ рыбъ, а потомъ, говорятъ, даже кормятъ ихъ; самцы другихъ рыбъ выводятъ икру во рту или жаберныхъ полостяхъ; самцы нѣкоторыхъ жабъ наматываютъ четкообразную икру, которую мечутъ самки, на свои бедра, гдѣ она и остается до выхода головастиковъ; у нѣкоторыхъ птицъ самцы берутъ на себя весь трудъ вывода птенцовъ; у голубей самцы наравнѣ съ самками кормятъ птенцовъ сокомъ,

отдѣляемыми ихъ зобомъ. Есть, слѣдовательно, полное основаніе предполагать, что предки млекопитающихъ, хотя уже раздѣльнополые, были, однако, настолько всѣ сходны, равны между собой, что трудъ кормленія дѣтей не дѣлился между самцами и самками. На это указываютъ и многія другія обстоятельства. «Если мы предположимъ, говоритъ Дарвинъ:—что, въ теченіи продолжительнаго прошлаго періода, самцы помогали самкамъ въ уходѣ за дѣтенышами и что, впослѣдствіи, по какой-либо причинѣ — напримѣръ, вслѣдствіе уменьшенія числа раждавшихся дѣтенышей—самцы перестали оказывать самкамъ эту помощь, то намъ будетъ понятно, какимъ образомъ неупотребленіе органовъ въ періодъ зрѣлости должно было повести къ ихъ недѣятельности» (Происхожденіе человѣка и половой подборъ, I, 238). Такимъ образомъ, объясняется атрофированіе молочныхъ желѣзъ у самцовъ млекопитающихъ. Далѣе развиваются другіе, такъ называемые, вторичные половые признаки, т. е. такіе, которые есть у самцовъ, но нѣтъ у самокъ и наоборотъ. Идите дальше, въ человѣческое общество, и вы увидите, что вторичные половые признаки становятся, вмѣстѣ съ развитіемъ семьи, все рѣзче. На этомъ результатѣ сходятся самыя разнообразныя отрасли новѣйшей науки: исторія, этнографія, физіологія, анатомія. У нынѣ существующихъ низшихъ расъ и въ низшихъ классахъ цивилизованныхъ народовъ, а также у исчезнувшихъ древнихъ народовъ, насколько исторія можетъ возстановить ихъ характеръ — половыя различія несравненно слабѣе, чѣмъ въ культурныхъ классахъ и у культурныхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, Ретціусъ нашелъ, что «женскіе черепа высшихъ классовъ въ Швеціи обнаруживаютъ несравненно рѣзче половые особенности, нежели черепа простыхъ крестьянокъ» (Мечниковъ. Антропологія и дарвинизмъ, «Вѣстн. Европы» 1875, № 1). Риль, какъ и многіе другіе наблюдатели, замѣчаетъ, что разница въ ростѣ и физіономіи между мужчинами и женщинами гораздо замѣтнѣе въ высшихъ классахъ, чѣмъ въ низшихъ. Тотъ же Риль замѣчаетъ, что это самое отношеніе можетъ быть усмотрѣно даже въ звукѣ голоса мужчины и женщины на различныхъ стадіяхъ цивилизаціи. Онъ указываетъ, что въ Европѣ постепенно исчезаютъ контральты и высокіе тенора, а вырабатываются наиболѣе рѣзкіе контрасты: для мужчинъ басы, для женщинъ сопрано. (Die Familie, 27). Негры, монголы, американскіе, малайскіе народы въ обоихъ полахъ почти безбороды, тогда какъ въ кавказской расѣ мужчины рѣзко отличаются отъ женщинъ бородой и усами, такъ что нѣмки даже выработали пословицу: ein Kuss ohne Bart ist ein Ei ohne Salz, т. е. поцалуй безбородаго человѣка все равно, что

яйцо безъ соли. Анатомы Гушке и Велькеръ пришли къ тому заключенію, что, «по мѣрѣ увеличенія совершенства расы, увеличивается и разница между полами по отношенію къ вмѣстимости черепной полости; особенно же сильно превосходитъ въ этомъ отношеніи европеецъ европейку сравнительно съ негромъ и негритянкой» (Мечниковъ). По изслѣдованіямъ одного англичанина, вѣсъ мозга цыгана равенъ 1245 граммамъ, цыганки — 1224; у лапландцевъ это отношеніе выразится цифрами 1350 и 1264, у ирландцевъ — 1406 и 1261, у нѣмцевъ—1499 и 1160 (Reich. Studien über die Frauen, 45). Хотя всѣмъ подобнымъ вычисленіямъ слѣдуетъ довѣрять только съ большою осторожностью, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ, и они могутъ имѣть свое значеніе, какъ одно изъ свидѣтельствъ, что, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, половыя различія усиливаются, т. е. усиливается половое дифференцированіе. Но намъ извѣстно уже, что исходною точкою супружескихъ отношеній должно быть признано отсутствіе семьи и что народы вымершіе и нынѣ существующія низшія расы, и низшіе классы цивилизованныхъ народовъ до сихъ поръ сохранили многочисленные слѣды первобытныхъ формъ общежитія. Слѣдовательно, развитіе семьи и усиленіе половыхъ различій идутъ рука объ руку. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Семья, какъ высшая индивидуальность, развиваясь, установляетъ между своими частями раздѣленіе труда, назначаетъ своимъ членамъ различныя занятія, а приспособленіе къ этимъ спеціальнымъ занятіямъ отражается на физической организаціи членовъ.

Намъ говорятъ, что въ этомъ состоитъ прогрессъ. Нѣкоторые говорятъ это прямо, какъ напримѣръ г. Шкляревскій (Объ отличительныхъ свойствахъ мужского и женскаго типовъ), Риль (Die Familie). Но, напримѣръ, Риль, дойдя до извѣстныхъ фактовъ, до которыхъ и мы въ свое время дойдемъ, съ негодованіемъ говоритъ объ Ueberweiblichkeit и объ übertriebene Sonderung der Geschlechter, т. е. о чрезмѣрной женственности и чрезмѣрномъ различіи половъ. Тогда какъ вызывающіе его негодованіе факты логически неизбѣжны съ его собственной точки зрѣнія, составляютъ дальнѣйшее развитіе того, что̀ онъ самъ признаетъ хорошимъ и желательнымъ. Другіе, какъ напримѣръ, многіе выше цитированные авторы, освоившись съ идеей равноправности половъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣчаютъ тотъ фактъ, что у болѣе «совершенныхъ» расъ и «болѣе цивилизованныхъ» классовъ, половыя различія становятся все сильнѣе и что, слѣдовательно, цивилизація несетъ съ собой не равноправность половъ, а нѣчто совсѣмъ противоположное. И въ са-

момъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія ходячаго либерализма, мы имѣемъ тутъ поразительное, необъяснимое явленіе. Какъ бы мы ни толковали о варварствѣ дикарей, которые бьютъ своихъ женъ, но, вѣдь, драка—это общій фонъ жизни дикарей. Они и другъ друга бьютъ, и жены ихъ бьютъ и очень сильно, какъ увидимъ, а нѣкогда били еще сильнѣе. Во всякомъ случаѣ, фактъ относительнаго равенства половъ въ первобытномъ обществѣ несомнѣненъ. Это равенство изгнано, какъ говорятъ, «цивилизаціей». Еслибы мы имѣли право связывать умственныя способности съ вѣсомъ мозга, то, на основаніи цифръ, приводимыхъ Рейхомъ, должны бы были сдѣлать слѣдующее заключеніе: съ развитіемъ цивилизаціи женщины глупѣютъ не только относительно, т. е. отстаютъ отъ развитія умственныхъ способностей мужчинъ, а даже и абсолютно: вѣсъ мозга цыганки равенъ 1224, лапландки 1264, а у нѣмки—1160. Повторяю, всѣ подобныя вычисленія, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ основанныя, не заслуживаютъ довѣрія. Но они все-таки наглядно, хоть, можетъ быть, и грубо, освѣщаютъ тотъ коренный фактъ, который ставитъ въ тупикъ точку зрѣнія ходячаго либерализма. Противники такъ называемой эмансипаціи женщинъ находятся въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, потому что они могутъ острить, какъ и дѣлаетъ Рейхъ, что, дескать, эмансипація наилегче можетъ осуществиться у цыганъ и вообще у какихъ нибудь дикарей, забытыхъ исторіей.

Но для насъ необязательно ни недоумѣніе либераловъ, ни остроуміе такъ называемыхъ консерваторовъ, потому что мы умѣемъ различать типы и степени развитія, знаемъ, что очень высокій типъ можетъ находиться на очень низкой степени и наоборотъ. Важность этого обстоятельства даетъ мнѣ смѣлость съ совершенно серьёзными намѣреніями разсказать полу-комическую, полу-фантастическую, но превосходную сказку, которую Платонъ, въ одномъ изъ своихъ разговоровъ («Пиршество»), влагаетъ въ уста Аристофану.

На «пиршествѣ», поочереди, объ Эротѣ, о Любви, говорятъ все очень умныя вещи и умнѣе всѣхъ, конечно, Сократъ. Только одна рѣчь проходитъ безъ всякихъ одобрительныхъ возгласовъ, рѣчь Аристофана, но я только ее и приведу, нѣсколько сокративъ и перемѣнивъ, потому что тамъ есть «нецензурныя» подробности.

Въ старину, говоритъ Аристофанъ:—люди были совсѣмъ не то, что теперь. Съ виду это были существа шарообразныя, съ четырьмя руками, четырьмя ногами, съ двумя совершенно схожими лицами, съ четырьмя ушами, съ двойными половыми ор-

ганами. Ходить они могли также, какъ и мы ходимъ, но, для скорости, перекатывались колесомъ на своихъ восьми конечностяхъ. И это были не мужчины и женщины, а нѣчто единое и цѣлое, мужчина и женщина вмѣстѣ. Сила у нихъ была громадная, какъ физическая, такъ и умственная. Разсказъ Гомера объ исполинахъ, которые вздумали проложить себѣ дорогу на Олимпъ, относится собственно къ этимъ могучимъ цѣльнымъ людямъ. Боги призадумались. Оставлять дерзость людей безнаказанною было нельзя, а истребить ихъ въ конецъ — не хотѣлось, потому что тогда некому бы было приносить богамъ жертвы и воздавать почести. Наконецъ, Зевесъ придумалъ выходъ. Онъ рѣшилъ разрубить людей пополамъ. Такимъ образомъ, они ослабѣютъ, разсуждалъ мудрый богъ и, кромѣ того, ихъ станетъ вдвое больше, значитъ, и жертвоприношеній больше. Пусть они ходятъ на двухъ ногахъ, сказалъ Зевесъ, а если они все-таки не успокоятся и будутъ продолжать свои бунты, я разрублю ихъ еще разъ, и они будутъ двигаться на одной ногѣ, какъ волчки. Сказано, сдѣлано. Зевесъ разрѣзалъ людей пополамъ, какъ рѣжутъ яблоко или яйцо. Затѣмъ онъ велѣлъ Аполлону повернуть имъ шеи и лица напередъ, къ сторонѣ разрѣза, чтобы они его всегда видѣли и казнились. Кромѣ того, нужно было натянуть кое-гдѣ кожу и, вообще, вылечить разрѣзанныя половинки, что̀ Аполлонъ и исполнилъ. Разрѣзанныя половины устремились одна къ другой, обнялись, схватились руками и не хотѣли разлучаться ни на минуту, такъ что многія изъ нихъ умерли съ голоду. Если умирала одна изъ нихъ, то другая искала новую. Наконецъ, Зевесъ сжалился надъ ихъ несчастнымъ положеніемъ и сдѣлалъ въ ихъ строеніи еще нѣкоторыя измѣненія, которыя окончательно дали разрѣзаннымъ половинкамъ теперешнюю форму мужчинъ и женщинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, породили то, что̀ мы называемъ любовью... Любовь, слѣдовательно, есть стремленіе къ цѣлостности, стремленіе людей другъ къ другу съ цѣлью возстановленія первостепенной могучей природы человѣка. Каждый изъ насъ есть только полчеловѣка, и каждая половина ищетъ своей половины. Счастливый бракъ есть случай удачнаго подбора половинокъ, несчастный—неудачнаго.

Этотъ превосходный, глубоко-поэтическій и глубокомысленный миѳъ до̀рогъ намъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, потому, что онъ рѣзко ставитъ превосходство гермафродитизма (какъ физіологическаго *типа*) передъ раздѣльно-полымъ существованіемъ, а во-вторыхъ—потому, что не менѣе рѣзко указываетъ на болѣзненный источникъ половой любви. Люди гермафродитами никогда не были. Надо спуститься по нашему генеалогическому

дереву, вмѣстѣ съ Дарвиномъ и Геккелемъ, до асцидій, чтобы встрѣтить гермафродитизмъ. Поэтому, людей мы теперь изъ счета выкинемъ. Но несомнѣнно, что, когда впервые обозначилось раздѣльно-полое существованіе и для образованія новаго индивида, потребовалась встрѣча *двухъ* половыхъ продуктовъ, сѣменной и зародышевой клѣточки—*типъ* животныхъ понизился, и произошло нѣчто описываемое Аристофаномъ; сравнительно сильный, высоко развитый типъ какъ бы былъ разрубленъ на двѣ сравнительно слабыя половины. Образовался *sexe*, *Geschlecht*, нѣчто разрубленное, или *полъ*, т. е. половина. Люди, зря толкующіе о дифференцированіи и раздѣленіи труда, доказываютъ, что «освобожденіе гермафродитовъ отъ соотвѣтственной половины генетической дѣятельности открываетъ имъ возможность тѣмъ бо̀льшаго совершенствованія относительно другихъ отправленій» (Шкляревскій). Пусть такъ, но всѣ эти усовершенствованія, еслибы они были дѣйствительно такъ велики, какъ говорятъ, и даже больше, должны быть исключительно отнесены къ *степени* развитія, а типъ все-таки понизился, поскольку раздѣленіе труда произошло между индивидами, а не между о̀рганами въ предѣлахъ одной и той же индивидуальности. Тамъ, гдѣ половой актъ сопровождается полнѣйшимъ слитіемъ двухъ индивидовъ въ одинъ, внутри котораго развивается молодое поколѣніе, тамъ «всегда (in der Regel) этотъ новый индивидъ обладаетъ болѣе высокою организаціей, чѣмъ тѣ два, изъ сліянія которыхъ онъ произошелъ». (Häckel. Anthropogenie, 130). Это же развитіе приложимо и къ болѣе важнымъ изъ вторичныхъ половыхъ признаковъ. Человѣкъ получилъ раздѣльнополое существованіе по наслѣдству; но отдаленнѣйшій его типъ, который мы имѣемъ уже, однако, право называть человѣкомъ, не зналъ тѣхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, тѣхъ половыхъ различій, которыя выросли и ростутъ съ тѣхъ поръ. Какими бы побочными усовершенствованіями ни сопровождался этотъ ростъ половыхъ различій, но въ суммѣ они представляютъ все-таки высокую, колоссальную, если хотите, степень развитія пониженнаго типа. Индивидуальность человѣческая, при этомъ, какъ мужчины, такъ и женщины, терпитъ коренной ущербъ, совсѣмъ не восполняемый побочными побѣдами. Если будетъ кѣмъ нибудь доказано (чего однако, быть не можетъ), что это—ущербъ неизбѣжный, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что ущерба нѣтъ.

Индивидуальность человѣческая при этомъ побѣждается высшею, семейною индивидуальностью, въ которую входятъ, какъ подчиненные члены, супруги, дѣти и, затѣмъ, рядъ болѣе дальнихъ родственниковъ. Мы пока заняты только супругами. Ихъ

связываетъ любовь. И здѣсь намъ опять поможетъ Платоновскій миѳъ. Половой инстинктъ и его высшее проявленіе, любовь, люди, опять-таки, получили по наслѣдству. Происхожденіе полового инстинкта должно быть отнесено къ тому же рѣшительному въ исторіи жизни на землѣ моменту, когда впервые полы обособились, дифференцировались. И для этого момента картина, нарисованная Аристофаномъ или Платономъ, совершенно вѣрна въ основаніи. Геніальный фантазёръ угадалъ. Сравните процессы размноженія при простомъ дѣленіи одного индивида и при предварительномъ полномъ сліяніи двухъ индивидовъ въ одно цѣлое. Въ первомъ случаѣ нѣсколько клѣточекъ, повинуясь закону развитія, достигаютъ извѣстной степени возможности самостоятельно относиться къ внѣшнему міру и отдѣляются. При сліяніи, напротивъ, два индивида въ извѣстный моментъ своей жизни оказываются слишкомъ слабыми для самостоятельнаго существованія, оказываются половинками, которыя стремятся слиться и образовать одно цѣлое. Ощущенія этихъ половинокъ намъ, конечно, неизвѣстны, но вѣрно, что они порознь существовать не могутъ. Если мы примемъ указанный въ первомъ очеркѣ законъ развитія, то это явленіе значительно уяснится намъ. По закону развитія, организмы стремятся къ постоянному усложненію или, что то же, усовершенствованію. Механическія причины этого стремленія намъ неизвѣстны, но оно столь же неуклонно, какъ стремленіе ртути вверхъ по трубкѣ термометра; только послѣдняго движенія мы не называемъ неопредѣленнымъ словомъ «стремленіе», потому что свели его на механическія причины. Такъ какъ всякая индивидуальность стремится къ усложненію, а усложненіе двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности ведетъ, какъ мы знаемъ, къ враждебному ихъ столкновенію, то въ результатѣ могутъ оказаться очень разнообразныя явленія, между прочимъ, и упрощеніе организаціи; упрощеніе можетъ быть только въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ, а въ другихъ развитіе, усложненіе можетъ идти своимъ чередомъ и достигать очень высокой степени. Такой именно случай представляетъ обособленіе половъ. Какъ и всякое раздѣленіе труда между индивидами одного и того же вида, оно—явленіе болѣзненное. Простой гермафродитъ внутри себя развиваетъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ оба половые инстинкта — сѣменныя и зародышевыя клѣточки. И это, съ точки зрѣнія индивидуальной жизни—высшій типъ размноженія. Рядъ случайныхъ уклоненій, поддержанныхъ наслѣдственною передачею и, очевидно, невыгодныхъ съ точки зрѣнія богатства индивидуальной жизни, мало-по-малу атрофировалъ въ однихъ индивидахъ мужскую, въ другихъ женскую

способность. Встрѣтивъ на этомъ пунктѣ задержку, законъ развитія обходитъ преграду и возстановляетъ первичное единство и совершенство, цѣльность, сложность—сліяніемъ. Мы видѣли, что индивидъ, образованный сліяніемъ, дѣйствительно выше вошедшихъ въ него отдѣльныхъ индивидовъ. Это-то замѣчательное выраженіе закона развитія, будучи увѣковѣчено наслѣдственной передачей, развивается съ теченіемъ времени въ половой инстинктъ, а, затѣмъ, въ любовь. Безъ него раздѣльно-полые организмы не могли бы существовать, потому что не давали бы потомства. Постепенно глохли бы да глохли тѣ осужденные на гибель гермафродиты, у которыхъ способность выдѣлять мужскіе или женскіе половые продукты атрофировались. Первоначально сливаться раздѣльно полые организмы должны были въ силу чисто механическихъ причинъ, на которыя имѣетъ быть разложенъ законъ развитія. О стремленіи въ силу наслажденія, конечно, тутъ не можетъ быть рѣчи, какъ не можетъ быть рѣчи о мукахъ родовъ при распаденіи какого-нибудь простѣйшаго организма на два или нѣсколько новыхъ индивидовъ. Наслажденіе и страданіе, вся страшная и увлекательная сторона любви развивалась постепенно, вмѣстѣ съ развитіемъ нервной системы и психической жизни. Но первый толчокъ былъ именно таковъ, какъ его изобразилъ Аристофанъ. Любовь—не надувательство природы, или Безсознательнаго, или генія вида, преслѣдующихъ какія-то свои цѣли. Она—и не неудобопонятное избирательное сродство двухъ клѣточекъ. Она—одно изъ выраженій великаго закона развитія, сдерживаемое другими проявленіями того же закона. Платонъ правъ: любовь — взаимное тяготѣніе двухъ разрѣзанныхъ половинокъ. Но слиться эти половинки могутъ только въ низшихъ организмахъ. Въ силу все того же закона развитія, высшіе организмы приспособляютъ всѣ свои клѣточки къ цѣлямъ своего индивидуальнаго, личнаго существованія, давятъ ихъ, групируютъ ихъ въ служебные, подчиненные органы. Лишь сѣменныя и зародышевыя клѣточки избавлены отъ этого гнета, и только онѣ и сливаются въ новый индивидъ, который, въ первую пору своего эмбріональнаго развитія, дѣйствительно оказывается не половинкой, а цѣльнымъ существомъ—онъ имѣетъ и мужскія, и женскія желѣзы. Только съ теченіемъ времени сказывается наслѣдственная сила раздѣленія половъ, и человѣкъ родится мужчиной или женщиной, во всякомъ случаѣ—половинкой. Опять и опять начинаетъ свою работу неустанный и слѣпой законъ развитія; опять и опять загорается онъ пламенемъ любви и вновь сливаетъ зародышевыя и сѣменныя клѣточки и т. д.

Понятенъ съ этой точки зрѣнія и отмѣченный Шоппенгауеромъ фактъ важности контрастовъ въ любви. Природа разрѣзала половинки не совсѣмъ такъ правильно, какъ, разсказываетъ Аристофанъ. Или, можетъ быть, она исполнила угрозу Зевеса и, такъ какъ раздѣльно-полые люди были, всетаки, еще слишкомъ сильны и могущественны, то разрубила ихъ еще разъ и, можетъ быть, не одинъ разъ или хоть такъ, слегка надрубила. Есть и другіе контрасты, которые законъ развитія стремится слить для возстановленія первичной цѣльности...

Понятенъ далѣе и тотъ фактъ, что любовь уживается рядомъ съ взаимнымъ отчужденіемъ, враждебностью, презрѣніемъ, вообще съ отрицательнымъ отношеніемъ представителей обоихъ половъ. Это отрицательное отношеніе, выражаясь въ крайне грубой формѣ у дикарей, въ сущности, однако, гораздо менѣе сильно у нихъ, чѣмъ у народовъ и классовъ цивилизованныхъ, гдѣ оно закутывается въ формы тонкія и мягкія. Зависитъ это оттого, что между дикаремъ и дикаркой нѣтъ сильныхъ контрастовъ, которые, дѣлая ихъ другъ другу необходимыми, въ тоже время взаимно отчуждали бы ихъ. Мы знаемъ, что подвергшіяся дифференцированію части всякаго побѣдоноснаго цѣлаго другъ безъ друга жить не могутъ и, въ тоже время, суть рабы или цѣлаго, или другъ друга. Допустите теперь сюда мысленно свѣтъ сознанія. Представьте себѣ, что дифференцированныя части одушевлены самосознаніемъ. Тогда надо будетъ сказать, что онѣ другъ друга любятъ до безумія, потому что даже жить врознь не могутъ, и, въ тоже время, сознаніе взаимнаго рабства можетъ имъ внушать нѣчто въ родѣ взаимной вражды, если, разумѣется, предположить сознаніе достигшимъ достаточно высокой степени развитія. Въ человѣчествѣ эта степень, конечно, достигнута...

Да не подумаетъ читатель, чтобы я хотѣлъ этими нѣсколькими строками отдѣлаться отъ контрастовъ, какъ источника притягательной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отталкивающей силы. Объ этомъ рѣчь будетъ дальше, и тогда для насъ окончательно выяснится значеніе любви, какъ одного изъ проявленій великаго закона развитія.

Ник. Михайловскій.

МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

ЭДВАРДА ДЖЕНКИНСА.

Автора «Джиксова Младенца».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ союзѣ и внѣ его.

I.

Вопросъ жизни и смерти.

— Три фунта пять съ половиною унцовъ, сказалъ поваръ приходскаго союза для бѣдныхъ, бросая пол-унца на одну изъ чашекъ вѣсовъ.

На другой оловянной чашкѣ лежалъ завернутый въ бѣлую салфетку наименьшій образецъ человѣческой породы, когда-либо появлявшійся на свѣтъ.

— Ну, произнесъ докторъ:—я никогда не видалъ такого маленькаго ребенка. Не стòило страдать изъ-за него бѣдной женщинѣ.

— Гм! замѣтилъ мистеръ Ми, смотритель союза:—этотъ народъ, рожая дѣтей, никогда не думаетъ, сколько заботъ и расходовъ онъ причиняетъ союзу. Странный, право, сочинили законъ, чтобы кормить и воспитывать нищенское отродье.

— Бѣдное созданіе! сказала сидѣлка, снимая маленькое живое существо съ чашки вѣсовъ, которые были нарочно принесены изъ кухни для опредѣленія его удѣльнаго вѣса:—какое маленькое тѣло! негдѣ и жизни-то пріютиться. Его легкія, вѣрно, не больше зернышка—не такъ ли, докторъ?

— Этотъ ребенокъ, отвѣчалъ медикъ, не останавливаясь на

невѣжественномъ понятіи сидѣлки о сравнительной анатоміи и указывая на красный кусокъ мяса, который она завертывала въ пеленку:—очень золотушенъ и въ головѣ у него вода; не даромъ голова такъ велика и вѣситъ почти тоже, что̀ все остальное тѣло. Я никогда не видывалъ живаго существа съ такими ногами и руками. Онѣ годились бы любому жуку. Въ Спартѣ немедленно утопили бы такого щенка, а живи вы, мистрисъ Гуссетъ, среди индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, то вамъ пришлось бы, увидавъ такую ошибку природы, прижать пальцами дыхательное горло этого маленькаго чудовища и тѣмъ спасти племя отъ лишней обузы.

Въ эту минуту глухой стонъ прервалъ разговоръ, происходившій въ пріемномъ покоѣ кодльтонскаго приходскаго союза въ Руссетширѣ. Стонъ раздался съ кровати, на которой лежала мистрисъ Годжъ, жена Джона Годжа изъ Ганкерлея, которая явилась сюда родить на счетъ прихода въ восьмой и послѣдній разъ. Она только-что произвела на свѣтъ рѣдкую диковину, вызвавшую глубокія историческія и соціальныя размышленія доктора.

— Бѣдная женщина! ей недолго прожить, сказала мистрисъ Гуссетъ, поспѣшно подходя къ кровати.

Она нѣжно наклонилась къ больной и ласково спросила, что̀ ей нужно; но, вмѣсто отвѣта, больная съ неожиданной энергіей схватила маленькое живое существо, лежавшее на ея рукѣ и, прижавъ его къ своей груди, залилась горькими слезами. По ея блѣднымъ, изнуреннымъ нищетою щекамъ неудержимо лился потокъ горчюихъ слезъ, и въ этой купели материнской любви окрещена была молодая жизнь, грустно, печально являвшаяся на свѣтъ. Изумленная сидѣлка старалась успокоить больную и взять назадъ ребенка, но она все крѣпче и крѣпче прижимала его къ себѣ. Черезъ минуту, однако, слезы ея изсякли; порывистое дыханіе пресѣклось, и ребенокъ выпалъ изъ судорожно сжатыхъ рукъ. Приходскій союзъ сдѣлалъ все, что̀ могъ, для живой мистрисъ Годжъ; для мертвой не нужно было ничего, кромѣ могилы.

Сидѣлка невольно вскрикнула; докторъ подошелъ и взялъ руку умершей, но тотчасъ ее опустилъ.

— Я этого ожидалъ. сказалъ онъ холодно:—у нея почти не оставалось крови. Она жила, вѣрно, всегда на капустѣ, рѣпѣ и моркови, безъ малѣйшей питательной пищи. Удивительно, ка̀къ этотъ народъ имѣетъ еще дѣтей.

— Однако, они родятъ безъ счета, замѣтилъ мистеръ Ми:— и еще приходятъ родить сюда. Этотъ союзъ пренесчастный. Те-

перь ребенка придется вскормить на рожкѣ, и, конечно, отецъ возложитъ это на насъ.

— Мать не могла бы его сама вскормить, сказала мистрисъ Гуссетъ, держа въ одной рукѣ ребенка, а другою, сдернувъ простыню, указала на блѣдно-синеватую, изсохшую отъ тридцати-пяти-лѣтнихъ трудовъ и нищеты бездыханную грудь умершей женщины:—хорошо, что она умерла, бѣдная!

Сидѣлка почтительно покрыла мертвое тѣло и отвернулась съ ребенкомъ отъ преждевременной могилы всѣхъ его надеждъ.

— Подождите, я запишу въ книгу, произнесъ докторъ:—не нужно никакого слѣдствія, не правда ли, мистеръ Ми? Смерть произошла отъ истощенія силъ послѣ родовъ. Знаете что̀, мистрисъ Гуссетъ? попробуйте отдать ребенка молодой дѣвушкѣ, которую вчера прислали изъ за̀мка. Она довольна здорова для двухъ дѣтей. Нѐчего сказать, грустный канунъ Рождества. Впрочемъ, желаю вамъ обоимъ веселыхъ праздниковъ. Прощайте.

II.

Напрасное горе.

На слѣдующее утро, Джонъ Годжъ съ помощью тринадцатилѣтней дочери одѣлъ своихъ остальныхъ дѣтей и, приготовивъ имъ похлебку изъ большого количества воды, небольшой доли хлѣба, капусты и маленькаго, не болѣе вершка, кусочка ветчины, отправился въ пріемный покой приходскаго союза узнать о здоровьѣ своей жены.

Привратникъ грустно взглянулъ на него, зная, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ принесли гробъ для его жены.

— Съ праздникомъ, сказалъ Джонъ Годжъ.

— Сегодня—грустный для васъ день, отвѣчалъ привратникъ:—идите въ комнату смотрителя.

— Такъ ребенокъ родился?

Привратникъ молча кивнулъ головою.

— Родился мертвый? продолжалъ Джонъ Годжъ, не подозрѣвая о случившемся:—ну, трудно ихъ теперь вскармливать. У ней бѣдной и безъ того много труда и заботы. Но я знаю, она будетъ сильно горевать.

— Гм! возразилъ привратникъ:—ребенокъ-то здоровъ, хотя, говорятъ, никогда не рождалось на свѣтъ такого крошки.

— Ребенокъ здоровъ, а сегодня—грустный для меня день, про-

изнесъ Джонъ, припоминая первыя слова привратника и внезапно постигая ихъ смыслъ:—такъ, значитъ, не ладно съ Мэри?

Привратникъ опять молча кивнулъ головою.

— О, она поправится! продолжалъ Джонъ, съ увѣренностью:— она и прежде бывала очень больна, но всегда поправлялась. Она сильнѣе, чѣмъ кажется, моя Мэри.

— Она никогда не поправится, Джонъ, сказалъ привратникъ нѣжно, но твердо.

— Что̀! воскликнулъ Джонъ, и слезы мгновенно брызнули изъ его глазъ.—Что̀, моя Мэри умерла? Вы говорите, Томасъ, что Мэри умерла? Это невозможно! Невозможно!

Джонъ Годжъ былъ пораженъ, уничтоженъ. У него какъ будто оборвалась послѣдняя опора подъ ногами. Не стало соучастницы его низкаго заговора противъ общественнаго благосостоянія и экономическаго закона; подруга его тяжелой, адской жизни оставила теперь его одного съ одиннадцатью дѣтьми—плодомъ ихъ обоюдной глупости и преступнаго легкомыслія. Уста, уничтожавшія часть его скуднаго заработка—хотя, видитъ Богъ, эта часть была самая незначительная и самая послѣдняя — были теперь на вѣки закрыты. Зачѣмъ же Джонъ Годжъ предавался тяжелому горю въ сѣняхъ кодльтонскаго приходскаго союза, при извѣстіи, что его Мэри умерла!

Наревѣвшись вдоволь надъ скромнымъ гробомъ, вмѣщавшимъ въ себѣ все, что̀ оставалось отъ его жены, онъ прошелъ въ другую комнату, гдѣ его птенецъ всасывалъ въ себя жизнь изъ полной, здоровой груди молодой дѣвушки, съ которой случилось несчастье въ за̀мкѣ.

— Господи, какой маленькій! воскликнулъ онъ, увидавъ сквозь туманную дымку слезъ миніатюрное созданіе:—у него силъ не хватитъ и жить!

На минуту горе Годжа какъ бы стушевалось предъ уморительнымъ фактомъ, что онъ былъ отцомъ самаго маленькаго ребенка въ свѣтѣ.

III.

Достатокъ земледѣльца.

Крошка Годжъ оставался въ продолженіи недѣли на попеченіи бѣдной дѣвушки, прогнанной изъ за̀мка. Благодаря своимъ миніатюрнымъ размѣрамъ, онъ требовалъ немного пищи и казался отъ природы довольно тихимъ. Во всякомъ случаѣ, его

крики не могли достигнуть далеко. Если бы общество и приходъ оставили его тамъ, гдѣ онъ случайно родился, то была бы достигнута идеальная цѣль консервативной политики, именно: онъ спокойно выросъ бы и сдѣлался обыкновеннымъ человѣкомъ, неимѣющимъ никакой исторіи. Но печать завладѣла имъ; а когда печать завладѣваетъ ребенкомъ или человѣкомъ, то для этого ребенка или человѣка на-вѣки пропадаетъ всякое спокойствіе. Въ мѣстной газетѣ появилось извѣстіе, что въ кодльтонскомъ приходскомъ союзѣ родился самый маленькій ребенокъ въ свѣтѣ. Конечно, это извѣстіе перешло въ столичныя газеты и такимъ образомъ достигло Америки, Австраліи и Сандвичевыхъ Острововъ. Безъ всякихъ усилій съ своей стороны, крошка Годжъ пріобрѣлъ славу. Многіе посѣтители явились въ Кодльтонъ, именно: доктора, анатомы, естествоиспытатели и два соціальные философа. Они пришли всѣ къ тому заключенію, что онъ былъ очень малъ и не могъ долго жить. Одинъ джентльменъ, извѣстный своимъ участіемъ въ различныхъ выставкахъ, рѣшился извлечь изъ этой диковины общую пользу. Онъ просилъ, обѣщая хорошее вознагражденіе, чтобы, послѣ смерти крошки Годжа, смотритель заведенія старательно положилъ бы его въ банку со спиртомъ и прислалъ въ Поктонскій музей. Такимъ образомъ, Крошкѣ Годжу предстояла счастливая судьба, сидя въ банкѣ, способствовать успѣхамъ просвѣщенія народныхъ массъ. Но принесла ли бы его смерть такую же пользу, какъ принесла его жизнь—это вопросъ. Между тѣмъ, мѣстная его популярность была громадна. Сквайръ съ женою и дѣтьми и другіе сосѣдніе аристократы посѣтили его, предсказывая этому малюткѣ успѣшную карьеру Тома Пуса.

Замѣчательно, что всякое физическое уродство возбуждаетъ въ насъ большой интересъ, а самыя чудовищныя явленія, нравственныя и соціальныя, оставляютъ насъ холодными зрителями. Ни ученые, ни сквайръ, ни пасторъ, ни судья не признали въ этомъ ребенкѣ признаковъ вырожденія класса, который доставляетъ намъ всѣ необходимые предметы жизни. Какъ часто мы предпочитаемъ смотрѣть на стекло, вмѣсто того, чтобъ смотрѣть чрезъ него; какъ часто мы съ любопытствомъ изслѣдуемъ конкретный фактъ и забываемъ отвлеченные принципы, лежащіе въ его основѣ. Еслибъ мы глядѣли въ микроскопъ на многіе факты, чрезъ которые скользитъ нашъ взглядъ, не сознавая настоящаго ихъ значенія, то развѣ мы могли бы по совѣсти дозволить дальнѣйшее существованіе этихъ фактовъ.

Но еще другая власть, ближе касавшаяся Крошки Годжа, обратила на него свое вниманіе: это былъ приходъ, въ рукахъ кото-

раго находилась его судьба по волѣ провидѣнія и англійскихъ законовъ. Его отецъ, Джонъ Годжъ, былъ земледѣлецъ у сосѣдняго фермера, который, не смотря на свою грубую одежду и грубыя манеры, назывался джентльменомъ - фермеромъ. Джонъ Годжъ получалъ въ недѣлю девять шиллинговъ, рыночную цѣну въ той мѣстности; кромѣ того, онъ имѣлъ безплатное жилище, которое я впослѣдствіи опишу. Передъ его хижиной находился уголокъ земли въ тридцать футовъ длины и шестнадцать ширины, на которомъ трудами покойной мистрисъ Годжъ весною зеленѣлъ горохъ, а осенью виднѣлись картофель и капуста.

Все это, однако, не истощало достатковъ Годжа. Во время жатвы мистеръ Джоли, такъ звали джентльмена-фермера, давалъ каждому изъ своихъ рабочихъ награду въ тридцать шиллинговъ, увеличивая такимъ образомъ общій ихъ годовой доходъ до 24 ф. 18 ш. Во время уборки хлѣба и молотьбы они получали ежедневно по кружкѣ слабаго домашняго пива, которое самъ фермеръ всегда пробовалъ на полѣ для доказательства его отличнаго качества; онъ легко выносилъ этотъ напитокъ, но полуголодные желудки рабочихъ не всегда съ ними мирились. Семейство Годжа имѣло также свою долю въ ежегодномъ сборѣ колосьевъ послѣ жатвы, служившемъ значительнымъ прибавленіемъ къ запасу продовольствія. На Рождествѣ семейство каждаго рабочаго получало отъ сквайра кусокъ говядины, мѣшокъ картофеля и полтонны угля, а отъ прихода два одѣяла. Второй сынъ Годжа получалъ по два шиллинга въ недѣлю, въ продолженіи полутора или двухъ мѣсяцевъ въ году, за работу на полѣ.

Итакъ, мы можемъ опредѣлить слѣдующимъ образомъ всѣ доходы семейства Джона Годжа, состоявшаго изъ двухъ взрослыхъ людей и десяти дѣтей, не принимая въ разсчетъ Крошки Годжа:

Деньгами:

	ф. ст.	ш.	п.
Жалованье Годжа за 52 недѣли по 9 шил.	23	8	—
Прибавокъ за жатву	1	10	—
Жалованье Джэка—8 недѣль по 2 шил.	—	16	—
Итого въ годъ	25	14	—

Натурой:

Сборъ колосьями послѣ жатвы	3	—	—
60 кружекъ слабаго пива по 3 п. (?)	—	15	—
10 фунт. говядины по 11 пен.	—	9	2
1 мѣшокъ картофеля	—	6	—
Полтонны угля въ 21 ш.	—	10	6
Два одѣяла	—	12	—
Итого	5	12	8

Если мы положимъ за домъ съ маленькимъ уголкомъ земли громадную ренту въ 80 ш., окажется, что весь достатокъ Джона Годжа равнялся 35 ф. ст. въ годъ. На эту сумму онъ долженъ былъ поддерживать свои силы для работы и кормить, одѣвать и учить, если возможно, многочисленныхъ дѣтей. Онъ и его жена одинаково ненавидѣли просить помощи у прихода, но въ послѣднее время они принуждены были это дѣлать, въ критическія минуты, подобныя той, которой открылся нашъ разсказъ. Такимъ образомъ, каждый мѣстный плательщикъ податей долженъ былъ фактически увеличивать хоть на небольшую сумму доходъ Годжа и на гораздо значительнѣйшую доходы другихъ поселянъ, которые не отличались такимъ же трудолюбіемъ и совѣстливостью. Всѣмъ понятно, почему мистеръ Джоли былъ ярымъ противникомъ увеличенія заработной платы и въ доказательство своего мнѣнія многознаменательно указывалъ на переполненные приходскіе союзы. Но дешевле ли было платить налогъ для бѣдныхъ для содержанія приходскаго союза, чѣмъ платить рабочимъ такую заработную плату, которая могла бы удержать ихъ отъ приходскаго союза?

IV.

Иронія надежды.

Я уже сказалъ, что приходъ занялся судьбою Крошки Годжа. «Что̀ онъ будетъ съ нимъ дѣлать?»—вотъ вопросъ, который могъ естественно поставить въ тупикъ торійскаго романиста и въ продолженіи еще многихъ лѣтъ будетъ ставить въ тупикъ подобныхъ писателей. Предавъ землѣ свою жену, Джонъ Годжъ, держа за руки двухъ старшихъ дѣтей, которыя одни только понимали понесенную ими потерю, возвратился домой. Первою его мыслью теперь было:

— Что̀ дѣлать съ Крошкой?

Онъ слышалъ отъ пастора, что его жена умерла съ надеждой, вполнѣ достовѣрной, на блаженную будущую жизнь. Но какая надежда была у тѣхъ, которыхъ она оставила на землѣ? Сердце Годжа болѣзненно сжалось, когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ. Пасторъ, приходъ, мистеръ Джоли и его собственное положеніе, казалось, торжественно издѣвались надъ всякой надеждой. Онъ мрачно предчувствовалъ, что законъ обяжетъ его воспитывать Крошку и что онъ не можетъ надѣяться на дальнѣйшую помощь прихода. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что самъ

неправильно отягощалъ себя излишнимъ семействомъ. Онъ считалъ дѣтей естественнымъ учрежденіемъ или дàромъ Провидѣнія, такой же необходимостью, какъ дождь и вёдро. Его сердцу точно такъ же, какъ инстинкту животныхъ, не былъ доступенъ экономическій законъ Мальтуса. Какія же могъ онъ питать сомнѣнія? Поэтому онъ естественно считалъ Провидѣніе, приходъ, своего хозяина или кого-нибудь иного обязаннымъ доставить ему возможность поддерживать семейство. Въ ту минуту, когда второй столбъ семьи исчезъ, это заключеніе казалось ему еще убѣдительнѣе, чѣмъ тогда. Впослѣдствіи мы поговоримъ о результатахъ размышленій Джона Годжа по этому предмету, а теперь разскажемъ, что̀ сдѣлалъ приходъ въ отношеніи его младшаго сына.

V.

Приходскій совѣтъ.

Мистеръ Бондъ, секретарь приходскаго союза для бѣдныхъ, мистеръ Ми, смотритель, и мистеръ Кольманъ, надзиратель, созвали чрезвычайное собраніе совѣта. Предстояло разрѣшить нѣсколько важныхъ вопросовъ: о контрактѣ на мясо, о доставкѣ угля, объ Аннѣ Симонсъ, 18-ти-лѣтней служанкѣ, позорно выгнанной изъ зàмка при открытіи нѣкоего несчастнаго обстоятельства и искавшей убѣжища въ союзѣ, тогда какъ причина ея несчастія, красивый грумъ, остался въ услуженіи сквайра, и, наконецъ, о Крошкѣ Годжѣ. О всѣхъ этихъ вопросахъ, кромѣ послѣдняго, мистеръ Ми составилъ себѣ заранѣе опредѣленное мнѣніе, но относительно Годжа онъ былъ въ сильномъ сомнѣніи. Онъ зналъ, въ какомъ положеніи находился этотъ бѣднякъ. У него было на рукахъ десять дѣтей, старшему изъ которыхъ тринадцать лѣтъ; жена его только что умерла, и онъ проводилъ отъ десяти до одиннадцати часовъ въ день на тяжелой работѣ внѣ дома; поэтому, отдавъ ему новорожденнаго младенца, союзъ поставилъ бы его въ самое безвыходное положеніе. Но, съ другой стороны, законъ обязывалъ Годжа разрѣшить неразрѣшимый вопросъ о прокормленіи ребенка. Однако, мистеръ Ми все-же надѣялся, что онъ самъ или кто-нибудь изъ попечителей придумаетъ хорошій предлогъ для оставленія маленькой диковины въ союзѣ, а потому не исполнилъ тотчасъ своей обязанности и не отправилъ Крошки Годжа къ его отцу на другой день послѣ похоронъ матери. Мистеръ Ми былъ чиновникъ и, слѣдовательно, обя-

занъ смотрѣть на все съ офиціальной точки зрѣнія, недопускавшей никакихъ проявленій естественныхъ человѣческихъ чувствъ; но въ глубинѣ его сердца теплилась нѣкоторая доля человѣколюбія, которая невольно откликнулась на жалобные крики Крошки Годжа. Онъ убѣдился изъ словъ молодой дѣвушки, на попеченіе которой былъ отданъ ребенокъ, что онъ, благодаря своимъ миніатюрнымъ размѣрамъ и требованіямъ, нисколько не вредитъ ни ей, ни ея дѣтищу, и въ этомъ обстоятельствѣ старался найти себѣ оправданіе въ отступленіи отъ буквы закона.

Составъ совѣта попечителей приходскаго союза не представляетъ, быть можетъ, для насъ ничего любопытнаго, но въ сельскихъ округахъ его вліяніе чрезвычайно велико и его юрисдикція обнимаетъ тысячи нашихъ соотечественниковъ, интересами которыхъ мы слишкомъ часто пренебрегаемъ, въ виду ихъ разрозненности и разбросанности по громадному пространству. Кодльтонскій союзъ заключалъ въ себѣ шестнадцать приходовъ, и членами его были ex-officio пасторы и мировые судьи, кромѣ того, нѣсколько мѣстныхъ сквайровъ и довольно значительное количество фермеровъ; послѣдніе не часто являлись на собранія, но все-же ихъ можно было завербовать въ важныхъ случаяхъ. Въ тотъ день, когда должна была рѣшиться судьба Крошки Годжа, въ собраніи присутствовали: достопочтенный мистеръ Винвудъ Лестеръ [1], капитанъ Колингсби, Сидней Биртонъ, владѣлецъ сосѣдняго зàмка и предсѣдатель совѣта, мистеръ Кальдвель, стряпчій, мистеръ Гаррисъ, оптовый торговецъ, и нѣкоторые другіе.

Контрактъ на мясо былъ быстро обсужденъ, и рѣшено испробовать въ палатѣ старухъ австралійскую говядину; поставка угля была отдана племяннику мистера Гарриса, и состоялось опредѣленіе обязать красиваго грума вносить извѣстную сумму на содержаніе ребенка молодой служанки, не смотря на протестъ сквайра, который увѣрялъ, что «ея вины было гораздо болѣе, чѣмъ его». Вслѣдъ за этимъ, на очереди стоялъ вопросъ о Крошкѣ Годжѣ. Его мать похоронили на счетъ прихода, и, по словамъ мистера Ми, невозможно было взыскать эти расходы съ ея мужа, съ чѣмъ, послѣ непродолжительныхъ преній, совѣтъ вполнѣ согласился.

— Ребенокъ тоже умеръ? спросилъ пасторъ, помощникъ котораго хоронилъ бѣдную женщину.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Ми.

— Что-жь отецъ съ нимъ сдѣлалъ?

— Вотъ видите, сэръ, мы не хотѣли взять на свою отвѣтст-

---

[1] Ректоръ Ганкерлея.

венность, при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, отсылку ребенка. Молодая служанка Симонсъ кормитъ его, не находя въ этомъ для себя никакого затрудненія, и, такъ какъ союзу это ничего не стòитъ, то я оставилъ ребенка до разрѣшенія совѣтомъ этого вопроса.

— Совершенно незаконно, мистеръ Ми, сказалъ стряпчій:— contra legem.

— Но, вотъ видите, мистеръ Кальдвель, возразилъ пасторъ:— намъ это ничего не стòитъ, и потому распоряженіе мистера Ми совершенно благоразумно. Вѣроятно, у Годжа нѣтъ никого, ктобы могъ присмотрѣть за ребенкомъ.

— Ни души, отвѣчалъ мистеръ Ми.

— Ни матери, ни сестры покойной? спросилъ стряпчій.

— Никого.

— Все-же это неправильно. Благодаря новому закону о бѣдныхъ, нерадѣнію попечителей и излишней филантропіи, наши интересы теперь постоянно пренебрегаются самымъ позорнымъ образомъ.

— Кàкъ-бы то ни было, продолжалъ мистеръ Ми, чувствуя, что почва подъ его ногами становится тверже:—вотъ факты, господа. У Годжа десять человѣкъ дѣтей, и старшему тринадцать лѣтъ; онъ получаетъ десять шилинговъ въ недѣлю, работая шесть дней съ утра до вечера. Кто-же будетъ заботиться о новорожденномъ младенцѣ?

Это простое изложеніе обстоятельствъ дѣла произвело поразительное впечатлѣніе на всѣхъ членовъ совѣта, точно такъ же, какъ подобныя лаконическія, но фактически ясныя изреченія благороднаго англійскаго государственнаго человѣка нашего времени возбуждаютъ восторгъ печати и публики.

— Это до насъ не касается, возразилъ стряпчій:—человѣкъ, родившій ребенка, долженъ самъ его содержать. Будьте увѣрены, если мы оставимъ ребенка у себя, то центральное управленіе намоетъ намъ голову. Вѣдь это—только пустыя словà, что ребенокъ намъ ничего не стòитъ, такъ какъ его кормитъ ваша служанка, господинъ предсѣдатель.

— Я попрошу васъ, милостивый государь, воскликнулъ гордый сквайръ: — придерживаться фактовъ. Она — не моя служанка!

— Все равно, продолжалъ стряпчій:—она была вашей служанкой прежде, чѣмъ явилась сюда. Повѣрьте, я не желалъ сказать ничего для васъ обиднаго. Но дѣло въ томъ, что эта женщина, какъ ее тамъ зовутъ, будетъ болѣе ѣсть бульона и пить

пива при своей двойной работѣ, если я могу такъ выразиться; и, конечно, на это обратитъ вниманіе мистеръ Мордаунтъ.

Мистеръ Мордаунтъ былъ начальникомъ центральнаго управленія. Но члены совѣта были въ веселомъ настроеніи духа и рѣшили на время оставить Крошку Годжа. Такимъ образомъ, Джонъ Годжъ освободился отъ разрѣшенія неразрѣшимаго вопроса или, лучше сказать, вопросъ этотъ былъ отсроченъ.

VI.

Центральное управленіе.

Въ послѣднее время, одно изъ центральныхъ правительственныхъ управленій въ Англіи, путемъ цѣлаго ряда успѣшныхъ хитростей, забрало въ свои руки почти все мѣстное самоуправленіе. Бывало, и еще не очень давно, англійскій народъ ревниво охранялъ свое самоуправленіе. Всякое поползновеніе центральной власти встрѣчало отпоръ въ безчисленныхъ, могущественныхъ учрежденіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ приходовъ. Могучъ, даже слишкомъ могучъ былъ въ тѣ дни этотъ духъ самоуправленія. Мѣстные администраторы, судьи, попечители бѣдныхъ, дорожныя комиссіи, всѣ возможные совѣты и комисары были полными господами въ своихъ округахъ; всякій инспекторъ, присланный для ревизіи ихъ книгъ, изслѣдованія ихъ дѣйствій и представленія отчета о замѣченныхъ неправильностяхъ, былъ-бы невозможной диковиной, такъ что, по всей вѣроятности, его отправили-бы ни съ чѣмъ къ тому министру, который его прислалъ. Конечно, приходъ былъ дурной администраторъ и онъ съ бо̀льшею справедливостью, чѣмъ кто другой, могъ покаяться, «что дѣлалъ то, чего не слѣдовало, и не дѣлалъ того, что̀ слѣдовало». Слишкомъ часто онъ былъ медлителенъ, слѣпъ, легкомысленъ, корыстенъ, и его услуги слишкомъ дорого стоили. Но въ немъ было одно великое достоинство, которое свободный народъ не могъ не цѣнить высоко: онъ развивалъ и поддерживалъ мѣстную независимость, мѣстное самоуправленіе. Примѣняя чудовищно-скверные законы о помощи бѣднымъ, онъ былъ достаточно человѣченъ, чтобъ обходить ихъ, если это клонилось въ его пользу, и щедро распоряжался фондами, конечно, тѣми, которые ему не принадлежали. Онъ смотрѣлъ на законъ для бѣдныхъ, какъ на средство для развитія земледѣлія, и дѣйствовалъ согласно этому взгляду. Его дѣятельность въ санитарномъ отношеніи была очень плоха, такъ какъ онъ отличался пол-

нымъ невѣденіемъ естественныхъ законовъ народнаго здравія, подобно большинству законодателей. Для устраненія этихъ недостатковъ мѣстнаго самоуправленія современные законодатели, вмѣсто того, чтобъ образовать членовъ прихода и сдѣлать ихъ способными на лучшую дѣятельность, связали приходъ по рукамъ и по ногамъ, подчинивъ его верховной, центральной власти. Эта мѣра примѣнялась и примѣняется съ такой геройской рѣшимостью, что вскорѣ бѣдный приходъ превратится въ ученую собаченку, танцующую на веревкѣ, приводимой въ движеніе искустнымъ министромъ, засѣдающимъ въ старинномъ, полуразвалившемся храмѣ общественнаго милосердія въ Вайтголлѣ. Велика его власть и иногда совершенно необходима, но только иногда; а чѣмъ рѣже она примѣняется, тѣмъ лучше. Но если это распространеніе централизаціи будетъ продолжаться такъ-же энергично, какъ до настоящей минуты, то мы скоро дойдемъ въ Англіи до того, что никто не будетъ смѣть высморкаться безъ приказанія правительства, изъ боязни распространить міазмы, или, высморкавшись, всякій будетъ обязанъ послать свой платокъ для анализа къ правительственнымъ химикамъ. Конечно, каждому понятно, какъ проста и легка эта система, какъ неизмѣримо она легче всякихъ другихъ средствъ, напримѣръ, приведенія законовъ въ лучшую и болѣе систематическую форму и реорганизаціи мѣстнаго самоуправленія съ цѣлью сдѣлать его болѣе разумнымъ и энергичнымъ.

Какъ-бы то ни было, великій народъ и его передовая пресса обоюдными усиліями предали себя въ руки вышесказаннаго министра, кто-бы онъ ни былъ, смотря по требованіямъ партій. Этотъ великій министръ съ гордостью засѣдаетъ въ своемъ центральномъ управленіи, вполнѣ сознавая, что всѣ мѣстныя, административныя власти и попечительные совѣты для бѣдныхъ находятся въ его рукахъ. Онъ знаетъ все: поселянинъ, заболѣвшій животомъ, старая лошадь, начавшая кашлять, сидѣлка, уволенная изъ приходской больницы—составляютъ предметъ подробнаго донесенія этому могучему директору. Я нисколько не оспариваю безспорной пользы, доставляемой въ иныхъ случаяхъ этимъ надзоромъ, или необходимости какого-нибудь контроля; но, конечно, тотъ фактъ, что дурные законы дурно примѣнялись дурно составленными мѣстными учрежденіями, не доказываетъ еще необходимости отказаться отъ своей вѣковой системы и броситься въ объятія централизаціи. Простому человѣку казалось-бы гораздо раціональнѣе прежде испытать, какіе результаты дали-бы лучшіе законы, примѣняемые лучше составленными мѣст-

ными учрежденіями, подъ высшимъ надзоромъ контролирующей, но не диктаторской власти.

Крошкѣ Годжу было суждено обратить на себя бдительное вниманіе этого могущественнаго министра. Это произошло не отъ того, чтобы приходскій питомецъ производилъ много шума; нѣтъ, его жалобные крики и требованія были не особенно назойливы. Но однажды великій министръ, сидя за письменнымъ столомъ и обсуждая съ своими двумя секретарями полученныя отвсюду донесенія, остановился на слѣдующей выпискѣ изъ отчета кодльтонскаго приходскаго союза:

«Положеніе удовлетворительно. Число лицъ, получившихъ вспомоществованіе въ истекшую четверть года:

Въ зданіяхъ союза (обоего пола) .	567
На дому	1,643
Умерло	8
Родилось	5

«Смотритель доноситъ, что одинъ изъ родившихся дѣтей, сынъ женщины, по имени Годжъ, умершей послѣ родовъ, менѣе всѣхъ дѣтей, когда либо виданныхъ въ тѣхъ краяхъ, и вѣсилъ при рожденіи только три фунта. Въ виду его миніатюрности и невозможности со стороны отца, Джона Годжа, работника, имѣющаго десять другихъ дѣтей, оказать ему необходимое попеченіе, ребенокъ оставленъ въ союзѣ, но безъ всякихъ расходовъ, такъ какъ его кормитъ вышеназванная въ отчетѣ Анна Симонсъ».

Прочитавъ эти слова, великій министръ насупилъ брови.

— Вотъ еще доказательство, сказалъ онъ:—всей мудрости нашей недавней мѣры. Посмотрите, какъ этотъ совѣтъ попечителей самымъ незаконнымъ образомъ содержитъ ребенка на счетъ плательщиковъ податей, когда у него есть отецъ, обязанный о немъ заботиться. Мы должны обратить на это особенное вниманіе.

— Но, позвольте мнѣ замѣтить, произнесъ младшій секретарь:—что этотъ случай «sui generis». Дѣло въ томъ, что отецъ не имѣетъ возможности содержать ребенка и онъ ничего не стоитъ союзу, такъ какъ его кормитъ Симонсъ.

— Во-первыхъ, отвѣчалъ министръ:—для здороваго человѣка въ Англіи нѣтъ ничего невозможнаго. Во-вторыхъ, кто кормитъ Симонсъ? Вѣдь ее содержитъ союзъ, и неужели я повѣрю, что она можетъ кормить двухъ дѣтей при той же самой пищѣ и питьѣ, которыхъ было бы достаточно для прокормленія одного. Вѣдь это противорѣчило бы логикѣ и всѣмъ законамъ природы.

— Я только что хотѣлъ это сказать, замѣтилъ старшій секретарь.

— Да, прибавилъ младшій секретарь:—это совершенно справедливо для большинства случаевъ; но этотъ ребенокъ чрезвычайно миніатюренъ, и я позволяю себѣ сказать, измѣняя нѣсколько текстъ, «de minimis non curat lex».

— М-ръ Докстеръ, сказалъ министръ, строгимъ тономъ:—я удивляюсь, какъ вы, прослуживъ столько лѣтъ въ этомъ управленіи и вполнѣ ознакомившись съ нашей новой системой, рѣшаетесь повторять такой избитый, давно выдохшійся афоризмъ. Знайте, сэръ, что, при теперешнемъ управленіи, нѣтъ ничего слишкомъ мелкаго и недостойнаго нашего надзора, и я всѣми силами стараюсь организовать столь совершенную систему инспекціи, чтобы каждый атомъ въ нашей странѣ былъ подвергнутъ микроскопическому наблюденію центральной власти.

М-ръ Докстеръ былъ совершенно пораженъ и уничтоженъ такимъ выговоромъ.

— Это дѣло должно быть вполнѣ изслѣдовано, сказалъ старшій секретарь.—Вы, м-ръ Докстеръ, напишите совѣту попечителей и потребуйте подробнаго объясненія.

И почтенная административная тройка перешла къ другимъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, инстинктъ стряпчаго, мистера Кальдвеля, оказался вѣрнымъ, и высшіе администраторы обратили вниманіе на Крошку Годжа, злоупотреблявшаго общественной благотворительностью.

О, господинъ великій министръ, господинъ первый секретарь и господинъ второй секретарь! есть точка зрѣнія, съ которой приведенный выше афоризмъ является исторической истиной. Какъ долго законъ не заботился о подобныхъ мелочахъ! Какъ мало безпокоились законъ и общество, источникъ закона, о бѣдныхъ, слабыхъ, униженныхъ, мелкихъ людяхъ, разбросанныхъ по нашей обширной, богатой родинѣ! Если теперь, когда мелкіе люди возвышаютъ голосъ, заставляютъ себя слушать и пріобрѣтаютъ могучую силу, трудно и даже опасно о нихъ заботиться, то кто-жь въ этомъ виноватъ? Во всякомъ случаѣ, благословенъ будетъ тотъ день, когда мы станемъ заботиться объ этихъ мелкихъ, забытыхъ людяхъ.

VII.

Борьба между центральной властью и мѣстнымъ самоуправленіемъ.

На первомъ засѣданіи кодльтонскаго приходскаго совѣта, послѣ переданнаго выше разговора, снова былъ поднятъ вопросъ о Крошкѣ Годжѣ. Секретарь прочелъ слѣдующее письмо:

«Центральное управленіе. Вайтголлъ, 30 іюня 18—».

«Сэръ, мнѣ поручено увѣдомить господъ попечителей, что вниманіе начальника центральнаго управленія обращено на одинъ изъ фактовъ, обозначенныхъ въ послѣднемъ отчетѣ кодльтонскаго союза, а именно: что Годжъ, сынъ Джона Годжа изъ Ганкерлея, содержится союзомъ, хотя его отецъ не находится въ его учрежденіяхъ, не сумасшедшій, не умеръ и не пользуется никакою помощью союза.

«Мнѣ поручено господиномъ начальникомъ указать на эту важную неправильность, которая, если не будетъ удовлетворительно объяснена, можетъ возбудить слѣдствіе и ревизію особымъ комисаромъ. Между тѣмъ, попечительный совѣтъ приглашаетъ представить подробное объясненіе фактовъ и причинъ, если таковые имѣются, для отступленія отъ закона.

Честь имѣю быть

Джереми Докстеръ».

По прочтеніи этого письма, попечители взглянули молча другъ на друга. Лицо мистера Кальдвеля сіяло удовольствіемъ, какъ человѣка, который предсказалъ дурное и оно, по счастію, совершилось. Сквайръ первый прервалъ молчаніе. Щеки его гнѣвно пылали подъ тѣнью высокихъ воротничковъ и сѣдыхъ бакенбардъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ.—Центральное управленіе слишкомъ стало придирчиво. Какое дѣло начальнику этого управленія до того, что мы расходуемъ свои деньги на Крошку Годжа? Весь разговоръ о какихъ-нибудь сорока шилингахъ, а онъ грозитъ намъ слѣдствіемъ. Увѣряю васъ, господа, что, если дѣла будутъ такъ идти, то ни одинъ порядочный человѣкъ не пойдетъ въ попечители. Неужели представители лучшихъ, стариннѣйшихъ родовъ графства дозволятъ, чтобъ ими помыкалъ какой нибудь демократическій выскочка, покровительствуемый радикальнымъ министерствомъ? Нѣтъ, господа...

Тутъ раздраженіе сквайра дошло до того, что онъ не могъ продолжать своей рѣчи и гнѣвно ударилъ рукою по столу.

— Да̀, замѣтилъ пасторъ, спокойнымъ тономъ: — подобными дѣйствіями мѣстное самоуправленіе доводится до абсурда. Мы собираемся сюда, какъ люди мыслящіе (глаза пастора сомнительно остановились на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ), только для того, чтобъ помѣчать предписанія мистера Мордаунта. Еслибъ я не былъ обязательнымъ членомъ, то, конечно, вышелъ бы изъ собранія, имѣющаго столь комическое значеніе.

Сквайръ бросилъ ободрительный взглядъ на пастора.

— Но что̀ же мы будемъ дѣлать съ ребенкомъ? сказалъ стряпчій.—Сто̀итъ ли бороться съ центральнымъ управленіемъ изъ-за такого пустяка? Если я не ошибаюсь, единственное основаніе нашего предъидущаго рѣшенія—миніатюрные размѣры ребенка. Не правда ли, господинъ секретарь?

— Я не знаю другого предлога къ нашему оправданію, отвѣчалъ секретарь:—вѣдь мы на самомъ дѣлѣ содержимъ ребенка.

— Весь этотъ шумъ изъ ничего, замѣтилъ мистеръ Гаррисъ:— ребенокъ—ничто̀ и онъ ничего не сто̀итъ; не такъ ли, мистеръ Кальдвель?

— Ха, ха, ха! Очень остроумно, произнесъ стряпчій, имѣвшій уважительныя причины соглашаться съ Гаррисомъ, но видя, что сквайръ и пасторъ даже не улыбнулись, онъ принялъ немедленно серьёзный тонъ:—впрочемъ, теперь, мистеръ Гаррисъ, не до шутокъ. Это—очень важный вопросъ. Что̀ намъ дѣлать?

— Бороться до смерти! воскликнулъ капитанъ Колингсби, который въ свое время воевалъ не только на словахъ, но на дѣлѣ, и безъ малѣйшаго укора совѣсти навелъ бы шестидесяти-четырехъ-фунтовую пушку на центральное управленіе.—Тутъ дѣло не въ ростѣ; еслибъ ребенокъ былъ великанъ, то это нисколько не измѣнило бы нашего положенія. Я говорю о принципѣ. Если начальникъ центральнаго управленія будетъ совать свой носъ въ подобныя дѣла̀, которыя совѣтъ вполнѣ способенъ разрѣшать по своему, то пусть онъ самъ пріѣзжаетъ сюда и распоряжается. Лопни мои глаза, если я стану засѣдать здѣсь для того, чтобъ исполнять его приказанія.

— Э, капитанъ! сказалъ мистеръ Гаррисъ, который, какъ оптовый торговецъ и радикалъ, не нравился многимъ членамъ прихода, отличавшагося чрезвычайно отсталыми понятіями:—я полагаю, что приходскія дѣла̀ могли бы вестись гораздо лучше, еслибы обращалось побольше вниманія на интересы плательщиковъ налога, чѣмъ на титулы. Можетъ быть, еслибы вы удали-

лись, то мы замѣнили бы васъ какимъ нибудь болѣе практическимъ человѣкомъ.

— Который умѣлъ бы обдѣлывать свои дѣлишки, прибавилъ капитанъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, произнесъ сквайръ, не глядя на мистера Гарриса:—вы знаете близко все, что̀ касается торговли углемъ, свѣчами и т. д. и, вѣроятно, мы могли бы найти другихъ подобныхъ вамъ лицъ, которыя согласились бы вступить въ совѣтъ; но я позволю себѣ сказать, что, если страна желаетъ хорошей администраціи, то въ совѣтѣ должны быть только люди способные и вліятельные.

— Хорошо, отвѣчалъ Гаррисъ добродушно;—но если джентльменъ откажется отъ своего мѣста, то его замѣнитъ торговецъ.

— Вопросъ теперь ясенъ, сказалъ мистеръ Кальдвель;—что̀ же намъ дѣлать съ Годжемъ? Кстати, зачѣмъ его до сихъ поръ не крестили, г. секретарь?

— Онъ—не крещеный! воскликнулъ пасторъ.—Этого быть не можетъ. Кто нибудь да окрестилъ его?

Паника была общая. Всѣ обратились къ мистеру Ми, и тотъ объяснилъ, что ребенокъ не былъ еще принятъ въ лоно церкви. Тогда пасторъ, къ явному неудовольствію стряпчаго и оптоваго торговца, объявилъ, что онъ не можетъ участвовать въ дальнѣйшихъ преніяхъ и по совѣсти обсуждать интересы ребенка прежде, чѣмъ онъ получитъ какія нибудь права̀ черезъ святое крещеніе. Еслибъ онъ умеръ въ такомъ положеніи, то его не похоронили бы на кладбищѣ. Пламенная энергія пастора подѣйствовала на присутствующихъ, и было рѣшено немедленно окрестить младенца.

Анна Симонсъ принесла Крошку Годжа, и пасторъ, прочитавъ установленныя молитвы, приступилъ къ обряду крещенія.

— А какое ему дать имя? неожиданно спросилъ онъ.

— Вы можете воспользоваться священнымъ писаніемъ, отвѣчалъ стряпчій:—назовите его Веніаминомъ.

— Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, произнесъ пасторъ:—крестится младенецъ Веніаминъ.

Такимъ образомъ, Крошка Годжъ сдѣлался христіаниномъ.

Когда обсужденіе спорнаго вопроса снова возобновилось, присутствовавшіе фермеры присоединились къ капитану и сквайру. Они сдѣлали это, сознавая, что вопросъ былъ серьёзный. Очевидно, министръ хотѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, сдѣлать попечителей простыми пѣшками, на что̀ англичане никогда не согласятся. Уничтоживъ ихъ власть, онъ уменьшитъ ихъ вліяніе на рабочихъ и заработную плату. Поэтому бы-

ло рѣшено, несмотря на протесты обязательныхъ членовъ совѣта и нѣкоторыхъ другихъ, послать министру отвѣтъ, въ которомъ, сожалѣя объ его вмѣшательствѣ въ дѣло, касающееся исключительно попечителей, совѣтъ, указывая на всю безвыходность положенія Годжа, объявитъ рѣшеніе попечителей объ оставленіи Крошки Годжа на попеченіи Анны Симонсъ.

Только англичане могутъ понять смыслъ всего, что̀ послѣдовало за этимъ постановленіемъ совѣта. Особый правительственный чиновникъ былъ посланъ въ Кодльтонъ для изслѣдованія дѣла. Онъ посѣтилъ всѣ учрежденія союза, подвергъ допросу Анну Симонсъ и смотрителя заведенія, освидѣтельствовалъ ребенка и опредѣлилъ точное количество пищи и питья, которое эта молодая женщина употребляла сверхъ обыкновеннаго количества, отпускаемаго кормилицамъ. Результатомъ этого слѣдствія былъ ученый докладъ, въ которомъ докторъ Сурчасъ, послѣ химическаго анализа, пришелъ къ заключенію, что Анна Симонсъ ѣстъ болѣе въ день на четыре унца и пьетъ пива болѣе на полкружки, чѣмъ еслибы кормила одного ребенка, а слѣдовательно, плательщики налога для бѣдныхъ подвергаются явному обману.

Вслѣдствіе этого доклада, центральное управленіе предписало совѣту попечителей кодльтонскаго приходскаго союза немедленно прекратить незаконное покровительство, оказываемое Крошкѣ Годжу, и внушить отцу его, что онъ обязанъ содержать своего ребенка. Совѣтъ исполнилъ это предписаніе, хотя и противъ воли. Англичане походятъ въ этомъ отношеніи на Фальстафа: они не любятъ исполнять даже свои обязанности изъ подъ палки, что̀ составляетъ характеристическую черту, достойную вниманія законодателей и администраторовъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изъ одного союза въ другой.

I.

Безвыходное положеніе.

Годжъ очень нелюбезно принялъ извѣстіе о возвращеніи ему крошки сына, котораго ему приходилось теперь кормить, одѣвать и воспитывать. Безпристрастное отношеніе къ дѣлу немыслимо, когда нищета своей тяжелой пятой давитъ человѣка. Нельзя въ такихъ случаяхъ привлекать его къ отвѣтственности за то, что̀ онъ думаетъ и говоритъ.

Страшный вопросъ, представившійся ему передъ открытой могилой жены, теперь требовалъ немедленнаго разрѣшенія. На него нельзя было уже смотрѣть съ спокойствіемъ философа и ждать разрѣшенія его въ будущемъ; онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ грозной задачей. Долго откладывалъ Годжъ разрѣшеніе этой злой шутки судьбы; наконецъ, на другой день, послѣ полученія имъ извѣстія, онъ, возвратясь домой, увидалъ Крошку Годжа на рукахъ своей старшей дочери Мэри. Начиная съ шести лѣтъ, Мэри постоянно няньчила дѣтей, такъ что даже ея юная спина нѣсколько сгорбилась; но никогда у ней не было питомца, который бы такъ подходилъ къ ея росту. По крайней мѣрѣ, такъ показалось Годжу, когда онъ увидалъ маленькую няньку, укачивавшую на своей ладони ребенка, походившаго на куклу. Всѣ остальныя дѣти окружали ее, оглашая воздухъ восклицаніями, которыя показались бы Годжу очень забавными, еслибъ онъ былъ въ духѣ.

Въ глазахъ бѣдняка потемнѣло при видѣ этой сцены, прелестной на словахъ или на полотнѣ, но не въ дѣйствительности. Она казалась Годжу грустной, мрачной, и не могло быть иначе. Что̀ было ему дѣлать? Двѣнадцати-лѣтняя Мэри не могла быть постоянной нянькой грудного ребенка. Ей было забавно подержать на рукахъ, впродолженіи часа или двухъ, здоровую, хорошо откормленную куклу, но ка̀къ могла она ухаживать, печься

*

и заботиться о ней постоянно? Нанять кого-нибудь для исполненія этихъ обязанностей онъ не имѣлъ средствъ, а для того, чтобъ самому взяться за это, надо было бросить работу, доставлявшую ему единственное средство къ жизни. Погруженный въ эти тяжелыя думы, онъ протянулъ палецъ къ своему миніатюрному дѣтищу, и Крошка Годжъ съ веселой улыбкой старался обвить этотъ грубый палецъ своими маленькими рученками. Потомъ онъ взялъ ребенка на руки или, лучше сказать, на одну руку, которая сильно задрожала при мысли, что достаточно было мгновеннаго движенія для отсрочки навсегда терзавшей его задачи. Но рука эта тотчасъ окрѣпла и нѣжно сжала ребенка, потому что въ этомъ простомъ поселянинѣ сердце было доброе, благородное.

— Мэри, сказалъ онъ наконецъ:—что̀ мы будемъ съ нимъ дѣлать? Кто ему будетъ матерью?

— Я, отвѣчала Мэри, принимая на себя материнскій тонъ, который никакъ не согласовался съ ея маленькимъ ростомъ: — я могу отлично ходить за нимъ, если вы только, батюшка, будете одѣвать другихъ дѣтей. Томасъ такъ же можетъ намъ помочь, онъ—ловкій мальчикъ. Не правда ли, Томасъ, ты намъ поможешь?

Въ сущности, Томасъ предпочиталъ домашнимъ заботамъ ловлю птицъ и игры съ товарищами, но, подъ вліяніемъ присутствія отца, онъ милостиво выразилъ свое согласіе.

— Нѣтъ, это немыслимо! воскликнулъ Годжъ, топнувъ ногою:— ты не можешь, Мэри, няньчиться съ нимъ. Кто тогда станетъ варить дѣтямъ супъ, одѣвать ихъ, чинить ихъ платья? Но ка̀къ онъ похожъ на свою мать! Бѣдная женщина! Ахъ, еслибъ только она была въ живыхъ! Ну, Мэри! возьми ребенка.

Съ этими словами онъ отдалъ Крошку его импровизированной нянькѣ и вышелъ изъ комнаты. Мэри смотрѣла ему вслѣдъ и увидала, ка̀къ онъ съ поникшей головой медленно направился къ кладбищу. Она не могла удержаться отъ слезъ, а всѣ остальныя дѣти стали ей вторить, такъ что составился раздирательный хоръ.

II.

Предувѣдомленіе.

Видя, что попечители о бѣдныхъ отвернулись отъ него, Джонъ Годжъ счелъ себя въ правѣ обратиться къ своему хозяину. По его мнѣнію, или кто-нибудь долженъ былъ взять ребенка на свое попеченіе, или самъ онъ долженъ былъ увеличить свои средства,

чтобъ имѣть возможность платить за попеченія о ребенкѣ. Мы не можемъ очень строго отнестись къ логичности этого вывода. Логика Годжа была не строго-научная, но естественная. Конечно, не подлежитъ спору, что каждый новый ребенокъ не составляетъ уважительной причины къ увеличенію заработной платы, получаемой отцомъ. Но когда человѣкъ получаетъ столь скудную плату за свой трудъ, что, при всей его честности и энергіи, приращеніе семейства переворачиваетъ вверхъ дномъ всѣ экономическія условія его жизни, то подобный фактъ достоинъ вниманія хозяина. Человѣкъ, стоящій такъ близко отъ голодной смерти, не можетъ получать справедливой заработной платы и, конечно, не можетъ хорошо работать. Годжъ не былъ въ состояніи теперь развивать такіе тонкіе аргументы, и, хотя онъ рѣшился говорить съ хозяиномъ о прибавкѣ жалованья, но никакъ не могъ привести въ исполненіе своей рѣшимости. Два или три раза онъ отправлялся съ этой цѣлью къ мистеру Джоли, но, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ фермеромъ, онъ терялъ всякое мужество и съ трусостью голоднаго человѣка не смѣлъ громко выразить своихъ желаній.

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ, его сердце все болѣе и болѣе обливалось кровью. Онъ долженъ былъ сократить скудную пищу другихъ дѣтей, чтобъ имѣть возможность платить за бутылку снятого молока, которое, смѣшанное съ мукой, составляло пищу Крошки Годжа, и за попеченія сосѣдки, спасавшей отъ времени до времени его домъ отъ ужаснаго хаоса. Но несмотря на всѣ его усилія, на блѣдныхъ лицахъ его дѣтей ясно виднѣлись изнуреніе и голодъ. Маленькое тѣло Крошки Годжа съеживалось каждый день все болѣе и болѣе. Самъ Годжъ отправлялся по утрамъ на работу безъ пищи, съ нестерпимыми спазмами въ желудкѣ и, подобно блудному сыну (онъ—блудный сынъ, какая злобная насмѣшка судьбы!), питался желудями.

Представьте себѣ, читатель сытый, счастливый—все равно мужчина вы, женщина или ребенокъ—представьте себѣ положеніе человѣка, работающаго двѣнадцать часовъ къ ряду съ пустымъ желудкомъ и знающаго, что послѣ тяжелой работы ему нечѣмъ утолить голода, что онъ будетъ такъ работать и голодать день за днемъ, недѣлю за недѣлей, годъ за годомъ! И однако, сколько несчастныхъ воздѣлывателей земли терпѣливо несутъ бремя своего дурно оплаченнаго труда и тщетно стараются сырыми кореньями поддержать въ себѣ настолько жизни, чтобы можно было продолжать работу.

Маленькая Мэри съ вдохновеннымъ материнскимъ инстинктомъ умѣла отказывать себѣ даже въ той скудной пищѣ, которая при-

ходилась на ея долю и, благодаря постояннымъ заботамъ о чахнувшемъ маленькомъ созданіи, она сама съ каждымъ днемъ становилась все блѣднѣе и изнуреннѣе, такъ что Джонъ Годжъ невыразимо терзался, смотря на нее. Боже мой! образъ этого человѣка, сидящаго по вечерамъ послѣ тяжелаго труда передъ одиннадцатью изнуренными дѣтьми и вполнѣ сознающаго, что въ будущемъ его ожидаютъ еще болѣе печальные дни, возстаетъ передо мною такъ ясно, такъ живо, съ такой убійственной дѣйствительностью, что рука у меня дрожитъ, перо выпадаетъ и я не могу, не смѣю сказать всего, что̀ хотѣлъ бы. Я только удивляюсь терпѣнью этого труженика.

Наконецъ, плоть и кровь не могли вынести долѣе подобную пытку. Отчаяніе придало Годжу смѣлости и, увидавъ однажды утромъ на сѣнокосѣ мистера Джоли, онъ подошелъ къ нему, искоса поглядывая на жирную фигуру богатаго фермера.

— Позвольте мнѣ, сэръ, сказать вамъ два слова.

— Два слова, отвѣчалъ фермеръ, пристально взглянувъ на Годжа:—о чемъ?

Годжъ. Вотъ видите (и онъ переминался съ ноги на ногу):—вы, конечно, слышали...

Джоли. Чего-жъ вы хотите, чортъ возьми? Что̀ вамъ нужно? бутылку молока для Крошки или шиллингъ въ займы? Или вы, быть можетъ, убили зайца; я, въ такомъ случаѣ, не могу вамъ помочь. Мы рѣшились всѣми силами уничтожать противузаконную охоту.

Годжъ. Нѣтъ, сэръ, дѣло не въ этомъ. Вотъ видите, сэръ, моя бѣдная жена Мэри умерла и у меня нѣтъ никого, кто бы могъ печься о ребенкѣ, кромѣ маленькой дочери Мэри... а она слишкомъ молода, она не умѣетъ...

Джоли. Вы хотите, чтобъ я взялъ вашего ребенка?

Годжъ. Нѣтъ, сэръ, но вотъ видите, сэръ, еслибъ я могъ платить сосѣдкѣ за попеченія о ребенкѣ, то дѣло бы еще пошло. Да вотъ бѣда, на это нужно три или четыре шиллинга. А откуда мнѣ ихъ взять изъ моего малаго жалованья?

Джоли. Такъ обратитесь въ приходскій союзъ. Вы знаете, я—одинъ изъ попечителей. Достаньте докторское свидѣтельство о болѣзни вашихъ дѣтей, и мы вамъ отпустимъ вдоволь всякой пищи.

Годжъ. Нѣтъ, сэръ, благодарствуйте. Я—не такой человѣкъ. Я не стану просить милостыни, когда могу честно работать. Я никогда не просилъ Христа-ради и не буду. Лучше съ голода умру.

Джоли. Очень глупо. Для чего же устроены приходскіе сою-

зы, какъ не для помощи вашему брату въ такихъ обстоятельствахъ. Напрасно вы себя считаете лучше другихъ.

Фермеръ сдѣлалъ саркастическое удареніе на послѣднихъ словахъ; онъ, казалось, былъ очень доволенъ, что нашелъ выходъ изъ безвыходнаго положенія, повидимому, въ прекрасномъ, нравственномъ принципѣ.

Годжъ Это не потому, чтобъ я былъ лучше сосѣдей; но мы съ Мэри никогда не обращались за помощью въ приходъ, исключая самыхъ крайнихъ случаевъ, и съ Божьей помощью я не отступлю отъ этого правила. Но мое жалованье можно бы увеличить на нѣсколько шиллинговъ, не правда ли, сэръ? (Эти слова̀ были произнесены Годжемъ отрывисто, съ необыкновеннымъ усиліемъ). Вы знаете, сэръ, что я всегда былъ хорошимъ рабочимъ: я могу сдѣлать почти вдвое противъ любого работника въ Ганкерлеѣ и сто̀ю больше ихъ всѣхъ.

Это была совершенная правда. Годжъ сто̀илъ гораздо болѣе всѣхъ рабочихъ на фермѣ, какъ по искуству, такъ и по опытности, и, еслибъ заработная плата была соотвѣтственна труду, то, конечно, онъ получалъ бы отъ двѣнадцати до пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю. Фермеръ Джоли, какъ истый англичанинъ, не могъ не признать справедливости словъ Годжа, но по той же причинѣ не могъ этого высказать, такъ какъ въ дѣлѣ замѣшанъ былъ его личный интересъ.

Джоли. Вы хорошо знаете, что жалованье выдается всѣмъ равное, а не по достоинству работы. Къ тому же, развѣ я вамъ не даю даромъ жилища, дровъ, пива? Вы понимаете, что я не могу увеличить вашего жалованья. Сдѣлай я это, всѣ сосѣдніе фермеры возстанутъ противъ меня.

Годжъ. Но вѣдь это—не причина оказывать мнѣ несправедливость. Если вы признаёте, что я работаю болѣе другихъ и что они получаютъ такъ же, какъ я, жилище, дрова и пиво, то развѣ мнѣ не слѣдуетъ прибавить жалованья?

Джоли. Я не хочу вступать съ вами въ споръ. Хотите—такъ работайте, а нѣтъ—такъ убирайтесь.

Годжъ. Вы правы, сэръ, я не могу долѣе такъ жить. Мы дома всѣ умираемъ съ голода, и вотъ ужь десять дней, какъ я не обѣдалъ.

Фермеръ увидалъ въ глазахъ Джона Годжа что-то недоброе и поспѣшно сказалъ:

— Если дѣло дошло до этого, то ступайте ко мнѣ въ домъ и спросите у жены каравай хлѣба, кусокъ свинины и кружку парного молока для ребенка. Но помните, сэръ, вы не должны никогда болѣе ни мнѣ, никому другому говорить о возвышеніи

заработной платы. Если мы увеличимъ жалованье одному, то должны сдѣлать это для всѣхъ и, конечно, раззоримся въ пухъ.

Онъ повернулся и хотѣлъ уйти, но Годжъ дошелъ до отчаянія и воскликнулъ съ неожиданной энергіей:

— Нѣтъ, сэръ, этого мнѣ недостаточно. Благодарю васъ за хлѣбъ, свинину и молоко, но вѣдь этого хватитъ только на одинъ обѣдъ. Я вамъ сказалъ, сэръ, что не могу работать на васъ за десять шиллинговъ въ недѣлю, не могу и не хочу.

Годжъ мало-по-малу выработалъ себя до этого смѣлаго гнѣвнаго протеста, столь противорѣчившаго его обычному, пассивному тону. Такая неожиданная перемѣна удивила и обезпокоила фермера. Хлыстъ задрожалъ въ его рукѣ.

— Чортъ возьми! произнесъ онъ.—Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите, неблагодарное животное! Вы съ своимъ семействомъ живете на моей землѣ вотъ ужь двадцать лѣтъ; я акуратно плачу вамъ жалованье, зимою и лѣтомъ, въ хорошую и дурную погоду; я былъ всегда для васъ добръ и дѣлалъ вамъ подарки на Рождество, а теперь, испытавъ впервые бѣду, вы требуете у меня прибавки жалованья. Но послушайте, Годжъ, я на этотъ разъ вамъ прощаю; но если услышу когда-нибудь отъ васъ еще слово о прибавкѣ жалованья, то въ тотъ же день выгоню васъ съ фермы и обѣщаю вамъ, что никто въ нашемъ околодкѣ, миль на двадцать вокругъ, не дастъ вамъ работы. Вотъ вамъ мой дружескій совѣтъ: подумайте хорошенько объ этомъ и постарайтесь сами выпутаться изъ бѣды, а если вашихъ силъ не хватитъ, то обратитесь за помощью туда, куда обращаются всѣ другіе. Приходскій союзъ обязанъ оказать вамъ содѣйствіе.

— Онъ возвратилъ мнѣ моего ребенка! воскликнулъ Годжъ вслѣдъ уходившему фермеру.

Въ эту минуту въ сердцѣ Годжа боролись невозможныя чувства, а, главнымъ образомъ, сожалѣніе и негодованіе. Онъ не могъ затушить въ себѣ укора совѣсти (такъ несовершенны были его нравственныя идеи) за мгновенное пресѣченіе добрыхъ отношеній къ хозяину, существовавшихъ столько лѣтъ; но, съ другой стороны, Годжъ вполнѣ понималъ, что его требованія, помимо его крайняго положенія, совершенно справедливы и что доводы фермера были далеко не серьёзными доводами. Я вовсе не желаю анализировать мысли фермера Джоли, но въ своемъ родѣ это былъ добродушный человѣкъ, и мы не должны быть слишкомъ къ нему строги. Онъ столько же былъ жертвою ложной общественной системы, сколько и бѣдный Джонъ Годжъ.

III.

У пастора.

Горьки, хотя естественно узки и туманны были размышленія Годжа объ его свиданіи съ фермеромъ. Но нищета его была такъ велика и голодъ его дѣтей такъ силенъ, что онъ почти автоматически пошелъ въ домъ Джоли и получилъ обѣщанную ему подачку. Его занимала теперь только одна мысль, что онъ имѣлъ возможность отдохнуть хотя двадцать четыре часа и обдумать свое положеніе.

Приходъ отвернулся отъ него; хозяинъ отказалъ ему въ помощи; ему оставалось еще обратиться къ пастору.

Достопочтенный Винвудъ Лестеръ, ректоръ Ганкерлея, прибылъ въ этотъ приходъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ университета сквайра Биртона, отъ котораго зависѣло назначеніе пастора. Онъ происходилъ изъ хорошаго, но бѣднаго семейства, и привезъ изъ Оксфорда столько знанія и такую хорошую репутацію, что жаль было видѣть его въ скромной обстановкѣ сельскаго пастора. Однакожь, онъ вскорѣ привыкъ къ своей тихой, монотонной дѣятельности; его всѣ уважали, и своимъ добродушіемъ онъ снискалъ довѣріе богатыхъ и бѣдныхъ; что же касается сквайра, то онъ былъ его закадычнымъ другомъ. Въ религіозномъ отношеніи, пасторъ былъ приверженцемъ умѣренной партіи высокой церкви. Одежда его была приличная, степенная, хотя по формѣ она нѣсколько приближалась къ облаченію католическаго патера, сходство съ которымъ увеличивалось еще круглой, поярковой шляпой, не отличавшейся, однакожь, небрежностью, какъ у многихъ представителей англійскаго духовенства.

У мистера Лестера былъ помощникъ—пасторъ Линкбой, котораго рекомендовало ему такое авторитетное лицо, какъ докторъ Фуссей; но мистеръ Лестеръ вскорѣ нашелъ, что его слѣпое довѣріе къ авторитетной рекомендаціи поставило его въ очень неловкое положеніе. Мистеръ Линкбой принадлежалъ къ новой, передовой школѣ ритуалистовъ; онъ превосходилъ во всѣхъ отношеніяхъ своего духовнаго главу—мистера Лестера. Его сюртукъ былъ длиннѣе, жилетъ походилъ на рясу, бѣлая манишка была почти невидима, а горло также религіозно грязно, какъ у любого католическаго патера, а главное, онъ носилъ большую, мягкую, съ поярковыми полями шляпу, которая была такихъ

громадныхъ размѣровъ, что его во всемъ околодкѣ прозвали чернымъ грибомъ. Несмотря на все это, мистеръ Линкбой энергично трудился и совѣстливо боролся съ міромъ, плотью и дьяволомъ. Онъ избѣгалъ перваго, умерщвлялъ вторую и вступалъ въ единоборство съ третьимъ, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся. Народъ смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, какъ на паписта; и его поведеніе, какъ въ церкви, такъ и внѣ ея, давало полное основаніе подобному предположенію. Многіе утверждали, что онъ дѣлалъ себя предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ ради полученія за это награды въ будущей жизни.

Схоронивъ Мэри Годжъ, мистеръ Линкбой далъ себѣ слово посѣщать семейство бѣдной женщины. Онъ дѣйствительно заходилъ два раза къ маленькой Мэри, но его строгія, торжественныя манеры и удивительная шляпа нетолько возбудили въ ней сомнѣнія, но вызвали громкіе вопли со стороны большинства дѣтей. Среди такого плачевнаго хора, пасторъ смѣло опустился на колѣни, произнесъ нѣсколько молитвъ и, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ ревущихъ дѣтей, призвалъ на ихъ головы благословеніе Божіе. Услыхавъ объ этихъ посѣщеніяхъ, Годжъ, съ чувствомъ какой-то презрительной благодарности, сказалъ своей старшей дочери: «Не обращай на него вниманія, Мэри, это—не пасторъ; это—его помощникъ, у котораго, говорятъ, голова не совсѣмъ въ порядкѣ, но, впрочемъ, онъ старается дѣлать добро».

Такимъ образомъ, не смотря на ясно выраженное сочувствіе къ нему со стороны мистера Линкбоя, Джонъ Годжъ обратился къ мистеру Лестеру, какъ человѣку, болѣе симпатичному. Однажды, въ прекрасный, весенній вечеръ, онъ прошелъ съ кладбища, гдѣ находилась могила его жены, къ пасторскому дому. Онъ смиренно остановился у небольшой галлереи, украшенной цвѣтами, а пасторъ, увидавъ его изъ окна, выслалъ ему стаканъ пива, хлѣба и сыру. Эта любезность имѣла прекрасное вліяніе на Годжа и измѣнила къ лучшему его настроеніе. Послѣ обѣда, пасторъ вышелъ къ нему; такъ какъ Годжъ рѣдко ходилъ въ церковь, то мистеръ Лестеръ почти не зналъ его лично, но его недавняя потеря и необыкновенная исторія Крошки сына возбуждали сочувствіе добродушнаго человѣка.

— Вы желаете со мною поговорить, Годжъ? сказалъ пасторъ, съ любезной улыбкой.

Этотъ, высокаго роста, широкоплечій человѣкъ, съ сѣдыми бакенбардами и такими же сѣдыми, вьющимися волосами, былъ вѣрнымъ олицетвореніемъ доброй, свѣтлой, сочувственной церкви.

— Если позволите, сэръ, отвѣчалъ Годжъ, снимая шляпу.

— Хорошо, сядьте на скамейку, произнесъ пасторъ, небрежно опускаясь на стулъ и вынимая изъ кармана зубочистку.—Ну, кàкъ здоровье ребенка? Я, кажется, окрестилъ его Веніаминомъ. Не такъ ли? Хорошо ли за нимъ ухаживаютъ?

— Нѣтъ; въ этомъ-то и дѣло, сэръ, что за нимъ нѣтъ хорошаго ухода и онъ очень захирѣлъ. У меня, вы знаете, одиннадцать дѣтей...

— Дà, дà, помню. Вамъ вернули ребенка изъ приходскаго союза. Неужели вы не нашли никого, кто бы взялся ходить за нимъ?

— Нѣтъ, сэръ, гдѣ мнѣ найти такого человѣка? Я получаю всего девять шиллинговъ въ недѣлю—выходитъ на каждаго ребенка менѣе шиллинга.

— Дà, вы правы. Вамъ надо бы обратиться за помощью къ приходскому союзу.

— Я не желаю получать милостыню; я предпочитаю быть независимымъ, сэръ...

— Но если это невозможно?

— Тогда я лучше умру съ голода.

— Не говорите такъ, это грѣшно. Вы—отецъ одиннадцати дѣтей и поставлены Богомъ въ такое положеніе, что должны пользоваться всѣми средствами для ихъ поддержки. Если вы сами не можете содержать вашихъ дѣтей, вы должны просить помощи у прихода; это совершенно просто и очевидно. Вамъ слѣдуетъ пригласить доктора для освидѣтельствованія вашихъ дѣтей, и онъ, конечно, пропишетъ имъ хорошую, здоровую пищу.

— Нѣтъ, сэръ, я предпочитаю содержать ихъ своимъ трудомъ.

— Но вы сами хорошо знаете, что это невозможно при жалованьи въ девять шиллинговъ въ недѣлю.

— Вотъ, сэръ, гдѣ настоящая загвоздка, отвѣчалъ Годжъ, и лицо его нѣсколько прояснилось:—я самъ тоже говорю. Я не могу долѣе существовать на девять шиллинговъ въ недѣлю, но еслибъ наше жалованье распредѣлялось справедливѣе, я могъ бы обойтись и безъ помощи прихода. Жалованье мое слишкомъ ничтожно, вы совершенно правы, сэръ.

— Однако, возразилъ пасторъ, видя, что онъ неосторожно зашелъ слишкомъ далеко:—девять шиллинговъ—хорошая плата въ нашихъ мѣстахъ, и, вѣроятно, мистеръ Джоли даетъ вамъ пиво, дровà и т. д. Вы не можете получить болѣе обыкновенной цѣны Вы знаете, что мы съ вами не можемъ возвышать заработной платы выше существующей цѣны.

— Но вы сами говорите, сэръ, что я за свой, вполнѣ хорошій трудъ получаю такую сумму денегъ, на которую не могу

жить; при этой платѣ, я почти умираю съ голоду; повторяю, сэръ, ее должны увеличить.

— Говорили вы съ мистеромъ Джоли?

— Да, сэръ; онъ отвѣчалъ, что не можетъ платить болѣе и что, къ тому же, остальные фермеры не потерпятъ возвышенія заработной платы.

— Я того же мнѣнія, Годжъ, особливо при теперешнемъ положеніи приходскаго союза. Вы должны быть довольны тѣмъ, что у васъ есть, и не желать невозможнаго. Если вы не въ состояніи печься о своихъ дѣтяхъ, то законъ предоставляетъ вамъ право пользоваться помощью прихода, и вы обязаны принять ее. Какъ я уже сказалъ, Провидѣнію угодно было поставить васъ въ одно положеніе, а меня въ другое. Я не совершенно доволенъ моимъ положеніемъ; вы жалуетесь на ваше. Но нашъ долгъ мириться съ своею судьбою и принимать съ благодарностью то, что Богъ намъ ниспосылаетъ. Любезный другъ, прибавилъ онъ очень добродушно:—не поддавайтесь духу своеволія; подобными разговорами вы заслужите дурную репутацію и навлечете большія несчастія во всемъ околодкѣ.

— Я боюсь, что ваши слова исполнятся, сэръ, отвѣчалъ Годжъ:—я не могу смотрѣть, сложа руки, какъ мои дѣти умираютъ съ голоду, я знаю, что многіе раздѣляютъ мое мнѣніе. Я надѣялся, сэръ, что вы поможете намъ и уговорите фермеровъ платить намъ немного болѣе теперешняго жалованья.

— Я вижу, вы сами не понимаете, чего просите, сказалъ мистеръ Лестеръ, качая головою:—я—служитель церкви; что скажутъ фермеры, если я стану вступаться въ ихъ дѣла съ рабочими? Нѣтъ, это невозможно. Ступайте домой и обдумайте все это хорошенько. Я увѣренъ, что вы перемѣните свое мнѣніе. Я вамъ пришлю завтра мистера Линкбоя; онъ съ вами поговоритъ.

— Извините, сэръ, отвѣчалъ Годжъ, комкая въ своихъ рукахъ шляпу:—не присылайте вашего помощника; онъ только пугаетъ дѣтей своими странными манерами. Къ тому же, онъ не можетъ оказать намъ никакой пользы; развѣ только если принесетъ молока и извѣстіе объ увеличеніи жалованья. Мы въ грошъ не ставимъ, сэръ, его папистскихъ выходокъ. Вотъ, еслибъ вы зашли—дѣло другое, мы всегда рады васъ видѣть. Прощайте, сэръ, очень вамъ благодаренъ.

Пасторъ кивнулъ головою уходившему Годжу и не могъ скрыть улыбки при мысли объ уморительномъ видѣ, который долженъ былъ представлять мистеръ Линкбой, въ своей странной одеждѣ, среди плачущихъ дѣтей. Эта уморительная картина изгнала на время изъ его головы болѣе серьёзныя мысли, возбужденныя сло-

вами Джона Годжа; но вскорѣ онъ сталъ съ безпокойствомъ спрашивать себя, не былъ ли этотъ разговоръ отголоскомъ общественнаго мнѣнія всего прихода; не дошло ли, въ самомъ дѣлѣ, положеніе скромныхъ и терпѣливыхъ сельскихъ рабочихъ до такой крайности, что необходимо немедленно и разомъ оказать имъ радикальную помощь, измѣнивъ существующія низкія цѣны на трудъ. Пасторъ хорошо зналъ, что цѣны на жизненные припасы въ этой мѣстности увеличивались далеко не соразмѣрно съ увеличеніемъ платы за трудъ земледѣльца, и потому нынѣшнимъ рабочимъ было труднѣе существовать, чѣмъ ихъ отцамъ и дѣдамъ.

IV.

Послѣднее средство.

Изъ пасторскаго дома Годжъ пошелъ къ своему пріятелю Тимоти Нолекенсу, служившему пахаремъ у фермера Трускота. Мистеръ Трускотъ арендовалъ отъ сквайра Чарнлейскую ферму. На скатѣ горы, близь маленькаго серебристаго ручья, который, пробѣгая по миніатюрной долинѣ, отдѣлялъ землю Джоли отъ Чарнлейской фермы, находился рядъ хижинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Трускотскихъ Котеджей. Онѣ были построены еще отцомъ Трускота, который былъ, такимъ образомъ, наслѣдственнымъ фермеромъ, и объ этомъ фактѣ легко было догадаться при самомъ бѣгломъ взглядѣ на ферму. Трускотъ заботился только о томъ, чтобы свести концы съ концами; но, хотя къ его фермѣ принадлежала лучшая во всемъ помѣстьи земля, которая, при хорошей обработкѣ, могла бы принести втрое болѣе дохода, сквайръ не безпокоилъ своего арендатора: во-первыхъ, изъ ложнаго чувства доброты и, во-вторыхъ, ради давности арендныхъ отношеній Трускотовъ къ его семейству, которыя начались еще при его дѣдѣ. Что же касается настоящаго Трускота, то, какъ это хорошо было извѣстно управляющему сквайра, онъ не могъ употребить и ста фунтовъ для какой бы то ни было полезной цѣли. Землевладѣльцы, поселяне и капиталисты принуждены имѣть дѣло съ тысячами подобныхъ людей, которые только прозябаютъ на богатой, плодородной землѣ, даже въ наши дни научно-земледѣльческаго прогресса. Земледѣльцы, однако, теряютъ всего болѣе отъ этого положенія; другіе классы, если и страдаютъ, то могутъ утѣшаться тѣмъ, что они—самовольные мученики.

Тимоти Нолекенсъ жилъ въ одномъ изъ Трускотскихъ Котеджей. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, съ кривыми ногами, чрезвычайно смирный и тихій; но руки у него были очень длинныя и способныя на всякій трудъ, такъ что онъ иногда безропотно работалъ четырнадцать часовъ къ ряду. Мистрисъ Нолекенсъ была во всѣхъ отношеніяхъ совершенной противуположностью своего мужа и, такимъ образомъ, составляла прекрасное къ нему дополненіе. Отличаясь большимъ ростомъ и большой сметливостью, она до рожденія своего пятаго ребенка принимала участіе въ полевыхъ работахъ; но съ тѣхъ поръ она уже довольствовалась одними заботами по хозяйству. Изъ девяти дѣтей онъ потеряла трехъ: двухъ отъ скарлатины и одного отъ тифа, произведеннаго ядовитыми міазмами бѣднаго жилища и усугубленнаго дурнымъ леченіемъ приходскаго доктора. Удивительно было, что другія дѣти избѣгли роковой эпидеміи, но Провидѣнію угодно ставить невидимыя преграды между нѣкоторыми людьми и недугами. Присмотръ за больными дѣтьми былъ таковъ, что можно было подумать со стороны, будто сама мистрисъ Нолекенсъ желаетъ создать лучшія условія для заразы въ своемъ домѣ. Правда, остальныхъ дѣтей держали въ нижней комнатѣ, тогда какъ двое больныхъ лежали на чердакѣ; но мистрисъ Нолекенсъ постоянно бѣгала взадъ и впередъ по лѣстницѣ, одѣвала и раздѣвала больныхъ и здоровыхъ дѣтей одними и тѣми же руками, въ одномъ и томъ же платьѣ. Похоронивъ умершихъ, она прибѣгала къ одному дизенфицирующему средству, именно къ мылу, и то въ очень умѣренномъ количествѣ; бѣлье умершихъ было отдано въ общую стирку и поступило къ другимъ дѣтямъ. Въ тѣ времена доктора для бѣдныхъ довольствовались леченіемъ больныхъ и нисколько не думали о предохранительныхъ средствахъ; это не входило въ ихъ обязанность.

Источникъ, изъ котораго черпали воду семейство Нолекенсовъ и всѣ другіе обитатели Трускотскихъ Котеджей, былъ маленькій ручей, протекавшій у подножія горнаго откоса, а на самомъ скатѣ, за хижинами, были вырыты въ землѣ помойныя ямы. Свинья, которую держала мистрисъ Нолекенсъ, жила подъ окномъ кухни, откуда ей и выбрасывали всѣ остатки. Не очень давно одинъ изъ членовъ англійскаго парламента, строго относясь къ новымъ санитарнымъ теоріямъ, сослался, какъ на вполнѣ убѣдительный примѣръ, на здоровье обитателей сѣверныхъ странъ, которые живутъ среди всевозможныхъ нечистотъ. Очень полезно было бы заставить этого господина высунуть носъ изъ кухни мистрисъ Нолекенсъ. Выставка его у подобнаго позорнаго столба впродолженіи часа или двухъ, конечно, уничтожила бы или его сани-

тарный скептицизмъ, или самую его жизнь. Однако, мы не можемъ осуждать Нолекенса и его жену за то, что они считали этотъ запахъ полезнымъ, когда съ ними вполнѣ согласенъ этотъ представитель современнаго законодательства.

Мистрисъ Нолекенсъ съ самаго начала отнеслась сочувственно къ несчастіямъ Годжа. Иногда, по воскресеньямъ, она посѣщала могилу его жены и постоянно заходила къ Мэри, чтобы помочь ей въ хозяйствѣ; кромѣ того, позволяла ей приходить съ Крошкой Годжъ къ ней въ хижину, чтобъ посидѣть нѣсколько часовъ у пылающаго камина. Но, съ одной стороны, мистрисъ Нолекенсъ не могла оставаться долго у Годжа, а съ другой— Мэри боялась часто отлучаться изъ дома, гдѣ оставались другія девять дѣтей; поэтому помощь, оказываемая мистрисъ Нолекенсъ, была не очень велика. Но все же она ясно выказывала свое сочувствіе къ семейству Годжа, и онъ это очень цѣнилъ. Онъ откровенно бесѣдовалъ съ Нолекенсомъ и его женою или, скорѣе, съ Нолекенсомъ черезъ посредство его жены о своемъ положеніи и не скрылъ отъ нихъ намѣренія просить у хозяина прибавки жалованья.

— Совершенно излишне тратить слова̀, отвѣчала на это мистрисъ Нолекенсъ:—неужели вы думаете, фермеръ Джоли дастъ вамъ больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, или что остальные дозволятъ вамъ получать болѣе? Если онъ вамъ прибавитъ, то долженъ прибавить и моему старику. Вотъ и Джэкъ Горнеръ давно говоритъ, что жалованье слишкомъ скудное и работы мало. Но какое до того дѣло фермерамъ! Вы сами вредите другъ другу; васъ слишкомъ много въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вотъ что̀!

Говоря это, мистрисъ Нолекенсъ, вѣроятно, думала о своихъ девятерыхъ дѣтяхъ.

— Она права, Джонъ, прибавилъ Нолекенсъ, значительно кивая головой.

Она, какъ мы видѣли, была дѣйствительно права. Попытка Джона Годжа не удалась, но его тяготило положеніе, котораго они еще не испытали, и это положеніе заставляло его разрѣшать задачу, отъ которой они отвертывались. Онъ стоялъ ступенью ниже ихъ на лѣстницѣ отчаянія. Онъ и его дѣти медленно, терпѣливо умирали съ голода; а когда человѣкъ дошелъ до этого, то онъ долженъ или дѣйствовать, или околѣть, какъ собака.

И такъ, Джонъ Годжъ отправился къ Нолекенсу, чтобъ передать результатъ его разговора съ фермеромъ Джоли. По дорогѣ, онъ встрѣтилъ Джэка Горнера и пригласилъ его съ собою.

— Что̀ я вамъ говорила, Джонъ? произнесла мистрисъ Нолекенсъ, причесывавшая съ неимовѣрной энергіей своего младша-

го ребенка:—вы видите, вышло по моему! Ну, мальчишка, стой смирно! Фермеръ Джоли—не дуракъ. Еслибъ онъ послушался васъ, то мы всѣ потребовали бы того же. Что̀ бы тогда сказали ему другіе фермеры?

— Подождите минутку, Салли Нолекенсъ, перебилъ ее Годжъ:— а что̀ бы вы сказали, еслибъ всѣ думали такъ же, какъ я; неужели вы полагаете, что мы не добились бы прибавки двухъ шиллинговъ въ недѣлю?

— Еслибъ! Еслибъ! воскликнула съ презрѣніемъ мистрисъ Нолекенсъ:—а еслибъ вы зарѣзались?

Предложеніе Годжа было такъ ново и смѣло, что всѣ присутствовавшіе разинули рты отъ изумленія, и самъ Годжъ, впервые высказавшій свою мысль, едва переводилъ дыханіе отъ волненія.

— Съ вами что-то нехорошее дѣлается, Джонъ, со дня смерти вашей жены, прибавила черезъ минуту мистрисъ Нолекенсъ.

— Я умираю съ голода, Салли Нолекенсъ: я не обѣдалъ цѣлую недѣлю. Мой маленькій Бенъ чахнетъ отъ недостатка пищи, хотя я достаю ему молока, сколько могу; но вы знаете, ка̀къ трудно у насъ достать его: многіе поятъ молокомъ поросятъ, но вамъ не дадутъ его даже за деньги. Мэри совершенно изнурена, а другимъ дѣтямъ нѐчего ѣсть; одежда ихъ въ лохмотьяхъ, и они ростутъ безъ матери, какъ волчата. Еслибъ даже и можно было найдти какую нибудь женщину для ухода за ними, то мнѣ нечѣмъ ей заплатить.

— Но, отвѣчала сочувственно Салли: — еслибъ вы походили на другихъ людей, вы бы отлично обдѣлали свое дѣло. Посмотрите на Абсалома Гичкова: онъ—самый лѣнивый нищій во всемъ приходѣ, но умѣетъ ловко обманывать попечителей. У него всегда одинъ изъ дѣтей боленъ—вѣроятно, поочереди — и докторъ ему постоянно прописываетъ супъ и бѣлый хлѣбъ, такъ что у него не переводится ни то, ни другое. И вы могли бы также жить припѣваючи.

— Я на это никогда не соглашусь, сказалъ рѣшительно Годжъ:—но что-нибудь надо сдѣлать. Еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, Салли Нолекенсъ, вы сказали бы то же самое. Предположимъ, напримѣръ, что вы умерли бы завтра...

— Боже избави! воскликнула мистрисъ Нолекенсъ.

— Это невозможно! прибавилъ ея мужъ.

— Но предположимъ, что она умерла бы завтра, что̀ бы вы сдѣлали, Томъ, со всѣми вашими дѣтьми? Нѣтъ, болѣе терпѣть невозможно: мы должны, наконецъ, добиться прибавки жалованья!

Побуждаемый своимъ отчаяннымъ положеніемъ, Годжъ дошелъ

до Рубикона. Его слова о возможности внезапной смерти мистрисъ Нолекенсъ поразили въ самое сердце эту добрую женщину. Она вполнѣ сознавала, что не было человѣка на свѣтѣ, который менѣе ея мужа былъ способенъ ухаживать за дѣтьми: меньшіе всегда вываливались у него изъ рукъ, а старшіе получали при малѣйшемъ его раздраженіи сильные пинки. Мысль оставить на его попеченіи все семейство казалась мистрисъ Нолекенсъ до того страшною и нелѣпою, что она вполнѣ поняла всю шаткость положенія своей семьи. Она стояла на краю бездны, лицомъ къ лицу съ голодной смертью. Или уже не переступила ли она одной ногой черезъ край бездны?

Джэкъ Горнеръ уже давно обдумывалъ вопросъ о низкой платѣ за трудъ земледѣльца. Онъ былъ женатъ, но не имѣлъ дѣтей—счастье, рѣдко встрѣчающееся между бѣдными, и несчастье, часто посѣщающее богатыхъ. Онъ пришолъ къ тому убѣжденію, что лучшій исходъ—эмиграція, и то благодаря разговорамъ съ рабочими, прокладывавшими полотно желѣзной дороги въ окрестностяхъ Кодльтона. До сихъ поръ мало обращаютъ вниманія на ту пользу, которую приносятъ мирнымъ, уединеннымъ уголкамъ Англіи желѣзныя дороги, способствующія вездѣ развитію торговли и промышленности. Энергичные работники, строящіе эти желѣзныя дороги и посѣщающіе не только различныя части своего отечества, но и различныя страны, распространяютъ между грубыми поселянами новыя идеи и понятія объ ихъ правахъ, обязанностяхъ и проч., и проч. Вездѣ желѣзныя дороги отнимаютъ у земледѣльческаго труда лучшія руки, превращая ихъ въ новыхъ людей, болѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ. Этой одной причины достаточно для объясненія того движенія, которое теперь замѣчается во всемъ земледѣльческомъ рабочемъ классѣ.

Услыхавъ предложеніе Годжа, Джэкъ Горнеръ хлопнулъ его по плечу.

— Ура, Джонъ! воскликнулъ онъ. — Вы напали на вѣрную мысль. Да̀, Салли Нолекенсъ, онъ говоритъ дѣло. Единство — сила, говоритъ девизъ нашего общества для похоронъ; если же мы умѣемъ соединить свои силы, чтобы хоронить другъ друга, то соединимся же, чтобы жить!

— Не дѣлайте вы этого, сказалъ Нолекенсъ, качая головою:— вы перевернете всю страну вверхъ дномъ своими новыми идеями и только возстановите противъ себя фермеровъ. Нѣтъ, нѣтъ! будьте довольны своимъ положеніемъ. Вотъ я работаю сорокъ лѣтъ на той же фермѣ, на которой работалъ отецъ мой, и я получалъ прежде семь, потомъ восемь и, наконецъ, девять шил-

линговъ въ недѣлю, и хотя никогда не получалъ столько, сколько зарабатывалъ, но все же не умеръ съ голода. Иногда я былъ сытъ, иногда нѣтъ; но все же прожилъ до сихъ поръ. Вы оставьте дѣла̀ идти такъ, какъ они идутъ, работайте хорошо— и все обойдется. Я работаю и живу, и вы будете работать и жить.

— Ну, замолчи! возразила мистрисъ Нолекенсъ, которая быстро поняла, что въ безуміи Годжа было много разумнаго: — ты бы ужь давно умеръ съ голоду, еслибъ я тебѣ позволила. Ты трусливъ, какъ кроликъ. Но, слушай меня: если союзомъ всѣхъ рабочихъ можно увеличить нашъ заработокъ, то будь человѣкъ, соединись съ своими сосѣдями и стой крѣпко за свои права̀. Еслибъ я была мужчиною, я бы вамъ показала, ка̀къ надо дѣйствовать.

И мужественная матрона грозно сжала свои мощные кулаки.

Джэкъ Горнеръ не отличался краснорѣчіемъ, но былъ человѣкъ практическій и потому предложилъ, чтобы всѣ сельскіе работники Ганкерлейскаго прихода, около ста восьмидесяти человѣкъ, составили бы союзъ въ родѣ городскихъ рабочихъ союзовъ, существующихъ по всей Англіи, признанныхъ и покровительствуемыхъ закономъ, и прежде всего пригласили бы на совѣтъ Самми Стедмана, методическаго проповѣдника въ Гокельбёри. Какъ только вѣсть объ этомъ распространилась, то всѣ поселяне единогласно объявили, что они вполнѣ согласны съ этимъ планомъ и готовы немедленно привести его въ исполненіе.

V.

Самми Стедманъ.

Самми Стедманъ, къ которому обратились поселяне, жилъ въ сосѣднемъ приходѣ Гокельбёри, въ маленькомъ собственномъ котеджѣ. Тотъ фактъ, что онъ былъ собственникомъ своего жилища и прилегавшаго къ нему участка земли, имѣлъ большое вліяніе на его положеніе среди сосѣдей. Дѣдъ Стедмана, отличавшійся рѣдкимъ трудолюбіемъ, собралъ небольшую сумму денегъ и купилъ хижину на концѣ общественнаго выгона. Мало-по-малу онъ присоединялъ къ своему жилищу сосѣднюю землю, отнимая ее отъ общественной, на что̀ въ то время не обращали никакого вниманія. Такимъ образомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что округлилъ свой участокъ и довелъ его до трехъ четвертей акра.

Въ юности Самми Стедманъ вполнѣ сознавалъ себя наслѣдникомъ помѣстья, приносившаго десять фунтовъ ежегоднаго дохода, и игралъ видную роль въ ряду сельскихъ франтовъ. Но въ то время въ Гокельбёри явились методисты, учредили тамъ молитвенный домъ, и однажды вечеромъ совѣсть Самми проснулась и онъ сдѣлался не только методистомъ, но и энтузіастомъ. Въ немъ произошла громадная умственная и нравственная перемѣна: онъ началъ заниматься и читать все, что̀ ни попадало подъ руку. Мало-по малу его умъ развился и принялъ практическій оборотъ; онъ уже не довольствовался одною религіей и сталъ заниматься другими предметами—между прочимъ, политикой. Газеты сдѣлались необходимой для него пищей, и часто онъ отказывалъ себѣ въ обѣдѣ, чтобъ купить газету, которую вытверживалъ наизусть. Вскорѣ онъ сдѣлался мѣстнымъ методистскимъ проповѣдникомъ. Трезвый и честный, онъ всѣми считался отличнымъ работникомъ, хотя его проповѣдническая дѣятельность дѣлала его подозрительнымъ въ глазахъ нѣкоторыхъ хозяевъ и товарищей. Самми Стедманъ много читалъ, много работалъ надъ своимъ развитіемъ; онъ убѣдился, что болѣе не можетъ довольствоваться своимъ незавиднымъ положеніемъ, счелъ себя достойнымъ лучшей доли и рѣшился достигнуть ея. Вслѣдствіе этого, онъ объявилъ своему хозяину, приводя тексты изъ библіи и цитаты изъ газетъ, что вполнѣ заслуживаетъ болѣе восьми шиллинговъ въ недѣлю и надѣется, что хозяинъ не замедлитъ исполнить его требованіе. Фермеръ, удивленный такимъ запасомъ знаній въ двадцатилѣтнемъ юношѣ, послалъ его къ чорту—и надо сознаться, что ему ничего болѣе не оставалось, если онъ не хотѣлъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ Стедмана. Тогда Самми отправился въ сѣверныя графства Англіи, гдѣ, по газетамъ, заработная плата была гораздо выше. Его жена осталась дома смотрѣть за дѣтьми и хозяйствомъ; такимъ образомъ, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, Стедманъ посѣщалъ различныя части Англіи и набирался всевозможныхъ знаній. Конечно онъ былъ самымъ вреднымъ, безпокойнымъ человѣкомъ для пасторовъ и фермеровъ, но современемъ, когда, благодаря тяжелымъ трудамъ и бережливости, составилъ себѣ независимое положеніе и пріобрѣлъ репутацію вполнѣ искуснаго и знающаго работника, онъ достигъ общаго уваженія и получалъ почти двойную плату въ сравненіи съ другими. Фермеры и рабочіе одинаково прибѣгали къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и эти совѣты всегда были честные, искренніе. Онъ дѣйствовалъ вообще очень благоразумно и осторожно, но умъ его былъ постоянно занятъ вопросами о положеніи англій-

скихъ рабочихъ. Стедманъ всегда знакомилъ товарищей съ своими выводами и наблюденіями. Поэтому естественно, что Годжъ и Горнеръ обратились за совѣтомъ къ Самми Стедману.

Вскорѣ во всей окружности распространилась вѣсть, что нѣсколько человѣкъ на Чернлейской фермѣ составили союзъ, и это извѣстіе вездѣ произвело сильное впечатлѣніе. Въ чемъ состоялъ этотъ союзъ, чего онъ требовалъ отъ членовъ, что̀ могъ онъ сдѣлать и чего не могъ—всѣ эти вопросы лихорадочно обсуждались въ ганкерлейской гостинницѣ и на поляхъ во время работы. Наконецъ, разнесся слухъ, что въ гостинницѣ будетъ собранъ митингъ и, дѣйствительно, однажды, въ среду вечеромъ, собралась со всѣхъ сторонъ такая толпа людей, что первые виновники этого движенія не могли скрыть своей радости. Гостинница переполнилась посѣтителями, но пользы отъ этого ея хозяину было мало, такъ какъ всѣ собравшіеся люди казались очень серьёзными и не требовали ни водки, ни пива. Тутъ были на лицо Джэкъ Горнеръ, Джонъ Годжъ, Джо Вельсби, который состоялъ прежде членомъ городского рабочаго союза, и Томъ Нолекенсъ, который хотѣлъ-было отказаться отъ участія въ дѣлѣ, но жена насильно притащила его. Тутъ присутствовало также много женщинъ въ старинныхъ чепцахъ и короткихъ юбкахъ; засунувъ руки въ карманы своихъ передниковъ, онѣ говорили между собою въ полголоса, вполнѣ сознавая всю торжественность настоящей минуты. Самми Стедманъ явился рано и вступилъ въ предварительную бесѣду съ нѣсколькими избранными лицами въ столовой гостинницы. Въ виду собравшейся толпы въ нѣсколько сотенъ лицъ, митингъ существенно не могъ состояться внутри дома, и Самми Стедманъ вышелъ на поляну передъ гостинницей, взобрался на скамейку и, снявъ шляпу, обвелъ глазами громадную толпу, представлявшую невиданное еще въ земледѣльческихъ графствахъ Англіи зрѣлище.

Тутъ были люди молодые и старые, сильные и слабые, выпрямившіеся во весь ростъ и согбенные; на лицахъ нѣкоторыхъ игралъ здоровый румянецъ, другіе были блѣдны, изнурены; на всѣхъ лежала печать тяжелаго труда и заботъ, ни на однихъ губахъ не было видно улыбки. Однако, всѣ они представляли изрядное зрѣлище людей, рѣшившихся, послѣ долгихъ лѣтъ невѣжественнаго прозябанія подъ тяжелымъ ярмомъ, начать новую, лучшую жизнь.

Лицо Самми Стедмана было также серьёзно, неподвижно, и, когда онъ махнулъ рукою, требуя молчанія, всѣмъ казалось, что онъ начнетъ говорить проповѣдь; но не успѣлъ онъ открыть рта, какъ лицо его мгновенно просвѣтлѣло. Онъ былъ врожден-

ный ораторъ и началъ свою рѣчь тихимъ, яснымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Братья, мы собрались сюда для важнаго дѣла, и я радъ, что вижу вокругъ себя столько народа. Я ждалъ этого дня всю мою жизнь, ждалъ пламенно, но часто съ отчаяніемъ. Я всегда считалъ земледѣльцевъ-рабочихъ самыми угнетенными созданіями въ нашей странѣ (слушайте, слушайте!). Сегодня мы собрались, чтобъ поразмыслить о нашемъ положеніи, и, если мы найдемъ, что это положеніе неудовлетворительно, то намъ предстоитъ рѣшить, какія мѣры слѣдуетъ принять для улучшенія нашего быта. Не такъ-ли? (да̀, да̀, такъ, такъ!) Ну, братья, прежде всего надо рѣшить, что̀ намъ нужно, потомъ, ка̀къ достичь того, что̀ намъ нужно. И такъ, что̀-же вамъ нужно? Я съ радостью вижу, что вы, наконецъ, дошли до того убѣжденія, что у васъ есть нужды и потребности. Это первый шагъ къ прогрессу. Вы должны убѣдиться, что ваше положеніе дурно, прежде чѣмъ приняться за его улучшеніе; точно также, въ религіозномъ отношеніи, человѣкъ прежде долженъ раскаяться въ своихъ дурныхъ поступкахъ, а потомъ уже стараться поступать хорошо. Если между вами есть человѣкъ довольный своимъ положеніемъ, то онъ—или трусъ, или дуракъ. Покорность судьбѣ можетъ быть двоякая: во-первыхъ, преклоненіе передъ волей Божіей, не влекущее, однакожъ, за собою бездѣйствія, основаннаго на увѣренности, что Богъ не шлетъ намъ бо̀льшихъ благъ хотя-бы мы и старались достичь ихъ; и во-вторыхъ, лѣнивое равнодушіе, которое побуждаетъ насъ сидѣть, сложа руки, не стараясь улучшить своего положенія. Послѣдняго рода покорность судьбѣ приводитъ человѣка въ богадельню.

— Слушайте, слушайте! воскликнула мистрисъ Нолекенсъ такимъ громкимъ голосомъ, что вся толпа разразилась единодушнымъ хохотомъ.

— Ваши друзья, члены комитета (о! уже образованъ комитетъ!) сообщили мнѣ, что вы недовольны заработкомъ (крики одобренія), своимъ образомъ жизни и вѣроятной будущностью вашихъ дѣтей (громкое одобреніе со стороны мистрисъ Нолекенсъ). Между вами находится Джонъ Годжъ, положеніе котораго доходитъ до абсурда; онъ остался какъ боровъ съ одиннадцатью поросятами и безъ всякихъ средствъ къ ихъ пропитанію.

Эта грубая шутка была встрѣчена общимъ смѣхомъ, къ которому присоединился и самъ Годжъ.

— Вотъ до чего вы дошли теперь и до чего я дошелъ уже давно. Вы не имѣете никакихъ политическихъ правъ и въ пар-

ламентѣ нѣтъ вашихъ представителей. Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о великихъ вопросахъ, касающихся вашего благосостоянія. Вы связаны по рукамъ и по ногамъ фермеромъ, а фермеръ зависитъ вполнѣ отъ землевладѣльца; такимъ образомъ, въ настоящее время, въ свободной, веселой Англіи существуютъ два разряда невольниковъ, прикованныхъ другъ къ другу. Если болѣе счастливые невольники-фермеры не хотятъ проснуться отъ долгаго сна и сбросить съ себя тяготѣющее надъ ними ярмо, то, что̀ сдѣлаютъ ихъ болѣе несчастные товарищи?

Краснорѣчіе Самми Стедмана превосходило нѣсколько пониманіе его слушателей, но, благодаря ясному, звучному голосу и пламенной энергіи, его слова производили сильное впечатлѣніе, служа какъ бы закваской для прѣсныхъ умовъ его слушателей. Они громкими криками выражали свое сочувствіе. Между тѣмъ, необыкновенное собраніе поселянъ привлекло на мѣсто митинга нѣсколько фермеровъ, и на заднемъ планѣ виднѣлась странная, похожая на грибъ шляпа пастора Линкбоя.

— Потомъ, продолжалъ Самми: — на очереди вопросъ о нашихъ отношеніяхъ съ пасторомъ. Я лично не имѣю ничего противъ духовенства нашего околодка. Пасторы получаютъ свое жалованье, служатъ обѣдни и управляютъ приходами, вѣроятно, какъ нельзя лучше. (Они получаютъ 800 фунтовъ въ годъ и живутъ въ пасторскихъ домахъ! раздалось въ толпѣ). Но я говорю о всѣхъ пасторахъ вообще и надѣюсь, что присутствующій здѣсь ихъ представитель (при этомъ Самми указалъ на круглую шляпу пастора Линкбоя) нисколько не обидится. Я говорю, что они должны бы уже давно обратить вниманіе на то, что̀ совершается вокругъ, и смѣло указать фермерамъ на ихъ долгъ. Они проповѣдуютъ намъ покорность волѣ Провидѣнія, но зачѣмъ же они не учатъ фермеровъ ихъ обязанностямъ, согласно священному писанію? Есть одинъ текстъ въ посланіи апостола Іакова, который достопочтенный пасторъ, слушающій мои слова, могъ бы взять предметомъ своей будущей проповѣди: «Пріидите ныне богатіи, плачитеся и рыдайте—се мзда дѣлателей, дѣлавшихъ нивы ваша, удержаная отъ васъ вопіетъ, и вопіенія жавшихъ во уши Господа Саваоѳа внидоша».

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ необыкновеннымъ жаромъ, двое или трое изъ присутствующихъ фермеровъ стали шикать, что̀ возбудило мгновенно бурю. Со всѣхъ сторонъ раздались страшные крики, громче всѣхъ раздавался голосъ мистрисъ Нолекенсъ, и вся толпа съ угрозами обратилась противъ непрошенныхъ гостей. Въ эту минуту, пасторъ въ шляпѣ, похожей

на грибъ, бросился между работниками и небольшой группой фермеровъ.

— Господа! воскликнулъ онъ, снимая шляпу и размахивая ею по воздуху:—ради Бога, не раздражайте ихъ ненужными оскорбленіями. Можетъ быть, они справедливы, можетъ быть, они ошибаются, но законъ даетъ имъ право говорить, что̀ хотятъ; умоляю васъ не возбуждайте безпорядковъ.

— Продолжайте, сказалъ Джоли:—мы вамъ мѣшать не будемъ. Здѣсь не мѣсто обсуждать этотъ вопросъ.

Пасторъ надѣлъ свою шляпу и продолжалъ стоять между враждебными сторонами. Толпа, чрезвычайно взволнованная, обернулась снова къ своему оратору.

— Ну, продолжалъ Самми Стедманъ:—вы убѣдились, наконецъ, что вамъ слѣдуетъ искать помощи въ самихъ себѣ. Будьте же люди и постойте за себя. Говорю вамъ прямо: это—дѣло не легкое. Вамъ, можетъ быть, придется перенести много лишеній. И такъ, если мы всѣ соединимся для улучшенія нашего быта, то чего же мы станемъ добиваться?

— Прибавки жалованья, произнесъ извѣстный въ околодкѣ лѣнтяй и плохой работникъ.

— Лучшаго жилища! раздался голосъ Салли Нолекенсъ:—приличнаго жилища съ садомъ и двадцать шиллинговъ въ недѣлю.

Толпа громко захохотала. Простота поселянъ, столь очаровательная для поэтовъ и сантиментальныхъ людей, столь полезная для хозяевъ, вполнѣ выразилась при вопросѣ Самми Стедмана, ка̀къ формулировать трѐбованія рабочихъ. Они не могли этого сдѣлать. Они только погрузились въ воду по щиколку и не были готовы нырнуть въ самую глубину. Они даже не знали еще, слѣдуетъ ли имъ быть откровенными; они только чувствовали, что ихъ положеніе крайне тяжело, но опасались высказать прямо свое мнѣніе о средствахъ къ его улучшенію. Эта застѣнчивость—результатъ невѣжества и долгаго гнета—послужила впослѣдствіи аргументомъ для ихъ противниковъ, которые приписали все движеніе какимъ-то агитаторамъ, которыхъ здѣсь и не могло быть. Эти люди такъ долго дѣйствовали и думали по приказанію, что готовы были поблагодарить всякаго, кто, явившись, какъ Deus ex machina, научилъ бы ихъ, въ чемъ состояли ихъ скромныя требованія и ка̀къ ихъ добиться. Въ настоящее время, подобнымъ оракуломъ былъ Самми Стедманъ.

— Нѣтъ, мистрисъ Нолекенсъ, продолжалъ онъ: — не надо запрашивать слишкомъ много. Рѣдкіе изъ фермеровъ при теперешнемъ хозяйствѣ, могутъ платить рабочимъ двадцать шиллинговъ въ недѣлю, да и немногіе рабочіе, при нынѣшнихъ цѣ-

нахъ, заслуживаютъ этой платы. Я не стою за то, чтобъ всѣ получали одинаковую плату. Извѣстную цифру должны получать всѣ, а сверхъ того, каждый, сколько можетъ, по своему достоинству. Но посмотримъ, въ чемъ дѣло. Вы, бо̀льшею частію, получаете по 9 или 10 шиллинговъ въ недѣлю деньгами; пива въ годъ на 1 ф. 13 шил. 6 пенсовъ; сметку послѣ жатвы и подарки на Рождество. Соединяя все это вмѣстѣ и принимая въ соображеніе, что пиво идетъ въ ваши желудки, мы приходимъ къ вопросу: можете ли вы жить, работать и прилично содержать свои семейства на эти средства?

— Нѣтъ, громовымъ хоромъ произнесли всѣ присутствующіе.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны ограничить свои требованія той суммой, которая можетъ васъ обезпечить. Вы—часть машины, работающей для фермеровъ, и вы не можете работать, если вамъ не дадутъ достаточно средствъ поддержать огонь и пары, а также смазать машину. Необходимая для этого сумма называется «минимумъ». Достигнувъ подобной платы, имѣете ли вы права на что-нибудь бо̀льшее?

— На долю барыша, произнесло нѣсколько голосовъ.

— Да̀, вы имѣете полное право требовать бо̀льшей или меньшей доли барыша. Вашъ трудъ—тотъ же капиталъ, и вы имъ рискуете такъ же, какъ хозяева своими деньгами, а всякая часть общаго капитала должна получать и долю общаго барыша.

Я не намѣренъ приводить дальнѣйшей рѣчи Самми Стедмана. Онъ говорилъ долго и ясно доказалъ, что единственнымъ практическимъ и вѣрнымъ средствомъ къ уравненію взаимныхъ отношеній хозяина и рабочаго было соединеніе рабочихъ въ союзы, основанные на принципахъ взаимной помощи и справедливости, какъ къ рабочимъ, такъ и къ хозяевамъ.

Впечатлѣніе этой длинной рѣчи, которую терпѣливо слушала толпа въ продолженіи двухъ часовъ, было громадно и вполнѣ очевидно. Дѣйствительно, какъ выразился одинъ изъ присутствовавшимъ на этомъ собраніи, можно было ясно видѣть, какъ бѣльма спадали съ глазъ слѣпыхъ, невѣжественныхъ поселянъ. Эти люди вдругъ преобразились и сдѣлали гигантскій шагъ впередъ, какъ теоретически, такъ и практически. Фактическимъ результатомъ этой нравственной перемѣны была единодушная рѣшимость образовать союзъ. Немедленно была составлена извѣстная «Кодльтонская хартія правъ земледѣльцевъ», и такъ какъ, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ моихъ читателей она неизвѣстна, то я приведу ее цѣликомъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, кодльтонскіе рабочіе, находимъ, что съ нами обращаются не такъ, какъ слѣдуетъ обращаться чело-

вѣку съ человѣкомъ, и мы желаемъ, чтобы съ нами обращались иначе.

«1) Наша жалоба заключается въ томъ, что мы мало получаемъ жалованья и должны получать больше. Мы получаемъ только отъ 9 до 11 шил. въ недѣлю (нѣкоторые 8), и тѣ изъ насъ, которые имѣютъ семейства, заявляютъ, что имъ невозможно содержать семью при такомъ заработкѣ. Кромѣ того, мы почтительно указываемъ на несомнѣнный фактъ, что заработная плата увеличилась для всѣхъ рабочихъ, кромѣ сельскихъ, остающихся въ положеніи невольниковъ.

«2) Наши жилища, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, негодны для человѣческихъ существъ.

(Во время принятія этой статьи происходитъ бурная сцена; мистрисъ Нолекенсъ съ необыкновенной энергіей требуетъ прибавленія слѣдующаго примѣчанія: «Особливо хижины на чарнлейской фермѣ и, главнымъ образомъ, хижина Нолекенса, въ которой нельзя жить отъ сырости». Но собраніе настаиваетъ на общихъ выводахъ и предоставляетъ мистрисъ Нолекенсъ выйти своими средствами изъ ея затруднительнаго положенія).

«Кромѣ того, хижины нанимаются отъ фермеровъ понедѣльно: слѣдовательно, они могутъ выгнать насъ, когда угодно, безъ малѣйшаго предупрежденія. Поэтому мы просимъ, чтобы приличныя и близь фермы жилища отдавались намъ въ годичную аренду за благоразумную плату, которую вычитали бы изъ нашего жалованья.

«3) Точно также во многихъ случаяхъ при хижинѣ нѣтъ огорода, и поэтому негдѣ садить картофеля или другихъ овощей. Мы почтительно просимъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ намъ отдавался въ аренду, вмѣстѣ съ хижиной, и небольшой кусокъ земли.

«4) Еще важное соображеніе составляютъ коровы. Мы полагаемъ, что каждый отецъ семейства долженъ быть въ состояніи содержать корову и поить молокомъ своихъ дѣтей. Нѣкоторые хозяева даютъ возможность содержать корову лучшимъ изъ рабочихъ, но мы просимъ, чтобы это было дозволено всѣмъ семейнымъ людямъ.

(Тутъ снова вмѣшивается мужественная Салли Нолекенсъ и требуетъ, чтобы, кромѣ коровъ, были упомянуты и свиньи; нѣкоторые изъ присутствующихъ ее поддерживаютъ, но большинство высказывается противъ нея, и она громогласно восклицаетъ при общемъ хохотѣ: «Какую-же послѣ этого вы пишете бумагу? Чортъ возьми! Если писать, такъ надо все, а не оста-

навливаться на полдорогѣ. Трусы вы всѣ! Вотъ, еслибы я написала бумагу, такъ задала бы страха фермерамъ»).

«5) Мы согласились, что жалованье должно быть 16 шил. въ недѣлю лѣтомъ и 14 зимою; точно также задѣльную плату мы не будемъ брать менѣе 3 пенс. въ часъ.

«6) Мы, нижеподписавшіеся, симъ обязываемся составить союзъ для достиженія означенныхъ цѣлей и дружно стоять другъ за друга, пока не добьемся успѣха.

Такова была резолюція, принятая сельскими рабочими, собравшимися въ памятный майскій вечеръ на ганкерлейской полянѣ. Рабочіе союзы, составлявшіе исключительное достояніе городовъ, распространились по забытымъ, отдаленнымъ уголкамъ сельской Англіи. Кто могъ оцѣнить или предсказать результаты этого знаменательнаго явленія?

Прежде чѣмъ разойтись, члены перваго земледѣльческаго союза обложили себя взносомъ трехъ пенсовъ для покрытія предварительныхъ издержекъ, выбрали комитетъ подъ предсѣдательствомъ Самми Стедмана для переговоровъ съ фермерами и рѣшили прекратить работу, если имъ откажутъ въ прибавкѣ заработной платы.

VI.

Бѣгство.

Я еще не описалъ жилища Годжа. Это была старая хижина, стоявшая особнякомъ въ углу фермы близь дороги. Стѣны ея были изъ бураго бута, крыша чрезвычайно ветхая, соломенная, окна маленькія съ свинцовыми рамами и гранеными стеклами. Хижина эта стояла въ саду, о которомъ я уже говорилъ. Внутри полъ былъ устланъ неровными плитами, а единственная комната очень низкая, безъ потолка и когда-то выбѣленная, имѣла въ ширину десять футовъ, а въ длину двѣнадцать, изъ которыхъ два были заняты каминомъ. Вся мебель состояла изъ стола сосноваго дерева, чрезвычайно чисто содержаннаго во времена мистрисъ Годжъ, двухъ или трехъ прибитыхъ къ стѣнѣ полокъ, старой скамьи, трехъ стульевъ и табуретки. На высокомъ каминѣ виднѣлись три пестрыя фаянсовыя фигуры: герцогъ Велингтонъ въ зеленомъ мундирѣ, съ краснымъ носомъ и такими же щеками, желтый левъ и спящій баранъ на зеленой травѣ. Кромѣ этого, единственнымъ украшеніемъ комнаты былъ старый стѣнной календарь, пожелтѣвшій отъ времени и испещренный

мухами. На полкахъ стояли два мѣдныхъ подсвѣчника, изъ которыхъ одинъ сгорбился отъ старости, и семейная посуда, прикрытая шерстяной занавѣской; что̀ же касается до родового серебра, то оно заключалось въ большой желѣзной ложкѣ и въ нѣсколькихъ оловянныхъ чайныхъ. Дверь въ задней стѣнѣ выходила на маленькую четыреугольную площадку, съ которой шла наружная лѣстница на чердакъ. Въ верхній этажъ ступенекъ было немного, такъ какъ нижняя комната имѣла всего восемь футовъ вышины; что̀ же касается до верхней, освѣщенной слуховымъ окномъ, то она находилась подъ самой крышей, и Годжъ могъ стоять выпрямившись только въ срединѣ ея. Въ ней была кровать или, вѣрнѣе сказать, низенькая, деревянная рамка, поддерживающая тощій матрасъ; подлѣ на полу лежалъ единственный въ дому коверъ въ видѣ стараго, изношеннаго куска войлока. Я надѣюсь, что меня не сочтутъ скандальнымъ хроникёромъ, если я скажу, что при жизни мистрисъ Годжъ и послѣ ея смерти, маленькая Мэри спала на одной постелѣ съ отцомъ. Слава Богу, они были люди простые!

Таково было жилище Джона Годжа. Однако, снаружи съ темной соломенной крышей, маленькими окнами и низенькими стѣнами, оно было очень живописно, и каждый прохожій могъ удивиться роскошной прелести англійской сельской жизни, ибо жасминъ, жимолость и другія ползучія растенія вились вокругъ оконъ и дверей. Если бы удобства жизни могли зависѣть отъ удовлетворенія эстетическаго вкуса, то эти бѣдные люди, вѣроятно, жили бы припѣваючи.

Въ то время, какъ въ Кодльтонѣ составлялся первый земледѣльческій союзъ, въ этой обстановкѣ сельскаго благоденствія семья Годжа быстрыми шагами шла къ голодной смерти. Ея ужасное положеніе ухудшалось съ каждымъ днемъ въ геометрической прогресіи. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, одежда, въ которой покойная мистрисъ Годжъ ухитрялась водить своихъ дѣтей, дошла до такого положенія, что обращала на себя вниманіе даже неопытнаго глаза Годжа. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда Мэри удавалось заглушить ревъ Крошки Годжа и его инстинктивныя требованія пищи, что̀ было очень трудно, ее можно было видѣть за стиркой семейнаго бѣлья или съ иглой въ рукахъ, старающейся привести въ порядокъ лохмотья, покрывавшія бѣдныя, изнуренныя тѣла ея братьевъ и сестеръ. Блѣдное, съ посинѣвшими губами и черной полосой подъ глазами, это мужественное маленькое созданіе геройски смотрѣло прямо въ лицо своему безвыходному положенію и старалось пѣснями и веселыми разсказами занимать младшихъ дѣтей, а старшихъ посы-

лала собирать вележникъ для топлива. Только изрѣдка, оставшись наединѣ, она, поникнувъ головою, горько плакала объ умершей матери и о своей несчастной, горькой участи.

Крошка Годжъ съ каждымъ днемъ становился все блѣднѣе и болѣзненнѣе. Мэри раза два или три получала для него лекарства изъ приходской аптеки, но мятныя капли не могли изцѣлить его отъ болѣзни—голода. Ему нужны были молоко и пища. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мэри видѣла, что нельзя было долѣе скрывать отъ отца крайнюю нужду остальныхъ дѣтей въ одеждѣ. Дѣйствительно, по словамъ мистрисъ Нолекенсъ, имъ надо было сшить новое платье или положить ихъ въ постель. Бѣдный Годжъ самъ нѣсколько разъ замѣчалъ ихъ лохмотья и даже легкомысленно упрекалъ Мэри, говоря, что при жизни матери они были совершенно иныя дѣти. Какъ мало понималъ онъ, чего стоило это несчастной женщинѣ! Впрочемъ, кто изъ мужей это понимаетъ?

Однажды Годжъ возвратился съ работы и ждалъ ужина. На столѣ былъ приготовленъ каравай ситнаго хлѣба, пучекъ креса, собраннаго маленькимъ Томасомъ, и щепотка соли. Въ каминѣ варился чай, то-есть ложка самаго простого чая, разведеннаго такимъ количествомъ воды, какое можетъ выпить человѣкъ послѣ тяжелаго дневнаго труда. Крошка Годжъ лежалъ въ старомъ, грязномъ ящикѣ, служившемъ колыбелью для всего семейства.

— Батюшка, сказала Мэри, пристально смотря на отца:—что̀ съ нами будетъ?

Въ эту минуту Годжъ подносилъ ко рту большой кусокъ хлѣба и щепотку креса, но, услыхавъ слова Мэри, онъ невольно остановился. Его поразило, что Мэри дошла сама до того вопроса, который мучилъ его и днемъ, и ночью.

— Ахъ, Мэри! отвѣчалъ онъ.—Что̀ будетъ съ нами? Это извѣстно Богу, а не мнѣ.

— Батюшка, продолжала жалобнымъ тономъ бѣдная дѣвочка:—я берегла деньги, какъ могла, но онѣ всѣ вышли, и мы должны четыре шиллинга булочнику, а молочница въ Чарнлеѣ сказала Томасу, что не отпуститъ молока прежде, чѣмъ мы не уплатимъ ей долга. Потомъ, батюшка, у дѣтей не осталось почти никакой одежды; право, я не виновата, все у нихъ износилось, а, чтобъ купить новое, надо много денегъ. Я чинила уже сколько могла, но теперь ничего не подѣлаешь.

Съ этими словами Мэри горько расплакалась, и мрачное лицо Годжа еще болѣе омрачилось.

— Боже милостивый! произнесъ онъ, бросая на Мэри какой-то странный взглядъ:—я не могу болѣе этого терпѣть.

— А вотъ бѣдный Крошка, батюшка, почти два дня ничего не ѣлъ. Посмотрите на него; онъ скорѣе походитъ на трупъ, чѣмъ на живого ребенка.

— Бѣдный Бенъ! отвѣчалъ отецъ, тяжело вздыхая:—и все это мы терпимъ по его милости. Мы могли бы обойтись безъ него, Мэри, если бы Богу было такъ угодно.

— О, нѣтъ, батюшка! воскликнула Мэри, съ нѣжностью обнимая ребенка:—я не могу обойтись безъ него! Ну, ну, шш, шш!

Годжъ не могъ вынести долѣе этого зрѣлища и поспѣшно вышелъ изъ дома, а Мэри принялась убаюкивать бѣднаго ребенка, разбуженнаго ея неожиданными ласками.

Возвратясь домой, Джонъ Годжъ уже засталъ Мэри спящею. Онъ зажегъ огарокъ, и, при мерцающемъ свѣтѣ, лицо его, нѣкогда столь чисто выбритое, а теперь заросшее волосами, имѣло какой-то странный видъ; глаза его дико блестѣли. Онъ прибралъ кое-что въ комнатѣ, потомъ, снявъ сапоги, пошелъ наверхъ и, взявъ изъ комода нѣсколько вещей, снесъ ихъ внизъ. Тамъ онъ связалъ эти вещи въ узелъ и, улегшись на полу, вскорѣ заснулъ.

При первыхъ лучахъ утренней зари, Джонъ Годжъ поднялся съ своего жесткаго ложа. Онъ сосчиталъ деньги, находившіяся у него въ карманѣ, всего 2 ш. 9 пенс. и, оставивъ половину себѣ, остальныя завернулъ въ бумагу и положилъ на столъ. Потомъ, онъ принесъ воды и дровъ, положилъ на столъ, подлѣ денегъ, ножъ и двѣ моркови, такъ чтобъ Мэри, вставъ, могла тотчасъ приготовить похлебку для дѣтей. Тутъ же на столѣ лежали его шляпа, палка и узелъ, а тяжелые башмаки стояли на полу, у этула. Покончивъ со всѣми приготовленіями, онъ пошелъ тихонько наверхъ, чтобъ проститься съ дѣтьми. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали на кровати, а остальныя на полу въ живописномъ безпорядкѣ. Онъ поцѣловалъ каждаго изъ нихъ и устремилъ на Мэри, крѣпко спавшую съ Крошкой Годжемъ въ объятіяхъ, взглядъ, полный слезъ.

— Христосъ съ тобою, милая Мэри, думалъ онъ:—какъ ты похожа теперь на свою мать! Богу извѣстно, какъ тяжело мнѣ оставлять тебя одну со всей этой ордой! Но что жь мнѣ дѣлать, что-жь мнѣ дѣлать? Если я уйду, то приходъ будетъ о нихъ печься и, можетъ быть, дастъ имъ воспитаніе; я могу только уморить ихъ съ голода. Прощай, Мэри. Горько съ тобою разставаться!

Онъ нагнулся надъ спавшей дѣвочкой, и крупная слеза упала ей на щеку. Она встряхнула головой, полуоткрыла глаза, но тотчасъ снова уснула отъ усталости и изнуренія, нисколько не сознавая, что ее разбудила послѣдняя дань родительской любви.

Тогда Джонъ Годжъ выпрямился во весь ростъ, причемъ задѣлъ головою за потолокъ, и торжественно произнесъ:

— Если Богу будетъ угодно благословитъ мой трудъ въ чужой странѣ, и заработываемыхъ мною денегъ будетъ достаточно для содержанія васъ всѣхъ въ Канадѣ, то я васъ выпишу къ себѣ. Клянусь, что я это сдѣлаю, и да поможетъ мнѣ Богъ.

Потомъ онъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы, машинально надѣлъ башмаки, взялъ палку и узелъ, нахлобучилъ на глаза свою старую поярковую шляпу и безъ оглядки бѣжалъ изъ дома отъ своихъ дѣтей, отъ прихода, отъ пастора, отъ хозяина, отъ попечителей о бѣдныхъ и отъ англійскихъ законовъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Союзъ и вражда.

I.

Борьба.

Въ то время, какъ Годжъ слѣпо старался перерубить узелъ своей мрачной судьбы, событіе, побудительной причиной котораго были онъ и его крошка сынъ, возбудило говоръ во всей странѣ. Для однихъ вѣсть объ этомъ событіи была роковымъ предзнаменованіемъ грядущихъ бѣдствій, а для другихъ, напротивъ, радостной надеждой на улучшеніе быта безпомощнаго класса людей. Филантропы, соціологи, радикалы, чартисты, защитники женскихъ правъ, противники законовъ объ охотѣ, поборники рабочихъ союзовъ и всякіе политическіе и соціальные реформаторы воспламенились сочувствіемъ къ Годжу, исторія котораго описывалась въ газетахъ на всевозможные лады, какъ простодушными провинціальными репортерами, такъ и знаменитѣйшими военными корреспондентами. Дѣйствительно, въ наши промышленные дни нѣтъ ни одного событія религіознаго, скандальнаго, страшнаго или патетическаго, котораго газеты не сдѣлали бы источникомъ блестящихъ, цвѣтистыхъ статей, увеличивающихъ мгновенно ихъ розничную продажу. И въ этомъ случаѣ газеты раскупались на расхватъ и читались съ жадностью. Хотя ярые

редакторы съ пламеннымъ негодованіемъ заступались за своихъ сельскихъ патроновъ, хотя землевладѣльцы выходили изъ себя, но всѣ одинаково признавали, что многое можно было сказать и многое слѣдовало сдѣлать для бѣдняковъ, воздѣлывавшихъ землю. Несмотря на это, для нихъ было ясно, чего во всякомъ случаѣ не слѣдовало дѣлать: именно нарушать мирный покой и тихую гармонію сельскихъ отношеній введеніемъ рабочихъ союзовъ и ознакомленіемъ Годжа, Стайльса и Нолекенса съ экономическими теоріями. Все это было наслѣдіемъ городовъ, а отношенія хозяевъ и рабочихъ въ селеніяхъ были естественнымъ плодомъ вѣковой патріархальной простоты; поэтому грѣшно было эти отношенія нарушать наплывомъ грубыхъ коммерческихъ принциповъ. Подобные аргументы постоянно встрѣчались въ печати.

Съ другой стороны, всѣ городскіе рабочіе союзы выразили свое сочувствіе новорожденному земледѣльческому союзу и по братски подѣлились съ нимъ своими средствами; всѣ либеральныя учрежденія открыли подписки въ пользу кодльтонскихъ поселянъ, и во многихъ мирныхъ жилищахъ Англіи сердца добрыхъ людей забились сочувственно при радостной вѣсти, что «умершій братъ воскресъ и погибшій найденъ». Подобная радость была понятна и естественна; только богатый старшій братъ съ негодованіемъ возсталъ противъ общаго ликованія при возвратѣ погибшаго сына. Что̀ стало съ воскресшимъ Годжемъ, мы увидимъ изъ послѣдующаго разсказа; что̀ будетъ съ дѣломъ, начатымъ Годжемъ, повѣдуетъ намъ великая книга судебъ человѣческаго рода.

Хартія правъ земледѣльцевъ была напечатана и роздана всѣмъ фермерамъ кодльтонскаго прихода. Въ то же время, было объявлено, что рабочіе будутъ твердо стоять на увеличеніи заработной платы до той цифры, которая опредѣлена въ хартіи. Бо̀льшая часть фермеровъ смотрѣла на эти заявленія рабочихъ, какъ на шутку, но тѣ изъ нихъ, которые присутствовали на ганкерлейскомъ собраніи, вскорѣ разсѣяли это заблужденіе. Джоли, Трускотъ и ихъ товарищи убѣдились въ тотъ памятный вечеръ, что рабочіе дѣйствовали искренно. Дѣйствительно, по истеченіи недѣли, всѣ ганкерлейскіе рабочіе, получивъ свое жалованье, прекратили работу. Фермеры, вставшіе рано въ понедѣльникъ въ полномъ убѣжденіи, что все это—шутка, горько разочаровались. Лошади, плуги, сохи и другія земледѣльческія орудія отдыхали отъ своего тяжелаго труда, и ни одного поселянина не было видно. На слѣдующій день фермеры собрали митингъ. Сквайръ Биртонъ предсѣдательствовалъ, а вокругъ него сидѣ-

ли многіе достопочтенные изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, а также мистеръ Лестеръ и пасторы двухъ другихъ ближайшихъ приходовъ. Прочитавъ объ этомъ собраніи въ мѣстной газетѣ, Самми Стедманъ лукаво улыбнулся: пасторы играли ему въ руку. Естественно, что на этомъ собраніи болѣе кипятились, чѣмъ разсуждали, и только рѣшили, что необходимо «противодѣйствовать введенію въ земледѣльческую систему пагубнаго принципа рабочихъ союзовъ, возбуждавшаго борьбу классовъ и уничтожавшаго счастливыя отношенія между хозяевами и рабочими». Эти слова произнесъ пасторъ Лестеръ, ихъ повторилъ предсѣдатель, и они были встрѣчены всеобщими рукоплесканіями. Двое или трое изъ присутствующихъ признали, что заработная плата была дѣйствительно слишкомъ низка и что ее слѣдовало увеличить, но всѣ единогласно рѣшили, что прежде, чѣмъ исполнить свой долгъ въ этомъ отношеніи, необходимо уничтожить организацію, открывшую имъ глаза. Между прочимъ, фермеръ Джоли, отказавшій въ прибавкѣ Годжу, теперь заявилъ, что было бы благоразумно возвысить плату тѣмъ рабочимъ, которые не войдутъ въ составъ союза. Что же касается до членовъ союза, то рѣшено было не допускать ихъ до работъ, а сквайръ Биртонъ объявилъ, что онъ выгонитъ тѣхъ изъ нихъ, которые жили на его землѣ.

Этотъ вызовъ на бой со стороны хозяевъ возбудилъ въ ихъ слабыхъ противникахъ ту энергію, которая одна могла придать имъ силу. Многіе изъ рабочихъ, не вступавшіе въ союзъ, теперь примкнули къ нему; его организація получила окончательное устройство: Самми Стедманъ выбранъ предсѣдателемъ, а Джэкъ Горнеръ секретаремъ. Рабочій классъ во всей странѣ пришелъ въ волненіе, и движеніе грозило распространиться по всѣмъ земледѣльческимъ округамъ, но, по совѣту одного изъ лондонскихъ союзовъ, было рѣшено ограничить борьбу кодльтонскимъ приходомъ, и потому всѣ согласились, что ни одинъ рабочій не перейдетъ черезъ границу прихода для поданія помощи фермерамъ. Такимъ образомъ, фермеры должны были сами одинъ на одинъ разрѣшить свой роковой споръ съ рабочими. Теперь еще они чувствовали себя могучими: стоялъ май мѣсяцъ, всѣ поля были засѣяны, и впродолженіи нѣсколькихъ недѣль они могли обойтись безъ рабочихъ рукъ; а ко времени жатвы, они были увѣрены, что все измѣнится и рабочіе придутъ къ нимъ съ повинной головою.

II.

Безспорный вопросъ.

Хартія правъ земледѣльцевъ возбудила всего болѣе негодованія въ сквайрѣ Биртонѣ. Этотъ благородный, чистосердечный человѣкъ относился съ любовью къ преданнымъ, послушнымъ слугамъ и съ презрѣніемъ отвертывался отъ джентльменовъ-холоповъ; онъ высоко чтилъ англиканскую церковь и питалъ отвращеніе ко всѣмъ темнымъ сектамъ, плодившимся, какъ грибы, подъ ея великими готическими сводами; онъ съ восторгомъ и уваженіемъ смотрѣлъ на существовавшій порядокъ вещей и съ неописаннымъ презрѣніемъ относился къ тѣмъ, которые хотѣли его пошатнуть. Поэтому неудивительно, что у него вскипѣла жолчь при видѣ «роковой вспышки всѣхъ вредныхъ человѣческихъ чувствъ» передъ самыми окнами его стариннаго, родоваго жилища.

Возвратясь съ кодльтонскаго митинга, онъ былъ такъ взволнованъ, что его семейство невольно обратило на это вниманіе. Семейство мистера Биртона было большое, почтенное; достойная, благородная жена, красивая, златокудрая старшая дочь съ голубыми глазами и налитыми, какъ вишня, губами, живой портретъ отца, двѣ младшія дочери съ каштановыми волосами и карими глазами, напоминавшими мать, здоровые загорѣлые мальчики и малютка Каролина, любимица всего дома — по истинѣ дозволяли сквайру съ гордостью и надеждою смотрѣть на свою судьбу.

Старшей дочери его, Эмили, недавно минуло двадцать одинъ годъ, и неудивительно, что эта прелестная, граціозная, стройная, какъ пальма, молодая дѣвушка побѣдила сердце Генри Юбанка, сквайра, адвоката, сына сэра Генри Юбанка, владѣльца большаго помѣстья въ десяти миляхъ отъ Биртонъ-Голла. Точно также неудивительно, что этотъ молодой англичанинъ съ красивымъ, хотя обыкновеннымъ, широкимъ лицомъ, съ благороднымъ выраженіемъ, мужественнымъ характеромъ и большими природными способностями, снискалъ любовь молодой дѣвушки, которая вела очень уединенную жизнь. Выйдя изъ кембриджскаго университета, молодой Юбанкъ бросилъ всѣ юношескія забавы, несмотря на то, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ гребцовъ между товарищами, и предпочелъ заняться адвокатствомъ, чѣмъ ничего не дѣлать, ожидая смерти отца. Сэръ Ген-

ри и мистеръ Биртонъ были большіе пріятели и вполнѣ сходились въ политическихъ мнѣніяхъ; поэтому сквайръ съ удовольствіемъ ожидалъ скораго вступленія въ родственную связь съ семействомъ баронета. Одно только было ему непріятно: молодой человѣкъ имѣлъ свои собственныя мнѣнія. Онъ съ гордостью носилъ имя своего отца, но презрительно смѣялся надъ его политическими мнѣніями; онъ самъ составилъ себѣ самостоятельныя убѣжденія въ религіи и политикѣ, совершенно отрѣшась отъ предразсудковъ своей касты. Въ виду этого, сквайръ постоянно упрекалъ дочь, что она выходитъ замужъ за радикала. Эмили Биртонъ совершенно спокойно переносила эти упреки. По правдѣ сказать, она съ пользою употребляла свои способности и свободное время, такъ что была далеко не такой куклой, какъ обыкновенная современная женщина, о развитіи которой такъ хлопочетъ соціологія нашихъ дней. Генри Юбанкъ съ восторгомъ смотрѣлъ на ея чистосердечные, юношескіе порывы и благородныя мысли.

Возвратясь домой съ митинга, сквайръ поспѣшно переодѣлся и явился къ обѣду съ пурпурнымъ отъ негодованія лицомъ. Быть можетъ, Эмили слѣдовало бы оставить его въ покоѣ, пока его гнѣвъ прошелъ бы самъ собою, но, видя волненіе отца, она не могла отказать себѣ въ удовольствіи его помучить и, кромѣ того, ея сердце, переполненное сочувствіемъ къ несчастнымъ поселянамъ, просилось наружу.

— Что̀ папа, спросила она:—ка̀къ у васъ прошелъ митингъ?

— О, отлично! Мы приняли единогласно такую систему дѣйствія, которая непремѣнно образумитъ этихъ бѣдныхъ дураковъ.

— Что̀ же, вы ихъ посадите въ тюрьму?

— Нѣтъ, а хорошо было бы, еслибъ мы могли это сдѣлать. Еслибъ не подлые радикалы, то законы о сходкахъ еще существовали бы. Никогда не было такого нечестиваго заговора.

— Увѣрены ли вы, что это—заговоръ. Не правильнѣе ли признать, что бѣдные люди вынуждены къ этому недостаточнымъ жалованьемъ? Вы знаете, что Генри, пріѣзжая сюда, постоянно бесѣдуетъ съ поселянами, и онъ мнѣ передавалъ, что дѣйствительно они получаютъ ужасно мало. Онъ старается побудить своего отца принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

— О, о! Онъ бесѣдуетъ съ поселянами, скажите, пожалуйста? Я теперь понимаю, откуда все это явилось. Вотъ кто главный заговорщикъ!

— Но вѣдь онъ не проповѣдывалъ имъ никакихъ идей, а только задавалъ вопросы, потому что, по его словамъ, не хорошо вну-

шать имъ надежды, которыя въ ихъ настоящемъ положеніи не могутъ осуществиться.

— Въ настоящемъ ихъ положеніи! Да откуда онъ знаетъ, чортъ возьми! въ какомъ положеніи находятся поселяне? Углубленный въ математику и законы, онъ совсѣмъ отсталъ отъ нашихъ дѣлъ.

— Это правда. Но, папа, онъ знаетъ очень многое объ этомъ вопросѣ. Онъ изучилъ, вы знаете, политическую экономію, системы пользованія землею, плодоперемѣнную систему и пр.

— Нѣтъ, слава Богу, я этого не знаю. Политическая экономія сочинена только для пользы радикальной партіи. Она почти совершенно раззорила Англію. Зачѣмъ политической экономіи вмѣшиваться въ систему, которая существуетъ столько вѣковъ и хорошо до сихъ поръ дѣйствовала. Мы всегда радовались, что въ деревняхъ освобождены отъ проклятыхъ, городскихъ рабочихъ союзовъ, и вотъ, они появились въ нашемъ приходѣ. Впрочемъ—не бѣда: мы справимся съ этими молодцами!

— Но, милый папа, неужели вы въ своемъ сердцѣ не признаёте, что многое можно сказать за нихъ. Я сама не знаю, но Генри говоритъ...

— Я вовсе не желаю знать, что̀ говоритъ твой Генри. Это—вопросъ безспорный. Но вотъ что̀ я тебѣ скажу, голубушка: если Генри Юбанкъ пріѣзжаетъ сюда для того только, чтобъ учить тебя радикальнымъ и революціоннымъ идеямъ, то...

— Шш! шш! воскликнула Эмили, зажимая ротъ отца своею маленькою ручкой.

— Я его выгоню въ шею! произнесъ сквайръ, съ трудомъ освобождая свой ротъ отъ неожиданной преграды.

Эмили разсмѣялась, и сквайръ послѣдовалъ ея примѣру, такъ что непріятный разговоръ болѣе не продолжался. Мы должны здѣсь прибавить, что Эмили утромъ получила письмо отъ Генри Юбанка, который извѣщалъ о своемъ прибытіи на другой день; но теперь она благоразумно не сказала ни слова объ этомъ отцу.

III.

Ректоръ и его помощникъ.

Мистеръ Лестеръ всей душою сочувствовалъ сквайру и сосѣднимъ землевладѣльцамъ, что̀ вполнѣ объяснялось его положеніемъ, идеями и воспитаніемъ. Хотя онъ охотно произнесъ бы въ поль-

зу миссіонернаго общества краснорѣчивую проповѣдь на текстъ: «Господь создалъ всѣ народы изъ одной плоти и крови»; но онъ не могъ не допустить теоретически и практически въ этой теоріи исключенія въ пользу англійской аристократіи. Онъ готовъ былъ всегда снизойти до выраженія сочувствія къ бѣднымъ рабочимъ и оказать помощь, но онъ никогда не протянулъ бы имъ руки на почвѣ человѣческаго и христіанскаго равенства.

Достопочтенный пасторъ почелъ своимъ долгомъ произнести къ ганкерлейской паствѣ проповѣдь на текстъ «имѣющіе пищу и одежду да будутъ довольны». Цѣль ея не была совершенно достигнута, такъ какъ большинство тѣхъ, для которыхъ она предназначалась, не явились въ церковь, но краснорѣчивыя слова пастора чрезвычайно понравились сквайрамъ и фермерамъ. Они съ удовольствіемъ видѣли, что ихъ идеи выражались правильнымъ, красивымъ языкомъ и поддерживались авторитетомъ церкви. Въ этой умилительной картинѣ союза церкви и мѣстной аристократіи представлялъ мрачное пятно помощникъ ректора, пасторъ Линкбой. Его поведеніе во время митинга рабочихъ возбудило негодованіе ганкерлейскихъ фермеровъ и послужило предметомъ замѣчанія со стороны сквайра, который прямо сказалъ своему другу, мистеру Лестеру:

— Что̀ будетъ съ этой страной, съ обществомъ, со всѣми нами, если духовенство станетъ поддерживать или даже терпѣть распространеніе революціонныхъ идей?

Внѣ ганкерлейскаго прихода, поступокъ мистера Линкбоя обсуждался двояко. Нѣкоторыя изъ клерикальныхъ газетъ самымъ грубымъ образомъ характеризовали его вмѣшательство въ дѣла, не касавшіяся до церкви, а другія газеты, напротивъ, старались его оправдать. Что̀ же касается до органовъ печати, поддерживавшихъ еретическій радикализмъ, то они первые единодушно рукоплескали представителю высокой церкви. Въ такомъ положеніи дѣлъ мистеръ Лестеръ считалъ своею обязанностью сдѣлать внушеніе молодому человѣку по поводу его излишней смѣлости.

— Любезный сэръ, сказалъ онъ:—мы съ вами расходимся по многимъ вопросамъ, но я смотрю на это сквозь пальцы въ виду вашей ревностной и энергичной дѣятельности. Я могу не обращать на это вниманія, пока дѣло идетъ о личномъ убѣжденіи и церковь не приходитъ въ столкновеніе съ обществомъ; но когда вы идете далѣе, вмѣшиваетесь въ чуждую намъ борьбу и кладете на ту или другую чашку вѣсовъ свое вліяніе, какъ служителя алтаря, то вы злоупотребляете своими обязанностями и ставите себя и меня въ самое затруднительное положеніе.

— Мнѣ очень прискорбно слышать, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Линкбой:—что вы считаете обязанности миротворца выходящими изъ круга дѣятельности служителя алтаря. Развѣ прошло то время, когда миротворцы именовались сынами Божьими? Тѣ, которые вамъ жаловались на меня, должны быть страшными фанатиками, ибо я не перешелъ ни на ту, ни на другую сторону, а только предотвратилъ опасное столкновеніе. Я увѣренъ, что вы поступили бы точно также, еслибъ находились на моемъ мѣстѣ.

Мистеръ Лестеръ насупилъ брови; онъ, дѣйствительно, при случаѣ поступилъ бы именно такъ, какъ поступилъ его помощникъ, и потому онъ возсталъ противъ него съ тѣмъ бо̀льшею строгостью.

— Это дѣло вовсе до насъ не касается, началъ онъ торжественно.

— Извините, сэръ, перебилъ его Линкбой:—я совершенно противнаго мнѣнія. Я полагаю, что мы обязаны принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Многочисленныя посѣщенія поселянъ, которые, однако, не всегда принимали меня такъ радушно, какъ я желалъ бы, вполнѣ меня убѣдили, что современное положеніе земледѣльцевъ составляетъ позоръ для нашей страны.

— Да̀, мы всѣ это признаемъ, но излишнее сочувствіе—только сантиментальность и вовсе непрактично. Положеніе сельскихъ рабочихъ обусловливается такими обстоятельствами, которыхъ мы не можемъ ни измѣнить, ни улучшить. Мы можемъ только оказать помощь несчастнымъ частной благотворительностью и правильнымъ примѣненіемъ закона для бѣдныхъ. Нашъ вѣкъ не допускаетъ вмѣшательства энтузіастовъ въ разрѣшеніе вопросовъ, чисто экономическихъ. Наша обязанность, какъ служителей алтаря, не заключается въ уничтоженіи общественныхъ золъ политической дѣятельностью; мы должны довольствоваться распространеніемъ христіанскихъ принциповъ.

— Не указывая ихъ практическаго примѣненія? воскликнулъ мистеръ Линкбой съ жаромъ.—Нѣтъ, сэръ, я не такъ понимаю свой долгъ. Моя совѣсть побуждаетъ меня идти далѣе.

— Я нисколько не желаю ограничивать вашей свободы совѣсти, отвѣчалъ мистеръ Лестеръ: — но вашъ человѣколюбивый, хотя ошибочный взглядъ на этотъ вопросъ грозитъ всѣмъ такими опасностями, что я принужденъ говорить съ вами откровенно. Я рѣшительно не могу дозволить вамъ принимать дальнѣйшее участіе въ этой серьёзной борьбѣ. Несмотря на все мое уваженіе къ вамъ, я буду вынужденъ принять свои мѣры, и, если вы будете попрежнему открыто выражать ваше сочувствіе

къ одной сторонѣ, то это приведетъ къ очень грустнымъ послѣдствіямъ для насъ обоихъ. Вы своими поступками поставите церковь въ ложное положеніе врага установленнаго порядка и спокойствія.

— Въ ложное положеніе? воскликнулъ мистеръ Линкбой съ необыкновеннымъ оживленіемъ: — но церковь всегда борется съ зломъ, существующимъ въ мірѣ!

— Мой юный другъ, торжественно произнесъ мистеръ Лестеръ:—позвольте мнѣ вамъ посовѣтовать обращаться осторожнѣе съ общими фразами. Онѣ нарушаютъ равновѣсіе въ умахъ многихъ людей и мѣшаютъ имъ быть полезными дѣятелями.

Этой торжественной, общей фразой достопочтенный пасторъ прекратилъ разговоръ, грозившій зайти слишкомъ далеко.

IV.

Новый голубь.

Въ то утро, когда Годжъ бѣжалъ изъ своего дома, Мэри, проснувшись, съ удивленіемъ увидала, что отца ея не было на постелѣ. Взглянувъ въ окно и замѣтивъ, что солнце уже высоко, она немного успокоилась; она просто проспала. и отецъ ушелъ на работу. Она тотчасъ одѣла двухъ или трехъ изъ дѣтей и, предоставивъ прочимъ прикрыть, какъ умѣли, свои бренныя тѣла, она сошла внизъ съ Крошкой Годжемъ на рукахъ. Сдѣланныя отцемъ приготовленія ее нѣсколько смутили, но она тотчасъ догадалась, что онъ вѣрно ушелъ на цѣлый день. Одно только ее грустно поразило—деньги на столѣ, которыя доказывали, что его отсутствіе имѣло какую-то связь съ разговоромъ, происходившимъ наканунѣ; но и тутъ она утѣшала себя мыслью, что онъ отправился куда-нибудь искать лучшаго заработка или какой-либо другой помощи. Часы шли за часами; Мэри, какъ всегда, работала, убирала, чистила, мыла, штопала; на деньги, оставленныя отцомъ, Томасъ досталъ для Крошки Годжа хорошаго молока, такъ что семейство бѣглеца, лишившись своего главы, не представляло такого грустнаго зрѣлища, какого можно было ожидать. Вечеромъ, зашла навѣстить Мэри мистрисъ Нолекенсъ, которая принесла кое-что для малютки и помогла молодой дѣвушкѣ пересмотрѣть несчастные остатки дѣтской одежды. Ея приговоръ въ этомъ отношеніи былъ рѣшительный, безапелляціонный.

— Эти лохмотья не годятся даже для цыганъ и бродягъ, а не то что для приличнаго семейства, сказала она.

— Батюшка говоритъ, что ему не на что насъ долѣе содержать, отвѣчала Мэри.—Мнѣ что̀-то страшно. Онъ ушелъ сегодня до разсвѣта, безъ завтрака. Ка̀къ вы думаете, мистрисъ Нолекенсъ, у него, кажется, голова не въ порядкѣ?

Мистрисъ Нолекенсъ подвергла Мэри искусному допросу и, хотя не сказала ни слова, но стала подозрѣвать горькую истину. Это казалось ей тѣмъ вѣроятнѣе, что въ подобныхъ обстоятельствахъ ея мужъ поступилъ бы точно также. Кромѣ того, она не могла не почувствовать укора совѣсти при воспоминаніи о той роковой идеѣ, которую она, быть можетъ, впервые вселила въ голову Годжа. Однако, она осталась сколько могла у Мэри, причесала всѣхъ дѣтей съ такою энергіею, какую они никогда впослѣдствіи не забыли, и, уходя домой, оставила бѣдную семью въ болѣе приличномъ положеніи.

Въ эту ночь Мэри долго сидѣла, поджидая отца и вперивъ тревожные взгляды въ окружающій мракъ. Онъ не явился. Она, наконецъ, взяла на руки Крошку Годжа и пошла на верхъ. Улегшись на постель, она не могла сомкнуть глазъ и прислушивалась къ малѣйшему шороху въ ночной тиши. Но ничто не нарушало гробоваго безмолвія; мало по малу она забылась и заснула, но и во снѣ она по временамъ восклицала тревожно: отецъ! отецъ! Настало утро, и, открывъ глаза, она снова не увидала подлѣ себя спящей, неуклюжей фигуры дорогого человѣка.

Такимъ образомъ прошли день, два, три; Мэри и всѣ сосѣди стали сильно безпокоиться.

— Это все—твоя вина, говорилъ Нолекенсъ женѣ:—ты обошлась съ нимъ слишкомъ жестоко. Помнишь, какъ ты посовѣтовала ему повѣситься? Онъ, можетъ быть, это и сдѣлалъ. Его смерть будетъ на твоей душѣ.

Молчаніе со стороны мистрисъ Нолекенсъ служило лучшимъ доказательствомъ, что ей доступны были укоры совѣсти.

На третій день извѣстіе объ исчезновеніи Джона Годжа распространилось повсюду. Мистеръ Джоли навелъ всѣ справки и послалъ за смотрителемъ бѣдныхъ. Между тѣмъ, Мэри находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи. У нея оставались только нѣсколько пенсовъ, а вопросъ объ одеждѣ съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе упрощался. На четвертый день явился смотритель и подвергнулъ ее допросу; ясно было, что одиннадцать дѣтей безъ пищи и одежды должны были поступить на попеченіе союза для бѣдныхъ: Однако, комитетъ Земледѣльческаго Союза, не смотря на скудость своихъ средствъ, рѣшился взять

на свое содержаніе Мэри и Крошку Годжа, которые были отданы мистрисъ Нолекенсъ. Остальные были немедленно отправлены въ союзъ для бѣдныхъ. Между тѣмъ, было выставлено во всѣхъ окрестностяхъ громадное объявленіе о наградѣ за поимку Джона Годжа. Это объявленіе было написано такимъ торжественнымъ слогомъ и такими большими буквами, словно дѣло шло о розысканіи убійцы. Мистеръ Ми взялъ у судьи, который былъ не кто иной, какъ пасторъ Лестеръ, исполнительный листъ для ареста Годжа, «какъ бродяги и мошенника», и мѣстный полисменъ былъ отправленъ въ сосѣднія графства для розысканія бѣглеца.

Что̀ касается самого Годжа, то онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, подъ вліяніемъ самыхъ смутныхъ идей. Ближайшей цѣлью его было достигнуть какого нибудь приморскаго города, откуда онъ хотѣлъ отправиться въ Канаду. Въ Ганкерлеѣ сохранялось преданіе объ одномъ мѣстномъ жителѣ, который, переселившись въ Канаду, нажилъ большое состояніе, и оно засѣло глубоко въ умы невѣжественнаго народа, что̀ ясно доказываетъ, какое громадное вліяніе на сельское населеніе могутъ имѣть подобныя обстоятельства, еслибъ администрація умѣла понимать свой долгъ и желала общественной пользы. Вотъ подъ вліяніемъ какой смутной идеи дѣйствовалъ Годжъ, и это неудивительно, если мы вспомнимъ его недостаточное образованіе и недостаточную опытность. Втеченіи трехъ дней, онъ все шелъ впередъ, разспрашивая дорогу въ Лондонъ, который онъ считалъ ближайшимъ приморскимъ городомъ. Тамъ и сямъ добрые люди оказывали помощь бѣдному скитальцу. Но съ каждымъ часомъ будущее становилось для него страшнѣе, и передъ нимъ грозно возставалъ вопросъ: чѣмъ онъ будетъ существовать до отъѣзда въ Канаду? Наконецъ, онъ достигъ одного изъ провинціальныхъ городовъ и, проходя по улицѣ, изнуренный, голодный, онъ остановился передъ ратушей, на которой красовалось объявленіе объ его поимкѣ. Онъ былъ неграматный и потому самъ не могъ его прочитать, но вниманіе его было обращено на этотъ документъ знакомымъ ему голосомъ, и въ ту же минуту ганкерлейскій полисменъ Филиппъ Ноксъ ударилъ его по плечу и объявилъ, что арестуетъ его именемъ закона. Годжъ былъ такъ убитъ, что не сказалъ ни слова и пошелъ за полицейскимъ, какъ ребенокъ. Филиппъ не произнесъ ни малѣйшаго упрека, а, напротивъ, выразилъ сожалѣніе, что обязанъ его отвезти обратно въ Ганкерлей. Такимъ образомъ, они безмолвно достигли арестантскаго дома въ Ганкерлеѣ, куда Годжъ и былъ заключенъ до преданія его суду.

V.

Декретъ на англійской почвѣ.

Женихъ Эмили, прибывъ въ Биртонъ-Голлъ, встрѣтилъ тамъ самый радушный пріемъ отъ всѣхъ старыхъ и молодыхъ, кромѣ самого сквайра, который въ подобныхъ обстоятельствахъ не желалъ имѣть подлѣ себя юнаго радикала. Мистеръ Биртонъ находился въ нервномъ, взволнованномъ положеніи и не чувствовалъ себя въ состояніи спокойно переносить присутствіе человѣка, не раздѣлявшаго его мыслей и убѣжденій.

Только что передъ пріѣздомъ молодого Юбанка онъ приказалъ своему управляющему обнародовать прокламацію ко всѣмъ арендаторамъ и работникамъ, жившимъ на его землѣ. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ онъ, какъ феодальный владѣлецъ, заявлялъ, что «онъ чувствовалъ всю тяжелую отвѣтственность, которая лежала на немъ, касательно поддержанія добрыхъ отношеній между всѣми обитавшими на его землѣ, и потому съ грустью замѣчалъ что хорошее расположеніе и доброжелательство, долженствовавшія существовать между рабочими и фермерами, могутъ быть нарушены вмѣшательствомъ агитаторовъ, возстающихъ противъ престола, церкви и конституціи». «При такихъ обстоятельствахъ (sic!), говорилось далѣе въ этомъ декретѣ землевладѣльца:—я чувствую себя вынужденнымъ принять мѣры, которыя обезпечатъ, съ одной стороны, фермеровъ отъ опасныхъ послѣдствій незаконныхъ ассоціацій, а съ другой—рабочихъ отъ происковъ агитаторовъ. Для достиженія этой двоякой цѣли я приказалъ заявить всѣмъ рабочимъ, нанимающимъ у меня жилища или землю, что каждый изъ нихъ, поступившій въ члены земледѣльческаго союза, будетъ мною немедленно удаленъ изъ занимаемаго имъ жилища или съ обработываемой имъ земли; теперь же я приглашаю всѣхъ моихъ арендаторовъ содѣйствовать мнѣ въ строгомъ примѣненіи этого правила. Только подобными мѣрами можно сохранить фермерамъ необходимыя для нихъ руки, предотвратить уничтоженіе всегда существовавшихъ добрыхъ отношеній между рабочими и фермерами и пресѣчь распространеніе вредныхъ принциповъ, подрывающихъ общественный порядокъ и здравые экономическіе законы».

Молодой Юбанкъ прочелъ этотъ документъ съ удивленіемъ и сожалѣніемъ. Онъ умолялъ своего нарѣченнаго тестя отмѣнить его распоряженіе, но получилъ въ отвѣтъ только строгій выго-

воръ. Такъ какъ отецъ его вполнѣ одобрялъ всѣ дѣйствія мистера Биртона, то излишне было обращаться къ нему, и потому Генри довольствовался частыми посѣщеніями рабочихъ, которыхъ онъ уговаривалъ быть умѣренными въ своихъ требованіяхъ, избѣгать крайностей рабочихъ союзовъ и твердо держаться ихъ программы. Около этого времени комитетъ уже собралъ значительную сумму денегъ и имѣлъ возможность содержать всѣхъ земледѣльцевъ, лишившихся работы. Кромѣ того, сквайръ и его сторонники съ негодованіемъ увидѣли, что фермеры, какъ ни были они сердиты на своихъ работниковъ, не желали раззориться ради принципа и потому мало по малу, въ виду созрѣвшей жатвы, нанимали рабочихъ, принадлежавшихъ къ союзу, по возвышенной цѣнѣ. Всегда такъ бываетъ: вы можете разсчитывать на содѣйствіе людей, затронувъ ихъ самолюбіе, до той минуты, пока подобное содѣйствіе имъ выгодно, но лишь только личный интересъ потянетъ ихъ въ другую сторону, они немедленно бросятъ васъ и ваши принципы.

VI.

Правосудіе законовъ и судей.

Годжъ предсталъ передъ судомъ въ малую сессію. Судьями были пасторъ Лестеръ и сквайръ Биртонъ. Въ провинціальной жизни многое очень спутано и смѣшано. Такъ одинъ судья-пивоваръ испрашиваетъ позволеніе открыть пивную лавку у своего товарища, другого судьи, который, быть можетъ, соединенъ съ нимъ узами родства или, во всякомъ случаѣ, постоянно съ нимъ охотится; или арендаторъ судится съ своимъ работникомъ у ихъ общаго землевладѣльца. Въ настоящемъ случаѣ два попечителя о бѣдныхъ ex-officio судили дѣло, въ которомъ былъ заинтересованъ совѣтъ попечителей. И это дѣлалось согласно строгому смыслу парламентскаго акта. Годжъ не замѣчалъ этой аномаліи: онъ въ продолженіи всей своей жизни видѣлъ, что эти господа судили и рядили по всѣмъ дѣламъ, касавшимся поселянъ, и, еслибъ они приговорили его къ висѣлицѣ, то и тогда онъ едва ли бы сталъ сомнѣваться въ ихъ компетентности.

Мрачный, съ поникшей головой, съ красными влажными глазами, съ всклокоченными волосами, съ чертами лица, искаженными страданіями, стоялъ въ залѣ суда этотъ безпомощный, безнадежный бѣднякъ. Сквайръ придалъ своему почтенному, сіявшему здоровьемъ лицу неподвижную маску безчувственнаго сфинк-

са. Зубы мистера Лестера не сіяли, какъ всегда, между улыбающимися губами, а были скрыты стиснутымъ ртомъ. Оба они полагали, что Джонъ Годжъ былъ виновенъ въ одномъ изъ самыхъ неблагородныхъ проступковъ, въ которыхъ могъ бы быть обвиняемъ англичанинъ, и смотрѣли на него съ той безжалостной строгостью, съ которою они взглянули бы, напримѣръ, на человѣка, обвиняемаго въ незаконной охотѣ на чужой землѣ, а это легко сказать!

Однако, они говорили тихо, спокойно, торжественно.

Обведя глазами залу суда, Годжъ остановился на мистрисъ Нолекенсъ и Мэри съ крошкой Беномъ на рукахъ. Онъ не хотѣлъ встрѣтить ихъ взглядовъ и еще ниже поникъ головою. При этомъ бѣгломъ обзорѣ присутствующихъ онъ не замѣтилъ молодого человѣка, сидѣвшаго близь скамьи подсудимыхъ, въ мѣстахъ, отведенныхъ для лицъ судебнаго вѣдомства; это былъ Генри Юбанкъ, который такъ волновался и переминался съ ноги на ногу, что обратилъ на себя вниманіе сквайра.

Первыми были допрошены мистеръ Ми и смотритель бѣдныхъ. Они были вызваны для доказательства того факта, что дѣти Годжа были оставлены безъ всякаго присмотра, безъ одежды и пищи. Послѣ несовсѣмъ связныхъ показаній этихъ свидѣтелей сквайръ спросилъ смотрителя:

— Обвиняемый пилъ?

— Я всегда слыхалъ, сэръ, что онъ—трезвый человѣкъ, и ничего не могу сказать противъ него въ этомъ отношеніи.

— Такъ что же онъ дѣлалъ съ своими деньгами?

О, небесное правосудіе, отвѣть этому англійскому судьѣ, что дѣлалъ несчастный бѣднякъ съ своими деньгами!

— Никто этого не знаетъ, отвѣчалъ чиновникъ:—но, судя по внѣшнему виду его жилища, онъ, вѣрно, не дома проживалъ всѣ свои деньги.

Въ эту минуту раздался звонкій дѣтскій голосъ, поразившій всѣхъ присутствовавшихъ:

— Это—ложь: отецъ отдавалъ мнѣ каждый грошъ, который онъ заработывалъ. Но онъ получалъ только девять шиллинговъ въ недѣлю.

— Да, и на эти деньги надо содержать одиннадцать дѣтей! воскликнула съ жаромъ мистрисъ Нолекенсъ:—зачѣмъ же вы несете такую чушь господамъ судьямъ?!

— Не прерывать тишины въ судѣ! произнесъ секретарь.

Мистеръ Лестеръ сдѣлалъ внушеніе нарушителямъ спокойствія и потомъ прибавилъ:

— Это—дочь обвиняемаго?

— Дà, сэръ.

— Подойдите сюда.

Мэри, держа на рукахъ Крошку Годжа, который съ улыбкой смотрѣлъ на судей, вышла впередъ и, подвергнутая допросу, разсказала исторію несчастной жизни Годжа за послѣдніе три мѣсяца. Годжъ слушалъ ея разсказъ, закрывъ лицо руками; черты судей потеряли свою строгую неподвижность, и сквайръ пересталъ походить на безчувственнаго сфинкса.

— Отецъ не сдѣлалъ ничего дурного, сэръ. Онъ не въ состояніи обидѣть даже мухи. Онъ ушелъ изъ дома для пріисканія лучшей работы, сэръ. Не наказывайте его. Это все по милости крошки Бэна: до смерти матери все шло кое-какъ. Отпустите его, сэръ, на этотъ разъ.

Тутъ Мэри и Крошка Годжъ подняли такой ревъ, что ихъ на время удалили изъ суда. Еслибъ дѣло кончилось на показаніи Мэри, то Годжъ отдѣлался бы очень легко. Умѣйте привести здравомыслящихъ людей въ хорошее расположеніе духа, и они всегда найдутъ способъ обойти чудовищныя ошибки англійскихъ законовъ. Но секретарь предложилъ обвиняемому обычный вопросъ: что̀ онъ имѣетъ сказать въ свою защиту? И Джонъ Годжъ, внѣ себя отъ отчаянія, терзаемый укорами совѣсти и сознаніемъ причиненнаго ему зла, воскликнулъ:

— Что̀ я скажу въ свою защиту? — ничего; я не намѣренъ защищаться. Вы, господа, знали меня всю мою жизнь, и нѣтъ человѣка, который бы до настоящей минуты сказалъ про меня дурное слово. Я всегда жилъ честно и хотѣлъ умереть честно, но вы мнѣ не дозволили. Я пошелъ къ фермеру Джоли—онъ здѣсь и можетъ подтвердить мои слова̀—и спросилъ у него прибавки жалованья, чего вполнѣ заслуживалъ, но онъ мнѣ отказалъ; я пошелъ тогда къ вамъ, сэръ, и вы не хотѣли ничего сдѣлать для нашего брата. Стоило ли послѣ этого поддерживать себя и дѣтей въ положеніи голодной смерти? Я бы еще кое-какъ продержался, еслибъ мистеръ Джоли увеличилъ жалованье или попечители бѣдныхъ взяли бы моего маленькаго Веніамина до тѣхъ поръ, пока я не нашелъ бы себѣ другую жену для ухода за дѣтьми; но я умиралъ съ голоду, господа, и еслибы вы умирали съ голоду, то поступили бы такъ же, какъ я. Не стоило и пытаться одному мнѣ ухаживать за дѣтьми и работать цѣлый день при такой скудной пищѣ. Нѣтъ, человѣкъ не можетъ оставаться честнымъ при такомъ жалованьѣ, какое мы получаемъ. Мнѣ оставалось только бѣжать и дожидаться того времени, когда союзъ побудитъ фермеровъ возвысить заработную плату.

— Что̀? Вы принадлежите къ земледѣльческому союзу? спросилъ сквайръ.

— Да̀, отвѣчалъ угрюмо Годжъ.

— Извините, сэръ, онъ—одинъ изъ основателей союза, произнесъ фермеръ Джоли, являясь, такимъ образомъ, безприсяжнымъ и самовольнымъ свидѣтелемъ.

Молодой Юбанкъ еще болѣе, чѣмъ прежде, заметался на своемъ мѣстѣ.

— Я этого не зналъ, сказалъ судья:—онъ—опасный человѣкъ, очень опасный. Бросилъ своихъ дѣтей и состоитъ членомъ союза. Ну, господинъ секретарь, прибавилъ мистеръ Биртонъ въ полголоса:—я полагаю, дѣло кончено. Онъ самъ призналъ себя виновнымъ. Теперь остается только произнести приговоръ.

Секретарь кивнулъ головою и, подыскавъ подлежащій законъ, подалъ его судьямъ. Вслѣдъ за этимъ, произошло совѣщаніе, въ которомъ принималъ участіе и секретарь. Волненіе Генри Юбанка все увеличивалось, и онъ вскочилъ, какъ бы желая что̀-то сказать, но потомъ снова сѣлъ. Между тѣмъ, сквайръ Биртонъ откашлялся и торжественно произнесъ:

— Джонъ Годжъ! Вы обвиняетесь въ проступкѣ, по счастью, рѣдкомъ въ нашихъ краяхъ. Въ теченіи двадцатипятилѣтней практики судьи и попечителя бѣдныхъ я никогда не встрѣчалъ такого возмутительнаго дѣла. Я не буду ссылаться на тотъ фактъ, признанный вами, что вы принадлежите къ кружку безнравственныхъ людей, которые стараются ввести въ нашей странѣ вредную и тираническую систему рабочихъ союзовъ. Я упоминаю объ этомъ только, какъ о доказательствѣ того духа, который васъ одушевляетъ, такъ какъ судъ обязанъ принять это въ соображеніе. Вы обвиняетесь попечителями кодльтонскаго союза въ томъ, что вы бросили вашихъ дѣтей. Вы—отецъ одиннадцати малютокъ, которыхъ Богъ вамъ даровалъ для того, чтобъ вы пеклись объ нихъ и воспитывали ихъ. Вы подлымъ образомъ бросили ихъ на вѣрную погибель!

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула съ пламеннымъ негодованіемъ маленькая Мэри въ дверяхъ. — Онъ никогда не хотѣлъ намъ сдѣлать вреда!

— Выведите ее изъ суда, произнесъ сквайръ, и, послѣ исполненія этого приказанія, среди неодобрительныхъ комментаріевъ въ полголоса со стороны мистрисъ Нолекенсъ и безмолвнаго отчаянія Годжа, судья продолжалъ:

— Законъ предвидѣлъ подобный случай. Вы обвиняетесь сегодня совершенно справедливо, какъ бродяга и мошенникъ...

Годжъ вскочилъ съ мѣста, и въ глазахъ его блеснулъ огонь.

— Да, какъ бродяга и мошенникъ, и вы будете подвергнуты подобающему наказанію. По акту о бродяжничествѣ, изданному при Георгѣ IV, глава 83, «всякій, обращающійся въ бѣгство и оставляющій жену и своихъ или ея дѣтей на попеченіе прихода или городского общества, признается мошенникомъ и бродягой». Это постановленіе, чрезвычайно здравое и полезное, почти такъ же древне, какъ законъ о бѣдныхъ, такъ какъ въ гораздо древнѣйшемъ актѣ сказано, «что всякій, обращающійся въ бѣгство, долженъ быть признанъ неисправимымъ мошенникомъ и подвергнутъ наказанію, положенному для неисправимыхъ мошенниковъ». Ваша вина усиливается еще вашей защитой.

Въ эту минуту, въ залу суда вошелъ человѣкъ, появленіе котораго произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Это былъ Самми Стедманъ, и Генри Юбанкъ вступилъ съ нимъ въ жаркій разговоръ.

— Вы защищали себя, продолжалъ судья:—такими несправедливыми и нестерпимыми аргументами, что судъ считаетъ своею обязанностью наказать васъ примѣрно. Въ виду всего этого, судъ постановляетъ подвергнуть васъ заключенію въ исправительномъ домѣ на шесть недѣль.

— Боже мой! воскликнула мистрисъ Нолекенсъ. — Вы за это дорого заплатите! А еще рядомъ сидитъ пасторъ и участвуетъ въ подобномъ нечестіи! Какъ Богъ святъ...

Тутъ ея краснорѣчіе было прервано, и полисменъ вывелъ ее изъ залы суда.

Только что водворилась въ залѣ тишина, какъ она снова была прервана.

— Стойте, господа! рѣзко произнесъ Самми Стедманъ, вставая. — Все производство этого дѣла незаконно. Этотъ судъ не компетентенъ.

— Сядьте, сэръ! Какое право вы имѣете обращаться къ суду?

— Право каждаго честнаго англичанина, который видитъ, что совершается несправедливость, воскликнулъ Генри Юбанкъ, который не могъ болѣе сдержать себя:—онъ правъ, сэръ. Этотъ судъ не компетентенъ, согласно принципамъ Великой Хартіи, ибо судьи принадлежатъ къ числу обвинителей.

— Генри, вы съума сошли! воскликнулъ сквайръ, страшно поблѣднѣвъ. — Садитесь, сэръ. — Я... Я... Что̀? прибавилъ онъ, обращаясь къ секретарю, который шепталъ ему что̀-то на ухо.

— Приговоръ произнесенъ, сказалъ громко секретарь:—компетентность суда, мистеръ Юбанкъ, неизмѣнна и опредѣлена статутомъ. Уведите арестанта.

Молодой адвокатъ сдѣлалъ громадную ошибку. Его убѣжде-

нія были лучше его знаній, и не удивительно. Онъ могъ по истинѣ думать, что англійскій законъ не можетъ допустить такой чудовищной аномаліи; но на дѣлѣ это такъ. Внѣ Лондона не можетъ быть ни одного дѣла, касающагося попечителей бѣдныхъ, въ которомъ судьи, сами попечители ex officio, не были бы стороною, и, если кто-нибудь полагаетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ, какъ обвинитель и судья, можетъ дѣйствовать безпристрастно, то вышеприведенный случай, конечно, убѣдитъ его, что человѣкъ, рѣшившій, однажды, дѣло административнымъ порядкомъ, какъ попечитель, не можетъ судить его вторично, какъ судья, тѣмъ болѣе, когда вопросъ идетъ о свободѣ англійскаго гражданина.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Зенитъ вражды.

I.

Возвращеніе домой.

Быстро вертѣлось колесо рабочей мельницы въ Ганкерлейскомъ исправительномъ домѣ, и въ опредѣленные часы арестантъ Джонъ Годжъ, какъ новый Сизифъ, ходилъ съ монотоннымъ однообразіемъ по его вѣчно опускавшимся и поднимавшимся ступенямъ. Быстро вертѣлось великое колесо времени, и по его неумолимымъ ступенямъ шагала вверхъ и внизъ безпомощная нищета, пока, наконецъ, въ головѣ путались мысли, а въ сердцѣ исчезалъ послѣдній лучъ надежды, застилаемый мракомъ отчаянія. Быстро вертѣлось колесо труда, и безпомощно ступали по немъ сильные и слабые, хорошіе и дурные, вѣчно двигаясь, но не дѣлая ни шага впередъ, стараясь по временамъ остановить роковое движеніе или бросить свою сводящую съ ума работу, но удерживаемые на вѣчно вращающихся ступеняхъ притягательной силой необходимости и принуждаемые неустанно идти, никуда не достигая. Быстро вращался годъ, приближаясь къ своему концу со всѣми ознаменовавшими его умственными и физическими страданіями людей, въ томъ числѣ неутѣшнымъ горемъ Эмиліи Биртонъ, разлученной съ ея возлюбленнымъ, кото-

рому не дозволяли съ ней видѣться и переступать порогъ дома, гдѣ онъ былъ такъ счастливъ. Въ тотъ день, когда Генри Юбанкъ поддался въ судѣ благородному, но неосторожному побужденію совѣсти, онъ получилъ записку, наскоро набросанную сквайромъ. Мистеръ Биртонъ увѣдомлялъ его, что онъ навсегда лишился его довѣрія, и воспрещалъ ему видѣться съ дочерью. «Съ глубокимъ сожалѣніемъ, прибавлялъ онъ:—сообщаю я это сыну моего старѣйшаго и лучшаго друга, но побуждаетъ меня къ тому глубокое сознаніе долга. Ваши сочувствія также безсмысленны, какъ ваши сужденія. Ваши юридическія свѣдѣнія такъ же дурны, какъ ваше поведеніе, и вы публично заявили себя дуракомъ». Молодые люди замѣчательныхъ способностей и благороднаго образа мыслей должны быть въ наше время очень осторожны. Опасно высказывать свои идеи. Преждевременное разоблаченіе мыслей и чувствъ, какъ бы онѣ ни были справедливы, можетъ погубить человѣка, хотя, быть можетъ, онъ самъ доживетъ до того времени, когда другіе возвысятся, проповѣдуя тѣ самыя идеи, которыя помѣшали его успѣху. Юбанкъ былъ слишкомъ честный человѣкъ, чтобъ во зло употребить любовь Эмиліи, и потому онъ переносилъ тяжелую разлуку, какъ мужественный человѣкъ, энергично предавшись своей адвокатской дѣятельности.

Мы не станемъ разсказывать грустнаго существованія Джона Годжа въ исправительномъ домѣ, а скажемъ только, что на него дѣйствовалъ болѣе всего стыдъ заключенія. Между тѣмъ, Крошка Годжъ и Мэри процвѣтали, благодаря попеченіямъ мистрисъ Нолекенсъ. По остроумному распоряженію начальства, выходъ Годжа изъ исправительнаго дома совпалъ съ возвращеніемъ изъ пріюта остальныхъ его девяти дѣтей. Придя къ своей хижинѣ съ поникшей головой, онъ увидалъ этихъ бѣдныхъ, безпомощныхъ дѣтей и приведшаго ихъ попечителя бѣдныхъ. Перо мое отказывается описать эту встрѣчу. Попечитель былъ однако человѣкъ добрый и, вмѣстѣ съ ключемъ хижины, принесъ немного пищи. Но все же онъ строго сказалъ:

— Ваша прямая и законная обязанность—заботиться объ этихъ малюткахъ. За вами будутъ зорко слѣдить, и не думайте бѣжать вторично.

Годжъ ничего не отвѣчалъ. Онъ какъ-то безсознательно посмотрѣлъ на дѣтей, которыя подняли такой громкій и жалобный плачъ, что попечитель бѣдныхъ быстро удалился.

Приговоръ суда въ дѣлѣ Годжа до того сообразовался съ общимъ духомъ англійскихъ законовъ, что нельзя было придумать болѣе безполезнаго и дорогого результата. Приведеніе въ испол-

неніе этого приговора стоило странѣ 200 фунтовъ стерлинговъ, на которые все семейство Годжа могло бы существовать, сравнительно съ роскошью, впродолженіи четырехъ лѣтъ.

II.

Разрѣшеніе вопроса.

Глаза всей страны были сосредоточены теперь на борьбѣ, происходившей въ Кодльтонскомъ округѣ. Старая система, существовавшая искони, переживала тяжелое испытаніе и была сильно поколеблена. Теорія: «будь доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое тебя судьба поставила», руководившая англійскими пасторами и сквайрами изъ поколѣнія въ поколѣніе, оказалась непримѣнимой къ Годжу, Крошкѣ Годжу и всѣмъ будущимъ Годжамъ. Патріархальныя отношенія между землевладѣльцами и поселянами, «столь не похожія на отношенія между другими хозяевами и рабочими и потому не подлежащія чуждому вмѣшательству», подвергались опасности и не обнаруживали тѣхъ твердыхъ условій непреодолимаго вѣчнаго учрежденія, какъ воображали люди, полные буколической вѣры. Коммерческіе принципы прокладывали себѣ дорогу въ сельскую, романтичную область. Поселяне заявляли свое право образовывать союзы и дѣйствовать за одно. Политическая экономія проникла изъ нечестивыхъ городовъ въ невинныя селенія. Между тѣмъ, земледѣльческій союзъ успѣшно развивался. Подписка въ пользу его фонда достигла значительныхъ размѣровъ и дала ему твердую, финансовую основу, благодаря чему, онъ могъ выказать необыкновенную силу съ самаго начала своего существованія. Когда фермеры отказывали рабочимъ въ трудѣ, то союзъ давалъ имъ средства переселяться въ Сѣверную Англію или эмигрировать въ Канаду или Новую Зеландію. Еслибъ вожаки этого движенія не отличались здравымъ смысломъ и честностью, то фондъ союза могъ бы сдѣлаться источникомъ опасности, но съ пожертвованными суммами обращались точно такъ же, какъ съ деньгами, поступавшими отъ рабочихъ и излишекъ пускался въ оборотъ. Самми Стедманъ всѣми силами старался убѣдить членовъ союза аккуратно взносить въ теченіи лѣта слѣдуемую съ нихъ долю, въ виду тяжелаго зимняго времени, когда—онъ предчувствовалъ—фермеры отомстятъ рабочимъ въ томъ или другомъ видѣ. Такимъ образомъ, пріучались къ экономіи многіе, никогда прежде объ этомъ не думав-

шіе. Какъ важенъ былъ этотъ урокъ, доказали послѣдующія событія.

Съ наступленіемъ жатвы забастовка прекратилась. Какъ мы уже видѣли, рабочіе не являлись изъ другихъ частей Англіи. Попытка вывезти ирландцевъ не удалась. Китай и Индія отстояли слишкомъ далеко, чтобы снабдить капиталистовъ жнецами. Правительство не хотѣло вмѣшиваться въ распрю и отказало въ дозволеніи солдатамъ наниматься въ рабочіе. Фермеры были вынуждены пойти на сдѣлку. Заработная плата возвысилась, и землевладѣльцы возвратились на поля. Отношенія между недавними противниками остались холодными; слышались даже угрозы возмездія, но ни одному поселянину не было отказано въ работѣ. Фермеры во время жатвы охотно сознавались, что никогда работа не шла такъ хорошо. Увеличеніе платы произвело удивительную перемѣну въ лѣнтяяхъ прежнихъ лѣтъ. Самми Стедманъ искусно пользовался печальной исторіей Годжа, который вообще выставлялся, какъ первый мученикъ земледѣльческихъ союзовъ, а Крошка Годжъ сталъ эмблемой безпомощнаго и несчастнаго положенія поселянъ. Мистеръ Лестеръ и сквайръ Биртонъ жестоко осуждались либеральными газетами; торійскіе же органы выхваляли ихъ за твердость, выказанную въ такое время, когда было въ модѣ потакать демократіи.

Около этого времени союзъ составилъ правила о прекращеніи работъ, и, еслибы землевладѣльцы прочли ихъ, то уничтожились бы всѣ ихъ опасенія. Всякое насиліе было воспрещено. Никакой рабочій не могъ отстать отъ работы, не предувѣдомивъ хозяина за мѣсяцъ впередъ, а, чтобъ не употребляли во зло время жатвъ, было постановлено, что, въ случаѣ непредувѣдомленія хозяевъ или незаключенія особаго условія, заработная плата, существующая въ началѣ жатвы, сохраняется до ея окончанія. Число рабочихъ часовъ въ день было опредѣлено, и всякая излишняя работа должна оплачиваться особо. Не было постановлено никакихъ правилъ о раздѣленіи труда; а самымъ произвольнымъ правиломъ было воспрещеніе женщинамъ производить полевую работу. Это постановленіе, конечно, было очень здравое, но противорѣчащее личной свободѣ. Вообще, земледѣльческій союзъ, при хладнокровномъ обсужденіи, оказывался простымъ и справедливымъ учрежденіемъ, основаннымъ для уравненія взаимныхъ отношеній между работниками и хозяевами. Но, крупные землевладѣльцы, фермеры и пасторы не хотѣли замѣчать всѣхъ этихъ хорошихъ сторонъ земледѣльческаго союза и придали ему вымышленный ими самими видъ политическаго заговора. Они боролись съ миѳомъ собственнаго изобрѣтенія и увѣряли, что цер-

ковь была въ опасности и поземельный вопросъ лежалъ въ основаніи этого движенія. Подобныя, ни на чемъ не основанныя опасенія, подали однако мысль настоящимъ агитаторамъ вмѣшаться въ дѣло, и не было въ Англіи политическаго общества, представители котораго не отправились бы въ Кодльтонъ, чтобы привить свои принципы къ только-что возникшей ассоціаціи. Конечно, дѣло земледѣльцевъ отъ этого ничего не выиграло, а благородное, искреннее и честное отношеніе землевладѣльцевъ къ союзу могло бы вполнѣ удержать обѣ стороны отъ совершенно ненужнаго, искусственнаго распространенія борьбы. Къ партіи хозяевъ также примкнули своего рода агитаторы, но, такъ какъ это были пэры, епископы, баронеты и члены парламента, то ихъ разглагольствованія въ пользу закона и порядка печатались въ газетахъ съ хвалебными отзывами. Остроумнѣйшій карандашъ Англіи, такъ часто оказывавшій услуги великому дѣлу прогреса, въ этомъ случаѣ измѣнилъ своему призванію и, угождая богатымъ, сталъ изображать въ грубыхъ каррикатурахъ защитниковъ слабыхъ противъ злоупотребленій сильныхъ. Вообще, всѣ сторонники привилегій всякаго рода ополчились противъ кодльтонскаго земледѣльческаго союза и его друзей.

Мистеръ Биртонъ искренно вѣрилъ, что земледѣльцевъ обманывали революціонные агитаторы, и всѣми силами старался распространить между ними правильныя понятія объ экономическихъ принципахъ и справедливыхъ отношеніяхъ между классами. Онъ пригласилъ къ себѣ извѣстнаго епископа, и тотъ произнесъ къ ганкерлейскимъ поселянамъ краснорѣчивую рѣчь, въ которой доказывалъ, что существовавшія отношенія между трудомъ и капиталомъ были установлены самимъ Провидѣніемъ и что сохраненіе дружеской связи съ хозяевами было дороже для рабочихъ всякаго эгоистическаго возвышенія заработной платы. Его разсужденія объ опасности агитаціи были такъ грубы и рѣзки, что никто не повѣрилъ бы мнѣ, еслибы я ихъ привелъ дословно. Правда, впослѣдствіи онъ раскаялся въ этихъ словахъ, и только по своей непогрѣшимости въ томъ не сознался.

Одинъ изъ англійскихъ пэровъ, извѣстный замѣчательными способностями, счелъ своимъ долгомъ произнести рѣчь къ фермерамъ по этому вопросу. Прежде всего, онъ замѣтилъ, что, такъ какъ земледѣльцы составили союзъ, то невозможно оставить этотъ фактъ безъ вниманія, и потому совѣтовалъ фермерамъ принять это въ соображеніе. Потомъ онъ указалъ на то, что собственно въ ассоціаціи не было ничего незаконнаго, даже если ее учреждали агитаторы, но ихъ самихъ онъ полагалъ полезнымъ и необходимымъ совершенно уничтожить. Далѣе онъ выставилъ но-

вый принципъ, что рабочіе имѣли право и должны были получать плату за трудъ, но если, съ одной стороны, они запрашивали слишкомъ дорого, то не получали работы, а если, съ другой, хозяева предлагали слишкомъ малую плату, то не могли имѣть рабочихъ. «Такимъ образомъ, говорилъ онъ: — вы ясно видите, что эти вопросы регулируются твердыми, неизмѣнными принципами, которые и слѣдуетъ примѣнять на практикѣ. Другого выхода нѣтъ... и т. д., и т. д.» Фермеры были изумлены такимъ простымъ разрѣшеніемъ сложнаго вопроса, но громко рукоплескали пэру, который пользовался большой репутаціей здравомыслящаго человѣка.

Но всѣхъ замѣчательнѣе въ числѣ добровольныхъ совѣтниковъ рабочаго класса, былъ сэръ Вальтеръ Вагинтонъ, баронетъ и членъ парламента, политическія мнѣнія котораго были до того смутны, что онъ самъ не вполнѣ ясно ихъ сознавалъ. Никогда не было среди государственныхъ людей такого добраго человѣка; онъ былъ прежде торійскимъ министромъ, а теперь соціальнымъ реформаторомъ. Никто такъ не жаждалъ, какъ онъ, примирить непримиримое и одержать консервативную побѣду на соціалистическихъ принципахъ. Онъ открылъ великую истину, что нашъ вѣкъ былъ прогрессивный, и потому желалъ, чтобы человѣчество шло впередъ, а торизмъ торжествовалъ бы по всей линіи. Онъ видѣлъ, что рабочіе начинали имѣть надежды на лучшее существованіе, и старался ихъ поддержать. По его мнѣнію, каждый работникъ долженъ былъ имѣть удобную хижину, участокъ земли и корову. Онъ оспаривалъ права рабочихъ добиться подобнаго положенія путемъ насилія, настоятельнаго требованія, измѣненія законовъ или покупки, но желалъ даровать имъ все это, даровать парламентскимъ актомъ, не измѣняя настоящаго порядка вещей. Какъ было это сдѣлать, онъ не говорилъ. Его добродушіе и умѣренный либерализмъ возбуждали восторгъ довѣрчивыхъ рабочихъ, а если находились злые языки, смѣявшіеся надъ его краснорѣчивыми, туманными фразами, то это не удивительно. Свѣтъ не былъ достоинъ такого человѣка. Его уже давно слѣдовало бы сдѣлать первымъ министромъ, но объ этомъ никто и не думалъ. Между тѣмъ, вдали отъ власти, онъ оставался все тѣмъ же добродушнымъ джентльменомъ и съ искреннимъ одушевленіемъ говорилъ ганкерлейскимъ поселянамъ:

— Друзья мои! счастье не зависитъ отъ богатства. Счастье зиждется на гораздо высшихъ основаніяхъ: на чувствѣ благодарности и на довольствѣ малымъ. Бѣдный человѣкъ, обладая этими качествами, имѣетъ въ себѣ элементы счастья, которыхъ

лишенъ богатый, если онъ не исполняетъ обязанностей своего положенія. По моему мнѣнію (а я нисколько не преувеличиваю хорошихъ сторонъ вашего положенія), рабочимъ нѣтъ никакого основанія составлять союзы и поддаваться безпокойнымъ агитаторамъ. Я считаю, что въ этой странѣ они нуждаются въ трехъ вещахъ: въ лучшемъ воспитаніи, въ лучшемъ жилищѣ и въ лучшей пищѣ. Еслибъ эти законныя ихъ потребности были даны имъ парламентскимъ актомъ, то рабочіе перестали бы быть жертвами лицъ, распространяющихъ повсюду недовольство, и стали бы вести лучшую, болѣе благородную жизнь.

Рабочіе восторженно рукоплескали этимъ словамъ. Но бо̀льшаго они не могли ничего добиться отъ подобныхъ покровителей. Пэръ, епископъ и баронетъ проповѣдывали довольство малымъ, проклинали политическую агитацію и спокойно удалялись, забывая, конечно, что о такой филантропіи сказалъ еще апостолъ Іаковъ: «Аще же братъ или сестра наги будутъ и лишены будутъ дневныя пищи, речетъ же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтеся и насыщайтеся, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго—кая польза?»

III.

Новый членъ союза.

Фермеръ Джолли не могъ обойтись безо всѣхъ своихъ работниковъ, а потому, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, въ домѣ Годжа царило довольство. Получаемые имъ шестнадцать шиллинговъ въ недѣлю дозволили ему нанять женщину для присмотра за Крошкой Годжемъ, что̀ дало возможность Мэри собирать по прежнему на поляхъ колосья. Годжъ былъ избранъ въ члены комитета союза и выказалъ неожиданныя способности, здравый смыслъ и находчивость. Теперь каждый приходъ имѣлъ свою мѣстную отрасль союза, и, работая въ этихъ комитетахъ, поселяне впервые стали обучаться искуству государствовѣдѣнія или, лучше сказать, обществовѣдѣнія, столь цѣнимому англичанами и столь необходимому для безопасности государства.

У мистера Джолли былъ любимый пахарь, по имени Ричардъ Ро, который получалъ шестнадцать шиллинговъ въ недѣлю и до сихъ поръ оставался глухъ на всѣ убѣжденія членовъ союза пристать къ нимъ. Но все же онъ былъ человѣкъ и питалъ нѣкоторое сочувствіе къ Годжу, а также внутренно одобрялъ движеніе, начавшееся между земледѣльцами, хотя изъ хитрости не

высказывалъ своихъ мнѣній хозяину. Мало по малу, онъ однако видѣлъ, что результатомъ союза было увеличеніе заработной платы людей, менѣе его способныхъ, до той цифры, которую онъ самъ получалъ, а фермеръ Джолли нисколько не думалъ возвышеніемъ его жалованья возстановить прежнюю, по его словамъ, справедливую пропорцію. Это его сильно разгнѣвало, и онъ невольно спрашивалъ себя, какую пользу онъ извлекъ изъ того, что отдѣлился отъ своихъ товарищей? Его увѣряли, что, благодаря союзу, установится ровная для всѣхъ заработная плата, но на дѣлѣ оказалось, что Годжъ и нѣкоторые другіе получали двумя или тремя шиллингами болѣе людей, менѣе ихъ способныхъ, что такимъ образомъ союзъ не только побудилъ фермеровъ вообще возвысить заработную плату, но и фактически примѣнять принципъ естественнаго подбора, т. е. платить бо̀льшее жалованіе лучшимъ работникамъ. Поэтому однажды, въ сентябрѣ, вечеромъ, Ричардъ Ро пошелъ къ Годжу, чтобы переговорить о многомъ, давно его мучившемъ. До насъ касается не этотъ разговоръ, а только его результатъ. Ро, наконецъ, рѣшился вступить въ союзъ и, выходя изъ хижины Годжа, встрѣтилъ проходившаго мимо фермера Джолли, который возвращался домой съ ежемѣсячнаго обѣда ганкерлейскаго земледѣльческаго клуба, и голова его была полна не только гнѣвомъ противъ членовъ союза, но и парами дурнаго вина. Выйдя съ большой дороги на тропинку, проходившую мимо хижины Годжа, онъ увидѣлъ, какъ знакомая фигура его пахаря пробиралась въ сумеркахъ изъ жилища его врага.

— Эй! Дикъ, чортъ возьми! вы были у проклятаго члена союза?

— Да̀, сэръ.

Джолли бросился на него и схватилъ за шиворотъ. Онъ былъ пьянъ и внѣ себя, а Ро былъ трезвый и сильный человѣкъ.

— Вы поступаете въ союзъ! воскликнулъ Джолли, блѣднѣя отъ злобы.

— Оставьте меня, произнесъ пахарь, сверкая глазами и нервно сжимая кулаки.

— Проклятый! Вы поступаете въ союзъ? повторилъ фермеръ.

— Да̀, поступаю, отвѣчалъ Ричардъ Ро и ударилъ изо всей силы пьянаго по лицу, такъ что тотъ упалъ на землю, какъ срубленное дерево.

Джонъ Годжъ видѣлъ все это съ порога своего дома и слышалъ каждое слово въ ночной тишинѣ. Послѣ удара, Ричардъ Ро преспокойно удалился, а Джолли, присѣвъ на землѣ, сталъ отирать лицо платкомъ, громко проклиная своего пахаря и Год-

жа. Послѣдній подбѣжалъ къ нему и помогъ встать. Фермеръ принялъ его помощь, но, уходя домой, пробормоталъ съ пѣной у рта:

— Проклятый, я тебѣ отомщу!

IV.

Argumentum ad Hominem.

На слѣдующее утро, когда бо̀льшая часть поселянъ работала на фермѣ, Годжъ отправился съ лошадью и мальчикомъ пахать на отдаленное поле. Съ 7 часовъ онъ терпѣливо проходилъ борозду за бороздой по большому полю, а около 10 часовъ съ удивленіе увидалъ Джолли, приближавшагося къ нему на сѣрой лошади. Было что-то роковое въ лицѣ фермера и, не смотря по сторонамъ, онъ ѣхалъ прямо къ мѣсту, гдѣ пахалъ Годжъ.

— Стой! воскликнулъ онъ.

Годжъ остановилъ лошадь и снялъ шляпу. Въ рукѣ онъ держалъ толстый бичъ пахаря съ мѣдной, тяжелой ручкой, страшное оружіе въ сильныхъ рукахъ. Подъѣхавъ ближе, Джолли выхватилъ бичъ изъ его рукъ.

— Держи лошадь! сказалъ онъ мальчику.

Годжъ видѣлъ во взглядѣ фермера страшную рѣшимость, а подъ его правымъ глазомъ ясные слѣды кулака Ричарда Ро.

— Проклятый! я тебѣ покажу, ка̀къ набирать на моей фермѣ членовъ союза! воскликнулъ Джолли и ударилъ рукояткой бича по плечамъ Годжа, который не устоялъ на мѣстѣ и упалъ на воздѣлываемую имъ землю.

Удары слѣдовали быстро одинъ за другимъ по плечамъ, спинѣ, рукамъ и ногамъ несчастнаго, распростертаго Годжа. Мальчикъ отъ страха бѣжалъ, оставивъ лошадь. Нанеся такимъ образомъ около шестидесяти или семидесяти ударовъ, могучая рука фермера устала, и тогда только онъ остановился, перевелъ дыханіе и преспокойно пошелъ къ своей лошади. Стоны несчастнаго, избитаго человѣка тщетно взывали къ небу.

V.

Вѣсы правосудія.

Очнувшись отъ обморока, который послѣдовалъ за побоями, Годжъ увидалъ передъ собою Салли Нолекенсъ, ея мужа, Ри-

чарда Ро и нашего пріятеля, доктора стараго приходскаго союза. Онъ ненавидѣлъ новый союзъ, но у него было доброе сердце, и осмотрѣвъ избитое тѣло Джона Годжа, онъ не могъ удержаться отъ искренняго гнѣва: онъ засвидѣтельствовалъ присутствіе шестидесяти шести ударовъ и шрамовъ. На спинѣ... Но нѣтъ, я не буду этого описывать; Годжъ былъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ тотъ преступникъ, который, достойно принявъ наказаніе, возбудилъ недавно сожалѣніе англійской читающей публики. Вы можете найдти подробное описаніе ранъ Годжа въ *Электрическомъ Метеорѣ*, и пусть ваше воображеніе добавитъ остальное. Я прибавлю только, что Годжъ не могъ встать съ постели ранѣе двухъ недѣль.

Общее негодованіе и отвращеніе, возбужденное повсюду этой исторіей, дѣлали честь англійскому обществу. Мистеръ Лестеръ навѣщалъ нѣсколько разъ больного, а сквайръ посылалъ постоянно узнавать объ его здоровьѣ, причемъ посланный никогда не ходилъ съ пустыми руками. Эмили Биртонъ, какъ истая женщина, была очень рада случаю свободно выказать сочувствіе къ Годжу, что̀ ей дотолѣ воспрещали, и часто появлялась въ хижинѣ бѣдняка, то няньчая миніатюрнаго Крошку Годжа, то читая книги старику. Въ одно изъ такихъ посѣщеній совершенно неожиданно вошелъ въ хижину Генри Юбанкъ, пылая негодованіемъ и желая лично убѣдиться, до чего могла дойти жестокость хозяевъ. Положеніе молодыхъ людей было такое неловкое, такое непріятное, особливо, когда глупый больной, повернувшись къ стѣнѣ, заснулъ. Спустя полчаса, Эмили Биртонъ выбѣжала изъ двери хижины, съ блестящими глазами и раскраснѣвшимся лицомъ, спасаясь отъ удерживавшихъ ее могучихъ рукъ. Вечеромъ въ этотъ день, сквайръ съ удивленіемъ замѣчалъ румянецъ на щекахъ дочери, которая была въ послѣднее время такъ страшно блѣдна.

Фермеры и сквайры осуждали поведеніе Джолли, хотя заявляли, что, по всей вѣроятности, Годжъ вполнѣ заслужилъ полученные побои. Рабовладѣльцы въ Америкѣ обыкновенно возставали противъ особенныхъ случаевъ жестокости, которые ихъ компрометировали. Друзья всего болѣе бранили фермера за то, что онъ своей глупостью портилъ ихъ дѣло. Очень немногіе изъ нихъ питали сочувствіе къ несчастному, потерпѣвшему человѣку. Большинство ихъ сдѣлало бы тоже, еслибъ посмѣло. Гуманность людей вѣситъ очень мало, если на другую чашку вѣсовъ положить ихъ кошелекъ.

Стряпчіе Джолли старались мирно окончить дѣло съ Годжемъ, и жена его ухаживала за больнымъ. Ему предлагали за повреж-

денія и потерянное время значительную денежную сумму, но, несмотря на сильный соблазнъ, онъ отказался. Онъ не былъ герой, однако, и, вѣроятно, взялъ бы деньги, еслибъ его не подстрекали Самми Стедманъ и Генри Юбанкъ, а союзъ не обѣщалъ бы его вознаградить. Окончаніе этого дѣла очень поучительно для всякаго изучающаго англійскую жизнь, англійское общество и англійскіе законы. Дѣло разбиралось на обыкновенной сессіи. Мистеръ Лестеръ не присутствовалъ, а судъ состоялъ изъ сквайра и двухъ другихъ, сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Генри Юбанкъ явился адвокатомъ обвинителя, а стряпчаго союзъ выписалъ изъ Лондона, такъ какъ ни одинъ изъ мѣстныхъ стряпчихъ не хотѣлъ взяться за это дѣло. Джолли не имѣлъ защитника, да, впрочемъ, онъ въ немъ и не нуждался. Обвиненіе старалось подвести поступокъ фермера подъ насиліе и нанесеніе ранъ, потому что, въ подобномъ случаѣ, онъ былъ бы преданъ уголовному суду и подлежалъ бы тюремному заключенію на годъ или на два. Но судъ рѣшилъ, что Джолли имѣлъ намѣреніе только подвергнуть Годжа наказанію бичемъ, а не нанести ему раны, а потому, признавъ его поступокъ простымъ буйствомъ, подвергнулъ его штрафу въ пять фунтовъ стерлинговъ.

Въ тотъ же день, въ томъ же самомъ судѣ, тѣми же судьями было разсмотрѣно дѣло по обвиненію правительственной властью Ричарда Ро въ томъ, что онъ, рабъ, напалъ на своего господина и избилъ его. Свидѣтель Годжъ доказалъ, что его господинъ былъ пьянъ, но судъ нашелъ, что онъ долженъ былъ въ такомъ случаѣ уважить слабость и безсознательность Джолли. На основаніи всего этого, онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на двѣ недѣли. При этомъ судъ торжественно заявилъ, что необходимо было для поддержанія общественной безопасности сокрушить мятежный духъ, обнаруживавшійся между поселянами того графства.

О! справедливое, святое правосудіе! Взгляни съ высоты своего величія на твоихъ презрѣнныхъ представителей и пожалѣй насъ, глупыхъ людей, не привлекая насъ къ отвѣтственности за подобное безобразіе!

VI.

Противодѣйствіе фермеровъ.

Жатва кончилась. Поля и житницы были полны хлѣбомъ и овсомъ, веселившими сердца фермеровъ. Повсюду слышались

стукъ цѣповъ въ ригахъ и шумъ молотилокъ. Потомъ ранніе морозы прибили всю растительность, и жестокіе, октябрьскіе вѣтры, обнажая деревья отъ послѣднихъ листьевъ, разносили ихъ цѣлыми тучами по лугамъ или полямъ и нагромождали высокія кучи въ лѣсахъ. Наконецъ, наступилъ ноябрь съ перемежающимися свѣтлыми, холодными днями и страшными бурями, съ туманными ночами и сильными морозами, предвѣщавшими стужу. Въ это печальное время бѣдность и трудъ, соединенные неразрывными узами, съ ужасомъ видѣли, что теплое, благодатное лѣто прошло и что на мрачномъ небѣ и на еще болѣе мрачной землѣ не было для нихъ ни тѣни надежды.

Тогда-то фермеры стали совѣщаться между собою и, разсчитавъ сколько имъ стоило возвышеніе заработной платы, рѣшились обнаружить практически свое противодѣйствіе движенію, начавшемуся между поселянами. Политика сквайра была принята всѣми. Они отказывали многимъ рабочимъ и часто очень жестоко; но впродолженіи нѣкотораго времени союзъ ограждалъ рабочихъ отъ тяжелыхъ послѣдствій подобныхъ отказовъ и доставлялъ имъ новыя мѣста въ сосѣднихъ графствахъ или отправлялъ ихъ въ колоніи. Въ числѣ ихъ были лучшіе люди околодка, и они уже болѣе никогда не возвращались на родину. «Если вамъ необходима высшая заработная плата, говорили фермеры:— то мы не можемъ платить ее всѣмъ работникамъ круглый годъ. Мы оставимъ на зиму какъ можно менѣе людей и то самыхъ лучшихъ, а остальныхъ будемъ нанимать по мѣрѣ надобности». Эта система грозила большими бѣдствіями рабочимъ, но она была естественной политикой и никто не могъ сказать слова противъ нея. Нѣкоторые фермеры толковали о превращеніи своихъ полей въ луга, такъ какъ тогда имъ понадобилось бы гораздо менѣе рукъ; но для этого необходимъ былъ значительный капиталъ для покупки скота, который пасся бы на этихъ лугахъ, и потому общее примѣненіе этой системы было невозможно, по крайней мѣрѣ, на время. Фермеру Джолли, послѣ исторіи съ Годжемъ, было совѣстно отказать ему, но онъ вполнѣ одобрялъ систему отказовъ. Бѣдный мистеръ Трускотъ сердился болѣе своихъ сосѣдей, такъ какъ возвышеніе заработной платы грозило ему вѣрнымъ раззореніемъ. Ясно, что подобный результатъ можетъ послѣдовать отъ борьбы противоположныхъ интересовъ, когда привилегія одного класса или клики уничтожается на пользу всѣхъ; но нелѣпо было бы проповѣдывать противъ благодѣтельной реформы только потому, что она можетъ погубить нѣсколько слабыхъ, несчастныхъ людей. Фермеры, утверждавшіе, что они не могутъ давать той заработной платы, кото-

рую требовали члены союза, или что ихъ раззоритъ увеличенная плата за трудъ, просто приводили доводъ *ad misericordiam* въ пользу заработной платы ниже рыночной цѣны. Также благоразумно было бы требовать, чтобъ англійскій банкъ не возвышалъ дисконтнаго процента на томъ основаніи, что легкомысленные спекуляторы и купцы, которыхъ дѣла шли плохо, по всей вѣроятности, раззорились бы. Буколическіе экономисты, ссылавшіеся въ защиту низкой заработной платы, на всемогущее вліяніе закона требованія и предложенія, не могли послѣдовательно утверждать, что этотъ законъ долженъ подчиняться способности нѣкоторыхъ или цѣлаго класса людей получать выгоду изъ обработки земли только при низкой заработной платѣ; это было бы все равно, что купцамъ протестовать противъ высокаго дисконтнаго процента, потому что онъ дѣлалъ прибыль шаткой и невѣрной.

Однако, были ли они правы, или нѣтъ въ своей политико-экономической теоріи, фермеры дружно рѣшились вести борьбу противъ земледѣльческаго союза. Но нѣкоторые изъ ихъ союзниковъ теперь ихъ покинули. Англиканская церковь могла защищать привилегированное положеніе одного класса, но не жестокую тиранію. Ректоръ Ганкерлея, въ послѣднее время, часто задумывался о томъ, какъ слѣдовало ему поступать въ этомъ соціальномъ вопросѣ. Мистеръ Линкбой, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, сообщалъ ему всѣ собираемые имъ факты, и мистеръ Лестеръ начиналъ сомнѣваться въ справедливости той стороны, за которую онъ прежде такъ пламенно стоялъ. Онъ очень охладѣлъ къ сквайру, принесшему въ жертву предразсудкамъ счастье дочери, а, узнавъ о побояхъ, нанесенныхъ фермеромъ Джолли Годжу, онъ пришелъ въ благородное негодованіе и, отправившись къ фермеру, такъ пламенно и искренно сталъ выговаривать ему, что послѣдній былъ совершенно ошеломленъ и приведенъ въ тупикъ. Мало того, мистеръ Лестеръ открыто осуждалъ судебные приговоры по дѣламъ Ро и Годжа. Въ виду всего этого, онъ непремѣнно разсорился бы съ сквайромъ, еслибъ это было возможно для такихъ старыхъ друзей.

VII.

Неожиданный посѣтитель.

Однажды пасторъ и его помощникъ были заняты бесѣдой о церковныхъ дѣлахъ, какъ вдругъ подъ окнами пасторскаго дома

раздался стукъ колесъ. Кабріолетъ съ Кодльтонской станціи желѣзной дороги быстро приближался, и рядомъ съ возницею въ немъ сидѣлъ человѣкъ, который обратилъ бы на себя всеобщее вниманіе, какъ въ Уджиджи, на озерѣ Танганіикѣ, такъ и на парижскихъ бульварахъ. Чрезмѣрная длина его фигуры, такъ какъ правильнѣе говорить объ его длинѣ, чѣмъ о высотѣ, не уравновѣшивалась пропорціональной толщиной. Впрочемъ, зрителямъ необходимо было отгадывать, какого именно сложенія былъ этотъ человѣкъ, потому что его одежда, очевидно, имѣла въ виду туловище громадныхъ размѣровъ, и такимъ образомъ можно было придти къ заключенію, что незнакомецъ принадлежалъ къ гигантской расѣ и носитъ платье своихъ праотцевъ, хотя самъ не достигъ полнаго физическаго развитія. Его загорѣлое лицо было испещрено рябинами и морщинами, такъ что имѣло видъ рельефной карты Швейцаріи; всѣ эти впадины и выпуклости казались изваянными изъ алебастра, пока какая-то внутренняя пружина не приводила въ движеніе этого страннаго хаоса чертъ, представлявшихъ тогда такое зрѣлище, которое невозможно было забыть. Большая голова его изобиловала длинными, сѣдыми волосами, а нижняя часть выдающагося лица была покрыта такой же сѣдой остроконечной бородкой. Быстрые, безпокойные, проницательные глаза, какъ у ястреба, сверкали съ необыкновенной магнетической силой въ глубокихъ впадинахъ между густыми, сѣдыми бровями и высокими скуловыми костями.

Этотъ джентльменъ по дорогѣ со станціи велъ бесѣду съ возницей, который замѣчалъ съ удивленіемъ, что онъ постоянно что-то записывалъ въ свою памятную книжку. Возницу также изумляло, что незнакомецъ, повидимому, зналъ всѣ окрестности, хотя, очевидно, онъ былъ иностранецъ и никогда прежде не появлялся въ этомъ околодкѣ.

— А, произнесъ незнакомецъ, когда кабріолетъ въѣхалъ въ селеніе: — это—Ганкерлей. Это, если я не ошибаюсь—колыбель свободы угнетенныхъ рабовъ вашей страны. Отсюда раздался трубный гласъ, призывающій къ новой жизни невольниковъ труда. Да̀, сэръ.

Возница съ любопытствомъ смотрѣлъ на незнакомца и спрашивалъ себя, не имѣетъ ли онъ дѣло съ съумасшедшимъ.

— Ну, продолжалъ странный джентльменъ, выпрямляясь во весь ростъ въ кабріолетѣ и взирая на окружающіе его дома и лавки съ высоты своихъ шести футовъ и трехъ дюймовъ:—прежде всего, мнѣ надо взглянуть на маленькаго человѣчка, изъ-за котораго все загорѣлось. Потомъ, ради простаго любопытства, я

брошу взглядъ отвращенія на подлаго мошенника Джолли, если чортъ еще не унесъ его въ адъ. Наконецъ, я посмотрю на Самюэля Стедмана, величайшаго человѣка нашего времени, сэръ, послѣ Джона Брайта изъ Бирмингама и Генри Варда Бичера изъ Бруклина. Главное же, если Господь продлитъ мнѣ жизнь еще на сутки, я долженъ повидать мистера Биртона, важнѣйшаго землевладѣльца здѣшнихъ мѣстъ и достопочтеннаго Винвуда Лестера, доктора философіи, и высказать имъ мнѣніе американскаго гражданина о настоящемъ кризисѣ въ исторіи этого сгнившаго, стараго государства. Ну, а потомъ можно будетъ и уѣхать.

Говоря это, онъ въ большомъ волненіи махалъ руками, причемъ его одежда принимала фантастическія формы, все къ бо̀льшему и бо̀льшему изумленію возницы. Прежде всего, незнакомецъ посѣтилъ Годжа и, цѣлуя его Крошку сына, промолвилъ про себя: «еслибъ онъ былъ у меня на Наполеоновской Горѣ, то я привелъ бы его миніатюрную фигурку въ должные размѣры». Шляпа незнакомца и его голова сильно пострадали отъ низкаго потолка хижины, такъ что у него на лбу вскочила шишка, которую, по его словамъ, онъ покажетъ американскимъ дѣтямъ въ доказательство того, ка̀къ ихъ братья и сестры живутъ въ старой Англіи. Оставивъ Крошкѣ Годжу цѣлую связку книгъ и брошюръ о трезвости, тюрьмахъ и другихъ филантропическихъ вопросахъ, американецъ отправился къ Джолли и, не заставъ его дома, подъѣзжалъ теперь къ пасторскому дому. Выйдя изъ кабріолета, онъ послалъ пастору печатную карточку слѣдующаго содержанія:

Джехоахинъ Сетль.
Институтъ дѣтскихъ переселенцевъ.
Наполеоновская Гора, Нью-Іоркъ.

Войдя въ гостинную, по приглашенію пастора, незнакомецъ съ странной улыбкой взглянулъ на мистера Линкбоя, странная одежда котораго остановила на себѣ его вниманіе.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ достопочтеннымъ Винвудомъ Лестеромъ, докторомъ философіи? Извините, сэръ, прибавилъ онъ, когда ему объяснили его ошибку:—но я могъ ошибиться, такъ какъ никогда не видалъ ни одного изъ васъ. Я пріѣхалъ къ вамъ, сэръ, ради гуманной цѣли. Дайте мнѣ руку.

Мистеръ Лестеръ протянулъ руку и попросилъ гостя садиться.

— У меня нѣтъ къ вамъ рекомендательнаго письма, сэръ, продолжалъ американецъ: — но, по моему, человѣкъ, посѣщая человѣка, не нуждается въ рекомендаціи. Вы видите по моей

карточкѣ, сэръ, что я служу дѣлу человѣчества. Я укрываю, кормлю, одѣваю, воспитываю, нахожу положеніе въ свѣтѣ и женю, а также спасаю отъ пьянства, преступленія и грѣха три тысячи пятьсотъ дѣтей ежегодно въ штатѣ Нью-Іоркъ. Если это — не рекомендація въ вашихъ глазахъ, сэръ, то я отказываюсь отъ своей вѣры въ человѣчество.

Мистера Лестеръ, видя съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, увѣрилъ американца, что онъ вполнѣ заслужилъ его сочувствіе.

— Сэръ, снова началъ странный посѣтитель:—путешествуя по Европѣ для ознакомленія съ ея учрежденіями, я узналъ изъ газетъ о Крошкѣ Годжѣ, живущемъ въ вашемъ Ганкерлейскомъ приходѣ, гдѣ вы, я полагаю—лордъ-ректоръ.

Мистеръ Линкбой и пасторъ не могли удержаться отъ смѣха, за что̀ поспѣшили извиниться.

— Я долженъ сознаться, сэръ, что не знаю подробно устройства вашей епископальной церкви, но, конечно, вы—оффиціальный служитель алтаря въ этой странѣ, и я увѣренъ интересуетесь преобразованіемъ міра. Вотъ видите, сэръ, я составилъ изъ себя одночленный комитетъ отъ имени американской націи, для заявленія вамъ о нашемъ братскомъ сочувствіи къ разрѣшенію вами великихъ соціальныхъ задачъ, а также для объясненія результатовъ дѣятельности нашей новой страны. Сэръ, вы извините меня, если я замѣчу, что, со времени моего пріѣзда въ Англію, двѣ недѣли тому назадъ, я замѣчаю у васъ одно общее заблужденіе. Вашъ народъ держится старыхъ идей. Вы поклоняетесь прошедшему, потому, вѣроятно, что у васъ есть прошедшее. Мы, сэръ, американская нація, не имѣя прошедшаго, должны поклоняться настоящему и будущему, такъ что, несмотря на всю нашу энергію, у насъ недостаетъ возможности поклоняться чему-нибудь другому.

— Извините меня, сказалъ пасторъ, боясь, что гость будетъ витать безъ конца въ отвлеченной области и желая возвратить его на практическую почву: —но имѣетъ ли все это что-либо общее съ цѣлью вашего посѣщенія? Я, право, очень занятъ.

— Да̀, сэръ, воскликнулъ американецъ, вскакивая съ мѣста и вымѣряя комнату громадными шагами:—мои слова касаются великаго вопроса, намѣрены ли вы низвергнуть эту древнюю страну, какъ нѣкогда сказалъ о моемъ отечествѣ вашъ знаменитый Карлейль, въ Ніагарскую пучину, благодаря тому, что вы носитесь съ старыми, кровавыми, нелѣпыми остатками общественнаго строя, который Господь долженъ уничтожить на благо человѣчества, или вы обратите свои взоры къ лучезарному свѣ-

тилу будущаго, обѣщающему вѣчную свободу и блаженство на землѣ?

Американецъ произнесъ эти слова торжественно и съ жаромъ, такъ что произвелъ бы большой эфектъ въ общественномъ собраніи. Пасторъ не зналъ, что̀ ему дѣлать съ этимъ страннымъ посѣтителемъ и предложилъ ему стаканъ вина.

— Нѣтъ, сэръ, Джехоахинъ Сетль не пьетъ вина. Этотъ ядъ не касается моихъ губъ. Я—ораторъ общества трезвости и великій мастеръ Каюгской Ложи Масоновъ.

— Позвольте узнать, чѣмъ могу вамъ служить?

— Служить мнѣ, сэръ? *Служить*—слово не американское съ тѣхъ поръ, какъ Авраамъ Линкольнъ уничтожилъ рабство. Мы, въ нашей странѣ не служимъ и не требуемъ служенія отъ другихъ. Нѣтъ, сэръ, мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Я пріѣхалъ, чтобъ посмотрѣть, не могу ли я вамъ помочь, сэръ. Вы здѣсь разрѣшаете великую задачу нашего времени, хотя, быть можетъ, и сами этого не знаете. Да̀, господа, несчастныя существа, которыхъ вы называете сельскими рабочими, начинаютъ просыпаться подъ звуки свободы, и положеніе вашей страны мнѣ напоминаетъ старую курицу на моей фермѣ въ Каюгѣ. Главнымъ ея недостаткомъ было самолюбіе. Она, однажды, снесла двѣ дюжины яицъ и вздумала высидѣть ихъ всѣ. Вытянувъ свои крылья такъ, что каждое перо исполняло двойную обязанность, она успѣла поддержать въ нихъ значительную теплоту до того времени, когда приблизилось время цыплятамъ вылупляться. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за ней; она ловко повертывала яйца, поддерживая во всѣхъ равную температуру, которая, однако, была не очень высока. Наконецъ, прошло время появленія на свѣтъ ея семейства, и она, понцкнувъ головою, серьёзно задумалась. Послѣ такого двухъ-дневнаго размышленія она разбила одно изъ яицъ, чтобъ посмотрѣть въ чемъ дѣло. На повѣрку оказалось, что теплота, сообщенная курицей яйцамъ, была только достаточна для приведенія въ движеніе цыплятъ, но они не могли открывать рта для сохраненія жизни. Этимъ яйцемъ она пожертвовала, но зато просидѣла на остальныхъ еще недѣлю и, наконецъ, съ отчаянія, разбивъ всѣ яйца, выпустила цыплятъ на солнечный свѣтъ; хотя они сначала были очень щедушны, но мало-по-малу развились и стали до того сильными и красивыми, что я продалъ ихъ за двадцать шесть центовъ штуку. Но старая мать такъ утомилась этой работой, что разстроила себѣ совершенно здоровье и вскорѣ умерла. Точно также, сэръ, ваша нація сидитъ цѣлыми вѣками на невысиженныхъ яйцахъ, и я увѣренъ, что они никогда не будутъ высижены, если вы са-

ми не разобьете ихъ и не выпустите цыплятъ на свѣтъ божій Я видѣлъ бѣднаго Годжа и полагаю, что онъ—первое разбитое яйцо, которое подаетъ примѣръ, но ваша аристократія и епископальная церковь не походятъ на ту благоразумную насѣдку и наврядъ ли помогутъ невысиженнымъ цыплятамъ вылупиться изъ скорлупы.

Пасторъ и мистеръ Линкбой съ любопытствомъ слушали оригинальную, чисто американскую рѣчь незнакомца, но не понимали, чего онъ хотѣлъ.

— Позвольте спросить, сказалъ мистеръ Линкбой, желая перемѣнить разговоръ: — что̀ за учрежденіе институтъ дѣтскихъ переселенцевъ?

— Да̀, сэръ. Этотъ институтъ я основалъ съ цѣлью подбирать дѣтей изъ нью-іоркскихъ трущобъ и переселять ихъ въ Каюгу, гдѣ мы ихъ чистимъ и обмываемъ, а потомъ уже снова переселяемъ на фермы далекаго запада. Не одна бездѣтная женщина на этихъ фермахъ благословляетъ меня теперь за доставленіе готовыхъ сыновей или дочерей, не требующихъ заботъ и труда на рожденіе и воспитаніе. Да̀, сэръ, съ помощью Божіей, это учрежденіе спасло сотни маленькихъ человѣческихъ душъ отъ преступленія, голодной смерти и вѣчной погибели.

Американецъ произнесъ эти слова съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, и оба пастора взглянули на него съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ прежде.

— Ну, сэръ, продолжалъ онъ: — въ послѣдніе три дня, я изучилъ вопросъ о вашихъ сельскихъ рабочихъ и полагаю, что напалъ на его суть. Прочитавъ все, что̀ писалось объ этомъ въ вашихъ газетахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ ваши мыслители и ораторы сильно заблуждаются: они ищутъ одного всеобщаго цѣлебнаго средства. Въ этомъ отношеніи, они впадаютъ въ ту же ошибку, какъ и докторъ Джейнъ изъ Филадельфіи. Онъ сочинилъ всеобщее цѣлебное средство, но, спустя немного, долженъ былъ пустить въ продажу *новое средство отъ червей*. Вамъ необходимы съ полдюжины цѣлебныхъ средствъ. У васъ есть поземельный вопросъ... Я не буду его разбирать, но только упоминаю о немъ. Потомъ, на очереди стоитъ кооперація; она не спасетъ общества и не насыститъ всѣхъ, подобно тому, какъ этого не сдѣлало и открытіе пара; но она, конечно, окажетъ большую пользу человѣческому развитію. Рабочіе союзы одинаково не спасутъ сельскаго населенія, но это—могучій рычагъ и въ рукахъ могучихъ людей принесетъ много добра. Наконецъ, у васъ есть эмиграція, это—по моей части. Вотъ видите, сэръ, еслибъ Британская Имперія, въ которой солнце ни-

когда не садится, принадлежала намъ, американцамъ, то мы обработали бы это маленькое помѣстьице въ такомъ видѣ, что вы туземцы ахнули бы отъ изумленія. Вы, можетъ быть, удивитесь, сэръ, если я вамъ скажу, что главной причиной нашего презрѣнія къ вамъ, англичанамъ, служитъ ваше неумѣлое управленіе столь могущественной страной. Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вашъ народъ испробуетъ всѣ эти средства и вскорѣ броситъ, какъ неудобную одежду, ваши приходскіе союзы для бѣдныхъ, замѣнивъ ихъ училищами для даровaго воспитанія.

— Я боюсь, что вы тѣшите себя слишкомъ радужными надеждами, отвѣчалъ мистеръ Лестеръ:—законы для бѣдныхъ вкоренились глубоко въ этой странѣ, а средства, о которыхъ вы говорите, всѣ уже испробованы за исключеніемъ рабочихъ союзовъ; что̀ же они дадутъ въ результатѣ—никто не можетъ сказать.

— Что̀ они дадутъ въ результатѣ? Ну, сэръ, я не могу ручаться ни за что̀ въ этой выжившей изъ ума странѣ, но полагаю, что, во всякомъ случаѣ, гора не родитъ мыши. Пора взборонить подпочву вашей аристократіи, такъ какъ паханье поверхности ни къ чему не поведетъ. Я изучилъ этотъ вопросъ, сэръ, и полагаю, что настоящее движеніе измѣнитъ англійское общество, сельское хозяйство и поземельные законы, улучшитъ положеніе рабочаго класса, возбудитъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ эмиграцію фермеровъ и земледѣльцевъ, очиститъ англиканскую церковь!..

— Я бы очень желалъ, перебилъ его мистеръ Лестеръ, услыхавъ столь революціонныя предсказанія:—побесѣдовать съ вами объ этихъ важныхъ вопросахъ, но увѣряю васъ, сэръ, у меня нѣтъ ни минуты свободнаго времени; прошу васъ меня извинить.

— Сэръ, сказалъ добродушно американецъ:—дайте мнѣ вашу руку. Вы—англійскій джентльменъ, и я понимаю вашъ намёкъ. Я сейчасъ уйду, но позвольте сказать на прощанье два слова: вы, какъ служитель Господа, которому я также служу, хотя иначе, чѣмъ вы, конечно, обдумаете серьёзно мои слова; помните, что не пройдетъ и года, какъ вы будете смотрѣть на всѣ эти вопросы съ совершенно новой точки зрѣнія, и, если тогда Джехоахинъ Сетль будетъ все еще странствовать по вашей безумной странѣ, то вы можете послать за нимъ. Онъ явится на вашъ зовъ и поможетъ разрѣшить всѣ ваши затрудненія.

Съ этими словами американецъ крѣпко пожалъ своими большими, холодными руками нѣжные пальцы пастора и, продѣлавъ ту же церемонію съ его помощникомъ, вышелъ изъ комнаты. Черезъ минуту, кабріолетъ съ его неуклюжей, громадной фигу-

рой отъѣхалъ отъ пасторскаго дома. Но мистеръ Линкбой очень заинтересовался страннымъ посѣтителемъ и вечеромъ того же дня имѣлъ съ нимъ длинную бесѣду въ сельской гостинницѣ.

VIII.

Мрачный декабрь.

Когда Годжъ могъ выдти изъ дома, на дворѣ уже стоялъ декабрь. Длинныя, мрачныя, холодныя ночи и короткіе, туманные, дождливые, бурные дни, сѣрыя, навислыя тучи на небѣ, бѣлый иней на деревьяхъ и кустахъ, грязь, снѣгъ, леденящій сѣверо-восточный вѣтеръ, краснорѣчиво свидѣтельствовали безпомощной нищетѣ о роковомъ наступленіи зимы. Десятки и сотни рабочихъ въ Кодльтонскомъ округѣ были теперь безъ работы или работали только полдня. По выздоровленіи Годжа, мистеръ Джолли, обладая извѣстной долей англійскаго благородства, далъ, сколько могъ, работы своей несчастной жертвѣ, но ея было очень мало, и онъ строго придерживался правила платить только за то, что̀ сдѣлано. Рабочій союзъ, поддерживавшій Годжа во время его болѣзни, теперь имѣлъ столько другихъ расходовъ, что рѣшительно не могъ долѣе оказывать ему помощи. Единственнымъ его средствомъ къ существованію были нѣсколько шиллинговъ, отложенныхъ отъ высокой заработной платы въ теченіи шести или семи недѣль. Дѣти его находились въ самомъ несчастномъ положеніи. Лѣтняя одежда, выданная изъ богадельни, плохо предохраняла ихъ отъ стужи. Были дни, когда въ хижинѣ вовсе не разводили огня, и единственное существо, получавшее въ домѣ пищу, былъ Крошка Годжъ. Мэри не знала, что̀ ей дѣлать. Такъ шли дни и ночи до Рождества. Веселый праздникъ обѣщалъ хотя минутный роздыхъ отъ голода и холода; рабочіе ожидали обычныхъ подарковъ отъ хозяевъ: уголь, одѣяла, вкусный обѣдъ. Весь околодокъ былъ въ большомъ волненіи. Но фермеры рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ окончательно уничтожить рабочій союзъ, и грозили выселить поселянъ изъ ихъ жилищъ и лишить обычныхъ праздничныхъ подарковъ, если они не обяжутся покинуть союзъ и не подпишутъ условія на годъ по низкой заработной платѣ. Въ виду подобныхъ угрозъ и подъ вліяніемъ голода, такъ какъ союзъ не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, рабочіе стали давать волю своей злобѣ. Полусдержанныя проклятія замѣнились открытыми насильственными дѣйствіями. Они начали подбрасы-

вать угрожающія письма, жечь стога и стрѣлять дичь на воспрещенныхъ мѣстахъ; нѣсколько серьёзныхъ стычекъ съ лѣсниками еще болѣе разожгли страсти съ обѣихъ сторонъ. Полицейская сила была увеличена и постоянно находилась на готовѣ.

Такимъ образомъ, когда богатая нація радовалась невѣроятному увеличенію своего благосостоянія въ истекавшемъ году, когда всѣ, старые и молодые, въ пасторскихъ домахъ и частныхъ жилищахъ приготовлялись весело отпраздновать великій праздникъ, возвѣщавшій «на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе», причемъ богатые ликовали среди своего благоденствія, а бѣдные надѣялись, что имъ перепадутъ крохи со стола богатыхъ, надъ несчастнымъ Кодльтонскимъ округомъ собрались мрачныя тучи, а въ сердцахъ хозяевъ и рабочихъ свирѣпствовалъ роковой, братоубійственный духъ Каина.

IX.

Конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Настроеніе ума мистера Биртона было очень трудно анализировать, и вообще его положеніе было далеко незавидное. Онъ съ пламенной энергіей принялъ сторону эгоизма, а въ подобномъ случаѣ совѣсть необходимо усыплять искуственными средствами. Онъ очень тяжело чувствовалъ такъ же, какъ бѣдная Эмили Биртонъ, потерю драгоцѣннаго для него общества молодаго Генри тѣмъ болѣе, что сэръ Генри Юбанкъ очень оскорбился его поведеніемъ въ отношеніи сына. Мистеръ Лестеръ также покинулъ его, и онъ еще болѣе поколебался въ своей вѣрѣ въ себя. Но, чѣмъ окружающія обстоятельства становились печальнѣе, тѣмъ болѣе упорствовалъ онъ въ своей ненависти къ рабочему союзу. Онъ считалъ его единственной причиной всѣхъ непріятностей, и потому его злоба усиливалась, по мѣрѣ того, какъ его положеніе становилось слабѣе и совѣсть менѣе оправдывала его дѣйствія. Грустное лицо Эмили Биртонъ становилось все грустнѣе, чѣмъ ближе подходило время къ Рождеству. Это было постояннымъ, живымъ упрекомъ для сквайра и такъ тревожно волновало его сердце, такъ сильно колебало его рѣшимость, что, по какому-то странному извращенію нравственныхъ понятій, онъ утѣшалъ себя мыслью, что онъ—мученикъ. Если человѣкъ можетъ дойти до такого самообольщенія, то остается только одинъ шагъ до оправданія убійства.

*

Эмили Биртонъ всегда считала рождественскіе праздники за самое лучшее, веселое время года. Со всѣхъ сторонъ большихъ помѣстій ея отца сходились тогда въ Биртонъ-Голлъ арендаторы, съ женами и дѣтьми, и, въ продолженіи многихъ лѣтъ, она среди веселаго смѣха, радостныхъ улыбокъ и добрыхъ пожеланій раздавала бѣднымъ поселянамъ различные подарки. Веселѣе и громче всѣхъ слышался при этомъ голосъ самого сквайра, который увеличивалъ цѣнность своихъ подарковъ личнымъ присутствіемъ и добрымъ словомъ. Этотъ обычай такъ вкоренился въ ихъ жизнь, что молодая дѣвушка не могла понять, какъ отецъ могъ отказаться отъ такого любимаго удовольствія; но Рождество приближалось, и обычныя приготовленія не дѣлались, изъ Лондона не выписали, какъ всегда, груды одѣялъ; мяснику не заказано было громадныхъ ростбифовъ. Эмили со страхомъ смотрѣла на отца и, хотя встрѣчала на его лицѣ постоянную улыбку, но эта улыбка не могла скрыть страшной перемѣны, происшедшей въ его сердцѣ.

— О! папа, папа! воскликнула она наивно:—отчего вы стали такъ жестоки, что̀ вамъ сдѣлали эти люди?

Сквайръ поблѣднѣлъ и отвернулся; большихъ усилій ему стоило, чтобъ не разразиться проклятіями. Но эти слова глубоко запали въ его сердцѣ.

Наконецъ, насталъ рождественскій сочельникъ, нѣкогда самый веселый и счастливый день во всемъ году въ помѣстьяхъ сквайра, начиная съ его дома до самой скромной хижины. Черныя тучи цѣлый день заволокивали небо, вѣтеръ уныло свисталъ между обнаженными деревьями, и у всѣхъ смотрѣвшихъ на эту мрачную погоду было еще мрачнѣе на сердцѣ. Въ Биртонъ-Голлѣ все происходило по старому обычаю: ранній обѣдъ, сожженіе въ каминѣ рождественскаго чурбана, игры и танцы, но не было истиннаго веселья, и всѣ были какъ-то мрачны, неестественны. Эмили, душа этого празднества, несмотря на всѣ свои усилія, была очень разсѣянна и, по временамъ, грустно задумывалась; сквайръ ни въ чемъ не находилъ удовольствія и натянуто, судорожно смѣялся, а мистрисъ Биртонъ съ чисто женскимъ инстинктомъ спрашивала себя, чѣмъ все это кончится. Когда наступило время идти спать, сквайръ радостно зѣвнулъ, а Эмили, ни съ кѣмъ не простившись, схватила свѣчу и убѣжала въ свою комнату, гдѣ долго плакала, спрятавъ лицо въ подушку.

Жестокая, страшная была эта ночь. Буря свирѣпствовала съ неудержимой силой, мракъ окутывалъ своимъ свинцовымъ саваномъ разсвирѣпѣвшую природу. Несчастные, бездомные скиталь-

цы, скрываясь подъ тѣмъ утлымъ кровомъ, который можно было найти въ такую ночь, судорожно дрожали, и люто гудѣвшій вѣтеръ обращалъ ихъ унылые стоны въ адскую, раздирающую мелодію. Эта ночь была многимъ долго памятна; веселые собутыльники, возвращаясь домой изъ гостей, забывали свое веселье, среди окружающихъ ужасовъ, и не одинъ сынъ нищеты въ эти мрачные часы предалъ свою жизнь въ кровавыя руки демона отчаянія. Эту ночь сквайръ никогда не забылъ; не смыкая глазъ, онъ безпокойно метался съ боку на бокъ, и въ сердцѣ его отражалась борьба мрачныхъ стихій, происходившая вокругъ его роскошнаго жилища. Наконецъ, уже къ утру, онъ тревожно заснулъ, и большимъ утѣшеніемъ было для него проснуться подъ мелодичные, веселые звуки дѣтскихъ голосовъ, громко распѣвавшихъ рождественскій гимнъ съ акомпаниментомъ орга̀на.

Утро было ненастное, какъ и слѣдовало ожидать послѣ такой ночи. Тяжелыя, мрачныя тучи дико носились по небу, холодный, леденящій вѣтеръ свистѣлъ въ трубахъ и глухо стоналъ между сухими сучьями деревъ; тамъ и сямъ въ уединенныхъ закоулкахъ виднѣлся выпавшій ночью снѣгъ, какъ бы искавшій убѣжища отъ жестокой непогоды.

Сквайръ былъ не въ духѣ, ничего не ѣлъ за завтракомъ и, вставъ изъ-за стола, мрачно смотрѣлъ въ большое окно, выходившее на лужокъ и на простиравшіеся далѣе поля и лѣса. Все, что̀ могъ видѣть его глазъ, составляло его собственность, но не радостны были мысли этого крупнаго землевладѣльца въ рождественское утро.

Когда всѣ домашніе ушли въ церковь, сквайръ медленно направилъ шаги въ библіотеку и усѣлся въ покойное кресло передъ огнемъ, положивъ ноги на рѣшетку камина. Вѣтеръ, холодъ и мракъ могли царствовать извнѣ, но ка̀къ было имъ достичь до этого свѣтлаго, теплаго, роскошнаго уголка? И, однако, сквайръ судорожно посматриваетъ по сторонамъ, недоумѣвая, откуда на него дуетъ стужа, и ближе пододвигается къ огню, весело, ярко пылавшему въ каминѣ. Онъ сидитъ задумчиво, мрачно устремивъ глаза въ пространство. Въ головѣ его невольно гнѣздятся тревожныя мысли; въ ушахъ его раздаются безпокойные звуки. Въ свистѣ вѣтра ему чудятся вопли дѣтей и стоны голодныхъ, холодныхъ. Наконецъ, становятся тщетными всѣ его усилія побороть это тяжелое, отчаянное настроеніе.

— Жаль, что я не пошелъ въ церковь, громко произноситъ онъ и, вставъ съ кресла, подходитъ къ окну.

Въ эту минуту его любимая собака, «Нелли», подбѣгаетъ снаружи къ большому окну библіотеки и, увидавъ хозяина, бараба-

нить лапами по стеклу съ громкимъ лаемъ и визгомъ полурадостными, полутревожными.

— А! красавица, съ праздникомъ! восклицаетъ сквайръ, отворяя окно и впуская собаку:—но, что̀ съ тобой?

«Нелли» съ минуту радостно лижетъ ему руки, но потомъ продолжаетъ жалобно визжать, безпокойно озираясь по сторонамъ.

— Кушъ, кушъ, красавица! Что̀ тебѣ нужно? А, понимаю, ты хочешь побѣгать! Славная идея! Прогулка разсѣетъ мои мрачныя мысли.

Черезъ нѣсколько мгновеній, сквайръ идетъ уже по лужку, а собака прыгаетъ вокругъ него съ веселымъ лаемъ.

— Вотъ что̀ тебѣ было нужно, красавица. Я сейчасъ смекнулъ, произноситъ онъ, поворачивая на лѣво чрезъ громадное поле, въ па̀ру.

На противоположной сторонѣ виднѣлись церковь, домъ фермера Джолли и рядъ хижинъ, въ которыхъ образовался рабочій союзъ. Сквайръ гнѣвно отвернулся. Миновавъ поле съ рѣпою и отворивъ калитку въ изгороди, онъ остановился на перепутьи между тропинкою, которая вела къ хижинѣ лѣсника, и широкой дорогой, пересѣкавшей лѣсъ. Собака побѣжала по тропинкѣ.

— Ты хочешь, красавица, посѣтить Роберта Кэна! промолвилъ сквайръ:—что̀ тебѣ отъ него нужно?

Тропинка очень крутая, и сквайръ тяжело дышетъ, идя противъ вѣтра, но эти физическія усилія не прогоняютъ его мрачныхъ мыслей. Въ дверяхъ хижины лѣсника стоитъ Кэнъ съ женою, издали узнавшій лай собаки.

— Съ праздникомъ, сэръ, произноситъ онъ, почтительно кланяясь.

— А! это вы, Кэнъ? съ праздникомъ! отвѣчатъ сквайръ, не замѣчая пріятной улыбки мистрисъ Кэнъ и машинально слѣдуя за собакой, бѣжавшей впереди на разстояніи восьми или десяти шаговъ.

Старый охотникъ не спускаетъ глазъ съ Нелли и послушно идетъ за нею по короткой, прибитой морозомъ травѣ, по грудѣ желтыхъ листьевъ, валяющихся на землѣ, среди обнаженныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Вдругъ собака бросается въ сторону и оглашаетъ воздухъ громкимъ лаемъ.

— Кушъ, Нелли, кушъ! произноситъ сквайръ:—сюда, красавица!

Но Нелли продолжаетъ лаять и, возвратясь на минуту къ своему хозяину, снова исчезаетъ за деревьями съ жалобнымъ воемъ.

— Нелли! Нелли! Что̀ такое?

Что̀ такое? Сквайръ сдѣлалъ два шага въ сторону и всплеснулъ руками отъ ужаса.

За кустомъ орѣшника, на сухихъ листьяхъ виднѣлись капли крови, а немного далѣе лежалъ бездыханный трупъ Джона Годжа съ окровавленнымъ ножемъ въ рукахъ. Внѣ себя отъ ужаса, сквайръ схватываетъ его посинѣвшія руки, щупаетъ оледенѣвшій лобъ, кладетъ руку на безмолвное сердце и быстро отдергиваетъ ее всю въ крови.

— Годжъ! Годжъ! восклицаетъ онъ съ отчаяніемъ.

Безжизненныя губы не шевелятся. Только собака продолжаетъ жалобно выть.

— Эй! Эй! кричитъ во все горло сквайръ, и громкій, звучный его голосъ явственно слышится въ хижинѣ Кэна.

— Это кричитъ хозяинъ! восклицаетъ лѣсникъ:—Боже мой! что̀ случилось?

Онъ схватываетъ ружье и бѣжитъ въ лѣсъ безъ шапки. Собака встрѣчаетъ его за нѣсколько шатовъ до роковаго мѣста.

— Кэнъ! Кэнъ! Посмотрите, что̀ здѣсь! произноситъ сквайръ.

Кэнъ также поблѣднѣлъ, увидавъ трупъ несчастнаго. И не удивительно. Наканунѣ вечеромъ, возвращаясь домой къ рождественскому ужину изъ биртонскаго кабачка, онъ встрѣтилъ этого самаго человѣка, лежавшаго теперь бездыханно на землѣ. Онъ украдкою пробирался въ лѣсъ, и лѣсникъ грозилъ его избить за ловлю или стрѣлянье птицъ въ заповѣдномъ, хозяйскомъ лѣсу. «Ступай прочь, Годжъ, сказалъ онъ:—или я тебѣ задамъ, низкій бродяга!» Это были послѣднія слова, которыя слышалъ на землѣ Джонъ Годжъ отъ своего ближняго.

Сквайръ закрылъ лицо мертваго платкомъ и теперь съ помощью Кэна старается его приподнять.

— Понесемъ его въ вашу хижину, произноситъ онъ.

Но Кэнъ замѣчаетъ, что круглое, цвѣтущее лицо сквайра испещрено синеватыми пятнами, а губы судорожно дрожатъ. Онъ приподнимаетъ за руки мертвеца, но вдругъ останавливается и, опустившись на землю, закрываетъ лицо руками и горько плачетъ, какъ рѣдко плачутъ мужчины. Лѣсникъ внѣ себя отъ изумленія почтительно отвертывается и также утираетъ слезы рукавомъ своей новой плисовой куртки. Нелли, сидя передъ ними на корточкахъ, жалобно воетъ, и крупныя слезы текутъ по ея невинной, длинной мордочкѣ. Холодный, пронзительный вѣтеръ поётъ *реквіэмъ* своимъ несмолкаемымъ свистомъ.

— Лучше отнесите его домой, Кэнъ, произноситъ, наконецъ сквайръ: — я не могу вамъ помочь, но посижу здѣсь, пока вы пойдете за людьми.

Лѣсникъ поспѣшно бросился исполнять приказаніе хозяина, хотя боялся оставить его наединѣ съ мертвецомъ. Не много минутъ оставался онъ одинъ, но эти минуты стоили дороже золота. Горькія, но здоровыя, цѣлебныя мысли тѣснились въ его головѣ. И, когда сбѣжались люди, созванные Кэномъ, то онъ смотрѣлъ на мертвеца совершенно другимъ, болѣе спокойнымъ взглядомъ и сталъ отдавать приказанія прежнимъ тономъ.

Черезъ минуту, печальная процессія тронулась подъ гору по той самой тропинкѣ, по которой наканунѣ долженъ былъ идти несчастный Годжъ. Сквайръ шелъ впереди и, достигнувъ хижины Годжа, вошелъ въ дверь, не постучавъ. За нимъ вбѣжала Нелли, подозрительно втягивая воздухъ въ свои тонкія ноздри, и ворвался холодный, рѣзкій вѣтеръ, со свистомъ вылетѣвшій въ трубу. Холодно, сыро, мрачно было въ этомъ нищенскомъ жилищѣ; все оставалось въ томъ же положеніи, въ какомъ Годжъ покинулъ свой домъ наканунѣ: обнаженныя стѣны, полъ и столъ, открытый шкафъ съ нѣсколькими крошками черстваго хлѣба на полкѣ, а подъ очагомъ небольшая кучка сухихъ листьевъ и щебня, послѣдній трудъ отца передъ смертью. Сердце сквайра ёкнуло. *Неужели онъ убилъ и дѣтей!* Онъ бросился, какъ сумасшедшій, по лѣстницѣ на чердакъ. Слава Богу, тамъ раздаются вопли, но глазамъ сквайра представляется такая сцена, отъ которой навернулись бы слезы даже и у приходскаго совѣта, хотя у него, какъ у юридическаго лица, не полагается сердца. Мэри сидитъ въ углу съ закрытыми глазами и блѣднымъ лицомъ; на рукахъ ея спитъ Крошка Годжъ, завернутый въ юбку, которую она сняла съ себя, чтобъ сохранить въ немъ искру жизни. Вокругъ—лежатъ и сидятъ остальныя дѣти; одни спятъ, у другихъ глаза открыты, но очевидно они не могутъ шевелиться. Болѣе сутокъ онѣ оставались безъ пищи и огня. Нелли подбѣгаетъ къ спящей дѣвочкѣ и жалобно лижетъ ей лицо. Она не трогается съ мѣста.

— Господи! восклицаетъ сквайръ, топая ногами: — Эй вы! Какъ васъ тамъ зовутъ! Мэри, Джонъ, Томасъ, Джени, Сузанъ, Бетси! Проснитесь! Я пришелъ вамъ пожелать веселаго праздника!

Томасъ и двое другихъ дѣтей проснулись, но, при видѣ незнакомца, громко заплакали; Мэри не подавала признака жизни.

— Господи! помилуй насъ грѣшныхъ, промолвилъ сквайръ и, сойдя съ лѣстницы, бѣгомъ пустился къ дому фермера Джолли, такъ что люди, несшіе покойника, подумали, что онъ сошелъ съ ума. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ возвращается съ фермеромъ и двумя или тремя женщинами, которыя захватили съ со-

бою вина, мяса и хорошую охапку дровъ. На шумъ прибѣгаетъ и мистрисъ Ноллекенсъ съ своимъ мужемъ; узнавъ грустную вѣсть, она вспоминаетъ о жестокихъ словахъ, сказанныхъ ею нѣкогда покойному, и падаетъ на полъ въ сильной истерикѣ. Между тѣмъ, тѣло Годжа положили на столъ и покрыли плисовой курткой Роберта Кэна, который въ одной рубашкѣ принялся разводить огонь.

— Эй! Джолли! Пойдемте наверхъ! Несите за мною вино! Только ни слова дѣтямъ объ отцѣ! восклицалъ сквайръ, поспѣшно направляясь къ лѣстницѣ:—а вы, Ноллекенсъ, уймите свою жену.

Вмѣстѣ съ фермеромъ сквайръ переноситъ Мэри на постель, пропускаетъ ей въ ротъ ложку вина и мало по малу приводитъ въ чувство; затѣмъ возвращаютъ къ жизни и остальныхъ дѣтей, полумертвыхъ отъ голода и холода. На время покойника выносятъ въ сарай, а дѣтей согрѣваютъ у пылающаго огня, пока посланный ходитъ въ Биртонъ-Голлъ за фургономъ. Мистрисъ Ноллекенсъ и мистрисъ Джолли принимаются за мытье и одѣваніе одиннадцати дѣтей, которыя такимъ образомъ принимаютъ христіанскій видъ; во все это время, сквайръ сидитъ подлѣ и съ улыбкою смотритъ на все происходящее вокругъ него; на его лицѣ уже не видно болѣе синихъ пятенъ и никакое облако не заволакиваетъ его ясныхъ, голубыхъ глазъ. Тутъ же лежитъ Нелли, протянувъ морду къ огню и очевидно сочувствуя всему, что дѣлается.

Наконецъ, прибылъ фургонъ; его нагружаютъ дѣтьми, а Крошку Годжа, который все еще внушаетъ опасенія своею неподвижностью, сквайръ беретъ къ себѣ на руки. Такимъ образомъ шествіе двигается въ путь, и мгновенный лучъ свѣта исчезаетъ изъ мрачнаго жилища, гдѣ остается одинокій покойникъ.

Но кто это медленно подходитъ, безъ шляпы, къ сараю, гдѣ временно находилось тѣло несчастнаго Годжа, и, постоявъ съ минуту, удаляется, бормоча про себя: «Господи! прости меня, я горько заблуждался!»

Фермеръ Джолли искренно раскаявался въ эту минуту, и, конечно, это раскаяніе было ему зачтено.

Въ Биртонъ-Голлѣ фургонъ былъ встрѣченъ радостной толпой съ громкими криками сочувствія, и златокудрая Эмили выбѣжала во дворъ, бросилась на шею къ отцу, смѣясь и плача отъ счастья.

— О! милый папа! восклицаетъ она:—дайте мнѣ ребенка!

Мало по малу, всѣхъ дѣтей высаживаютъ изъ экипажа и несутъ въ кухню.

— Нѣтъ, кричитъ во все горло сквайръ:—не въ кухню, а въ гостиную.

Послѣ этого долго царитъ въ домѣ суматоха; женщины суетятся, собираютъ старыя тряпки и приводятъ въ порядокъ дѣтей Годжа, такъ что много прошло часовъ прежде, чѣмъ кто-нибудь подумалъ объ отдыхѣ или удовольствіи.

Передавъ Крошку Годжа старой нянькѣ, Эмили пошла къ отцу и взявъ его за плечо, взглянула прямо въ глаза.

— Папа, начала она...

— Стой! перебилъ онъ ее, нѣжно цѣлуя:—я знаю, что̀ ты скажешь. Пошли Вильямса верхомъ.

Вильямсъ, изъ любви къ своей юной госпожѣ, проскакалъ маршъ маршемъ десять миль, отдѣлявшія за̀мокъ сэра Генри Юбанка отъ Кодльтона, и съ такой же быстротою возвратился вмѣстѣ съ Генри, который, соскочивъ съ лошади, очутился въ объятіяхъ Эмили Биртонъ.

— О! Гарри, слава Богу, что̀ ты наконецъ вернулся! воскликнула молодая дѣвушка, обвивая его шею руками, несмотря на то, что вокругъ стояли слуги.

— Что̀ вы тамъ дѣлаете, молодежь? произнесъ весело сквайръ, стоя на верху лѣстницы:—ка̀къ вамъ не стыдно!

Я не стану описывать всѣхъ эпизодовъ этого веселаго вечера: вкуснаго, обильнаго обѣда, дружескихъ изліяній между юными аристократами и дѣтьми нищеты, шумныхъ игръ, необыкновенно довольной улыбки, не сходившей съ устъ сквайра, радостнаго блеска прелестныхъ глазъ Эмили, веселаго юмора молодаго Юбанка, неподдѣльнаго счастья хозяйки дома, видѣвшей, наконецъ, мужа и дочь въ прежнемъ радостномъ настроеніи, радушной встрѣчи мистера Лестера, который, узнавъ о происшедшемъ, тотчасъ явился къ своему другу. Все это я могу перечислить, но рѣшительно отказываюсь представить въ живой, вѣрной картинѣ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Союзъ и примиреніе.

I.

Вмѣшательство янки.

Сквайръ откровенно сознался, что событіе, случившееся въ Рождество, произвело въ немъ громадную перемѣну. Онъ довелъ сопротивленіе до крайнихъ предѣловъ и въ результатѣ видѣлъ

одно только горе. Мистеръ Лестеръ, котораго сильно волновало роковое столкновеніе между хозяевами и рабочими, съ радостью увидалъ перемѣну въ сквайрѣ и тотчасъ выразилъ ему свое глубочайшее сочувствіе. Мистеръ Линкбой также примкнулъ къ нимъ, и по его совѣту послали за Самми Стедманомъ. По пріѣздѣ этого послѣдняго, мистеръ Биртонъ заявилъ желаніе сдѣлать попытку къ прекращенію той страшной борьбы, которая свирѣпствовала въ Кодльтонѣ, и чистосердечно просилъ его помощи.

— Боже мой! сказалъ торжественно Стедманъ:—еслибъ вы только, сэръ, поступили такъ сначала! Еслибъ хозяева относились къ рабочимъ не съ злобой и местью, а разумно, человѣколюбиво, то предотвратили бы много несчастій.

— Напрасно сожалѣть о томъ, что̀ прошло, мой другъ, отвѣчалъ спокойно сквайръ: — но никогда не поздно исправиться. Хотите вы намъ помочь въ этомъ дѣлѣ?

Съ этого дня сквайръ, при содѣйствіи мистера Джолли, который взялъ къ себѣ двухъ дѣтей Годжа, принялся энергично за уничтоженіе всего, что̀ было сдѣлано ими въ продолженіи послѣднихъ семи или восьми мѣсяцевъ. Они понимали всю трудность предпринимаемаго ими дѣла и не совершенно ясно видѣли его исходъ, но они дѣйствовали искренно и не теряли надежды на успѣхъ. Обсудивъ большое количество плановъ, представленныхъ со всѣхъ сторонъ, сквайръ и Самми Стедманъ согласились, наконецъ, что лучше всего было созвать собраніе фермеровъ и работниковъ для общаго разсмотрѣнія вопроса, ка̀къ улучшить ихъ временныя отношенія. На это предложеніе всѣ рабочіе отозвались радостью, такъ какъ событія послѣднихъ дней были извѣстны всѣмъ, и обѣ стороны горѣли нетерпѣніемъ выйти изъ своего невыносимаго положенія.

На этомъ митингѣ сквайръ занялъ предсѣдательское кресло и, въ нѣсколькихъ теплыхъ словахъ, объяснилъ перемѣну, происшедшую въ немъ, и просилъ обѣ стороны приступить къ обсужденію ихъ взаимнаго положенія терпѣливо, сочувственно и безъ всякой желчи. Послѣ него говорили мистеръ Лестеръ и Самми Стедманъ, который въ очень осторожныхъ выраженіяхъ заявилъ, что союзъ между рабочими нельзя уничтожить, но если фермеры захотятъ, то онъ можетъ сдѣлаться не врагомъ ихъ, а помощникомъ, и приносить одинаковую пользу, какъ рабочимъ, такъ и хозяевамъ.

Сквайръ просилъ фермеровъ сразу признать правильность заявленія Стедмана. «Я смотрю на союзъ рабочихъ, сказалъ онъ:— совершенно иначе съ тѣхъ поръ, что основательно изучилъ его правила и выслушалъ объясненія Стедмана объ основныхъ его

цѣляхъ. Я вполнѣ сознаю, что каждый работникъ можетъ благоразумно желать усилить свое положеніе, вступивъ въ союзъ съ своими товарищами; подобное чувство раздѣляется членами всякихъ корпорацій, ремесленныхъ цеховъ и т. д. Опасность, конечно, заключается въ томъ, чтобы рабочіе не употребили силы, пріобрѣтенной ими отъ образованія между собою союза, на подчиненіе себѣ капитала; но, подобно тому, какъ образованіе и опытъ побудили другія ассоціаціи благоразумно пользоваться своей силой, такъ и рабочіе вскорѣ поймутъ, что они не могутъ безнаказанно выходить изъ предѣловъ права и справедливости. Въ концѣ концовъ, тѣ злоупотребленія и насилія, которыя они себѣ позволяютъ, горько отзовутся на нихъ самихъ. У насъ также есть орудія противъ нихъ, если дѣло дойдетъ до борьбы, но я убѣжденъ, что, при обоюдномъ, искреннемъ желаніи жить въ мирѣ другъ съ другомъ, подобное столкновеніе никогда не произойдетъ».

Опредѣливъ такъ умѣренно и примирительно свою цѣль, собраніе приступило къ обсужденію средствъ ея достиженія.

Этотъ митингъ происходилъ въ большой залѣ гостиницы «*Биртонскій гербъ*», въ Кодльтонѣ. За джентльменами, сидѣвшими вокругъ сквайра, въ переднемъ углу комнаты, находилась дверь, и въ ту самую минуту, какъ собраніе приступило къ обсужденію самаго существеннаго животрепещущаго вопроса, эта дверь неожиданно отворилась и на высотѣ, по крайней мѣрѣ, фута надъ поверхностью обыкновенной человѣческой головы, показалось лицо, такое лицо, какого никогда не видали всѣ триста присутствовавшихъ людей. Добродушная улыбка освѣщала странныя черты этого лица и громкій голосъ произнесъ:

— Я не помѣшаю вамъ, если войду?

Это былъ Джехоахинъ Сетль, и его неожиданное появленіе, особливо его чудовищно высокій ростъ, возбудили общій хохотъ, къ которому онъ самъ присоединился.

— Я—не Крошка Годжъ, замѣтилъ онъ:—въ нашей странѣ не родятся карлики. Впрочемъ, я согласенъ, что меня знатно вытянуло.

Когда новый посѣтитель усѣлся, было приступлено къ преніямъ, и поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Дѣйствительно ли въ округѣ существуетъ излишекъ рабочихъ силъ, и, если—да, то какъ помочь горю?

2) Какъ платить рабочимъ, поденно или поштучно, деньгами или частью натурой?

3) Какъ отнестись къ рабочимъ различныхъ способностей? Что дѣлать съ старыми, слабыми, больными?

4) Могутъ ли фермеры возвысить заработную плату?

5) Необходимо ли и полезно ли давать рабочимъ долю барыша? И, если давать, то на какомъ основаніи?

6) Можетъ ли кооперація быть введена съ успѣхомъ въ земледѣльческихъ работахъ, и на сколько она послужитъ къ улучшенію быта поселянъ?

7) Какими средствами, естественными или искуственными, можно сократить излишекъ рабочихъ силъ, если таковый существуетъ (переселеніе, эмиграція и т. д.)?

Подобнымъ вопросамъ не было конца, и, очевидно, ихъ невозможно было разрѣшить въ одинъ день.

Послѣ непродолжительныхъ преній, сквайръ заявилъ, что они не въ состояніи правильно обсудить эти вопросы, такъ какъ у нихъ не было достаточно фактовъ. Прежде всего, надо собрать свѣдѣнія о числѣ хозяевъ и рабочихъ въ округѣ, о числѣ лицъ, имѣющихъ постоянную или временную работу, о количествѣ людей, немогущихъ вовсе работать, получающихъ помощь отъ смотрителей для бѣдныхъ, о системахъ земледѣлія, о количествѣ производства и т. д. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ составить новый союзъ, для разрѣшенія этой важной задачи должно было собрать всѣ факты. Увы! сколько времени и силъ потребовалось на то, чтобы придти къ такому простому заключенію! Наконецъ, собраніе выбрало комитетъ для изслѣдованія всѣхъ этихъ вопросовъ и представленія полнаго основательнаго доклада.

Передъ закрытіемъ засѣданія, мистеръ Джехоахинъ Сетль просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ.

— Друзья мои, произнесъ онъ:—я—янки изъ Нью-Іорка, воспитывавшійся въ Массачузетсѣ, и вы можете спросить, какое мнѣ дѣло вмѣшиваться въ ваши семейныя распри. Но у меня нѣтъ дѣтей, нѣтъ своихъ заботъ, и потому я всегда вмѣшиваюсь въ дѣла другихъ; въ настоящемъ случаѣ, какъ братъ и христіанинъ, я не могу не интересоваться вашими треволненіями.

Объяснивъ затѣмъ свой взглядъ на ихъ положеніе, онъ продолжалъ:

— Господа, ваша страна—лучшая въ свѣтѣ почва для разведенія совершеннѣйшихъ видовъ мужчинъ, женщинъ, скота и лошадей, но вы слишкомъ быстро размножаетесь, подобно потомкамъ Авраама. Я разсчиталъ, что черезъ двадцать пять лѣтъ ваше соединенное королевство будетъ биткомъ набито, и тогда я не желалъ бы находиться среди васъ. Вамъ придется поубавить ваше число или вы лопнете и дойдете до банкротства. Ну, господа, мой конекъ—эмиграція дѣтей. Въ моей странѣ это дѣло процвѣтаетъ; я не знаю, почему бы вамъ съ вашими коло-

ніями, разбросанными по всему свѣту, не дѣлать того
васъ не только излишекъ народонаселенія, но подростает
гой излишекъ, а вы родите третій. Ну, я возьмусь за подр
щій излишекъ и его значительно поубавлю. Во-первыхъ,
жусь освободить васъ отъ всѣхъ сиротъ; потомъ я облегчу
большія семейства. Дайте мнѣ одного или двухъ дѣтей изъ
даго семейства, въ десять или двѣнадцать человѣкъ, и увез
отсюда, я принесу большую пользу семействамъ, а еще
шую дѣтямъ. Я отправлюсь съ этими дѣтьми въ одну из
шихъ колоній, положимъ, въ Канаду, и тамъ найду женат
но бездѣтныхъ людей, которые разберутъ охотно вашихъ д
и будутъ печься о нихъ, словно о своихъ собственныхъ. В
напримѣръ, Крошка Годжъ, который послужилъ поводомъ к
этой исторіи, онъ ростомъ не больше жука; я возьму его чер
нѣсколько лѣтъ и помѣщу въ колоніи, гдѣ онъ на хорошей
щѣ выростетъ до человѣческаго образа. Я сдѣлалъ свое дѣло
Америкѣ; мой институтъ процвѣтаетъ, а теперь, изъ любви
Богу и ближнимъ, я согласенъ, если вы позволите, посвяти
свое время на совершеніе того же самаго для старой Англіи.

Это обѣщаніе невооруженнаго вмѣшательства брата Іонафана возбудило громкіе крики одобренія честныхъ поселянъ, и Джеремія хоахинъ Сетль былъ единогласно выбранъ въ члены комитета.

II.

Очень сухая глава.

Комитетъ съ жаромъ принялся за дѣло; количество собранныхъ имъ свѣдѣній было громадно, но всего удивительнѣе былъ представленный имъ докладъ. Я хотѣлъ-было напечатать его въ приложеніи, но издатель полагаетъ, что приложеніе въ святочномъ разсказѣ, такъ же, какъ хвостъ на человѣческомъ тѣлѣ, излишне и чудовищно; поэтому я рѣшился поговорить объ этомъ докладѣ въ особой главѣ, и всякій, предпочитающій факты теоріи, можетъ, если угодно, пропустить ее.

Въ этомъ докладѣ доказывалось ясно, фактически, что кодльтонскій округъ не находился въ томъ положеніи, въ какомъ онъ могъ быть при другихъ условіяхъ, что предложеніе труда было одной третью болѣе спроса, что этотъ излишекъ предложенія, главнымъ образомъ, обнималъ ту часть населенія, которая пользовалась въ своихъ жилищахъ пособіями отъ попечителей бѣдныхъ, что заработная плата была недостаточна для приличнаго

существованія рабочихъ съ ихъ семействами, что результатомъ этого положенія было неудовлетворительное качество труда, что фермеры были въ состояніи платить гораздо бо́льшую плату хорошимъ рабочимъ, что не только излишекъ предложенія былъ великъ въ настоящее время, но, въ виду быстраго распространенія народонаселенія, грозилъ еще увеличиться, что такимъ образомъ извѣстное количество рабочихъ не могло получать оплачиваемой работы, и въ будущемъ этой возможности не предвидѣлось, что въ трехъ четвертяхъ всего числа рабочихъ замѣчалось отсутствіе бережливости, что нѣкоторые изъ нихъ постоянно пользуются общественною помощью и что, наконецъ, для уничтоженія чрезмѣрнаго распространенія пауперизма необходимо постепенно уничтожить вспомоществованіе, оказываемое бѣднымъ въ ихъ жилищахъ, а оказывать помощь только тѣмъ, которые поступаютъ въ рабочіе дома, благодаря чему, сильно уменьшится количество лицъ, живущихъ налогомъ для бѣдныхъ.

Касательно отношеній между хозяевами и рабочими, докладъ полагалъ, что они должны были сохранить прежній добродушный, дружескій характеръ, приписываемый старой системѣ, но на лучшихъ основахъ — именно необходимо было уничтожить принципъ зависимости рабочихъ отъ доброй воли хозяевъ, а основать всѣ ихъ взаимныя отношенія на болѣе практическомъ, раціональномъ и справедливомъ принципѣ добровольнаго договора; при этомъ, въ составъ заработной платы не должны были входить никакія выдачи натурой, пиво, мякина, сборъ колосьевъ и т. д., а эта плата должна была производиться деньгами по рыночной цѣнѣ.

Переходя къ вопросу о жилищахъ поселянъ, докладъ выражался въ пользу оставленія ихъ въ рукахъ землевладѣльцевъ, которые отдавали бы ихъ въ аренду рабочимъ по одинаковой во всемъ округѣ цѣнѣ, сообразно количеству комнатъ, и, кромѣ того, при каждой хижинѣ былъ бы обязателенъ полуакръ земли, если того пожелалъ бы арендаторъ. Относительно вопроса о коровахъ докладъ не предлагалъ никакого общаго правила, но указывалъ, что вблизи общинныхъ выгоновъ или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно нанять пастбище, было гораздо практичнѣе держать общую молочню между рабочими, чѣмъ стремиться къ пріобрѣтенію каждымъ семействомъ своей собственной коровы. Кромѣ того, въ докладѣ выражалось мнѣніе, что сосѣдніе землевладѣльцы могли сговориться между собою и уступить цѣлое селеніе для рабочихъ съ нѣсколькихъ помѣстій, что̀ было̀ бы гораздо удобнѣе и дешевле, но, конечно, это было чисто дѣломъ частной предпріимчивости.

Далѣе докладъ разсматривалъ проекты кооперативныхъ фермъ и промышленныхъ товариществъ. Онъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ тому и другому и заявлялъ, что можно было испробовать практически систему коопераціи на фермѣ бѣднаго Трускота, которая оставалась свободной. Промышленныя товарищества также рекомендовались докладомъ, но подъ условіемъ предварительнаго опредѣленія суммы, оплачивающей собственно трудъ рабочаго, такъ какъ онъ могъ рисковать только своей чистой прибылью, какъ капиталистъ рискуетъ прибылью съ своего капитала.

Что касается до поземельнаго вопроса, то докладъ только неопредѣленно, хотя и знаменательно упоминалъ о неудовлетворительности современныхъ условій пользованія землею. Но зато докладъ подробно разсматривалъ вопросъ о распредѣленіи и пропорціональности заработной платы. Онъ указывалъ на трудность опредѣленія пропорціональной стоимости рабочихъ при большомъ ихъ числѣ и совѣтовалъ прибѣгать въ этомъ случаѣ къ одному изъ двухъ слѣдующихъ способовъ: принять или систему заключенія контракта съ цѣлымъ обществомъ рабочихъ, подъ распоряженіемъ избраннаго главы, при чемъ сами рабочіе дѣлили бы между собою заработную плату, или систему задѣльной платы, гдѣ это практически возможно; послѣдній способъ особенно рекомендовался докладомъ.

Наконецъ, относительно излишка предложенія труда надъ спросомъ, докладъ совѣтовалъ — образовать особый комитетъ для переселенія и эмиграціи рабочихъ, а также одобрительно отзывался о предложеніи Джехоахина Сетля объ отсылкѣ сиротъ и другихъ дѣтей, по согласіи родителей, въ Канаду, для помѣщенія ихъ у фермеровъ, лавочниковъ и т. д. Подобная же система переселенія могла быть, по мнѣнію доклада, примѣнена и въ Англіи.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе доклада комитета, составлявшаго первую попытку разрѣшить распрю между хозяевами и рабочими; конечно, въ немъ было много гадательнаго, требовавшаго практической провѣрки, но главная его заслуга заключалась въ томъ, что онъ признавалъ невозможность одного всеобщаго, чудеснаго средства, а указывалъ на значительное количество мелкихъ способовъ улучшить положеніе рабочихъ и на ассоціацію, какъ орудіе для примѣненія этихъ способовъ. Въ этомъ смыслѣ, подобная попытка формулировать способы разрѣшенія рабочаго вопроса имѣла большое значеніе. Во многихъ общественныхъ вопросахъ самая большая преграда для правиль-

наго ихъ разрѣшенія заключается не въ самомъ вопросѣ, а въ настроеніи, характерѣ и желаніяхъ тѣхъ лицъ, которыя занимаются его разрѣшеніемъ.

III.

Маленькіе переселенцы.

Года шли за годами. Десять лѣтъ минетъ въ слѣдующее Рождество съ того времени, какъ Джонъ Годжъ разрубилъ Гордіевъ узелъ своихъ несчастій и затрудненій его братьевъ рабочихъ. Въ одно прекрасное іюньское утро, на Кодльтонской станціи желѣзной дороги замѣтно было необыкновенное движеніе. Вокругъ шумной группы дѣтей всякаго роста и возраста кишѣла толпа мужчинъ и женщинъ. Мистеръ Лестеръ стоялъ среди нихъ и отъ времени до времени утѣшалъ плачущихъ родителей. Тутъ же находился мистеръ Линкбой въ его странной шляпѣ (я надѣюсь, не въ той же, какъ въ былыя времена) и съ дорожной сумкой черезъ плечо. Онъ очень похудѣлъ, и на его щекахъ виднѣлся роковой румянецъ чахотки. Надъ всѣми же царила высокая, смѣшная фигура дѣятельнаго американскаго гражданина Джехоахина Сетля.

— Дѣти, и вы, добрые люди! восклицаетъ онъ, вынимая часы:—вамъ остается на прощаніе только двѣ минуты. Поплачьте, дѣти, хорошенько, это будетъ въ послѣдній разъ. Въ обѣтованной землѣ слезамъ нѣтъ мѣста, а только смѣху и радости.

Среди громкихъ рыданій и криковъ толпы, Джехоахинъ усаживаетъ свой маленькій полкъ въ вагоны и послѣднимъ беретъ на руки ребенка миніатюрныхъ размѣровъ, который крѣпко прижимается къ груди красивой молодой женщины.

— Прощай, Мэри, лепечетъ мальчикъ сквозь слезы.

— Прощай, Крошка, Христосъ съ тобою! Не забывай Мэри.

— Всѣ! произноситъ Сетль. — Ну, молодцы, затяните «Мы идемъ въ обѣтованную землю».

Черезъ минуту поѣздъ двигается среди оглушительныхъ криковъ: ура! маханья платками и громкаго пѣнія Джехоахина Сетля, съ его юной ватагой:

«Мы идемъ въ обѣтованную землю,
Въ счастливую, лучезарную землю!»

Мистеръ Лестеръ долго стоитъ на галлереѣ, снявъ шляпу и устремивъ сочувственный взглядъ на удаляющійся поѣздъ, а мистеръ Линкбой, въ качествѣ секретаря и распорядителя мѣстна-

го общества для эмиграціи, сопровождаетъ до Ливерпуля этотъ четвертый отрядъ юныхъ переселенцевъ, высылаемыхъ изъ Кодльтона. Разговаривая съ Джехоахиномъ Сетлемъ о будущности дѣтей, онъ весь оживляется и глаза его блестятъ грустной радостью. Американецъ хорошо понимаетъ, что мистеру Линкбою болѣе не суждено заниматься дѣломъ, которому онъ предался всею душой.

Достигнувъ устья Мерси, они перебираются въ маленькомъ пароходикѣ на громадный Канадскій пароходъ, уже готовый къ отплытію. Мистеръ Линкбой нѣжно цѣлуетъ и благословляетъ каждаго изъ дѣтей, а Джехоахинъ, крѣпко сжавъ пастора въ своихъ могучихъ объятіяхъ, произноситъ со слезами на глазахъ:

— Прощай, братъ! Увидимся по ту сторону Іордана! Прощай.

Громадное судно приходитъ въ движеніе; изъ его мрачныхъ нѣдръ вылетаетъ могучій, глухой стонъ; раздается плескъ воды, и великанъ медленно отходитъ отъ своего Пигмея-товарища. Внизу на кожухѣ парохода стоитъ пасторъ, а на носу удаляющагося судна виднѣются дѣти, посылающія послѣднее прости своей родинѣ. Надъ этой юной группой высится на рукахъ Джехоахина Сетля маленькая фигурка Крошки Годжа, махающаго платкомъ.

IV.

Веселый праздникъ.

Наступило Рождество. Прошло ровно десять лѣтъ, какъ мертвое тѣло Годжа произвело то, чего никогда бы не сдѣлалъ живой Годжъ. Время наложило свою тяжелую руку на головы, но не на сердца (столь же юныя, какъ прежде) пастора и сквайра. Громадное зданіе кодльтонскаго союза кипитъ жизнью и весельемъ. У подъѣзда останавливаются одни за другимъ экипажи крупныхъ землевладѣльцевъ и тележки фермеровъ; старые и молодые джентльмены и поселяне радушно здороваются и желаютъ другъ другу веселаго праздника.

Вотъ раздаются звуки колокола, и всѣ спѣшатъ изъ сѣней въ женскій флигель, гдѣ бѣдная Мэри Годжъ и многія другія, родивъ на свѣтъ новаго бѣдняка, поплатились за это жизнью. Но теперь зданіе это не похоже на кодльтонскій союзъ, въ которомъ оно умерло. Комната, гдѣ родился Крошка Годжъ, болѣе не существуетъ; она вошла въ составъ большой залы кодльтонскаго земледѣльческаго общества, членами котораго одинаково сквай-

ры, фермеры и поселяне. Старинный приходскій союзъ для бѣдныхъ дожилъ до черныхъ дней; лѣтъ шесть тому назадъ, онъ принужденъ былъ сократить свое помѣщеніе на половину, и несчастный мистеръ Ми завѣдуетъ послѣдними остатками отжившаго учрежденія. Многіе изъ бѣдняковъ, жившихъ на средства приходскаго союза, теперь существуютъ честнымъ трудомъ и въ настоящую минуту съ нетерпѣніемъ ожидаютъ вкуснаго, обильнаго обѣда въ кодльтонской земледѣльческой залѣ.

Сидней Биртонъ сквайръ стоитъ во главѣ средняго стола, а на право отъ него сэръ Вальтеръ Вагинтонъ, баронетъ и членъ парламента, сіяетъ, какъ всегда, добродушной улыбкой. Они ждутъ пастора, чтобъ благословить трапезу; вотъ въ залу входятъ, рука въ руку, ганкерлейскій ректоръ мистеръ Лестеръ и кодльтонскій методистскій пасторъ, мистеръ Роджеръ. Мало этого, въ залѣ находятся еще нѣсколько служителей алтаря различныхъ вѣроисповѣданій. Кто опишетъ этотъ удивительный обѣдъ и веселыя, дружескія бесѣды разнородныхъ членовъ кодльтонскаго земледѣльческаго общества? Я рѣшительно отъ этого отказываюсь.

Послѣ обѣда, достопочтенный мистеръ Роджеръ произнесъ прочувствованное, но слишкомъ продолжительное слово, и, наконецъ, всѣ требуютъ прочтенія отчета о дѣятельности общества за истекшій годъ. Самми Стедманъ встаетъ и читаетъ отчетъ, который до того написанъ въ розовомъ цвѣтѣ, что можно было бы заподозрить Стедмана въ написаніи его въ веселомъ, пьяномъ настроеніи, еслибъ, какъ извѣстно, онъ не принадлежалъ къ обществу трезвости. Положеніе Кодльтонскаго округа самое удовлетворительное; заработная плата хороша и достигаетъ отъ 14—20 шиллинговъ въ недѣлю, соразмѣрно способностямъ рабочихъ, причемъ разсчетъ почти вездѣ дѣлается задѣльный. Въ теченіи всего года къ посредникамъ ни разу не обращались съ просьбою о разрѣшеніи какого бы то ни было спора между хозяевами и рабочими. Самми посѣтилъ весь округъ и съ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ, что ни одинъ землевладѣлецъ не нарушалъ заключенныхъ шесть лѣтъ тому назадъ контрактовъ на постройку удобныхъ хижинъ съ принадлежащими къ нимъ участками земли; вообще, рабочіе живутъ очень хорошо, но все же Самми не считаетъ, что достигнута конечная цѣль ихъ стремленій. Онъ надѣется на еще лучшее положеніе рабочаго въ будущемъ поколѣніи, когда распространится повсюду образованіе. Почти всѣ хижины въ округѣ арендуются у землевладѣльцевъ; но строительное общество дѣйствуетъ очень успѣшно, и нѣкоторые изъ рабочихъ пріобрѣли въ

собственность хижины и участки земли, что̀ замѣтно «имѣетъ благодѣтельное вліяніе на нихъ». Дѣятельность школьнаго совѣта также очень успѣшна, и дѣти безъ принужденія ходятъ въ школу. Въ этомъ отношеніи пасторы Лестеръ и Роджеръ заслуживаютъ всякихъ похвалъ своими неутомимыми усиліями въ дѣлѣ просвѣщенія. Кооперативная ферма въ Гарнлеѣ достигла въ прошломъ году самыхъ счастливыхъ результатовъ. «Она успѣшно соперничаетъ съ лучшими, сосѣдними фермами (слушайте, слушайте!), купила двѣ или три земледѣльческія машины и нанимала одинъ изъ паровыхъ плуговъ изъ земледѣльческаго общества. Есть основаніе полагать, что система обработки земли, принятая на этой фермѣ, берется за образецъ всѣми другими фермами въ округѣ». Кромѣ того, всѣ сознаютъ, что сто членовъ ассоціаціи кооперативной фермы составляютъ великолѣпный резервъ труда для сосѣднихъ фермеровъ, которые пріобрѣли возможность имѣть лучшихъ рабочихъ въ околодкѣ, послѣ окончанія ими своей работы на фермѣ. Отзывъ Самми о дѣятельности кооперативныхъ складовъ въ селеніяхъ заставилъ бы заскрежетать зубами не одного лавочника. Комитетъ, говорилось въ концѣ отчета:—обращалъ, какъ всегда, бдительное вниманіе на то, чтобъ предложеніе труда было пропорціонально потребностямъ нашей мѣстности. Въ этомъ отношеніи, нашему обществу содѣйствовалъ земледѣльческій союзъ. Соединенный комитетъ о переселеніи и эмиграціи рабочихъ заботился объ отправленіи молодыхъ людей въ другія части Англіи и колоніи; въ виду распространенія по округу практическихъ свѣдѣній о колоніяхъ, многія семейства нашли возможнымъ отложить довольно значительную сумму и съ небольшой помощью вашего комитета эмигрировать. Комитетъ объ эмиграціи дѣтей подъ личнымъ руководствомъ Джехоахина Сетля (громкія рукоплесканія) и мистера Линкбоя, смерть котораго вскорѣ послѣ отправки въ Канаду послѣдней группы дѣтей составляетъ горькую потерю для нашего общества, отправилъ за океанъ 22 сироты и многихъ другихъ дѣтей. Въ числѣ этихъ юныхъ переселенцевъ находился и младшій сынъ Джона Годжа. Общества, подобныя нашему, ведутъ постоянную переписку съ комитетомъ о различныхъ вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ земледѣльческаго класса, и приняты уже мѣры къ организаціи всеобщаго національнаго земледѣльческаго союза. Такимъ образомъ, мы всѣ должны быть благодарны милосердному Провидѣнію за дарованное намъ въ прошломъ году благоденствіе и молить Его о продленіи между нами духа братства и единомыслія».

Послѣднія слова Самми Стедмана, сказанныя его обычнымъ

тономъ проповѣдника, вызвали громкія и продолжительныя рукоплесканія. Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель этого знаменательнаго банкета провозгласилъ единственные тосты, допускаемые въ подобный день: «за здоровье королевы» и «за успѣхъ кодльтонскаго земледѣльческаго общества». Когда восторженные клики, привѣтствовавшіе эти тосты, умолкли, сквайръ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ:

— Въ этотъ день, десять лѣтъ тому назадъ, я прошелъ чрезъ тяжелое, но благодѣтельное испытаніе, которое меня совершенно переродило. Тоже впослѣдствіи случилось съ нѣкоторыми изъ моихъ друзей, сидящими въ этой залѣ. Одушевлявшіе насъ прежде гордость, холодный эгоизмъ и всевозможные предразсудки уступили мѣсто добротѣ и человѣколюбію, однимъ словомъ, тому чувству, которое мой другъ Стедманъ справедливо назвалъ братствомъ. Мы можемъ вѣрить или не вѣрить въ непогрѣшимость экономическихъ законовъ, но должны признать, что ихъ примѣненіе сильно облегчается вліяніемъ этого элемента, т. е. сознаніемъ своего долга не только къ самому себѣ, но и ко всѣмъ ближнимъ на какой бы общественной ступени они ни находились. Политическая экономія безъ человѣколюбія въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова также безпомощна, какъ человѣколюбіе безъ политической экономіи. Сегодня мы празднуемъ результаты нашего перерожденія. Хозяева и рабочіе вели нѣкогда кровавую борьбу, и казалось, что эта борьба должна была кончиться не иначе, какъ совершеннымъ уничтоженіемъ одной изъ сторонъ. Но когда мы поняли, къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ должна была привести эта распря, и стали искренно заботиться объ ея прекращеніи, то нашлись практическія мѣры къ примиренію. Оказалось, что, въ сущности, наши интересы одни и тѣ же, и теперь я полагаю никто не сомнѣвается, что они совершенно слились въ одно. Вамъ, конечно, будетъ пріятно узнать, что, по статистическимъ свѣдѣніямъ прошедшаго года, земля въ нашемъ округѣ приноситъ болѣе дохода, чѣмъ во всей остальной Англіи; это—очевидное, безспорное доказательство, какъ благотворно дѣйствуетъ перемѣна нашихъ взаимныхъ отношеній. Я долженъ еще упомянуть, какъ о значительномъ фактѣ, о распространеніи бережливости между рабочими, благодаря тому, что они убѣждены въ возможности достигнуть лучшаго положенія. Одна изъ моихъ фермъ, оставшаяся свободной по смерти мистера Гольдинга, взята въ аренду Ричардомъ Ро, нѣкогда простымъ пахаремъ, а въ послѣднее время распорядителемъ кооперативной фермы».

Послѣ сквайра обратился къ присутствующимъ съ характеристической рѣчью сэръ Вальтеръ Вагинтонъ.

— Господа, сказалъ онъ между прочимъ:—я однажды протестовалъ противъ введенія комерческихъ принциповъ въ отношенія между земледѣльческимъ трудомъ и капиталомъ, но на практикѣ я убѣдился послѣ перваго же опыта, что примѣненіе этихъ принциповъ не только увеличило цѣнность моихъ владѣній, но способствовало болѣе всего къ распространенію добрыхъ дружескихъ чувствъ между мною и моими, менѣе состоятельными, ближними, чего я прежде не могъ достичь, несмотря на всѣ усилія.

Вслѣдъ затѣмъ, Самми Стедманъ обратилъ вниманіе своихъ почтенныхъ сочленовъ на слѣдующее письмо, полученное имъ изъ Канады отъ младшаго сына бѣднаго Джона Годжа, перваго и послѣдняго мученика земледѣльческаго движенія въ Англіи:

Ферма Гопъ [1], *близь Отавы, 30-го ноября.*

«Любезный сэръ,

«Скажите мистеру Линкбою, что, послѣ того, какъ мы съ нимъ разстались, большой корабль долго шелъ по морю. Мнѣ было очень тошно и всѣмъ другимъ также. Прибывъ въ Квебекъ, мы сошли на берегъ, и мистеръ Сетль отвезъ насъ въ Монреаль, а потомъ мы пріѣхали сюда, въ Отаву. Я живу здѣсь у одного джентльмена и лэди, которые выпросили меня у мистера Сетля. Они очень добры ко мнѣ. Я называю ихъ папа и мама. Она цалуетъ меня каждое утро и вечеръ. Мнѣ даютъ вдоволь кушать и у меня красивая одежда. Я очень выросъ. Прежде меня здѣсь не любили, потому что я былъ очень малъ ростомъ, а теперь все болѣе и болѣе меня любятъ. Я также люблю маму. Она дала мнѣ другое имя. Я надѣюсь, что тутъ нѣтъ ничего дурнаго. Меня теперь зовутъ Веніяминъ Гопъ. Папу и маму также зовутъ Гопъ. Надѣюсь, что вы получите это письмо къ Рождеству, когда всѣ господа собираются на большой обѣдъ. Скажите имъ, что я очень-очень благодарю ихъ за то, что они меня прислали сюда. Также скажите мистеру Линкбою и мистеру Лестеру, что я молюсь о нихъ каждое утро и вечеръ. И вообще прошу васъ, встаньте за обѣдомъ въ день Рождества и пожелайте всѣмъ господамъ отъ меня веселыхъ праздниковъ и счастливаго новаго года.

Вашъ многолюбящій

Крошка Годжъ.

P. S. Мама говоритъ, что въ послѣдній разъ подписываюсь этимъ именемъ.

Веніяминъ Гопъ».

КОНЕЦЪ.

---

[1] Гопъ *(Hope)*, значитъ по-англійски надежда.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Книги и театры. — Эдгардъ Кине, Викторъ Гюго, Мишле. — Шарль Биго, Тэнъ. — Матерьяльное благосостояніе театровъ и отсутствіе драматическихъ произведеній.—Реакція въ пользу трагедіи Эрнесто Росси.—«Маленькій дождикъ...» — «Ферреоль».— «Вчерашніе скандалы». — «Реджина Сарпи». — «Гордская Венера».—«Сынъ Шоппара».—Возобновленіе «Юности Мушкетеровъ». — «Креолка».—Лекокъ на распутіи двухъ дорогъ.—«Помпонъ». — «Молоденькая новобрачная».—Обозрѣнія.—Возобновленія въ «Комической Оперѣ» и въ большой оперѣ. — Концерты консерваторіи. — Смерть Лагероньера, Сенъ-Жоржа и Дежазѐ.

Политика за послѣднее время получила такое преобладающее значеніе во Франціи, что я вынужденъ былъ въ прошедшей своей хроникѣ совершенно не упоминать ни о какихъ иныхъ новостяхъ, а въ настоящей могу посвятить только весьма небольшое число страницъ коротенькому перечисленію литературныхъ и театральныхъ новостей.

Между тѣмъ, не говоря уже о цѣлой массѣ книгъ, предназначаемыхъ для подарковъ къ новому году для большихъ и маленькихъ дѣтей и о которыхъ слѣдовало бы хотя разъ поговорить обстоятельно, въ настоящее время появилось нѣсколько замѣчательныхъ новостей, о которыхъ я и считаю нелишнимъ сообщить читателямъ «От. Зап.», если не со скоростью телеграфа, то съ краткостью телеграммъ.

Упомяну, во-первыхъ, о «Книгѣ изгнанника» (Livre de l'Exilé)— собраніи замѣтокъ, набросковъ и политическихъ писемъ Эдгара Кине за время отъ 1852 по 1875 годъ. Около 60 страницъ этой книги представляютъ собою совершенно новый и нигдѣ еще не напечатанный матерьялъ. Богатство и глубина мысли въ нихъ равняется только мастерству и художественности изложенія.

Затѣмъ, появился 2-й томъ «Словъ и дѣйствій» Виктора Гюго съ блестящимъ предисловіемъ, озаглавленнымъ «Что̀ такое изгнаніе?», въ которомъ вторая имперія изображена въ самыхъ яркихъ и безпощадныхъ краскахъ, что̀ весьма кстати передъ наступленіемъ общихъ выборовъ, чтобы пробудить въ средѣ избирателей все то негодованіе, какого заслуживаетъ это тяжолое, печальное и безнравственное время.

Незадолго до своей смерти, Мишле, какъ извѣстно, издалъ 1-й томъ своей «Исторіи XIX столѣтія», долженствовавшей закончить собою его «Исторію Франціи» и «Исторію французской революціи». Теперь появились 2-й и 3-й томы этого сочиненія, оставшіеся послѣ смерти автора въ рукописи. Второй томъ носитъ названіе «До 2 брюмера»,3-й—«До Ватерлоо». Конечно, это произведеніе Мишле не представляетъ собою той точности, серьёзности и методичности, какъ «Исторія» Гервинуса, но за то оно замѣчательно, какъ цѣлый рядъ весьма меткихъ и характерныхъ очерковъ и взглядовъ на недавнее движеніе Европы. Для тѣхъ, кто хорошо знакомъ со всѣми событіями этого времени, замѣчанія и выводы Мишле имѣютъ значительную цѣнность. Никто изъ французскихъ писателей новаго времени не обладаетъ въ одинаковой степени съ Мишле даромъ заставлять размышлять даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ ошибается и заблуждается.

Подъ названіемъ «Управляющіе классы» одинъ еще довольно молодой публицистъ, Шарль Биго, издалъ весьма полезную книгу. Это не памфлетъ на политиковъ «нравственнаго порядка», но довольно сжатый соціальный этюдъ, изображающій различныя категоріи гражданъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается власть и богатства, до тѣхъ поръ, пока имъ не суждено перейти въ руки не окончившей еще своего воспитанія демократіи—путемъ ли мира, если сильные и могущественные не станутъ сопротивляться неизбѣжному ходу вещей, или путемъ насилія, если они этого не сдѣлаютъ. Разсматривая современное духовенство, магистратуру, печать, правительства, партіи, женщинъ и общественное воспитаніе, авторъ высказываетъ мно-

го жосткихъ и горькихъ истинъ деморализованному современному обществу и особенно тѣмъ безумнымъ индефферентистамъ и апатичнымъ глупцамъ, которые полагаютъ, что все и постоянно будетъ процвѣтать въ «наилучшемъ изъ міровъ», пока въ запасѣ на всякой случай можно имѣть достаточное количество митральёзъ, готовыхъ во всякое время «производить чудеса»...

Упомяну также о книгѣ Тэна: «Старый порядокъ». Книга эта составляетъ какъ бы первую часть задуманнаго имъ сочиненія о возникновеніи идей свободы во Франціи. Вторая и третья части (еще не вышедшія) будутъ носить названіе: «Революціи» и «Началъ современной Франціи». Хотя я и прочиталъ уже первую часть, но отказываюсь отъ высказыванія объ ней мнѣнія до появленія всего сочиненія въ цѣломъ. Думаю, однако, что едвали новый трудъ Тэна представитъ собою вѣрное изображеніе успѣховъ новой европейской мысли. Писатель этотъ, отличающійся замѣчательною смѣлостью въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, въ разсмотрѣніе вопросовъ политическихъ вноситъ слишкомъ мало скептицизма. Вообще, о Тэнѣ можно сказать, что это—скорѣе остроумный, нежели глубокой мыслитель. Онъ—нѣчто въ родѣ французскаго Макколея. Тэнъ съ глубокимъ одушевленіемъ готовъ писать цѣлыя филиппики противъ крайностей и увлеченій *черни* и ужасовъ Террора, но найдутъ ли въ душѣ его отголосокъ великодушные порывы гуманитарнаго духа великой эпохи—я сомнѣваюсь, а, безъ такого отношенія къ избранному имъ предмету, едва ли можно быть добросовѣстнымъ историкомъ новой эры европейской цивилизаціи.

Изъ отчета, публикованнаго ассоціаціями драматическихъ писателей и музыкантовъ, оказывается, что въ 1875 году театрами, публичными балами и концертами собрано съ публики болѣе 25 милліоновъ франковъ! До такой суммы сборы этого рода никогда еще не достигали. Въ 1869 г. сумма эта едва достигала 16 милліоновъ, и даже въ 1867 г., когда всемірная выставка привлекала въ Парижъ сотнями тысячъ гостей со всего міра, она дошла только до 24 милліоновъ трехъ сотъ и нѣсколькихъ тысячъ. Между тѣмъ, никогда число обанкрутившихся содержателей театровъ не было такъ велико, какъ именно въ настоящемъ году, не смотря на золотой дождь, безпрестанно лившійся въ ихъ карманы. Вотъ что̀ значитъ погоня за невѣроятными роскошными обстановками, сдѣлавшимися необходимою приманкою пресыщенной публики! Никогда еще, въ тоже время, средній уровень интелектуальнаго достоинства сценическихъ представленій не падалъ такъ низко. Въ средѣ множества произведеній ниже всякой посредственности даже сказочная мелодрама: «Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней» представляется чуть ли не chef'd'oeuvr'омъ и пользуется такимъ успѣхомъ, что послѣ 400 представленій еще расчитываетъ на значительную долготу дней, а блѣдная «Дочь Роланда»—и блѣдная не по сравненію только съ такими произведеніями, какъ «Маріонъ

Делормъ» или «Лукреція Борджіа» Виктора Гюго, но даже съ понсаровскими «Шарлотой Кордэ» или Лукреціей»—кажется, на вѣки вѣчные утвердилась на сценѣ «Французскаго театра». Мало того, ея счастливый авторъ едва на попалъ во французскую академію на ваканцію Шарля Ремюза и для его избранія въ безсмертные не хватило только одного голоса! Впрочемъ, въ публикѣ, которой уже стали надоѣдать механическіе фокусы декоративныхъ ухищреній и циническія выставки цѣлыхъ полчищъ полуобнаженныхъ женщинъ, началась уже реакція въ пользу... трагедій. Во всѣ театры, гдѣ объявляется представленіе трагедій, публика валитъ валомъ, такъ что, напримѣръ, директоръ «Историческаго театра» площади Шателэ почелъ необходимымъ, среди представленій современныхъ драмъ, попробовать возобновленіе «Сида» съ энергическою и поэтическою Руссель—въ роли Химены. На драматическихъ утрахъ театра «Renaissance» появились чтенія Корнелевскаго «Горація»—въ передачѣ высокоталантливой г-жи Агаръ, трагической артистки, осужденной парижскими критиками и публикой на забвеніе и неизвѣстность въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ за то, что она пользовалась значительною популярностью во время коммуны. Наконецъ, и это изъ самыхъ характерныхъ признаковъ упомянутой мною реакціи—итальянскій трагикъ Росси, появившійся на сценѣ театра Вантадуръ и намѣревавшійся пробыть въ Парижѣ всего на все недѣлю или двѣ, несмотря на то, что обстановка пьесъ, въ которыхъ онъ появляется, самая мизерная, принужденъ былъ, по требованію публики, нарушить свой контрактъ съ Соединенными Штатами Америки, заплатилъ за это 50 тысячъ неустойки и уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду пожинаетъ лавры и значительныя суммы, появляясь передъ публикой то Гамлетомъ, то Оттело, то Макбетомъ. Благодаря Росси, мы видѣли и «Кина» Александра Дюма-отца въ итальянскомъ переводѣ. Гость нашъ собирался явиться и въ пьесахъ Гюго, но автору ихъ показалось страннымъ, что тѣ его произведенія, представленія которыхъ на французскомъ языкѣ не дозволяется, появились бы въ тоже время на сценѣ въ итальянскомъ переводѣ, и своего согласія на это знаменитому трагику не далъ.

«Одеонъ», съ пола и до крыши заново передѣланный (что заставило на шесть недѣль отложить обыкновенный срокъ его открытія), съ великолѣпнымъ фойе, украшеннымъ замѣчательною коллекціею портретовъ свѣтилъ театральнаго искуства и бюстовъ знаменитѣйшихъ изъ драматическихъ писателей—разсудилъ за благо начать свои представленія съ возобновленія «Законной любовницы», которая у васъ успѣха не имѣла, а у насъ пользуется огромнымъ. Вслѣдъ за нею, пойдетъ пьеса изъ русскихъ нравовъ «Данишевы», о которой здѣсь ходитъ много легендъ, которая написана, кажется, вашимъ соотечественникомъ, а только будетъ поставлена подъ фирмою Дюма-сына и надъ которою цензура таки основательно уже поработала. Другая пьеса

Дюма II-го и принадлежащая ему исключительно, «Иностранка», дѣятельно репетируется въ театрѣ Французской Комедіи, и ея появленія всѣ ждутъ, какъ событія... единственнаго въ настоящій сезонъ въ драматическомъ мірѣ. До сихъ поръ, первый французскій театръ рискнулъ поставить только одну незначительную новинку, небольшую одноактную пьесу посредственнаго стихотворца и сотрудника «Revue des deux Mondes», Эдуарда Пальерона, «Маленькій дождикъ...» Маленькій дождикъ прекращаетъ значительный вѣтеръ, говоритъ пословица, послужившая мыслью для этой пьески, та пословица, которой Раблэ нѣкогда далъ такое оригинально веселое, хотя и скоромное объясненіе. Дождь и разныя неудобства путешествія безъ паспорта, при существованіи жандармовъ, спасаютъ героиню пьесы отъ «адюльтера». Эти маленькія непріятности дѣйствительной жизни заставляютъ оглянуться на свое положеніе свѣтскую женщину, легкомысленно рѣшившуюся на побѣгъ съ нѣкоторымъ Ловелассомъ изъ подъ крова весьма удобнаго мужа и въ попыхахъ забывшую даже захватить съ собою теплый салопъ... зимою. Вотъ и все.

«Ферреоль», новая пьеса, Викторіена Сарду идущая на сценѣ театра Гимназіи представляетъ всѣ достоинства и недостатки другихъ большихъ произведеній этого автора. Она немножко украдена, такъ какъ и содержаніе, и характеры дѣйствующихъ лицъ безцеремонно заимствованы и очень мало перекроены изъ двухъ извѣстныхъ романовъ: «Первый шагъ въ магистратурѣ» Жюля Сандо и «Убійца красавца Антуана» Ноэля Парфэ, и въ тоже время ведена съ изумительнымъ мастерствомъ. Дѣло въ томъ, что она основана на юридической ошибкѣ, которую необходимо исправить, такъ какъ, благодаря нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, судъ обвинилъ въ убійствѣ человѣка совершенно неповиннаго; но открытіе истины должно скомпрометировать честь женщины и, притомъ, жены предсѣдателя судебнаго процесса. При огромномъ знаніи сцены, Сарду удалось такъ завязать и развязать интригу, что нѣкоторыя сцены пьесы исполнены глубокаго драматизма и производятъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на зрителей. Похожъ на самого себя Сарду во «Ферреолѣ» еще и тѣмъ, что не обошелся въ немъ и безъ проведенія грязненькой тенденціи осмѣять учрежденіе присяжныхъ засѣдателей при уголовномъ судопроизводствѣ. Эта мысль олицетворяется въ пьесѣ эпизодическимъ лицомъ одного изъ присяжныхъ засѣдателей, ничего не понимающаго въ процессѣ, по поводу котораго онъ призванъ высказать свой приговоръ, и обращающагося съ глубочайшимъ низкопоклонствомъ къ обвиняемому, такъ какъ онъ изъ занимающихъ хорошее общественное положеніе. На окраску этого характера Сарду положилъ весьма много комизма, и талантливый Лесюёръ своею художественной игрой создалъ изъ него положительный типъ и вызвалъ неумолкавшій смѣхъ... Много было, однакоже, между зрителями и такихъ, которымъ становилось тяжело отъ этого смѣха!

Конечно, и учрежденіе присяжныхъ, какъ всѣ человѣческія учрежденія, имѣетъ свои слабыя стороны. Еще недавно Парижъ былъ свидѣтелемъ, какъ присяжными были оправданы соучастники Кассаньяка въ его белльвильскомъ неистовствѣ, «Gaulois» и «Pays», но, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, учрежденіе присяжныхъ—главная гарантія невинныхъ, подпадающихъ судебному преслѣдованію, и вообще независимости и безпристрастія суда. Осмѣивать подобное учрежденіе на сценѣ—по меньшей мѣрѣ, безтактно и непристойно.

«Вчерашніе скандалы», идущіе на сценѣ театра «Водевиля», хотя и принадлежатъ опытному перу Баррьера, но нисколько не напоминаютъ прежнихъ произведеній этого писателя, когда талантъ его проявлялся въ полномъ блескѣ въ «Faux bons-hommes» или «Мраморныхъ дѣвахъ». Написана эта пьеса небрежно; характеры очерчены только вскользь; дѣйствіе тянется довольно вяло; все дѣло основывается на недоразумѣніи (ошибкѣ газетнаго репортера, изъ-за которой страдаетъ ни въ чемъ неповинная жертва этой ошибки, на которую обрушивается незаслуженный скандалъ), которое оканчивается, впрочемъ, благополучно и по извѣстной программѣ наказанія порока и торжества добродѣтели.

Въ числѣ множества криминальныхъ романовъ Бело, находится одинъ особенно сенсаціонный и написанный этимъ авторомъ въ сотрудничествѣ съ Эрнестомъ Доде (братомъ увѣнчаннаго романиста Альфонса Доде)—исторія одной красавицы изъ Арля, осужденной за убійство въ 1862 г. авиньонскимъ уголовнымъ судомъ. Изъ этого романа Бело, уже одинъ, состряпалъ и драму для театра «Ambigu», подъ названіемъ «Гордская Венера», но, вмѣсто того, чтобы сколько нибудь смягчить рѣзкости этого процесса и характеръ полубезумной убійцы—онъ еще съ крайнею неумѣренностью пересолилъ въ другую сторону. Вышло какое-то чудовищное сцѣпленіе ужасовъ, возмутившее не только знатоковъ драматическаго искуства и критику, но даже и наивнѣйшихъ изъ посѣтителей дешевыхъ мѣстъ верхнихъ галлерей, такъ что, въ первое представленіе, по окончаніи пьесы, раздался единодушный и оглушительный свистъ. Директоръ «Ambigu» не смутился этимъ свистомъ и дней десять пьеса стояла на афишѣ, хотя смотрѣть драму появлялись только нѣкоторыя дамы «полусвѣта», всѣ же дешевыя мѣста оставались пустыми. Нѣчего дѣлать, пришлось-таки перестать давать пьесу въ явный ущербъ карману и замѣнить ее другою. На смѣну этой несчастной «Венеры» явилось продолженіе знаменитаго «Courtier de Lyon» (дѣло Лесюрка) «Сынъ Шоппара». Пьеса ординарная и имѣла полу-успѣхъ.

Нѣсколько бо̀льшій успѣхъ имѣла лишь драма двухъ молодыхъ авторовъ гг. Денэруза и Онэ: «Реджина Сарпи» изъ корсиканскихъ нравовъ и основанная на неизбѣжной въ этой странѣ вендеттѣ, шедшая на сценѣ «Историческаго театра». Пер-

вый опытъ этихъ двухъ писателей показываетъ въ нихъ присутствіе таланта и, хотя пьеса и рутинна, но написана хорошимъ языкомъ. Въ настоящее же время, и это случается не часто. Успѣхъ пьесы гарантируется, сверхъ того, отличной игрой талантливой драматической артистки Мари Лоранъ.

На театрѣ Сенъ-Мартенскихъ воротъ, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ исполнителямъ «Путешествія вокругъ свѣта», которымъ оно, конечно, давно уже набило оскомину, дирекція, не успѣвшая еще въ достодолжной степени прорепетировать давно обѣщаннаго «Coq-Hardi», поставила, въ перемежку съ «Путешествіемъ», возобновленную мелодраму Ал. Дюмà-отца и Огюста Макэ: «Юность мушкетеровъ». Публика какъ будто обрадовалась этому возвращенію драмы, такъ нравившейся ей когда-то, въ доброе старое время, да и вообще она въ настоящее время предпочитаетъ смотрѣть мелодрамы, чѣмъ оперетки. Оффенбахъ впалъ въ немилость—и на этотъ разъ, кажется, уже окончательно. Онъ думалъ быть львомъ настоящаго, сезона, поставивъ сразу на три сцены двѣ оперетки («Булочницу», о которой я уже говорилъ, на сценѣ «Variétés», и «Креолку»—съ Жюдикъ, въ театрѣ Буффъ) и фэерію «Путешествіе на луну» (Gaité); всѣ эти три его произведенія не только не хуже, но даже веселѣе и лучше всего того, что̀ онъ писалъ за послѣднее время, и увы!—обѣ оперетки не выдержали даже и ста представленій, хотя еще недавно выдержали бы ихъ гораздо болѣе, и развѣ только одно «Путешествіе на луну» имѣетъ еще нѣкоторые шансы продержаться на сценѣ до наступленія вѐсны. А между тѣмъ, едва сойдетъ со сцены это «Путешествіе № 2-й», какъ новый директоръ «Gaité», получившій 200 тысячную субсидію, предназначавшуюся для третьяго лирическаго театра (для котораго не нашлось въ Парижѣ помѣщенія), начнетъ ставить серьёзныя произведенія молодыхъ композиторовъ, каковы Викторъ Массе, де-Жонсьеръ, Массене («Павелъ и Виргинія», «Лже-Дмитрій», Эрриніи»), которымъ до сихъ поръ не удавалось попасть ни въ раззолоченныя залы «Новой Оперы», ни въ «Комическую Оперу». Царству Оффенбаха, очевидно, наступаетъ конецъ, и этотъ плодовитый маэстро встрѣчаетъ закатъ своей звѣзды почти съ пустыми руками. За все время своихъ нескончаемыхъ тріумфовъ онъ даже не сумѣлъ основательно разбогатѣть.

Соперникъ Оффенбаха, Лекокъ, былъ въ настоящій сезонъ счастливѣе его, хотя и его первая оперетка «Помпонъ» продержалась на сценѣ театра «Folies Dramatiques» всего на-все одинъ мѣсяцъ, между двумя возобновленіями «Дочери Анго̀». Эта дочь, обогатившая театръ «Folies Dramatiques», продолжаетъ играть, относительно директора этого театра, давшаго ей жизнь, роль Антигоны относительно Эдипа, и, чуть сборы его начинаютъ ослабѣвать, какъ появляется на сцену она, всегда готовая питать его своею грудью. Но за то, въ утѣшеніе за неуспѣхъ «Помпона», Лекокъ былъ вознагражденъ тѣмъ, что другая его

оперетка, «Молоденькая новобрачная», очень понравилась публикѣ. По либретто, это—нѣчто въ родѣ сказокъ Боккачіо; въ дѣйствіи пьеска идетъ быстро и весело. Музыка ея тоже пришлась публикѣ по душѣ больше музыки «Помпона», хотя надобно сказать, что и «Помпонъ», въ музыкальномъ отношеніи, лучше всѣхъ прежнихъ произведеній Лекока, и вообще видно, что композиторъ стремится выйдти изъ тѣхъ рамокъ, которыя еще недавно были поставлены опереткамъ. Положимъ, что «Новобрачная», названная на афишѣ комическою оперой, далеко еще не оправдываетъ такого своего опредѣленія; но стремленіе и способность къ серьёзной музыкѣ въ ея композиторѣ въ ней очевидны, какъ очевидно и то, что, если во время безусловнаго царствованія оперетокъ, Лекокъ и долженъ былъ въ своихъ композиціяхъ подчиняться господствовавшему направленію въ легкой музыкѣ, то онъ положительно можетъ въ будущемъ, и помимо ея, проявиться замѣчательнымъ композиторомъ.

Этимъ исчерпываются всѣ наши театральныя новости, если не упоминать о возобновленіи длиннаго стараго водевиля «Парижскіе фланёры», появившагося на сценѣ театра «Des Arts». Затѣмъ остаются безчисленныя обозрѣнія (revues), обыкновенно къ концу года появляющіяся на многочисленныхъ сценахъ и сценкахъ третьестепенныхъ театровъ, кафе-шантановъ и театровъ внѣшнихъ бульваровъ. Нынѣшній годъ особенно обиленъ на такія «обозрѣнія», но увы! всѣ они донельзя однообразны и ограничиваются, по бо̀льшей части, пародіями на сцены изъ пьесъ, имѣвшихъ въ теченіи года наибольшій успѣхъ или надѣлавшихъ наиболѣе шуму своимъ паденіемъ.

Участники этихъ обозрѣній подражаютъ обыкновенно голосу, жестамъ и манерамъ лучшихъ парижскихъ артистовъ и иногда копируютъ ихъ очень удачно, но, по бо̀льшей части, неудовлетворительно. Вотъ и все, если не считать куплетовъ на мотивы изъ оперетокъ, наиболѣе популярныхъ, да безконечнаго числа дешевыхъ остротъ и каламбуровъ. Въ прежнее время, когда «обозрѣніямъ» была предоставлена нѣкоторая свобода политическихъ намековъ и экскурсій въ живую общественную дѣятельность, они, разумѣется, имѣли гораздо бо̀льшее значеніе, и представляли собою иногда и интересъ, и занимательность; но цензура проявила надъ ними свое могущество, обезличила ихъ и, такъ сказать, загубила ихъ въ самомъ корнѣ... Нынѣшнія «обозрѣнія»—только блѣдныя тѣни тѣхъ парижскихъ обозрѣній, которыя нѣкогда вызывали столько смѣху и доставляли столько веселья безпечнымъ парижанамъ.

Большіе народные концерты, возобновившіеся съ началомъ зимы, какъ и въ прошломъ году, въ «Зимнемъ Циркѣ» и въ «Театрѣ Шатлэ»—по воскресеньямъ, подъ управленіемъ гг. Паделу и Колонна, продолжаютъ попрежнему собирать тысячи слушателей не богатыхъ классовъ, для которыхъ слушаніе серьёзной музыки стало необходимою потребностью. Что потребность

эта въ средѣ парижанъ усиливается—доказательствомъ можетъ служить то, что въ нынѣшнемъ году понадобилось открыть еще одно помѣщеніе для подобныхъ концертовъ, на которыхъ исполняются, впрочемъ, только произведенія современной музыки. Эти концерты происходятъ по воскресеньямъ, въ циркѣ Фернандо, находящемся чуть не у самыхъ монтмартрскихъ высотъ—и всегда бываютъ полны. 5-го декабря, происходилъ обычный годовой концертъ, который въ Парижѣ считается важнѣйшимъ изъ всѣхъ концертовъ. Я говорю о музыкальномъ утрѣ консерваторіи, которымъ сопровождается обыкновенно ея открытіе. На немъ были исполнены произведенія какъ классической, такъ и современной музыки—съ одной стороны Генделя, Баха и Бетховена, съ другой — Гуно и Берліоза. Пальму первенства заслужилъ, въ нынѣшнемъ году, въ качествѣ исполнителя концерта для орга̀на съ оркестромъ, органистъ «Trinité» — Александръ Гюлльманъ, игра котораго отличалась необычайною мягкостью и изумительною тонкостью передачи самыхъ трудно уловимыхъ оттѣнковъ композиціи, гораздо болѣе, чѣмъ силою и блескомъ. Я положительно думаю, что едва ли когда нибудь исполненная имъ чудная мелодія Генделя была кѣмъ-либо лучше и совершеннѣе исполнена.

Смерть продолжаетъ безпощадно выхватывать своихъ жертвъ изо всѣхъ областей общественной дѣятельности, не щадя ни таланта, ни знанія, ни заслугъ. Надняхъ схороненъ не безъизвѣстный вамъ виконтъ де-Лагероньеръ, бывшій нѣкогда посланникомъ и сенаторомъ, но прославившійся преимущественно въ качествѣ интимнаго публициста Наполеона III, высказывавшаго въ своихъ брошюрахъ личные взгляды седанскаго героя при всѣхъ значительныхъ политическихъ событіяхъ. Одновременно съ нимъ умеръ и ветеранъ-либреттистъ, сотоварищъ Скриба—Сен-Жоржъ, написавшій на своемъ вѣку цѣлыя сотни оперныхъ либреттъ и балетныхъ программъ. Нѣсколько ранѣе погибла и знаменитая Виргинія Дежазѐ, восхищавшая съ театральныхъ подмостковъ своею вѣчною молодостью *въ теченіе 72 лѣтъ* нашихъ дѣдовъ, отцовъ и насъ. Выступивъ на сцену *пяти* лѣтъ отъ роду, она еще въ настоящемъ году нѣсколько разъ на ней появлялась, несмотря на свои 78 лѣтъ! Всякій, кто, со времени Наполеона I, хотя сколько нибудь интересовался театромъ во Франціи, если ея и не видѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, слышалъ о ней какъ объ исполнительницѣ беранжеровской *Лизетты*, *Виконта де-Леторьера*, *Бонапарта въ Бріенѣ* и *Красавця Бернара*. Два года тому назадъ, въ честь ея, на сценѣ театра Вантадуръ происходилъ торжественный спектакль, на которомъ всѣ, безъ исключенія сколько нибудь замѣчательные парижскіе артисты и артистки приняли участіе, чтобы выразить этимъ ей свое уваженіе и увеличить сборъ, назначавшійся въ ея пользу. Она, за все время своей необычайно продолжительной сценической карьеры, не только не нажила себѣ состоянія, но не обезпечила себя

даже отъ нужды. Такою же торжественностью отличилось и ея погребеніе, произведенное на общественный счетъ. Послѣ заупокойной мессы въ «Trinité», въ исполненіи которой принимали участіе лучшіе оперные солисты, погребальная колесница, за которою слѣдовали десятки тысячъ поклонниковъ ея таланта и всѣ артисты и артистки, была провезена по всѣмъ главнымъ парижскимъ улицамъ прежде, чѣмъ направилась къ кладбищу отца Лашеза, гдѣ произошло погребеніе ея трупа.

II.

Неожиданная перемѣна декорацій въ версальскомъ собраніи: окончательное признаніе республики. — Планъ Бюффе по поводу избранія сенаторовъ. — Списокъ сенаторовъ, заготовленный правою стороною по мысли тріумвирата: Фаллу, Бюффе и де-Брольи. — Первый день выбора сенаторовъ. — Герцогъ Одиффре, ставшій республиканцемъ. — Соглашеніе лѣвыхъ съ чистыми легитимистами. — Затрудненія на второй и третій день выборовъ. — Письмо депутата де-Ла-Рошетта противъ орлеанизма.—Бюффе, отказывающійся отъ кандидатуры въ сенатъ. — Шестой день выборовъ: кризисъ конвертовъ. — Министръ безконечныхъ перерывовъ. — Побѣда лѣвыхъ 7-го дня. — Внушеніе трехъ министровъ въ угоду маршалу. — Дюпанлу снова встрѣчается съ Литтрѐ. — 11-й день: любезности, оказанныя Мак-Магону и Тьеру. — Статистика *безсмѣнныхъ*. — Республиканское большинство въ сенатѣ. — Умѣренность побѣдителей и заявленія нѣкоторыхъ сенаторовъ. — Герцогъ Омальскій. — Результатъ сенатскихъ выборовъ — спасительный для Франціи.

При преніяхъ по поводу избирательнаго закона о депутатскихъ выборахъ, какъ читатели это видѣли изъ моей прошлой хроники, всѣмъ интересамъ свободы во Франціи, повидимому, угрожала конечная гибель, и вотъ почти все вновь спасено, благодаря тому, что версальское собраніе выговорило себѣ по конституціи право выбора 75 пожизненныхъ сенаторовъ. Для лицъ, не посвященныхъ въ таинства парламентскихъ мистерій, подобное превращеніе можетъ показаться просто чудомъ; между тѣмъ какъ для дальновидныхъ политиковъ подобное явленіе составляетъ нечто иное, какъ неизбѣжное торжество логики въ борьбѣ здраваго смысла съ интригами яростнаго безсилія. Послѣ того, какъ монархія, въ видахъ реставраціи которой былъ смѣщенъ Тьеръ и придуманъ Мак-Магонъ, оказалось неосуществимой ни въ бѣломъ, ни въ трехцвѣтномъ своемъ воплощеніи, всѣ попытки къ сочиненію личнаго или безличнаго септената привели только къ тому, что, для сохраненія хотя какихъ нибудь шансовъ роялистовъ до 1880 года, хитроумные ихъ изобрѣтатели вынуждены были придти къ признанію республики, утвержденной февральскими конституціонными законами.

Бюффе попробовалъ, нельзя ли сдѣлать изъ этой республики, ревизія которой была предусмотрѣна, нѣчто въ родѣ де-Брольевскаго септената, изгнать изъ среды ея исполнителей всякихъ

республиканцевъ и все ея зданіе, съ подвала и до крыши, сдать на руки ревизіонистовъ: орлеанистовъ, легитимистовъ и даже бонапартистовъ, которыхъ, подъ предлогомъ общественной опасности, рѣшено было тоже принимать въ консервативный союзъ.

До тѣхъ поръ, пока дѣло шло только о преслѣдованіи демократіи, большинство 24-го мая казалось возможнымъ къ осуществленію, а большинство 25-го февраля поддавалось распаденію. Но едва эти три или четыре отрицательныя партіи захотѣли, при помощи своего союза, провести въ будущій сенатъ 75 человѣкъ своихъ людей — какъ никакое большинство не стало возможнымъ. Пришлось покориться стремленіямъ лѣвой стороны и изъ отрицателей обратиться въ окончательныхъ утвердителей республики.

Можно ли было избѣгнуть подобнаго результата? да, еслибы Бюффе, вмѣсто того, чтобы быть обыденнымъ интриганомъ, способностей самыхъ ординарныхъ, былъ реакціонеромъ талантливымъ. Послѣ своей неожиданной побѣды надъ лѣвыми, онъ имѣлъ полную возможность надѣть на себя маску безпристрастія и предложить правительственное содѣйствіе такому списку 75-ти, который представлялъ бы собою какъ бы весь парламентъ въ сокращеніи, выражая пропорціональными цифрами всѣ, безъ исключенія, парламентскія групы. На подобную комбинацію весьма многіе взглянули бы, какъ на вполнѣ соотвѣтственную стремленіямъ изобрѣтателей сената. Еслибы такой списокъ прошелъ, то правительство осталось бы во главѣ направленія общими выборами и могло бы, подъ предлогомъ интересовъ отдѣльныхъ мѣстностей, задавить подъ оффиціальными кандидатурами всѣхъ непріятныхъ ему людей, не исключая даже и невиннѣйшихъ представителей лѣваго центра. Настоящіе республиканцы, при этомъ, были бы вынуждены прибѣгнуть къ противоконституціонной оппозиціи, такъ какъ отъ нихъ было бы отнято главное ихъ подспорье, позволяющее имъ разсчитывать на побѣду, даже въ средѣ самыхъ темныхъ крестьянскихъ массъ—являться въ качествѣ настоящихъ консерваторовъ, сохраняющихъ *то, что есть* — законно организованную республику; теперь же такого ихъ характера ничѣмъ нельзя затемнить. Между тѣмъ, тріумвиратъ, затѣвавшій всѣ интриги послѣдняго времени и устроивавшій всѣ фузіонистскіе заговоры: де-Фаллу, суфлёръ, являющійся въ Версали для подсказыванія друзьямъ своимъ всевозможныхъ глупостей, герцогъ де Брольи, главный машинистъ внѣпарламентскихъ декорацій, и Бюффе, капельмейстеръ, заправляющій правительственными какофоніями, взглянули на дѣло иначе. Они видѣли только одно: что единственно возможный, сколько нибудь раціональный планъ обусловливалъ собою необходимость уступки довольно значительнаго числа сенатскихъ креселъ республиканцамъ, и, такъ какъ при этомъ нельзя было не ожидать, что и при департаментскихъ выборахъ тоже нельзя совершенно избѣгнуть ихъ избранія, то они опасались, что имъ

не удастся устроить такого сената, который отвѣчалъ бы совершенно ихъ тайнымъ вождѣленіямъ, то есть, такого, который только и мечталъ бы о томъ, какъ бы привести въ осуществленіе оба свои права, какъ распущенія нижней палаты, такъ и ревизіи конституціи. На основаніи такихъ соображеній, недальновидный тріумвиратъ разсудилъ такъ: будемъ дѣйствовать натискомъ и раздавимъ республиканцевъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано 24-го мая и въ ноябрѣ, и захватимъ себѣ всѣ 75 мѣстъ несмѣняемыхъ сенаторовъ. Чтобы такой образъ дѣйствій могъ увѣнчаться успѣхомъ, имъ было бы необходимо имѣть на своей сторонѣ всѣхъ легитимистовъ и бонапартистовъ безъ исключенія, да, кромѣ того, закрѣпить за собою окончательно всѣхъ нерѣшительныхъ междуцентральной групы Лаверня, такъ какъ присоединеніе этой группы только и могло обезпечить удачу при всѣхъ предъидущихъ затрудненіяхъ; благодаря ей, только и возможно было низвергнуть Тьера, потомъ создать республику по тьеровскимъ идеямъ подъ управленіемъ Мак-Магона и, наконецъ, еще недавно воскресить старое большинство «борьбы» для противопоставленія его новому конституціонному большинству. Къ несчастію для тріумвирата, необходимость дѣйствовать въ видахъ заинтересованія въ свою пользу послѣдней групы усложнялось еще невозможностью дать бонапартистамъ хотя какое нибудь удовлетвореніе за ихъ содѣйствіе. Между тѣмъ, въ средѣ праваго центра находился депутатъ Савари, авторъ знаменитаго доклада противъ комитета воззванія къ народу, и бонапартистамъ очень хорошо было извѣстно, что его ненависть противъ имперіи раздѣляется, по меньшей мѣрѣ, одною третью депутатовъ праваго центра. Тріумвиратъ рѣшилъ, что недостающихъ бонапартистовъ можно замѣнить нѣсколькими депутатами лѣваго центра, и не нашелъ для себя щекотливымъ даже вступить для этой цѣли съ ними въ переговоры. Но республиканскій союзъ не дремалъ; онъ пережилъ свое пораженіе, вынесенное имъ при вотированіи избирательнаго депутатскаго закона, и лѣвый центръ рѣшительно отказался отдѣляться отъ умѣренной лѣвой и, вообще, отъ республиканскаго союза, такъ какъ онъ не сочувствовалъ только однимъ непримиримымъ. Онъ согласился на соединеніе свое въ цѣломъ составѣ съ правымъ центромъ, но не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) рѣшительное отстраненіе изъ списка всякихъ внѣ-парламентскихъ кандидатуръ; 2) исключеніе всѣхъ тѣхъ депутатовъ, которые не вотировали за конституцію 25-го февраля, а только въ послѣдствіи и ради одной формальности къ ней присоединились, и 3) представительство въ кандидатскомъ спискѣ для трехъ лѣвыхъ фракцій. Разумѣется, правый центръ отвергнулъ это предложеніе, и тріумвирату пришлось обратиться къ групѣ Лаверня, и, благодаря не особенно похвальному, но за то ловкому манёвру Антонена Лефевра де-Понталиса (онъ навелъ въ собранія этой групы множество депутатовъ праваго центра и,

воспользовавшись отсутствіемъ Леонса и Лаверня, добился желательнаго для него большинства), онъ достигъ на этотъ разъ своей цѣли. Съ бонапартистами справиться было труднѣе. Они, слѣдя очень усердно за интригами, происходившими между двумя центрами, рѣшили принять на себя видъ людей рѣшительно равнодушныхъ ко всей этой агитаціи: сенатъ, говорили они, былъ учрежденъ для того, чтобы намъ противодѣйствовать, и наше достоинство не позволяетъ намъ, чтобы мы допустили выбирать изъ нашей среды членовъ въ него тому собранію, которое позволило себѣ провозгласить паденіе имперіи. Чтобы быть выбранными въ обѣ палаты, для насъ достаточно общихъ выборовъ, на основаніи права всеобщей подачи голосовъ. Такое рѣшеніе заявлено было на одномъ изъ бонапартистскихъ собраній и самимъ Руэромъ, который не преминулъ при этомъ, не безъ ехидства, высказаться по поводу депутатовъ праваго центра, что они потому такъ жаждутъ нафабриковать изъ своей среды несмѣняемыхъ, что вполнѣ увѣрены, что народнымъ голосованіемъ едва ли кто нибудь изъ нихъ и куда нибудь будетъ выбранъ. Тріумвиратъ, несмотря на всѣ эти торжественныя заявленія, догадывался, однако же, что бонапартисты совсѣмъ не такъ единодушны и искренни, какъ хотѣли бы это показать, что между ними не мало такихъ, которые тоже не очень-то надѣятся на свой выборъ, и такихъ, которые рады изъ одной ненависти къ республиканцамъ присоединиться къ консервативному союзу, если это можетъ совершиться негласно. Поэтому, послѣ того, какъ изъ списка тріумвирата было вымарано имя бывшаго министра Маня, отказавшагося отъ своей кандидатуры, въ немъ появились имена гг. Гамиля и Ванта, бонапартистовъ, въ степени, впрочемъ, весьма слабой.

Когда все было такимъ образомъ улажено тріумвиратомъ, то, за два дня до назначенія числа сенатскихъ выборовъ, делегаты всѣхъ групъ правой стороны собрались у генерала Шабо-Латура, подъ предсѣдательствомъ генерала Шангарнье, и рѣшили, при помощи предварительнаго пуантажа, что они вполнѣ могутъ разсчитывать на полученіе большинства для 62 своихъ кандидатуръ. Кандидатуры эти представлялись въ такомъ видѣ: правый центръ (орлеанисты) представлялся 17 кандидатами, група Леклерка (орлеано-бонапартисты)—5, група Лаверня (орлеано-республиканцы)—7, умѣренная правая (легитимисты трехцвѣтнаго знамени)—12, крайняя правая (легитимисты бѣлаго знамени)—13, группа Прадье (смѣшанные фузіонисты и сторонники бонапартизма)—2-мя. 13 кандидатуръ оставлялись въ запасъ, или для замѣщенія ихъ лицами въ родѣ де-Фаллу и парижскаго архіепископа, не состоящихъ въ числѣ депутатовъ, еслибы 62 кандидатовъ удалось провести въ сенатъ сразу, или для депутатовъ лѣваго центра, еслибы, въ противность общей увѣренности, возникли такого рода затрудненія, которыя заставили бы обратиться къ этому центру за подкрѣпленіемъ. По поводу этихъ

послѣднихъ именъ, на собраніи было рѣшено, къ кому именно изъ депутатовъ лѣваго центра можно обратиться съ предложеніями и послѣ собранія. Несмотря на то, что союзниками было потрачено двое сутокъ на такую стачку, которая, конечно, вызвала не одно комическое или трагическое столкновеніе изъ-за вопросовъ самолюбія—правые достигли того, что могли, 9-го декабря, появиться передъ избирательными урнами версальской трибуны съ полною увѣренностью въ своей будущей побѣдѣ и со спискомъ, вполнѣ законченнымъ и обсужденнымъ предварительно во всѣхъ мелочахъ.

Съ своей стороны, лѣвая, поручившая веденіе всѣхъ предварительныхъ дѣйствій по составленію своего списка особому комитету и дожидавшаяся его рѣшеній безо всякой нетерпѣливости, скромно явились съ своимъ спискомъ. Въ этомъ спискѣ находились имена 11 радикаловъ, изъ которыхъ только одинъ, а именно Пэйра, не вотировалъ за конституцію, 20 умѣренныхъ республиканцевъ, 33 членовъ лѣваго центра, 6 меньшинства изъ групы Лаверня, оставшагося вѣрнымъ конституціи, и 2 депутатовъ, голосующихъ постоянно вмѣстѣ съ правыми, но неудостоившихся чести быть внесенными въ ихъ списокъ—квестора База, жертву 2-го декабря, не забывающаго, чѣмъ онъ былъ обязанъ имперіи, и адмирала Фуришона, который проявился замѣчательно патріотическимъ образомъ дѣйствій во время правительства народной защиты. Сверхъ того, въ спискѣ находилось еще одно имя, имя единственнаго изъ депутатовъ праваго центра, который лѣвые позволили себѣ внести въ свой списокъ за то, что онъ не участвовалъ ни въ какихъ интригахъ своихъ сотоварищей—имя герцога Одиффре-Пакье, президента національнаго собранія.

Въ спискѣ правыхъ имя Одиффре Пакье тоже было помѣщено; не помѣстить его правые не осмѣлились, но, при голосованіи, въ первый день выборовъ, вотировали за него только члены праваго центра. Такъ какъ, при этомъ, всѣ лѣвые подали за него свои голоса единодушно, то это и обусловило, что самое значительное большинство выпало на его долю (551 голосъ), и герцогъ былъ первымъ выбранъ въ безсмѣнные. Кромѣ него, въ этотъ первый день выборовъ удалось получить какъ разъ абсолютное большинство, представлявшее въ этотъ день цифру 344 голосовъ, одному только депутату лѣваго центра, Мартелю, не помѣщенному въ списокъ правыхъ, несмотря на то, что онъ—предсѣдатель комиссіи помилованія. Бюффѐ не могъ въ этотъ день получить болѣе 336 голосовъ, а де-Брольи — 318; разные предатели, въ родѣ Тарже, Антонена Лефевра де-Понталиса, за всѣ свои услуги «союзу консерваторовъ» удостоились получить только 311 и 301 голосъ, почему и провалились точно такъ же, какъ отступникъ—крайній республиканецъ Брюне, который помѣщенъ былъ на листъ правыхъ за свое соглашеніе съ групою Прадье-Шангарнье дѣйствовать съ нею за одно.

Вечеромъ того же дня, у президента національнаго собранія былъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали только депутаты лѣваго центра. Во время обѣда, хозяинъ получилъ донесеніе о результатѣ перваго выборнаго дня. Адмиралъ Потюо предложилъ поэтому тостъ за здоровье «перваго выбраннаго сенатора, вполнѣ достойнаго этой чести за свою честность, безкорыстіе и безпристрастіе». Герцогъ отвѣчалъ на это: «Я не признаю, что заслуживаю эти похвалы, которыя должны относиться ко всему собранію; удостоивая меня своимъ избраніемъ, оно хотѣло только еще лишній разъ подтвердить свое рѣшеніе 25-го февраля, какъ результатъ умѣренности, порядка и свободы. Дѣло свое оно, очевидно, желаетъ поручить людямъ порядка и уважающимъ законы, видя въ немъ, конечно, актъ, вызванный самоотверженіемъ каждаго и патріотизмомъ всѣхъ». Такими словами привѣтствовалъ свой окончательный разрывъ съ правою стороною и республику единственный орлеанистъ, попавшій, какъ мы увидимъ далѣе, въ сенатъ и не потерявшій здраваго смысла въ водоворотѣ послѣднихъ парламентскихъ событій.

Избраніе Одиффре-Пакье отвлекло меня отъ разсказа о томъ, какимъ образомъ комитетъ, избранный лѣвыми, составилъ свой списокъ. Почему и возвращаюсь къ этому снова. Главнымъ своимъ основаніемъ онъ поставилъ сойтись съ чистыми легитимистами, вполнѣ понимая, что они не могутъ дѣйствовать за одно съ тѣми изъ легитимистовъ, которые, подъ предводительствомъ герцога де-Ларошфука-Биззачіа присоединились къ орлеанизму, замаскированному названіемъ «союза консерваторовъ». 16-го мая 1874 года, докладъ герцога де-Брольи о главномъ совѣтѣ, который представлялъ собою нечто иное, какъ сенатъ Валлона въ зачаточномъ состояніи, сдѣлалъ весьма понятнымъ для чистыхъ легитимистовъ, чего добивались орлеанисты отъ этого учрежденія, и обусловилъ то, что они вотировали тогда противъ постановки на очередь этого законопроекта и за низверженіе кабинета. Имена лицъ, попавшихъ въ списокъ правыхъ, еще яснѣе обнаружили цѣли орлеанизма—составить такой сенатъ, имена котораго побудили бы Мак-Магона къ ревизіи конституціи, разумѣется, для реставраціи Людовика Филиппа II, въ случаѣ смерти Генриха V или послѣ того, какъ его убѣдятъ отказаться отъ престола въ пользу этого принца, сдѣлавшагося законнымъ его наслѣдникомъ вслѣдствіе фрошдорфскаго свиданія. Понятно, что въ недопущеніи осуществленія подобнаго сената чистые легитимисты были настолько же заинтересованы, какъ и бонапартисты, почему когда, депутатъ де-Ла-Рошеттъ былъ приглашенъ комитетомъ для переговоровъ и соглашенія съ республиканцами къ Жюлю Симону, то онъ поспѣшилъ тотчасъ же воспользоваться этимъ приглашеніемъ и согласился отъ имени своихъ товарищей дѣйствовать вмѣстѣ съ лѣвыми, подъ условіемъ предоставленія чистымъ легитимистамъ 17 сенатскихъ кандидатуръ. Къ сожалѣнію, представитель легитимистовъ, называя

имена своихъ товарищей, которые, по его мнѣнію, должны были быть внесены въ сенаторскій списокъ, не обезпечился предварительнымъ личнымъ согласіемъ каждаго изъ нихъ, почему, когда на второй день выборовъ, списокъ, составленный лѣвыми, сталъ раздаваться въ собраніи, пятеро изъ легитимистовъ, въ него внесенныхъ, испугавшись гнѣва праваго центра и подавая свои голоса, заявили съ трибуны, что внесены въ списокъ помимо ихъ согласія. Легитимистъ Плёкъ даже отказался отъ званія депутата, правда, послѣ того дня, какъ оказалось, что въ сенаторы онъ не выбранъ. Эти протестаціи заставили нѣсколькихъ изъ чистыхъ легитимистовъ думать, что соглашеніе съ лѣвыми разрушилось, но недоразумѣніе это разъяснилось, когда сталъ подавать свой бюллетень де-Ла-Рошеттъ и, несмотря на гвалтъ, поднятый орлеанистами, взглянулъ на нихъ очень серьёзно и, вмѣсто всякихъ объясненій, произнесъ: «Напрасно, господа, вы шумомъ своимъ думаете заставить меня высказываться; я этого не сдѣлаю, такъ какъ знаю васъ слишкомъ хорошо!» Къ сожалѣнію, было уже очень поздно, такъ что замѣнить имена отказавшихся кандидатовъ новыми лѣвые въ этотъ день не успѣли, и выборы этого дня ограничились только 19 именами. Прошло 17 республиканцевъ; да генералы Шангарнье (изъ перваго листа правыхъ) и Орель де-Палладинъ, внесенный на листъ правыхъ, въ числѣ 13 другихъ лицъ въ это самое засѣданіе. Въ этотъ день, побѣда республиканцевъ была полная, но она могла испугать роялистовъ и заставить ихъ думать, что лѣвые, пожалуй, не станутъ, подобно имъ, вотировать за всѣхъ безъ исключенія ихъ кандидатовъ, внесенныхъ въ списокъ. Поэтому, для ихъ успокоенія, на слѣдующій день Тьеръ и Гамбетта обязались употребить все свое вліяніе на лѣвый центръ и крайнюю лѣвую, и выборы третьяго дня дѣйствительно совершались при соблюденіи полной дисциплины: прежде всего, были выбраны де-Ла-Рошеттъ и всѣ его товарищи, которые только были въ спискѣ; вслѣдъ затѣмъ депутатъ Базъ, одинъ республиканецъ Эмберъ, и по какому-то необъяснимому недоразумѣнію, ультра-клерикалъ Кольб-Бернаръ съ листа правыхъ. Всего-на-все, было выбрано 11 сенаторовъ, такъ какъ, вѣроятно, не всѣ еще легитимисты успѣли узнать отъ своихъ товарищей о рѣшеніяхъ Тьера и Гамбетты, такъ какъ иначе въ это засѣданіе должно бы было пройти, по крайней мѣрѣ, вдвое бо̀льшее число кандидатовъ. Чтобы отблагодарить республиканцевъ какъ за свое избраніе, такъ и за безукоризненное исполненіе принятыхъ ими на себя относительно легитимистовъ обязательствъ, де-Ла-Рошеттъ на самомъ видномъ мѣстѣ воскреснаго (12) нумера «Union» помѣстилъ весьма характерное объясненіе съ орлеанистами, изъ котораго считаю небезполезнымъ привести слѣдующія мѣста: «Коноводы праваго центра создали республику противъ короля и роялистовъ... когда республика осуществилась, они хотятъ встать во главѣ ея управленія, чтобы дѣйствовать тоже противъ короля, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и противъ

республиканцевъ, разсчитывая на помощь роялистовъ. Я, съ своей стороны, ни за что не соглашусь содѣйствовать подобной безнравственности въ политикѣ... Я предпочитаю враговъ *открытыхъ* врагамъ *тайнымъ*. Я предпочитаю тѣхъ людей, которые съ нами ведутъ открытую борьбу, такимъ, которые намъ измѣняютъ, которые насъ обманули 20-го ноября, довершили свое отпаденіе отъ насъ дѣломъ 25-го февраля, а теперь добиваются, чтобы король отрекся отъ престола... Интересно было бы знать, достигнутъ ли коноводы того положенія, встать въ которое для нихъ необходимо для осуществленія ихъ надеждъ? Воспрепятствовать этому послужило основаніемъ для моей и моихъ товарищей дѣятельности. Достигнемъ ли мы своей цѣли? Я полагаю, достигнемъ, такъ въ насъ достанетъ на это отважности и рѣшимости».

Хотя всѣ министры приняли кандидатуры правыхъ, за исключеніемъ Дюфора и Сэ, которые не позволили, однако, и лѣвымъ занести себя въ ихъ списокъ, но никто изъ нихъ не получилъ абсолютнаго большинства. Бюффѐ, получившій довольно значительное число голосовъ въ первый день выборовъ, на второй получилъ ихъ только 126 при 689 вотирующихъ! Опасаясь новой неудачи, онъ не рѣшился уже болѣе рисковать и отказался отъ кандидатуры, несмотря на то, что бонапартисты громко заявляли, что, при новой баллотировкѣ, они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, будутъ стоять за него. Валлонъ, видя съ своей стороны, что отъ содѣйствія правыхъ ему нельзя надѣяться на успѣхъ, тоже просилъ вычеркнуть свое имя изъ ихъ списка, но, въ тоже время, напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ высказывалъ, что, хотя онъ отъ своей кандидатуры и отказался, но «счелъ бы для себя величайшею честью, еслибы онъ былъ выбранъ въ сенатъ *тѣми*, кто способствовалъ возможности осуществленія этого учрежденія, возникшаго по его мысли, и кто искренно призналъ конституцію», т. е., просто-на-просто, умолялъ лѣвыхъ, чтобы они внесли его имя въ свой списокъ.

Лѣвые сначала, впрочемъ, не разслушали этого сердечнаго клика «отца республики», ведшаго себя относительно ея довольно странно, т. е. дѣйствовавшаго за одно съ тѣми, кто стремился къ ея изуродованію и даже уничтоженію. Имъ было еще не до того, чтобы проливать цѣлительный бальзамъ на раны огорченнаго министра. Имъ нужно было торопиться, чтобы провести какъ можно скорѣе и какъ можно бо̀льшее число своихъ кандидатовъ. Баллотированіе же тянулось медленно. Такъ, 12-го декабря, на четвертый день выборовъ, прошло только 9 сенаторовъ изъ лѣваго центра, и никто изъ настоящихъ республиканцевъ не получилъ абсолютнаго большинства. Тоже произошло и на пятый день, когда прошелъ только одинъ изъ нихъ, Фурканъ, бывшій нѣкогда мэромъ въ Бордо, да и то при помощи бонапартистовъ, голосовавшихъ за него для того, чтобы сбыть опаснаго соперника на предстоящихъ депутатскихъ выборахъ въ де-

партаментѣ Жиронды. Отчего это происходило? Очевидно, умѣренные республиканцы вычеркивали изъ списковъ крайнихъ. Тогда Гамбетта, чтобы поправить дѣло, предложилъ наблюдательному комитету союза лѣвыхъ, для обезпеченія прохожденія списка въ цѣломъ его составѣ, раздавать эти списки республиканцамъ *въ конвертахъ*, для чего и были назначены два делегата.

Правый центръ, никогда, ни 24-го мая, ни 20-го ноября 1873 года, ни 11-го ноября 1875 г., не брезгавшій ничѣмъ для привлеченія къ себѣ голосовъ и гарантій ихъ вѣрности, замѣтя этотъ простой дисциплинарный манёвръ комитета, въ теченіи всего 6-го дня выборовъ, шумѣлъ и выражалъ свое неудовольствіе, а, когда процедура подачи бюллетеней была закончена, потребовалъ признанія недѣйствительности выбора, такъ какъ, по его мнѣнію, раздачею списковъ въ конвертахъ нарушилась личная свобода избирателей. Къ несчастію своему, члены праваго центра, видя раздачу конвертовъ, не обратили вниманія на то, что они не были запечатаны и что каждый депутатъ, слѣдовательно, не былъ ограниченъ въ свободѣ своего выбора и могъ вынимать списокъ изъ конверта и дѣлать въ немъ всякія измѣненія, какія почелъ бы для себя нужнымъ. Объясненіе этого обстоятельства было достаточно для того, чтобы Гамбетта могъ окончательно разбить «смѣшной протестъ» депутата Париса, поддержанный еще болѣе страннымъ требованіемъ другого депутата Рэнвилля, пожелавшаго, чтобы на основаніи замѣченной раздачи конвертовъ и всѣ предъидущіе выборы сенаторовъ были признаны недѣйствительными. Гамбетта былъ въ веселомъ настроеніи и въ своей рѣчи очень игриво иронизировалъ по поводу оскорбленнаго самолюбія обойденныхъ и неудачныхъ кандидатовъ; но Бюффѐ затѣялъ его остановить возраженіемъ, что онъ невѣрно излагаетъ мотивы дѣйствій протестантовъ, и за это получилъ отъ Гамбетты прозвище «министра нескончаемыхъ перерывовъ», что̀ произвело неудержимый смѣхъ между лѣвыми и вызвало бурю негодованія въ средѣ правыхъ. Вызванный шумомъ къ необходимости вмѣшаться, Одиффре-Пакье, вмѣсто ожидавшагося правыми «призванія къ порядку» Гамбетты, обратился къ Бюффѐ съ напоминаніемъ о регламентѣ и приличіи, замѣтивъ, что своими перерывами онъ самъ какъ бы вызываетъ на рѣзкости—чѣмъ открыто заявилъ о своемъ союзѣ съ конституціонными республиканцами. Правый центръ, въ отчаяніи, потребовалъ тогда, чтобы дальнѣйшіе выборы производились открытымъ голосованіемъ, но, когда вопросъ этотъ былъ подвергнутъ вотированію, то, къ отчаянію его, результатъ его оказался несогласнымъ съ его желаніями, и прежній способъ выборовъ признанъ большинствомъ 334 голосовъ противъ 321.

Такимъ образомъ, пріостановленные выборы стали продолжаться по старому, т. е. при тайной подачѣ голосовъ, и изъ 18 вновь прошедшихъ сенаторовъ оказалось 15 республиканцевъ.

Изъ легитимистовъ пришелъ только де-Лоржериль—этотъ плохой поэтъ и пламенный почитатель Генриха V, изъ людей неопредѣленныхъ мнѣній, и извѣстный только своею ненавистью къ орлеанизму, весьма равнодушный бонапартистъ Герве де-Сэзй и графъ Дуэ, согласившійся участвовать въ союзѣ лѣвыхъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы и онъ былъ внесенъ въ ихъ списокъ. «Я лично согласенъ голосовать только за такой списокъ, въ которомъ буду самъ помѣщенъ»—таковы были собственныя слова этого великаго историческаго дѣятеля и, благодаря этой безсмертной фразѣ, онъ получилъ во Франціи быструю извѣстность... Въ числѣ республиканцевъ въ этотъ разъ были выбраны, между прочими: Кремьё, сынъ знаменитаго Карно, Корбонъ, бывшій нѣкогда рѣзчикомъ изъ дерева и одинъ изъ основателей перваго рабочаго журнала во Франціи «Мастерская», Шереръ-Кёстнеръ, двоюродный братъ покойнаго Шарраса, избранный, несмотря на свою молодость (ему только-что минуло 40 лѣтъ), и, наконецъ, полнѣйшій представитель свѣтской науки и свободной мысли—академикъ Литтрэ.

На слѣдующій, седьмой день выборовъ прошло еще 10 республиканцевъ, въ томъ числѣ Жюль-Симонъ — за два часа до того избранный въ «безсмертные» академіи, и Викторъ Шёльхеръ, бывшій членомъ временнаго правительства 1848 года и прославившійся своею дѣятельностью по вопросу объ уничтоженіи невольничества.

Такимъ образомъ, оставалось уже всего-на-все только пять ваканцій въ сенатъ, а ни одинъ министръ не былъ еще выбранъ. Въ собраніи разнесся слухъ, что Мак-Магонъ до-нельзя этимъ раздраженъ и заявлялъ окружающимъ свое недовольство, которое, конечно, еще должно было усилиться, когда онъ узналъ, что всѣ попытки де-Брольи упросить лѣвый центръ помѣстить его кандидатомъ въ списокъ лѣвыхъ не привели ни къ чему. Опасаясь, чтобъ Бюффѐ не объяснилъ маршалу успѣха сенаторскихъ выборовъ тѣмъ, что, будто бы, все это дѣло ведется Тьеромъ и направлено исключительно на Мак-Магона, и боясь, чтобъ вмѣшательство маршала не усложнило окончанія выборовъ, лѣвый центръ рѣшился отступить отъ программы, сообразно съ которой до того дѣйствовалъ. Чтобы отнять отъ президента всякій предлогъ найти новый сенатъ слишкомъ «краснымъ», онъ рѣшился вычеркнуть 2 радикаловъ, которые получили наибольшое число голосовъ послѣ кандидатовъ, прошедшихъ абсолютнымъ большинствомъ, но всѣ его усилія дѣйствовать въ согласіи съ правыми могли достигнуть въ этотъ выборный день только того, что прошелъ одинъ новый сенаторъ, военный министръ де-Сиссэ, такъ сказать, при одинаковыхъ условіяхъ съ Одиффре-Пакье, хотя съ гораздо меньшимъ числомъ голосовъ большинства. На слѣдующій день прошелъ и Валлонъ; вмѣстѣ съ нимъ избранъ и Дюпанлу—при 315 голосахъ изъ 629 вотировавшихъ—который цѣлую недѣлю никакъ не могъ до-

биться абсолютнаго большинства, а наканунѣ имѣлъ только 166. Чудо его избранія объясняется развѣ тѣмъ, что въ этотъ разъ за епископа вотировали мужья различныхъ благочестивыхъ женъ и лица, желавшія успокоить не только маршала, но и супругу его—духовную дочь Дюпанлу. Иначе онъ пройти не могъ, такъ какъ крайніе правые, какъ и органъ ихъ, «Univers», его ненавидятъ за то, что онъ нѣкогда былъ такъ-называемымъ католическимъ либераломъ. Многіе думали, что Дюпанлу откажется отъ сенаторства, такъ какъ и въ сенатѣ, подобно тому, какъ и въ академіи, ему снова приходится быть сотоварищемъ «атеиста» Литтрэ, но при этомъ своемъ избраніи епископъ оказался не такъ щепетильнымъ, какъ при выборѣ своемъ въ академію, и удовольствовался только тѣмъ, что заявилъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей, появившемся въ газетахъ, что онъ смотритъ на свое новое назначеніе, какъ на подвигъ мученичества, «ибо вверженъ я—говоритъ онъ—подобно пророку Даніилу, въ пещь вавилонскую!» Въ десятый день выборовъ не прошелъ рѣшительно никто, и только 22-го декабря, въ одиннадцатый сеансъ, когда и правые, и лѣвые въ конецъ истомились войною, общее число пожизненныхъ сенаторовъ было достигнуто. 74-мъ прошелъ морской министръ Монтаньякъ—другъ маршала, и 75-мъ одинъ изъ двухъ Мальвилей—преданныхъ друзей Тьера съ давняго времени. Пользуясь общей сумятицей и усталостью, Тьеръ самолично внесъ его въ списокъ — его и выбрали въ угоду «маленькому буржуа». Такимъ образомъ, любезностью обоимъ президентамъ и общимъ примиреніемъ и закончилась вся эта ожесточенная и достопамятная парламентская война. Къ сожалѣнію, этого смысла ея заключенія, который желали придать ему лѣвые, не пойметъ Мак-Магонъ — такъ какъ онъ тугъ на политическія соображенія — а побѣжденные, страдающіе отъ ранъ, нанесенныхъ ихъ чванству, гордости, самолюбію и эгоизму, не съумѣютъ примириться съ неизбѣжностью происшедшаго и совладать съ накипѣвшей въ нихъ злобой. Не всѣ похожи на Одиффре-Пакье, который, подчиняясь велѣнію рока, началъ все болѣе и болѣе сближаться съ лѣвыми и стараться пріобрѣтать какъ можно болѣе сторонниковъ такого сближенія между своими товарищами, или на герцога Омальскаго, отвернувшагося отъ де-Брольи, погибшаго съ правымъ центромъ, тотчасъ же начавшаго улыбаться существующему министерству Бюффѐ, въ довольно нелѣпой надеждѣ, что подъ его руководствомъ общіе выборы въ странѣ могутъ достигнуть тѣхъ результатовъ, достиженіе которыхъ разбитому орлеанизму не удалось при парламентскомъ назначеніи 75 несмѣняемыхъ.

Вотъ общій результатъ парламентскаго выбора первой четверти наличнаго числа будущихъ сенаторовъ.

Трое изъ избранныхъ были одновременно записаны въ оба списка.

Пятеро избраны изъ одного списка правыхъ.

67 прошли по списку лѣвыхъ, при пособіи крайнихъ легитимистовъ и при содѣйствіи, безъ всякаго компромисса лѣвыхъ, ненависти бонапартистовъ противъ орлеанизма.

Все, что выиграли при этомъ бонапартисты, состоитъ въ томъ, что изъ списка лѣвыхъ былъ вычеркнутъ депутатъ Лимперани, единственный изъ корсиканскихъ представителей, ненавидящій имперію, и, вмѣсто него, избранъ сенаторомъ Герве де-Сэзй, вотирующій тогда съ бонапартистами, но прямо не принадлежащій къ групѣ воззванія къ народу. Уступка лѣвыхъ легитимистамъ представляется въ видѣ 9 сенаторскихъ креселъ, занятыхъ людьми, которые относительно большаго вреда республикѣ принести не могутъ; нѣкоторые же изъ нихъ—люди положительно безсильные. Республиканцы вошли въ сенатъ въ такомъ видѣ: 7 новыхъ сенаторовъ — члены «республиканскаго союза» (радикальные конституціонисты), 14—члены республиканской лѣвой, 26—члены лѣваго центра, 5 — изъ групы Лаверня, 5—неопредѣленныхъ фракцій. Итого—57. Если сюда же причислить Одиффре-Пакье, База и Валлона, то получится круглая цифра — 60.

Такимъ образомъ, въ сенатъ, учрежденный преимущественно съ цѣлью потребовать пересмотра конституціи для обращенія ея въ монархическую, никто изъ желавшихъ этого (весь правый центръ) не попалъ, а республиканцы заручились уже 60 голосами въ свою пользу. Де-Брольи погибъ въ пучинѣ своихъ соображеній. Чтобы «консервативный союзъ» имѣлъ въ этомъ сенатѣ большинство хотя одного голоса (151), необходимо, чтобы, при дальнѣйшихъ выборахъ, въ него изъ 225 остающихся вакансій замѣщены были ревизіонистами 136, т. е., чтобы во всей Франціи, Алжиріи и колоніяхъ было выбрано только 89 республиканцевъ (при 91-омъ—большинство переходитъ къ нимъ). Между тѣмъ, «консервативный союзъ» разрушился при парламентско-сенаторскихъ выборахъ, и едва ли уже ему удастся снова организоваться къ наступленію дополнительныхъ сенаторскихъ выборовъ, да и, кромѣ того, личный составъ муниципальныхъ, окружныхъ и генеральныхъ совѣтовъ гарантируетъ собою избраніе, при самыхъ дурныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ выбора, по крайней мѣрѣ, на половину республиканцевъ. Кромѣ того, самый успѣхъ послѣднихъ въ Версали, гдѣ всѣ ждали имъ пораженія, значительно усиливаетъ имъ шансы при избраніи. Самое давленіе при выборахъ администраціи, непопулярной въ странѣ, и послѣ того, какъ всѣ ея главнѣйшіе представители оказались невыбранными собраніемъ, можетъ послужить только къ тому, что ожесточитъ избирательную борьбу, и развѣ еще усилитъ значеніе паденія коалиціи 24-го мая, скомпрометировавъ неизбѣжно и ея избранника — маршала-президента.

Если что-либо подобное произойдетъ, то, конечно, уже не по винѣ республиканцевъ, которые, послѣ первой своей положительной побѣды, обратились тотчасъ же къ маршалу съ полнымъ довѣріемъ, что онъ «и при новомъ политическомъ положеніи бу-

детъ съ тѣмъ же достоинствомъ первымъ его представителемъ» (подлинныя выраженія «République Française», отъ 24-го декабря). Гамбетта и почти всѣ представители демократіи рекомендуютъ странѣ во время наступающей избирательной борьбы не отступать «отъ политики соглашенія, дружелюбія, умѣренности и благоразумія». Такая программа дѣйствій уже осуществляется въ различныхъ заявленіяхъ кандидатовъ. Такъ, мы имѣемъ передъ глазами образцовое *сенаторское воззваніе*, подписанное гг. Сен-Вальѐ, дипломатомъ, создавшимъ свое общественное положеніе при имперіи, Ваддингтономъ, членомъ института, бывшимъ министромъ Тьера и депутатомъ праваго центра, и Анри Мартеномъ, извѣстнымъ республиканцемъ-историкомъ. Эти три лица являются вмѣстѣ въ качествѣ кандидатовъ въ сенатъ Энскаго Департамента. Не скрывая о различіи своихъ политическихъ мнѣній, они заявляютъ, что, тѣмъ не менѣе, пришли «къ общему соглашенію о безусловной необходимости поддержанія существующихъ учрежденій для внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности страны». Они обязуются «поддерживать законную власть маршала-президента» и твердо поддерживать конституцію «противъ нападеній партій, успѣхъ которыхъ можетъ навлечь на страну новую войну, а, можетъ быть, и новое нашествіе». Они отказываются отъ всякой такой ревизіи конституціи, цѣлью которой было бы ея уничтоженіе, а не «улучшеніе и упроченіе». Точно также, въ департаментѣ Сены-и-Уазы, съ общимъ манифестомъ появились кандидаты: Жильберъ-Бушѐ президентъ генеральнаго совѣта, Ферэ, значительный фабрикантъ изъ Эссоня, и министръ финансовъ Леонъ Сэ, который для выраженія своего мнѣнія не счелъ нужнымъ дожидаться заявленія правительственной программы Бюффѐ. Въ манифестѣ этомъ заключаются слѣдующія обязательства:

1) Безусловное признаніе конституціи и строгое сохраненіе власти, обусловленное ею за маршаломъ Мак-Магономъ, президентомъ республики.

2) Отношеніе къ праву пересмотра конституціи—такого рода, какъ къ возможности улучшенія республиканскаго управленія, а не какъ къ средству съ нимъ бороться и его ниспровергнуть.

и 3) Употребленіе всѣхъ зависящихъ силъ для предотвращенія возможности для страны какой бы то ни было революціи.

Герцогъ Омальскій собирался тоже издать подобный же манифестъ, для чего и отыскивалъ (хоть и не нашелъ) одного или двухъ республиканцевъ, подъ прикрытіемъ которыхъ могъ бы онъ выставить свою кандидатуру. Не найдя таковыхъ, онъ понялъ, что ему остается только отказаться отъ кандидатуры, и поступилъ весьма благоразумно, такъ какъ становится очевидно, что, только при такомъ образѣ дѣйствій, прежнимъ роялистамъ можно надѣяться на успѣхъ дѣла среди сельскихъ избирателей, относящихся очень серьёзно къ установившемуся порядку вещей. Уловка *пересмотра* конституціи, объясненная народу въ те-

дяхъ сенаторскихъ избирателей, не послужитъ правительству ни къ чему. Вмѣсто исчезнувшаго «союза консерваторовъ», является попытка образовать «союзъ либеральный», и сами кандидаты-консерваторы начинаютъ понимать, что имъ приходится являться пособниками республики. Администрація Бюффѐ безсильна задавить это движеніе, если только Бюффѐ открыто не заявитъ себя сторонникомъ бонапартистскаго знамени, что̀ сдѣлать онъ, конечно, не посмѣетъ. Кромѣ республики и бонапартизма, никакая партія не можетъ имѣть никакого успѣха, и, если лица другихъ мнѣній кое-гдѣ, можетъ быть, и пройдутъ, то развѣ въ самомъ незначительномъ числѣ. Монархія внѣ бонапартизма окончательно раздавлена при парламентскихъ выборахъ 75, и вся масса избирателей, *консерваторовъ существующаго*, понимаетъ, что республика получила перевѣсъ надъ всѣми другими формами правительства, такъ какъ даже въ сенатѣ, который долженъ былъ служить крѣпостью реакціонныхъ ревизіонистовъ — республиканцы заняли мѣста, предназначавшіяся для роялистовъ. Спаслись только бонапартисты, отстранясь отъ недавней парламентской борьбы, поставившей монархистовъ въ безъисходно траги-комическое положеніе. Въ наиболѣе невѣжественныхъ департаментахъ бонапартисты могутъ еще имѣть обильную жатву, но всему избирательному движенію приданъ уже характеръ поддержки и развитія республиканскихъ учрежденій, а, при этомъ, должно надѣяться, что даже избиратели *безъ мнѣній* станутъ вотировать за республиканцевъ изъ одной боязни всякой перемѣны, могущей помѣшать имъ спокойно работать и развлекаться. И, такимъ образомъ, Франція изъ погибавшей, какою она представлялась въ концѣ прошлаго мѣсяца, является имѣющею всѣ шансы на свое близкое спасеніе.

III.

Предложеніе Накэ объ амнистіи.—Уменьшеніе числа депутатовъ Парижа и Ліона.—Законъ о печати и осадное положеніе.—Заявленіе Бюффѐ.—Отстраненіе маршала Канробера.—Конституціонная республика Дюфора.—Протестъ герцога де-Брольи. — Жюль-Фавръ и имперія. — Предложеніе Жанзе. — Принятіе закона о печати при помощи республиканцевъ. - Послѣднія заявленія Бюффѐ.—Манифестъ лѣваго центра.—Отходная Версальскому собранію, прочитанная герцогомъ Одиффре-Пакье.—Распущеніе.

Назначеніе 75 сенаторовъ собраніемъ не было еще приведено къ вожделѣнному окончанію, какъ вдругъ, совершенно неожиданно и некстати, появилось внезапное предложеніе о всеобщей амнистіи, подписанное Альфредомъ Накэ, Буше, Эскиросомъ, Мадье де Монжо̀ и Ординэромъ. Говорятъ, что оно было одобрено также и Луи Бланомъ, но подпасать его послѣдній отказался, спохватившись во̀-время и понявши, что имѣть успѣха оно не

можетъ. Предложеніе было формулировано такъ: «Полная и безусловная амнистія за всѣ политическія преступленія и проступки, совершенныя послѣ 4 сентября 1871 года. Пересмотръ, въ теченіи шести мѣсяцевъ, всѣхъ приговоровъ за обыкновенныя уголовныя преступленія, вмѣненныя политическимъ преступникамъ». Когда Накэ началъ поддерживать свое предложеніе, выставляя на видъ тѣ ужасы, какимъ подвергаются политическіе ссыльные въ Новой Каледоніи, то правые весьма ловко стали раздражать его безпрестанными перерывами и добились того, что у него вырвалась слѣдующая неосторожная фраза: «Убійство заложниковъ? Вы говорите объ убійствѣ заложниковъ, но вы забываете, что они были разстрѣляны не въ первый день вступленія въ Парижъ версальскихъ войскъ, а уже послѣ того, когда сторонниковъ возстанія разстрѣливали безо всякаго суда массами. Я осуждаю убійцъ, къ какой бы сторонѣ они ни принадлежали; но между тѣми, кто выведенный изъ себя четырехдневной бойней, рѣшается съ отчаянія на отомщеніе, и тѣми, кто безъ суда перестрѣлялъ болѣе 10 тысячъ гражданъ, выборъ мой не можетъ колебаться». Говорить такимъ образомъ тѣмъ самымъ людямъ, которые своимъ удаленіемъ въ Бордо объусловили возможность возникновенія коммуны, тому самому версальскому собранію, которое раздавило возстаніе и узаконило всѣ излишества и жестокости репрессаліи—было не только безразсудно смѣло, но и до нелѣпости безтактно. Требовать пятью голосами амнистіи, которая нѣсколько разъ совершенно безполезно предлагалась 80 депутатами, и въ такое время, когда, черезъ какіе нибудь три мѣсяца, образуются двѣ новыя палаты, которыя, быть можетъ, не остались бы глухи къ требованіямъ гуманности и милосердія—значило только подрывать возможность успѣха въ будущемъ для дѣла побѣжденныхъ, на осужденіе котораго еще разъ призывались побѣдители. Сверхъ того, подымать подобный жгучій вопросъ именно въ ту минуту, когда довольно только напоминанія о печальныхъ событіяхъ недавняго прошлаго, чтобы сплотить воедино всѣхъ представителей реакціонныхъ партій—значило придать признакъ реальности, хотя и ретроспективной, кликамъ объ «общественной опасности», единственному оружію, къ которому еще можетъ не безъ надежды на успѣхъ прибѣгнуть послѣдній изъ людей разсѣянной коалиціи 24-го мая, обладающій властію—первый министръ Бюффѐ.

Поэтому-то безразсудная попытка непримиримыхъ и вызвала общее негодованіе лѣвыхъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ въ средѣ правыхъ. Радикальный депутатъ Жоржъ Перенъ, немедленно вслѣдъ за Накэ появился на трибунѣ и заявилъ, что, несмотря на все свое уваженіе къ тѣмъ людямъ, которые не щадятъ своей жизни для защиты своихъ идей, онъ считаетъ своей обязанностью — отъ имени республиканцевъ протестовать противъ предложенія «ненужнаго и даже опаснаго и, притомъ, произведеннаго при такихъ обстоятельствахъ, которыя заставляютъ

сомнѣваться, не было-ли оно вызвано гораздо болѣе разсчетомъ личнаго интереса, чѣмъ дѣйствительнымъ сочувствіемъ къ тяжелой участи осужденныхъ и желаніемъ ея облегченія». Пасторъ Прессансе, вносившій уже въ декабрѣ 1871 года, предложеніе о частной амнистіи, съ своей стороны, не обинуясь, прямо и просто обозвалъ предложеніе Накэ «избирательнымъ манёвромъ». Депутатъ Лепэръ, «президентъ республиканскаго союза», которымъ, въ 1873 году, была внесена повторная петиція о милосердіи на основаніяхъ болѣе широкихъ, нежели предшествовавшія предложенія— тоже высказались неодобрительно о необдуманномъ поступкѣ Накэ. Наконецъ, кандидатъ Ланглуа, опасаясь, чтобы предложеніе Накэ не вызвало со стороны правыхъ какой-нибудь парламентской мѣры, вредной для республиканцевъ, потребовалъ признанія несвоевременности вопроса для означеннаго предложенія и добился того, что такое признаніе было вотировано и принято собраніемъ почти единогласно (за исключеніемъ 15 голосовъ). Насколько, торопливость Ланглуа была благоразумна можно было убѣдиться на слѣдующемъ засѣданіи, 21 декабря, когда запоздалый протестъ предсѣдателя собранія, Одиффре-Пакье, былъ почти неслышенъ среди криковъ раздраженія правыхъ, когда опроверженія морскаго министра противъ фактовъ, приведенныхъ Накэ о жестокостяхъ обращенія съ ссыльными администраціи Новой Каледоніи сопровождались громкими рукоплесканіями и когда на защиту Накэ противъ всѣхъ его оппонентовъ отважился только одинъ ораторъ—добродушный старикъ Мадье-де-Монжò.

Одновременно съ бурей, вызванной неудачнымъ предложеніемъ Накэ, въ собраніи происходило вотированіе избирательныхъ участковъ, на которые должны раздѣлиться округа, населеніе которыхъ даетъ право на избраніе нѣсколькихъ депутатовъ. Такое вотированіе заканчивало въ цѣломъ избирательный депутатскій законъ. За Парижемъ признано было, въ результатѣ этой воты, право избранія только 20 депутатовъ, вмѣсто 25, какъ предлагала это комиссія, за Ліономъ — 3-хъ (вмѣсто 6, какъ это бывало прежде, и 4-хъ, какъ предлагала комиссія). Вообще, во всѣхъ департаментахъ приняты только такія комбинаціи, которыя представляли собою какія-нибудь неудобства для республиканцевъ.

Но это были еще только ягодки со стороны осколковъ разбитой коалиціи 24 мая. Плодомъ ихъ усилій соединиться хотя кое-какъ въ одно противуреспубликанское цѣлое, хотя бы сметанное на живую нитку, должно было явиться ихъ голосованіе по поводу осаднаго положенія и закона о печати, пренія о которыхъ начались въ засѣданіи 24 декабря. Въ сущности, оно обнаружилось при обсужденіи вопроса объ одной только процедурѣ вотированія этихъ законовъ. Правительство хотѣло, чтобы оба эти закона вотировались вмѣстѣ; комиссія считала необходимымъ раздѣльное ихъ голосованіе. Правительственное жела

ніе принято при большинствѣ 73 голосовъ! Но, само по себѣ, это голосованіе не представляло бы особеннаго значенія, еслибы по его поводу не произошло заявленій двухъ важнѣйшихъ представителей министерства—Бюффѐ и Дюфора. Бюффѐ, разумѣется, не могъ пропустить благопріятнаго для себя случая и воспользовался «признаніемъ несвоевременности предложенія Накэ» для приданія ему несоотвѣтственной важности. Онъ снова попытался сдѣлать воззваніе къ «консервативному союзу» и заявить, что за его сторонниками будетъ обезпечено все правительственное вліяніе на предстоящихъ выборахъ. При этомъ, онъ позволилъ себѣ самыя безцеремонныя выходки противъ «фиктивнаго» большинства, избравшаго 75 сенаторовъ (въ число которыхъ онъ, однакоже, не попалъ), и даже противъ конституціи, о которой онъ выразился, что ее нельзя еще называть «послѣднимъ словомъ политической мудрости, не зная, какой она окажется на опытѣ» и каковъ будетъ ея окончательный результатъ. Какъ бы совершенно игнорируя происшедшіе сенаторскіе выборы, первый министръ снова обратился съ воззваніемъ къ борьбѣ съ «общественною опасностію» всѣхъ «честныхъ людей» не республиканскихъ мнѣній, вмѣсто приглашенія ихъ къ содѣйствію мирнаго осуществленія законно организованной республики. Въ заключеніе своей рѣчи, онъ даже пригрозилъ будущимъ палатамъ саблею маршала, если страна не позаботится, чтобы составъ ихъ былъ ему угоденъ. «Кто можетъ допустить даже мысль, сказалъ онъ: —что маршалъ Франціи, побѣдитель при Маджентѣ и Малаховомъ Курганѣ, согласится когда-нибудь стать игрушкою въ рукахъ радикальныхъ партій, какою былъ нѣкогда *радикалъ* Тьеръ». Подобныя заявленія въ прежнія времена дѣйствительнаго парламентскаго управленія были бы признаны, какъ возбужденіе къ государственному перевороту, повлекли бы за собою паденіе кабинета и отдачу его подъ судъ. Теперь—не то; первый министръ удостоился получить (совершенно какъ будто при Наполеонѣ III) отъ маршала собственноручное одобрительное письмо за свой похвальный образъ дѣйствій. Въ письмѣ этомъ, по оффиціальному сообщенію агентства Гаваса, заключаются поздравленія главы государства первому министру за то мастерство, съ какимъ онъ «такъ ясно опредѣлилъ настоящихъ консерваторовъ, къ которымъ обращается правительство», и выражается надежда, что большинство избирателей пойметъ истинныя желанія правительства и примкнетъ къ нимъ. Такимъ образомъ, найдено и опредѣлено то названіе, подъ какимъ будутъ появляться оффиціальные кандидаты-ревизіонисты, которыхъ нельзя было уже называть «конституціонистами», такъ какъ это названіе отнято у нихъ республиканцами. Это будутъ, просто на просто, «кандидаты маршала», и, если ихъ не будетъ выбрано большинство, то этимъ нанесется пораженіе самому Мак-Магону.

Личность маршала до того затянули въ избирательное движеніе, что другой маршалъ, Канроберъ, котораго бонапартисты, въ

видахъ своей партіи, хотѣли за разъ выбирать въ нѣсколькихъ департаментахъ, счелъ необходимимъ заявить, что онъ отказывается отъ всякихъ кандидатуръ, «чтобы ихъ не выставили, какъ манифестацію противъ главы государства — этого знаменитаго человѣка и его стараго и дорогого сотоварища по оружію». Между тѣмъ, министръ финансовъ, подписавшій, какъ я уже говорилъ, до заявленія Бюффѐ, сенаторскій манифестъ отъ лица трехъ кандидатовъ и, выразивъ такимъ образомъ разумную и и приличную правительственную выборную программу, въ отставку не подалъ. Правда, что, при продолженіи преній по поводу закона о печати, Бюффѐ вынужденъ былъ, благодаря вмѣшательству Дюфора, на оставленіе въ первой статьѣ закона словъ: *уваженіе къ республикѣ*, которыя онъ пытался исключить, и, слѣдовательно, самъ какъ бы отступилъ отъ своей программы. Рѣчь, произнесенная по этому поводу Дюфоромъ, замѣчательна своею ясностью, и весьма не мудрено, что Гамбетта, во время ея произнесенія, не могъ удержаться, чтобы не произнести громко: «совершенно правильно!» Совершенно наоборотъ тому, что̀ говорилъ Бюффѐ, Дюфоръ отдалъ полнѣйшую справедливость «той легальности, съ какою производились парламентскіе выборы сенаторовъ и которая можетъ быть сравнена только съ легальностью самого маршала», и обѣщалъ весьма опредѣленно правительственную поддержку «конституціонной республикѣ».

Сумятица въ средѣ «союза консерваторовъ» достигла до крайнихъ предѣловъ, когда Рауль Дюваль сталъ представлять объясненія, почему бонапартисты не захотѣли помогать при сенаторскихъ выборахъ принятію «двусмысленнаго» списка правыхъ, а де-Брольи, въ своемъ дерзкомъ ему возраженіи, назвалъ большинство, недопустившее орлеанистовъ въ сенатъ, коалиціею, связанною только общими ненавистями и «отвращеніями». Между Эрнестомъ Пикаромъ и де-Равинелемъ произошелъ публичный обмѣнъ личностей. Среди страшнаго шума произошло принятіе двухъ первыхъ статей закона о печати. Когда Жюль Фавръ сталъ говорить по поводу ихъ рѣчь, то два бонапартиста, де-Валонъ и Гэнтьенсъ, въ отвѣтъ ему, стали его лично обвинять за сентябрьскую революцію и версальское перемиріе. Это дало случай Жюлю Фавру, съ трибуны, еще разъ объяснить, что̀ такое была имперія, и опровергнуть торжественно всѣ тѣ клеветы, какими преисполнено заключеніе доклада парламентскаго слѣдствія о правительствѣ 4-го сентября, подписаннаго однимъ именемъ Боро-Лажанади, темнаго депутата праваго центра, только и извѣстнаго по этому докладу, составленному въ духѣ самой крайней нетерпимости и пристрастія. Всѣ эти сцены и перебранки вызвали въ республиканцахъ рѣшимость поддерживать законопроектъ Дюфора о печати. Соображенія, заставившія ихъ принять такое рѣшеніе, какъ мы увидимъ далѣе, не лишены основаній. Но болѣе всего помогло этому то, что поправка Жанзѐ,

въ которой требовалась отмѣна права администраціи запрещать розничную продажу газетъ и журналовъ на улицахъ, могла пройти при большинствѣ 4 или 5 голосовъ. За принятіемъ этого значительнаго облегченія для печати послѣдовали пренія объ «осадномъ положеніи». Рѣчь Шалемелля-Лакура, по поводу необходимости повсюдной отмѣны этого положенія, вызвала еще разъ, и въ послѣдній, правительственныя заявленія со стороны Бюффѐ, въ которыхъ онъ, еще впервые, къ слову «правительство рѣшительно консервативное» прибавилъ прилагательное и «либеральное», конечно, чтобы объяснить, какимъ образомъ рядомъ съ нимъ въ кабинетѣ могутъ состоять гг. Сэ и Дюфоръ. За исключеніемъ этой ничтожной уступки, заявленіе Бюффѐ также реакціонно, какъ и всѣ прежнія его заявленія. Слово «республика», и въ этотъ разъ имъ не упомянуто, а, вмѣсто него, снова названо «конституціонное правительство маршала Мак-Магона», призывающее къ содѣйствію всѣхъ «честныхъ людей», разумѣется, кромѣ республиканцевъ. Между тѣмъ, еще наканунѣ, лѣвый центръ издалъ манифестъ, въ которомъ, объясняя учрежденіе республики усиліями своихъ членовъ, называетъ будущіе выборы выборами «конституціонныхъ республиканцевъ», чтобы отнять этимъ возможность у избирателей голосовать за такихъ кандидатовъ, которые не соглашались бы на поддержаніе существующей конституціи. Бюффѐ притворился, что ничего не знаетъ объ этомъ манифестѣ, но не потрудился также и обозначить опредѣленно, на чемъ именно правительство будетъ основывать свою непріязнь къ лицамъ, желающимъ его поддерживать помимо его воли. Всего страннѣе, что свою рѣшительно неопредѣлимую и неудобоопредѣлимую программу Бюффѐ высказалъ съ какимъ-то фанатическимъ энтузіазмомъ. Чего онъ хочетъ? чего добивается? это осталось для всѣхъ совершенно загадкою, и многіе пришли только къ убѣжденію, что въ качествѣ сторонника іезуитовъ, онъ добивается только одного—чтобы выборы были какъ можно клерикальнѣе.

Четырьмя послѣдовательными голосованіями осадное положеніе въ четырехъ департаментахъ: Сены, Сены-и-Уазы, Роны и Устьевъ Роны, удержано до 1-го мая 1876 г. Достигнуть снятія его, вѣроятно, удалось бы и съ этихъ мѣстностей, еслибы сами республиканцы не опасались, что это можетъ вызвать въ средѣ избирателей слишкомъ страстные толки о коммунѣ и ея репрессіи. Самъ Гамбетта, высказавшись въ томъ смыслѣ, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ политикамъ, «которые хотятъ всего или ничего», приглашалъ всѣхъ республиканцевъ принять законъ Дюфора въ цѣломъ его составѣ. До послѣдней минуты нельзя было не опасаться, чтобы правые не стали голосовать противъ него и этимъ не обусловили того, чтобы осадное положеніе оставалось повсюду занятымъ, а дѣло шло о 36 департаментахъ! Теперь, по крайней мѣрѣ, чистый выигрышъ состоитъ въ томъ, что они могутъ дѣйствовать свободно во всѣхъ этихъ мѣстно-

стяхъ, гдѣ снова появятся ихъ газеты, пріостановленныя или запрещенныя. Благодаря снятію осаднаго положенія, новые органы ихъ могутъ возникать въ мѣстностяхъ, отстоящихъ всего на какой-нибудь часъ разстоянія отъ Парижа и Версаля, и, такимъ образомъ, служить пособіемъ для ихъ избирательной пропаганды.

Наконецъ, не безъ попытокъ въ противодѣйствію весьма многихъ депутатовъ, желавшихъ продолжить парламентскую сессію до конца выборовъ и хотя на короткое время имѣть новогоднія вакаціи, распущеніе собранія было рѣшено, благодаря отчасти энергической настойчивости Гамбетты. Теперь, на основаніи закона о распущеніи, собраніе сойдется еще только одинъ разъ и на одинъ день—именно 8-го марта, для формальной передачи своихъ полномочій двумъ новымъ палатамъ, которыхъ сформированіе будетъ къ этому дню окончено. Назначеніе делегатовъ отъ общинъ для выбора сенаторовъ произойдетъ 16-го января, а самые выборы 225—сенаторовъ 30-го января. Выборы депутатовъ назначены на 20-е февраля, а перебаллотировка на первое воскресенье, которое послѣдуетъ за этимъ числомъ.

Еще 30-го декабря, утромъ, казалось невозможнымъ, что собраніе успѣетъ къ концу года закончить всѣ свои дѣла, такъ какъ министру Кальйо удалось передъ тѣмъ поставить на очередной порядокъ выдачу множества мелкихъ желѣзнодорожныхъ концессій на дороги, полезныя для нѣкоторыхъ консервативныхъ кандидатуръ, а еще болѣе для большихъ желѣзнодорожныхъ компаній, интересамъ которыхъ министръ служитъ гораздо охотнѣе, чѣмъ интересамъ общественнымъ. Противъ многихъ изъ проектовъ этого рода, составленныхъ на скорую руку и не отличающихся добросовѣстностью, должны бы были возникнуть серьёзныя возраженія; но этимъ пришлось пожертвовать, чтобы добиться распущенія. Только депутатъ Толэнъ не удержался, чтобы не сказать нѣсколько рѣзкихъ словъ «о финансовыхъ фокусничествахъ» и былъ за это призванъ къ порядку. Благодаря назначенію ночнаго засѣданія съ 30-го на 31-е декабря, къ 6 часамъ засѣданія 31-го всѣ дѣла были окончены и всѣ предложенія голосованы.

Тогда герцогъ Одиффре-Пакье взволнованнымъ голосомъ сталъ читать «отходную» умиравшему собранію 1871 года... Началъ онъ съ похвалы той энергіи, съ какою это собраніе содѣйствовало «укрощенію, при пособіи героическаго войска, безпримѣрнаго возстанія», «заключило миръ и организовало уплату контрибуціи за безумно затѣянную войну». Эту часть рѣчи своего предсѣдателя собраніе выслушало холодно, и слова оратора сопровождались только рѣдкими возгласами: «браво». Затѣмъ, ораторъ перешелъ къ учредительной дѣятельности собранія, результатомъ которой—конституція 25 февраля, и высказалъ, что это дѣло доставляетъ величайшую честь ему, такъ какъ этою конституціею «поставленъ оплотъ противъ деспотизма и

анархіи». «Теперь это дѣло закончено, сказалъ онъ:—и вамъ остается только поручить его сохраненіе честности маршала Мак-Магона, патріотизму двухъ будущихъ палатъ и *благоразумію страны, которая, въ теченіи пяти лѣтъ, Вамъ такъ честно помогала*». Это отсутсвіе клеветъ и обвиненій на Францію, такъ же какъ и угрозъ «общественною опасностію», какими обыкновенно уснащаетъ свои рѣчи Бюффѐ, произвело тѣмъ бо̀льшій энтузіазмъ между республиканцами, что оффиціальный представитель конституціоннаго большинства въ собраніи прибавилъ, въ видахъ преподачи косвеннаго и вполнѣ заслуженнаго урока большинству реакціонерному, составлявшемуся и распадавшемуся не одинъ разъ въ этомъ парламентѣ: «нельзя не замѣтить, что никогда еще авторитетъ власти не уважался болѣе вашего, и ничья воля не встрѣчала бо̀льшаго послушанія». Этими словами онъ какъ бы напередъ отвѣчалъ тѣмъ, которые въ послѣдствіи задумали бы утверждать, что «Франція еще не заслуживаетъ свободы».

Когда, въ заключеніе своей рѣчи, онъ сказалъ, что собраніе оставило въ неприкосновенности и передаетъ странѣ врученное ею ему знамя (трехцвѣтное) и организованною ея свободу, то между легитимистами, и особенно между бонапартистами, видящими въ конституціи силу, препятствующую государственнымъ переворотамъ и воскресенію цезаризма, послышался довольно громкій ропотъ недовольства. «Да здравствуетъ республика!» заглушилъ его единодушный кликъ трехъ лѣвыхъ. Нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ закричали: «да здравствуетъ маршалъ!» «Да̀, да̀, отвѣтили центры: да здравствуетъ президентъ республики!» «Да здравствуетъ Франція!» закричало большинство правыхъ. «Да здравствуетъ Франція и Республика!» подхватили лѣвые. Кто ожидалъ бы, что такою сценою закончитъ свое существованіе то собраніе, которое заключало въ себѣ такую массу монархическихъ и клерикальныхъ элементовъ, что, казалось не однажды, оно можетъ послужить только для разчистки путей для реставраціи?! Теперь странѣ возвращено право слова. Теперь судьбы Франціи въ рукахъ избирателей. Отъ ихъ интеллигенціи зависитъ теперь достойно увѣнчать то дѣло, которое, несмотря на безчисленныя препятствія и самыя сложныя интриги, благодаря силѣ вещей, приведено къ опредѣленному и желательному результату.

Парижъ, 1-го января 1876 года.

Людовикъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БОРЬБА РАСЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

(White conquest, by William Hepworth Dixon. London. 1875.)

I.

Америка, повидимому, готовится вступить въ новый фазисъ своего развитія. Извѣстный авторъ «Новой Америки», повторившій нынѣ путешествіе въ эту страну передъ столѣтнею годовщиною ея независимости, написалъ очень живую и мѣстами блестящую книгу, въ которой яркими красками рисуется такъ-называемая борьба четырехъ расъ: красной, черной, желтой и бѣлой. Побѣда остается за бѣлой расой, утверждаетъ авторъ, и именно за англо-саксонскимъ племенемъ, въ руки котораго «переходитъ лицо земли», если этому не помѣшаютъ внутренніе раздоры. Кромѣ побѣды бѣлой расы (побѣды сомнительной, какъ увидимъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ стойкимъ «желтымъ варварамъ», китайцамъ), другой важный поворотный признакъ въ современной американской исторіи авторъ видитъ въ томъ, что въ будущемъ Америка должна полагаться исключительно на собственныя силы, на естественное развитіе: приливу европейскихъ пришельцевъ скоро предвидится конецъ; съ одной стороны, европейская эмиграція слабѣетъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и нѣкоторые эмигранты уже возвращались въ Европу, съ другой—и это самое важное—неистощимость американскихъ пространствъ сдѣлается въ близкомъ будущемъ иллюзіею; хорошая земля въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, въ Канзасѣ и Небраскѣ, заселена и воздѣлывается; на западѣ остаются только пространства, ни къ чему непригодныя, безплодныя или годныя только для скотоводства въ обширныхъ размѣрахъ. Фактъ этотъ доказываетъ, что конецъ формировки Америки близокъ; бѣлая раса, опредѣливъ свои отношенія къ неграмъ и краснокожимъ, должна еще въ будущемъ доказать и отстоять свое нравственное превосходство надъ третьимъ, страшнымъ противникомъ—китайской расой. Отъ того, какъ устроятся американцы теперь, зависитъ участь бѣлой республики.

Разнородные элементы, которые предстоитъ ей ассимилировать, теперь еще находятся въ полномъ броженіи: картины ихъ между собою и во взаимныхъ отношеніяхъ, особенно фигуры помѣсей, какія неминуемо возникаютъ въ такомъ обществѣ, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ въ книгѣ. Сообразно плану своего путешествія, Диксонъ сначала разсказываетъ о Сан-Франциско и той накипи населенія, какая образовалась въ Калифорніи отъ помѣсей всевозможныхъ авантюристовъ съ краснокожими туземцами, о разбойникахъ и іезуитахъ, переходитъ къ сближенію краснокожихъ съ мормонами вслѣдствіе общности принциповъ, говоритъ объ угнетеніи индѣйцами негровъ, которые у нихъ были въ рабствѣ, а потомъ также образовали интересныя помѣси, наконецъ, переходитъ къ «желтокожимъ» и луннолицымъ сынамъ Срединной Имперіи и къ собственно американскимъ «бѣлымъ» вопросамъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ является извѣстное луизіанское столкновеніе:

Какъ читатель видитъ, матеріалъ, представляемый книгою, чрезвычайно обширенъ: по прежней извѣстности автора можно заранѣе знать, что лучшія мѣста въ книгѣ (лучшей, по выраженію Athenaeum'а, изъ всѣхъ его сочиненій со времени «Новой Америки»)—тѣ, гдѣ онъ описываетъ постороннія, нецивилизованныя расы и помѣси, то-есть индѣйцевъ, гибридовъ, китайцевъ и проч., хотя со взглядами автора не всегда можно согласиться, особенно при сужденіи о неграхъ, относительно которыхъ онъ настроенъ нѣсколько пессимистски.

Калифорнія и западный край Америки представляютъ большой интересъ и по составу населенія, и по своему прошлому, и по остаткамъ этого прошлаго. Калифорнію мы привыкли представлять себѣ страною золота, искатели котораго вездѣ привносятъ съ собою особую отвратительную атмосферу. Къ этимъ золотоискателямъ, пьянымъ и развратнымъ, какъ повсемѣстный типъ, прибавимъ элементы мѣстные—католическихъ патеровъ, воспоминанія объ испанскихъ дворянскихъ преданіяхъ и краснокожихъ индѣйцевъ. Результатъ не могъ не выйти малопривлекательнымъ: самое лучшее его выраженіе—гибриды...

Пришельцы изъ-за моря являлись одни; жены ихъ оставались гдѣ-нибудь около Лиссабона или въ старой Кастиліи, или даже въ графствѣ Кентъ. «Санта-Марія! говорилъ автору одинъ португалецъ:—не везти же намъ женъ изъ-за моря; мы должны покупать женъ здѣсь». Бѣлая женщина—величайшая рѣдкость въ этихъ краяхъ. Женщинъ, вообще, въ Америкѣ меньше, чѣмъ мужчинъ; только у индѣйцевъ перевѣсъ на сторонѣ женскаго пола. Въ силу обычая, существовавшаго съ давнихъ временъ, индѣйскія женщины покупались и продавались, или ихъ увозили тайкомъ. Индѣецъ продавалъ женщину, какъ безправное существо, какъ буйволову шкуру и т. п. Испанцы и мексиканцы постоянно покупали себѣ индіянокъ, конечно, не для законнаго брака. Католическіе монахи-францисканцы, которые одно время имѣли

вліяніе на индѣйцевъ, приручали ихъ и пріучали къ домашнимъ занятіямъ, даже крестили, пытались остановить этотъ обычай, но напрасно, и потомъ помирились съ нимъ. Даже при господствѣ американскихъ законовъ, этотъ обычай продолжаетъ дѣйствовать, вслѣдствіе недостатка, съ одной стороны, бѣлыхъ женщинъ, а съ другой—по слабости вообще индѣйскихъ понятій о бракѣ и брачной нравственности, и, наконецъ, въ силу нѣкотораго пристрастія, питаемаго краснокожею женщиною къ бѣлому человѣку, у котораго положеніе ея все-таки выше положенія вьючнаго скота, какъ бываетъ въ вигвамѣ. Испанцы, долговременные владѣтели западной оконечности материка, могли бы противопоставить вырожденію расы дѣйствительную помѣху, водворить въ странѣ прочныя поселенія съ бѣлымъ женскимъ элементомъ; но испанецъ прежде всего хотѣлъ быть господиномъ страны (типъ этого удаляющагося народа обрисованъ авторомъ въ лицѣ дона Маріано) и упустилъ ее изъ рукъ по непониманію современныхъ потребностей: онъ навезъ сюда монаховъ, велъ веселую и набожную жизнь, а земли ускользали у него изъ-подъ рукъ; явились новые пришельцы, которые стали толковать о школахъ, строить дороги; испанецъ смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ, но ничего не могъ сдѣлать и, наконецъ, удалился. Тѣмъ болѣе въ Калифорніи приливъ населенія вызванъ былъ временными обстоятельствами, поисками золота. Когда волна авантюристовъ сбыла, частію вернувшись въ Испанію, въ странѣ остались только монахи, которые взяли на себя учить туземцевъ и до нѣкоторой степени въ томъ успѣли, и солдаты для охраны края; были еще трапперы-поселенцы, которые прямо брали индѣйскихъ женъ по неимѣнію бѣлыхъ. У индѣйцевъ обычай продавать дѣвушекъ бѣлымъ такъ укоренился, что, случается, самъ краснокожій съ трудомъ находитъ себѣ жену. Въ миссіонерныхъ домахъ, гдѣ жили францисканцы, въ дикой пустынѣ, они должны были для своей охраны пригласить солдатъ, которымъ, какъ и монахамъ, законъ запрещалъ жениться. Связи съ индѣйскими «сквау» завязались быстро, и, когда солдатамъ пришлось ѣхать обратно, оказалось, что ихъ удерживаютъ на мѣстѣ цѣлыя семьи, гибриды. Эта помѣсь наслѣдовала самыя дурныя качества отъ своихъ родителей: кровожадность, лѣность и распутство. Задержать возникновеніе этой расы было невозможно: ропотъ туземцевъ солдаты унимали насиліемъ; впрочемъ, туземцы и роптали не на самый уводъ женщинъ, а на то, что онъ дѣлался безплатно. На увѣщанія францисканцевъ офицеры отвѣчали коротко: «солдаты—не монахи». Дѣти, хотя и цвѣтныя—все-таки дѣти, но (подобно всякому плоду незаконной связи даже въ цивилизованныхъ европейскихъ обществахъ) были отверженцами не только у бѣлыхъ, но и у индѣйцевъ: имъ оставалось жить воровствомъ и убійствомъ. Испанскія власти сочли за лучшее сгруппировать старыхъ солдатъ съ ихъ потомствомъ въ трехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ: Los Angeles, Santa-Croz и San-Jose, выхо-

дить изъ которыхъ имъ запрещалось подъ страхомъ суровыхъ наказаній. Къ поселенцамъ въ этихъ «свободныхъ городахъ присоединились еще посторонніе пришельцы самаго худшаго свойства: мошенники, шулера, торговцы виномъ и женщинами, короче—отребье испанскаго лагеря. Изъ этихъ-то элементовъ и сложились нынѣшніе гибриды. Немногіе изъ этихъ несчастныхъ умѣютъ читать и писать; изъ десяти человѣкъ не найдется одного, который бы родился въ бракѣ—въ силу того же «обычая». Не находя себѣ мѣста ни среди отцовскихъ, ни среди материнскихъ единоплеменниковъ, гибриды ненавидятъ и тѣхъ, и другихъ, а сами даютъ богатый контингентъ воровъ и разбойниковъ и постоянно не ладятъ съ американской полиціей.

Такъ какъ происхожденіе гибридовъ находило себѣ опору въ мѣстныхъ обычаяхъ и самое племя постоянно размножалось, то понятно, что они не могли долго остаться подчиненными надзору и стѣсненіямъ. Они распространились по всему краю до самаго С. Франциско. Унаслѣдовавъ дикость и необузданность отъ своихъ родителей, оттолкнутые отовсюду, подавленные невѣжествомъ, гибриды преимущественно толпились въ горахъ и стали жить разбойничьими подвигами; изъ нихъ нѣкоторые носятъ даже романическій оттѣнокъ, какъ, напримѣръ, разсказанная авторомъ исторія капитана Васкеса, и даже окрашиваются колоритомъ національности, какъ протестъ противъ чужеземнаго господства.

Земля, говорятъ гибриды, принадлежитъ имъ. Они—не пришельцы, подобно иностраннымъ войскамъ, и не дикари, подобно туземцамъ. При мексиканцахъ, они боролись съ солдатами, грабили монаховъ и похищали индіянокъ. Случится мятежъ—гибриды являются первыми зачинщиками, усмирены бываютъ послѣдніе. Когда Мексика отдѣлилась отъ метрополіи, они сражались противъ испанской короны, а, когда борьба была кончена, обратились противъ своихъ товарищей по оружію. Лишенные всякой опредѣленной политической тенденціи, они отстаивали дѣло республики Калифорніи, а, когда и тамъ натворили много хлопотъ, то промѣняли «одну звѣзду» на «звѣзды и полосы».

Собственно говоря, появленіе гибридовъ не есть какое-либо новое явленіе. Помѣсь съ индѣйцами бывала всегда въ тѣхъ краяхъ; она неизбѣжна и вовсе не непремѣнно порождаетъ антиобщественные элементы. Что помѣсь съ индѣйцами, сама по себѣ не исключаетъ возможности появленія людей цивилизованныхъ и даже обладающихъ политическими талантами—тому примѣромъ служитъ бывшій мексиканскій президентъ, полуиндѣецъ Хуаресъ. Гибриды же—негодная раса, главнымъ образомъ, вслѣдствіе стѣсненія, презрѣнія и общаго неустройства края, которое сдѣлало невозможнымъ хорошее воспитаніе ихъ съ дѣтства. Въ іезуитской коллегіи въ Санта-Клара учатся гибриды. «Съ мальчиками медлительнаго, боязливаго склада, въ которыхъ преобладаетъ мягкая натура индіянки-матери, іезуиты скоро справ-

ляются; не такъ легко идетъ дѣло съ тѣми, въ комъ преобладаетъ пылкая кастильская кровь». Кёкъ бы то ни было, смѣшанная кровь поддается обученію. Извѣстно, что вопросъ о индѣйцахъ—одинъ изъ важныхъ вопросовъ въ республикѣ. Они быстро исчезаютъ, не вынося цивилизаціи бѣлыхъ или не перенося тѣхъ пріемовъ, какими она распространяется. Диксонъ сообщаетъ интересныя подробности о попыткахъ, какія дѣлались для прививки къ индѣйцамъ началъ цивилизаціи. Францисканцы пробовали пріучать ихъ къ новымъ понятіямъ въ Калифорніи и не безъ нѣкотораго успѣха, но, къ сожалѣнію, сами были разсѣяны шайкой мексиканцевъ. «Краснокожіе на западномъ склонѣ материка были народъ слабый и смирный, занимались ловлей рыбы, добываньемъ кореньевъ, подбирали упавшіе желуди, ходили почти голые, жили въ соломенныхъ шалашахъ, паслись въ лѣсу, какъ стада, не мылись, не знали употребленія гребня, питались кое-чѣмъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Все у этихъ дикарей было общее, но пророки и вожди имѣли нѣкоторое преимущество. Замѣчательно, что у этихъ краснокожихъ сохранялись старинныя преданія объ устроенной жизни въ городахъ, и у нихъ самихъ еще остались нѣкоторые признаки выборной системы самоуправленія—слѣды древняго права. Они избирали вождя, который обладалъ духовною и свѣтскою властью, имѣлъ первое право выбирать себѣ сквау (женщинъ) и набиралъ ихъ столько, сколько могъ вмѣстить въ шалашъ; когда жены надоѣдали ему, онъ ихъ прогонялъ.

Явились францисканцы, построили церковь. Сначала индѣйцы держались поодаль: зачѣмъ пришли эти люди, неизвѣстно откуда? Конечно, чтобъ красть женщинъ, рѣзать траву и отнимать антилопъ? Но когда индѣйцы увидали знамя съ изображеніемъ прекрасной бѣлой женщины, матери могущественнаго властителя, который гдѣ-то далеко за моремъ страдалъ за всѣхъ людей, когда услыхали музыку изъ страны духовъ, любопытство краснокожихъ было затронуто, а потомъ недовѣрчивые дикари и совсѣмъ успокоились, потому что патеры давали пищу голоднымъ, одежду нагимъ, питье больнымъ, говорили этимъ простымъ людямъ, что принесли имъ посланіе изъ за облаковъ, что Великій Духъ открылъ новый, ближайшій путь въ страну духовъ и послалъ имъ, краснокожимъ, вождя и святого въ лицѣ патера. Пришельцы обращались, какъ друзья, съ индѣйцами, а къ тому же знали всѣ тайны земли и неба: если было мало кореньевъ, патеры шли въ кустарникъ и копали ихъ; не было рыбы, они закидывали сѣти въ заливъ и ловили ее, знали качества растеній и травъ, называли по именамъ звѣзды, разумѣли направленіе вѣтра и морскіе приливы: мало по малу, они научили индѣйца обработывать землю, закидывать неводъ въ рѣку, варить пищу, сушить сѣмяна, печь рыбу. У самихъ патеровъ поля были расчищены и засѣяны хлѣбомъ, деревья вырублены, разводились виноградъ, яблоки, груши, орѣхи. Жены индѣйцевъ приводили своихъ дѣтей, кото-

рыхъ патеры учили вѣрѣ бѣлыхъ людей, и знаменовали чело ихъ крестомъ. Обращенный умиралъ: надъ его могилой опять слышалась музыка страны духовъ. Дикари просили окрестить ихъ; патеры не теряли времени: колѣнопреклоненнаго индѣйца они заставляли произносить обычную христіанскую формулу, давали обращенному имя и отпускали домой членомъ католической церкви и подданнымъ короля Испаніи. Между тѣмъ, домоводство шло годъ за годомъ: монахи продолжали распахивать дѣвственную почву. Явилась правильная улица возлѣ изгородей, въ которыхъ жили обращенные; шалаши стали накрываться кровлею и принимать подобіе хижинъ, затихла взаимная вражда между индѣйцами, женщинъ болѣе не крали, не убивали дѣтей. Сосѣднее индѣйское племя также обратилось въ христіанство, научилось мыться, носить рубашки, прессовать виноградъ, дубить шкуру, шелушить горохъ и сберегать его. Нѣкоторые дикари продали даже своихъ лишнихъ женъ. Такъ дѣла шли въ теченіе 30 лѣтъ; краснокожіе, питаемые, одѣтые, кое-чему обученные, жили близь самихъ францисканцевъ, привыкли къ землѣ и мало по малу отставали отъ своихъ дикихъ привычекъ. Монахи осторожно обходились съ индѣйскими обычаями, особенно относительно владѣнія землею и женами, надѣясь, что посѣянное принесетъ плодъ, хотя чрезъ долгое время. Но случилось иное: въ управленіи дѣлами края взяла верхъ свѣтская партія, которая говорила, что индѣйцы—члены свободной страны, Мексиканской Республики, и должны быть предоставлены самимъ себѣ. Обѣ партіи схватились, и въ заключеніе монахи были изгнаны, новообращенные освобождены отъ нихъ и разсѣялись по лѣсамъ; всѣ попытки созвать ихъ и водворить снова были тщетны. Разъ въ годъ, они возвращаются праздновать день своего патрона, но уже празднество это—чисто-индѣйская оргія. Число обращенныхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, и недалеко то время, когда они исчезнутъ вовсе.

Если, судя по этому, дѣти природы не вовсе неспособны къ воспринятію началъ цивилизованной жизни, а только требуютъ патріархальнаго руководства, при которомъ мало по малу могутъ освоиться съ началами общежитія, то, съ другой стороны, Диксонъ приводитъ и противоположныя данныя. Индѣйцы, у которыхъ сдѣланъ былъ разсказанный опытъ, Mission Indians, принадлежатъ къ малымъ индѣйскимъ родамъ, осѣвшимся и полупокореннымъ, отъ соприкосновенія съ бѣлыми; таковы же еще индійцы Пуэбло въ Аризонѣ, Сенеки въ Нью-Йоркѣ, Чиппевасы въ Мичиганѣ, Чоктавы, Черокезы и проч. Ихъ считается до 100 т. душъ; они нѣсколько приручены и очень порѣдѣли. Индѣецъ боится обычаевъ бѣлыхъ, такъ какъ, кромѣ приведенной попытки, первымъ шагомъ этой чуждой цивилизаціи бываетъ физическое разрушеніе и нравственная смерть. По словамъ полковника Стефенса, ему, въ качествѣ правительственнаго инженера, поручено было построить нѣкоторое число каменныхъ домовъ для

индѣйскихъ вождей, которыхъ хотѣли водворить осѣдло. Въ какіе нибудь полгода всѣ дома исчезли, проданы бѣлымъ за нѣсколько боченковъ водки. У одного только изъ главныхъ вождей, Долгой Антилопы, удержался домъ, и Стефенсъ, возлагая на этого вождя сравнительно бо̀льшія надежды, поѣхалъ на него взглянуть. Вождь сидѣлъ и курилъ въ палаткѣ, разбитой близь окна дома. «Зачѣмъ живешь въ палаткѣ, когда у тебя хорошій домъ?» Вождь улыбнулся. «Домъ хорошъ для лошади, но не хорошъ для воина». Войдя въ домъ, Стефенсъ нашелъ лошадь вождя въ столовой. По мнѣнію Стефенса, понятіе о домѣ на цивилизованный ладъ—составляетъ нѣчто чрезмѣрное для мозга чистокровнаго индѣйца. Единственное понятіе объ осѣдлости, какое, по словамъ американца, можно вбить въ голову дикаря, состоитъ въ томъ, что жить осѣдло называется набрасывать на плечи теплое одѣяло, а не кожу, бродить около агентства вмѣсто того, чтобъ идти на охоту, и тратить время на куреніе и питье вмѣсто того, чтобъ скальпировать людей. Чистокровный индѣецъ едвали когда принимался за работу. Онъ — охотникъ и воинъ; тронуть почву лопатою или плугомъ значитъ осквернить его благородныя руки. Местицы еще имѣютъ возможность развитія, хотя и они находятся какъ бы подъ гнетомъ своей дикой крови». Истинные, безъ примѣси, краснокожіе, Сіуксы, Уты, Чейенны и т. п., всегда оставались язычниками, хищниками и номадами, никогда не были покорены и прикрѣплены къ землѣ. Есть, впрочемъ, энтузіасты, которые надѣются, что когда нибудь всѣ эти племена сольются, а охотничьи земли образуютъ самостоятельную страну: если какія нибудь 16 т. Черокезовъ не могутъ жить въ мирѣ между собою, то тѣмъ труднѣе соединить подъ общимъ правленіемъ и однимъ флагомъ и Криковъ, и Семиноловъ и Чоктавовъ и т. п.; смѣшно мечтать, чтобъ Чейенны или Апачи перестали грабить скотъ и женщинъ, похоронили (по индійскому обычаю) топоръ и ножъ для скальповъ и стали заниматься чтеніемъ произведеній чьей нибудь досужей фантазіи и пить вѣски, какъ бѣлые. За исключеніемъ послѣдняго качества, все остальное еще очень далеко. Таково рѣшеніе американцевъ.

Отношенія индѣйцевъ къ женщинамъ, какъ мы уже упоминали—совсѣмъ варварскія: индѣецъ, если не воруетъ своихъ женъ, то покупаетъ ихъ долларовъ по двадцати за штуку. Цѣны на женъ, какъ на лошадей, измѣняются, смотря по временамъ: по скудости дичи, глубинѣ снѣга, и т. п. Индѣецъ, хотя бѣденъ, набираетъ себѣ, по возможности, нѣсколько женъ, чтобъ онѣ за него работали, какъ вьючныя животныя. Особенно тяжело положеніе молодой женщины, надъ которой командуютъ старыя полновластно, тѣмъ болѣе, если она перешла въ чужое племя и не имѣетъ естественнаго защитника въ лицѣ отца, брата или сына. У индѣйца жены дѣлаютъ все: копаютъ коренья, сѣдлаютъ лошадь, разбиваютъ палатку. Цѣлую ночь, у дверей желѣзнодорожнаго вагона (Уты и Шошоны могутъ безплатно ѣздить по желѣзной

дорогѣ, но только на платформѣ), въ 37° мороза, при сильномъ вѣтрѣ, сидятъ, скорчившись, несчастныя женщины; утромъ, сойдя съ поѣзда, индіянка нерѣдко идетъ по снѣгу 90—100 миль до вигвама мужа, а тамъ сейчасъ же должна приниматься за тяжелую работу. «Когда жена надоѣстъ Красной Собакѣ (имя индѣйца, съ которымъ бесѣдовалъ автора), онъ продастъ ее какой нибудь другой собакѣ».

При американцахъ, положеніе несчастныхъ краснокожихъ крайне печально; хотя и дѣлались попытки возобновить удачный опытъ францисканцевъ, но напрасно, за то опыты разврата съ испанскими солдатами повторились еще въ худшемъ видѣ. Въ Эврека, въ долинѣ Гумбольдтъ, расположены американскіе солдаты, какъ были испанскіе въ Сан-Карлосѣ и Санта-Кларѣ; американскіе офицеры и солдаты стали брать индѣйскихъ женщинъ, какъ дѣлали и испанцы. Дѣйствіе этой системы на индѣйцевъ, по словамъ калифорнскаго адвоката Найта, посланнаго для изслѣдованія, было ужасно. Потомство смѣшанной крови, болѣзни, потеря самоуваженія, все это—только часть зла. Послѣдствіемъ было, кромѣ того, ослабленіе власти вождя, потеря вліянія отца, мужа, главы семьи, и передача первенствующей роли во всѣхъ дѣлахъ красивымъ и развратнымъ женщинамъ, отцы которыхъ ходятъ нагіе или оборванные.

Методисты и квакеры пытались возобновить дѣло францисканцевъ, но неудачно. «Старые индѣйцы ходятъ голые, молодые — пьяные. Отцы все еще продаютъ своихъ дочерей бѣлымъ. На глазахъ христіанскихъ судей происходитъ торговля невольниками, еще болѣе возмутительная и звѣрская, чѣмъ самая продажа негровъ. Никто изъ туземцевъ не имѣетъ права голоса и не пользуется общественнымъ довѣріемъ. Индѣйскія племена прикрѣплены къ опредѣленнымъ мѣстамъ, съ которыхъ не могутъ шевельнуться: въ противномъ случаѣ несчастные подвергнутся облавѣ и будутъ прогнаны ремнями на старыя мѣста. Индѣйцы обязаны работать на бѣлыхъ фермеровъ и считаютъ своего господина милостивымъ, если онъ соблаговолитъ дать имъ ружье настрѣлять дичи. Одинъ хозяинъ передаетъ ихъ другому, помимо желанія самихъ индѣйцевъ». Такое положеніе едва ли чѣмъ отличается отъ невольничества. Только тѣ индѣйцы и сдѣлали кое-какіе успѣхи въ общественности, которые находились подъ вліяніемъ католическихъ миссій. Правда, Крики и Черокезы заимствовали нѣкоторыя формы цивилизованнаго устройства: имѣютъ свои собранія, школы и суды, но все это выходитъ болѣе или менѣе комично. Быть можетъ, они и могли бы освоиться съ цивилизованнымъ строемъ общества, но для этого нужна постепенность, патріархальное управленіе, умѣлость и искренность въ руководствѣ со стороны бѣлыхъ.

Что индѣйцы не прочь были бы отъ сближенія именно съ такимъ оттѣнкомъ, доказывается ихъ сближеніемъ съ мормонами. Происхожденіе устройства послѣднихъ, съ ихъ уродливыми на

европейскій взглядъ учрежденіями, Диксонъ еще въ «Новой Америкѣ» объяснялъ заимствованіемъ у индѣйцевъ, съ которыми у мормоновъ много общаго. Въ проявляющемся нынѣ сближеніи индѣйцевъ съ мормонами онъ видитъ подтвержденіе этой мысли. Въ нашей литературѣ найдется и другое объясненіе живучести мормонства, едва ли не болѣе правдоподобное. Г. Циммерманъ, въ «Путешествіи по Америкѣ», видитъ опору и постоянный контингентъ «святыхъ» Соленаго Озера въ европейскихъ пролетаріяхъ, для которыхъ такой уголокъ, послѣ голодной жизни на ирландской или тому подобной родинѣ, покажется раемъ. До такого же положенія доведены теперь и индѣйцы, какъ видно изъ приведенныхъ словъ адвоката Найта. Притомъ, мормонство, дѣйствительно, представляющее нѣкоторые общіе пункты съ индѣйскимъ порядкомъ, служитъ для краснокожихъ ступенью впередъ, нѣсколько аналогичною съ попечительнымъ опытомъ францисканцевъ. Эти пункты сходства понятій индѣйцевъ съ мормонами мы могли бы примѣнить и къ гораздо болѣе близкой намъ средѣ, хотя также христіанской: краснокожіе и мормоны знаютъ физическаго бога, доступнаго не только въ облакѣ и вѣтрѣ, но и во внѣшней формѣ—пророковъ и вождей; въ выборѣ такихъ вождей непосредственно участвуетъ Великій Духъ, и потому вождь обладаетъ патріархальною властью надъ тѣломъ и душей каждаго изъ подвластныхъ, и т. п. Многоженство составляетъ также пунктъ сходства между тѣми и другими, но теперь это учрежденіе уже потеряло кредитъ, и едва ли мормонство удержитъ въ будущемъ другіе специфическіе признаки, кромѣ прибѣжища для пролетаріата, которымъ снабжала его Европа. Самъ Брайамъ Юнгъ уже старъ. Говорятъ, что онъ очень боленъ и можетъ только сидѣть въ постели и по временамъ вступать въ новый бракъ. Несмотря на 18 покорныхъ женъ, первосвященника постигло непривычное несчастіе: съ одной молоденькой женой Брайама Юнга вышелъ скандалъ; она начала искъ о разводѣ, бѣжала въ Нью-Йоркъ и открыла рядъ лекцій о гаремѣ Брайама. Вообще, страсть къ многоженству у мормоновъ проходитъ, по мнѣнію Диксона, и потому, что съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ этотъ тихій уголокъ заглянула цивилизація язычниковъ и ввела ярмо модныхъ нарядовъ, завести которые для дюжины женъ не такъ-то легко. Многіе мормонскіе «апостолы» имѣютъ только по одной женѣ. «Въ добрыя старыя времена, говорилъ одинъ старѣйшина: — лишняя жена стоила очень мало, почти ничего. Она носила простую коленкоровую шляпку, которую сама и дѣлала. Теперь ей нужно новомодную шляпу, а такая шляпа стоитъ 20 долларовъ и еще предполагаетъ подходящія шаль и платье. Если сдѣлать все это одной женѣ — нужно сдѣлать и всѣмъ прочимъ». Противъ моднаго наряда безсильно все вдохновеніе Брайама Юнга. Такая женщина не будетъ довольствоваться ролью полунагой индіянки—или покинетъ мормонство. Неудивительно, что многіе

мормонскіе миссіонеры взяли къ себѣ въ жены индіянокъ. Съ другой стороны, конные индѣйцы, притѣсняемые бѣлыми сосѣдями, стали искать улучшенія у блѣднолицыхъ мормоновъ, которые всегда жили съ ними въ ладахъ, считая краснокожихъ потомками погибшихъ колѣнъ израильскихъ. Охотники и святые жили добрыми сосѣдями и братьями, помогая одни другимъ, какъ въ житейскихъ нуждахъ, такъ и въ кровавыхъ дѣлахъ, въ которыхъ, какъ недавно открылось, были замѣшаны мормоны (возмездіе кровью за кровь признается тѣми и другими). Уты и Шошоны крестились, другія племена жили по мормонскимъ принципамъ. Тѣмъ не менѣе, особенно замѣтныхъ послѣдствій для прогресса индѣйцевъ вообще отъ этого пока не произошло. Мормоны сами слишкомъ ненавидятъ «языческій» міръ, чтобъ не предпочитать ему строй древнихъ сыновъ Израиля, ламанитовъ, т. е. краснокожихъ. Послѣдніе не могутъ забыть, что бѣлые отняли у нихъ наслѣдіе отцовъ, и, гдѣ могутъ, рѣжутъ и скальпируютъ обидчиковъ поголовно. Тѣ не остаются въ долгу. Диксонъ разсказываетъ нѣсколько кровавыхъ случаевъ, отъ которыхъ только разгарается обоюдная, вѣковая вражда. Авантюристы изъ бѣлыхъ прямо говорятъ, что убивали и будутъ убивать красную сволочь на каждомъ шагу. При такомъ ожесточеніи, только смѣшны различные филантропическіе замыслы вашингтонскихъ лэди относительно индѣйцевъ, которые то истребляются безъ причины, то вдругъ становятся героями дня и послѣ какого нибудь доказаннаго убійства—оправдываются судомъ.

Послѣ ряда подобныхъ непослѣдовательныхъ поступковъ понятна безуспѣшность и политики Гранта относительно индійцевъ, исходящей изъ того же францисканскаго опыта. Оставлена номинально независимая индѣйская территорія, признаваемая, впрочемъ, юристами территоріей республики, создавались иллюзіи о томъ, какъ, благодаря великодушію бѣлыхъ, индѣйцы привыкнутъ къ благоустроенной жизни. Эти хорошія намѣренія не мѣшаютъ, впрочемъ, капиталу и труду американскихъ гражданъ забираться въ самое сердце индѣйской территоріи, а добрые опыты, произведенные ни съ того, ни съ сего, разбиваются о недовѣріе дикарей, которые продаютъ и пропьютъ всѣ дары и затѣмъ громогласно признаются неспособными къ цивилизаціи. «Лѣтъ черезъ пять, замѣчаетъ авторъ: — крики и черокезы будутъ на своей территоріи имѣть земли не больше, чѣмъ въ Массачузетсѣ и Нью-Йоркѣ».

Сущность индѣйскаго вопроса слѣдующимъ образомъ изложена образованнымъ черокезомъ въ газеткѣ, издающейся въ главномъ лагерѣ черокезовъ, какимъ-то местицомъ издателемъ: «Какъ народъ, мы не приготовлены для американскаго гражданства; не то, чтобъ мы не обладали тѣми качествами, которыя вездѣ дѣлаютъ человѣка свободнымъ, но мы неопытны въ разнаго рода коварствѣ, которое допускается состояніемъ свободы противъ людей, ничего неподозрѣвающихъ. Національ-

ное право какъ бы состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть обманывать и самому при случаѣ подвергаться обманамъ».

II.

Одного индѣйцы понять не могутъ: бѣлые люди отняли у нихъ земли и лѣса, и наслѣдственные, и назначенные по договору, истребляютъ, убиваютъ краснокожихъ безъ всякой причины — почему тѣ же бѣлые даютъ столько правъ чернымъ, что тѣ вездѣ сдѣлались равны бѣлымъ, а иногда даже и выше ихъ, тогда какъ этихъ черныхъ сами краснокожіе держали въ рабствѣ и всегда относились къ нимъ съ презрѣніемъ? Любители опредѣлять по цвѣту относительное значеніе расъ могутъ попасть въ немалое затрудненіе. Оставивъ въ сторонѣ преобладаніе бѣлой расы, къ какому заключенію должно придти при видѣ соперничества между красными и черными, которыхъ дикари порабощали, гдѣ могли?

Диксонъ пытается, въ объясненіе этого, привести взаимныя отношенія красныхъ и черныхъ муравьевъ: послѣдніе всегда живутъ близко отъ первыхъ и находятся у нихъ въ рабствѣ; притомъ, черный цвѣтъ вездѣ и во всѣ времена между людьми былъ символомъ низменнаго, несчастнаго и порабощоннаго. Подобныя основанія, очевидно, шатки при сужденіи о политическихъ вопросахъ. Нынѣшнее относительное положеніе негровъ и индѣйцевъ въ американской республикѣ совершенно ниспровергаетъ эту гипотезу. Правда, десятилѣтній періодъ свободной жизни негровъ разочаровалъ тѣхъ, кто ожидалъ отъ нихъ немедленнаго, быстраго прогресса, забывая, что слѣды неволи не смываются однимъ почеркомъ пера; рабскіе навыки съ той и другой стороны могутъ переходить въ противоположную крайность, но не исчезнутъ сразу даже послѣ кровопролитной войны.

Положеніе негровъ, плачевное до войны вообще, было ужасно, особенно въ рабствѣ у краснокожихъ, о чемъ авторъ даетъ нѣсколько блестящихъ страницъ. Тутъ не было никакихъ узъ между господами и рабами, обыкновенно смягчающихъ рабство— языка, религіи, расы, не было ни одного общаго интереса.

Люди вообще любятъ легкія и наглядныя объясненія: предполагать индѣйца безусловно неспособнымъ къ общежительному порядку, а негра приспособленнымъ, при всякихъ условіяхъ, только къ подчиненію—тѣмъ удобнѣе, что это подтверждается даже подходящими примѣрами. Негры не попытались даже противиться краснокожимъ, а сразу попадали къ нимъ въ неволю, по примѣру неволи у бѣлыхъ, а индѣецъ, видя, также по примѣру бѣлыхъ, что изъ негровъ можно сдѣлать рабовъ, какъ красныхъ женъ, хваталъ и порабощалъ ихъ, гдѣ могъ. Когда бѣлые плантаторы постепенно вытѣснили индѣйцевъ съ ихъ охотничьихъ

земель въ Джорджіи и Тенесси, краснокожіе забирали и своихъ негровъ, на которыхъ въ десятерномъ размѣрѣ отражались всѣ невзгоды дикихъ господъ. Въ дождь, въ ненастье негръ, все-таки выполнялъ всѣ тяжелыя работы, но въ палатку индѣйца даже и тогда не допускался; какъ вьючный скотъ, питался растеніями, а въ случаѣ недостатка ихъ — могъ умирать съ голоду. Индѣйскія женщины, сами угнетенныя, вымещали на неграхъ свое горе. Если краснокожій убивалъ своего раба, то никому до того не было дѣла. Когда вспыхнула война, у пяти племенъ индѣйцевъ, которые сами составляли около 14,000 человѣкъ, было до 10,000 невольниковъ.

Извѣстно, что Джефферсонъ Дэвисъ, южный президентъ, заключилъ было союзъ съ индѣйцами, которые, подъ вліяніемъ не столько желанія удержать рабовъ, сколько изобилія водки, выставили вспомогательный отрядъ, разыгравшій при первомъ же сраженіи комическую роль. Отъ выстрѣловъ краснокожіе разсыпались и бросились на землю, а ночью оскальпировали трупы и умирающихъ. На другое утро, продѣлка открылась, и южане должны были отослать своихъ союзниковъ.

Послѣ войны, чоктавы и чикасавы выгнали своихъ невольниковъ, которые, не имѣя ни земли, ни орудій, ни пристанища, частію погибли, частію пробрались въ Арканзасъ и Техасъ, гдѣ и составили деревушку Каддо, населенную неграми, замбо (помѣсь негровъ съ индѣйцами), и разными авантюристами. Здѣсь издается газета «Звѣзда Оклагомы», и жители Каддо, вообще, по обычаю негровъ, охочіе до политики, придерживаются радикальнаго направленія, во имя независимости индѣйско-негритянской территоріи Оклагомы, причемъ предполагается преобразовать управленіе полудикими племенами, уничтожить власть вождей, отмѣнить продажу женъ, общую поземельную собственность и т. п. Собственно говоря, эти радикалы—не индѣйцы и не участвуютъ сами въ нынѣшнемъ порядкѣ жизни краснокожихъ, но только живутъ на индѣйской землѣ и, не довѣряя терпимости чоктавскихъ вождей, хотятъ правъ и для себя, признанныхъ конгрессомъ: стремленіе къ политическимъ заботамъ вообще составляетъ нынѣ выдающуюся черту въ характерѣ освобожденныхъ негровъ.

Индѣйцы неблагосклонно относятся къ неграмъ еще и теперь, такъ что къ сѣверу отъ Красной Рѣки, на индѣйской территоріи, права негра немногимъ разнятся отъ правъ буйвола, котораго каждый краснокожій можетъ скальпировать; къ югу отъ той же рѣки — негръ можетъ разсчитывать на любую общественную должность, отъ разносчика газетъ до сенатора и президента. Тамъ негръ de jure равенъ бѣлому: онъ занимается (и съ большимъ увлеченіемъ) политическими дѣлами, разбираетъ дѣла на судѣ, владѣетъ собственностью, посылаетъ своихъ дѣтей въ школы.

Во время путешествія автора по южнымъ штатамъ, столкно-

веніе между бѣлыми и черными, между демократическою и республиканскою партіями въ Луизіанѣ, было въ полномъ разгарѣ. Казалось бы, пора уже утихнуть взаимной ненависти джентльменовъ юга и ихъ бывшихъ невольниковъ, но въ настоящемъ случаѣ къ этой расовой или, вѣрнѣе, экономической враждѣ припутался чисто политическій вопросъ, остающійся и до сихъ поръ на первомъ планѣ—вопросъ о третьей кандидатурѣ Гранта въ президенты, въ 1876 году, и о соединенныхъ съ этой кандидатурой цезаристскихъ стремленіяхъ, которыя, въ соединеніи съ злоупотребленіями администраціи и съ системою непотизма, усвоенною Грантомъ, сильно волнуютъ общественное мнѣніе страны.

Во всей этой исторіи негры являются какъ бы козломъ отпущенія, и на ихъ долю отпущено авторомъ не мало комическихъ страницъ. Если нѣкотораго комизма и неумѣлости въ положеніи негровъ нельзя отрицать, то нельзя выводить изъ этого заключеній о ихъ гражданской и политической неспособности и также подводить ихъ подъ одну категорію съ разными авантюристами (carpet-baggers), орудіемъ которыхъ, въ настоящій переходный періодъ, дѣлаются негры, вслѣдствіе своего невѣжества, которое, волей-неволей, пока совмѣщается съ политическою полноправностью и съ горячими, вполнѣ понятными стремленіями къ политической дѣятельности. Избирательные голоса негровъ теперь цѣнятся очень высоко, и этимъ пользуются иногда ловкіе авантюристы для своихъ корыстныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ бывали примѣры злоупотребленій со стороны людей, которые пробрались во власть, благодаря негритянскому большинству. Это, конечно, вызывало протесты со стороны бѣлыхъ, даже принадлежащихъ къ республиканской партіи, не говоря о демократахъ, къ которымъ принадлежатъ бывшіе рабовладѣльцы; послѣдніе, пользуясь обстоятельствами, выдаютъ себя за защитниковъ свободы и цивилизаціи. Въ 1874 году, произошло нѣсколько кровопролитныхъ схватокъ, подъ вліяніемъ взаимной вражды между черными и бѣлыми, въ Техасѣ, Южной Каролинѣ и другихъ штатахъ, а въ Луизіанѣ даже грозило дойти до серьёзныхъ смутъ, тѣмъ болѣе, что «бѣлые джентльмены» очень желаютъ какимъ бы то ни было способомъ отнять или урѣзать у негровъ ихъ политическія права. Поводомъ къ безпорядкамъ въ Луизіанѣ было неудовольствіе бѣлыхъ на цвѣтнаго губернатора Келлога, котораго, вопреки протестамъ демократической партіи, признало губернаторомъ федеральное правительство. Съ цвѣтнымъ губернаторомъ были посажены въ различныя должности также цвѣтные люди и понаѣхавшіе съ сѣвера авантюристы. Въ довершеніе всего, Келлогъ своими дѣйствіями нарушилъ букву конституціи, и тогда ненависть къ нему выразилась открытымъ возстаніемъ и провозглашеніемъ партіей демократовъ новаго губернатора, котораго не призналъ президентъ республики. Дѣло, проходя черезъ разные фазисы, услож-

нилось неловкимъ посольствомъ генерала Шеридана съ порученіемъ усмирить «мятежниковъ». Еслибы дѣло дошло до усмиренія, то можно было ожидать кровопролитія на всемъ югѣ, такъ какъ разнеслись слухи, что для третьяго избранія въ президенты Грантъ разсчитываетъ именно на цвѣтные голоса и, въ случаѣ пораженія республиканской партіи на выборахъ, можетъ воспользоваться побѣдоносными войсками Шеридана для достиженія своей цѣли. Столкновеніе было отвращено, благодаря своевременному благоразумію президента, но вражда къ чернымъ осталась.

Авторъ приводитъ интересную картину собранія тѣхъ людей, которые на югѣ получили прозваніе авантюристовъ.

«Частный секретарь губернатора Келлога явился въ отель съ извѣщеніемъ, что, если мы желаемъ посѣтить представителей законодательной и исполнительной властей Луизіаны, то спикеръ Ганъ и губернаторъ Келлогъ рады насъ видѣть. Мы отправились въ обществѣ нашего консула.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ неграми-солдатами и полиціей, мы входимъ. Потокъ гнилаго воздуха, испаренія отъ скверныхъ сигаръ и еще болѣе скверныхъ напитковъ заставляютъ насъ податься назадъ. Зала почти совсѣмъ темна, газъ горитъ только въ одномъ углу. Окна и двери обшиты досками, полъ усыпанъ пробками, битымъ стекломъ, корками черстваго хлѣба и гніющими костями. Въ залѣ толпятся праздношатающіяся и оффиціальныя лица, бо̀льшею частію, изъ негровъ—всѣ курятъ, болтаютъ, тѣснятся. Вотъ хлопковый промышленникъ хочетъ подняться на лѣстницу, посмотрѣть «на выставку законодателей». Тамъ авантюристъ объясняетъ цвѣтному избирателю, почему негры еще не получили обѣщанныхъ за политическое содѣйствіе 40 акровъ и хорошаго мула на человѣка. Какой-то молодецъ горланитъ на лѣстницѣ: «Да ужъ ладно; ка̀къ бы тамъ ни было, цвѣтные люди теперь имѣютъ права».

Послѣ многихъ препирательствъ съ черной полиціей, воображающей, что, если мы, бѣлые, то уже непремѣнно шпіоны и предатели, мы добираемся до второй палаты, длинной, грязной комнаты, безъ признака ковровъ. Вокругъ разставлены плевальницы, нѣкоторые изъ сенаторовъ-негровъ курятъ, развалившись на своихъ удобныхъ сидѣньяхъ. Воздухъ удушливъ. Каждый сенаторъ имѣетъ кресло, на которомъ крупными буквами поставлено его имя; но сидѣть смирно онъ, кажется, неспособенъ. Онъ бродитъ около, болтаетъ съ товарищами. Пять или шесть сенаторовъ кричатъ всѣ вдругъ, обвиняя одинъ другого въ лжи и обманѣ. Сумятица точно на сельской ярмаркѣ.

Предсѣдательствующій джентльменъ, Михаилъ Ганъ, усаживаетъ насъ близь своего кресла и предлагаетъ нѣкоторое объясненіе сцены.

«Вы удивляетесь, ка̀къ мы позволяемъ курить въ палатахъ? Но, джентльмены, мы не позволяемъ. Уставъ высказывается

противъ куренія, только какъ я приведу уставъ въ исполненіе? Жевать табакъ еще неблагопристойнѣе, чѣмъ курить. Тутъ правила безполезны. Негры будутъ и курить, и жевать табакъ».

«Почему же не предоставить имъ курить въ другихъ комнатахъ?

«Вы думаете—это легко, сэръ? Не только не легко, но и совсѣмъ невозможно. Намъ нельзя выпускать человѣка съ мѣста. Видите, у насъ присутствуетъ только что надлежащее число членовъ. Если хотя одинъ членъ покинетъ свое мѣсто, намъ нельзя продолжать.

Достоночтенный Мих. Ганъ дѣлаетъ видъ, что не знаетъ, сколько черныхъ, сколько бѣлыхъ членовъ въ его парламентѣ. «Мы не обращаемъ вниманія на цвѣтъ», говоритъ онъ.—Пока негръ Демасъ говоритъ громовую и краснорѣчивую рѣчь, мы считаемъ головы членовъ и насчитываемъ 24 бѣлыхъ на 28 черныхъ; четырехъ членовъ недостаетъ до законнаго числа. А между тѣмъ, спикеръ сейчасъ увѣрялъ насъ, что палата въ полномъ составѣ.

«Вы считаете это собраніе законнымъ, м-ръ спикеръ; но, вѣдь, присутствуетъ только 52 члена.

«56 членовъ откликаются на свои имена: да, это—законное собраніе, вторая палата Луизіаны». О Михаилъ Ганъ!

Перейдя въ верхнюю палату, мы находимъ высокаго, блѣднаго негра съ крошечной головой и разгульнымъ лицомъ; онъ предсѣдательствуетъ надъ 15 черными и 13 бѣлыми сенаторами. Этотъ негръ—помощникъ губернатора штата, Цезарь Антоній, чистокровный африканецъ, хотя и не столь темный, какъ его братья на Нигерѣ и Сенегалѣ. Антоній былъ швейцаромъ въ таможнѣ. Ранѣе, чѣмъ началъ заниматься политикой, онъ едва могъ заработывать свое жалованье, но потомъ, получивъ правительственное мѣсто, нашелъ себѣ широкій путь въ общественной дѣятельности и быстро возвышался. Со швейцарской скамьи онъ перешелъ на кресло помощника губернатора штата, хотя, помимо счастливыхъ случайностей, Антоній—не такой человѣкъ, который могъ бы подняться. Жуя свою жвачку, сплевывая табачный сокъ въ огромную плевальницу, онъ сообщаетъ намъ, что цвѣтные обитатели Луизіаны мало безпокоятся, если генералъ Грантъ получитъ третій срокъ или даже и шестой срокъ, если это ему угодно. Черный Цезарь Новаго Орлеана плыветъ въ одномъ кораблѣ съ бѣлымъ цезаремъ Уашингтона.

Проходя съ Антоніемъ въ кабинетъ Келлога, мы встрѣтили Пинчбека, негра, отвергнутаго уашингтонскимъ сенатомъ. Этотъ негръ точно въ павлиньихъ перьяхъ: негритянскіе сенаторы сейчасъ еще разъ подтвердили его выборъ въ сенатъ Штатовъ, и Антоній принесъ губернатору вѣрительную грамоту для подписи и приложенія печати. Пинчбекъ улыбается и невыразимо надоѣдаетъ вамъ своими поклонами и шарканьемъ. Вамъ приходитъ на мысль дать ему 20 центовъ. Губернаторъ,

повидимому, съ презрѣніемъ относится къ этому кандидату въ сенаторы, но не можетъ отказать въ своемъ имени и печати. Пинчбекъ наблюдаетъ за нимъ жадными глазами, жуетъ жвачку и заплевываетъ стѣны и ковры. Сцена высоко-комическая.

Видя, что бумаги подписаны, Пинчбекъ подхватываетъ свою сумку, всовываетъ въ ротъ свѣжую жвачку и выходитъ изъ комнаты подъ руку съ Антоніемъ, хихикая и гордо выступая среди восхищенной толпы.

«Все это—пустяки, говоритъ Келлогъ:—Пинчбекъ—настолько же сенаторъ теперь, какъ былъ прежде. Онъ отправляется по порученію глупцовъ; но вѣдь надо же потѣшить этихъ цвѣтныхъ дѣтей! Когда онъ явится въ Уашингтонъ, они увидятъ свою ошибку».

Съ Пинчбека разговоръ переходитъ на палаты; мы спрашиваемъ, считаетъ ли онъ нижнюю палату законнымъ собраніемъ.

«Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ съ улыбкой:—пока не имѣемъ законнаго числа членовъ, до тѣхъ поръ мы не составляемъ палаты. Существуютъ сомнѣнія, 54 или 56 членовъ составляютъ это число. Пока сомнѣніе не будетъ разрѣшено, до тѣхъ поръ мы воздерживаемся дѣйствовать по сомнительному праву. У насъ только 53 члена. Спикеръ Ганъ допустилъ трехъ кандидатовъ, непропущенныхъ въ бюро, занять мѣста. Это незаконно. Не имѣя надлежащаго числа членовъ, собраніе не вправѣ давать мѣста, а также и выбирать спикера. Если подобныя вещи и произошли, то незаконно и безъ моей санкціи. Михаилъ Ганъ—такой же спикеръ, какъ я президентъ. Моя палата—сбродъ и больше ничего, но Ганъ—охотникъ до титуловъ, а цвѣтные члены любятъ, когда ихъ называютъ законодателями.

«Зачѣмъ же палата собирается, разсуждаетъ о дѣлахъ, печатаетъ журналы, какъ настоящее законодательное собраніе?»

«Я не могу этому воспрепятствовать. Противная сторона богата, мы бѣдны, члены нашей группы люди нуждающіеся; имъ должно платить. Но они не могутъ остаться въ Нью-Орлеанѣ, если мы не отыщемъ предлога давать имъ по три доллара въ день. Меньше, чѣмъ въ недѣлю времени, уйдутъ 30 человѣкъ изъ 50. Я допустилъ имъ собираться, для формы присутствовать при рѣшеніи дѣлъ и получать плату, но предупредилъ, чтобъ всѣ серьёзныя занятія были отложены, пока наша дорога не выяснится». Финалъ съ сенатской кандидатурой негра-Пинчбека авторъ нашелъ уже въ Уашингтонѣ, встрѣтивъ Пинчбека въ передней сената.

«Обманутъ, сэръ, обманутъ! кричалъ онъ мнѣ.—Сенаторы отвергли мои бумаги! Все этотъ Келлогъ, сэръ!»

«Развѣ губернаторъ Келлогъ не надлежащимъ образомъ подписалъ ваши бумаги?»

«Губернаторъ Келлогъ! Онъ—губернаторъ! Этотъ Келлогъ—мошенникъ, сэръ. Онъ подписываетъ бумаги какъ слѣдуетъ, прикладываетъ большую печать какъ слѣдуетъ, а потихоньку пи-

шетъ письмо, чтобъ республиканцы не подавали за меня голоса. Онъ хочетъ самъ пройти. Онъ не останется въ Нью-Орлеанѣ. Сэръ, этотъ Келлогъ—величайшій плутъ въ Америкѣ!»

Вотъ образчики того, какимъ образомъ простодушные негры, съ своими политическими правами, становятся игрушками въ рукахъ ловкихъ политическихъ проходимцевъ, для ихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей.

До какой степени положеніе негра вообще шатко въ американскомъ обществѣ — доказывается уже и тѣмъ, что политическая равноправность, выраженная закономъ, не даетъ еще негру, въ глазахъ извѣстной части общества, самыхъ обыденныхъ правъ. Ставятся вопросы: дозволяется ли неграмъ ѣздить въ экипажахъ по улицѣ. жить въ хорошихъ отеляхъ, обѣдать за общими столами, сидѣть въ церкви? Казалось бы, равенство передъ закономъ влечетъ за собою и равенство предъ кондукторомъ публичнаго экипажа и предъ прислугой отеля. Но противники негровъ толкуютъ иначе. Политическое равенство, говорятъ они, вовсе не означаетъ необходимости имѣть общеніе съ непріятнымъ, неприличнымъ человѣкомъ. Свободнаго человѣка нельзя заставить, напримѣръ, продавать свои товары тому, кому онъ не хочетъ. Въ публичные экипажи не допускаются идіоты, нищіе, пьяные, мошенники, извѣстнаго разряда женщины, также люди, неприлично одѣтые, неприлично себя ведущіе. Такъ высказывается «общественное чувство» бѣлыхъ, и, во время луизіанскаго столкновенія, такія мелочи, какъ вопросъ объ уличныхъ экипажахъ, возбуждали не меньше преній, чѣмъ депеши посланнаго для усмиренія Луизіаны генерала Шеридана.

Негру открыты свободныя профессіи, но образчики такихъ образованныхъ негровъ возбуждаютъ удивленіе, смѣшанное съ недовѣріемъ. Диксонъ разсказываетъ, что одна ричмондская лэди пришла въ неописанное изумленіе, услышавъ, что негръ изъ Ямайки былъ приглашенъ, по обязанности адвоката, въ среду бѣлыхъ и что даже ему случайно пришлось встать во главѣ кружка адвокатовъ. — «И вамъ было не стыдно?» — «Стыдно чего? возразилъ собесѣдникъ. — Этотъ негръ былъ превосходный ученый и образованный джентльменъ. Онъ произнесъ такую рѣчь, которою могъ бы гордиться самый свѣдущій членъ нашего кружка».—«Однакожь, вѣдь это былъ *негръ!*» Примѣровъ подобныхъ самостоятельныхъ и свободныхъ профессій у негровъ чрезвычайно мало. «Общее правило таково, говоритъ авторъ:—негръ, прежде всего—рабочій земледѣлецъ и этимъ довольствуется. Подняться онъ едва ли можетъ и не чувствуетъ къ тому сильныхъ побужденій. Если негръ—не пахарь, то онъ прислуживаетъ въ домѣ. Но въ томъ и другомъ случаѣ—его работа стоитъ не болѣе пятой части подобной же работы бѣлаго человѣка; но, все-таки, негръ можетъ имѣть пропитаніе насчетъ заработковъ за свой неловкій и ненадежный трудъ, потому что его пища—тыква или зеленое зерно — очень дешева. Негръ понимаетъ цѣну доллара

этотъ долларъ дастъ ему виноградъ, ветчину, бобы, вйски, табакъ; но цѣнности втораго и третьяго долларовъ негръ уже не видитъ: онъ не можетъ дѣлать ничего другого, какъ ѣсть, пить, жевать жвачку и курить цѣлый день. Завтрашній день—это уже будущее, а жизнь для негра составляетъ текущій часъ».

«Пріучить негра заботиться о себѣ—требуетъ много времени. Онъ всегда привыкъ опираться на бѣлаго человѣка; одному негру трудно держаться самостоятельно. Личную свободу онъ, во многихъ случаяхъ, разумѣетъ, какъ свободу отъ труда, свободу праздности, возможность стоять и смотрѣть, какъ другіе работаютъ».

Оставляя достовѣрность приведенныхъ фактическихъ свѣдѣній на отвѣтственности автора, мы не видимъ, чтобъ они доказывали неспособность черной расы: если негръ еще и не настолько развитъ, чтобъ понять, что кто не работаетъ, тому нѣчего будетъ ѣсть, какъ выражается авторъ, то не негра въ этомъ винить. Онъ выросъ въ рабствѣ, и на его глазахъ пользовались властью и изобиліемъ именно тѣ люди, которые ничего не работали. Потому-то слѣдующая тирада автора, обращенная противъ негровъ, является скорѣе діатрибою противъ того общества, въ которомъ нынѣшніе негры сложились: «Негръ представляетъ собою крошечный міръ, полный причудъ и мечтаній, экстаза и суевѣрія. Онъ воображаетъ, что жизнь—комедія и маскарадъ, въ которой роли и костюмы распредѣляются случаемъ. Перемѣнить эти роли и костюмы — вотъ мысль, которою онъ теперь поглощенъ. Слава и богатство, могущество и власть кажутся негру результатомъ гигантской лотереи, называемой «общественной жизнью»; негръ одушевляется тою мыслью, что, еслибы только онъ могъ затратить свои рессурсы въ эту лотерею, то жилъ бы въ хорошемъ домѣ и наслаждался бы тыквой и сладкимъ картофелемъ, вйски и табакомъ до конца дней своихъ. Поэтому, негръ рьяно занимается политикою, пренебрегая всякимъ остальнымъ дѣломъ». Авторъ забылъ прибавить, что человѣку невѣжественному и только еще вступающему въ серьёзную политическую жизнь, помимо даже развращающаго вліянія рабства, не представляется и особенно высокихъ гражданскихъ идеаловъ въ современномъ американскомъ обществѣ, которыми бы онъ могъ проникнуться. Что же можетъ служить образцомъ новому гражданину? Не повсемѣстная ли подкупность, доходящая даже до вашингтонскаго сената, не та ли поглощающая все существо американца страсть къ наживѣ, ко всевозможнымъ спекуляціямъ, «ловля долларовъ», столько уже побивавшаяся литературой, и составляющая вырожденіе криво понятаго индивидуализма? Или попытки къ цезаризму и военной диктатурѣ, въ которыхъ обвиняются генералы Грантъ и Шериданъ въ Луизіанскомъ дѣлѣ и въ стремленіи продолжить власть перваго на третій срокъ? Диксонъ говоритъ, что негръ, необыкновенно плодовитый во время рабства, вырождается и гибнетъ на свободѣ, что, не желая за-

ботиться о завтрашнемъ днѣ, заниматься воспитаніемъ дѣтей, которое сопряжено съ хлопотами и расходами и требуетъ бережливости, онъ убиваетъ своихъ дѣтей, воспроизводя въ свободномъ обществѣ свои дикіе, африканскіе инстинкты. Быть можетъ, со времени освобожденія, негры мѣстами живутъ и въ худшихъ жилищахъ, ѣдятъ менѣе здоровую пищу, но навыкъ пользоваться свободой дастъ имъ и то, и другое, когда народится новое поколѣніе и когда поисправится само американское общество.

«Настоящій вопросъ заключается не въ такихъ, сравнительно, неважныхъ предметахъ, какъ подача голоса, участіе въ законодательствѣ и право носить оружіе наравнѣ съ бѣлыми, а именно въ томъ: можетъ ли цвѣтной человѣкъ жить въ свободномъ состояніи?»

Таковъ вопросъ, поставленный авторомъ относительно черной расы. Авторъ, повидимому, склоненъ рѣшить его отрицательно, хотя и не договариваетъ своей мысли. Быть можетъ, онъ правъ въ томъ смыслѣ, что негръ — еще ребенокъ и не входитъ въ рамку того коммерческаго склада общества, какой усвоили себѣ американцы. Съ другой стороны, климатическія условія гонятъ негра все болѣе и болѣе къ югу, какъ это и предсказывалъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, Дрэперъ въ своей «Исторіи междоусобной войны». Наибольшее преобладаніе черной расы замѣчается въ Южной Каролинѣ, гдѣ приходятся 10 африканцевъ на 7 европейцевъ. Но и тамъ негры стягиваются въ опредѣленный поясъ, лежащій между болотами и саваннами, отъ моря до Миссисипи и потомъ отъ нея же до залива С.-Андру. Здѣсь благопріятствуютъ негру какъ знойно-влажный климатъ, такъ и произведенія почвы: тыква, сахарный тростникъ здѣсь въ изобиліи. Въ эту область отступаютъ негры съ сѣвера, изъ Миссури и Кентуки, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они въ неволѣ размножались; за Миссури и Кентуки, въ этомъ процессѣ стягиванія негровъ къ югу, слѣдуютъ Мерилэндъ и Вирджинія. Сопоставляя это явленіе съ движеніемъ средневѣковыхъ готовъ, съ современнымъ стремленіемъ монгольскихъ племенъ выселяться изъ своихъ давно насиженныхъ странъ, со стремленіемъ крестоносцевъ въ Сирію, іезуитовъ въ Парагвай, францисканцевъ въ Мексику — даже съ передвиженіями птицъ, рыбъ и звѣрей, авторъ ограничивается указаніемъ, что возможны болѣе высшіе, невѣдомые стимулы, чѣмъ стремленіе къ лучшей пищѣ или питью, въ болѣе теплый климатъ. Оправданіе и объясненіе этого авторъ видитъ въ борьбѣ расъ, въ неизбѣжномъ подчиненіи нисшей расы высшею.

«Негръ не можетъ выдержать прикосновенія свободной жизни» Европа, въ теченіе 20 столѣтій, была разсадникомъ живой силы Европа снабжаетъ другіе материки жизнью—въ мірѣ животныхъ и растеній, а также и высшими формами человѣческой породы. Перевезите ель изъ Европы въ Америку, она разростется въ цѣлый лѣсъ и убьетъ туземныя ели около себя; лошадь и корова

вытѣснять буйвола и лося. Нисшія формы вытѣсняются высшимъ типомъ».

Убѣжденіе въ неспособности негритянской расы до того распространилось на югѣ, что бѣлые, на основаніи изученія негритянскаго вопроса и на полѣ битвы, и на табачныхъ плантаціяхъ, и въ школѣ, увѣрены въ своемъ конечномъ господствѣ безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. «Мы сдѣлали большую ошибку, отдѣлившись отъ союзнаго флага, говорилъ автору полковникъ Бинфильдъ:—но это больше не повторится. Мы довѣряемъ закону жизни. Была и для негра пора власти, но мы его не боялись; не боимся и теперь, когда въ Колумбіи засѣдаютъ и стоятъ во главѣ союза люди враждебныхъ намъ мнѣній, когда за негра большинство въ законодательныхъ собраніяхъ и ему отдано распоряженіе всѣми общественными силами. Европеецъ слишкомъ силенъ для африканца: цвѣтной человѣкъ не можетъ причинить вамъ другого вреда, какъ только развѣ ранить васъ въ темнотѣ или поджечь вашу комнату. Попробуйте водворить 10 европейцевъ среди 10 африканцевъ, дайте каждому равную долю земли, сѣменъ, орудій и денегъ, снабдите ихъ равными правами, свободными законами и предоставьте имъ самимъ управляться, издавать законы, воздѣлывать почву. Черезъ десять лѣтъ, бѣлымъ будутъ принадлежать и земля, и обзаведеніе, и деньги. Природа дала бѣлому человѣку умъ и силу, изобрѣтательность, отвагу и выносливость, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ нѣтъ этихъ качествъ у черныхъ. Бѣлый человѣкъ долженъ быть хозяиномъ на этомъ материкѣ. Зачѣмъ же намъ прибѣгать къ насилію? Желать новой междоусобной войны можетъ только врагъ цивилизаціи бѣлыхъ. Намъ нужно только ждать, и мы навѣрное побѣдимъ».

При такихъ условіяхъ, въ насмѣшкахъ надъ неграми, ихъ простодушіемъ, страстью къ политикѣ нѣтъ недостатка. Негръ слышалъ, что самый послѣдній сенаторъ получаетъ три доллара въ день за то, что, ничего не дѣлая, покачивается въ спокойномъ креслѣ, жуетъ табакъ, отвѣтитъ, когда его выкликнутъ, и только повременамъ выходитъ пить водку. Негръ работаетъ на хлопковой плантаціи и получаетъ по три доллара въ недѣлю. Негръ добивается сенаторскаго мѣста въ Джорджіи, тѣмъ болѣе, что его братья достигли уже того въ Миссисипи и Луизіанѣ.

«Мой цвѣтной слуга, такъ разсказывалъ автору его знакомый въ Джорджіи:—чистя нынѣшнимъ утромъ мои сапоги, взглянулъ мнѣ въ глаза и съ широкою улыбкою, перекосившею его лицо, спросилъ, какъ ему лучше дѣлать, чтобъ поступить въ законодатели штата. Этотъ малый едва читаетъ, а писать вовсе не умѣетъ, чиститъ у меня ножики и держитъ лошадь—и для меня же хочетъ издавать законы!» «Негры и мулаты, ударившіеся теперь въ политику, въ дѣтствѣ были рабами, въ большинствѣ не умѣютъ читать и писать, политику и исторію знаютъ меньше самаго тупаго шваба или уильтширскаго поселянина, о нрав-

ственныхъ законахъ, о соціальныхъ наукахъ не имѣютъ и понятія; но и самый послѣдній негръ въ Джорджіи понимаетъ различіе между хижиной и домомъ, полнымъ и пустымъ столомъ, теплой одеждой и лохмотьями, мѣстомъ въ дождевой канавѣ и въ законодательномъ собраніи». «У негра недостаетъ смысла видѣть, что политическій постъ требуетъ нѣкоторой подготовки, если даже не природныхъ способностей. Единственная мысль негра—получить «мѣсто», на которомъ онъ могъ бы сидѣть и курить, давать грубые отвѣты и получать плату; а тамъ ему мало заботы, какое именно мѣсто онъ получитъ, судьей будетъ или тюремщикомъ—это все равно».

Если таковы, по взгляду автора, понятія негра, оставленныя рабствомъ, то, казалось бы, не потеряна надежда на подростающее поколѣніе; вопросъ образованія для негровъ такъ важенъ, что авторъ посвящаетъ ему особую главу. Въ этомъ отношеніи у Диксона также замѣтно нѣкоторое разочарованіе. Десять лѣтъ свободы, повидимому, привели къ тому, чтобъ признать только мимолетнымъ порывомъ, проблескомъ, исчезнувшимъ безъ результатовъ, тѣ стремленія негровъ къ просвѣщенію, какія авторъ замѣтилъ въ первую поѣздку и высказалъ въ «Новой Америкѣ». Только-что вышедшіе тогда изъ неволи негры стремились имѣть школы, гдѣ только можно; чуть не въ каждой хижинѣ можно было застать учащихся. Бѣлые тогда противились учрежденію общихъ школъ для бѣлыхъ и черныхъ на томъ основаніи, что это годится только для штатовъ Новой Англіи, гдѣ нѣтъ ни стариннаго дворянства, ни невольничьяго населенія, что подобная школа означаетъ равенство, до котораго еще далеко. Теперь бѣлые, умудренные событіями, основали публичныя школы въ каждомъ округѣ, школы свободныя, хорошо построенныя, отлично содержимыя, дающія обученіе даровое, но не обязательное; изъ бѣлыхъ едва ли найдутся такіе родители, которые бы не послали своего ребенка въ школу; изъ негровъ же, на трехъ родителей двое не пошлютъ ребенка въ школу—это несоотвѣтственно характеру и привычкамъ негра: надобно соблюдать школьные часы, школьные обычаи, мыть, чесать дѣтей, шить и чинить платье, варить во-время пищу, имѣть спокойный уголъ для вечернихъ занятій дѣтей; притомъ, хотя ученіе безплатно, но книги и аспидныя доски стоятъ денегъ, которыя надо отнимать отъ водки и табаку. Для воспитанія дѣтей нужно стѣсненіе себя и самопожертвованіе изъ года въ годъ; негры, отцы и матери, для этого слишкомъ безпечны и потому допускаютъ своихъ дѣтей бродить по закоулкамъ или валяться въ какомъ-нибудь хлѣвѣ».

Повидимому, бѣлое общество также не свободно, по меньшей мѣрѣ, отъ предразсудковъ въ дѣлѣ воспитанія: мало того, что школы для бѣлыхъ дѣтей все-таки обособлены отъ школъ цвѣтныхъ, но еще существуютъ и болѣе тонкія различія, доказывающія, что аристократическія чувства бѣлой расы идутъ очень да-

леко и что негры, неразвитое племя, отражаютъ на себѣ въ каррикатурѣ именно слабости и недостатки бѣлыхъ.

Въ цвѣтныхъ школахъ учится много учениковъ смѣшанной крови; нѣкоторые изъ нихъ—почти бѣлые. Это—все плоды незаконной любви: бѣлый отецъ, квадронка или окторонка—мать [1], и потому безъименное дитя. Хотя эти дѣти по цвѣту не отличаются отъ обыкновенныхъ дѣтей Нью-Йорка, но посѣщать бѣлыя школы имъ не позволяется: тутъ имѣетъ значеніе не столько цвѣтъ, сколько семья. Бѣлые не любятъ такихъ дѣтей въ силу своей аристократической гордости; негры, смирные по отношенію къ бѣлымъ, ненавидятъ гибридовъ и квадроновъ, такъ какъ, въ лицѣ послѣднихъ, кромѣ презрѣнія, они еще встрѣчаютъ напоминаніе, что многія черныя женщины были любовницами бѣлыхъ. Притомъ, вообще чистокровные негры больше всего ненавидятъ именно помѣси: чѣмъ ближе кровь, тѣмъ сильнѣе вражда. Негритянская кровь не скроется потомъ, когда эти дѣти-помѣси подростутъ: въ Лондонѣ или Сидни пятно ихъ происхожденія останется нераскрытымъ, но въ предѣлахъ Америки тѣже негры стерегутъ ихъ зорко; даже въ Канадѣ мулаты составляютъ совсѣмъ особый классъ, и попробуй кто-нибудь изъ ихъ общины втереться въ кружокъ бѣлыхъ—они разыщутъ виновнаго и безпощадно опозорятъ: не смѣй выходить за свои границы. Остается только уѣхать тому, кто имѣетъ деньги, а женщинамъ приходится еще хуже; у нихъ меньше путей заработывать деньги, и притомъ негритянки еще ревнивѣе мужчинъ: онѣ зорко слѣдятъ за квадронками.

Въ одной изъ негритянскихъ школъ авторъ увидѣлъ прелестную десятилѣтнюю дѣвочку, совсѣмъ бѣлую, съ розовыми щеками, голубыми глазами и черными вьющимися волосами. Это была дочь квадронки, живущей между своими; отецъ неизвѣстенъ. Негры требуютъ, чтобъ мать, какъ квадронка, жила между своими, а ребенка нельзя разлучать съ матерью. Какая судьба ждетъ эту дѣвочку? Чернаго мужа она сочтетъ недостойнымъ себя; для бѣлаго—у нея слишкомъ черное родство. Но положимъ, что она сдѣлается актрисой, пѣвицей, писательницей, приметъ ложное имя, ложную національность, скроетъ свое позорное происхожденіе, несчастную юность, скроетъ пятно, положенное на нее черною кровью. Но она должна помнить, что среди успѣха, пріобрѣтеннаго на артистической карьерѣ, вдругъ явится какой-нибудь школьный товарищъ изъ Вирджиніи и встанетъ ей поперегъ дороги. «Эта женщина — негритянское отродье. Это—старая знакомка, это—изъ нашихъ, хи-хи-хи!»

Преобладаніе негровъ въ южныхъ штатахъ, поддерживаемое федеральными войсками и республиканцами, засѣдающими въ Колумбіи — вотъ на что̀ слышится негодованіе между южными

[1] Отъ бѣлаго и негритянки происходитъ мулатъ; отъ бѣлаго и мулатки — квадронъ, отъ бѣлаго и квадронки—окторонъ.

джентльменами. «Война убила не рабство, убила свободу; гдѣ республика Франклина, Уашингтона, гдѣ наше хваленое самоуправленіе?» говорятъ они. Невѣжественныя массы негровъ, снабженныя правомъ голоса, могутъ основать какую-нибудь страну Мандинго или Дагомей среди американской республики. Въ Джорджіи бѣлые джентльмены, какъ мы видѣли, ожидаютъ благопріятнаго для себя исхода, благодаря естественному ходу вещей; въ Техасѣ, гдѣ три расы стоятъ лицомъ къ лицу, бѣлые смотрятъ на дѣло (особенно подъ вліяніемъ луизіанскаго столкновенія), болѣе горячо и потому откровенно. «Еслибы намъ не были нужны восточные доллары, мы бы отдѣлились отъ союза». Въ Техасѣ краткій періодъ негритянскаго преобладанія былъ временемъ тяжелаго испытанія для бѣлыхъ. «Многіе изъ негровъ—судей, законодателей и сборщиковъ податей—едва умѣли читать и подписывать свое имя. Преступленія увеличились, доходы уменьшились. Поземельная собственность была обложена налогами до того, что земля сдѣлалась тяжелымъ бременемъ для владѣльца; домà стояли пустые. Предводимые сѣверными авантюристами, подкрѣпляемые федеральными войсками, черные оттѣснили бѣлыхъ отъ избирательныхъ урнъ; бѣлый гражданинъ едва могъ подать голосъ; у него не было оружія, а черные были вооружены; кровь бѣлыхъ лилась; но теперь, слава Богу, это прошло, какъ проходитъ всякое зло, естественнымъ путемъ—благодаря многочисленной бѣлой иммиграціи изъ Англіи. Новые бѣлые сограждане, не участвовавшіе въ возстаніи, полноправные, сразу уравновѣсили негритянское большинство». Бѣлая лига возстала противъ черной и красной лигъ, по словамъ техасцевъ, именно вслѣдствіе этихъ злоупотребленій, хотя, собственно говоря, «бѣлая лига», еще въ іюлѣ 1874 года, заявляла себя насиліями (въ Техасѣ было до 3,000 случаевъ убійства черныхъ) и, чрезъ посредство мѣстной газетки, грозила даже «обратить Луизіану въ военную территорію». Приведенный случай уравновѣшенія негритянскихъ голосовъ бѣлыми европейскими пришельцами, имѣетъ важное значеніе для политической будущности негровъ: численность ихъ уже не увеличивается подвозомъ изъ Африки, а нарождаются они на свободѣ крайне медленно, быть можетъ, вслѣдствіе варварскаго обычая отдѣлываться насильственными способами отъ новорожденныхъ дѣтей. Бѣлые же, въ большинствѣ случаевъ, могутъ разсчитывать на поддержку европейцевъ, пока иммиграція послѣднихъ еще продолжается.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобъ не было средствъ къ соглашенію, къ устраненію дальнѣйшаго пламени этой борьбы за преобладаніе, которая была бы совсѣмъ нелѣпа и необъяснима, при необходимости уладиться между собою для взаимнаго блага черныхъ и бѣлыхъ, еслибы въ дѣло не замѣшивались постороннія низкія страсти, происки авантюристовъ — съ одной стороны, надежда добиться опять подчиненнаго положенія негровъ — съ другой, и, наконецъ, быть можетъ, и честолюбивыя желанія пре-

зидента въ виду предстоящихъ выборовъ. Сами по себѣ, негры вовсе не пылаютъ ненавистью къ бывшимъ своимъ господамъ: въ Южной Каролинѣ, гдѣ вообще перевѣсъ негровъ по численности надъ бѣлыми сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и именно въ Чарльстонскомъ Графствѣ, гдѣ цифра черныхъ вдвое больше цифры бѣлыхъ, бѣлымъ удалось, путемъ непосредственнаго соглашенія съ неграми, устроить очень выгодный для себя компромиссъ, удержать за собою половину мѣстъ и добиться сильнаго вліянія въ законодательствѣ штата. Джентльмены разсчитали, что негры вообще привязаны къ своей родинѣ и больше были направлены противъ бѣлыхъ своими вожаками. Поэтому, посланный отъ нихъ къ неграмъ капитанъ Даусонъ говорилъ имъ рѣчи очень разумныя, еслибы эти рѣчи были искренними. Онъ сказалъ, что какъ бѣлые, такъ и цвѣтные, плывутъ на одномъ кораблѣ и что лучше было бы общими силами двигать впередъ этотъ корабль, чѣмъ бороться другъ съ другомъ, что бѣлые вовсе не возражаютъ противъ выбора самими неграми администраторовъ тамъ, гдѣ они имѣютъ несомнѣнное большинство, только бы, для общаго блага, выбирали хорошихъ людей, а не агитаторовъ и не авантюристовъ, и тогда бѣлые не будутъ имъ выставлять оппозиціонныхъ кандидатовъ, а это избавитъ негровъ отъ лишнихъ тревогъ и издержекъ. Тѣ на такіе доводы согласились; въ списокъ были выбраны умѣренные республиканцы, и — благодаря этому—мнѣнія бѣлыхъ въ Южной Каролинѣ получили перевѣсъ.

Въ pendant къ такому компромиссу съ массою простодушныхъ негровъ-избирателей нехудо привести еще слова образованнаго негра, школьнаго товарища автора и, по профессіи, адвоката. «Я—уроженецъ юга, желаю жить въ мирѣ со своими бѣлыми сосѣдями и вовсе не считаю постыднымъ свое происхожденіе. Соглашаюсь, что многіе изъ моего народа невѣжественны, неразвиты, лѣнивы, но вѣдь у нихъ есть и хорошія качества. Только оставить ихъ въ покоѣ, и они скоро поладятъ со своими бывшими господами. Всѣ безпорядки производятся авантюристами, въ родѣ Келлога, въ ихъ личныхъ интересахъ. Въ Нью-Орлеанѣ я пользуюсь полнымъ уваженіемъ какъ судей, такъ и адвокатовъ, обѣдаю съ великими и малыми міра сего, какъ дѣлалъ бы въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ. Но на сѣверѣ, откуда налетаютъ эти авантюристы, въ Бостонѣ и Чикаго, мнѣ не позволятъ обѣдать за общимъ столомъ. Я вамъ говорю, что мы всего лучше устроились бы въ Нью-Орлеанѣ, лишь бы только насъ оставили однихъ».

Повидимому, авантюристы-администраторы, содѣйствующіе неграмъ-законодателямъ федеральной арміей, портятъ все дѣло. Казалось бы, чего лучше, какъ не возстановить нормальный порядокъ вещей: цезаризмъ не помѣшаетъ въ такой странѣ, какъ Америка. Предоставить каждому штату управляться самому, безъ войскъ и безъ насилія. Но полномочіе опредѣлять себя раз-

мѣръ правъ негровъ, какъ говорилъ, въ заключеніе, автору одинъ вашингтонскій сенаторъ, могло бы быть предоставлено южнымъ штатамъ только въ томъ случаѣ, еслибы исчезли всякія опасенія возврата рабства. Голоса были даны неграмъ, чтобъ обезпечить политику эманципаціи. Вѣдь отказываютъ же въ политическихъ правахъ китайцамъ Невады, Орегона и Калифорніи».

Кто же больше радѣетъ о правахъ новыхъ гражданъ союза? Джентльмены или государственные люди сѣвера? Чрезъ одно, много два поколѣнія, негры сами рѣшатъ этотъ вопросъ. Они имѣютъ всѣ природныя средства для этого, кромѣ навыка имъ пользоваться и—просвѣщенія.

О КУЛЬТУРНЫХЪ ПРИЗНАКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

I.

Членъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, г. Н. Рыбкинъ, въ ноябрьской книжкѣ «Трудовъ» этого общества, въ статьѣ «Хозяйственная лѣтопись самарскаго края за 1873 и 1875 годы», говоря о современномъ экономическомъ значеніи самарскаго Поволжья, между прочимъ, обращается къ столичной печати съ слѣдующею петиціею: «Печатное слово въ наше время пріобрѣло большую силу. Оно стало ворочать милліонами... Благодаря, главнымъ образомъ, столичной прессѣ, русскій народъ собралъ для самарцевъ, въ какіе-нибудь 5 мѣсяцевъ, болѣе 2-хъ милліоновъ руб. сер. Но, если бы эта печатная сила обратилась противъ насъ, то она могла бы насъ и погубить. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, не легко было самарскимъ хозяевамъ, въ одномъ передовомъ журналѣ («Отечественныя Записки — добавляетъ г. петиторъ), за апрѣль 1874 г., прочесть статью нѣкоего г. С...о—М...я «О дѣйствительныхъ причинахъ самарскаго голода». На бѣду самарцевъ, статья написана прекрасно (благодаримъ за комплиментъ — добавляю я) — и храни насъ Богъ, если печать, вмѣсто милліоновъ, за которые ей великая благодарность, примется потомъ бичевать насъ подобнаго рода статьями часто. Тогда намъ придется просто умирать, и въ нашемъ безвременьи больше никто насъ выручать не захочетъ». («Труды импер. вольн. эк. общ.» 1875, ноябрь, т. III, вып. III, стр. 258—259).

Подобное обращеніе къ печати не ново. По мнѣнію однихъ, типографскій станокъ, это—то ужасное Прокустово ложе, которое терзаетъ всякаго, попавшаго на это ложе. По мнѣнію другихъ,

печать, это—страшный ящикъ Пандоры, изъ котораго выходятъ на людей всѣ бѣдствія. Но есть и такіе люди, которые думаютъ, что печать, это—вовсе не ящикъ Пандоры, а скорѣе слесарь, который силится запереть крышку страшнаго ящика, насылающаго бѣдствія на весь шаръ земной, но никакъ не можетъ подобрать ключа къ нутряному замку страшнаго ящика. Четвертые утверждаютъ, что печать, это — копье Ахиллеса, имѣющее чудодѣйственную силу и наносить смертельныя раны, и мгновенно заживлять ихъ. Сравниваютъ, наконецъ, печать съ сказочнымъ вороном, хотя иногда и каркающимъ зловѣще, но чаще приносящимъ въ своемъ клювѣ живую и мертвую воду, изъ которыхъ первая имѣетъ свойство оживлять мертвые члены живыхъ существъ, соединяемые во едино мертвою водою, какъ цементомъ. Мнѣ же, напротивъ, печать представляется тою бѣдною, но честною и доброю «молодицею Гапкою», о которой я слышалъ еще въ дѣтствѣ. Баба Гапка, это—жена «панскаго батрака» Омельки. Омелько съ Гапкою живутъ очень бѣдно, но честно, работяще. Всего у нихъ добра—семеро малолѣтнихъ дѣтей «хлопчиковъ», «коза-дереза-молочница, свинья-прожорница и липовыя ночвы», въ которыхъ добрая Гапка мѣситъ хлѣбы для своего «чѐловика» Омельки и для семерыхъ малютокъ хлопчиковъ. Каждый день Омелька ходитъ «на панщину», а Гапка дома одна исполняетъ многоразличныя обязанности матери, хозяйки и «панской слухальщицы». У нея такъ развитъ слухъ, что она слышитъ, кàкъ ростетъ панскій хлѣбъ, чего никто въ мірѣ не слышитъ, и слышитъ, въ тоже время, кàкъ «на небѣ у Бога бьется и таетъ восковое сердце, когда Богородица за людей проситъ». Гапка — непокладная работница: правою рукою она хлѣбы изъ печки вынимаетъ, а лѣвою нищихъ одѣляетъ, правою ногою дѣтей въ огромной люлькѣ качаетъ, а лѣвою ногою свинью-прожорницу отъ хлѣбовъ отгоняетъ, правымъ окомъ козу пасетъ, а лѣвымъ окомъ волка блюдетъ, однимъ ухомъ прислушивается, кàкъ изъ подъ земли панскій хлѣбъ на свѣтъ Божій выбивается, а другимъ — кàкъ на небѣ у Бога бьется и таетъ восковое сердце, когда Богородица за людей проситъ...

Дѣйствительно, доброй Гапкѣ—до всего дѣло. Непокладная работница, она вездѣ должна поспѣть, за всѣмъ присмотрѣть: она и въ школѣ, и въ полѣ, на сушѣ и морѣ; она въ земскомъ собраніи голоса считаетъ, однихъ ободряетъ, другихъ утѣшаетъ, третьихъ укоряетъ; ей и до земскихъ сметъ и раскладокъ дѣло, ей дѣло и до того, кàкъ расходуются земскія деньги, кàкъ строятся земскія дороги, и каковъ воздухъ въ земскихъ школахъ и больницахъ; она и за судомъ должна присмотрѣть — такъ-ли ведутъ себя прокуроры и судьи, присяжные повѣренные и присяжные засѣдатели, хоть за это на нее и сердятся многіе; однимъ глазомъ она слѣдитъ за дѣломъ Овсянникова, другимъ—за дѣломъ Струсберга; ей нужно знать, чѣмъ кормятся самарцы и что̀ ѣдятъ архангельцы и ташкентцы. Весь міръ божій, всю жизнь

людскую, человѣческое счастье и несчастье, человѣческое добро и зло добрая Гапка положила близко къ своему обширному сердцу и, дѣйствительно, должна, въ одно и тоже время, прислушиваться, какъ изъ земли ростетъ панскій и мужичій хлѣбъ и какъ на небѣ бьется и таетъ за людей восковое сердце.

И вотъ теперь оказывается, будто добрая, но бѣдная Гапка «ворочаетъ милліонами» — развѣ это тѣ милліоны кусочковъ хлѣба, которые она отламываетъ отъ кусковъ своихъ собственныхъ дѣтей и отдаетъ нищимъ. Нѣтъ, добрая Гапка не милліонами ворочаетъ, а она только прислушивается къ біенію сердца у самого Бога, а черезъ это получаетъ даръ, вмѣсто милліоновъ, ворочать добрыми человѣческими сердцами, которыя и жертвуютъ милліоны тамъ, гдѣ видятъ бѣдствія и страданія, будь это въ Самарѣ или въ Герцеговинѣ. Можно ли же, послѣ этого, бояться доброй Гапки и воображать, что она начнетъ «бичевать самарскихъ хозяевъ» съ тѣмъ, чтобы безвременно погубить ихъ?—Нѣтъ, добрая Гапка неспособна на это.

Какъ бы то ни было, обращеніе г. Рыбкина къ столичной печати, обращеніе, скромное по формѣ и задачѣ, которою оно вызвано, исключительно мѣстное и, такъ сказать, сословное по интересамъ, которые оно отстаиваетъ, и потому до извѣстной степени одностороннее, чтобы не сказать однобокое, должно, однако, по необходимости, вызвать столичную печать на разъясненіе вопроса о самой этой печати и о значеніи ея словъ для той обширной, въ 18 милліоновъ квадратныхъ верстъ, аудиторіи, въ стѣнахъ которой столичное печатное слово раздается и, повидимому, не безотвѣтно. Дѣйствительно-ли печать представляетъ собою Прокустово ложе или ящикъ Пандоры, или копье Ахиллеса, или ворона съ живою и мертвою водою, или добрую Гапку, или же, наконецъ, все это вмѣстѣ взятое, но примѣняемое только къ обстоятельствамъ, мѣсту и времени, согласно правилу классической септиманы-совопросницы: «quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando?»

Хотя г. Рыбкинъ говоритъ изъ своего мѣстнаго угла, изъ Бугурусланскаго Уѣзда, Самарской Губерніи и какъ бы именемъ этого угла, но въ его словѣ обобщается вопросъ тѣмъ именно обстоятельствомъ, что г. Рыбкинъ ставитъ столичную печать, по отношенію къ провинціямъ и ихъ мѣстнымъ интересамъ, въ положеніе Тараса Бульбы, который говоритъ своему сыну Андрею: «ты думалъ, что я отдалъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ, я тебя породилъ, я тебя и убью». То есть: если столичная печать силою своего слова могла тронуть сердце русскаго народа настолько, что въ какіе-нибудь пять мѣсяцевъ онъ собираетъ болѣе двухъ милліоновъ рублей и спасаетъ цѣлый край отъ голода, то, если эта сила обратится—отъ чего Боже сохрани—на кого-либо, хотя-бы на «самарскихъ хозяевъ», то она можетъ и погубить ихъ. Г. Рыбкинъ боится, что столичная печать примется часто «бичевать» ихъ страшными статьями, и тогда имъ

просто придется умирать, и умирать тѣмъ неизбѣжнѣе, что въ ихъ безвременьи никто выручать ихъ больше не захочетъ и русскій народъ собирать милліонновъ не станетъ.

Въ чемъ же состояло это бичеваніе, и не слѣдуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, столичной печати остерегаться отъ него?

Бичеваніе это г. Рыбкинъ видитъ въ тѣхъ словахъ автора помянутой статьи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ онъ, будто бы, «все направилъ къ тому, чтобы доказать, что самарскія земли истощены, что голодъ самарскій—вовсе не случайность, а неотвратимый результатъ расхищенія почвы и издавна безалабернаго хозяйства»; что «поволжская черноземная десятина нынѣ стала бѣднѣе петербургской, псковской, новгородской и смоленской десятины, за которыми давно установилась репутація земель нищенскихъ»; что «весь край самарскій рѣшительно нищаетъ»; что, какъ оказывается по мѣстнымъ изслѣдованіямъ поземельныхъ банковъ, земли безнадежныя и бѣдныя по верховьямъ Оки и Волги или даже около Петербурга и Москвы являются болѣе доходными, чѣмъ черноземъ Поволжья», и что, наконецъ, въ сельско-хозяйственной комиссіи при министерствѣ государственныхъ имуществъ самарскіе хозяева дали показанія не въ пользу процвѣтанія самарскаго края, гдѣ земли захватываются барышниками и гдѣ даже многіе обѣднѣвшіе крестьяне обнаружили движеніе въ мѣщанство съ отказомъ отъ полевыхъ надѣловъ.

Возражая противъ этого, г. Рыбкинъ тоже старается «все направить къ тому», чтобы доказать противное, и, при всемъ томъ, не доказываетъ, потому что обличающіе слабость его доводовъ факты, какъ острые гвозди изъ мѣшка, такъ и сквозятъ въ каждомъ его тезисѣ, въ видѣ фразъ: «нищенство нѣкоторыхъ крестьянъ»... «уходъ въ мѣщанство»... «бездѣльство вообще» (будто бы вообще?)... «обѣднѣніе народа вообще» (опять вообще)... «народъ по мѣстамъ началъ лѣниться и пошаливать» (отчего это такъ?).. «по мѣстамъ бѣднѣетъ» (выше *вообще* бѣднѣетъ?)... «захваты степей купцами»... «убавленіе скота»... «потеря народомъ энергіи»... «нарушеніе обычнаго порядка прежней трудовой жизни» (какой *прежней*—крѣпостной?)... «измѣненіе добрыхъ старыхъ правовъ на новые» (какіе «добрые старые нравы»? — патріархальные? помѣщичьи?)... «потеря на сходахъ вліянія трудолюбивыхъ стариковъ»... «запиранье старикамъ духа молодежью»... сожалѣніе о томъ, что только «старики въ деревняхъ консерваторствуютъ, а молодежь стоитъ за прогрессъ, свободу и равенство и *этимъ* оправдываетъ свою непорядочность»... «захватыванье скупщиками на торгахъ казенныхъ участковъ и *раззореніе* чрезъ это крестьянъ»... объясненіе «движенія крестьянъ въ мѣщанство съ отказомъ отъ полевыхъ надѣловъ»—«безсмыслицей *тупого народа*, ищущаго кисельныхъ береговъ, медовыхъ рѣкъ и даровыхъ земель», и подтвержденіе этой тупости народа стихами Пушкина изъ «Бориса Годунова»:

Несмысленная чернь
Для истины глуха и равнодушна:
Все баснями питается она...

Затѣмъ—сравненіе этихъ уходящихъ отъ полевыхъ надѣловъ крестьянъ съ «птицами безъ крыльевъ»... опасеніе, что «впослѣдствіи такіе пахари могутъ сѣсть на шею обществу и надѣлать лишнихъ хлопотъ правительству»... увѣреніе въ томъ, что уходятъ въ мѣщанство только «люди тупые, лѣнивые и небережливые, сзывающіе по 100 человѣкъ на свадьбы, или люди недовольные владѣльцами»—и тутъ же указаніе на «виновность самихъ землевладѣльцевъ, *принажимающихъ крестьянъ* за выгоны и разныя угодья, снимаемыя ими сверхъ надѣловъ»... наконецъ, предвидѣніе «печальнаго конца» этой «анти-экономической войны» землевладѣльцевъ съ крестьянами въ силу мудраго афоризма, что «*пилить тотъ сукъ, на которомъ сидишь, весьма невыгодно, да и совершенно не нужно*»... (Тамъ же, стр. 261, 262, 263).

Вотъ тѣ, такъ-сказать, кричащіе и звенящіе факты въ обращеніи самарскаго землевладѣльца къ столичной печати и, лично, къ пишущему это — факты, напоминающіе, въ силу народной мудрости, ножницы, которыя всегда отзовутся, если ударить кулакомъ по столу. Я даже не билъ кулакомъ по столу, а только сказалъ, что ножницы непремѣнно должны быть на столѣ — и ножницы отозвались со стола, увѣряя, что онѣ — подъ лавкой.

Въ литературѣ, говоритъ самарскій землевладѣлецъ: — новые взгляды необходимы, такъ какъ безъ этого передовые журналы не будутъ интересны. Но *оные* новые взгляды не должны подрывать кредита у землевладѣнія въ мѣстахъ плодоносныхъ. И внутренней, и заграничной нашей торговлѣ прокламаціи, въ родѣ вышеприведенной, только вредятъ и ничего болѣе. Конечно, у автора честныя намѣренія (еще бы!..). Въ другомъ мѣстѣ, художественно рисуя экономическое рабство Малороссіи, онъ доказалъ намъ это (а малороссы, вонъ, напротивъ, заподозрѣли меня въ нерасположеніи къ Малороссіи, какъ и вы, г. самарскій землевладѣлецъ, заподозрѣваете меня въ нерасположеніи къ самарскому краю—вотъ что̀ значитъ глядѣть на столичную печать изъ угла, въ узкое мѣстное окошечко̀, особенно когда окошечко это покрыто копотью провинціальной отсталости). Да говоря и о самарской нищетѣ, онъ взываетъ также искренно: mea culpa! Онъ имѣетъ цѣлью предупредить катастрофы, въ родѣ голода 1873 года. Но для чего онъ впадаетъ въ крайности и отстаиваетъ то небывалое у насъ мрачное положеніе дѣлъ, которое въ древности выражалось словами pereat mundus. На дѣлѣ у насъ еще и начала этого конца не видно. Зачѣмъ же правительство въ этотъ обнищавшій, голодный, мытчиками захваченный и банками опозоренный край ведетъ желѣзную дорогу? Надо полагать, что оно проштудировало губернію лучше земельныхъ банковъ»... А полагать надо, что и нѣтъ, потому что самарско-орен-

бургская дорога, кажется, сѣла на мель—ну, да это въ нашемъ вопросѣ не имѣетъ значенія.

Въ заключеніе своего обращенія къ столичной печати г. самарско-бугурусланскій землевладѣлецъ взываетъ къ намъ такимъ образомъ въ свое узенькое слуховое окошечко: «Хлѣбъ самарскій всегда питалъ и будетъ питать столицы. Стало быть, по одному этому, уже совершенно напрасно осыпаютъ насъ передовые люди упреками и журьбой, какъ промотавшихся глупцовъ, безпутно растратившихъ богатое наслѣдство (помилуй Богъ — кто же осыпалъ васъ упреками? Mea culpa не значитъ tua culpa; а столичная печать тогда искренно восклицала: «mea culpa, mea maxima culpa!»).—Нѣтъ! (доносится къ намъ изъ слухового окошечка) мы данный намъ талантъ не утратили; а мы въ одномъ только виноваты, что, имѣя въ рукахъ этотъ талантъ, еще не додумались, подобно тамбовцамъ, симбирцамъ или орловцамъ, до того простого соображенія, до какого дошли они.:Мы пренебрегали усадьбами и одворицами и, увлекаясь просторомъ, разбрасываемся по степямъ за новями на 20—40 верстъ и не хотимъ около дома утучнять земли, давно распаханныя, и производить на нихъ цѣнные хлѣба. Въ сказанныхъ губерніяхъ, безъ ученій Кэри, селенія не задыхаются въ навозѣ, а весь его, не взирая на свой черноземъ, запахиваютъ и въ огородахъ, и въ коноплянникахъ, и въ ближайшихъ поляхъ ежегодно. Бросивъ дешевые овсы, полбы и гречихи, эти люди выручаютъ двойныя противъ насъ деньги на пенькѣ, коноплѣ, льнѣ, пшеницѣ и т. д. Удвоивъ свои доходы, всѣ они и опрятнѣе насъ живутъ, и лучшимъ здоровьемъ пользуются, и вящей энергіей славятся, да и цѣнность своихъ земель такимъ толковымъ хозяйствомъ противъ насъ, оплошныхъ самарцевъ, они увеличили ровно вдвое съ великаго дня свободнаго труда (тамъ же, стр. 265—266).

II.

Теперь мы поговоримъ о данномъ предметѣ вообще и о задачахъ столичной печати по отношенію къ этому предмету въ частности. Задачи столичной или центральной печати, столь, повидимому, провинившейся передъ самарцами и украинцами—обобщать мѣстныя явленія, явленія общественныя, экономическія и всю сумму явленій исторической культурализаціи страны, распадающейся на центры, столицы, провинціи, окраины, углы, захолустья и, наконецъ, на безчисленные ряды общественныхъ единицъ, разновидностей, видовъ, индивидуальностей, общественныхъ искривленій, уродствъ, гипертрофій и т. д., и т. д. По самому положенію центральной печати, это—ея культурная миссія: она должна разомъ видѣть *все* и по частямъ и ко *всему* прислушиваться разомъ и по частямъ. Изъ этого, опять-таки, само

собой вытекаетъ, что она—ни Прокустово ложе, ни ящикъ Пандоры, а, скорѣе, вòронъ съ живою и мертвою водою или Ахиллесово копье, или, всего вѣрнѣе—добрая Гапка. Обобщая явленія и факты, она изъ самыхъ признаній угловъ и окраинъ видитъ, что, чѣмъ углы ближе къ центрамъ, тѣмъ они культурнѣе—и «опрятнѣе живутъ», чѣмъ угличане, жители угловъ, «и лучшимъ здоровьемъ пользуются, и вящей энергіей славятся», и все у нихъ лучше, чѣмъ у «оплошныхъ» самарцевъ-окраинцевъ, у жителей угловъ и всякихъ территоріальныхъ оконечностей.

Вотъ гдѣ общность вопроса, недавно затронутаго столичной печатью и ставшаго какимъ-то боевымъ вопросомъ въ литературѣ.

Мы видѣли, что самарскій землевладѣлецъ не сбиваетъ съ позиціи фактовъ, поставленныхъ столичной печатью по вопросу объ экономической отсталости и заспанности нашихъ провинцій и окраинъ и рисующихъ одинъ уголъ картины соннаго царства. Мало того: самарскій землевладѣлецъ подкрѣпляетъ наши факты новыми и усиливаетъ краски набросаннаго нами угла общей картины; онъ говоритъ, что «десятина подъ Петербургомъ дѣйствительно даетъ много дохода», несмотря на свою чахоточность, а самарская десятина даетъ мало, несмотря на то, что, по отношенію къ петербургской, она, какъ дѣва окраинъ—кровь съ молокомъ, тогда какъ большинство дѣвъ центровъ страдаютъ блѣдною немочью. Въ другомъ мѣстѣ, приводя наши же слова, что «хлѣбомъ изъ самарской пшеницы питаются лучшіе европейскіе умы», начиная отъ Спенсера и кончая Дарвиномъ; что вездѣ, въ Россіи и въ Европѣ, «самарской пшеницѣ первая честь и мѣсто»—онъ все-таки находитъ себя вынужденнымъ согласиться съ нами, что самарецъ всегда живетъ лишь насчетъ будущихъ урожаевъ, въ 1875 году съѣдая то, что̀ ожидаетъ собрать въ 1878 году, и что этого не было бы, еслибъ «нужды надъ народомъ не стояли тучей каждый день».

Что̀-жь это такое — кормленіе самарскимъ хлѣбомъ лучшихъ европейскихъ умовъ и столицъ и съѣданіе самимъ самарскимъ народомъ, за два года впередъ, своихъ будущихъ урожаевъ подъ тучею нуждъ? Ка̀къ согласить первое съ послѣднимъ? Ка̀къ разъяснить такія, повидимому, абсурдныя экономическія явленія, что Спенсеръ и Дарвинъ, а за ними Филиповъ съ своими столичными пекарнями, кушаютъ булки изъ прекрасной бугурусланской пшеницы, а бугурусланскіе производители этой пшеницы часто питаются чорнымъ хлѣбомъ съ мякиной и даже лебедой?

Разъяснить эти явленія — дѣло столичной или центральной печати, это—дѣло доброй Гапки, которая должна все знать, все видѣть и все слышать. Разъясненіе это входитъ ужь въ область общихъ, не исключительно бугурусланскихъ или украинскихъ интересовъ.

Разбиваемъ Россію на-двое — на зѐмли, такъ сказать, обѣто-

ванныя, благословенныя, зѐмли съ жирнымъ черноземомъ, зѐмли средней и южной Россіи, и на зѐмли необѣтованныя—на зѐмли, которыя признано именовать чахлыми, истощенными, чахоточными. Первыя зѐмли, это—тѣ, о которыхъ когда-то и знаменитый европейскій экономистъ, баронъ Гакстгаузенъ, пророчески говорилъ, что онѣ станутъ житницей Европы въ то время, когда слишкомъ густому населенію нѐчѣмъ будетъ пропитываться и свѣтиламъ европейскимъ, вродѣ Спенсера и Дарвина, станетъ угрожать голодъ. Въ словахъ ученаго какъ бы повторяются пророческія слова библіи: «тученъ хлѣбъ Ассира — имъ будутъ питаться князи земли»... Вторыя зѐмли, это—несчастныя, истощенныя *исторіею* и *людьми* [illegible]мли центровъ, почему-то возникшихъ у насъ не на благословенныхъ, не на обѣтованныхъ зѐмляхъ, а на зѐмляхъ сравнительно нищенскихъ.

И на тѣхъ, и на другихъ зѐмляхъ сидитъ все то[illegible] русскій народъ, хотя и разбитый на множество этнограф[illegible] разновидностей. Всмотримся теперь во внѣшніе приз[illegible]зни этого народа.

Вотъ, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, высказавшихъ свои личныя наблюденія сельско-хозяйственной комиссіи министерства государственныхъ имуществъ, внѣшніе признаки экономической жизни крестьянъ, сидящихъ на зѐмляхъ чахлыхъ, ближе отстоящихъ отъ нашихъ историческихъ и экономическихъ центровъ.

Новгородская Губернія: «увеличеніе потребностей крестьянъ по отношенію къ чаю, сахару, табаку, водкѣ, кожаной обуви и особенно лучшей одеждѣ»... «Роскошь въ нарядахъ доходитъ до безобразія: нерѣдки примѣры, что крестьянинъ опустошалъ свой дворъ и амбаръ, чтобы купить женѣ платье въ 100 руб. и себя нарядить въ городское платье»... Это—историческіе потомки тѣхъ новгородцевъ, тѣхъ «худыхъ мужиковъ вѣчниковъ», о которыхъ съ такимъ ужасомъ отзывается смиренный лѣтописецъ и которые издали смотрѣли, кàкъ «лучшіе гостиные люди» новгородскіе вели торгъ съ Ганзою, заправляли всѣмъ сѣверомъ Россіи, посылали за мѣхами своихъ «отроковъ въ югру-языкъ нѣмъ», и воевали съ болѣе могучимъ центромъ—Москвою. «Худые мужики-вѣчники» изгоняютъ уже свой историческій лапоть на окраины русской земли и, надѣвая кожаный сапогъ и космополитическое пальто, одѣваютъ жонъ въ сторублевыя платья. Чтò это? экономическое безобразіе или культурный признакъ?

А вотъ внѣшніе экономическіе признаки другого исторически-культурнаго края — тверской области: «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пища крестьянъ улучшается и потребленіе мяса увеличивается»... «значительно увеличивается потребленіе чая, сахара, табаку и водки»... «жизненныя потребности тоже увеличиваются, особенно въ отношеніи одежды: сюртуки, енотовыя шубы, цѣпочки, часы, цилиндрическія шляпы, а у женщинъ—зонтики, лаковые штиблеты и кринолины»... Это — потомки тверичей, тоже когда-то бывшихъ до извѣстной степени ближайшими

факторами центральной силы, боровшейся съ другою центральною силою—Москвою.

Третья исторически-культурная область—псковская, всегда отличавшаяся чахлостью своей земли: «пища крестьянъ нѣсколько улучшилась отъ разведенія овощей и употребленія хлѣба лучшаго качества»... «потребности крестьянъ увеличились, преимущественно на чай, водку, лучшую обувь и одежду, доходящую до щегольства»... «вмѣсто лучины — керосинъ!..» (историческая лучина хочетъ становиться достояніемъ археологіи)... истребленіе пива въ огромномъ количествѣ: бѣдный мужикъ навариваетъ его отъ 2 до 4 сорокаведерныхъ ушатовъ, а побогаче — до 10 ушатовъ: это—400 ведеръ!.. А скоро ли лапоть и лучина перейдутъ въ музей Гасснера вмѣстѣ съ орудіями пытки, показываемыми въ музеѣ?

Переходя въ Смоленскую губернію, почва которой тоже не можетъ быть названа благословенною, мы встрѣчаемся съ слѣдующими внѣшними культурными признаками: «улучшеніе обуви и одежды»... «лапти болѣе и болѣе выводятся изъ употребленія, войлочные колпаки замѣняются лѣтомъ фуражками, а зимой—теплыми шапками»... «одежда изъ домашнихъ издѣлій постепенно исчезаетъ»... «чай входитъ въ употребленіе»... «увеличился расходъ на наряды женщинъ: шерстяной красный сарафанъ, шелковый платокъ, бусы—заурядная принадлежность одежды молодой женщины»... «значительно увеличилось употребленіе сапоговъ и дубленыхъ полушубковъ»... «кованныхъ колесъ нѣтъ только у плохого хозяина»... «крестьяне стали проявлять наклонность къ домовитости, къ улучшенію своего домашняго быта и къ щегольству въ одеждѣ; стали класть болѣе печей съ трубами»... Бѣлый войлочный колпакъ, лапти и курная изба, это—историческіе признаки лѣтописнаго дреговича: и вотъ эти признаки начинаютъ стариться—дреговичъ мало-по-малу превращается въ культурнаго человѣка.

А московскій крестьянинъ, по спинѣ котораго проходили къ русскому центру и татары, и поляки, и французы, на спинѣ котораго гуляли и опричники Грознаго, и польскіе пахолки Тушинскаго вора — этотъ крестьянинъ, хотя и бѣденъ, но у него «сальная свѣча» замѣняетъ понемногу историческую «лучину», появились и «ночники съ керосиномъ», самоваръ — не рѣдкость».

На бойкомъ ярославцѣ давно легъ культурный лоскъ: ярославецъ — не горожанинъ только, а и крестьянинъ — «ѣстъ чисто, живетъ чисто»... «постройки почти повсемѣстно не только хороши, но даже роскошны»... «одежда вообще хороша, а въ промышленныхъ селахъ даже щеголевата»... «улучшенія замѣтны болѣе всего въ жилищахъ: въ избахъ у крестьянъ завелись обои, стѣнные часы, самовары распространились повсюду, особенно жестяные, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилось и потребленіе чая»... «улучшенія въ одеждѣ, даже щегольство, замѣтны повсюду»...

«щегольскія поддёвки и сапоги, пальто и пиджаки, часы, у женщинъ нарядныя платья, часто шелкъ и плисовыя шубы—все это встрѣчается чаще и чаще»... «женщины, кромѣ ситцевъ, ничего не носятъ и въ будніе дни безъ чаю никто на работу не пойдетъ»... «недоимокъ на крестьянахъ вообще очень немного»...

Ловкій костромичъ, живущій въ такихъ дебряхъ, что изъ нихъ самъ знаменитый Сусанинъ не могъ бы вывести поляковъ, еслибъ и захотѣлъ — тоже успѣлъ, подобно ярославцу, пронести культурный свѣточь въ свои дебри: «пища» у него «улучшилась», «потребленіе мяса и пшеничной муки «увеличилось»... «чай входитъ во всеобщее употребленіе»... «постройки улучшаются—во многихъ домахъ появляется мебель и дорогая посуда»... «въ одеждѣ не только замѣтно улучшеніе, но во многихъ мѣстностяхъ щегольство и роскошь: многіе одѣваются погородски—у мужчинъ сюртуки, пальто, шляпы; у женщинъ—платья, бурнусы, шляпки»... «матеріалы, употребляемые на одежду—сукно, драпъ, шелковыя матеріи, волчьи, бѣличьи, а иногда и енотовые мѣха»...

У нижегородцевъ, когда то «закладывавшихъ женъ и дѣтей»—«потребленіе мяса увеличивается и пища улучшается»... «многіе крестьяне ѣдятъ мясо почти постоянно и употребляютъ много пшеничнаго хлѣба»... «жизненныя потребности увеличиваются, строенія улучшаются, одежда иногда доходитъ до щегольства, избы штукатурятся, оклеиваются обоями, заводятся часы стѣнные и карманные, чай составляетъ предметъ ежедневнаго потребленія»... Конечно, это не во всѣхъ уѣздахъ; въ иныхъ живется все еще очень плохо.

Но вотъ, перешагнувъ въ мѣстности, откинутыя отъ центровъ къ окраинамъ, въ мѣстности собственно хлѣбныя, земледѣльческія, въ такія мѣстности, которыя кормятъ своимъ хлѣбомъ Спенсера и Дарвина, а равно «князей земскихъ», не исключая и хлѣбнаго князя Овсянникова — мы натыкаемся на отсутствіе культурныхъ признаковъ и видимъ кругомъ только бѣдность да бѣдность.

Въ Вятской Губерніи—«жители уже терпятъ нужду». О культурныхъ признакахъ нѣтъ и помину. Вотякъ не знаетъ ни ситцу, ни другихъ матерій для одежды: онъ носитъ рубаху и порты изъ своего собственнаго льна. По вычисленіямъ г. Куроптева (О льноводствѣ въ Вятской Губерніи. Сборникъ въ пам. стат. съѣзда, II, 1875), на рубаху и порты некультурный вотякъ употребляетъ ежегодно болѣе полумилліона пудовъ льна.

Казанская окраина также стонетъ въ нуждѣ и бѣдности. Культурные признаки, это—рѣдкія исключенія. «Пища крестьянъ *не улучшается* и употребленіе мяса *не увеличивается*, а мѣстами и *уменьшается*». Ясно, что и желудокъ продолжаетъ быть желудкомъ травояднаго животнаго съ удлиненною кишкою... «Хлѣбъ—очень прѣсный, плохой»... «Одежда — вся изъ домашняго холста»... «улучшеній въ бытѣ не замѣтно»... «недоимокъ накопи-

лось много—продавали скотъ и пріостановили продажу, потому что во многихъ деревняхъ продавать нѐчего»... «бѣднѣе другихъ живутъ горные черемисы: пищу ихъ составляютъ—картофель, рѣдька; они ѣдятъ воронъ, бѣлокъ, зайцевъ; вообще живутъ крайне бѣдно и грязно»... «чуваши живутъ немного лучше ихъ. Русскіе еще нѣсколько лучше, но также бѣдно»...

За бѣдной казанской окраиной слѣдуетъ *богатая* самарская, богатая и потому, что она дѣйствительно можетъ кормить и кормитъ своимъ хлѣбомъ Спенсера и Дарвина, а равно экономическіе и культурные наши центры, и потому, что бугурусланскій самарянинъ, г. Рыбкинъ, самъ гордится своею окраиною, приводя текстъ изъ библіи: «тученъ хлѣбъ Ассира,—имъ будутъ питаться князья». У этой окраины и земли неоглядное море — въ пять разъ болѣе, чѣмъ въ Бельгіи и Голландіи, и скота много. А между тѣмъ, «пища крестьянъ не улучшается и потребленіе мяса не увеличивается»... «около 1/3 хозяевъ не ѣдятъ мяса»... «въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздахъ пища *ухудшается*»... «*улучшеній въ одеждѣ и жилищахъ не замѣтно.*

Ясно, что это—культурный застой. Богатая окраина кормитъ князей, а сама плохо питается: это—уже экономическая скудость, при которой культурному развитію еще меньше мѣста въ этой «благословенной» окраинѣ.

III.

Остановимся пока на замѣченномъ нами уменьшеніи числа культурныхъ признаковъ экономическаго развитія русскаго народа по мѣрѣ удаленія отъ культурныхъ и экономическихъ центровъ и сдѣлаемъ смѣлый, очень смѣлый въ научномъ отношеніи шагъ — переступимъ съ почвы экономической прямо на почву естествознанія, чтобы снова потомъ стать на почвѣ экономической, но стать уже твердо, опираясь на научно-экспериментальный костыль.

Въ сферѣ животной жизни новѣйшею наукою открыто явленіе такъ-называемаго *миметизма*, на основаніи котораго геніальный англійскій натуралистъ Валласъ дѣлаетъ поразительные выводы въ области природовѣдѣнія. «Миметизмъ» порусски переводится словомъ *подражаніе*, хотя это послѣднее слово далеко не вполнѣ выражаетъ понятіе, соединяемое въ наукѣ съ словомъ «миметизмъ». Новѣйшею наукою, какъ извѣстно, замѣчена поразительная гармонія между многими животными и окружающею ихъ природою или какъ бы поддѣлка подъ природу со стороны животныхъ, подражаніе цвѣтамъ и краскамъ природы. Замѣчено, что многія животныя окрашены тѣми именно цвѣтами, какіе преобладаютъ въ почвѣ и въ растеніяхъ, среди которыхъ живутъ эти подражающіе экземпляры. Въ то же время,

натуралисты открываютъ нѣкоторыя разновидности животныхъ, изъ которыхъ одинъ видъ какъ бы сознательно подражаетъ другому своими наружными формами и иными проявленіями. Въ первомъ случаѣ простому наблюдателю прямо бросается въ глаза внѣшнее явленіе, и онъ готовъ заключать, что животныя или сознательно подражаютъ почвѣ и путемъ жизни вырабатываютъ себѣ внѣшность этой природы для своихъ цѣлей, какъ это бываетъ во всякой поддѣлкѣ, или же безсознательно получаютъ эту окраску по тѣмъ же законамъ жизни, по коимъ окраска эта дана законами жизни и самой природѣ, ихъ окружающей. Во второмъ случаѣ можетъ родиться такое представленіе, что слабыя животныя сознательно подражаютъ болѣе сильнымъ видамъ, принимая ихъ наружныя формы, привычки и цвѣта, чтобы этой поддѣлкой спасать себя отъ преслѣдованія со стороны враговъ. Понятно, что тутъ наука едва ли можетъ допустить сознательность такой выработки себѣ цвѣтовъ и формъ со стороны животныхъ, потому что, въ противномъ случаѣ, и негръ могъ бы сознательно выработать себѣ, вмѣсто чернаго лица и шерстянаго покрова головы, бѣлую кожу и гладкіе русые волосы. Но что «миметизмъ» существуетъ въ природѣ — это наука подтверждаетъ тысячами фактовъ. Такъ, извѣстно, что животныя, родившіяся въ песчаныхъ пустыняхъ — левъ, верблюдъ, египетская кошка, антилопа—имѣютъ шерсть положительно песочнаго цвѣта, съ оттѣнками красокъ степи. Наука говоритъ, что явленіе это—не случайное совпаденіе цвѣтности съ природою всего, что̀ на ней живетъ, а что подобное окрашиванье подчиняется тоже извѣстному закону, открытому новѣйшею наукою—закону *экономической полезности* въ природѣ. Законъ экономической полезности состоитъ въ томъ, что левъ потому именно надѣлъ на себя песочно-желтую шубу, что въ бѣлой или черной шубѣ онъ давно исчезъ бы съ лица земли. Въ бѣлой или черной шубѣ, странствуя по песчанымъ или каменистымъ степямъ, онъ постоянно бросался бы всѣмъ въ глаза негармонирующимъ съ природою цвѣтомъ своей шубы и, съ одной стороны, не могъ бы спрятаться отъ человѣка и былъ бы имъ уничтожаемъ, съ другой—не могъ бы подкрасться къ своей добычѣ или выждать ея приближенія, лежа на пескѣ между скалами и песчаными камнями, и погибъ бы съ голоду. Полярныя животныя, напротивъ, окрашены въ бѣлый цвѣтъ, потому что должны проводить жизнь между снѣгами и льдами: такимъ является бѣлый полярный медвѣдь, постоянно обращающійся среди льдинъ и снѣговъ и потому надѣвшій на себя бѣлую шубу вмѣсто бурой, которую носитъ медвѣдь не полярный. Въ бѣлой шубѣ ходитъ сѣверный горностай, песецъ. Нашъ заяцъ лѣтомъ надѣваетъ сѣрую шубу, а, какъ выпалъ снѣгъ — передѣвается въ бѣлую. Американскій полярный заяцъ, живущій въ странѣ вѣчныхъ снѣговъ, круглый годъ ходитъ въ бѣлой шубѣ. Лѣтомъ куропатку трудно отличить отъ сѣрыхъ камней, между которыми она укрывается и питает-

ся, потому что лѣтомъ она окрашиваетъ свои перья подъ цвѣтъ камня, и зимой ее не отличишь отъ снѣжной кочки, потому что на зиму она перекрашивается.

Это—проявленіе закона *экономической полезности*, изъ котораго исходитъ а явленіе «миметизма» въ животныхъ. Только «миметизмъ» заходитъ дальше этого простого подражанія или поддѣлки подъ внѣшнія краски природы. Натуралистами давно замѣчено, что существуютъ насѣкомыя, которыя поразительно походятъ одни на другихъ, хотя и принадлежатъ къ различнымъ родамъ, семействамъ и даже отрядамъ и въ зоологической классификаціи состоятъ между собою въ очень далекомъ зоологическомъ родствѣ. Явленіе это приводило натуралистовъ въ недоумѣніе, и они положительно не знали, чѣмъ объяснить его. Но «царство науки не знаетъ предѣловъ», говорятъ поэты; а поэты—народъ очень чуткій; они иногда бываютъ болѣе чутки, чѣмъ ученые. Дѣйствительно, наука объяснила сказанное непостижимое явленіе—*миметизмомъ*. «Миметизмъ» проявляется въ животныхъ и насѣкомыхъ тѣмъ, что слабый видъ подражаетъ сильному, и враги его, воображая, что передъ ними экземпляръ, умѣющій хорошо защищаться, боятся преслѣдовать этого бѣднаго труса, и онъ остается жить. Натуралисты видятъ этихъ слабыхъ трусовъ-подражателей въ семействѣ бабочекъ «лептали» (leptales), которыя очень искусно подражаютъ другому семейству бабочекъ, называемыхъ «геликонидами» (heliconidae). Геликониды водятся въ Южной Америкѣ. Это—очень распространенное и очень счастливое семейство бабочекъ, счастливое потому, что геликониды ничего не боятся, а это — большое счастье и для человѣка, не то что для бабочки. Геликониды защищаются отъ своихъ враговъ, отъ насѣкомоядныхъ птицъ, сильнымъ аптечнымъ запахомъ, который они испускаютъ изъ себя и который противенъ ихъ врагамъ. Птицы, видя этихъ бабочекъ издали и зная ихъ отвратительный запахъ, не рѣшаются преслѣдовать ихъ и попусту терять время. Оттого геликониды сильно распространены въ лѣсахъ Южной Америки и, благодаря защищающему ихъ запаху, благоденствуютъ. Вотъ этимъ-то счастливцамъ и подражаютъ другія бабочки-лептали, которыя не имѣютъ отвратительнаго запаха и потому пожираются птицами. Но ихъ все-таки нѣсколько спасаетъ то, что онѣ имѣютъ такія же большія крылья и усики, какъ геликониды, въ такія же яркія окрашены краски и летаютъ такъ же медленно, какъ геликониды. На явленія «миметизма» указываютъ также между птицами и животными.

Основываясь на явленіяхъ «миметизма», въ свою очередь вытекающаго изъ требованій закона «экономической полезности», Валласъ дѣлаетъ такой выводъ: въ какой-либо мѣстности существуетъ извѣстный видъ животныхъ, счастливо организованный, то-есть умѣющій хорошо защищаться отъ враговъ и нападать для пріобрѣтенія себѣ пищи; видъ этотъ благоденствуетъ и

размножается, тѣмъ болѣе, если онъ оказывается еще полезнымъ; въ той же мѣстности существуетъ другой видъ животныхъ, которыя слабосильны, лишены духа предпріимчивости, не полезны, и потому обречены на жертву врагамъ и на конечное исчезновеніе; животныя эти дѣйствительно вымираютъ или истребляются; остаются изъ нихъ только тѣ, наружные признаки которыхъ совпадаютъ съ признаками животныхъ другого вида, сильнаго, хорошо организованнаго и предпріимчиваго; эти выдающіеся экземпляры переживаютъ своихъ слабыхъ родственниковъ, нарождаютъ новыхъ, но непремѣнно, въ силу открытой Дарвиномъ преемственности видовыхъ формъ, нарождаютъ подобныхъ себѣ преемниковъ, у которыхъ внѣшнія особенности родителей сохраняются и принимаютъ уже прочную устойчивость. Вотъ это-то совпаденіе признаковъ, это подражаніе, этотъ «миметизмъ» и спасаетъ слабые виды животныхъ отъ конечнаго вымиранія.

Явленія «миметизма» мы замѣчаемъ въ культурной и экономической жизни народовъ, хотя *культурно-экономическій миметизмъ* повинуется другимъ законамъ жизни, которые все-таки не иначе могутъ быть названы, какъ законами *экономической полезности*.

Замѣна историческаго лаптя болѣе культурнымъ кожанымъ сапогомъ, замѣна лучины свѣчею и керосиномъ, древлянской и дреговичской курной избы избою съ трубой, замѣна домашнихъ тканей фабричными, наконецъ, замѣна мѣстныхъ покроевъ платья общекультурною одеждою, а мѣстныхъ говоровъ, нарѣчій и подрѣчій общекультурнымъ языкомъ страны, все это явленія культурно-экономическаго миметизма, вызываемаго законами экономической полезности и всесильными требованіями цивилизаціи и человѣческаго прогресса. Эта всемогущая волна уноситъ все съ собою—и могучіе корабли, и простыя лодочки, и щепки: могучему кораблю эта волна полезна; она несетъ его къ цѣли, а утлую лодочку нерѣдко опрокидываетъ и топитъ, или выбрасываетъ на берегъ вмѣстѣ съ щепками и мусоромъ.

IV.

Выше мы видѣли проявленія культурно-экономическаго миметизма въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, начиная отъ культурно-экономическихъ центровъ и кончая заволжскою, самарскою окраинами.

Переходя на нагорный правый берегъ Волги, въ мѣстности, лежащія ближе къ центрамъ, мы находимъ слѣдующіе признаки:

Въ Симбирской Губерніи: «пища крестьянъ не улучшается и потребленіе мяса не увеличивается»... «мясо крестьяне употребляютъ только въ праздники»... «исключеніе составляютъ Арда-

товскій и Корсунскій Уѣзды, гдѣ пища крестьянъ улучшается и потребленіе мяса увеличивается». Явленіе это объясняется бо́льшею промышленностью данныхъ уѣздовъ и бо́льшимъ экономическимъ развитіемъ. Оригинальный отзывъ дала по настоящему предмету Сызранская земская управа. На вопросъ сельско-хозяйственной комиссіи относительно улучшенія крестьянской пищи она отвѣчаетъ: «Говорить о томъ, насколько улучшился бытъ рабочихъ, относя это улучшеніе исключительно къ ихъ пищевому довольству, весьма трудно. Въ предѣлахъ уѣзда вездѣ ѣдятъ и ѣли чистый хлѣбъ (то-есть безъ мякины и другихъ непитательныхъ примѣсей); затѣмъ уѣздъ раздѣляется еще на пшеничную и ржаную полосу; вездѣ, гдѣ сѣютъ пшеницу, въ обыкновенную крестьянскую пищу входитъ пшеничный хлѣбъ; размѣръ потребленія мяса гораздо болѣе зависитъ *отъ привычки*, чѣмъ отъ сродствъ, *а извѣстно, что въ жизни гораздо скорѣе проводится великая мысль, чѣмъ измѣняется простая кухонная привычка*. Это всего замѣтнѣе при очень урожайныхъ годахъ. Въ то время, когда рабочій много заработываетъ, какъ, напримѣръ, въ жнитво 1868 года, замѣтно страшное вздорожаніе полушубковъ, сапогъ, рабочихъ лошадей и т. д.; въ эти же времена особенно оживляется питейная торговля, но не замѣтно ни вздорожанія мяса, ни увеличенія его потребленія».

Далѣе—не менѣе любопытная замѣтка относительно культурныхъ признаковъ: «*татары* (18% населенія) ѣдятъ много мяса конины; вообще, они *развиты болѣе другихъ племенъ*, занимаются мелочною торговлею, нанимаются на сторонніе работы, а *въ хлѣбопашествѣ*, напротивъ, стоятъ *ниже прочихъ крестьянъ*»... «потребности чувашъ, хотя они и зажиточнѣе всѣхъ прочихъ крестьянъ, очень ограниченны»... «русскіе въ этомъ отношеніи могутъ занять мѣсто между чувашами и татарами; но болѣе всѣхъ развиты въ потребностяхъ жизни тѣ изъ крестьянъ русскихъ селеній, которые занимаются промыслами» (а не хлѣбопашествомъ: это—замѣчательная черта вездѣ). А крестьяне степной части—самые бѣдные изъ всѣхъ.

Въ Саратовской Губерніи встрѣчаемъ тѣ же признаки. «Чай» и «сахаръ», вмѣсто «посконнаго холста и самодѣльнаго сукна—ситцы, шерстяныя и плисовыя матеріи»; «нагольные тулупы» и «зипуны» вытѣсняются дублеными полушубками и кафтанами, а также и поддёвками изъ фабричнаго сукна. Подъ Саратовомъ же «самодѣльщинская рубаха мужчинъ и набойные холщевые сарафаны бабъ исчезли и замѣнились мануфактурными произведеніями, а въ лаптяхъ или поршняхъ, а не въ сапогахъ, ходить за сохою *считается уже стыдомъ*». Но, конечно, это не касается глухихъ деревень сѣверо-западнаго угла губерніи.

Совершенно такіе же признаки постепенной культурализаціи представляетъ сельское населеніе губерній Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловской, Курской и Воронежской: лучина, лапоть, кичка, курная изба и т. п., цѣлое тысячелѣтіе

господствовавшіе въ русской землѣ, начинаютъ понемногу сходить со сцены.

Но вотъ мы переходимъ въ благословенный край, въ плодородную, цвѣтущую и благоухающую цвѣтами Малороссію. Культурные признаки и, притомъ, московской культуры пестрятъ среди украинскаго населенія, словно тѣ цвѣтки, которые бросалъ на людей, во время церковной службы въ печерскомъ монастырѣ, упоминаемый Несторомъ-лѣтописцемъ «бѣсъ во образѣ ляха». Ситцевая юпка и ситцевое платье вытѣсняютъ до-историческую «запаску» и «плахту». Обрядовая «намитка» уступаетъ мѣсто космополиту-платку, которымъ красиво драпируются черноволосыя головы украинокъ, словно бы онѣ были истыя московки. Вмѣсто грубой «свитки», является крытая нанкой и сукномъ «кожушанка». Лапоть всегда былъ въ презрѣніи у украинца, который всегда былъ того мнѣнія, что въ его жилахъ течетъ казацкая кровь — благороднѣе, чѣмъ у москаля-лапотника. И вотъ, историческое родство съ казакомъ-воиномъ, гордость племени, рода и крови дѣлаетъ съ украинцемъ то, что̀ обыкновенно замѣчается въ потомкахъ, воображающихъ въ своихъ жилахъ не простую человѣческую, а благородную историческую кровь: «Благосостояніе крестьянъ въ *русскихъ* селахъ, гдѣ нѣтъ семейныхъ раздѣловъ и гдѣ еще сохраняются семейныя группы, *гораздо выше, чѣмъ въ малороссійскихъ селахъ*, въ которыхъ семейные раздѣлы доходятъ до крайности. *Малороссъ доволенъ, если обезпечитъ себя хлѣбомъ и тремя парами воловъ для работы. Теперь онъ заработываетъ въ два мѣсяца то, что̀ прежде заработывалъ въ четыре, и эти лишніе два мѣсяца гуляетъ. Онъ такъ лѣнивъ, что даже въ извозъ нейдетъ въ своемъ собственномъ селѣ*». Это — мѣстные отзывы, полученные сельско-хозяйственною комиссіею по Харьковской Губерніи. «При дороговизнѣ скота, потребленіе мяса недоступно для сельскаго населенія» — по Полтавской Губерніи. «Малороссіянинъ не чувствуетъ потребности къ улучшенію своей домашней жизни и довольствуется тою пищею и тою домашнею обстановкою, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства... Лишнія средства онъ охотнѣе употребитъ на покупку вина, чѣмъ на улучшеніе своей домашней жизни...» Но изъ этихъ же отзывовъ видно, что «благосостояніе крестьянъ несомнѣнно развивается... Сначала, послѣ освобожденія, они полагали свободу въ ничего недѣланіи; теперь — въ накопленіи и трудѣ...» По Кіевской Губерніи между утѣшительными отзывами о культурализаціи населенія встрѣчаются мѣстами и такіе: «Крестьяне употребляютъ мясо только въ случаяхъ торжественныхъ или во время болѣзни...» «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Сквирскій Уѣздъ) чай употребляется крестьянами только въ случаяхъ чрезвычайныхъ, и, притомъ, болѣе по тщеславію, чѣмъ по вкусу...» «Уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній, при значительномъ увеличеніи средствъ, не произвело никакого почти измѣненія въ потребностяхъ крестьянской жизни: тѣ же низкія и

тѣсныя избы, тоже отсутствіе бань, та же вообще неопрятность, даже у зажиточныхъ крестьянъ... У заводскихъ крестьянъ и мастеровыхъ развивается стремленіе къ образованію своихъ дѣтей...» «Овецъ, свиней и птицъ крестьяне употребляютъ въ пищу очень рѣдко, а крупнаго рогатаго скота почти никогда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ѣсть говядину считается даже за грѣхъ...» (Бахмутскій Уѣздъ Екатеринославской Губерніи). Это — что-то странное, необъяснимое.

Подвигаясь еще далѣе на югъ, къ морямъ, мы встрѣчаемъ слѣдующіе признаки: «Потребленіе мяса между крестьянами замѣтно увеличилось. Причиной тому, по мнѣнію нѣкоторыхъ волостныхъ старшинъ—усилившіяся противъ прежняго работы и *проявившееся въ народѣ сознаніе, что, лишая себя хорошей и здоровой пищи, рабочій истощаетъ свои силы и становится, вслѣдствіе того, менѣе способнымъ къ труду...*» «Причиной увеличившагося потребленія мяса и улучшенія пищи сельскаго населенія послужило, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сооруженіе севастопольской желѣзной дороги, привлекшее значительное число рабочаго народа, для котораго понадобилась улучшенная пища. Остатками отъ заготовляемыхъ для продажи этимъ рабочимъ припасовъ мѣстные жители пользуются сами...» «Чай мѣстами замѣняетъ водку...» «При урожаяхъ, пьянство не такъ безобразно, какъ въ неурожайные годы...» Одежда становится «благообразнѣе», особенно у женщинъ, всегдашнихъ піонеровъ культуры: это—прямое опроверженіе ошибочнаго мнѣнія, будто женщина консервативнѣе мужчины; напротивъ, разъ женщина сознала полезность уваженія—она на этомъ пути является неудержимѣе, настойчивѣе мужчины и болѣе чутка къ требованіямъ культуры. Внѣшній, хотя жалкій признакъ этого—жадное слѣдованіе за модою. Аналогическое съ этимъ явленіе представляетъ намъ одинъ отзывъ по Херсонской Губерніи: «Бытъ крестьянъ за послѣдніе годы улучшился, хотя по внѣшности это не особенно замѣтно. Они увеличиваютъ число скота, покупаютъ много земли и цѣлыми обществами арендуютъ большіе земельные участки. Есть крестьяне, имѣющіе собственной земли болѣе 100 десятинъ, а, между тѣмъ, въ домашнемъ быту они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ односельцевъ»; напротивъ, «у евреевъ-земледѣльцевъ, стоящихъ, по своему развитію, выше крестьянъ, число жизненныхъ потребностей ежегодно увеличивается». Это оттого, что евреи — народность наиболѣе чуткая къ требованіямъ культуры. За то почти тутъ же рядомъ, на глухой югозападной окраинѣ, бессарабскіе царане являются менѣе податливыми въ этомъ отношеніи, и хотя, съ одной стороны, культурныя силы начинаютъ понемногу, такъ сказать, забирать въ полонъ женское населеніе царанъ, съ другой—силы эти пока еще не въ состояніи вытѣснить изъ обращенія самыя примитивныя формы жизни. «Обычную пищу сельскаго населенія составляетъ, попрежнему, мамалыга, приготовляемая изъ кукурузы и замѣняющая хлѣбъ.

Бѣднѣйшая хозяйка, ручною мельницею, состоящею изъ двухъ каменныхъ плитокъ безъ всякаго приспособленія, кромѣ оси и рукоятки, мелетъ дневную порцію кукурузы и варитъ ее на водѣ въ каменной или желѣзной кострюлѣ, кладетъ затѣмъ соль, порою овечій сыръ — и пища для семьи готова. *Хлѣбъ царане не употребляютъ, развѣ въ шинкѣ для закуски*».

Въ группѣ губерній, лежащихъ у западной окраины Россіи, въ Подольской, Волынской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Виленской и Ковенской, рядомъ съ культурными признаками, встрѣчаемыми и въ другихъ мѣстностяхъ, приходится указывать, какъ на культурные зачатки, на слѣдующіе признаки относительнаго экономическаго подъема населенія: какъ явленіе выдающееся — «употребленіе жилетовъ»... заведеніе «у многихъ, даже небогатыхъ крестьнъ—постелей»... употребленіе желѣза на оковку вилъ, сохъ, на бороны съ желѣзными зубьями — словно бы эти люди только теперь начали переживать «каменный періодъ» и вступать въ вѣкъ бронзовый, желѣзный, который у грековъ почти совпадалъ съ троянскою войною... Далѣе—появленіе «кожаной сбруи, вмѣсто лыковой»... появленіе въ домашнемъ быту въ бо̀льшемъ количествѣ «соли», какъ культурнаго признака!.. «Иконы во всѣхъ избахъ появились только со времени освобожденія крестьянъ!» —это въ Могилевской Губерніи. *По привычкѣ*, хлѣбъ употребляютъ еще съ мякиной. Понятно, что культурнымъ силамъ не трудно будетъ бороться съ такими *историческими привычками*, если только у крестьянъ окажется больше хлѣба.

Намъ остается указать еще на прибалтійскую окраину или на такъ-называемый Остзейскій Край. Казалось бы, что историческое прошлое этого края должно бы было ручаться за то, что здѣсь корни цивилизаціи изъ рыцарской и баронской почвы, такъ или иначе, должны бы были прорости и въ крестьянскую почву, какъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, культурная внѣшность помѣщиковъ нечувствительно переходила хотя бы на дворовыхъ. Но, между тѣмъ, оказывается, что культурный миметизмъ только тогда возможенъ въ человѣческомъ обществѣ, когда оно пользуется извѣстною долою свободнаго труда и свободою выбора самой формы труда. На долю остзейскаго батрака менѣе всего выпало этой свободы, и, несмотря на близость моря и цивилизованной Европы, остзейскій крестьянинъ до сихъ поръ шелъ одною и тою же экономическою тропою и прошелъ ту же историческую стадію, какъ и заволжскій инородецъ, далеко откинутый отъ Европы и припертый къ азіятско-русской окраинѣ. До сихъ поръ лифляндскіе крестьяне-батраки и лѣтомъ, и зимою «живутъ и спятъ въ овинѣ», напоминая собою тѣхъ нашихъ лѣтописныхъ предковъ, которые и жили, и совершали свои моленія въ овинахъ, вмѣсто храмовъ. Въ Эстляндіи тоже—«обыкновенно овинъ также служитъ и жильемъ», и только въ рѣдкихъ случаяхъ къ овинамъ пристраиваются жилыя помѣщенія... «Муж-

чины обыкновенно спятъ на печи или возлѣ нея въ овинѣ, а женщины на полу»... Если есть домà, то они, какъ и овины, крыты соломою, «и рѣдко на нихъ встрѣчаются дымовыя трубы»... Для хлѣба употребляется «*почти* чистая рожь» — т. е. мякина вытѣсняется зерномъ. Башмакъ и сапогъ употребляются уже «не въ исключительныхъ только случаяхъ». Зато у зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ или арендаторовъ «рѣдкій домъ не снабженъ стѣнными часами»... «На столахъ зажиточныхъ крестьянъ-владѣльцевъ иногда встрѣчается баварское пиво и даже портвейнъ».

Кàкъ, однако, жалки всѣ эти признаки, которые, при общемъ нашемъ безкультурьи, поневолѣ приходится считать за нѣчто культурное!

V.

До сихъ поръ мы останавливались на внѣшнихъ культурныхъ признакахъ, зачатки которыхъ мы находили въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, около центровъ и окраинъ, въ мѣстностяхъ, имѣющихъ до нѣкоторой степени свое историческое прошлое и свое историческое воспитаніе, и въ мѣстностяхъ, такъ сказать, новаго экономическаго и культурнаго напластыванья. Но есть внутренніе культурные признаки, которые, проявляясь въ складѣ жизни, ярко оттѣняютъ населеніе одной мѣстности отъ другой. Для распознанія этихъ признаковъ есть особый критерій: это— проявленіе человѣческой личности въ обществѣ, въ общественномъ поведеніи этой личности, въ томъ, какою представляется народная физіономія внѣ дома, внѣ хозяйства, гдѣ-нибудь на площади, на улицѣ, на базарѣ, на ярмаркѣ.

Передъ нами русская ярмарка за 350 лѣтъ назадъ. Великій князь Василій Ивановичъ шлетъ на Бѣлоозеро грамоту (1533 г.) прикащикамъ городовымъ Ѳедькѣ Гнѣвашему да Ивашкѣ Губину: «Били мнѣ челомъ Кирилова монастыря священники и старцы о томъ, что пріѣзжаютъ къ нимъ изъ Бѣлоозера торговые люди на праздникъ Пречистыя и на чудотворцу память, и привозятъ дей съ собою питье, да торгуютъ сильно, а старцомъ отъ нихъ много безчинья... да какъ дей ся напьются пьяни, и они жъ дей межъ себя бьются и манастырскихъ людей бьютъ»... (Историч. Библіот., т. II, 1875 г., 30). Это — русскій человѣкъ на ярмаркѣ XVI вѣка. Младенческая дикость не знаетъ удержу. Увѣчья, убійства, грабежи — явленіе заурядное.

А вотъ русскій человѣкъ на ярмаркѣ XIX вѣка: «Площадь вся залита народомъ; со всѣхъ сторонъ изъ балагановъ слышится самая разнообразная музыка, раздаются громкія зазыванья въ «комедіи», крики разнощиковъ, громкій говоръ толпы, остроты забубенной головушки *мастероваго* (продуктъ новаго и, въ

особенности, фабричнаго цикла), и въ томъ числѣ однообразно звучитъ разсказъ служиваго, отъ котораго у публики животики подводитъ, а служивый-то самъ и усомъ не поведетъ, и глазомъ не мигнетъ:

— Вотъ я вамъ буду спервоначально разсказывать и показывать иностранныхъ мѣстовъ, разныхъ городовъ, городовъ прекрасныхъ: города мои прекрасные, не пропадутъ денежки напрасно; *города мои смотрите, а карманы берегите.*

— Это, извольте смотрѣть, Москва-золотыя маковки, Ивана великаго колокольня, Сухарева башня, успленскій соборъ—шесть сотъ вышины, а девять сотъ ширины, а немножко поменьше; ежели не вѣрите, то пошлите повѣреннаго — пускай повѣритъ, да помѣритъ.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, какъ отъ фрянцюсьскаго Напальёна бѣжатъ триста кораблевъ, полтораста галетовъ, съ дымомъ, съ пылью, съ свиными рогами, съ заморскимъ саломъ, дорогимъ товаромъ, и этотъ товаръ московскаго купца Лёвки, торгуетъ ловко.

— А это вотъ, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, городъ Парижъ, поглядишь — угоришь; а кто не былъ въ Парижѣ, такъ купите лыжи, завтра будете въ Парижѣ.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, лександровскій садъ: тамъ дѣвушки гуляютъ въ шубкахъ, въ юбкахъ и въ тряпкахъ, въ шляпкахъ, зеленыхъ подкладкахъ; пукли фальшивы, а головы плѣшивы.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, Царьградъ: изъ Царяграда выѣзжаетъ самъ салтанъ турецкій со своими турками, съ мурзами и татарами-булгамстами и съ своими пашами, и сбираетсь въ Рассею воевать, и трубку табаку куритъ, и себѣ носъ коптитъ, потому что у насъ, въ Рассеѣ, зимой бываютъ большіе холода, а носу отъ того большая вреда, а копченый носъ никогда не портится и на морозѣ не лопается.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглясывать, какъ князь Меньщиковъ Сивостополь бралъ: турки палятъ все мимо да мимо, а наши палятъ все въ рыло да въ рыло; а нашихъ Богъ помиловалъ—безъ головушекъ стоятъ, да трубочки курятъ, да табачокъ нюхаютъ, да къ верху брюхомъ лежатъ.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, какъ въ городѣ въ Ауестѣ, на прекрасномъ мѣстѣ, верстъ за двѣстѣ, прапорщикъ Щеголевъ агличанъ угощаетъ, калеными арбузами въ зубы запущаетъ.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, московскій пожаръ: какъ пожарная команда скачетъ, по карманамъ пироги прячетъ, а Яшка-кривой сидитъ на бочкѣ за трубой, да плачетъ, что мало выпилъ, да кричитъ—«князя Голицина домъ горитъ».

— А это, изволите смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, нижегородская макарьевская ярманка, какъ московскіе купцы на нижегородской ярманкѣ торгуютъ: московскій купецъ Лёвка—торгуетъ ловко, пріѣзжалъ на макарьевскую ярманку—лошадь-отъ одна пѣгая, со двора не бѣгаетъ, а другая чала—головой качаетъ; а пріѣхалъ съ форсу, съ дымомъ, съ пылью, съ копотью, а домой-то пріѣдетъ—нѐча лопати: барыша-то привезъ только три гроша; хотѣлъ-было женѣ купить домъ съ крышкой, а привезъ глазъ съ шишкой...

«Нужно ли прибавлять, что въ числѣ картинъ въ райкахъ есть и такія, разсказъ о которыхъ нельзя сказать, чтобы былъ удобенъ въ печати... Такія картины, да еще не скрытыя стѣнками нашего райка, а выставленныя на глазъ всякаго проходящаго и отдѣланныя съ большимъ искусствомъ, съ приспособленіемъ къ нимъ особаго движущаго механизма, можно было видѣть въ Парижѣ, *во время второй имперіи*»... (Нижегородка, А. Гацискаго—1875, стр. 172—175).

Грубый юморъ сметливаго полудикаря надъ культурными и некультурными сторонами современности, это—то практическое чутье, съ помощью котораго этотъ полудикарь осилилъ пронести на своихъ плечахъ черезъ тысячу лѣтъ свое громадное государство и не упасть подъ его тяжестью. А тутъ рядомъ—культурныя безобразія «второй имперіи», московскій купецъ Лёвка, который вездѣ, и въ Великой, и въ Малой Россіи, на Кавказѣ и въ Польшѣ, въ Сибири и Ташкентѣ—«торгуетъ ловко».

А вотъ современная украинская ярмарка, по описанію г. Лоначевскаго: «Не менѣе тысячи возовъ стояло на сухой части балки; на возахъ продавались обыкновенные сельскіе продукты Лубенскаго Уѣзда. Чумаки продавали соль, рыбу. *Нѣсколько палатокъ русскихъ купцовъ бросались въ глаза среди сельскаго украинскаго люда. Особенно страннымъ казалось незначительное число евреевъ, что́ рѣдко бываетъ, такъ какъ еврей — главный активный элементъ нашей ярмарки*». Это только доказываетъ, что въ Малороссіи еврей уже начинаетъ встрѣчать опаснаго для себя соперника — «московскаго купца Лёвку, который «торгуетъ ловко». Но это только къ слову. Далѣе г. Лоначевскій говоритъ: «Въ прежнее время, всѣ окрестные помѣщики посѣщали ярмарку, часто привозили музыку, поваровъ и предавались веселію: пѣли, плясали, играли въ карты, а главнымъ образомъ пьянствовали. Съ развитіемъ цивилизаціи между панами, высшее сословіе и здѣсь стало избѣгать общенія съ мужикомъ, который остался на той же степени развитія, и потому ярмарку посѣщаютъ не паны, а больше подпанки, и то нѣкоторые. Впрочемъ, на этотъ разъ можно было насчитать на ярмаркѣ нѣсколько десятковъ экипажей. У подошвы одной изъ окружающихъ балку горъ были устроены два просторные «куриня». Одинъ изъ нихъ принадлежалъ мѣстному приставу, присутствовавшему здѣсь во время яр-

марки съ нѣсколькими десятскими. Впрочемъ, сколько я ни слѣдилъ за полиціей, она ни разу не примѣняла къ дѣлу своей обязанности — возстановлять тишину и порядокъ. Расхаживая по всему пространству, занятому ярмаркой, я былъ удивленъ необыкновеннымъ на ярмаркахъ явленіемъ: ни разу не пришлось замѣтить не только драки, даже ссоры; ни разу не слышалъ не только ругательнаго, даже нескромнаго слова. Мнѣ, кромѣ того, разсказывали, будто на ярмаркѣ не бываетъ воровства или явнаго мошенничества; говорятъ, что, въ случаѣ чего-либо подобнаго, народъ самъ раздѣлывается съ виновнымъ—привязываетъ его къ дереву. Во время ярмарки, какъ я узналъ, выпивается не мало, но я не замѣтилъ ни одного пьянаго мужика. Такую удивительную порядочность объясняли мнѣ различно: нѣкоторые—вѣрою народа въ святость мѣста, иные — преобладаніемъ на ярмаркѣ украинскихъ мужиковъ, которые вообще ведутъ себя сдержанно въ публичныхъ мѣстахъ, а иные—невмѣшательствомъ полиціи»...

Но вотъ еще болѣе необычайное явленіе: «Погода была теплая и тихая (продолжаетъ г. Лоначевскій). Когда начало темнѣть, большинство посѣтителей ярмарки разсѣялось по склонамъ горъ, окружающихъ балку. Вершины горъ покрыты лѣсомъ, который рѣдѣетъ постепенно, такъ что подошвы горъ, какъ и балка, обнажены отъ деревьевъ. Народъ располагался по горамъ группами, отъ 5 до 20 человѣкъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ, каждая группа преимущественно подъ деревомъ. Вотъ— на одномъ деревѣ звѣздочкой мелькнулъ огонекъ, затѣмъ — на другомъ, десятомъ, сотомъ, и вскорѣ всѣ горы заискрились тысячами такихъ звѣздочекъ; въ балкѣ, гдѣ расположилась ярмарка—и тамъ тысячи такихъ же звѣздочекъ; народъ зажигалъ копеечныя восковыя свѣчи на деревьяхъ, на вбитыхъ въ землю шестахъ, на кустарникахъ, на возахъ, *на рогахъ воловъ*!.. Въ этотъ вечеръ у криницы (родникъ) продаютъ рублей на 300 свѣчей, а сколько еще приносятъ ихъ съ собою изъ дому... Вмѣстѣ съ этой необыкновенной иллюминаціей, начинается еще болѣе необыкновенная опера: тысячи народа, собравшагося на ярмарку, участвуютъ въ оперѣ, разбившись на множество хоровъ. Каждая группа поетъ независимо отъ остальныхъ, и въ общемъ получается какое-то особенное, ни на что не похожее пѣніе; замѣтимъ еще, что каждый силится пѣть во всю здоровую, сельскую грудь. Впечатлѣніе отъ этого пѣнія совершенно своеобразное; искать въ немъ гармоніи—нѣчего и думать; точно также нельзя уловить и дисгармоніи, которая непріятно поражала бы слухъ. Эта масса звуковъ, въ закрытомъ горами пространствѣ, сливается съ эхомъ и является чѣмъ-то стихійнымъ, какимъ-то чуднымъ хаосомъ звуковъ, который положительно подавляетъ слушателя... По временамъ, какъ бы навстрѣчу пѣнію, которое несется сверху внизъ, изъ балки вдругъ подымался звонъ отъ множества

косъ, по которымъ ударяли крестьяне, сидѣвшіе у возовъ... Пѣніе продолжалось часовъ до 11-ти, пока у всѣхъ не истощился запасъ свѣчей. Многіе стали расходиться по домамъ, остальные располагались у возовъ или подъ деревьями. Пѣніе смолкало постепенно, и послѣ полуночи уже никто не пѣлъ. Простой народъ улегся спать. Возлѣ экипажей и повозокъ пріѣхавшихъ на ярмарку пановъ всю ночь горѣли костры — кто ужиналъ, кто пилъ чай. Въ одной изъ двухъ палатокъ, о которыхъ я упомянулъ прежде, человѣкъ около пятнадцати играли въ штосъ; имъ подносили чай, закуску, водку и вина... А во всей балкѣ водворилась тишина, такая тишина, что я отчетливо слышалъ крикъ коростеля, доносившійся съ противоположнаго берега балки. Все спало или дремало, за исключеніемъ неутомимыхъ тружениковъ зеленаго стола... Какъ только заря разгорѣлась, народъ зашевелился; а чуть лучи солнца заиграли межъ листьями на деревьяхъ горъ, всѣ уже поднялись. Умывшись водою изъ криницы, народъ молился: многіе становились на колѣни, клали поклоны, усиленнымъ шопотомъ произносили молитву; я не видѣлъ такого множества народа, молившагося съ такимъ благоговѣніемъ! А въ это же время изъ палатки, гдѣ паны играли въ карты, доносился крикъ пьяныхъ голосовъ: окончивъ игру, публика ссорилась, какъ будто собирались драться; особенно буянилъ какой-то, совершенно пьяный нѣмецъ»... (Криница, г. Лоначевскаго. Записки юго-запад. отд. импер. рус. геогр. общества. т. II. Кіевъ. 1875, стр. 131—134). Нѣмецъ, это—послѣдняя ступень современной культурной лѣстницы, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію нѣмцевъ — и вотъ на ярмаркѣ въ Криницѣ, подъ Лубнами, этотъ Kulturmensch ведетъ Kulturkampf изъ-за картъ.

Проницательный читатель самъ можетъ видѣть, въ какую сторону болѣе клонится чашка культурныхъ вѣсовъ и въ какихъ формахъ культура эта проявляется. Что̀ же касается лично меня, то мои симпатіи лежатъ скорѣе на сторонѣ «стихійной оперы» и налѣпленія восковыхъ свѣчъ на рога воловъ, чѣмъ на сторонѣ культурныхъ признаковъ «второй имперіи» и нѣмецкаго Kulturkampf'а. Жаль только, что въ человѣческомъ Kulturkampf'ѣ до сихъ поръ безкультурныя стихійныя силы и воловьи рога всегда уступали передъ культурными формами второй имперіи и передъ Drang'омъ Kulturmensch'а: доселѣ вездѣ побѣждалъ Kulturmensch — этотъ «московскій купецъ Лёвка», что̀ «торгуетъ ловко»...

Неужели же это—непреложный путь, по которому должна непремѣнно двигаться человѣческая культура и цивилизація, эта ягернаутская колесница, давящая подъ колесами все любящее, вдовствующее, потерявшее или еще не нашедшее идеала жизни?—Бѣдные волы крутороріе!..

---

*

Я не касаюсь культурныхъ и некультурныхъ признаковъ другого рода, признаковъ, по которымъ можно судить, насколько культурный ростъ одной мѣстности выше или ниже культурнаго роста другой. Къ этимъ признакамъ можно было бы прибавить еще признаки аграрные или земледѣльческіе, промысловые и промысло-кустарные и, наконецъ, мануфактурные или фабричные въ обширномъ смыслѣ этого слова; но это повело бы насъ къ слишкомъ широкимъ параллелямъ и обобщеніямъ, къ которымъ, однако, я позволю себѣ возвратиться впослѣдствіи.

На этотъ разъ я могу, впрочемъ, сдѣлать общее указаніе на аграрные признаки въ культурномъ развитіи русскаго народа, и надѣюсь, что г. самарскій землевладѣлецъ, придающій столичной печати значеніе Ахиллова копья, самъ убѣдится, что столичная печать, и въ томъ случаѣ, на который ссылается самарскій землевладѣлецъ, не была этимъ копьемъ, а положительно исполняла роль доброй Гапки, откровенно сознававшейся, что она не подслушала, какъ къ самарскому краю подкрался голодъ, и потому въ отчаяніи воскликнула: «mea culpa! mea maxima culpa!»

Въ данномъ же случаѣ, послѣ бѣглаго обозрѣнія разныхъ культурныхъ признаковъ русской земли, обозрѣвая признаки аграрные, добрая Гапка не можетъ не видѣть, что и въ аграрной культурѣ признаки развитія располагаются между центрами русской земли и ея провинціями и окраинами въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній между этими центрами и ихъ окраинами: такъ, напримѣръ, когда вблизи центровъ небольшой клокъ владѣльческой земли, на которомъ выпасается отъ 200 до 300 головъ домашняго скота, даетъ до 12,000 р. годоваго дохода — за Волгой, въ это время, огромныя стада, пасущіяся по необозримымъ степямъ самарскаго края, едва-едва спасаютъ своихъ владѣльцевъ отъ дефицитовъ, а на сѣверныхъ окраинахъ, по увѣренію г. Журавскаго («Богатства Сѣвера»), благодѣтельный олень приноситъ въ годъ доходу всего только *37 копѣекъ!* Развитіе системы плодоперемѣнности, травосѣянія, удобренія и реставрированія производительныхъ силъ почвы опять-таки находится въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній провинцій отъ центровъ, и въ такомъ же положеніи стоитъ относительное экономическое довольство населенія разныхъ мѣстностей. Такъ было всегда и вездѣ, и, если чудакъ Горацій, служившій когда-то въ римскихъ уланахъ и бѣжавшій съ поля чести при Фарсалѣ, и восклицалъ въ оно время, наслаждаясь соусомъ изъ соловьиныхъ языковъ за обѣдами Мецената —

Beatus ille, qui *procul* negotiis и т. д.,—

то восклицаніе это означало только, что онъ, какъ горожанинъ, усталъ кушать соловьиные языки да устрицы и ему хотѣлось бы изъ шумнаго Рима на время удалиться «въ деревню, къ тёткѣ, въ глушь, въ Саратовъ»...

Тѣми же, наконецъ, путями, какъ выше указано, идетъ и развитіе культурно-экономическаго миметизма среди великой семьи русскихъ leptiles въ лаптяхъ, которыя слишкомъ медленно пріобрѣтаютъ внѣшнія формы могущественныхъ и многочисленныхъ heliconidarum, подъ которыми разумѣются всѣ цивилизованные народы, далеко опередившіе насъ своимъ культурнымъ ростомъ.

Д. С...о-М...ь.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Успѣхи спиритизма въ Петербургѣ.—Составившееся противъ него ополченіе.—Сравненіе нынѣшняго состоянія Тверской Губерніи съ бывшимъ назадъ тому сто лѣтъ.—Кабаки.—Взглядъ на нихъ министра финансовъ и городскихъ и земскихъ самоуправленій. — Недоразумѣнія и волненія по поводу министерскихъ циркуляровъ. — Рутина министерскихъ канцелярій. — Пожертвованіе г. Боровиковскаго.

Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, я не рѣшился бы начать съ вами, читатель, рѣчь ни о китайской дѣвицѣ Жекѐ, ни о таковой же американской Кетти Кингъ, а, еслибы и позволилъ себѣ это, то былъ бы въ великомъ смущеніи. Мнѣ все казалось бы, что предметъ этотъ слишкомъ тривіальный, балаганный, что онъ не достоинъ ни мѣста въ уважающемъ себя журналѣ, ни вниманія образованнаго читателя, что иной щепетильный читатель можетъ, пожалуй, не на шутку даже обидѣться тѣмъ, что его хотятъ занимать какими-то баснословными дѣвицами, вѣрить въ которыхъ могутъ только развѣ дѣти или какіе нибудь Подлиповцы. Теперь же я выставляю тэму о дѣвицахъ Жекѐ и Кетти Кингъ храбро и самоувѣренно; въ душѣ моей не только не существуетъ никакого безпокойства, никакихъ сомнѣній на счетъ достоинства этой тэмы и вниманія къ ней со стороны читателей, а, напротивъ, я вполнѣ убѣжденъ, что удовлетворяю страстному желанію читателей, выбирая именно эту тэму предметомъ для бесѣды. Если же, паче чаянія, среди моихъ читателей и нашелся бы еще какой нибудь чудакъ, который сказалъ бы мнѣ, что онъ обѣихъ означенныхъ дѣвицъ считаетъ чистою химерою и всякое серьёзное разсужденіе и собесѣдованіе о нихъ въ образованномъ обществѣ, въ литературѣ и т. п. признаётъ не менѣе унизительнымъ, какъ разсужденіе и собесѣдованіе о томъ: дѣйствительно ли на трехъ китахъ стоитъ земля, есть-ли у чорта хвостъ, какимъ образомъ и когда собираются вѣдьмы на Лысую гору и т. п.?—то такому читателю я просто отвѣтилъ

бы: «другъ мой, ты опоздалъ съ своимъ протестомъ; или уйди отъ насъ и не мѣшай намъ разсуждать о томъ, къ чему лежитъ наше сердце, или перестань презрительно относиться къ дѣвицамъ Жекѐ и Кетти Кингъ. Эти дѣвицы теперь занимаютъ и волнуютъ умы и сердца цѣлаго Петербурга. И самые надменнѣйшіе изъ невѣрующихъ не только не считаютъ неприличнымъ или унизительнымъ разсужденіе о нихъ, но признали ихъ воюющею стороною, борьба съ которою вмѣнена въ нравственный долгъ всѣмъ невѣрующимъ, такъ какъ (*слушайте*) такой или другой исходъ этой борьбы долженъ рѣшить: на чьей сторонѣ истина.

Изъ этого проницательному читателю не трудно понять, какую важную брешь дѣвицы Жекѐ и Кетти Кингъ успѣли пробить во враждебномъ имъ лагерѣ. Разъ невѣрующіе нашли нужнымъ вступить въ перестрѣлку съ дѣвицами, этимъ самымъ они признали, что они не безопасны въ твердыняхъ своей логики и что дѣвицы палятъ въ эти твердыни не какимъ нибудь невиннымъ горохомъ, а дѣйствительною картечью. Такъ необходимо должно представляться дѣло со стороны, по крайней мѣрѣ, для профановъ. Вѣдь не вступили бы невѣрующіе ни подъ какимъ видомъ въ борьбу съ людьми, которые стали бы утверждать, что земля стоитъ на трехъ китахъ, что у чорта хвостъ есть и т. п. Сдѣдовательно, въ глазахъ невѣрующихъ, дѣвицы Жекѐ и Кетти Кингъ—не то, что̀ эти люди; за дѣвицами есть несомнѣнно признаніе силы. Тоже самое обнаруживается въ характерѣ борьбы, которую ведутъ невѣрующіе съ дѣвицами. Эта борьба—не то, что̀ борьба сильнаго съ слабымъ. Случается иногда, что взрослый и здоровый песъ хочетъ проучить неотвязчиваго щенка, который надоѣдаетъ ему своимъ нападеніемъ и лаемъ, и вступаетъ съ щенкомъ въ борьбу. Но такую борьбу взрослый песъ совершаетъ всегда съ достоинствомъ. Не горячась, безъ озлобленія, точно шутя, онъ перевернетъ раза два-три щенка и потомъ отходитъ отъ него прочь. Ожесточеніе и страстность въ борьбѣ является только тогда, когда борьба ведется между равными. Такой именно характеръ ожесточенія и страстности носитъ борьба невѣрующихъ съ дѣвицами Жекѐ и Кетти Кингъ. Невѣрующіе являются, повидимому, даже болѣе афектированными и раздраженными, чѣмъ поклонники дѣвицъ. Можетъ быть, именно вслѣдствіе этой страстности невѣрующихъ, въ движеніи нашего спиритизма, за послѣднее время, многими примѣчено весьма странное явленіе: у нашихъ невѣрующихъ сквозь страстность ихъ отрицанія проглядываетъ неувѣренность въ томъ, что̀ они доказываютъ, и даже болѣе, чѣмъ неувѣренность, даже какъ будто неудовольствіе на то, что ни китайская дѣвица Жекѐ, ни американская Кетти Кингъ не хотятъ заявить о себѣ болѣе осязательно для всѣхъ. По крайней мѣрѣ—признаюсь—я не могу отбиться отъ этой мысли, когда слушаю опроверженіе спиритизма изъ устъ одной прекрасной дамы—Леоноры Викентьевны. Щеки ея пылаютъ, глаза блестятъ

огнемъ негодованія, изъ устъ льется пламенная рѣчь противъ нелѣпости спиритизма, начиненная всѣми возможными аргументами все изъ послѣднихъ словъ науки—а мнѣ все кажется, что въ душѣ всю эту свою эрудицію, и вкупѣ даже съ наукой, она считаетъ жалкими словами и внутренно ей ужасно хочется, чтобы дѣвицы Жекѐ и Кетти Кингъ существовали. Въ данномъ случаѣ, мое наблюденіе можетъ быть, конечно, и ошибочнымъ. Но, въ сущности, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы человѣкъ, совершенно искренно представляющій себя самымъ отчаяннымъ изъ невѣрующихъ, имѣлъ въ глубинѣ души сильное поползновеніе или наклонность къ вѣрѣ. Знаніе человѣческое ограничено предѣлами міра физическаго: есть ли что нибудь за этимъ міромъ или нѣтъ, никому неизвѣстно; здѣсь начинается область уже не знанія, а вѣры. Но, при этомъ, сумма доступнаго для человѣка знанія пока такъ бѣдна, что въ ней нельзя найти никакихъ такихъ рѣшительныхъ основаній, при помощи которыхъ можно бы было несомнѣнно убѣдиться, что существуетъ только то, что̀ можно пощупать. Поэтому у невѣрующихъ нѣтъ точно такъ же твердыхъ научныхъ основаній для невѣрія, какъ и у вѣрующихъ для вѣры. На вопросъ: вѣруешъ ли ты?—мыслящій вѣрующій едва ли можетъ отвѣтить болѣе того, что̀ отвѣтилъ Фаустъ Маргаритѣ: «милая моя! кто можетъ сказать: я вѣрую? Спроси мудрецовъ, и ихъ отвѣтъ покажется только насмѣшкою надъ вопрошающимъ». Я не думаю, чтобы и невѣрующій на вопросъ о его невѣріи могъ отвѣчать съ меньшимъ колебаніемъ и сомнѣніемъ.

Отсюда ясно, что вѣра и невѣріе имѣютъ свое основаніе не столько въ нашемъ убѣжденіи, сколько въ личномъ натуральномъ предрасположеніи каждаго къ той или другому. Даже на отношеніяхъ житейскихъ, подлежащихъ полной провѣркѣ, не трудно убѣдиться, что всякая вѣра вообще есть по преимуществу дѣло сердца, а не ума: человѣкъ вѣритъ потому, что ему хочется вѣрить, что ему пріятно вѣрить, хотя часто онъ сознаётъ, что для той или другой его вѣры (мы говоримъ о вещахъ обыкновенныхъ) мало данныхъ. Но такова ужь потребность его натуры, свойство его организаціи, темперамента, что онъ не можетъ обойдтись безъ этого. Убить вѣру такого человѣка въ тотъ или другой предметъ, ну, скажемъ, хоть въ нравственную чистоту извѣстнаго лица, конечно, можно представленіемъ неопровержимыхъ фактовъ, совершенно противоположныхъ этой чистотѣ; но зачастую убить ту или другую вѣру въ подобныхъ натурахъ значитъ расшатать, и даже убить ихъ нравственно. Тоже самое, что̀ мы говоримъ о вѣрѣ относительно обыкновенныхъ предметовъ, подлежащихъ повѣркѣ, должно разумѣть и о вѣрѣ въ высшіе какіе нибудь идеалы, въ томъ числѣ и въ идеалы, лежащіе за предѣлами человѣческаго вѣдѣнія. Эта вѣра есть также потребность натуры, организаціи, темперамента, однимъ словомъ—дѣло сердца. Представьте же себѣ теперь,

что человѣкъ такой натуры и организаціи попадается въ разрядъ невѣрующихъ и доказательствами, которыя, въ концѣ концовъ, не имѣютъ никакой рѣшительной доказательности, усиливается утвердить тезисы своего невѣрія. Что̀ изъ этого выйдетъ? — Необходимое внутреннее раздвоеніе, неизбѣжная внутренняя борьба въ немъ самомъ, хотя имъ и не сознаваемая; вслѣдствіе этого, онъ, какъ бы для внутренняго успокоенія, будетъ всегда страстнѣе въ заявленіи своего невѣрія и аргументаціи, чѣмъ человѣкъ, дѣйствительно невѣрующій, въ натурѣ котораго не положено такой потребности вѣры.

Я вхожу въ эти подробности для того, чтобы охарактеризовать настоящее положеніе двухъ враждебныхъ лагерей и указать, какую опасную для себя борьбу начали невѣрующіе. Если дѣло такъ пойдетъ и впередъ, то я нисколько не удивлюсь, когда, черезъ два, много черезъ три года, Петербургъ и Москва—колѣнопреклоненные—смиренно сложатъ свое оружіе у ногъ гг. Аксакова, Бутлерова, Вагнера—этихъ видимыхъ представителей невидимыхъ, но всѣми обожаемыхъ дѣвицъ, ибо въ обѣихъ столицахъ ни одного не-спирита болѣе не останется.

Для меня лично такое полное торжество дѣвицъ Жекѐ и Кетти Кингъ не будетъ нисколько оскорбительнымъ. Я настолько благовоспитанъ, что никогда не вступалъ ни въ какія пререканія на счетъ существованія и дѣятельности этихъ дѣвицъ, и надѣюсь, что и впредь не вступлю, даже и въ томъ случаѣ, если бы мнѣ сказали, что одна изъ дѣвицъ стала не то, что̀ раздавать лоскутья отъ своего платья, какъ сдѣлала Кетти Кингъ, а если бы поступила даже въ члены славянскаго комитета. Какое мнѣ до этого дѣло? Если есть люди, которые убѣждены, что дѣвицы Жекѐ и Кетти Кингъ двигаютъ столы, звонятъ въ колокольчикъ, показываютъ свои руки, даютъ отвѣты на предлагаемые имъ вопросы и, наконецъ, положимъ, даже дѣйствуютъ въ качествѣ членовъ славянскаго комитета—почему я долженъ изъ за этого горячиться и бить тревогу?

— «Ка̀къ же—говорятъ—не горячиться и не бить тревоги?—Вѣдь это—не подлинные, фальшивые духи?» Позвольте—но мало ли такихъ не подлинныхъ, фальшивыхъ духовъ существуетъ на бѣломъ свѣтѣ?—И домовые, и вѣдьмы, и кикиморы, и русалки, и лѣшіе и т. п.—все это—неподлинные, фальшивые духи; такихъ духовъ можно насчитать цѣлыя сотни тысячъ.. И ужъ если есть охота горячиться и бить тревогу, то гораздо резоннѣе и умнѣе было бы горячиться и бить тревогу по поводу неподлинныхъ, фальшивыхъ духовъ послѣдняго сорта. Ибо эти духи тяготѣютъ надъ жизнію и благосостояніемъ миліонныхъ массъ, давая возможность милліонамъ разныхъ проходимцевъ держать ихъ въ мракѣ, эксплуатировать ихъ. Если же я пойду на помощь этимъ милліоннымъ массамъ, которые дѣйствительно нуждаются въ сторонней помощи, которымъ дѣйствительно не откуда получить свѣта противъ одержащихъ ихъ духовъ, то съ какой стати я

буду заботиться о людяхъ сытыхъ и праздныхъ, которые только того и ищутъ, чтобы отъ скуки и праздности броситься въ чьи нибудь объятія — будутъ ли то дѣвицы Жекѐ и Кетти Кингъ, московскій Иванъ Яковлевичъ или какая нибудь ворожея и гадальщица на кофеѣ, картахъ, водѣ и т. п.—и для которыхъ пребываніе въ подобныхъ объятіяхъ не причиняетъ никакихъ непріятностей и страданій, а, напротивъ, служитъ развлеченіемъ, забавой, даже наслажденіемъ? Можно, пожалуй, сожалѣть о томъ, что образованные люди XIX столѣтія могутъ находить удовольствіе въ обращеніи съ такими низкопробными духами, какъ дѣвица Жекѐ и Кетти Кингъ; можно смѣяться надъ этимъ, но идти спасать ихъ отъ этихъ духовъ было бы дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, комичнымъ. Такой ревности не по разуму подивились бы даже тѣ изъ спиритовъ, которые до сихъ поръ, несмотря на наружную преданность дѣвицамъ Жекé и Кетти Кингъ, относятся къ нимъ въ дѣйствительности болѣе или менѣе индифферентно и въ своихъ занятіяхъ спиритизмомъ не ищутъ ничего, кромѣ пріятнаго препровожденія времени.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я сужу по другу моему Амфиногену Одеколонову, который, получивъ извѣстіе о назначеніи особой ученой комиссіи для изслѣдованія спиритизма, прибѣжалъ ко мнѣ съ вытянутымъ лицомъ, вытаращенными глазами, и, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова отъ душевнаго волненія, только тыкалъ пальцемъ въ то мѣсто газеты, гдѣ помѣщено было означенное извѣстіе. Я прочиталъ это извѣстіе и сказалъ: «Ну, что́-жь! ты — завзятый спиритъ и лучше меня долженъ понимать, что это такъ и должно было кончиться. Вы проводите ночи въ спиритическихъ сеансахъ, увѣряете всѣхъ, что входите въ это время въ сношеніе съ духами, видите и осязаете ручки дѣвицъ Жекѐ и Кетти Кингъ, разговариваете съ ними и т. п. Надобно же было узнать: правду вы говорите или нѣтъ?»—«Что̀-жь! я на права̀—что ли?—чьи нибудь посягаю или интересы чьи нибудь разрушаю тѣмъ, что веду разговоры съ дѣвицами Жекѐ и Кетти Кингъ? отвѣчалъ мнѣ, раздражаясь, мой другъ Амфиногенъ Одеколоновъ.—Комиссіи нужны тамъ, гдѣ затрогиваются какіе нибудь существенные интересы; а изъ того, что я буду хотя цѣлый вѣкъ забавляться съ дѣвицами Жекѐ и Кетти Кингъ, бѣды ровно никакой ни для кого быть не можетъ». — «Однако, замѣтилъ я: — ты вѣдь вѣруешь и не скрываешь своей вѣры отъ другихъ, а если твоя вѣра—заблужденіе, то, значитъ, ты распространяешь заблужденіе? не такъ ли?» — «Да̀, значитъ, я распространяю заблужденіе»—отвѣчалъ отрывисто и сурово Амфиногенъ Одеколоновъ, видимо, внутренно взбѣшенный моимъ противорѣчіемъ. «Стало быть, продолжалъ я спокойно:—ты долженъ благодарить Бога, что живешь въ просвѣщенномъ XIX вѣкѣ, а не въ варварскія времена среднихъ вѣковъ. Тогда тебя стали бы поджаривать и, пожалуй, сожгли бы на кострѣ, наравнѣ съ другими колдунами, заводящими связи съ

нечистой силой—а теперь вишь какъ благородно и деликатно ведется дѣло; тебя пальцемъ никто не трогаетъ, мало того—никакая оффиціальная власть въ дѣло не вступается, а ученые мужи сами, водимые единственно свѣтомъ своего высокаго разума и заботою о благѣ ближнихъ...» «Да вы, кажется, всѣ съ ума сошли?»—выпалилъ вдругъ совершенно неожиданно, надобно полагать, окончательно уже вышедшій изъ себя Амфиногенъ Одеколоновъ и немедленно убѣжалъ, не дослушавъ моей рѣчи.

Хотя я и противорѣчилъ Амфиногену Одеколонову, желая поддержать достоинство представителей нашей науки, но внутренно былъ совершенно съ нимъ согласенъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россію то и дѣло посѣщаютъ разныя бѣдствія—голодъ, эпидеміи, эпизоотіи—экономическое положеніе массъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разстраивается, все это требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія, и притомъ неотложнаго, и, въ виду всего этого, ни одинъ ученый не ударитъ палецъ о палецъ. А тутъ люди отъ праздности и скуки начинаютъ заниматься глупостями, и цѣлая ученая комиссія поспѣшаетъ на изслѣдованіе этихъ глупостей, и, нисколько не подозрѣвая того, что она самымъ фактомъ своего существованія уже достаточно компрометируетъ науку, она, сверхъ того, еще и усердствуетъ. По усердію своему, эта комиссія—раритетъ въ своемъ родѣ. На изслѣдованіе такого предмета, какъ спиритизмъ, она назначила 40 засѣданій — шесть изъ нихъ уже отсидѣла и, навѣрное, отсидитъ и остальныя 34! Я убѣжденъ, что изъ безчисленнаго множества существующихъ у насъ правительственныхъ комиссій, едва ли найдется десятокъ такихъ, которыя бы посвящали такое огромное количество засѣданій на разсмотрѣніе порученныхъ имъ предметовъ, хотя предметы, которыми онѣ занимаются, несомнѣнно, во сто разъ поважнѣе какого нибудь спиритизма. И съ какимъ рвеніемъ и энергіею комиссія, изслѣдующая спиритизмъ, ведетъ свое дѣло! Она подвергаетъ химическому анализу слюну медіумовъ; члены ея, забывая подобающую ихъ ученому сану солидность, упражняются въ искуствѣ плеванія, стараются плюнуть также ловко и далеко, какъ плюютъ медіумы и даже переплюнуть черезъ голову!? Согласитесь, что едва ли когда нибудь какая нибудь ученая комиссія приносила такія постыдныя жертвы наукѣ!

Но этимъ дѣло не ограничивается. Комиссія ведетъ свое дѣло втайнѣ; когда она кончитъ свои изслѣдованія—еще Богъ вѣсть. Между тѣмъ, за это время ужасная ересь спиритизма могла бы—чего Боже сохрани!—уловить въ свои сѣти множество юныхъ и неопытныхъ умовъ и сердецъ. Потому на публичное отраженіе ея выступилъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ химіи (онъ же, и членъ комиссіи), г. Менделѣевъ. Онъ прочелъ уже одну публичную лекцію въ Соляномъ Городкѣ; говорятъ, весною прочтетъ и еще. Дай-то Богъ! Авось язва спиритизма будетъ этимъ нѣсколько задержана! Наэлектризованный этимъ общимъ

движеніемъ противъ спиритизма, даже почтенный Я. И. Полонскій осѣдлалъ своего заслуженнаго Пегаса и также... Мальбругъ въ походъ поѣхалъ... на пораженіе спиритизма. Я прочелъ стихотвореніе г. Полонскаго съ удовольствіемъ, хотя, признаюсь, меня нѣсколько непріятно поразила нѣкоторая жесткость его отношенія къ дѣвицамъ Жекѐ и Кетти Кингъ, такъ несвойственная вообще мягкой и гуманной манерѣ автора. Г. Полонскій позволяетъ себѣ эту жесткость потому, конечно, что смотритъ на дѣвицъ Жекѐ и Кетти Кингъ, какъ на не существующихъ, но, какъ скоро для изслѣдованія существованія этихъ дѣвицъ учреждена особая ученая комиссія, такъ смотрѣть на нихъ было бы слишкомъ смѣло и преждевременно. Пока комиссія не сообщитъ намъ окончательныхъ результатовъ своего изслѣдованія, никто не имѣетъ никакого права считать дѣвицъ Жекѐ и Кетти Кингъ не существующими. Но представимъ, что онѣ существуютъ и читаютъ слѣдующія строки въ стихотвореніи Полонскаго.

...Пѣвецъ Манфреда
Такими ли воображалъ
Духòвъ, когда онъ вопрошалъ
Въ часы осмысленнаго бреда
О тайнѣ міра и всего—
Всего, чтò мучило его!
Кàкъ былъ остеръ неугомонно,
Кàкъ былъ язвительно уменъ,
Тотъ духъ, чтò такъ нецеремонно
Вторгался въ нравственный законъ
И колебалъ его основы!
Кàкъ для рутины были новы
Его слова!—недаромъ онъ
Слылъ Мефистофелемъ на свѣтѣ
. . . . . .
И обезсмертилъ имя Гёте.

Далѣе о дѣвицахъ или, вообще, о духахъ новаго времени г. Полонскій говоритъ прямо, что

Они—невѣжды иль шуты и т. п.

Подобною выходкою нельзя не оскорбиться, тѣмъ болѣе, что она сдѣлана безъ всякаго повода. И дѣвица Жекѐ, и Кетти Кингъ имѣютъ право въ одинъ голосъ отвѣтить г. Полонскому: «позвольте, чтò вы намъ суете Мефистофеля? Мефистофель родился въ головѣ Гёте и служилъ его цѣлямъ. Наше происхожденіе и назначеніе — совсѣмъ другое. По Сенькѣ и шапка». Я, съ своей стороны, могу прибавить, что нельзя огуломъ называть шутами или невѣждами всѣхъ новѣйшихъ духовъ. Они даютъ иногда отвѣты очень дѣльные. Такъ, недавно одна дѣвица мнѣ разсказывала, что на одномъ спиритическомъ сеансѣ, гдѣ находилась и она, присутствующіе просили духа сказать имъ чтò нибудь отъ себя. Духъ отвѣчалъ: «вы—дураки».—Собраніе было нѣсколько изумлено и ажитировано такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ. Вѣроятно, въ надеждѣ, что духъ устыдится

своей грубости и поправится, оно шлетъ ему новый слѣдующій вопросъ: «почему вы даете намъ такое нелестное названіе?» — «Потому что вы занимаетесь глупостями»—отвѣчалъ духъ. Оба эти отвѣта нельзя не назвать вполнѣ дѣльными, такъ что подъ ними не постыдился бы подписать своего имени и Мефистофель. Конечно, они очень рѣзки и грубы; Мефистофель тоже самое выразилъ бы иными словами съ обычнымъ ему остроуміемъ, меткостію и пикантностію, но сущность дѣла не въ формѣ выраженія.

Я долженъ, впрочемъ, сказать, что походъ, предпринятый противъ дѣвицъ Жекѐ и Кетти Кингъ, пока все еще не въ полномъ составѣ. Главный военачальникъ боевыхъ силъ во всѣхъ подобныхъ походахъ, г. Стасовъ, до сихъ поръ все не является на сцену. Оттого нѣтъ должной быстроты и союзности въ дѣйствіи, нѣтъ наскока и натиска въ нападеніи, даже баттареи поставлены не на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ имъ быть надлежалобы. Такъ, мы не встрѣчали еще нигдѣ коллективно-литературнаго протеста противъ дѣвицъ Жекѐ и Кетти Кингъ—а такой протестъ былъ бы рѣшительно необходимъ и даже со включеніемъ московскихъ братьевъ Милеантовъ. Далѣе: никому до сихъ поръ не пришло на мысль, по образцу изслѣдованія о клеветѣ г. Тютрюмова на г. Верещагина, перенести изслѣдованіе о китайской дѣвицѣ Жекѐ въ предѣлы Китая и тамъ доподлинно дознать: таковая дѣвица была ли когда и гдѣ? какого она была сложенія, темперамента, характера, нрава, чѣмъ занималась въ своей земной жизни? не была ли уже, во время своей земной жизни, увлечена идеями эмансипаціи? и т. п. Таковыя же свѣдѣнія слѣдовало бы собрать и о дѣвицѣ Кетти Кингъ.

Когда я дописывалъ эти строки, ко мнѣ снова пришелъ Амфиногенъ Одеколоновъ, уже успокоившійся. Я прочелъ ему, что̀ написалъ. «Ну, что̀ ты пишешь! началъ онъ снова волноваться.—Гёте, Гёте... да у насъ въ числѣ вѣрующихъ въ спиритизмъ есть также умы, достойные полнаго уваженія, и то, что̀ ты пишешь, для нихъ будетъ просто оскорбительно».—Какіе же это, спросилъ я: — у васъ умы, достойные полнаго уваженія, и что̀ я пишу оскорбительнаго для этихъ умовъ? — «Да вотъ гг. Бутлеровъ и Вагнеръ, а оскорбляешь ты ихъ тѣмъ, что приверстываешь ко всѣмъ Сенькамъ, для которыхъ годны какія угодно шапки».—Ну, ладно. А ты, усматривающій въ вѣрѣ въ дѣвицъ Жекѐ и Кетти Кингъ умъ Бутлерова и Вагнера, оскорбляешь Менделѣева—умъ тоже достойный, выражаясь твоими словами, полнаго уваженія и, однакожъ, спиритизмъ отвергающій».—«Да Менделѣевъ—другое дѣло, возразилъ Одеколоновъ:— онъ не занимался пристально спиритизмомъ и до времени можетъ его отвергать. Но Бутлеровъ и Вагнеръ тщательно изслѣдовали спиритизмъ. Какъ естествоиспытатали, привыкшіе къ самому точному наблюденію, не могутъ же они вѣрить всякому вздору».—«А, по твоему, кто-же болѣе способенъ къ духовидѣнію

и вѣрѣ въ духовъ? Классики что-ли?»—«Конечно, классики».—«Ну, ужь извини братъ: вся родословная новѣйшаго спиритизма, т. е. сообщенія съ духами и загробнымъ міромъ, блеститъ именами преимущественно естествоиспытателей или, точнѣе сказать, людей, изучавшихъ естественныя науки и хорошо знакомыхъ съ ними. *Сведенборгъ*, первый духовидецъ начала прошлаго столѣтія, былъ замѣчательный естествоиспытатель, получившій самое солидное естественно-научное образованіе и сдѣлавшій много открытій и примѣненій въ разныхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ; *Месмеръ*, изобрѣтатель месмеризма или животнаго магнетизма, надѣлавшаго тамъ много шуму въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ докторъ медицины; распространителями сомнамбулизма или ясновидѣнія, игравшаго роль нынѣшняго спиритизма въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, были Іустинъ Кернеръ—по образованію медикъ, а по профессіи практическій врачъ, и Эшенмайеръ—профессоръ философіи и медицины въ тюбингенскомъ университетѣ и естествоиспытатель. Въ исторіи распространенія современнаго спиритизма въ Америкѣ, Германіи и т. д. дѣйствовало также точно много медиковъ и вообще людей, хорошо знакомыхъ съ естественными науками. Изъ этого ты видишь, что естествоиспытателямъ и, вообще, людямъ, знакомымъ съ естественными науками, не только не чуждо желаніе проникнуть въ область таинственнаго и чудеснаго, а, напротивъ, они болѣе къ этому падки, чѣмъ спеціалисты по другимъ отраслямъ наукъ. И, если всмотрѣться попристальнѣе въ характеръ ихъ спеціальности, то, пожалуй, и понять не трудно, почему многихъ изъ нихъ скорѣе, чѣмъ кого-нибудь, должна увлекать область духовъ. Но говорить объ этомъ было бы очень долго, да и нужды нѣтъ. Но изъ того, что я сказалъ, ты можешь понять, что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для Бутлерова и Вагнера. Они могутъ быть прекрасными спеціалистами по своимъ наукамъ, прекрасными профессорами и имѣть слабость насчетъ міра духовъ, общую имъ со многими другими изслѣдователями по естественнымъ наукамъ. Скорѣе мои слова могутъ показаться непріятными для профессора Менделѣева, который, оставаясь на чисто научной почвѣ, счелъ, однакожъ, для себя приличнымъ вступить въ состязаніе со спиритами, чѣмъ несомнѣнно далъ большую силу послѣднимъ, и, что бы онъ потомъ ни говорилъ о спиритизмѣ, этотъ одинъ шагъ его болѣе распространитъ спиритизмъ, чѣмъ могли бы распространить его совокупными самыми ревностными усиліями всѣ три главные представители россійскаго спиритизма: Аксаковъ, Бутлеровъ и Вагнеръ».

Страстность отношенія, вообще—самый неудобный пріемъ, коль скоро дѣло идетъ о борьбѣ съ разными новыми идеями, мнѣніями и т. п. Гоненія, преслѣдованія, публичныя—устныя и письменныя нападенія всегда служили и будутъ служить наилучшимъ средствомъ для пропаганды какихъ бы то ни было идей и мнѣній. Безчисленное множество религіозныхъ сектъ

политическихъ партій, философскихъ школъ переживали цѣлыя столѣтія, даже тысячелѣтія, благодаря единственно гоненіямъ, преслѣдованіямъ, страстной полемикѣ. Безъ этого, многія изъ нихъ не пережили бы и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а другія прошли бы и совсѣмъ незамѣченными.

Но страстность еще бо̀льшее причиняетъ зло, когда она вторгается въ практическую жизнь, когда она касается отношеній политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ. Давая искусственную жизнь тому, что̀ вовсе не имѣетъ права на жизнь, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, зачастую исторгаетъ и губитъ то, что̀ обладаетъ богатыми жизненными элементами и, такимъ образомъ, совершенно извращаетъ нормальный ростъ и развитіе общества, истощая и расходуя его лучшія силы на образованіе и поддержку пустоцвѣтовъ. Въ этомъ заключается причина, что развитіе человѣчества идетъ не по прямой линіи, а зигзагами, и то, что̀ въ извѣстное время считается прогрессомъ, въ послѣдствіи оказывается движеніемъ боковымъ и даже прямо ретроградным.ъ Когда мы говоримъ о страстности, то разумѣемъ не страстность только, такъ сказать, тенденціозную, дѣйствующую по опредѣленной программѣ или плану, какова страстность политическихъ партій, религіозныхъ сектъ, а страстность всякаго увлеченія какой-нибудь новой идеей въ практическомъ ея примѣненіи. Народъ и общество также самолюбивы, какъ и каждый отдѣльный человѣкъ. Они стремятся къ тому, чтобы ознаменовать себя какими-нибудь дѣлами и подвигами, оставить болѣе глубокіе слѣды своей дѣятельности въ исторіи, чѣмъ оставили ихъ предки. Вслѣдствіе этого, на проведеніе въ жизнь той или другой идеи, признанной по современнымъ понятіямъ великою или плодотворною, они обращаютъ свое исключительное вниманіе и на нее издерживаютъ всю свою энергію, забывая часто все остальное, забывая нерѣдко даже тѣ условія, при которыхъ означенная идея только и можетъ быть дѣйствительною въ жизни. Но современныя понятія, въ особенности большинства общества, живущаго обыкновенно рутиною, не всегда могутъ служить надежнымъ мѣриломъ для оцѣнки величія и плодотворности идей. Случается, что проходитъ всего какихъ-нибудь 100, 50 и даже менѣе лѣтъ, и дѣла̀, которыя считались великими въ свое время, получаютъ совершенно другую оцѣнку въ новыхъ поколѣніяхъ, низводятся послѣдними иногда въ разрядъ дѣлъ сомнительнаго достоинства и даже вовсе ненужныхъ и вредныхъ или, сохраняя свою оцѣнку, оказываются, въ дѣйствительности, безплодными, потому что были совершены безъ приготовленія или соблюденія тѣхъ условій, которыя требовались для правильнаго ихъ исполненія, и, такимъ образомъ, все, надъ чѣмъ трудились прошедшія поколѣнія, признаётся ошибкой и, часто, ошибкой или вовсе неисправимой, или требующей многихъ десятковъ лѣтъ на исправленіе! А между тѣмъ, на эту ошибку положено было безчисленное множество лучшихъ силъ въ народѣ, потрачены

милліарды народныхъ капиталовъ, и все это, разумѣется, отразилось страшнымъ дефицитомъ въ народномъ благосостояніи сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Эти мысли намъ невольно пришли въ голову при перелистываніи небольшой брошюры: «*Историческіе и статистическіе очерки Тверской Губерніи*», изданной тверскимъ земствомъ [1]. Авторъ этой брошюры, пользуясь экономическими замѣтками «Генеральнаго соображенія по Тверской Губерніи», составленнаго неизвѣстно кѣмъ въ 1784 году, сравниваетъ, на основаніи ихъ, состояніе Тверской Губерніи въ концѣ прошлаго вѣка съ нынѣшнимъ и приходитъ къ выводамъ, которые для людей, увѣренныхъ въ быстромъ ходѣ нашего прогресса, могутъ показаться совершенно невѣроятными. Оказывается... но что̀ оказывается— пусть судитъ читатель самъ по нижеслѣдующимъ замѣткамъ, которыя мы возьмемъ изъ сравненія, сдѣланнаго авторомъ:

«Въ самыхъ населенныхъ и малоземельныхъ уѣздахъ (Тверской Губерніи)—говоритъ авторъ—во времена генеральнаго межеванія, на средняго крестьянина-работника приходилось пахатной земли болѣе десятины въ каждомъ изъ трехъ полей, а всего—болѣе трехъ десятинъ. О количествѣ сѣнокосныхъ угодій можно судить по тому, что крестьянская семья могла накашивать для себя отъ 300 до 400 пудовъ сѣна и содержать по 4 головы крупнаго скота и по 4 мелкаго. Только въ Осташковскомъ Уѣздѣ, по причинѣ неплодородія почвы и скудости сѣнокосовъ, скота крестьяне держали, среднимъ счетомъ, менѣе».

«Земледѣліе, во время генеральнаго межеванія, было главнымъ занятіемъ жителей Тверской Губерніи, которая, въ общей сложности уѣздовъ, повидимому, довольствовалась въ то время собственнымъ хлѣбомъ» (стр. 75).

Нынѣ «для продовольствія жителей Тверской Губерніи недостаетъ ежегодно среднимъ числомъ отъ 300,000 до 400,000 четвертей ржи» (стр. 78).

«О размѣрахъ скотоводства въ описываемое время можно судить по тому, что каждая крестьянская семья средней руки, состоявшая изъ двоихъ взрослыхъ и двоихъ малолѣтнихъ, имѣла по двѣ лошади, по двѣ коровы, по двѣ овцы, по 1 теленку, по 1 свиньѣ и по 10 курицъ. Только въ Осташковскомъ Уѣздѣ на крестьянскую семью приходилось скота нѣсколько меньше. Въ

[1] Авторъ этой брошюры почтенный нашъ сотрудникъ В. И. Покровскій давно уже работаетъ надъ составленіемъ статистическаго описанія Тверской Губерніи, по порученію тверскаго земства. У насъ есть въ рукахъ нѣсколько выпусковъ этого труда, и мы можемъ только пожалѣть о томъ, что земство печатаетъ этотъ трудъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а не издаетъ отдѣльными книгами для общаго свѣдѣнія и употребленія. Трудъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ, образцовый—и могъ бы служить для другихъ земствъ руководствомъ при собираніи и группировкѣ статистическихъ свѣдѣній. Автора можно упрекнуть только развѣ въ одномъ, что онъ задачу свою ставитъ слишкомъ широко, а не ограничиваетъ ближайшими земскими потребностями и цѣлями.

настоящее время, несмотря на увеличеніе населенія (въ послѣдніе 90 лѣтъ) въ полтора раза (въ 1783 году въ Тверской Губерніи насчитывалось 957,465 душъ обоего пола; нынѣ считается 1,510,600 человѣкъ), количество скота едва достигаетъ цифры 1783 года» (78).

«Въ настоящее время (въ Тверской Губерніи), господствуютъ тѣ же отрасли труда, что̀ и назадъ тому 90—100 лѣтъ. Какъ теперь, такъ и въ концѣ прошлаго столѣтія, наибо̀льшее число рукъ въ губерніи занято было сельскимъ хозяйствомъ, производствомъ хлѣба, масла, мяса, льну, холста и прочихъ предметовъ земледѣльческаго и домашняго крестьянскаго производства. Сама торговля оптовая и розничная затрачивала въ тѣ времена, какъ и нынѣ, бо̀льшую часть своихъ капиталовъ на закупъ и перепродажу сельскихъ земледѣльческихъ произведеній» (91).

«При значительномъ развитіи промысловъ, при удобствѣ путей сообщенія, при близости столичныхъ рынковъ, торговля не могла не достичь въ Тверской Губерніи широкихъ размѣровъ: купеческое сословіе, въ описываемое время, было многочисленнѣе нынѣшняго. Торговые обороты всего купечества, состоявшаго изъ 5,604 семействъ, простирались до 3,306,609 руб., что̀ составляетъ не менѣе 13.670,000 руб. серебр. на нынѣшнія деньги» (87).

«Внутренняя розничная торговля городовъ, обороты которой простирались до 1.382,671 (около трехъ съ половиной милліоновъ нынѣшней цѣнности денегъ), хотя и уступала внѣшней оптовой торговлѣ, оборачивавшей 2.057,813 руб. (болѣе 7 милліоновъ по нынѣшнему курсу), тѣмъ не менѣе, была весьма значительна и едва ли мало уступала нынѣшней» (91).

«Производство холста на продажу было, въ описываемое время, весьма значительно; сбытъ вполнѣ обезпеченъ, цѣна, въ сравненіи съ нынѣшними деньгами, высокая. Взрослая работница-крестьянка могла спрясть, выткать и выбѣлить до четырехъ холстовъ въ зиму, изъ которыхъ могла продать половину, т. е. 50 аршинъ за 3 р. 50 к. или, по крайней мѣрѣ, за 3 рубля. Слѣдовательно, аршинъ холста средняго достоинства, въ описываемое время, продавался по 7 к. и, во всякомъ случаѣ, не дешевле 6, а по нынѣшнему курсу — 21 к. Такимъ образомъ, трудъ пряхъ и ткачихъ вознаграждался, по крайней мѣрѣ, вдвое лучше, чѣмъ нынѣ. Въ настоящее время, цѣна хорошему крестьянскому холсту 10 к. аршинъ. Тверская Губернія производила, въ описываемое время, до 25 милліоновъ холста «всякихъ рукъ». Половину этого количества потребляли сами производительницы холста и ихъ семейства, одну десятую часть могли истреблять города, а десять милліоновъ аршинъ ежегодно отправлялось за предѣлы губерніи. Стоимость этого отпуска, на основаніи предъидущихъ разсчетовъ, можно опредѣлить въ 6.000,000 руб., что̀ на наши нынѣшнія деньги составитъ 12.100,000 р. сер. Нынѣшній ежегодный отпускъ холста изъ Тверской Губерніи достигаетъ

16 милліоновъ аршинъ, въ томъ числѣ, около двухъ третей мѣшечнаго холста» (81).

«Большинство фабричныхъ и заводскихъ произведеній, выдѣлывавшіяся въ тѣ времена (въ Тверской Губерніи), выдѣлываются и нынѣ. Разница замѣтна лишь въ томъ, что полотняныя фабрики уступили мѣсто бумагопрядильнымъ и бумаготкацкимъ, въ значительной степени упалъ извозный промыселъ, какъ сухопутный гужевой, такъ и судоходный, уступивъ часть своихъ рабочихъ фабрикамъ и заводамъ; число отхожихъ промышленниковъ, особенно отхожихъ чернорабочихъ, увеличилось, увеличилось и число рабочихъ, вовсе оставляющихъ земледѣліе. Фабричное и заводское дѣло развилось въ значительной степени, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество женщинъ и малолѣтнихъ оторваны отъ семейнаго очага и превратились въ фабричныхъ рабочихъ. Между отхожими чернорабочими, въ настоящее время, весьма много несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, чего не было назадъ тому 90—100 лѣтъ, судя по имѣющимся даннымъ».

«Обороты торговли купечества Тверской Губерніи, какъ мы видѣли, развѣ малымъ, чѣмъ уступали нынѣшнимъ. Только одна отрасль торговли была менѣе значительна, а именно—водочно-винная. Кабаковъ было гораздо меньше, а о такихъ громадныхъ винныхъ и водочныхъ складахъ, какіе нынѣ существуютъ во всѣхъ, особенно въ большихъ городахъ Тверской Губерніи, наши предки второй половины XVIII столѣтія не имѣли понятія. Во всей Тверской Губерніи насчитывалось тогда всего 235 питейныхъ домовъ (въ городахъ 102, въ уѣздахъ 133), т. е. ровно въ двадцать разъ меньше, чѣмъ такихъ заведеній было въ 1864 году, и слишкомъ въ десять разъ меньше, чѣмъ въ 1874 году. Вина и водокъ ежегодно истреблялось въ Тверской Губерніи, въ описываемое время, 100,000 ведеръ, между тѣмъ какъ нынѣ—не менѣе 1.100,000 ведеръ» (92).

Вотъ въ какомъ видѣ является экономическое преуспѣяніе въ Тверской Губерніи въ теченіи почти столѣтія!

Еслибы такое же сравненіе нынѣшняго состоянія крестьянскаго населенія съ бывшимъ въ концѣ прошлаго вѣка, какое сдѣлано въ Тверской Губерніи, сдѣлать и по другимъ губерніямъ, то, я увѣренъ, что и въ послѣднихъ оказалось бы тоже самое. Навѣрное, и въ нихъ у крестьянъ земли стало меньше, сѣнокосныхъ угодій у многихъ вовсе нѣтъ, скота убыло, можетъ быть, на половину, несмотря на столѣтній почти приростъ населенія; многіе крестьянскіе заработки прибраны къ рукамъ разными акціонерными компаніями, а крестьяне, жившіе ими, пущены шататься бездомными батраками по всему лицу русской земли; многія мелкія крестьянскія производства подорваны или совсѣмъ уничтожены фабриками и заводами, разработывающими, часто во вредъ мѣстной производительности, вмѣсто мѣстныхъ матеріаловъ, привезенные изъ Америки и другихъ далекихъ мѣстъ и вносящими, вмѣстѣ съ нищетою, болѣзнями, развратъ

въ крестьянскую семью и т. п.; вообще, крестьянское благосостояніе уменьшилось вдвое, а по мѣстамъ, можетъ быть, и втрое противъ конца прошедшаго столѣтія. Между тѣмъ, если мы, оставляя безъ вниманія положеніе массъ, будемъ разсматривать только, такъ сказать, парадный ходъ нашей исторіи, то въ какомъ блестящемъ видѣ представится намъ наше движеніе въ это время! Посмотрите, какъ широко раздвинулись въ это время границы нашего государства! Какимъ блескомъ покрыла себя наша армія въ войнахъ съ турками, съ Наполеономъ! Какое внушительное положеніе заняла Россія во внѣшней европейской политикѣ! Потомъ, какъ за это время развилось просвѣщеніе въ Россіи! Сколько, со времени новой организаціи системы народнаго образованія при Александрѣ I, основано низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и даже университетовъ! Какъ развилась и выросла русская литература! Какъ распространились въ образованномъ обществѣ гуманныя и либеральныя идеи XVIII вѣка! Казалось бы, все это такъ прекрасно, что лучше и желать ничего нельзя для народнаго благосостоянія! И расширеніе границъ государства, и политическая сила Россіи, и распространеніе просвѣщенія, и зрѣлость литературы, и гуманныя и либеральныя идеи — все это должно было бы способствовать сильному увеличенію народнаго благосостоянія. А между тѣмъ, на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное. Главная причина такой дисгармоніи парадной исторіи съ внутреннимъ состояніемъ народа заключается несомнѣнно въ долго тяготѣвшемъ надъ послѣднимъ крѣпостномъ правѣ. Теперь, когда этотъ гнётъ съ народа свергнутъ, надобно ожидать, что будетъ постепенно рости и увеличиваться и внутреннее благосостояніе народа, если только будетъ постоянная и искренняя забота о томъ, чтобы духъ реформъ нынѣшняго царствованія получилъ полное и всестороннее примѣненіе въ жизни. До сихъ поръ прежнее время еще сильно тяготѣетъ надъ народомъ не только въ своемъ многообразномъ невидимомъ вліяніи, но и въ остающихся старыхъ порядкахъ. Такъ податная система до сихъ поръ остается все въ прежнемъ видѣ, т. е. всею своею тяжестію падаетъ исключительно на податныя сословія какъ въ прямыхъ налогахъ, такъ и въ косвенныхъ. Изъ послѣднихъ одни акцизные сборы возросли до страшной суммы—200,000,000 р. въ годъ!

Цифра эта такъ краснорѣчива и внушительна, что, при разсмотрѣніи государственной росписи на 1876 г. въ государственномъ совѣтѣ, обратила на себя, по извѣстію, сообщаемому «Русскимъ Міромъ», вниманіе членовъ государственнаго совѣта. Впрочемъ, прибавляетъ эта газета, «замѣчанія по этому предмету были предложены не въ формѣ какого нибудь обдуманнаго и выработаннаго плана преобразованія системы, по поводу котораго могла бы быть принята какая нибудь важная правительственная мѣра, а скорѣе въ видѣ сѣтованія на такой фактъ».

Оно—по правдѣ сказать—трудно и придумать какой нибудь

планъ преобразованія системы при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится у насъ вопросъ о водочномъ налогѣ. Съ одной стороны, всѣ сознаютъ—да и не сознавать этого нельзя—что пьянство есть величайшее зло для страны, что оно раззоряетъ крестьянъ, уничтожаетъ въ нихъ любовь къ труду, руинируетъ въ конецъ ихъ хозяйства, что принять мѣры къ ограниченію пьянства необходимо немедленно. Но съ другой стороны—какъ принять эти мѣры? Болѣе трети ежегоднаго бюджета покрывается налогомъ на потребленіе водки. Если этотъ налогъ будетъ давать на половину менѣе, чѣмъ сколько онъ даетъ теперь, то чѣмъ покрыть этотъ дефицитъ? Понятно, что послѣднимъ обстоятельствомъ болѣе всѣхъ озабоченъ министръ финансовъ. На немъ лежитъ прямая обязанность пріискать источникъ для покрытія того дефицита, который долженъ будетъ образоваться изъ уменьшенія пьянства. Но гдѣ онъ можетъ найдти такой чудодѣйственный источникъ, который давалъ бы въ годъ, примѣрно, сто милліоновъ золота? Министръ финансовъ, какъ человѣкъ, можетъ желать уменьшенія пьянства болѣе, чѣмъ кто нибудь въ Россіи, но, какъ министръ финансовъ, онъ не можетъ согласиться на это, пока не будутъ ему указаны источники, изъ которыхъ могъ бы быть пополненъ дефицитъ, долженствующій образоваться отъ уменьшенія пьянства. Укажите ему такой источникъ...

На этомъ пунктѣ съ незапамятныхъ временъ вертится у насъ вопросъ объ уменьшеніи пьянства. Говорятъ, еще министръ финансовъ Канкринъ, когда отъ него требовали уменьшенія числа кабаковъ, въ видахъ охраненія народной нравственности, сухо отвѣчалъ, что обязанность его, какъ министра финансовъ, заботиться не о нравственности народа, а о пропитаніи арміи, а «каждый кабакъ прокармливаетъ у него батальонъ войска». Приблизительно такіе же отвѣты давали, вѣроятно, и послѣдующіе министры финансовъ того времени, когда случайно поднимался вопросъ объ уменьшеніи пьянства, а возбудители подобнаго вопроса на этомъ и успокоивались. Но съ того времени много утекло воды. Благодаря реформамъ, общество лицомъ къ лицу стало съ этимъ вопросомъ; онъ сдѣлался теперь не случайнымъ, а постояннымъ и съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельнымъ.

Кромѣ государственнаго министра финансовъ всероссійскаго, теперь есть множество другихъ министровъ финансовъ, частныхъ, вѣдающихъ финансы не государства, а того или другого общества и избираемыхъ для этой цѣли самими обществами. Интересъ ихъ, какъ и министра финансовъ, состоитъ также въ томъ, чтобы всѣ сборы, назначаемые на годовой бюджетъ ихъ обществъ, поступали полностью, безъ всякихъ недоимокъ. Но взглядъ ихъ на поступающіе къ нимъ рубли совершенно различенъ отъ взгляда министра финансовъ. Министру финансовъ все равно, откуда бы рубль къ нему ни пришелъ—ему нужно только, чтобы онъ пришелъ и чтобы все предназначенное государ-

ственною росписью количество рублей на извѣстный годъ къ нему непремѣнно поступило. Въ самые источники рублей онъ не заглядываетъ: онъ знаетъ, что въ законѣ опредѣлены эти источники, что изъ нихъ каждогодно поступало нужное количество рублей; изъ этого онъ не безъ основанія заключаетъ, что таковое и на будущее время поступать будетъ. Затѣмъ, чистъ ли этотъ источникъ или нѣтъ, на столько ли богатъ, чтобы никогда не могъ истощиться—входить въ эти вопросы онъ не считаетъ себя обязаннымъ. Частные министры финансовъ, завѣдывающіе финансами земскихъ и городскихъ обществъ, смотрятъ на поступающіе къ нимъ рубли и должны смотрѣть совершенно съ другой точки зрѣнія. Для нихъ важно не только то, чтобы назначенный на тотъ и на другой годъ рубль поступилъ, но чтобы и источникъ, изъ котораго онъ поступилъ, съ одной стороны, нисколько этимъ не ослабился и былъ въ состояніи давать такіе же рубли каждогодно на будущее время, а съ другой—чтобы онъ, этотъ источникъ, имѣлъ свое начало въ возбужденіи и развитіи добрыхъ инстинктовъ и качествъ общества, а не въ деморализаціи его. Понятно, что, чѣмъ ближе городскія и земскія самоуправленія знакомятся съ своимъ дѣломъ, тѣмъ годъ отъ году имъ становится ненавистнѣе источникъ дохода, основанный на умноженіи числа кабаковъ или, что̀ тоже, на увеличеніи развращенія въ народѣ и его раззореніи—источникъ, который, въ концѣ-концовъ, долженъ неизбѣжно привести къ банкротству какъ государственную казну, такъ и общественныя кассы.

Нынѣ нѣсколько земствъ входили уже съ ходатайствомъ объ ограниченіи числа питейныхъ домовъ. На это министерство финансовъ отозвалось, что «по существующимъ общимъ правиламъ о питейной торговлѣ, число мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ не опредѣлено (ст. 6 уст. о пит. сб.), что исключеніе сдѣлано лишь для С.-Петербургской Губерніи и городовъ Москвы и Одессы, гдѣ, согласно высочайше утвержденному 16-го іюня 1873 года мнѣнію государственнаго совѣта и 26-го января 1874 года положенію комитета министровъ, вводятся въ видѣ опыта, на три года, особыя правила о питейной торговлѣ, что, слѣдовательно, ходатайства земскихъ собраній могли бы быть удовлетворены не ранѣе, какъ по провѣркѣ означенныхъ правилъ на опытѣ. Съ своей стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ, «имѣя въ виду, что предположенія земскихъ собраній вызваны стремленіемъ ограничить по возможности торговлю крѣпкими напитками съ цѣлью уменьшенія пьянства, не могло не признать ихъ заслуживающими полнаго уваженія; однако, также нашло не вполнѣ удобнымъ разрѣшать отдѣльно возникающія ходатайства земскихъ собраній впредь до истеченія срока и выясненія результатовъ означенныхъ временныхъ правилъ».

Понятно, что ни министерство финансовъ, ни министерство внутреннихъ дѣлъ не могло иначе отвѣчать на просьбу земствъ, какъ

отказомъ. Но мнѣ кажется, что здѣсь прямая и откровенная форма отвѣта была бы болѣе у мѣста. Земства болѣе были бы удовлетворены, еслибы имъ прямо было объяснено, что винный налогъ даетъ столько то доходу, безъ котораго государственный бюджетъ обойтись не можетъ, что, впрочемъ, само министерство не имѣетъ ничего нротивъ уменьшенія и даже уничтоженія кабаковъ и готово предоставить распоряженіе этимъ въ полную волю земствъ, если только послѣднія укажутъ источникъ, изъ котораго можно надѣяться покрыть дефицитъ, который можетъ образоваться отъ уменьшенія числа кабаковъ. Изъ такого прямого отвѣта, хотя въ немъ содержится также отказъ, земства увидѣли бы, что на нихъ смотрятъ не какъ на дѣтей, а какъ на людей взрослыхъ, которымъ объясняютъ откровенно трудность дѣла и говорятъ, что, если можете придумать что нибудь для устраненія трудности, придумывайте; будемте дѣйствовать вмѣстѣ, съобща. Теперь въ отвѣтѣ министерства финансовъ, собственно говоря, рѣшительнаго ничего нѣтъ, ибо изъ того, что въ законѣ число мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ не опредѣлено, прямо слѣдуетъ, что ихъ можно имѣть сколько признается нужнымъ и полезнымъ, и совсѣмъ не слѣдуетъ того, чтобы нельзя было ограничивать ихъ числа, а между тѣмъ, на основаніи этого, министерство отказываетъ земствамъ въ просьбѣ. Очевидно, что мотивъ для отказа чисто фиктивный, который можетъ поставить въ недоумѣніе земства насчетъ истиннаго взгляда министерства на систему нынѣшняго виннаго налога и причинить затрудненія самому же министерству; ибо, прикрывая отказъ въ просьбѣ земствъ мотивомъ вовсе нерезоннымъ, министерство даетъ видъ, что оно точно привязано само къ этой системѣ, желаетъ ея продолженія и старается удержать ее во что̀ бы то ни стало.

Отъ такой тактики министерства финансовъ уже и успѣли явиться недоумѣнія и затрудненія по тому же самому предмету въ городскихъ самоуправленіяхъ. Здѣсь вопросъ о томъ, что городскія самоуправленія или думы имѣютъ полное право на опредѣленіе мѣстъ для питейныхъ заведеній на землѣ города, на ограниченіе ихъ числа и воспрещеніе частнымъ лицамъ производить питейную торговлю на ихъ собственныхъ земляхъ, былъ вполнѣ ясно и точно разрѣшенъ сенатомъ, по поводу нѣсколькихъ восходившихъ на его разсмотрѣніе дѣлъ, именно—по отрицанію подобнаго права у думъ. Вслѣдствіе такого разъясненія сената, многіе города могли сильно сократить число питейныхъ заведеній, а такое сокращеніе могло отозваться значительнымъ дефицитомъ въ цифрѣ виннаго налога. Тѣмъ не менѣе, противъ разъясненія сената, вполнѣ правильнаго, возражать было ничего нельзя, и городскимъ самоуправленіямъ можно было, не отрицая ихъ правъ на сокращеніе числа питейныхъ заведеній, развѣ только предложить, въ административномъ порядкѣ, имѣть въ виду, чтобы сокращеніе это производилось постепенно и умѣренно, не

причиняя слишкомъ сильныхъ и чувствительныхъ колебаній въ суммѣ поступающаго въ казну виннаго дохода. Мы совершенно увѣрены, что такое предложеніе всѣми городами было бы принято къ свѣдѣнію и, по возможности, исполнено. Но министерство финансовъ пошло особеннымъ путемъ. Циркуляромъ министра финансовъ, опубликованнымъ въ № 220 «Правительственнаго Вѣстника» прошедшаго года, управляющимъ акцизными сборами было предписано «сдѣлать распоряженіе о невыдачѣ на будущій годъ патентовъ на питейную продажу въ тѣхъ городахъ, въ коихъ продажа сія будетъ предоставлена исключительно на городскихъ земляхъ, или въ коихъ думами будетъ назначено опредѣленное число питейныхъ заведеній». Такое распоряженіе министерства финансовъ, должно было произвести раздраженіе въ городскихъ самоуправленіяхъ; они не могли понять его иначе, какъ посягательство на ихъ законныя права, а это, естественно, должно было повести совершенно къ другому результату, чѣмъ какого ожидало министерство; такъ, по крайней мѣрѣ, случилось въ Самарѣ. Еще наканунѣ полученія помянутаго циркуляра министра финансовъ, «самарская дума, въ виду широко развившагося народнаго разгула и тѣхъ безобразій, какой представляютъ изъ себя кабаки, постановила: число питейныхъ заведеній въ городѣ Самарѣ, въ 1876 году, допустить вмѣсто 159 только 28, примѣрно—по одному питейному заведенію на 2,000 жителей, распредѣливъ ихъ, пропорціонально числу населенія, по частямъ города на извѣстныхъ пунктахъ и, притомъ, на земляхъ, принадлежащихъ городскому общественному управленію, съ тѣмъ, чтобы мѣста эти были отданы подъ питейныя заведенія въ аренду съ торговъ». По полученіи циркуляра министра финансовъ, дума, въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, находя циркуляръ этотъ нарушающимъ права города, рѣшило «обжаловать распоряженіе министра финансовъ правительствующему сенату». Но не успѣла еще дума привести этого постановленія въ исполненіе, какъ получила *примиряющій* циркуляръ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ разъяснялось, что «плата въ пользу города должна взиматься только *за пользованіе мѣстомъ*», принадлежащимъ городу и уступленнымъ частному лицу, но отнюдь не за *право* производства во взятыхъ отъ города помѣщеніяхъ питейной торговли, иначе постановленія и приговоры городскихъ общественныхъ управленій должны быть признаны безусловно противозаконными, и патенты на производство продажи питей въ такихъ помѣщеніяхъ, согласно разъясненію министра финансовъ, распубликованному въ № 220 «Правительственнаго Вѣстника», не должны быть выдаваемы». Хотя истолковавъ такимъ образомъ циркуляръ министра финансовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, сверхъ того, объяснилъ, что, на основаніи указа сената, думѣ принадлежитъ полное право опредѣлять и число питейныхъ заведеній въ городѣ, тѣмъ не менѣе, недоумѣнія городской думы и *примиряющимъ* циркуляромъ ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ не были разсѣяны: въ ней образовались двѣ партіи — *кабачниковъ* и *анти-кабачниковъ*. Гласные-кабачники твердо стояли на буквальномъ смыслѣ циркуляра министра финансовъ и утверждали, что городъ не имѣетъ право ограничивать число питейныхъ заведеній. Гласные анти-кабачники, напротивъ, держались того истиннаго смысла, который открытъ былъ въ циркулярѣ министра финансовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и требовали сокращенія числа кабаковъ. По счастію, въ числѣ гласныхъ самарской думы кабачниковъ оказалось менѣе, чѣмъ анти-кабачниковъ; потому дума, согласно заключенію комиссіи, учрежденной по разработкѣ вопроса о питейныхъ заведеніяхъ, постановила: «разрѣшить къ открытію въ будущемъ году только 28 питейныхъ заведеній и назначить для этого мѣста, принадлежащія городу, съ тѣмъ, чтобы они сданы были въ аренду кабачникамъ съ торговъ» («Голосъ», № 4).

Такимъ образомъ, анти-кабачники восторжествовали. Но торжество ихъ было очень непродолжительно.

Въ то время, когда въ городскихъ думахъ происходили описываемыя нами волненія, въ государственномъ совѣтѣ разсматривались уже новыя правила о порядкѣ разрѣшенія мѣстъ питейной продажи въ городахъ. Наконецъ, 1 января нынѣшняго года, состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по этому предмету, которое недавно и распубликовано въ особомъ циркулярѣ министра финансовъ управляющимъ акцизными сборами разъясняющемъ для послѣднихъ образъ дѣйствій на основаніи означеннаго мнѣнія государственнаго совѣта.

Такъ какъ циркуляръ этотъ, въ совокупности съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, занялъ бы много мѣста и, пожалуй, не для всѣхъ читателей былъ бы удобовразумителенъ, то мы передадимъ здѣсь кратко сущность новыхъ правилъ, содержащихся въ мнѣніи государственнаго совѣта и циркулярѣ министра финансовъ.

По новымъ правиламъ, думы имѣютъ право составлять только *предположенія* относительно мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ въ городахъ. Предположеніе это *представляется* губернскому присутствію по городскимъ дѣламъ, въ составъ котораго, по дѣламъ этого рода, приглашается, съ правомъ голоса, управляющій акцизными сборами, и получаютъ силу *только* по утвержденіи присутствіемъ.

Еслибы, однако-жь, губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, большинствомъ голосовъ, утвердило предположеніе думы, но съ этимъ не согласился бы управляющій акцизными сборами, то какъ онъ, такъ и предсѣдатель казенной палаты, просятъ пріостановить приведеніе такихъ постановленій въ исполненіе, сами же обжаловываютъ ихъ правительствующему сенату. Выдача патентовъ на спорныя мѣста питейной продажи пріостанавливается впредь до разрѣшенія дѣла по этому обжалованію правительствующимъ сенатомъ.

Правила эти изданы, какъ сказано въ мнѣніи государственнаго совѣта, временно, впредь до разрѣшенія общаго вопроса объ ограниченіи числа питейныхъ заведеній. Иначе, оно и представить трудно. Ибо этими правилами у городскаго населенія, облеченнаго высочайше дарованнымъ правомъ самоуправленія, отнимается право имѣть для себя такое количество питейныхъ домовъ, какое оно пожелаетъ и найдетъ нужнымъ, безъ согласія на то управляющаго акцизными сборами! Тутъ мало похожаго на самоуправленіе.

Вообще, вся эта *винная* исторія, о которой мы разсказали, исторія недоразумѣній, пререканій, волненій, производитъ очень прискорбное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе прискорбное, что она случилась безъ всякой нужды, что, при другихъ пріемахъ дѣйствія ничего этого не только могло бы не быть, а вовсе не могло бы быть. Вся наша бѣда во многихъ случаяхъ происходитъ оттого, что канцеляріи нашихъ министерствъ до сихъ поръ не успѣли освободиться отъ прежней рутины. Прежде, «канцелярская тайна» лежала въ основаніи сношеній министерствъ съ мѣстами низшими ихъ — потому было въ модѣ скрывать истинныя причины того или другого отказа и мотивировать отказъ чисто фиктивными соображеніями, часто неимѣвшими ровно никакого отношенія къ истиннымъ причинамъ отказа и, въ сущности, нисколько не резонными. Канцеляріи министерствъ щеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи подобныхъ фиктивныхъ, мало относящихся къ дѣлу мотивовъ, и министерская бумага считалась тѣмъ тоньше и умнѣе, чѣмъ болѣе обрѣталось въ ней разныхъ экивокъ по части мотивовъ. Само собою разумѣется, что подобная практика могла развиться и существовать только при той несомнѣнной увѣренности, что низшее мѣсто не осмѣлится сдѣлать никакого запроса насчетъ экивокъ въ мотивахъ—напротивъ, будетъ удивляться ихъ ухищренности, какъ нѣкоей мудрости. Бо̀льшею частію, оно такъ, пожалуй, и бывало... Но теперь наступило другое время. Нынѣ общества также призваны къ дѣятельности въ управленіи дѣлами мѣстными, и въ томъ, что̀ касается этихъ дѣлъ, съ ними нельзя говорить экивоками. Тутъ они полноправные господа, и отказъ имъ можно чинить только на точномъ основаніи законовъ. Иначе министерства могутъ быть твердо увѣрены, что дѣло безъ недовольства не обойдется. И мы думаемъ, что министерства должны радоваться, когда, въ случаѣ ихъ неправильныхъ распоряженій, возникаютъ протесты. Протесты эти свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ ростѣ общества, о томъ, что общество становится на почву уваженія къ закону, что̀ не можетъ не быть пріятно каждому министерству. Поэтому мы не можемъ не отнести къ привычкамъ стараго времени притязаній тѣхъ министерствъ, которыя, въ случаѣ возраженій въ печати на какія-нибудь ихъ распоряженія, жалуются, что печать мѣшаетъ имъ дѣлать дѣло, или, въ случаѣ резоннаго протеста низшихъ мѣстъ, придумываютъ временныя правила въ обходъ закона.

Обращаясь, затѣмъ, къ системѣ существующаго нынѣ виннаго налога, мнѣ кажется, нельзя не признать, что принятая нынѣ акцизная система оказывается также неудовлетворительною, какъ и бывшая откупная. Какъ и откупная, она также основывается на постоянномъ увеличеніи кабаковъ, слѣдовательно, на увеличеніи развращенія и раззоренія въ народѣ. Пока будетъ существовать эта система, министерство всегда будетъ находиться въ ложномъ положеніи по отношенію къ своей дѣйствительной миссіи — къ увечиченію благосостоянія народнаго: оно всегда будетъ тревожно смотрѣть на уменьшеніе числа кабаковъ, ибо таковое уменьшеніе будетъ всегда угрожать дефицитомъ въ государственномъ бюджетѣ... Мнѣ кажется, единственное средство выйдти изъ этого сколько непріятнаго, столько же и недостойнаго положенія, не потрясая при этомъ государственнаго бюджета — это: 1) консолидировать сборъ съ виннаго налога въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ получается теперь, навсегда и уплату его, соразмѣрно теперешнему расходу вина въ каждой губерніи, возложить на губернскія земства по принадлежности; 2) за это губернскимъ земствамъ, каждому въ своемъ районѣ, предоставить право разрѣшенія винныхъ заводовъ, мѣстъ для продажи вина и т. п. и полученія всѣхъ пошлинъ и сборовъ, получаемыхъ нынѣ за это государствомъ; 3) наконецъ, казенное акцизное управленіе совершенно уничтожить.

Въ заключеніе, не могу не занести въ мое обозрѣніе одинъ крупный фактъ изъ нашей жизни, которому, я не сомнѣваюсь, порадуются всѣ мои читатели. Я разумѣю пожертвованіе однимъ изъ нашихъ молодыхъ адвокатовъ, г. Боровиковскимъ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ университета 5,000 руб. сер., полученныхъ имъ въ началѣ прошлаго года въ гонораръ за ходатайство объ освобожденіи Овсянникова изъ предварительнаго заключенія, которому послѣдній былъ подвергнутъ судебнымъ слѣдователемъ. Я называю этотъ фактъ крупнымъ, конечно, не по цифрѣ пожертвованія, а по его моральному значенію. До сихъ поръ, многіе изъ адвокатовъ, по ошибкѣ или сознательно, брались за дѣла неподобающія и совсѣмъ грязныя; но никто изъ нихъ такъ откровенно и искренно не сознавался въ своей ошибкѣ или проступкѣ. Подобное сознаніе требуетъ не только внутренняго самоотверженія, но и большаго самообладанія надъ собою. Можетъ быть, еще немало найдется людей, которые согласятся втихомолку сознаться въ своей ошибкѣ или проступкѣ и даже деньги возвратить; но публично сказать: да, я сдѣлалъ ошибку или проступокъ и возвращаю все, что взялъ—на такое мужество способны очень немногія натуры. Вотъ почему нельзя не порадоваться появленію ихъ въ молодой адвокатурѣ. Оно даетъ намъ надежду, что институтъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ, который у насъ *нерасцвѣлъ* и *отцвѣлъ*, можетъ еще обновиться подъ вліяніемъ молодыхъ силъ въ адвокатурѣ и сдѣлаться достойнымъ своей высокой миссіи.

Понятно, что благородный поступокъ г. Боровиковскаго долженъ былъ произвести сильную сенсацію и броженіе въ подонкахъ адвокатскаго міра. Какъ, въ самомъ дѣлѣ!

Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ!

И вдругъ среди нихъ является человѣкъ, который начинаетъ разбирать: какое стяжаніе ему попало въ руку—праведное или неправедное? Но развѣ песъ, которому попало въ ротъ масло, разбираетъ: чье это масло и праведно или неправедно оно попало ему въ ротъ?

Но что же, однако, было дѣлать съ г. Боровиковскимъ? Онъ—человѣкъ свободный, въ правѣ распорядиться своимъ добромъ, какъ онъ хочетъ, нельзя его насильно заставить держаться принципа псовъ.

Рѣшено было, слѣдуя совѣту одного мудраго стряпчаго, изображеннаго Щедринымъ: *прогнать* г. Боровиковскаго *сквозь строгій жизненныхъ обстоятельствъ.*

Вслѣдствіе этого, вдругъ въ газетахъ является слухъ, яко бы студенты университета, въ пользу которыхъ г. Боровиковскій пожертвовалъ свой гонораръ, не хотятъ принимать его денегъ. Признаемся, что клеветы на студентовъ болѣе позорной намъ никогда не случалось еще слышать. Какъ! Чтобы молодое поколѣніе могло, не говоримъ, отвергнуть, а даже несочувственно отнестись къ человѣку, который не только идетъ къ нему на помощь съ порядочною суммою вполнѣ *законно* пріобрѣтенныхъ денегъ, но у котораго самымъ мотивомъ къ пожертвованію является одно изъ прекраснѣйшихъ движеній человѣческой души, — движеній, которыя для каждаго молодого сердца не могутъ не быть дороги, — нѣтъ, мы никакъ не можемъ этому вѣрить! Мы удивляемся одному: какъ студенты, еще недавно протестовавшіе противъ оскорбительнаго для нихъ, появившагося въ газетахъ объявленія, будто какой-то студентъ ищетъ занятій у старой женщины, не протестовали еще съ большею энергіею противъ пущеннаго объ нихъ слуха, о которомъ мы говоримъ, сравнительно, безконечно болѣе ихъ позорящаго, чѣмъ помянутое объявленіе?

Далѣе: въ газетахъ же пущенъ былъ слухъ, что на общемъ собраніи общества въ пользу нуждающихся студентовъ нѣкоторые члены намѣрены поднять вопросъ о деньгахъ, пожертвованныхъ г. Боровиковскимъ. Неизвѣстно, въ видѣ ли утки только былъ пущенъ этотъ слухъ, или дѣйствительно предполагалось сдѣлать нѣчто подобное... Въ числѣ членовъ общества для нуждающихся студентовъ есть и подонки адвокатскаго міра, ихъ кумовья, друзья... Очень возможно, что кто-нибудь изъ нихъ съ-дуру и думалъ сотворить подобный скандалъ. Въ такомъ случаѣ, очень жаль, что г. Боровиковскій отправленіемъ своего пожертвованія въ личное распоряженіе ректора университета, а не общества для нуждающихся студентовъ, устранилъ эту возможность. Было

бы желательно знать и сдѣлать приснопамятными имена вожаковъ той гнусной тли нашего нравственнаго міра, которая сокровенно для всѣхъ подтачиваетъ лучшія движенія и начинанія нашего общества...

Теперь представителемъ этой тли является только редакторъ нѣкоторой газеты. Но съ этимъ редакторомъ, который въ дѣлѣ Овсянникова разыгрывалъ роль вавилонской блудницы, публично зазывая его въ свои объятія, какъ-то разговаривать даже совѣстно...

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

(Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія).

I.

— Пиши—легче будетъ, говорила мнѣ любимая женщина, передъ которой я раскрылъ свою душу.

Я долго боролся противъ этой односторонней, эгоистической силы женской логики. Я очень хорошо понималъ, что, по отношенію ко мнѣ, совѣтъ прекрасенъ. Getheilter Schmerz ist halber Schmerz. Да, не зачѣмъ, впрочемъ, и дѣлать кого-нибудь участникомъ своей скорби. Достаточно дать какой-нибудь исходъ собственной внутренней жизни, чтобы она не сбивалась тамъ, въ груди, въ головѣ, въ плотную, тяжелую кучу, которая дышать мѣшаетъ. Еслибы я былъ птицей, я бы все пѣсни пѣлъ. Я думаю, она, птица-то, оттого и весела такъ, что можетъ все «выпѣть». А у человѣка, особенно не говорливаго, каковъ я, образуется постоянно какой-то душевный отстой всего пережитаго, и, какъ поднимется въ этомъ отстоѣ броженіе — жить становится изъ рукъ вонъ душно. Писательство, конечно—исходъ чудесный. Блеснула мысль, загорѣлось чувство—клади сейчасъ на бумагу. Это, вѣдь, все равно, что форточку отворить и трубу открыть, дать постоянное теченіе и обновленіе застоявшемуся въ комнатѣ воздуху. Чего-жь лучше? Но, вопервыхъ, странно, а вовторыхъ, совѣстно. Слыхалъ я, что въ старые годы къ писательству приступали какъ къ нѣкоторому священнодѣйствію, съ трепетомъ, а нынѣ, будто бы, начинающіе писатели «осмѣлились». Не знаю, какъ, вообще, а мнѣ, право, страшно. Всѣ писатели представляются мнѣ людьми высокаго роста, съ гордыми орлиными но-

сами, «съ печатью думы на челѣ» или съ какимъ-нибудь клеймомъ возвышеннаго вдохновенія. Оттого-то они такъ важны, щекотливы и знаютъ себѣ цѣну. Вотъ, напримѣръ, г. Тургеневъ. Онъ въ первой книжкѣ «Вѣстника Европы» за нынѣшній годъ съ разу два раза заявилъ, что у него гордый орлиный носъ, необыкновенно и, конечно, правомѣрно чуткій ко всему, что̀ относится до твореній обладателя носа. Въ примѣчаніи къ расказу «Часы» г. Тургеневъ заявляетъ, что онъ предлагаетъ публикѣ, конечно, хорошенькую, но все-таки бездѣлку, которую отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ ожидаемымъ всею Россіею большимъ романомъ автора. Въ письмѣ въ редакцію «Вѣстника Европы» г. Тургеневъ объясняетъ тоже «нѣкоторые до него лично относящіеся факты». Онъ заявляетъ именно, что, хотя какой-то библіографъ справедливо приписываетъ ему разборъ книги Муравьева «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ», напечатанный въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1836 годъ, но онъ, г. Тургеневъ, «не можетъ, по совѣсти, считать это ребяческое упражненіе своимъ первымъ литературнымъ трудомъ». Еще бы! Конечно, г. Тургеневъ началъ прямо со втораго литературнаго труда и ребяческими упражненіями никогда не занимался. Или, вотъ, г. Авдѣевъ. Въ объявленіяхъ «Молвы» было ошибочно показано заглавіе его произведенія, и г. Авдѣевъ немедленно публикуетъ во всѣхъ газетахъ исправленія этой ошибки. Это я только то̀ записываю, что̀ совсѣмъ на дняхъ случилось. А кабы старое копнуть, такъ и конца бы не было. Одинъ г. Тургеневъ сколько матеріалу далъ бы. И эти люди имѣютъ полное право благоговѣть передъ каждой своей строкой. Ну, куда же мнѣ къ нимъ въ товарищи соваться!? Какимъ презрѣніемъ, разумѣется, молчаливымъ обольютъ меня крупные дѣятели русской литературы! А кто помельче, такъ совсѣмъ заклюютъ. Недаромъ я, рѣшившись уже, скрѣпя сердце, предстать передъ русской читающей публикой, поставилъ въ заголовкѣ, между прочимъ, «предсказанія». Я и теперь могу предсказать, напримѣръ, что «Дѣло» наведетъ справки о цвѣтѣ моего пиджака (а онъ у меня, признаться, не казистый), о моей походкѣ, о моей прическѣ и все это изложитъ съ ясными на принадлежность мнѣ всѣхъ этихъ вещей доказательствами. Ну—и страшно. А, кромѣ того, совѣстно. Г. Тургеневъ твердо знаетъ, что его романа ждетъ вся Россія, а потому имѣетъ право сообщать читателямъ о ходѣ своей работы: дескать, подождите еще немного, потерпите. Авторъ будущаго описанія моего гороховаго пиджака и вихристой прически тоже твердо знаетъ, что это чрезвычайно нужно. Но откуда мнѣ-то взять эту увѣренность?

Такъ боролся я съ односторонней силой женской логики. Но, въ концѣ-концовъ, она побѣдила. Она доказала мнѣ прежде всего, что плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, что ничто не мѣшаетъ мнѣ сдѣлаться, съ теченіемъ времени, вторымъ Тургеневымъ и затѣмъ отречься съ высоты славы

отъ своего перваго литературнаго труда. Значитъ, будь этотъ трудъ даже совершенно ребяческимъ упражненіемъ, не впримѣръ слабѣйшимъ, чѣмъ разборъ муравьевскаго путешествія къ святымъ мѣстамъ, бѣды не будетъ. Вовторыхъ, мнѣ было доказано, что я—современный русскій типъ и, въ качествѣ таковаго, могу смѣло явиться передъ публикой, если только буду писать правду, излагать то, что̀ я въ самомъ дѣлѣ пережилъ и переживаю. Ты—«кающійся дворянинъ», говорила мнѣ любимая женщина:—и такихъ, какъ ты, много; что̀ изъ васъ выйдетъ — не знаю, но типъ, во всякомъ случаѣ любопытный, а васъ всѣ обходятъ, литература вами не занимается». Я долженъ былъ сознаться, что это правда. «Кающагося дворянина» пустилъ въ ходъ г. Михайловскій, кажется, просто обозначивъ этой кличкой извѣстное явленіе. Другіе потомъ стали вкладывать въ эту кличку какой-то очень неодобрительный и укорительный смыслъ. Можетъ быть, они и правы. Пусть судитъ читатель, познакомившись съ тою правдою, которую я ему разскажу, а разсказывать я буду правду. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что я н писать только для того началъ, чтобы «выпѣть» все, что̀ у меня въ душѣ накопилось, чтобы отворить форточку и открыть трубу. Если я буду лгать, такъ мнѣ легче не станетъ, броженіе душевнаго отстоя не прекратится. Значитъ, мой собственный интересъ велитъ мнѣ правду говорить. Не знаю, выдержу ли я, хватитъ ли у меня смѣлости довести до конца свою задачу, но намѣреніе мое твердо. Я откровенно разскажу, ка̀къ и почему я сталъ кающимся дворяниномъ, въ чемъ каюсь, что̀ ненавижу, что̀ люблю, чего боюсь, на что̀ надѣюсь. А если замѣчу, что задача мнѣ не по силамъ, такъ просто закрою форточку, то-есть, перестану писать.

Но, какъ писатель начинающій, я не владѣю формой, не могу пріурочить свое писаніе къ какой-нибудь рубрикѣ. Я—не романистъ, не критикъ, не публицистъ, а всего понемножку, «въ перемежку». Въ такомъ смыслѣ я и условіе съ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» заключилъ. Выйдетъ у меня фантастическая поэма—могу ее печатать; водевильные куплеты — тоже могу; критическія замѣтки—опять могу и т. д. Безъ сомнѣнія, приглядѣвшись всетаки въ литературѣ, я читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» не предложу ни «Исторіи Шампанскаго гусарскаго полка», ни романа, пропитаннаго ароматомъ будуара княгини Лучезаровой (если бы мнѣ случилось написать что-нибудь подобное, я отправлю въ «Русскій Вѣстникъ»), ни статьи о русскихъ глаголахъ или о магометанской нумизматикѣ (это пойдетъ въ «Вѣстникъ Европы»).

Вотъ и все, что̀ я имѣю сказать въ видѣ рекомендаціи. А тамъ ужь пусть читатель судитъ.

Вечеромъ дѣло было. То есть, по моему образу жизни, вечеромъ. Такъ, часовъ въ пять. Огарокъ свѣчки, отчасти по свойствамъ петербургской зимы, а отчасти потому, что окно моей

комнаты выходитъ на задній дворъ, огарокъ, говорю, зажженный еще въ три часа, догорѣлъ, и пришлось его потушить. На душѣ было смутно. Но не потому, что у меня не было семи копеекъ на свѣчку—къ этакимъ случайностямъ я уже давно привыкъ—а потому, что я только-только-что успѣлъ дочитать романъ г. Достоевскаго «Подростокъ». Будь огарокъ чуть-чуть поменьше, я не успѣлъ бы прочитать очень меня задѣвшія за живое слова̀ Николая Семеновича, письмомъ котораго г. Достоевскій закончилъ свой романъ. Вотъ эти слова̀: «Еслибы я былъ русскимъ романистомъ и имѣлъ талантъ, то непремѣнно бралъ бы героевъ моихъ изъ русскаго родоваго дворянства, потому что лишь въ одномъ этомъ типѣ культурныхъ русскихъ людей возможенъ хоть видъ красиваго порядка и красиваго впечатлѣнія, столь необходимаго въ романѣ для изящнаго воздѣйствія на читателя. Говоря такъ, я вовсе не шучу, хотя самъ я—совершенно не дворянинъ, что̀, впрочемъ, вамъ и самимъ извѣстно. Еще Пушкинъ намѣтилъ сюжеты будущихъ романовъ своихъ въ «Преданіяхъ русскаго семейства», и, повѣрьте, что тутъ дѣйствительно все, что̀ у насъ было доселѣ красиваго. По крайней мѣрѣ, тутъ все, что̀ было у насъ хотя сколько-нибудь завершоннаго. Я не потому говорю, что такъ уже безусловно согласенъ съ правильностью и правдивостью красоты этой; но тутъ, напримѣръ, уже были законченныя формы чести и долга, чего, кромѣ дворянства, нигдѣ на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже нигдѣ и не начато... Тамъ, хороша ли эта честь и вѣрнѣе ли долгъ—это вопросъ второй; но важнѣе для меня именно законченность формъ и, хоть какой-нибудь, да порядокъ, и уже не предписанный, а самими наконецъ-то выжитый. Боже, да у насъ именно важнѣе всего, хоть какой-нибудь, да свой, наконецъ, порядокъ! Въ томъ заключалась надежда и, такъ сказать, отдыхъ глазу: хоть что-нибудь, наконецъ, построенное, а не вѣчная эта ломка, не летающія повсюду щепки, не мусоръ и соръ, изъ которыхъ, вотъ уже двѣсти лѣтъ, все ничего не выходитъ. Не обвините въ славянофильствѣ; это—я лишь такъ, отъ мизантропіи, ибо тяжело на сердцѣ! Нынѣ съ недавняго времени... уже не соръ пристаетъ къ высшему слою людей, а, напротивъ, отъ красиваго типа отрываются, съ веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются въ одну кучу съ безпорядствующими и завидующими. И далеко не единичный случай—что самые отцы и родоначальники бывшихъ культурныхъ семействъ смѣются уже надъ тѣмъ, во что̀, можетъ быть, хотѣли бы еще вѣрить ихъ дѣти. Мало того: съ увлеченіемъ не скрываютъ отъ дѣтей своихъ свою алчную радость о внезапномъ правѣ на безчестье, которое они вдругъ изъ чего-то вывели цѣлою массой».

Вотъ слова̀, повергшія меня—не скажу въ глубокое раздумье, потому что выраженіе это предполагаетъ извѣстную правильность, порядокъ мысли, а въ какой то душевный омутъ, въ которомъ странно сталкивались обрывки мыслей, о̀бразы давно про-

шедшаго и настоящаго, желанія, чувства—что-то совсѣмъ хаотическое, но тяжелое. Разобраться во всемъ этомъ я не могъ. Со мной бываетъ во снѣ, что вдругъ надвигается на меня что-то шарообразное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безформенное, громадное, надвигается все ближе, ближе и мнѣ становится все не то, что страшнѣе, а какъ-то неопредѣленно, но мучительно тяжелѣе, — я всѣ усилія употребляю, чтобы проснуться. Вотъ въ этомъ же родѣ было мое состояніе, когда я потушилъ свѣчку, дочитавъ письмо Николая Семеновича. Не въ самомъ письмѣ было, конечно, дѣло, но оно дало толчокъ, вызвавшій многое, что для меня было längst gestorben, verdorben. И, можетъ быть, именно потому, что толчокъ былъ неожиданный, образы и мысли явились въ совсѣмъ безпорядочномъ смѣшеніи. Вотъ отецъ, красивый человѣкъ съ крашеными волосами и усами. Но не успѣлъ еще я припомнить, какъ однажды я былъ изумленъ въ купальнѣ при видѣ краски, смытой водой съ отцовской головы и какъ онъ смутился отъ моего дѣтскаго крика—вмѣсто отца уже назойливо вторгались «дяденька-нѣмецъ» и «дяденька-генералъ». Изъ-за дяденьки-генерала выглядывалъ мой братъ-мужикъ, объ которомъ я пролилъ столько слезъ. А тамъ сестра, а тамъ совсѣмъ недавнія, почти вчерашнія событія... Надо было кончить съ этимъ, то-есть, собственно съ безпорядочностью и хаосомъ. Отъ воспоминаній я былъ не прочь, еслибъ они только представились въ мало-мальски стройномъ видѣ, не сбиваясь въ кучу. Невыносима была безпомощность моя, невозможность справиться съ нахлынувшимъ вдругъ потокомъ. Мнѣ казалось, что, еслибы у меня была свѣчка и горѣла вотъ тутъ на столѣ, хаосъ исчезъ бы. Но откуда ее взять, свѣчку-то?

Вдругъ въ сосѣдней, хозяйской комнатѣ раздался тоненькій дѣтскій голосокъ:

— Адамъ и Ева не нуждались въ одеждѣ, потому что были безгрѣшны...

Это—хозяйкина дочь, десятилѣтняя Оля, вслухъ готовила на завтра урокъ изъ священной исторіи. Вѣрите ли, точно лучъ солнечный ворвался въ мою комнату, когда прозвучалъ тоненькій голосокъ Оли. Самый ли смыслъ этого голоска или смыслъ произнесенной имъ фразы подѣйствовалъ, но мучительный хаосъ исчезъ. Свѣчки мнѣ уже было не нужно. Я пошелъ гулять, потомъ провалялся часовъ до шести безъ сна, все приводя въ порядокъ свои воспоминанія и мысли, вызванныя письмомъ Николая Семеновича. Проснулся очень поздно, и первое, что услышалъ, были опять вчерашнія слова маленькой Оли. Она отвѣчала матери урокъ:

— Адамъ и Ева не нуждались въ одеждѣ, потому что были безгрѣшны...

Я часто вспоминаю одинъ любопытный физическій опытъ. Наливаютъ въ какой нибудь сосудъ воды и очень медленно

охлаждаютъ ее, наблюдая притомъ, чтобы сосудъ былъ совершенно спокоенъ. Термометръ падаетъ до нуля, до одного, до двухъ, даже до трехъ градусовъ, такъ что водѣ давно бы пора замерзнуть, а она не мерзнетъ. Но если чуть-чуть толкнуть чашку, замерзаніе происходитъ моментально. Не знаю, какъ у другихъ, а за собой я замѣчалъ совершенно подобный психическій процессъ. Терпишь, напримѣръ, иной разъ, терпишь какія нибудь гадости, и давно бы пора плюнуть и уйти, а все терпишь, да вдругъ какой нибудь совсѣмъ пустякъ и взорветъ. Такъ и письмо Николая Семеновича только пошевелило цѣлую массу впечатлѣній, незамѣтно для меня самого залегавшихъ во мнѣ при чтеніи романа г. Достоевскаго. Собственно говоря, давно бы ужь пора подняться воспоминаніямъ, но это мнѣ только теперь ясно. Взять, напримѣръ, преслѣдующую «Подростка» кличку «князь Долгорукій». Ужь одна она напоминаетъ мнѣ многое. Я, не такъ, какъ Подростокъ—законнѣйшій сынъ законнѣйшихъ родителей, но имѣю счастіе или несчастіе носить древнюю фамилію Тёмкиныхъ, вдобавокъ зовутъ меня Григоріемъ Александровичемъ. Поэтому, и школьники, и нѣкоторые учителя тѣхъ двухъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ я провелъ свою раннюю молодость, въ насмѣшку, величали меня Потемкинымъ, «Великолѣпнымъ княземъ Тавриды», «сыномъ роскоши, прохладъ и нѣгъ» и, наконецъ, просто «Гришкой въ потемкахъ», какъ, по преданію, школьники дразнили знаменитаго любимца Екатерины. Да и такъ, совсѣмъ помимо школьныхъ отношеній, случалось и случается, что назовешь свою фамилію и услышишь, какъ Подростокъ, переспросъ: Потемкинъ? Теперь я, разумѣется, совершенно равнодушенъ ко всѣмъ этимъ кличкамъ и переспросамъ, но прежде относился къ нимъ не такъ. Каюсь, сначала, когда я впервые услышалъ «Потемкина» и «великолѣпнаго князя», я былъ сильно польщенъ. Мало того: такъ какъ дѣло пошло на откровенность, да и времена это очень далекія, я открою вамъ маленькую хитрость, къ которой я прибѣгалъ, чтобы удержать за собой лестное, хоть и насмѣшливое прозвище. Я очень быстро освоился со школьными порядками и замѣтилъ, что кличка, видимо не производящая на отмѣченнаго ею обиднаго впечатлѣнія, скоро отпадаетъ и замѣняется другою. Поэтому я всѣми силами старался показать товарищамъ, что я чрезвычайно обижаюсь «великолѣпнымъ княземъ», даже, помню, не разъ дирался изъ-за этого прозвища. Я боялся, что у меня отнимутъ «Потемкина» и нарекутъ какъ нибудь въ родѣ «жидконожки» или «Мазепы». Черта ли это моего характера, или просто дѣтская черта—пусть судитъ читатель на основаніи дальнѣйшаго повѣствованія. Въ скоромъ времени, однако, произошло значительное измѣненіе въ моихъ отношеніяхъ къ Потемкину. Но, чтобы разсказать это, надо познакомить читателя съ «дяденькой-нѣмцемъ».

Такъ онъ назывался въ отличіе отъ «дяденьки-генерала», о

которомъ потомъ. Дяденька-нѣмецъ приходился мнѣ, собственно, седьмой водой на киселѣ. Онъ былъ братъ жены двоюроднаго брата моего отца и жилъ у насъ не столько какъ родственникъ, сколько въ качествѣ бѣднаго человѣка. Это былъ плюгавый съ виду, но крѣпкій, никогда не хворавшій старичокъ съ вывернутыми въ стороны ногами, плѣшивый, съ всегда аккуратно выбритымъ лицомъ. Голосъ онъ имѣлъ писклывый и обладалъ непріятною слабостью, разгорячившись, обдавать собесѣдника брызгами слюней. Курилъ дрянныя сигары. Онъ былъ дѣйствительно нѣмецъ, но я никогда не слыхалъ отъ него ни одного нѣмецкаго слова, а по-русски онъ говорилъ совсѣмъ чисто, только пересыпая рѣчь безсмысленнымъ наборомъ словъ: «тутъ вотъ это теперича вотъ такъ». Къ отцу онъ относился съ величайшимъ почтеніемъ, даже съ подобострастіемъ, отчасти за кусокъ хлѣба и уголъ, которые онъ имѣлъ у насъ въ домѣ, отчасти, можетъ быть, ради личныхъ достоинствъ отца, а, главное, онъ видѣлъ въ немъ «стараго дворянина». Я никогда не видалъ человѣка, который бы до такой степени уважалъ «породу» и вѣрилъ въ красоту стараго дворянскаго типа, какъ дяденька-нѣмецъ. Я думаю, что даже публицисты «Русскаго Вѣстника» и «Русскаго Міра» должны бы были уступить ему пальму первенства. Самъ онъ былъ «совершенно не дворянинъ», какъ выражается Николай Семеновичъ, а кровный нѣмецкій плебей (звали его Карлъ Карловичъ Фишеръ), сынъ митавскаго сапожника, коллежскій регистраторъ, дотянувшій до пенсіи на мѣстѣ смотрителя чего-то и гдѣ-то. Всю свою пенсію онъ тратилъ на покупку разныхъ древностей, которыми были завалены его двѣ маленькія комнатки во флигелѣ. Я очень любилъ рыться въ этомъ скарбѣ. Тутъ были разныя принадлежности рыцарскаго и древняго русскаго вооруженія, шлемы, копья, мечи, самопалы, которые дяденька-нѣмецъ, несмотря на свою любовь къ чистотѣ и порядку, оставлялъ во всей неприкосновенности ихъ священной ржавчины; старинные пергаменты и «выписы изъ книгъ гербовыхъ»; съ великими трудами и пожертвованіями собранная коллекція гербовыхъ печатей русскихъ дворянскихъ фамилій и, во главѣ ихъ, печать древняго рода Тёмкиныхъ; наконецъ, много разныхъ мелочей, которыхъ я не помню. Кстати о печатяхъ, для характеристики дяденьки-нѣмца и его отношеній къ отцу. На печати отца была вырѣзана, кромѣ родового герба, сабля съ привѣшанными къ ней двумя или тремя орденами, полученными отцомъ въ военной службѣ. Оказалось потомъ, что эти добавленія страшно смущали дяденьку-нѣмца въ его культѣ породы. Онъ цѣнилъ, конечно, заслуги передъ отечествомъ, но желалъ бы видѣть гербъ Тёмкиныхъ совершенно чистымъ отъ какихъ бы то ни было позднѣйшихъ украшеній, такъ чтобы на печати не было ничего, кромѣ щита, раздѣленнаго на три поля и т. д., и дворянской короны, изъ которой поднимается голова какого-то звѣря—чтобы печать, однимъ словомъ, была исключительно родовая. Но отцу

дяденька-нѣмецъ не рѣшался ни разу высказать свое задушевное желаніе и, уже послѣ смерти его, открылся мнѣ.

Такъ вотъ къ этому-то чудаку явился я съ извѣстіемъ, что товарищи прозвали меня Потемкинымъ и великолѣпнымъ княземъ Тавриды. Должно быть, я не могъ, а, можетъ быть, и не хотѣлъ скрыть удовольствіе, которое мнѣ доставила кличка, потому что дяденька-нѣмецъ съ разу на меня окрысился.

— А ты и обрадовался? пискнулъ онъ во всю силу своихъ маленькихъ легкихъ и такъ обдавая меня брызгами слюней, что я долженъ былъ попятиться и достать изъ кармана платокъ.— Чего обрадовался-то? Потемкинъ! Велика штука твой Потемкинъ тутъ вотъ теперича всегда! Потемкинъ! Да знаешь ли, что̀ такое были Потемкины, когда князья Тёмкины-Ро́стовскіе... да на̀, вотъ, читай... Хха! Потемкинъ!..

Дяденька-нѣмецъ, торопливо и все пища что̀-то обидное для Потемкиныхъ, досталъ изъ шкафа портфѣль, а изъ него цѣлую груду старыхъ бумагъ, которыя и сунулъ мнѣ подъ носъ. Но увы! эти древніе манускрипты были для меня настоящей китайской грамотой. Дяденька-нѣмецъ это очень хорошо зналъ и не сообразилъ только съ горяча. Опомнившись, онъ досталъ изъ того же шкафа томъ Карамзина и заставилъ меня вслухъ прочитать объ участіи какого-то князя Тёмкина-Ростовскаго въ покореніи Казани. Затѣмъ на меня, совершенно ошеломленнаго, посыпалась хронологія, исторія, археологія, геральдика, и въ итогѣ я оказался происходящимъ отъ угасшаго рода князей Тёмкиныхъ-Ростовскихъ, а тѣ, въ свою очередь, прямо отъ одного изъ сыновей Владиміра Краснаго-Солнышка.

— Тутъ вотъ теперича вотъ ка̀къ! заключилъ дяденька-нѣмецъ. — А что твой Потемкинъ князь былъ, такъ вѣдь пожалованный—понялъ? а не родовой. Еслибы—тутъ дяденька-нѣмецъ вдругъ понизилъ голосъ—еслибы Александръ Петровичъ (отецъ) только захотѣлъ, такъ ничего бы ему не стоило выхлопотать титулъ, потому — дѣло ясное... или хоть право имѣть въ гербѣ корону и мантію. Тёмкины не хуже Внуковыхъ, Еропкиныхъ и Ржевскихъ!..

Послѣдовала новая лавина хронологіи и геральдики, объяснявшая, почему Внуковы и Еропкины, не будучи князьями, не происходя отъ княжескихъ родовъ, имѣютъ въ гербѣ корону и мантію.

Разговоръ этотъ не остался для меня безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ послѣдствій. Я очень мало запомнилъ изъ длинной лекціи дяденьки-нѣмца и очень мало понялъ. Больше восторженный тонъ старика, чѣмъ сообщенные имъ факты, внушилъ мнѣ высокое понятіе о древности рода Тёмкиныхъ. Къ несчастію, дяденька-нѣмецъ, для болѣе нагляднаго изображенія величія нашего рода, а также снисходя къ моей глупости, употребилъ выраженіе «родственники Владиміра Святаго». И, къ еще

бо́льшему несчастію, я это выраженіе запомнилъ. Запомнилъ—и разболталъ... Боже! сколько я изъ-за этого вытерпѣлъ.

Былъ у меня въ гимназіи пріятель Нибушъ, незаконный сынъ богатаго помѣщика, отпрыска древняго красиваго типа—Шубина. Если вы прочтете фамилію Нибушъ съ конца, такъ выйдетъ Шубинъ. Отпрыску стараго красиваго типа пришла странная фантазія вывернуть имя наизнанку для своего незаконнаго дѣтища, чтобы, дескать, видно было, что мой, да съ лѣвой стороны. Нибушъ былъ мальчикъ угрюмый и несообщительный, но мы съ нимъ почему-то сошлись. Замѣчательно, что Нибушъ никогда никого не «дразнилъ», то есть не употреблялъ въ разговорѣ школьныхъ кличекъ «козелъ», «Мазепа» и т. д. Но за то и онъ не носилъ никакого прозвища, представляя, можетъ быть, единственное во всей гимназіи исключеніе. Когда его, однажды, одинъ сорванецъ обозвалъ тѣмъ позорнымъ именемъ, которое грубые люди даютъ незаконнымъ дѣтямъ, сорванца едва вырвали изъ рукъ Нибуша: еще немного, и онъ бы его задушилъ. Случилась эта исторія еще до моего поступленія, и я объ ней узналъ довольно поздно. Нибушу я и сообщилъ въ интимной бесѣдѣ, что такъ, молъ, и такъ, *я*, собственно—родственникъ Владиміра Святого, и потому клички «Гришки въ потемкахъ», «сына роскоши», «великолѣпнаго князя» и «Потемкина» для меня въ самомъ дѣлѣ обидны. «Конечно, Потемкинъ былъ князь, развивалъ я идею дяденьки-нѣмца:—да вѣдь пожалованный, а мнѣ ничего не стóитъ вытребовать княжескій титулъ». Нибушъ выслушалъ меня молча, съ нахмуренными по обыкновенію бровями и, къ большому моему неудовольствію, не только не выразилъ сочувствія, а быстро и рѣзко оборвалъ разговоръ. Вскорѣ послѣ этого—истинно проклинаю эту минуту и до сихъ поръ краснѣю, вспоминая ее—я, раздраженный какою-то мелочью, обругалъ Нибуша позорнымъ именемъ, даже не понимая его значенія. Чортъ знаетъ, кàкъ сорвалось у меня съ языка это проклятое слово. Нибушъ поблѣднѣлъ, затрясся—и звонкая пощечина повалила меня на полъ. Я вскочилъ, началась безобразная драка; насъ едва розняли, и Нибушъ, дрожа отъ злости и едва попадая зубомъ на зубъ, какъ-то безсмысленно шипѣлъ: «родственникъ Владиміра Святого... я те покажу... родственникъ... я те покажу... Святого»... Драка была до такой степени основательная — мы оба были окровавлены—что выходило совсѣмъ изъ ряда вонъ, и причины ея скоро сдѣлались извѣстными и всѣмъ школьникамъ, и начальству, и моему отцу, и отцу Нибуша. Съ тѣхъ поръ кличка «Потемкинъ» была съ меня снята, и я сдѣлался «родственникомъ Владиміра Святого». Хоть это прозвище и было несравненно почетнѣе, но *я*, понятно, очень оскорблялся имъ и много ударовъ роздалъ и принялъ изъ за злополучнаго «родственника». Только впослѣдствіи, по переѣздѣ въ Петербургъ и поступленіи въ другую школу, я сталъ, по созвучію, опять Потемкинымъ и «великолѣпнымъ княземъ Таври-

ды», а «родственникъ Владиміра Святого» канулъ въ вѣчность. Но сильнѣйшій изъ всѣхъ ударовъ былъ мнѣ нанесенъ отцомъ. Конечно, ударъ былъ нравственный: отецъ насъ ни разу въ жизни пальцемъ не тронулъ.

Какъ ни старался я смыть слѣды драки съ Нибушемъ, но явился домой весь въ синякахъ, царапинахъ и съ разорваннымъ рукавомъ. Притомъ же, драка происходила въ субботу, а по субботамъ я приносилъ домой и вручалъ отцу «аттестацію», которую, по просьбѣ отца, составлялъ одинъ надзиратель. Исторія съ Нибушемъ была въ аттестаціи прописана. Я долго колебался, не шелъ, молился Богу, чтобы отцу что нибудь помѣшало увидать меня хоть сегодня, чтобы онъ заболѣлъ—даже, чтобы онъ умеръ. Вѣрно вамъ говорю: я молился передъ висѣвшимъ въ дѣтской образомъ Трехъ Святителей, чтобы отецъ умеръ. Я припоминалъ похороны одного знакомаго доктора и представлялъ себѣ, какъ я буду плакать при видѣ отца въ гробу, среди ладоннаго дыма и въ бумажномъ вѣнчикѣ на лбу... Но вотъ въ кабинетѣ отца послышался звонокъ и потомъ его громкій голосъ:

— Пришелъ Григорій Александровичъ?

Сердце у меня забилось, какъ птица въ клѣткѣ; я долженъ былъ схватиться руками за грудь. Отвѣта лакея Якова, къ которому, я зналъ, обращался отецъ, я не слышалъ, но смыслъ его для меня былъ совершенно ясенъ, потому что тотчасъ же опять раздался страшный для меня въ ту минуту голосъ:

— Такъ чего-жь онъ не идетъ? Позови.

Яковъ разыскалъ меня. Дѣлать нѐчего, надо идти. Чего я боялся, я и теперь хорошенько не знаю, потому что, хоть отецъ и былъ строгъ, но къ моимъ нерѣдкимъ кулачнымъ похожденіямъ относился снисходительно. Должно быть, я смутно чувствовалъ, что «родственникъ Владиміра Святого» мнѣ не сойдетъ даромъ.

Когда я съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ въ кабинетъ, отецъ сидѣлъ у письменнаго стола и держалъ въ лѣвой рукѣ длинный черешневый чубукъ трубки. Замѣтивъ мою блѣдную отъ волненія и помятую дракой физіономію, онъ молча протянулъ руку за аттестаціей. Я подалъ. Онъ сталъ читать. Я безсмысленно смотрѣлъ на его лѣвую руку, перехватившую чубукъ по серединѣ, и думалъ, глядя на его блестящіе, крѣпкіе, выпуклые ногти: «точно желуди!» Отъ ногтей глаза поднялись по линіи чубука до высокаго, тугого галстуха, изъ за котораго не выглядывали никакіе воротнички—такъ тогда носили. Но выше, въ лицо я не смѣлъ взглянуть и опять опустилъ глаза къ «желудямъ». Отецъ кончилъ, всталъ и ходилъ нѣсколько минутъ по кабинету, не обращая на меня, казалось, никакого вниманія. Мнѣ стало еще жутче, да и глаза, привыкшіе уже перебѣгать отъ желудей къ галстуху, не знали на чемъ остановиться. На-

конецъ, отецъ опять сѣлъ и, постукивая по столу «желудями» правой руки, заговорилъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Ты это съ чего взялъ, что ты—родственникъ Владиміра Святого?

Я молчалъ.

— Ну, говори!

— Дяденька сказалъ, чуть слышно отвѣчалъ я, нѣсколько облегченный и спокойствіемъ отца, и слезами, которыя подступили въ эту минуту.

— Дяденька? Ну, дяденька ошибся. Я тебѣ вотъ что̀ разскажу. У меня родилась дочь, а кормилица, серебрянская баба... знаешь Серебряное? (я очень хорошо зналъ подгородное село Серебряное и зналъ, что кормилица моя была оттуда) ...такъ она подмѣнила дочь, подсунула вмѣсто нея своего сына, чтобы ему въ рекруты не идти, а дочь взяла къ себѣ. Дочь ужь давно умерла, ты вѣдь знаешь? (я зналъ). Такъ вотъ она-то и была родственница Владиміра Святого, а ты выходишь серебрянскій мужикъ... Понялъ?.. Ну, и ступай...

Отецъ произнесъ все это очень отчетливо, увѣсисто и тотчасъ же отвернулся, дѣлая видъ, что роется въ бумагахъ на столѣ. Я зарыдалъ, постоялъ еще нѣсколько секундъ и вышелъ изъ кабинета униженный, раздавленный... чѣмъ? Право не знаю. Исторія подмѣна казалась мнѣ до такой степени сложной, что я и не пытался хорошенько вникнуть въ нее. Я понялъ только одно: что я, недавній родственникъ Владиміра Святого—просто серебрянскій мужикъ и что въ этомъ заключается что̀-то обидное и отчуждающее меня отъ отца, отъ сестры, отъ дома, отъ товарищей. Усомниться въ разсказѣ отца я и не подумалъ, потому-что не могло же мнѣ придти въ голову, что онъ, въ такую торжественную (для меня) минуту, шутитъ или употребляетъ особенный педагогическій пріемъ. Сестра Соня ждала уже меня въ дѣтской, встревоженная и любящая, но я ее оттолкнулъ.

— Я не... Владиміра Святого, рыдалъ я:—кормилицынъ... сынъ... муж...жикъ... серебрянск...

Со мной сдѣлалась нервная горячка, доля которой должна быть вѣроятно отнесена насчетъ здоровыхъ кулаковъ Нибуша. Когда я выздоровѣлъ, объ серебрянскомъ мужикѣ и фантастическомъ кормилицыномъ сынѣ не было уже помину. Я оказался чистымъ, настоящимъ Тёмкинымъ, но дядинька-нѣмецъ уже неохотно принималъ меня въ свои апартаменты, заваленные археологическимъ и герольдическимъ скарбомъ.

Съ Нибушемъ мы съ тѣхъ поръ не сказали ни одного слова, точно умерли другъ для друга. Мы встрѣтились гораздо позже и при совсѣмъ особенныхъ условіяхъ.

Что̀, однако, значитъ неумѣнье писать! Настоящій писатель, привычный и съ талантомъ, развѣ онъ сталъ бы писать такую

путаницу? У него бы романъ вышелъ или такъ легонькій разсказъ, вообще что нибудь оформленное, опредѣленное, порядочное. А у меня выходитъ чортъ знаетъ что... Не взыщите, читатель; я только правду обязался говорить, а на формѣ не взыщите. Можетъ быть, на слѣдующей же страницѣ воспоминанія смѣнятся предсказаніями, дѣйствительность — фантазіей, разсказъ—лирикой или размышленіемъ. Меня вотъ и теперь тянетъ къ размышленію...

Въ самомъ дѣлѣ, это, вѣдь, любопытно. Мнѣ все яснѣе и яснѣе становится, что письмо Николая Семеновича было только толчкомъ, обнаружившимъ давно, но незамѣтно происходившій процессъ подбора воспоминаній. Нибушъ—незаконный сынъ и Подростокъ—тоже, Подростка преслѣдуетъ кличка и меня—тоже. Мелочи эти, конечно, да и не во всѣхъ подробностяхъ параллельныя, но все-таки онѣ полегоньку копились и подготовили взрывъ. Письмо же Николая Семеновича прямо породило мысль, которая, однако, отъ неожиданности взрыва, сначала запуталась въ кучѣ воспоминаній. Тутъ выручилъ другой толчокъ—тоненькій голосокъ маленькой Оли:

— Адамъ и Ева не нуждались въ одеждѣ, потому что были безгрѣшны...

А мысль, приблизительно, была вотъ какая. Въ вопросительной больше формѣ она сначала представилась. Отчего Николай Семеновичъ, «совершенно не дворянинъ», и дяденька-нѣмецъ, тоже «совершенно не дворянинъ», отчего они такъ болѣютъ сердцемъ о «красивомъ типѣ» стараго русскаго дворянства и даже увѣрены, что нигдѣ, кромѣ среды «культурныхъ русскихъ людей», не существуютъ законченныя понятія чести и долга? Вѣдь это же, со стороны совершенно не дворянъ—жесточайшее самобичеваніе (чуть чуть не написалъ по ошибкѣ «самоубійство»), требованіе того самаго «права на безчестье», которое такъ возмущаетъ Николая Семеновича. «Совершенно не дворяне» говорятъ: вамъ честь, вамъ долгъ, а мы и такъ проживемъ, въ безчестьи, вами любуючись, на васъ глазомъ отдыхаючи. Такъ, въ старые годы преданные дворовые разсуждали: у насъ, молъ, паръ, а у господъ душа. Это—феноменъ, заслуживающій вниманія какого нибудь ученаго психолога. Конечно, я говорю только объ искреннихъ дворовыхъ, каковы Николай Семеновичъ и дяденька-нѣмецъ, а не о публицистахъ «Русскаго Вѣстника» и «Русскаго Міра». Я очень допускаю, что эти господа — по происхожденію «совершенно не дворяне», но они, во всякомъ случаѣ, только поддѣлываются подъ тонъ искренно преданныхъ дворовыхъ. Въ дѣйствительности же, я увѣренъ, они клянутъ матерей своихъ, которыя вышли за «совершенно не дворянъ» и родили ихъ таковыми же. Дорого бы они дали, чтобы, какъ я, считать въ числѣ своихъ предковъ князей Тёмкиныхъ-Ростовскихъ и подписываться не Голопузенкомъ или Квасковымъ, а Тёмкинымъ. А я, между тѣмъ—каюсь; я—кающійся дворянинъ...

Опять странное явленіе. Мнѣ же лучше, чѣмъ какому нибудь Голопузенкѣ, знать цѣну красиваго типа культурныхъ русскихъ людей. Отчего же я, говоря словами Николая Семеновича, отстранился отъ «законченныхъ формъ чести и долга», «оторвался, съ веселою торопливостью, отъ красиваго типа»? Впрочемъ, тутъ Николай Семеновичъ ошибся, по крайней мѣрѣ, относительно меня. Я оторвался—это правда, но совсѣмъ не съ веселою торопливостью. О, нѣтъ, повѣрьте, что много душевной муки и горечи пережилъ я прежде, чѣмъ оторваться и покаяться. Да вы сами дальше увидите. А оторвался я единственно потому, что не нашелъ ни законченныхъ формъ чести и долга, ни красиваго типа, если я только вѣрно понимаю, что̀ хотѣлъ этими послѣдними словами сказать Николай Семеновичъ. Вы, можетъ быть, объясните все дѣло тѣмъ, что у меня семи копеекъ на свѣчку не хватаетъ? Нѣтъ, по совѣсти, нѣтъ. Я имѣю полную возможность хоть сейчасъ половину свѣчной лавки закупить. Для этого нужно только немного голову нагнуть и, главное, перестать каяться. Опять-таки, вы все это дальше сами увидите и провѣрите и повѣрите.

Кстати, о Николаѣ Семеновичѣ. Я слышалъ мнѣніе, будто его устами говоритъ самъ г. Достоевскій. Это, конечно—совсѣмъ пустяки. Г. Достоевскій не въ такихъ лѣтахъ и не такого закала человѣкъ, чтобы быстро мѣнять свои взгляды. Онъ еще очень недавно чрезвычайно энергически заявлялъ, что «Власы спасутъ себя и насъ». У спасителей должны же быть опредѣленныя формы чести и долга, иначе они никого не спасутъ. А вы помните, что̀ говорилъ Николай Семеновичъ: по части долга и чести «кромѣ дворянства, *нигдѣ* на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже *нигдѣ и не начато*». Ясно, что Николай Семеновичъ и г. Достоевскій—два совсѣмъ разныя лица. Николай Семеновичъ—просто преданный дворовый, а г. Достоевскій, можетъ быть, даже согласится со мной, что мы, дворяне, недавно только *начали*, то есть, начали выработывать формы чести и долга и начали именно покаяніемъ.

Родъ Тёмкиныхъ, хотя и происходилъ отъ древняго угасшаго рода князей Тёмкиныхъ-Ростовскихъ, но былъ родъ захудалый, давно захудалый. Основаніе захудалости положилъ мой прадѣдушка, прозванный «лютымъ», отчаянный картежникъ, пьяница, сорви-голова, буквально выходившій съ толпой дворовыхъ грабить на большую дорогу. Его и до сихъ поръ въ нашихъ родныхъ мѣстахъ помнятъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передавая чудовищные разсказы, можетъ быть, приправляемые фантазіей, объ его разбойническихъ подвигахъ. Можетъ быть, въ художественномъ смыслѣ, это былъ и красивый типъ, но вѣрно, что о чести и долгѣ онъ имѣлъ очень своеобразныя понятія. Въ концѣ концовъ, онъ разорился до тла. Барыши большой дороги не могли восполнить убытковъ отъ наѣздовъ алчной приказной

челяди, съ которой ему постоянно приходилось имѣть дѣло, отъ безумнѣйшаго мотовства, отъ картежной игры—онъ ставилъ на одну карту по сту, по двѣсти душъ крестьянъ. Сынъ его, значитъ, мой дѣдъ, былъ, по разсказамъ, человѣкъ смирный, забитый и отличался только плодородіемъ. Между его многочисленными дѣтьми и разошлись остатки когда-то громаднаго богатства Тёмкиныхъ. Каковы, впрочемъ, уже были эти остатки, можете судить потому, что у отца моего было человѣкъ десять-двѣнадцать (считая малолѣтокъ) крѣпостныхъ и небольшой деревянный домъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ. Изъ дядей и тётокъ, я до сей минуты не видалъ въ глаза никого, кромѣ «дяденьки-генерала», и отецъ объ нихъ никогда, при мнѣ, по крайней мѣрѣ, не вспоминалъ. «Дяденька-генералъ» былъ человѣкъ очень достаточный, даже богатый, но единственно благодаря двукратной женитьбѣ на богатыхъ купчихахъ. Матери я не имѣю: она умерла родами, подаривъ отцу шестаго ребенка. Въ живыхъ, впрочемъ, насъ осталось всего двое—я и Соня. Хозяйствомъ заправляла въ домѣ, со смерти матери, толстая митавская нѣмка, выписанная по рекомендаціи «дяденьки-нѣмца».

Отъ нарочитаго описанія отца, Сони, экономки Иды Ѳедоровны, дома и проч., вы ужъ, пожалуйста, меня увольте, снисходя къ моей неопытности и неумѣлости. Полную картину нашего житья-бытья я изобразить не съумѣю, а буду вызывать свои воспоминанія какъ придется, по частямъ, какъ они сами возникать будутъ.

Помню вечеръ, лѣтній; чудесный лѣтній вечеръ, описаніе котораго можетъ найти въ любомъ художественномъ романѣ. Жара спала, солнце уже гасло, посылая землѣ свои послѣдніе сонные лучи. Мы сидѣли на балконѣ, выходившемъ въ старый густой садъ, и пили чай. Были гости. Но больше изо всей обстановки, я, при всемъ напряженіи, ничего не могу припомнить. Кто именно былъ у насъ въ гостяхъ, что они говорили, какъ мы сидѣли, въ какомъ порядкѣ, въ какихъ позахъ—ничего не помню: чудесный лѣтній вечеръ на балконѣ и—отецъ. Отецъ былъ въ ударѣ. Это съ нимъ случалось рѣдко, но, когда случалось, онъ былъ великолѣпенъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: то неистощимо остроуменъ, то мастерской разскащикъ, то обаятельно ласковъ и нѣженъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ на своемъ вѣку много женскихъ сердецъ съѣлъ. И это непремѣнно такъ должно было быть. Я увѣренъ, что ни одна женщина не устояла бы передъ этимъ человѣкомъ, еслибы онъ только захотѣлъ, чтобы она не устояла. Къ тому же, онъ былъ красивъ и, вѣроятно, не прочь нравиться, потому что красилъ усы и волосы. На этотъ разъ онъ разсказывалъ. Что подало поводъ этому разсказу, я не помню, какъ и вообще ничего, кромѣ лѣтняго вечера и отца и его разсказа, который произвелъ на меня страшное, подавляющее впечатлѣніе. Было

бы съ моей стороны нелѣпой претензіей пытаться передать этотъ разсказъ во всей художественности отцовскаго изложенія: Довольно того, что его никто не перебивалъ, не переспрашивалъ, всѣ точно замерли, а самъ онъ даже поблѣднѣлъ подъ конецъ разсказа. А что со мной дѣлалось, когда, впившись глазами въ выразительное лицо отца и едва дыша отъ внутренняго трепета, я старался не проронить ни одного слова!..

Отецъ разсказывалъ эпизодъ изъ исторіи одной своей казенной службы, говорю — одной, потому что онъ перемѣнилъ ихъ нѣсколько. Кстати, вы получите понятіе о нѣкоторыхъ его служебныхъ поприщахъ.

Ему было поручено отыскать и изловить шайку фабрикантовъ фальшивыхъ ассигнацій гдѣ-то въ Западномъ Краѣ. Переодѣтый и снабженный начальствомъ ложными документами о его личности, онъ, прибывъ на мѣсто, скоро убѣдился, что фабрикантъ былъ всего одинъ, а остальные — сбытчики. Съ величайшими подробностями, но нисколько не утомляя нашего вниманія — напротивъ, всѣ слушали его съ замираніемъ сердца, собственно, отъ красоты разсказа — отецъ разсказывалъ, какъ онъ вкрадывался въ довѣріе сначала одного сбытчика, а потомъ, черезъ него, добрался и до фабриканта, оказавшагося жидомъ. Одолѣлъ онъ, наконецъ, и жида, до такой степени одолѣлъ, что тотъ водилъ его на свою фабрику гдѣ-то въ подпольѣ и они дѣлали фальшивыя бумажки вмѣстѣ. Затѣмъ, по прошествіи извѣстнаго времени, разузнавъ всѣ нити дѣла, отецъ предложилъ жиду сдѣлать большой «гешефтъ», именно—свезти цѣлый транспортъ фальшивыхъ ассигнацій въ губернскій городъ, гдѣ, по увѣренію отца, онъ можетъ немедленно и очень выгодно сбыть всю партію разомъ. Рѣшили заготовить телегу съ двойнымъ дномъ, низъ набить ассигнаціями, а верхъ мѣстными мелкими издѣліями, и пріѣхать въ губернскій городъ въ базарный день. Остальное отецъ брался устроить. Сказано, сдѣлано. Выѣхали съ вечера, поѣхали...

Попробовалъ бы я тутъ воспроизвести разсказъ отца и все вычеркнулъ: такъ вышло блѣдно, скудно, такъ неизмѣримо далеко отъ подлинника. Эта ночь въ дорогѣ, проведенная съ человѣкомъ, котораго онъ готовился предать, какъ говорится, въ руки правосудія; эта остановка въ корчмѣ; этотъ жидъ, повѣрявшій спутнику свои задушевные планы... Куда мнѣ передать все это! Я, напротивъ, чувствую потребность разсказать конецъ какъ можно короче, суше, въ двухъ строкахъ: въ губернскомъ городѣ отецъ, проѣзжая мимо гауптвахты, уцѣпился за жида и закричалъ. Дѣло было сдѣлано... Когда жидъ узналъ, кто былъ отецъ, онъ разразился проклятіями. Онъ звалъ громы небесные на голову отца, проклиналъ его и дѣтей его и весь родъ его до седьмого колѣна...

Конецъ разсказа былъ истинный chef d'oeuvre. Проклятія тургеневскаго «Жида» не даютъ даже отдаленнаго понятія объ

томъ, что можно сдѣлать изъ этого матеріала, по крайней мѣрѣ, въ устномъ изложеніи. Замѣтьте, что отецъ подражалъ жиду, говорилъ жидовскимъ говоромъ, съ тѣми «вей мирами» и «гевортами», съ которыми мы привыкли соединять безусловно комическое впечатлѣніе. И, однако, разсказъ былъ страшно трагиченъ; насъ всѣхъ морозъ по кожѣ подиралъ. Отецъ самъ разбилъ это впечатлѣніе, потому что прибавилъ черезъ нѣсколько секундъ, среди общаго молчанія, какъ-то непріятно сухо:

— Я крестъ за это получилъ...

Конечно, и помимо сильнаго впечатлѣнія отъ художественности разсказа, отецъ былъ для меня героемъ, потому что я смутно понималъ, какъ много энергіи и ума затратилъ онъ на поимку жида, рискуя не только боками, а и прямо жизнью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ страшныхъ жидовскихъ проклятій у меня сжималось сердце. Послѣ ужина, когда намъ, дѣтямъ, разрѣшалось еще полчаса побѣгать и поиграть, мы въ тотъ день не бѣгали и не играли, а сидѣли, прижавшись другъ къ другу, въ темномъ углу гостиной.

— Значитъ, мы—проклятые, не то спрашивалъ, не то утверждалъ я, шепотомъ Сонѣ. Она молчала. Но я ясно видѣлъ, что она мнѣ сочувствуетъ, понимаетъ, что мы—проклятые...

Извините за безпорядочность, но тутъ же прибавлю, что въ моментъ, къ которому относятся эти воспоминанія, отецъ служилъ въ частной службѣ, именно у богатаго откупщика Смунова, державшаго на откупу губерній пять.

Не подумайте, ради Бога, что я сочиняю, стараюсь представить отца моего въ дурномъ свѣтѣ и выдумываю, что онъ, Тёмкинъ, потомокъ князей Тёмкиныхъ-Ростовскихъ, служилъ по сыскной и откупной части. Я отца очень любилъ и теперь люблю, мертваго, и много ему обязанъ. Очень радъ тоже заявить, что онъ пользовался общимъ уваженіемъ, въ качествѣ благороднѣйшаго и очень умнаго человѣка. И, насколько я могу судить, онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ человѣкъ добрый, справедливый и честный. Вотъ прадѣдушка мой Тёмкинъ—«Лютый» былъ дѣйствительно безсовѣстный грабитель, воръ и душегубецъ. Такъ я прямо это и говорю, а отецъ былъ не таковъ. И, однако, я оторвался отъ красиваго типа... Вы скажете, что это—вовсе не тотъ красивый типъ родоваго русскаго дворянства, объ которомъ болѣетъ сердце Николая Семеновича и которому поклонялся дяденька-нѣмецъ. А почему такъ? Вы ужъ такъ и рѣшили, значитъ, что нѣкоторыя несовсѣмъ благовонныя, но общепризнанныя профессіи составляютъ уклоненія отъ красиваго типа. Пусть онѣ, въ самомъ дѣлѣ—уклоненія, но вѣдь ихъ было такъ много, такъ много, даже не только среди захудалыхъ родовъ, въ родѣ нашего, что надо бы перестать ихъ считать уклоненіями. Я очень, впрочемъ, допускаю, что тѣ «преданія русскаго семейства», которыя въ послѣднее время эксплуатируетъ Щедринъ въ разсказахъ «Семейный судъ», «По род-

ственному» и проч., очень допускаю, что они несравненно типичнѣе, чѣмъ-то, что̀ я разсказываю и имѣю разсказать, ближе и точнѣе рисуютъ «красивый типъ». Но вѣдь Щедринъ — художникъ. Онъ разсыпанную храмину фактовъ собираетъ и въ перлъ созданія возводитъ. Отдѣльныя черточки голой правды онъ слагаетъ въ художественные типы. А я только совершенно обнаженную правду разсказываю. Такъ было, съ тѣмъ и возьмите. Въ моемъ разсказѣ, если только возможно такъ назвать путаницу, которую вы теперь читаете, характерно, важно, типично только то, что̀ относится ко мнѣ, какъ кающемуся дворянину. А все остальное—случайности, единичныя особенности. Одного одно привело къ покаянію, другого—другое.

Но, во имя правды, пожалуйста, не говорите о «веселой торопливости». Не правда это. О, сколько му̀ки душевной я вытерпѣлъ впослѣдствіи, вспоминая жидовскія проклятія, службу отца по откупной части и еще многое, многое другое... Нѣтъ, тутъ не было и не могло быть веселья. Торопливость была. Да ка̀къ же не торопиться? Ка̀къ не торопиться изъ угарной комнаты, когда голову ломитъ, дышать трудно, ноги подкашиваются? Ка̀къ не кричать: воздуху! воздуху! свѣта!.. Ка̀къ не каяться, если совѣсть мучитъ? Пусть она мучитъ вздоромъ и неправильно, да вѣдь мучитъ. Это—фактъ.

Всякій русскій дворянинъ, лично прикосновенный къ крѣпостному праву, имѣлъ въ молодости друзей-пріятелей между дворней. Огромная часть родовыхъ Тёмкинскихъ крестьянъ давно была продана и проиграна въ карты. Но, какъ уже сказано, у отца было душъ десять-двѣнадцать дворовыхъ. А потому и я имѣлъ крѣпостныхъ друзей-пріятелей. Два у меня ихъ было. Вопервыхъ, шустрый мальчишка Ѳедька (отецъ его ходилъ по оброку и жилъ въ Москвѣ въ сапожникахъ), мой ровесникъ, съ бѣлыми, какъ ленъ, и курчавыми волосами, голубыми глазами и сильно вздернутымъ, точно опрокинутымъ, всегда грязнымъ носомъ. По натурѣ онъ былъ художникъ, любилъ пѣть пѣсни, самъ научился рисовать, обладалъ очень пылкой фантазіей. Но этой стороной своей натуры онъ на меня мало дѣйствовалъ, хотя я и любилъ слушать какъ онъ поетъ и даже заставлялъ его пѣть. За то онъ посвятилъ меня во всѣ подробности игоръ въ бабки и въ свайку. Онъ же втянулъ меня въ одну финансово-гастрономическую операцію. Впрочемъ, это я и неправду говорю, что онъ меня втянулъ. Онъ только подалъ мысль, а развилъ ее я.

Недалеко отъ нашего дома была лавка, въ которой можно было найти всевозможные предметы необходимости, роскоши и гастрономіи. Тутъ былъ и деготь, и гвозди, и селедки, и свѣчи, и леденцы, и рукавицы, и ведра—однимъ словомъ, чортъ знаетъ чего не было. Были, между прочимъ, и маленькіе, круглые пря-

ники, которые мы прозвали «солененькими» за ихъ дѣйствительно солоноватый вкусъ. Гадость, какъ теперь припоминаю, ужаснѣйшая, но тогда они мнѣ казались несравненно вкуснѣе пирожныхъ, сочиняемыхъ Идой Ѳедоровной, да и вообще лакомѣе всякаго лакомства. Всѣ деньги, которыя мнѣ попадались въ руки, я проѣдалъ на «солененькіе», и къ этимъ Лукулловымъ пиршествамъ допускался иногда и Ѳедька. Разъ онъ самъ любезно предложилъ мнѣ запустить руку въ фунтикъ сѣрой бумаги, въ которомъ я нащупалъ солененькіе. Что̀ за чудеса? Откуда у Ѳедьки такая роскошь, когда денегъ у него, разумѣется, никогда ни полушки не бывало. Ѳедька сіялъ, угощая меня, онъ былъ гордъ тѣмъ, что вотъ и онъ угощаетъ. Оказалось, что онъ нашелъ на улицѣ подкову и вымѣнялъ ее лавочнику Захарычу на солененькіе. Съ обычною пылкостью фантазіи онъ предложилъ мнѣ ежедневно вмѣстѣ искать по улицамъ подковъ и носить ихъ къ Захарычу. Два дня мы походили. Найти ничего не нашли, но за то сообразили, что на подковахъ свѣтъ не клиномъ сошелся, что Захарычъ съ удовольствіемъ всякій желѣзный ломъ вымѣняетъ на солененькіе. Стали мы собирать желѣзный ломъ, бо̀льшею частью гвозди, вытаскивая ихъ сначала изъ разныхъ старыхъ завалящихъ досокъ, а потомъ и изъ стѣнъ въ комнатахъ и снаружи дома. Наберется этого добра извѣстное количество, и бѣжитъ Ѳедька къ Захарычу, такъ что только пятки голыхъ ногъ сверкаютъ, и ворочается съ солененькими. Мы забираемся на сѣновалъ или въ другое укромное мѣстечко и пируемъ, а потомъ Ѳедька пѣсню затянетъ. Чудесныя были минуты! Неизвѣстно, до какого состоянія довели бы мы домъ, вытаскивая изъ него ежедневно по нѣскольку гвоздей, если бы не случилось одно чрезвычайное событіе. Мы не одни гвозди таскали, а и разныя другія металлическія вещи, дверныя ручки, задвижки, шкворни, скобки. Разъ даже вывернули огромный желѣзный болтъ изъ ставни. Это было уже слишкомъ дерзко. Захарычъ выдалъ очень большую порцію солененькихъ, но потомъ испугался, и прежде, чѣмъ дома было замѣчено похищеніе, принесъ болтъ... Поднялась кутерьма... И я имѣлъ подлость спрятаться за спину Ѳедьки, потому что его жестоко отодрали. А онъ, великодушный и благородный, не только не выдалъ меня подъ розгами, не только и впослѣдствіи ни однимъ словомъ не намекнулъ на мою подлость и отступничество, но на той же недѣлѣ угостилъ меня солененькими, добытыми уже на свой собственный страхъ... Онъ видѣлъ, что такая свинья, какъ я, такому гусю, какъ онъ—не товарищъ, но все-таки принесъ солененькихъ...

Мелочь это, ребячество—я очень хорошо знаю. Но теперь, когда я вообще каюсь, когда извѣстная нравственная система проникла всѣ поры моего существованія, меня и эта старая ребяческая мелочь больно и непріятно щекочетъ. И хоть никому ровно до этихъ маленькихъ уколовъ дѣла нѣтъ, а иной даже

посмѣется надъ ними, но мнѣ для собственнаго успокоенія хочется воздухъ очистить, форточку и трубу открыть и во всеуслышаніе крикнуть: Ѳедька! великодушный, прости меня...

Другой мой крѣпостной другъ-пріятель былъ въ совсѣмъ иномъ родѣ, да и отношенія между нами были иныя. Объ немъ немножко подробнѣе, потому что онъ очень важную роль въ моей жизни игралъ.

Отцовскій лакей («камардинъ» звала его остальная дворня) Яковъ былъ молодой малый, лѣтъ двадцати, съ чисто татарской физіономіей: черноволосый, широколицый, съ узенькими сѣрыми глазами, немного вкось поставленными, и крупнымъ, рѣзко очерченнымъ носомъ. Росту онъ былъ средняго, но плотенъ и чрезвычайно силенъ и ловокъ. Онъ имѣлъ склонность ко всякаго рода физическимъ упражненіямъ, въ родѣ акробатства и фокусничества. Помню, какъ онъ поражалъ меня въ купальнѣ: нырнетъ, ухватится руками за щели днища, а ноги выставитъ совершенно перпендикулярно по верхъ воды; сухія, мускулистыя, волосатыя, жилистыя ноги совсѣмъ посинѣютъ отъ напряженія, а онъ все держится. Такъ стоять онъ могъ очень долго, цѣлый часъ, какъ мнѣ тогда казалось, а въ дѣйствительности, конечно, много поменьше. Во всякомъ случаѣ, очень здоровыя легкія нужны для такого фокуса. Выучился онъ у проѣзжаго фокусника-нѣмца ручнымъ фокусамъ, а потомъ и самъ до многаго дошелъ, устроилъ себѣ разные приборы и приспособленія. «Эйнцъ, цвей, дрей, алё маширъ», говорилъ онъ, постукивая магической палочкой по деревянному стаканчику и, къ величайшему моему недоумѣнію, шарикъ, бывшій подъ стаканчикомъ, оказывался у меня въ карманѣ. Много и другихъ любопытныхъ фокусовъ зналъ Яковъ: вытаскивалъ десятки аршинъ ленты изо рта, ѣлъ горящую паклю, глоталъ ножи, наливалъ себѣ на руку растопленный свинецъ и проч., и проч. Онъ былъ грамотный, но читалъ исключительно книги въ родѣ «Тайны черной и бѣлой магіи», «Все и ничего во рту опытнаго магика или ни за что не отгадаешь» и т. п. Впослѣдствіи, какъ вы въ свое время увидите, изъ него вышелъ медіумъ...

Яковъ вообще любилъ все таинственное и мрачное и—что, кажется, такъ не идетъ къ фокуснику—готовъ былъ повѣрить самой невѣроятной исторіи, если въ ней были замѣшаны какіе-нибудь злые духи, которыхъ онъ, впрочемъ, нисколько не боялся, а даже искалъ съ ними встрѣчи. Отъ него я узналъ, напримѣръ, что въ полночь въ пустой банѣ можно встрѣтить бѣлую кошку, которую нужно изо всѣхъ силъ ударить, тогда она вся разсыплется деньгами, и многое другое таинственное. Онъ и ходилъ въ баню, но бѣлой кошки не встрѣчалъ. Ходилъ онъ, кромѣ того, по ночамъ въ развалины стараго, неизвѣстно кому

принадлежавшаго каменнаго дома, уединенно стоявшаго саженяхъ въ двухъ стахъ отъ нашего. Но и тамъ, кажется, ничего особеннаго не нашелъ. Другіе дворовые увѣряли даже, глядя на его фокусы и безстрашіе, что онъ чорту душу продалъ, и сторонились отъ него. Отецъ у него давно померъ и родныхъ вообще не было. Кромѣ разной чертовщины, онъ мнѣ много разсказывалъ про прадѣда Тёмкина-лютаго, приправляя, однако, опять-таки чертовщиной всѣ эти разсказы, дошедшіе до него по преданію. Такъ онъ увѣрялъ, напримѣръ, что лютый взрѣзывалъ животы беременнымъ женщинамъ, вынималъ дѣтей, рубилъ ихъ на мелкіе кусочки и ими «причащался адовскому богу». Это — подлинное выраженіе Якова.

Теперь, чтобы записать одинъ случай, въ которомъ Яковъ игралъ главную дѣйствующую роль, я долженъ разсказать вамъ мѣстоположеніе и устройство нашего дома. Онъ стоялъ на горѣ, на площадкѣ. Рядомъ — домъ священника, подальше, въ той же линіи, но отступя — развалины каменнаго дома, куда Яковъ ходилъ по ночамъ навѣдываться по части чертовщины (онъ назывался «пустымъ» домомъ). Противъ дома священника и, значитъ, чуть-чуть наискосокъ отъ насъ—церковь, а отъ нея шелъ крутой спускъ къ рѣкѣ, выложенный большими неотесаными камнями въ видѣ чрезвычайно головоломной лѣстницы. Домъ былъ деревянный, одноэтажный, если не считать подвала, гдѣ помѣщались кухня и «людскія». Раздѣлялся онъ на собственно «домъ» и флигель, соединенные теплымъ, довольно длиннымъ корридоромъ. Въ «домѣ» помѣщался отецъ; тамъ былъ его кабинетъ, спальня, пріемныя комнаты и маленькая дѣтская, въ которой мы, однако, пребывали только днемъ. Спали мы во флигелѣ, гдѣ помѣщались также Ида Ѳедоровна и дяденька-нѣмецъ. Значитъ, по ночамъ въ «домѣ» оставались только отецъ и Яковъ, которому, мимоходомъ сказать, отецъ почему-то безгранично довѣрялъ.

Разъ ночью, зимой, я былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ гдѣ-то на дворѣ. Съ просонковъ я не могъ разобрать, что̀ это такое дѣлается: шумъ, стукъ, бѣготня, крики, хлопанье воротами. Ясно было только, что какая-то необычайная возня происходитъ именно во дворѣ, а не въ саду, куда выходило окно моей конурки, закрытое ставней. Темно... страшно... Дрожа, вскочилъ я съ кровати и кинулся къ дяденькѣ-нѣмцу.

— Дяденька, говорилъ я сначала шопотомъ, трогая ручку двери.—Дяденька! Дяденька! наконецъ, закричалъ я изо всѣхъ силъ, еще болѣе испугавшись отъ звука своего голоса, и толкнулъ дверь: она оказалась отпертой. Дяденька-нѣмецъ спалъ во второй комнатѣ. Я бросился туда, но, отворивъ дверь, съ еще бо̀льшимъ ужасомъ и крикомъ побѣжалъ назадъ. Дяденьки-нѣмца не было; постель его, измятая, была пуста; одѣяло валялось на полу. А полная, свѣтлая, зимняя луна глядѣла въ окно, съ котораго сорвался ставень, и фантастически серебрила шлемы,

латы, мечи, щиты и прочій археологическій скарбъ. Я еще не видалъ дяденькинаго музея при такомъ освѣщеніи, да и раньше былъ напуганъ, да и отсутствіе дяденьки поразило... Дрожа отъ страха и холода, потому что былъ босикомъ и въ одной рубашкѣ, я побѣжалъ, отъ ужаса переставъ даже кричать, въ другую сторону, гдѣ спали Ида Ѳедоровна и Соня. У нихъ горѣлъ ночникъ, но Иды Ѳедоровны тоже не было; ея одѣяло тоже валялось на полу. Соня спала сладкимъ сномъ.

— Соня, крикнулъ я:—Соня!

— Что̀, что̀? отозвалась Соня, испуганно озираясь и протирая заспанные глазки.

— Слышишь, Соня, слышишь? Дяденки нѣтъ и Иды Ѳедоровны нѣтъ... Слышишь на дворѣ?..

Мы стали прислушиваться, какъ вдругъ вбѣжала Ида Ѳедоровна въ шубѣ, накинутой чуть не прямо на голое жирное тѣло, и съ изуродованнымъ отъ перепуга лицомъ.

— Oh, Gott, oh, Gott! кричала она, безпорядочно суетясь по комнатѣ. Мы пристали съ распросами, но она, кажется, просто насъ не видѣла, не слышала и только кричала: oh, Gott, oh, Je! Потомъ она схватила какія-то тряпки, какія-то стклянки и убѣжала, оставивъ насъ въ неописанномъ ужасѣ. Мы обнялись и зарыдали. Соня первая нашла исходъ.

— Пойдемъ туда, проговорила она шопотомъ и стуча зубами.

Куда туда? Мы этого, конечно, не знали; должно быть—туда, гдѣ люди есть, но оба стали торопливо одѣваться во что̀ попало. Сначала я накинулъ на Соню какую-то хламиду, а она себѣ надѣла на ноги кстати подвернувшіеся мѣховые высокіе сапожки, потомъ она проводила меня ко мнѣ въ комнату, гдѣ я тоже кое-какъ обрядился. Въ какомъ мы были все это время состояніи, судите сами, но изготовились должно быть очень быстро, затѣмъ схватились за руки и молча побѣжали, сначала въ коридоръ, потомъ на дворъ. Тамъ мы увидали странную процесію. Толпа народу медленно подвигалась отъ воротъ къ флигелю, собственно къ подвальному его этажу, кое-кто съ фонарями, которые, впрочемъ, были совсѣмъ не нужны, потому что луна ярко обливала свѣтомъ снѣжную скатерть двора. Бабы выли и причитали. Мужчины, очевидно, кого-то несли, потому что слышались голоса: «держи голову-то!» «ровнѣй, дядя Иванъ!» и т. п. Мы пристали къ процесіи, но кого несутъ—увидать изъ за толпы не могли. Изъ отрывочныхъ, безпорядочныхъ фразъ и бабьяго причитанія мы поняли только, что кто-то «расшибся». Процесія, тѣснясь и толкаясь въ узкомъ проходѣ, спустилась въ людскую, мы—тоже. Въ людской оказалось, что несли Якова. Но, Боже! въ какомъ видѣ его положили на лавку... Лицо было все въ крови, ноги тоже, подолъ желтой лисьей шубы, въ которой онъ былъ одѣтъ—тоже, штаны изодраны въ окровавленные клочья... Онъ тихо стоналъ. Около него хлопотала Ида Ѳедоровна, при-

кладывая ко лбу мокрыя тряпки. Всѣ говорили шопотомъ. Инстинктивно чувствуя, что насъ выгонятъ какъ только замѣтятъ, мы съ Соней, дрожа и крѣпко прижавшись другъ къ другу, забились за печку.

Вдругъ заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ и хлопнула дверь, и вошелъ отецъ. Тишина настала мертвая, только Яковъ стоналъ. Отецъ былъ въ халатѣ на бѣличьемъ мѣху и въ казанскихъ чигахъ, какъ онъ всегда по вечерамъ зимой ходилъ. Я замѣтилъ, что онъ былъ очень блѣденъ. Онъ остановился посреди комнаты и какъ-то неопредѣленно махнулъ рукой, но всѣ поняли и вышли, даже дяденька-нѣмецъ и Ида Ѳедоровна. Но мы за печкой только еще крѣпче прижались другъ къ другу. Въ двухъ шагахъ отъ насъ было окно и на немъ стояла сальная свѣчка, вставленная въ бутылку; пламя свѣчки, по временамъ, неровно колыхалось, потому что окно было разбито. А подальше лежалъ на лавкѣ Яковъ. Отецъ подошелъ къ нему и наклонился. Къ намъ онъ стоялъ спиной и заслонялъ своей фигурой лицо Якова. Мы могли только слышать разговоръ.

— Больно, Яковъ? спросилъ отецъ тихо, мягко и какъ-то растерянно.

Яковъ застоналъ, потому что, судя по движенію ногъ, которыя мнѣ были видны, онъ хотѣлъ приподняться.

— Которыя... вещи... въ пустомъ домѣ... слабо проговорилъ онъ.

— Ты не говори, не говори, Яковъ, все также мягко, тихо перебилъ отецъ и тотчасъ же забылъ свой совѣтъ и опять сталъ спрашивать:

— Тебѣ у меня худо было?

Яковъ молчалъ.

— А куда-жь ты съ горы побѣжалъ?

— То... питься...

Въ эту минуту Соня всхлипнула, да и у меня глаза были мокры. Отецъ услышалъ, круто и быстро повернулся въ нашу сторону и спросилъ гораздо громче:

— Кто тутъ?

Такъ какъ мы не отвѣчали, то онъ самъ подошелъ къ печкѣ и увидѣлъ насъ. Но, странное дѣло, онъ какъ будто нисколько не удивился нашему присутствію, какъ будто бы было очень естественно, что мы въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ, дрожащіе отъ холода и страха, сидимъ за печкой въ людской въ третьемъ часу ночи. Онъ съ секунду посмотрѣлъ на насъ, потомъ нагнулся, поцаловалъ въ голову Соню, меня, и я явственно чувствовалъ, какъ горячая слеза перебѣжала съ его лица на мою щеку. Потомъ онъ, все молча, взялъ Соню на руки, а меня за руку и пошелъ изъ людской. За дверями ждала вся дворня. Ида Ѳедоровна накинулась-было на насъ, такъ какъ совсѣмъ не ожидала насъ увидать, но отецъ сурово остановилъ ее.

— Ступайте къ Якову... Иванъ, за докторомъ...

Поднимаясь по лѣстницѣ, я, Богъ знаетъ по какому побужденію, припалъ губами къ отцовской рукѣ и цаловалъ ее, цаловалъ... Онъ не отнималъ руки.

— Ну, спать, дѣтки! тѣмъ же мягкимъ и растерянным голосомъ, какъ и въ людской, сказалъ отецъ, спуская Соню съ рукъ на полъ, когда мы пришли во флигель.—Ты здѣсь ложись, прибавилъ онъ, указывая мнѣ на кровать Иды Ѳедоровны. Потомъ онъ снялъ съ Сони хламиду, разулъ ее и сталъ грѣть дыханіемъ ея похолодѣвшія ножки (Соня была его любимица). Словъ между нами больше никакихъ не было сказано. Онъ уложилъ насъ въ постели, заботливо укуталъ одѣялами; а самъ сѣлъ въ кресло у Сонинаго изголовья. Я долго не могъ заснуть и все слѣдилъ за нимъ: онъ не шевелился и сидѣлъ, свѣсивъ голову на грудь...

На другой день я узналъ слѣдующее. У отца засидѣлся какой-то гость. Когда онъ уходилъ, Якова въ передней не оказалось, такъ что отецъ самъ выпустилъ гостя и заперъ за нимъ дверь. Желая взглянуть, который часъ, онъ не нашелъ своихъ карманныхъ часовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они обыкновенно лежали. Туда, сюда—нѣтъ часовъ. Якова тоже нѣтъ. Затѣмъ отецъ пошелъ въ платяной шкафъ за халатомъ и увидѣлъ, что шкафъ на половину пустъ. Дѣло было ясное: воровство. Отецъ разбудилъ людей, велѣлъ искать Якова, но его нигдѣ не было. Поднялась кутерьма. Вдругъ сторожъ за воротами увидѣлъ человѣка въ такой же желтой лисьей шубѣ, какая была у Якова, бѣгущимъ отъ пустого дома къ церковной сторожкѣ, примыкавшей къ колокольнѣ. А надо замѣтить, что въ сторожкѣ жилъ звонарь, большой пріятель Якова, что̀ было всѣмъ очень хорошо извѣстно. Стали стучать въ дверь сторожки. Не отпираютъ. Но вдругъ дверь настежь отворилась, и изъ сторожки, размахивая своими здоровенными кулаками, выбѣжалъ Яковъ. Сбивъ съ ногъ двухъ человѣкъ, онъ бросился по головоломной лѣстницѣ, которая вела къ рѣкѣ. Но на половинѣ лѣстницы онъ поскользнулся, упалъ и страшно расшибъ себѣ лобъ и оба колѣна. Тутъ его и взяли. Украденныя вещи, часы, нѣсколько паръ платья, шкатулку съ разными документами нашли потомъ, по указанію Якова, въ пустомъ домѣ. Тутъ же лежали разные аппараты для фокусовъ...

Отецъ постарался замять всю эту исторію, взялъ опять Якова въ «камардины», и никогда не напоминалъ ему о его попыткѣ бѣжать. Да и никто, кажется, не напоминалъ. Ида Ѳедоровна и дяденька-нѣмецъ, вѣроятно, потому, что боялись гнѣва отца; мы съ Соней, должно быть—по дѣтской чуткости и деликатности, а дворня, какъ я замѣтилъ, даже почему-то лучше, любовнѣе стала относиться къ Якову послѣ этого случая. Можетъ быть, онъ убѣдилъ ихъ, что Яковъ души чорту не продалъ. Напоминало Якову объ этомъ событіи только зеркало, отражавшее, вмѣстѣ съ другими подробностями его физіономіи, и полученный имъ на го-

ловоломной лѣстницѣ большой шрамъ отъ виска до виска. По этому шраму и я впослѣдствіи узналъ Якова...

Многіе знакомые говорили отцу, что напрасно онъ довѣряетъ такому человѣку и попрежнему остается съ нимъ по ночамъ вдвоемъ въ цѣломъ домѣ. Но отецъ или круто мѣнялъ разговоръ, или прямо и рѣшительно просилъ не говорить объ этомъ...

Ахъ, какое это пошлое, какое гнусное, подлое слово сказалъ Николай Семеновичъ: «веселая торопливость»!.. Почемъ знать, можетъ быть—я такъ хотѣлъ бы этому вѣрить—можетъ быть, и отецъ ужь каялся, только не хватало у него силъ каяться на чистоту...

Г. Темкинъ.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Общее собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 4 января 1876 года.

Засѣданіе, въ присутствіи 25 членовъ, было открыто рѣчью предсѣдателя, В. П. Гаевскаго, въ память недавно скончавшихся членовъ общества А. П. Карцева и графа М. А. Корфа: «Оба они, сказалъ предсѣдатель, принадлежатъ къ старѣйшимъ членамъ нашего общества и были избраны въ первое общее собраніе 20 декабря 1859 г. Не касаясь важныхъ государственныхъ заслугъ графа Корфа, я не могу не упомянуть о дѣятельности, связывавшей его съ нашимъ обществомъ, о дѣятельности въ наукѣ и литературѣ. Главная заслуга покойнаго, которая никогда не забудется, есть преобразованіе публичной библіотеки. Онъ вдохнулъ въ это забытое учрежденіе новую жизнь и сдѣлалъ его вполнѣ соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ. Благодаря энергіи и любви, которыя онъ внесъ въ это дѣло, публичная библіотека, по богатству, образцовому управленію и числу посѣтителей, принадлежитъ къ лучшимъ европейскимъ книгохранилищамъ. Въ литературѣ графъ Корфъ составилъ себѣ почетное имя біографіею Сперанскаго. Это первый и пока еще единственный трудъ, въ которомъ, съ возможною полнотою, изображены время и дѣятельность знаменитаго государственнаго человѣка. Графъ Модестъ Андреевичъ былъ одинъ изъ весьма немногихъ, остающихся еще въ живыхъ товарищей Пушкина; теперь остаются только князь А. М. Горчаковъ и С. Д. Комовскій. Личнымъ воспоминаніемъ покойнаго, изустнымъ и письменнымъ, мы обязаны вѣрными свѣдѣніями о воспитаніи и юношескихъ годахъ великаго поэта. Заботясь о сохраненіи этихъ дорогихъ воспоминаній, графъ Корфъ передалъ мнѣ свои рукописныя замѣтки о тогдашнемъ лицеѣ, и онѣ, съ небольшими пропусками, сдѣланными по указанію автора, напечатаны мною въ одной изъ статей о Пушкинѣ *. Изъ моихъ личныхъ долголѣтнихъ сношеній съ покойнымъ, я вынесъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе, какъ объ общественномъ дѣятелѣ и истинно добромъ человѣкѣ. Добрую память о немъ сохранитъ и всякій лично знавшій покойнаго. Оба умершіе сочлена горячо сочувствовали цѣлямъ нашего общества и доказали свое сочувствіе вступленіемъ въ него при самомъ основаніи. Почтимъ ихъ благодарнымъ воспоминаніемъ».

Затѣмъ былъ прочитанъ слѣдующій *отчетъ секретаря*: «Милостивые государи! Въ теченіе послѣдней четверти года къ числу 516 членовъ общества прибавилось 34, изъ которыхъ 33 вновь избраны, а одинъ, уплатившій числившуюся за нимъ недоимку, включенъ въ списокъ комитетомъ, на основаніи правилъ, утвержденныхъ общимъ собраніемъ 2-го февраля 1875 года. За это же время исключены изъ списка трое умершихъ членовъ: П. В. Демидовъ, К. П.

---

* Рукопись подарена графомъ Корфомъ библіотекарю и архитектору публичной библіотеки В. И. Собольщикову, уже умершему, и хранится у его вдовы.

Де-Додтъ и А. П. Карцовъ и одинъ членъ, не дѣлавшій взносовъ три года. Затѣмъ къ 1876 г. въ спискѣ числится 546 членовъ.

Денежныя пособія за послѣдніе три мѣсяца, сверхъ произведенныхъ по прежнимъ назначеніямъ, были слѣдующія: 1) назначено съ 1-го января 1876 г. производство трехъ пенсій въ 580 руб. въ годъ, именно: по 150 руб. семейству умершаго писателя, извѣстнаго педагогическими изданіями; по 250 руб. семейству писателя, издававшаго 15 лѣтъ журналъ и обращавшаго общее вниманіе своими оригинальными и переводными трудами въ стихахъ и прозѣ, и по 180 р. больной и престарѣлой дочери ученаго, уже давно умершаго; 2) въ пособіе на воспитаніе и ученіе назначено молодому писателю, слушающему лекціи въ одномъ изъ университетовъ, 75 р., стипендія имени Е. П. Ковалевскаго въ 300 руб. сохранена на годъ за прежнимъ стипендіатомъ, окончившимъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ и приготовляющемся къ экзамену на степень магистра. Учрежденными же въ 1872 году четырьмя стипендіями для студентовъ и вольнослушателей 1-го курса петербургскаго университета, по 125 руб. въ годъ каждая, воспользовались на первое учебное полугодіе вольнослушатель историко-филологическаго факультета и три студента: юридическаго, математическаго и историко-филологическаго факультетовъ; 3) единовременныя пособія были назначены 12 лицамъ и семействамъ въ 1,270 р., въ томъ числѣ одно въ 300 р., два по 150 р., четыре по 100 р., одно въ 75 р., одно въ 70 р., два по 50 р. и одно въ 25 р. Размѣръ послѣдняго былъ опредѣленъ самимъ писателемъ, а 300 р. выданы оставшейся безъ средствъ вдовѣ писателя, который, кромѣ оригинальныхъ трудовъ своихъ, издалъ цѣлую библіотеку переводовъ, философскихъ сочиненій западной литературы конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія; 4) въ безсрочную ссуду, по назначенію своему равняющуюся безвозвратному пособію, выдано 250 р. дочери покойнаго профессора, извѣстнаго многими литературными трудами, посвятившей себя педагогической дѣятельности и нуждавшейся въ деньгахъ для расплаты за напечатаніе составленнаго ею учебника; 5) срочная ссуда выдана была одному лицу въ 100 р. Послѣдняго рода ссуды, срокъ возврата которыхъ обусловливается окончаніемъ года, были выданы въ минувшемъ году 7 лицамъ въ размѣрѣ 2,950 р. Три лица возвратили сполна взятые ими 750 р., одно уплатило часть ссуды, именно 500 р., три лица ничего не уплатили, а остальные 1,700 р. внесены поручителями. Въ счетъ 4 безсрочныхъ ссудъ въ 640 р., срокъ возврата которыхъ предоставляется лицамъ, ихъ получившимъ, уплаты въ 1875 году не было. Всего же въ три мѣсяца вновь было назначено денежныхъ пособій разныхъ видовъ 23 лицамъ и семействамъ на 2,825 р.

Неденежныя пособія были слѣдующія: 1) по сношеніямъ комитета съ редакціями газетъ и журналовъ, 4 лицамъ былъ высланъ гонораръ за ихъ статьи; 2) подобное же сношеніе сдѣлано было еще съ одною редакціей, но она не нашла возможнымъ произвести уплату, относя это къ обязанности бывшей до нея редакціи; 3) по заявленію С. Гусева, производилось такое же сношеніе съ редакціею «Новостей», но соглашенія между редакціей и сотрудникомъ не состоялось; 4) по сношеніямъ же комитета, начатымъ въ мартѣ минувшаго года, одна редакція журнала въ ноябрѣ обѣщалась возвратить автору его рукопись, задержанную ею съ 1871 г.. но исполнила ли свое обѣщаніе—неизвѣстно; 5) съ тою же редакціей, по просьбѣ переводчицы, было сдѣлано сношеніе о вознагражденіи за переводъ, доставленный редакціи еще въ маѣ 1874 г. и ненапечатанный ею, не смотря на неоднократныя обѣщанія, до ноября 1875 г., когда то же сочиненіе явилось въ печати въ другомъ переводѣ; редакція, однако, не признала за переводчицею права на вознагражденіе; 6) по ходатайству комитета, при дѣятельномъ участіи В. А. Манассеина,

писатель, совершенно больной и неимѣющій средствъ не только на леченіе, но и для существованія, помѣщенъ въ клинику профессора Бессера.

12 ходатайствъ о пособіи отклонены комитетомъ, такъ какъ просители или не принадлежатъ къ числу лицъ, имѣющихъ право на помощь общества, или уже пользовались ею, и притомъ неоднократно и иногда въ очень недавнее еще время. Кромѣ того, отклонены ходатайства о ссудѣ двухъ лицъ, за непредставленіемъ поручительства въ уплатѣ ея и одного лица, котораго нельзя считать литераторомъ. Одному лицу отказано въ сношеніи съ редакціей журнала о гонорарѣ, такъ какъ она уже заявила комитету, что не расплачивается за прежнюю редакцію, и тремъ лицамъ заявлено, что просимыя двумя изъ нихъ сношенія и сдѣланное однимъ предложеніе комитету выходятъ изъ круга дѣятельности общества. Комитетъ не призналъ также возможнымъ разрѣшить непосредственную выдачу одному лицу денегъ, отпускаемыхъ на воспитаніе его сына, и войти въ переписку, по ходатайству другого лица съ 5 редакціями о возвращеніи его статей, имѣя въ виду, что онѣ посланы уже давно, а ненапечатанныя статьи уничтожаются редакціями по истеченіи извѣстнаго срока. Одно ходатайство о пособіи оставлено безъ удовлетворенія по поступившему впослѣдствіи заявленію о пріостановкѣ его до времени. Сверхъ того комитетъ имѣлъ въ виду одно заявленіе о крайне бѣдственномъ будто бы положеніи вдовы очень извѣстнаго писателя, тогда какъ она нисколько не нуждается въ средствахъ, и все сказанное въ заявленіи опровергается положительными фактами и не имѣетъ даже тѣни правдоподобія.

Въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ была произведена покупка процентныхъ бумагъ для капитала общества и стипендіи. Прежнія металлическія бумаги, какъ уже было доложено общему собранію, представлявшія нарицательную стоимость въ 61,760 р., были проданы за 65,927 р. 90 к. и въ замѣнъ ихъ куплено: 1) закладныхъ листовъ харьковскаго земельнаго банка въ 30,900 руб. за 29,237 р. 71 к. и херсонскаго въ 34,500 р. за 30,661 р. 87 к., всего же процентныхъ бумагъ куплено въ 65,400 р. за 59,899 р. 58 к. Вслѣдствіе этой операціи, отъ продажи и покупки, капиталъ общества увеличился на 7,781 р. 30 к. и стипендіи на 1,887 р. 2 к., а всего на 9,668 р. 32 к.

Въ ноябрѣ и декабрѣ было устроено два литературныхъ вечера въ пользу общества, которые принесли дохода 566 р.

Пожертвованія въ пользу общества поступили: отъ харьковской казенной палаты собранные разными лицами 9 р. 85 к., Н. В. Яковлевой 28 р. 60 к., князя П. И. Цертелева 8 р., В. П. Гаевскій пожертвовалъ въ пользу общества 5 акцій по 25 руб. (всего на 125 руб.), «Общества для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія», которыя, кромѣ 4% на капиталъ, даютъ обществу право, какъ владѣльцу 5 акцій, рекомендовать жильца на квартиру въ домъ «Обществу улучшенія помѣщеній» за плату съ отопленіемъ и водою отъ 5 до 16 р. въ мѣсяцъ. Комитетъ опредѣлилъ причислить это пожертвованіе къ неприкосновенному капиталу, а членъ Комитета А. А. Краевскій заявилъ желаніе сдѣлать подобное же пожертвованіе. Графиня С. А. Толстая завѣщала изданіе всѣхъ сочиненій покойнаго мужа своего, графа А. К. Толстаго, и постановку въ театрахъ его произведеній съ поспектакльною платою въ пользу общества, съ тѣмъ, чтобы изданіе и постановка на сценѣ произведеній графа А. К. Толстаго предпринимались съ согласія указаннаго лица, которому предоставляется въ пожизненное пользованіе половина чистаго дохода.

Благодарность общества изъявлена: П. Е. Басистову, Н. Н. Буличу, В. А. Манассеину, В. И. Аристову, Е. К. Гайдебуровой, А. Н. Майкову и А. А. Потѣхину,—за содѣйствіе комитету; лицамъ, собравшимъ въ харьковской казенной палатѣ деньги въ пользу общества, Н. В. Яковлевой, князю П. И. Цер-

телеву и графинѣ С. А. Толстой за пожертвованія, Ѳ. П. Баймакову за уступку обществу комиссіоннаго процента при первой покупкѣ въ его конторѣ процентныхъ бумагъ для общества.

Въ заключеніе, въ виду предстоящей разсылки отчета за 1875 г., комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ общества, перемѣнившихъ мѣсто своего жительства, доставить свой новый адресъ секретарю комитета (П. А. Ефремовъ, по Лиговкѣ, № 25), а въ виду предстоящей уплаты членскихъ взносовъ, считаетъ долгомъ напомнить, что они принимаются казначеемъ общества (П. А. Гайдебуровъ, на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12) и кромѣ того книжными магазинами А. Ѳ. Базунова въ Петербургѣ и И. Г. Соловьева въ Москвѣ, конторою товарищества «Ѳ. П. Баймаковъ и К°».

Изъ прочитаннаго послѣ того отчета казначея за три мѣсяца видно, что въ кассѣ общества къ 1-му октября 1875 г. состояло 63,019 р. 85 к. Къ тому поступило: пожертвованій 46 р. 45 к., членскихъ взносовъ отъ 35 лицъ 430 р., дохода отъ двухъ литературныхъ вечеровъ 566 р. и процентовъ на капиталъ 825 р., всего 1,867 руб. 45 коп., и по оборотамъ: купленныхъ процентныхъ бумагъ на 55,900 р., въ возвратъ ссудъ 2,450 р. и невыданнаго пособія 100 р., всего 58,450 руб. Израсходовано: на пенсіи 19 семействамъ 1,457 р., на воспитаніе 12 лицамъ 945 р., на продолжительное и единовременыя пособія 14 лицамъ 1,365 р., на безсрочную ссуду одному лицу 250 руб., на пересылку суммъ 19 р. 37 к. и за храненіе процентныхъ бумагъ 18 руб. 75 коп., всего 4,055 р. 12 к., и по оборотамъ: на покупку процентныхъ бумагъ 51,169 руб. 20 коп., за наросшіе до покупки ихъ проценты 730 руб. 48 коп. и въ ссуду одному лицу 100 р., всего 51,999 р. 68 к. Затѣмъ, къ 1-му января 1876 г. состояло 67,282 р. 50 к., въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала 15,347 р., капитала И. Т. Лисенкова и Б. И. Утина по 1,000 р., Н. М. Василевскаго 300 р. и В. Ѳ. Корша 2,076 р. 67 к.

По прочтеніи отчетовъ была произведена баллотировка новыхъ членовъ и оказались избранными: Николай Николаевичъ Константиновъ, Модестъ Петровичъ Мусоргскій, графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, Иванъ Ивановичъ Боргманъ, князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ, Николай Михайловичъ Павлиновъ, Сергѣй Семеновичъ Соколовъ, Ксаверій Осиповичъ Чевгери, Николай Михайловичъ Ядринцевъ, Александръ Константиновичъ Шеллеръ, Александръ Ивановичъ Поповицкій, Григорій Исааковичъ Богровъ, Александръ Петровичъ Милюковъ, Виліамъ Людвиговичъ Беренштамъ, Николай Алексѣевичъ Осокинъ, Игнатій Игнатьевичъ Малюшицкій, Александръ Платоновичъ Нахимовъ, Николай Акимовичъ Середа, Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ, Илларіонъ Николаевичъ Толстой, Сергѣй Николаевичъ Худековъ, Николай Ивановичъ Шульгинъ и Робертъ Ѳедоровичъ Илишъ. Безъ баллотировки приняты въ члены общества: Анна Павловна Философова и Марья Валентиновна Ватсонъ.

Въ заключеніе произведено избраніе въ члены ревизіонной комиссіи, и большинствомъ голосовъ избраны: Г. К. Рѣпинскій, К. К. Арсеньевъ, Э. К. Ватсонъ, Н. В. Кидошенковъ, Н. П. Тютчевъ, Е. И. Утинъ и А. С. Суворинъ.

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER,

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Police, maison de l'Église Hollandaise,

à St.-Pétersbourg.

Paul Arène. La Chine familière et galante, 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Claretie. La vie moderne au théâtre. Causeries sur l'art dramatique. Deuxieme série. 1 vol. in-12°; prix. 1 r. 20 c.
Jannet. Les Etats-Unis contemporains ou les mœurs, les institutions et les idées depuis la guerre de Secession. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 60 c.
Smiles. Voyage d'un jeune garçon autour du monde. 1 vol.; prix 1 r. 20 c.
Chasles (Philarète). L'Antiquité. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Aubryet. Philosophie mondaine. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Hubbard (Gustave). Histoire de la littérature contemporaine en Espagne. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Grenier. A travers l'antiquité, La vie joyeuse au pays latin. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Quatre ans chez les Achantis. Journal de M. Ramseyer et Kuhne pendant le temps de leur captivité. 1 vol. in-12°; prix 2 r.
Goncourt (Edmond et Jules). L'amour au 18-e siècle. 1 joli vol. in-12° elzevir; prix 2 r.
Quinet (Edgar). Le livre de l'exilé, 1851—1870. Après l'éxil. Manifestes et discours, 1871—1875. 1 vol. in-8°, avec portrait photographié de l'auteur; prix 3 r.
Michelet. Histoire du XIX-ème siècle. 3 vol. in-8°. I. Origine des Bonaparte; II. Jusqu'au 18 brumaire; III. Jusqu'à Watterloo. Prix 7 r. 20 c.
Reclus. Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes. **Tome premier** contenant L'Europe méridionale (Grèce, Turquie, Roumanie, Serbie, Italie, Espagne et Portugal), illustré de 73 gravures, 4 cartes en couleur et 173 cartes insérées dans le texte. 1 très-fort volume gr. in-8°; prix 12 r.
Blaze de Bury. Les femmes et la société au temps d'Auguste. Cléopâtre-Livie—La fille d'Auguste. 1 vol. in-8°; prix 3 r.
Cahun. Les aventures du capitaine Magon ou une éxploration phénicienne mille ans avant l'ère chrétienne. Roman archéologique. 1 vol. gr. in-8°; illustré par Philippoteaux et relié en demi-chagrin. Prix 6 r.
Guizot. Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'à 1789, illustrée par A. de Neuville. **Tome cinquième et dernier.** 1 vol. gr. in-8°: prix broché: 7 r. 20 c., richement relié 10 r.

Rendu (Victor). Les animaux de France. Ouvrage contenant 258 gravures. 1 fort vol. gr. in-8° relié en demi-chagrin. Prix 5 r. 60 c.

Grévin. Le monde amusant. Deuxième série (Album de caricatures coloriées); in-4°; prix broché: 2 r. 50 c. Relié: 4 r.

Lubbock. L'homme préhistorique étudié d'après les monuments. 1 vol. in-8°. Prix broché 6 r., relié: 7 r. 20 c.

Smee (Alfred). Mon jardin. Géologie—Botanique—Histoire naturelle—Culture. 1 vol. in-8, contenant 1,300 gravures et 25 planches hors texte. Prix broché 6 r.; joliment relié 8 r.

Michelet. L'Insecte. Nouvelle édition de luxe, illustrée par Giacomelli. 1 vol. gr. in-8° richement relié. Prix 10 r.

Cherville (Marquis). La chasse aux souvenirs. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Malot (Hector). La marquise de Lucillière. (Suite du «Colonel Chamberlain»). 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Montepin. Le secret de la comtesse. Tome 1-er. Prix 1 r. 20 c.

Gérald. Un mariage en Angleterre. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Diguet. Statuettes parisiennes. 1 joli volume illustré de 18 portraits des actrices de Paris. Prix 2 r.

Yonge. Le lion captif. 2 vols in-12°; prix 2 r. 40 c.

Bachaumont. Les femmes du monde. 1 vol. in-12; prix 1 r. 20 c.

Bertall. La vie hors de chez soi. (Comédie de notre temps. 3-ème série). L'hiver—Le printemps—L'hiver—L'automne. Etudes au crayon et à la plume. 1 beau volume gr. in-8° illustré. Prix broché 8 r.; relié en demi-chagrin: 10 r. 40 c.

Bida. Le livre de Ruth. Traduit de la Sainte Bible par Lemaistre de Sacy. 1 magnifique volume grand in-folio, richement relié avec eaux-fortes de Bida et ornements gravés sur de Rossigneux. Prix 16 r.

Ménard. L'art en Alsace-Lorraine. 1 très beau volume in-4°, richement relié et contenant un grand nombre des eaux-fortes et gravures, prix 20 r.

La troisième invasion. Première partie: Texte par Eugène Véron. Eaux-fortes par Auguste Lançon. 1 magnifique volume in-folio en carton. Prix 75 r.

Livingstone. Dernier journal, relatant ses explorations et découvertes de 1866 à 1873. 2 vol. gr. in-8° illustrés. Prix brochés 8 r., reliés en demi-chagrin: 11 r. 20 c.

Baker (Sir Samuel). Ismaïlia. Récit d'une exploration dans l'Afrique centrale. 1 vol. gr. in-8°, illustré. Prix broché 4 r., relié en demi-chagrin: 5 r. 60 c.

Gourdault. Voyage au pôle Nord des navires la Hama et la Germania rédigé d'après les relations officielles allemandes. 1 vol. gr. in-8° illustré. Prix broché 4 r., relié en demi-chagrin: 5 r. 60 c.

Cozzens. La contrée merveilleuse. Voyage dans l'Arizona et le nouveau Mexique. 1 vol. in-8°; prix relié en demi-chagrin et illustré: 5 r. 60 c.

Challamel. Les amuseurs de la rue. 1 vol. in-8° illustré; prix 80 c.

NB. Les personnes de l'intérieur sont priées d'ajouter les frais de transport suivant le tarif de la poste.

1-го Января вышла и разослана подписчикамъ I-я, Январьская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. Лжедимитрій Первый, по поводу современнаго его портрета 1606 г. Статья **Н. И. Костомарова.** — II. Записки **Михаила Гарновскаго:** дворъ императрицы Екатерины II въ 1786 — 1792 гг. Сообщ. **А. И. Левшинъ.** — III. Моя жизнь и художественные труды, разсказъ академика **Ѳ. Г. Солнцева,** 1801—1817 гг. — IV. Воспоминанія о русскомъ театрѣ 1820 — 1840 гг. **П. А. Каратыгина.**—V. **Н. В. Гоголь** въ 1827—1828 г.— VI. Виссаріонъ **Бѣлинскій** въ 1829 — 1833 гг.: его неизданныя письма и трагедія. — VII. **А. Н. Сѣровъ:** очерки и замѣтки о музыкѣ, 1842—1844 гг. Собщ. **В. В. Стасовъ.** — VIII. Историческій очеркъ событій на Кавказѣ, 1835—1837 гг. — IX. Восточная война; кн. **И. Ѳ. Паскевичъ** и кн. **М. Д. Горчаковъ** въ 1853 — 1855 гг. — X. **Михельсонъ,** побѣдитель Пугачева. — XI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Артемій **Волынскій:** письмо его къ кн. Кантемиру. 2) Канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ. Сообщ. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** 3) Гр. П. А. Румянцевъ. Сообщ. **А. М. Лазаревскій.** 4) Фельдмаршалъ Суворовъ. Сообщ. **К. А. Висковатовъ.** 5) Походъ въ Индію, 1800 г. Сообщ. **Ю. В. Толстой.** 6) Узникъ 1802 г. 7) Французы 1812 г. 8) Механикъ-самоучка, въ 1812 г. 9) Замѣтки о Лермонтовѣ. Сообщ. бар. **Ѳ. А. Бюлеръ.** 10) Смерть бар. Вревскаго въ Крыму, 1855 г. — XII. Библіографическія замѣтки: 1) Кавказскіе акты, 1817—1827 гг. Статья **М. П. Щербинина.** 2) Всеобщая военная исторія, изданіе кн. Н. С. Голицына. — XIII. Біографическій листокъ (на оберткѣ).

Приложенія. I. Портретъ **Лжедимитрія Перваго,** весьма точный снимокъ съ гравюры 1606 г. Киліана, исполнилъ на мѣди акад. **И. П. Пожалостинъ,** отпечатанъ въ Парижѣ. — II. Портретъ **Ми-**

хельсона, гравюра на мѣди акад. **Пожалостина**, отпечатана въ Парижѣ. — III. Заглавная виньетка, рисов. проф. **Шарлемань**.

Отпечатано и поступило въ продажу **третье изданіе** перваго года «Русской Старины», т. е. 1870 г., въ трехъ томахъ, 2,700 страницъ, съ гравированными портретами, шестьюдесятью рисунками и снимками. Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» **1876** г. (седьмой годъ изданія). Цѣна за 12 книгъ, съ портретами русскихъ достопамятныхъ людей,—гравированными на мѣди, съ рисунками, снимками и проч. приложеніями **восемь** рулей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ у **Базунова** (Невкій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Соловьева** — на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

☛ Гг. **Иногородныхъ** подписчиковъ просятъ **исключительно** обращаться въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ.

РОМАНЪ

Бретъ-Гарта.

I.

Извнѣ.

Снѣгъ — всюду, на сколько глазъ видѣлъ, на пятьдесятъ миль къ югу отъ высшаго бѣлаго пика, наполнялъ ущелья и котловины, падая съ отвѣсныхъ стѣнъ горныхъ проходовъ какъ бы бѣлымъ саваномъ, придавая среднему кряжу подобіе чудовищной толпы, скрывая основы гигантскихъ сосенъ, засыпая совершенно молодыя деревья, окружая словно фарфоровой рамкой холодныя зеркальныя озера и медленно разстилаясь бѣлыми волнами къ отдаленному горизонту. Снѣгъ вездѣ лежалъ и продолжалъ еще падать въ Калифорнскихъ Сіеррахъ, 15-го марта 1848 года.

Впродолженіи десяти дней снѣгъ шелъ мелкимъ, граненымъ порошкомъ, крупными, рыхлыми хлопьями, тонкими, перистыми звѣздочками; снѣгъ шелъ изъ черныхъ, свинцовыхъ тучь, бѣлой волнистой массой или длинными рядами тонкихъ копьевъ; снѣгъ шелъ жестоко, но безмолвно. Лѣса были такъ занесены снѣгомъ, вѣтви деревъ такъ гнулись подъ его грудами, онъ такъ переполнялъ собою землю и небо, онъ такъ окутывалъ мелкимъ, непроницаемымъ покровомъ и горные отвѣсы, что умеръ всякій звукъ, всякое эхо. Сильнѣйшій порывъ вѣтра не возбуждалъ ни малѣйшаго стона въ снѣгомъ засыпанныхъ лѣсахъ. Нигдѣ не раздавалось треска вѣтвей или шелеста валежника; погнутые массою снѣга сучья сосенъ и елей поддавались и падали, но безмолвно. Тишина была неизмѣримая, безграничная!

Никакой внѣшній признакъ жизни не нарушалъ мертвой не-

подвижности пейзажа. Вверху не было игры свѣта и тѣней; только по временамъ ночь и вьюга становились мрачнѣе. Внизу ни одна птица не пролетала надъ бѣлымъ, необозримымъ пространствомъ, ни одинъ звѣрь не показывался на опушкѣ черныхъ лѣсовъ; все живое, что нѣкогда обитало въ этой пустынной странѣ, уже давно бѣжало въ нижнія поляны. Нигдѣ не было видно слѣдовъ, и, если какая-нибудь нога запечатлѣлась въ этой обнаженной, дикой мѣстности, то снѣгъ все покрылъ, все стушевалъ. Бѣлая поверхность пустыни была незапятнанной, дѣвственной. И однако, среди этого мрачнаго опустошенія виднѣлись признаки человѣческаго труда.

Нѣсколько деревъ было срублено при входѣ въ ущелье и только слегка покрыты снѣгомъ. Они, быть можетъ, служили только для указанія большой сосны, на которой топоромъ была вырѣзана рука, обращенная къ ущелью. Подъ этой рукой былъ пробитъ гвоздями кусокъ полотна съ слѣдующей надписью:

Объявленіе.

«Партія эмигрантовъ капитана Конроя потеряна въ снѣгу и занимаетъ это ущелье. Нѣтъ припасовъ, умираемъ съ голода!

«Вышли изъ Сент-Джо 8-го октября 1847 г.

«Вышли съ Соленаго Озера 1-го января 1848 г.

«Прибыли сюда 1-го марта 1848 г.

«Потеряли половину вещей на Платтѣ.

«Пришли фургоны 20-го февраля.

«Помогите!

«Насъ зовутъ:

Джоель Мак-Кармикъ.	*Джени Бракетъ.*
Питеръ Думфи.	*Гэбріель Канрой.*
Поль Деваржъ.	*Джонъ Валькеръ.*
Грэсъ Канрой.	*Генри Марчъ.*
Олимпія Конрой,	*Филипъ Ашлей.*

Мэри Думфи.

(Потомъ карандашемъ было написано мелкими буквами):

«Мэри умерла 8-го ноября, Сладкій Ручей.

«Минни умерла 1-го декабря, Ущелье Эхо.

«Джени умерла 2-го января, Соленое Озеро.

«Джемсъ Бракетъ пропалъ 3-го февраля.

«Помогите!»

Языкъ страданій не склоненъ къ художественнымъ красотамъ; но я полагаю, что цвѣты реторики не придали бы краснорѣчія этой фактической лѣтописи. Поэтому я оставляю ее въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась 15-го марта 1848 года, на сосновой корѣ, покрытая тонкимъ слоемъ мокраго снѣга, подъ

трубой бѣлой рукой, неподвижно указывавшей, подобно рукѣ смерти, на роковое ущелье.

Около полудня мятель нѣсколько стихла и на востокѣ небо слегка прояснилось. На горизонтѣ показался мрачный абрисъ отдаленныхъ горъ, а вблизи бѣлая отвѣсная стѣна утеса ярко заблестѣла. Вдоль нея вдругъ что-то черное стало медленно двигаться, но такъ неопредѣленны были очертанія этого предмета, что невозможно было сказать—звѣрь это или человѣкъ; то онъ ползъ на четвереньках, то шелъ выпрямившись, но спотыкаясь, какъ пьяный. Однако, цѣль его была опредѣленная; онъ шелъ прямо къ ущелью.

Наконецъ, стало ясно, что это былъ человѣкъ, изнуренный, испитой, въ лохмотьяхъ и изорванной буйволовой шкурѣ, но все же человѣкъ и очень рѣшительный. Это былъ юноша, несмотря на его согнутую спину и дрожащія ноги, на преждевременныя морщины, окаймлявшія его чело, благодаря страданіямъ и заботамъ, несмотря на выраженіе дикой мизантропіи, прямое слѣдствіе страданій и голода.

Достигнувъ дерева при входѣ въ ущелье, онъ смахнулъ слой снѣга съ полотнянаго объявленія и прислонился въ изнеможеніи къ рукѣ, указывавшей путь. Въ его отчаянной позѣ было что-то, доказывавшее гораздо яснѣе и патетичнѣе его лица и фигуры совершенное изнеможеніе юноши, хотя не было никакой видимой къ тому причины. Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ свой путь съ судорожной энергіей, спотыкаясь, падая, нагибаясь, чтобъ поправить грубые башмаки изъ сосновой коры, постоянно сваливавшіеся съ его ногъ; но все же онъ подвигался впередъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ человѣка, сомнѣвающагося даже въ своей силѣ воли.

Въ разстояніи мили отъ дерева ущелье съуживалось и постепенно повертывало къ югу; тутъ виднѣлся тонкій клубъ дыма, какъ бы выходившій изъ какого-то отверстія въ снѣгу. Нѣсколько далѣе показались слѣды шаговъ, и усталый путникъ остановился или, лучше сказать, прилегъ къ небольшому сугробу, изъ котораго выходилъ дымъ. Въ этой снѣжной пещерѣ было отверстіе и, наклоняясь къ нему, онъ нарушилъ окружающую тишину слабымъ крикомъ. Изнутри отвѣчали такими же, но еще менѣе слышными звуками. Черезъ минуту, въ отверстіи показалось лицо и потомъ цѣлая фигура, такая же изнуренная и оборванная; затѣмъ другая, третья и, наконецъ, восемь человѣческихъ существъ, мужчинъ и женщинъ, окружили его, ползая въ снѣгу, какъ животныя и, какъ животныя, потерявъ всякое сознаніе стыда и приличія.

*

Всѣ они были такъ несчастны, безпомощны, блѣдны, изнурены, такъ жалки, какъ человѣческія существа или, вѣрнѣе, остатки человѣческихъ существъ, что при видѣ ихъ невольно навертывались слезы; но, съ другой стороны, они были такъ дики, глупы, безсмысленны и смѣшны въ своихъ животныхъ проявленіяхъ, что невольная улыбка просилась на уста. Первоначально принадлежа къ тому общественному классу сельскаго люда, у котораго самоуваженіе скорѣе основывается на обстоятельствахъ и обстановкѣ, чѣмъ на индивидуальной, нравственной или умственной силѣ, они потеряли въ общихъ страданіяхъ всякое чувство стыда и не могли ничѣмъ замѣнить удовлетвореніе матерьяльныхъ потребностей, въ чемъ имъ теперь отказывала судьба. Они были дѣти безъ дѣтскаго самолюбія и соревнованія; они были люди безъ человѣческаго достоинства и простоты. Все, что возвышало ихъ надъ уровнемъ животныхъ, пропало въ снѣгу. Даже исчезло различіе половъ: шестидесятилѣтняя старуха ссорилась, бранилась и дралась такъ же грубо и дико, какъ любой мужчина, а золотушный юноша вздыхалъ, плакалъ и падалъ въ обморокъ, какъ женщина. Всѣ эти существа такъ глубоко пали, что утомленный путникъ, вызвавшій ихъ изъ нѣдръ земли, казалось, принадлежалъ къ другой расѣ, несмотря на свои лохмотья и мрачную меланхолію.

Всѣ они были слабы и безпомощны; но одна изъ женщинъ, повидимому, совершенно потеряла разсудокъ. Она носила на рукахъ свернутое дѣтское одѣяло и укачивала его, какъ ребенка, не сознавая, что настоящее ея дѣтище умерло съ голоду нѣсколько дней тому назадъ. Но еще грустнѣе былъ тотъ фактъ, что никто изъ ея товарищей не обращалъ вниманія на ея безуміе. Когда она, спустя нѣсколько минутъ послѣ выхода изъ подземнаго жилища, просила не шумѣть, чтобъ не разбудить ея ребенка, всѣ бросили на нее равнодушный взглядъ и продолжали шумѣть. Только одинъ изъ мужчинъ, рыжій, посмотрѣлъ на нее дико, жестоко, но потомъ какъ бы забылъ объ ея присутствіи и принялся за свое прежнее занятіе—жеваніе буйволовой шкуры.

Возвратившійся путникъ перевелъ дыханіе и медленно произнесъ:

— Ничего.

— Ничего, повторили хоромъ всѣ присутствующіе, но съ различнымъ выраженіемъ въ голосѣ.

Одинъ произнесъ это слово гнѣвно, другой мрачно, третій глупо, четвертый безсознательно. Женщина съ мнимымъ ребенкомъ сказала со смѣхомъ, обращаясь къ своей ношѣ:

— Слышишь, онъ говоритъ ничего!

— Да, ничего, отвѣчалъ пришлецъ:—вчерашній снѣгъ занесъ старую тропу. Маякъ на вершинѣ выгорѣлъ. Я поставилъ объявленіе на перепутьѣ. Посмѣй это сдѣлать опять Думфи, прибавилъ онъ:—и я снесу твою проклятую голову.

Думфи, рыжій мужчина, жевавшій буйволовую шкуру, грубо толкнулъ и ударилъ женщину съ мнимымъ ребенкомъ; она была его жена, и, быть можетъ, онъ это сдѣлалъ по привычкѣ. Она, повидимому, не обратила никакого вниманія на ударъ и подкравшись къ прибывшему юношѣ сказала:

— Такъ завтра!

— Завтра навѣрно, произнесъ онъ, давая свой обычный отвѣтъ на на всѣ подобные вопросы въ теченіи послѣднихъ восьми дней.

Несчастная послѣ этого удалилась въ отверстіе снѣжнаго сугроба, нѣжно прижимая свою ношу.

— Вы, кажется, не очень-то заботитесь о насъ, произнесла другая женщина грубымъ, рѣзкимъ голосомъ, походившимъ на лай собаки:—отъ васъ толку мало. Отчего вы, прибавила она, обращаясь къ товарищамъ:—не займете его мѣсто? Зачѣмъ вы довѣряете этому Ашлею свою и нашу жизнь?

Золотушный молодой человѣкъ бросилъ на нее дикій взглядъ и, словно боясь, что его вовлекутъ въ разговоръ, поспѣшно удалился вслѣдъ за мистриссъ Думфи.

Ашлей пожалъ плечами и произнесъ, отвѣчая скорѣе всей группѣ, чѣмъ одной личности:

— Для насъ всѣхъ одинъ путь спасенія. Вы его знаете. Оставаться здѣсь—смерть; что бы насъ ни ожидало въ пути, все лучше этого.

Онъ всталъ и медленно пошелъ по ущелью къ другому снѣжному сугробу, виднѣвшемуся нѣсколько поодаль. Когда онъ скрылся изъ глазъ, оставшіеся товарищи гнѣвно заговорили:

— Пошелъ къ старому доктору и къ дѣвчонкѣ, а о насъ и не думаетъ.

— Они—лишніе въ нашей партіи.

— Да, съумасшедшій докторъ и Ашлей.

— Я говорила тогда же, какъ мы его подобрали, что изъ этого не будетъ добра.

— Но капитанъ пригласилъ въ нашу партію стараго доктора и взялъ всѣ его запасы въ Сладкомъ Ручьѣ; Ашлей также вложилъ въ общую массу всю свою провизію.

Послѣднія слова произнесъ Мак-Кармикъ. Онъ былъ голоденъ, но не потерялъ еще разсудка, и въ глубинѣ его хотя и отума-

ненного сознанія скрывалась еще доля справедливости. Къ тому же, онъ помнилъ съ сожалѣніемъ, какую отличную пищу доставилъ имъ Ашлей.

— Такъ что-жь! воскликнула мистриссъ Бракетъ:—онъ принесъ намъ несчастье. Мой мужъ умеръ, а этотъ чужой сорванецъ живетъ.

Ея голосъ былъ совершенно мужской, но логика чисто-женская, которая часто дѣйствуетъ на людей при совершенномъ упадкѣ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Всѣ товарищи согласились съ нею и почти въ одинъ голосъ сказали:

— Чортъ его возьми!

— Что-жь дѣлать?

— Еслибъ я была мужчина, то знала бы, что дѣлать.

— Убить его?

— Да, и...

Мистриссъ Бракетъ окончила эту фразу конфиденціальнымъ шепотомъ на ухо Думфи, послѣ чего они оба сидѣли, молча, качая головою, какъ уродливые, китайскіе идолы.

— Посмотрите, какъ онъ силенъ, а не рабочій человѣкъ, какъ мы, произнесъ, наконецъ, Думфи:—я никогда не повѣрю, чтобъ онъ не имѣлъ постоянной...

— Что?

— *Пищи.*

Невозможно выразить неимовѣрную энергію, съ которой онъ произнесъ это слово. Наступило тревожное молчаніе.

— Пойдемъ и посмотримъ.

— И убьемъ его, прибавила нѣжная мистриссъ Бракетъ.

Они всѣ отправились съ лихорадочной энергіей, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упали на снѣгъ. Даже и тогда они не почувствовали стыда, что рѣшились на такое дѣло. Все же они остановились, кромѣ Думфи.

— О какомъ снѣ вы только-что говорили? спросилъ Мак-Кармикъ, садясь на снѣгъ и равнодушно отказываясь отъ задуманнаго предпріятія.

— О вкусномъ обѣдѣ въ Сент-Джо? спросилъ мистеръ Марчъ, къ которому относились эти слова.

Онъ отличался чрезвычайно живымъ воображеніемъ на счетъ кулинарнаго искуства, что составляло счастье и мученье его товарищей.

— Да.

Всѣ окружили Мак-Кармика; даже Думфи остановился.

— Вотъ видите, сказалъ Марчъ:—обѣдъ начался съ бифстека, знаете, такого сочнаго, съ подливкой и печенымъ картофелемъ,

съ подливкой и печенымъ картофелемъ, повторилъ онъ, видя, что отъ его разсказа слюнки текли у слушателей.

— Вы прежде сказали, что картофель былъ жареный и такой жирный, что масло текло, произнесла мистриссъ Бракетъ.

— Кто любитъ жареный картофель—для того былъ и жареный, а печеный съ кожей сытнѣе. Потомъ были сосиски, кофе, пышки.

При этомъ магическомъ словѣ всѣ какъ-то дико засмѣялись.

— Продолжайте! продолжайте!

— И пышки.

— Вы ужъ это разсказали! воскликнула мистриссъ Бракетъ неистовымъ голосомъ:—продолжайте, чортово отродье.

Разскащикъ, видя свое опасное положеніе, сталъ искать глазами Думфи; но онъ уже исчезъ.

II.

Внутри.

Жилище, въ которое спустился Ашлей, находилось подъ поверхностью снѣга, на подобіе гренландскаго «шлука». Скорѣе случайно, чѣмъ намѣренно, оно приняло этотъ полярный видъ. По мѣрѣ того, какъ снѣгъ засыпалъ стѣнки шалаша и окружалъ его со всѣхъ сторонъ бѣлой засадой, и сила изнуренныхъ обитателей ежедневно уменьшалась, сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ поддерживалось только черезъ одно узкое отверстіе. Конечно, воздуха въ этомъ жилищѣ было очень мало и духота достигала ужасающихъ размѣровъ, но въ немъ было тепло, а теплота для ослабѣвшихъ, малокровныхъ обитателей была гораздо важнѣе свѣта и воздуха.

Въ печкѣ съ деревянной трубой тлѣло нѣсколько полѣнъ, бросая вокругъ мерцающій свѣтъ. Подлѣ, на полу, лежали четыре фигуры: молодая женщина съ ребенкомъ трехъ или четырехъ лѣтъ, завернутые въ одно одѣяло, а немного подалѣе двое мужчинъ, свернувшіеся отдѣльно. Всѣ они лежали такъ неподвижно и спали такимъ тяжелымъ сномъ, что ихъ можно было принять за мертвецовъ.

Быть можетъ, подобная мысль вошла въ голову Ашлея, и, послѣ минутнаго колебанія, онъ молча опустился на колѣни передъ молодой женщиной и положилъ руку ей на лобъ. Какъ ни легко было это прикосновеніе, оно разбудило спящую. Не знаю, что за магнитическая сила скрывалась въ этомъ прикосновеніи, но

молодая женщина схватила руку Ашлея и, не открывъ еще глазъ, промолвила:

— Фѝлипъ!

— Шш... Грэсъ.

Взявъ ея руку, онъ нѣжно поцѣловалъ и указалъ пальцемъ на остальныхъ спавшихъ.

— Вы вернулись, шопотомъ произнесла она, пожирая глазами Ашлея, и слабая улыбка, освѣтившая ея лицо, ясно доказывала, что этотъ фактъ былъ для нея важнѣе всѣхъ остальныхъ: — я видѣла васъ во снѣ, Фѝлипъ.

— Милая Грэсъ, отвѣчалъ онъ, снова цѣлуя ея руку: — выслушайте меня, голубушка. Я принесъ все ту же мрачную вѣсть: нѣтъ ни откуда помощи. Я убѣжденъ, Грэсъ, продолжалъ онъ такъ тихо, что его слова могли быть понятны только напряженному слуху молодой дѣвушки: — что мы очень уклонились на югъ отъ проложенной тропы. Только чудо или несчастье, подобное нашему, можетъ привести въ эту сторону другую партію. Мы одни и безпомощны въ невѣдомой мѣстности, которую покинули даже дикари и звѣри. Мы можемъ разсчитывать только на свою собственную помощь, а вы знаете не хуже меня, кàкъ на нее можно положиться, прибавилъ онъ, бросая циническій взглядъ на спящихъ.

Молодая дѣвушка молча пожала ему руку, какъ-бы сознавая справедливость его упрека.

— Мы, какъ партія, не имѣемъ никакой силы, никакой дисциплины, продолжалъ онъ:—со смерти вашего отца, у насъ нѣтъ предводителя; я знаю, чтò вы хотите сказать, Грэсъ, прибавилъ онъ, отвѣчая на краснорѣчивый знакъ ея руки: — но еслибы я и былъ способенъ предводительствовать, то никто меня не послушаетъ. Быть можетъ, оно и лучше. Если мы останемся всѣ вмѣстѣ, то величайшая для насъ опасность будетъ *въ насъ самихъ*.

Онъ взглянулъ на нее пристально, но она, очевидно, не поняла значенія этого взгляда.

— Грэсъ, произнесъ онъ съ отчаяніемъ: — люди, умирающіе съ голоду, способны на всякую жертву, на всякое преступленіе, чтобы только сохранить драгоцѣнную имъ жизнь. Вы читали въ книгахъ... Грэсъ! Боже мой! чтò съ вами?

Хотя бы она не читала въ книгахъ того, на чтò намекалъ Ашлей, но смыслъ его словъ она могла прочесть въ эту самую минуту въ ужасномъ лицѣ, внезапно показавшемся въ полурастворенной двери: столько было дикой жестокости и звѣрской кровожадности въ искаженныхъ голодомъ чертахъ знакомаго ей

лица Думфи. Но женскій тактъ подсказалъ ей тотчасъ, что не слѣдовало обнаруживать настоящей причины ея испуга, и, опустивъ голову на плечо Филипа, она шопотомъ промолвила:

— Я понимаю.

Когда она снова подняла голову, то ужасное видѣніе исчезло.

— Довольно, продолжалъ Ашлей: — я не хочу васъ пугать, Грэсъ, а только указываю на то, чего мы должны избѣжать, пока у насъ есть еще силы. Вы знаете, что у насъ одинъ путь къ спасенію, правда, отчаянный, но, вѣдь, не менѣе страшно оставаться здѣсь и ждать вѣрной погибели. Спрашиваю васъ снова, хотите вы бѣжать со мною? Когда я вамъ это впервые предложилъ, то самъ сомнѣвался въ успѣхѣ, но теперь я изслѣдовалъ всю окрестную мѣстность. Бѣгство *возможно*. Я болѣе ничего не говорю.

— А сестра и братъ?

— Ребенокъ былъ бы для насъ только помѣхой, еслибы и выдержалъ всѣ трудности пути, а вашъ братъ долженъ остаться съ нимъ; бѣдной дѣвочкѣ необходимы остающіяся въ немъ силы и непреодолимая бодрость. Нѣтъ, Грэсъ, мы должны идти одни. Если мы спасемся, то и ихъ спасемъ. У нихъ хватитъ силъ подождать помощи, которую мы имъ пришлемъ; но они погибли бы, отправившись съ нами. Я ушелъ бы одинъ, но, милая Грэсъ, я не могу васъ здѣсь оставить.

— Я умру, если вы меня бросите, сказала просто Грэсъ.

— Я знаю, отвѣчалъ также просто Ашлей.

— Да развѣ мы не можемъ подождать еще немного? Помощь можетъ явиться завтра, всякую минуту.

— Завтра мы будемъ слабѣе; я не могу разсчитывать на наши силы, если мы не уйдемъ сегодня.

— А старикъ докторъ?

— Онъ вскорѣ не будетъ нуждаться ни въ какой помощи, отвѣчалъ грустно Ашлей: — шш!.. онъ шевелится.

Дѣйствительно, одна изъ человѣческихъ фигуръ, лежавшихъ на полу, повернулась; Филипъ, подойдя къ печкѣ, помѣшалъ въ ней. Разгорѣвшееся пламя освѣтило испитое лицо старика, смотрѣвшаго на юношу лихорадочно-пристальнымъ взглядомъ.

— Что вы дѣлаете съ огнемъ? спросилъ онъ недовольнымъ тономъ и съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

— Мѣшаю.

— Оставьте.

Филипъ отошелъ въ сторону.

— Подите сюда, произнесъ старикъ.

Филипъ подошелъ.

— Вамъ нѣчего мнѣ разсказывать, сказалъ старикъ послѣ минутнаго молчанія:—я читаю на вашемъ лицѣ все ту же старую вѣсть.

— Такъ что-жь? спросилъ Филипъ.

— Ничего.

Филипъ снова отошелъ.

— Вы закопали ящикъ и бумаги?

— Да.

— Въ землѣ, подъ снѣгомъ?

— Да.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

— Чѣмъ вы означили мѣсто?

— Грудой камней.

— А объявленія выставили на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ?

— Я прибилъ ихъ всюду, гдѣ могъ, близь старой тропы.

— Хорошо.

Филипъ отвернулся отъ старика съ цинической улыбкой и пошелъ къ дверямъ, но тотчасъ вернулся и, вынувъ изъ-за пазухи завядшій цвѣтокъ, подалъ его доктору.

— Я нашелъ дубликатъ растенія, котораго вы искали, сказалъ онъ.

Старикъ съ необыкновенной живостью привсталъ и, схвативъ цвѣтокъ, сталъ внимательно его разсматривать.

— Да, это самое, произнесъ онъ съ видимой радостью:—а вы сказали, что нѣтъ извѣстій.

— Что же означаетъ этотъ цвѣтокъ, сказалъ Филипъ.

— Онъ доказываетъ, что я правъ, а Линней, Дарвинъ и Эшенгольцъ ошибаются. Это—важное открытіе. То, что вы называете альпійскимъ цвѣткомъ, есть совершенно новый видъ.

— Нѣчего сказать—важный фактъ для людей, умирающихъ съ голода! замѣтилъ съ горечью Филипъ.

— Да, это—важное открытіе, продолжалъ старикъ, не обращая вниманія на слова юноши: — цвѣтокъ не можетъ развиться въ въ странѣ вѣчныхъ снѣговъ; значитъ, онъ выросъ на теплой почвѣ, подъ солнечными лучами; значитъ, черезъ два мѣсяца тамъ, гдѣ вы его нашли, здѣсь, гдѣ мы теперь лежимъ, будетъ роскошная трава. Мы находимся ниже линіи вѣчныхъ снѣговъ.

— Черезъ два мѣсяца! воскликнула молодая дѣвушка, всплеснувъ руками.

— Черезъ два мѣсяца, произнесъ съ горечью Ашлей: — мы будемъ далеко отсюда или въ могилѣ.

— По всей вѣроятности, отвѣчалъ холодно старикъ:—но если вы исполнили мою просьбу относительно моихъ коллекцій и бумагъ, то онѣ будутъ во-время спасены.

Ашлей нетерпѣливо махнулъ рукой и, подъ предлогомъ приласкать ребенка, нагнулся къ Грэсъ и сказалъ ей на ухо нѣсколько словъ, потомъ быстро исчезъ за дверью. Старикъ безпомощно опустилъ голову на грудь и молчалъ нѣсколько минутъ.

— Грэсъ, произнесъ онъ, наконецъ.

— Докторъ Деваржъ.

— Подите сюда.

Она встала и приблизилась къ нему.

— Зачѣмъ онъ мѣшалъ огонь? спросилъ старикъ, смотря съ подозрѣніемъ вокругъ себя.

— Не знаю.

— Вы ему говорите все; вы сказали и это?

— Нѣтъ.

Деваржъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, какъ-бы желая проникнуть въ глубину ея сердца, и, успокоившись, прибавилъ:

— Выньте изъ огня и дайте ему остыть въ снѣгу.

Грэсъ помѣшала въ печкѣ и вытащила изъ золы, съ помощью двухъ щепокъ, небольшой блестящій камень, раскаленный до бѣла, величиною съ яйцо. Потомъ она вынесла его за дверь, положила въ снѣгъ и возвратилась къ старику.

— Грэсъ?

— Сэръ.

— Вы уходите?

Грэсъ ничего не отвѣчала.

— Не отрицайте, я все слышалъ. Быть можетъ, это—лучшее, что вы можете теперь сдѣлать, но, во всякомъ случаѣ, добро это или зло, вы съ нимъ уйдете. Но, Грэсъ, знаете ли вы, что это за человѣкъ?

Ни ежедневныя столкновенія, ни равенство голода, ни приближеніе смерти не уничтожили въ Грэсъ женскаго инстинкта. Она тотчасъ встала въ оборонительное положеніе и начала парировать удары умирающаго.

— Я знаю о немъ то же, что мы всѣ: это—добрый, истинный другъ, не эгоистъ, а человѣкъ, мужеству и находчивости котораго мы столькимъ обязаны.

— Гм! еще что?

— Больше ничего; но вы его привели къ намъ, отвѣчала съ нѣкоторой хитростью молодая дѣвушка: — и онъ всегда былъ вашимъ преданнымъ другомъ. Я полагала, что и вы—его другъ.

— Я его подобралъ у Сладкаго Ручья, болѣе я ничего не знаю. Но что̀ онъ вамъ разсказывалъ о своемъ прошедшемъ?

— Онъ убѣжалъ отъ злого вотчима и родственниковъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ. Онъ явился на Западъ, желая поселиться между индѣйцами или составить себѣ состояніе въ Орегонѣ. Онъ очень гордъ, вы это знаете, сэръ, и, какъ вы, нисколько на насъ не походитъ. Онъ—джентльмэнъ и человѣкъ образованный.

— Да̀, это здѣсь называютъ образованіемъ, промолвилъ Деваржъ:—а онъ не знаетъ разницы между лепестками и тычинками. Ну, обѣщаетъ онъ жениться на васъ, когда вы убѣжите вмѣстѣ?

На минуту молодая дѣвушка выдала себя, и густой румянецъ покрылъ ея щеки, но тотчасъ она оправилась.

— О, сэръ, нѣжно сказала юная лицемѣрка:—ка̀къ можете вы шутить въ такую минуту? Жизнь моего милаго брата и сестры, жизнь несчастныхъ женщинъ въ сосѣднемъ шалашѣ зависитъ отъ нашего бѣгства. Мы оба—единственные люди, которые имѣемъ достаточно силъ, чтобъ перенести такой тяжелый путь. Я могу ему помочь, и для поддержанія моихъ силъ требуется меньше, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ. Я убѣждена, что мы успѣемъ въ своемъ предпріятіи и вскорѣ явимся съ помощью. О, сэръ, теперь не время шутить, когда жизнь всѣхъ и, между прочимъ, ваша виситъ на волоскѣ!

— Моя жизнь, отвѣчалъ старикъ спокойно:—уже давно проиграна. Задолго до вашего возвращенія, если вы когда нибудь вернетесь, я навѣки успокоюсь.

Лице его исказилось страданіями, и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ собирался съ силами, чтобъ произнести слово.

— Грэсъ, сказалъ онъ, наконецъ, болѣе слабымъ, невнятнымъ голосомъ:—подойдите поближе, я хочу вамъ кое-что̀ сказать.

Грэсъ колебалась; ей вдругъ стало страшно смотрѣть на умирающаго старика и она взглянула на спящаго брата.

— Онъ не проснется, сказалъ Деваржъ, слѣдя за движеніемъ ея глазъ:—успокоительное средство еще не потеряло своей силы. Принесите мнѣ то, что̀ вы вынули изъ огня.

Грэсъ вышла за дверь и возвратилась съ камнемъ. Это былъ кусокъ синевато-сѣраго шлака. Старикъ взялъ его въ руки, пристально осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и сказалъ тихо:

— Потрите его объ одѣяло.

Грэсъ исполнила его желаніе, и черезъ нѣсколько минутъ полированная поверхность камня получила бѣловатый блескъ.

— Это походитъ на серебро, сказала Грэсъ сомнительно качая головой.

— Это—настоящее серебро, отвѣчалъ докторъ Деваржъ.

Грэсъ поспѣшно положила камень подлѣ старика и отошла въ сторону.

— Возьмите его, онъ—вашъ, сказалъ старикъ:—я нашелъ его годъ тому назадъ въ горномъ кряжѣ, далеко на западъ отсюда. Я знаю, гдѣ его много скрыто въ синеватомъ камнѣ, подобномъ тому, который вы вчера положили въ огонь. Я вамъ скажу, гдѣ и какъ его найти. Грэсъ, это—цѣлое состояніе; оно ваше. Я отдаю вамъ право на мое открытіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! произнесла молодая дѣвушка поспѣшно:—оставьте это богатство себѣ. Вы не умрете и имъ воспользуетесь.

— Нѣтъ, Грэсъ, даже, еслибъ я не умеръ, то никогда имъ не воспользуюсь. Я въ своей жизни испыталъ все, знаю, что богатство не приноситъ счастья. Оно въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны; послѣдняя былинка для меня дороже этого серебра. Но вы его возьмите. Для свѣта оно—все; оно сдѣлаетъ васъ столь же гордой и независимой, какъ вашъ возлюбленный, оно придастъ вамъ вѣчную прелесть въ его глазахъ. Оно будетъ оправой вашей красоты и пьедесталомъ вашей добродѣтели. Возьмите его, оно—ваше.

— Но, у васъ есть родственники, друзья, отвѣчала молодая дѣвушка, отворачиваясь съ суевѣрнымъ страхомъ отъ блестящаго камня:—другіе имѣютъ право...

— Никто болѣе васъ не имѣетъ права на мое наслѣдство, перебилъ ее старикъ съ нервной поспѣшностью человѣка, боящагося, что у него недостанетъ силъ выговорить все, что нужно:—примите это, если угодно за награду или за подкупъ вашего возлюбленнаго, съ цѣлью заставить его исполнить свое обѣщаніе и сохранить мои коллекціи и рукописи. Смотрите на это, какъ на позднее раскаяніе старика, знавшаго въ своей жизни молодую дѣвушку, для которой подобное состояніе было бы спасеніемъ. Смотрите на это, какъ хотите, но только возьмите.

Голосъ его до того ослабъ, что онъ произносилъ слова шепотомъ. Сѣроватая блѣдность покрыла его лицо, и онъ едва переводилъ дыханіе. Грэсъ хотѣла кликнуть брата, но Деваржъ остановилъ ее движеніемъ руки. Съ неимовѣрнымъ усиліемъ онъ приподнялся на локтѣ и, вынувъ изъ за пазухи пакетъ, положилъ его въ руку молодой дѣвушки.

— Тутъ, прошепталъ онъ:—карта... описаніе руды и мѣстности... все ваше... скажите, что вы согласны... скажите, Грэсъ, скорѣе...

Голова его опустилась на полъ. Грэсъ нагнулась, чтобы ее приподнять. Въ эту минуту какая-то тѣнь мелькнула въ отверстіи двери. Она быстро подняла глаза и увидала страшное лице Думфи. На этотъ разъ она не отскочила, а, инстинктивно обращаясь къ Деваржу, сказала:—Я согласна.

Потомъ она бросила вызывающій взглядъ на дверь, но тамъ уже никого не было.

— Благодарствуйте, сказалъ старикъ; губы его продолжали шевелиться, но уже не издавали никакого звука.

— Докторъ Деваржъ! шепотомъ произнесла Грэсъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ, и глаза его какъ-то странно померкли.

— Онъ умираетъ, подумала молодая дѣвушка со страхомъ и быстро пошла къ спящему брату.

Съ минуту она его старалась разбудить, толкая въ бокъ, но онъ только тяжело дышалъ и, несмотря на всѣ ея усилія, не открылъ глазъ. Тогда она бросилась къ двери и воскликнула:— Филипъ!

Не получивъ никакого отвѣта, она высунулась въ отверстіе, служившее входомъ въ подземное жилище. Было уже совершенно темно и въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было ничего разглядѣть. Она бросила поспѣшный взглядъ на внутренность шалаша и, съ отчаяніемъ махнувъ рукою, исчезла въ мракѣ.

Въ туже минуту, двѣ человѣческія фигуры приподнялись изъ за снѣжнаго сугроба и быстро проникли въ подземное жилище. Это были мистриссъ Бракетъ и Думфи. Какъ дикіе, хищные звѣри, они проворно, ловко, но боязливо крадучись, обшарили всѣ углы, то пробираясь на четвереньках, то выпрямляясь во весь ростъ. Въ своей кровожадной поспѣшности они натыкались другъ на друга, злобно плюя въ лицо отъ безпомощной ярости. Они рылись въ каждомъ углу, перебирали звѣриныя шкуры и одѣяла, шарили въ золѣ; все трогали, все обнюхивали. Наконецъ, они остановились въ своихъ безъуспѣшныхъ поискахъ и посмотрѣли другъ на друга сверкающими глазами.

— Проклятые, они вѣрно съѣли, произнесла мистрисъ Бракетъ глухимъ шепотомъ.

— Не похоже это на пищу, замѣтилъ Думфи.

— Вы видѣли, какъ они вынули изъ огня?

— Да.

— И терли?

— Да.

— Дуракъ, развѣ вы не понимаете...

— Что?

— Это—печеный картофель.

— Но зачѣмъ тереть картофель? сказалъ Думфи, послѣ минутнаго молчанія:—вѣдь, кожа сойдетъ.

— У нихъ нѣжные желудки, отвѣчала мистриссъ Бракетъ.

Думфи разинулъ ротъ отъ удивленія при такомъ важномъ открытіи.

— Онъ сказалъ, что знаетъ, гдѣ ихъ много, промолвилъ Думфи шепотомъ.

— Гдѣ?

— Я не разслышалъ.

— Дуракъ, зачѣмъ вы не бросились на него и не принудили сказать, произнесла мистриссъ Бракетъ съ звѣрской злобой:—вы трусливѣе блохи. Дайте мнѣ только поймать эту дѣвчонку... Но что̀ это?

— Онъ шевелится, сказалъ Думфи.

Въ одну минуту, эти оба человѣческія существа превратились въ пресмыкающихся животныхъ и думали только о бѣгствѣ, но не смѣли двинуться съ мѣста.

Старикъ Деваржъ повернулся на другой бокъ, и уста его лепетали что-то въ лихорадочномъ бреду.—Грэсъ! произнесъ онъ наконецъ.

Мистрисъ Бракетъ сдѣлала знакъ Думфи и подкралась къ умирающему.

— Да̀, я здѣсь, промолвила она.

— Скажите ему, чтобъ онъ не забылъ. Заставьте сдержать свое слово. Спросите его, куда онъ зарылъ.

— Да̀.

— Онъ вамъ скажетъ.

— Да̀.

— При входѣ въ Монументное Ущелье, въ ста футахъ къ сѣверу отъ одинокой сосны. Надо выкопать два фута земли надъ поверхностью камней.

— Да̀.

— Туда не проникнутъ волки.

— Да̀.

— Камни сохранятъ отъ дикихъ звѣрей.

— Да̀.

— Отъ голодныхъ животныхъ.

— Да̀.

— Которыя могли бы разрыть.

— Да̀.

Блуждающіе глаза старика вдругъ потухли, какъ свѣчки. Нижняя губа его отвисла. Онъ умеръ. Мистриссъ Бракетъ и

Думфи смотрѣли на него и другъ на-друга съ дикой страшной улыбкой, впервые исказившей ихъ лица, со времени ихъ пребыванія въ роковомъ ущельѣ.

III.

Гэвріель.

На слѣдующее утро оказалось, что партія эмигрантовъ уменьшилась на пять человѣкъ. Филипъ Ашлей и Грэсъ Конрой, Питеръ Думфи и мистрисъ Бракетъ бѣжали; докторъ Поль Деваржъ умеръ. Смерть старика не возбудила никакого вниманія или горя; но исчезновеніе четырехъ живыхъ членовъ отряда было объяснено сокрытіемъ отъ другихъ извѣстнаго имъ средства къ спасенію, и безумная ярость овладѣла всѣми оставшимися. Тотчасъ было рѣшено лишить бѣглецовъ жизни и имущества; но предпринятая погоня продолжалась недолго — около двадцати шаговъ. Силы измѣнили преслѣдователямъ, и они остановились въ безпомощной злобѣ.

Одинъ только Гэбріель Конрой зналъ, что Филипъ и Грэсъ ушли вмѣстѣ. Проснувшись рано утромъ, онъ нашелъ пришпиленную къ его одѣялу слѣдующую записку карандашемъ:

«Да благословитъ Господь добраго брата и сестру и сохранитъ ихъ, пока я и Филипъ возвратимся съ помощью».

Подлѣ этой записки лежалъ небольшой запасъ провизіи, очевидно, собранный молодой дѣвушкой изъ ея скудныхъ порцій.

Гэбріель, прежде всего, отдалъ эти припасы на общую пользу. Потомъ онъ принялся ухаживать за своей маленькой сестрой. Онъ отличался не только способностью сохранять бодрость и не терять надежды въ самыя отчаянныя минуты, но также инстинктивнымъ сочувствіемъ къ страданіямъ и потребностямъ дѣтей. У него даже были всѣ физическія качества няньки: большая, мягкая рука, нѣжный, внушительный голосъ, быстрыя, неутомимыя ноги и широкая грудь, могущая служить подушкой. Во время долгаго, тягостнаго путешествія женщины довѣряли ему своихъ дѣтей и большинство умершихъ испустили духъ на его рукахъ; безпомощность во всѣхъ ея формахъ и видахъ пользовалась его рѣдкой способностью быть нянькой и сидѣлкой. Однако, никто не думалъ его благодарить, и онъ самъ, я полагаю, не ожидалъ благодарности; онъ, повидимому, не сознавалъ своего значенія, и, какъ часто бываетъ, его услугамъ не придавали цѣны и другіе. Болѣе того: люди, дававшіе ему случай

примѣнить на практикѣ его способность, чувствовали какое-то превосходство надъ нимъ.

— Олли, сказалъ Гэбріель, качая ребенка:—хочешь ты куклу?

Дѣвочка широко открыла глаза и утвердительно махнула головкой.

— Я тебѣ принесу славную куклу, продолжалъ онъ: — у нея есть настоящая мама, которая няньчитъ ее, какъ ребенка. Ты можешь ей помогать.

Мысль о подобномъ товариществѣ, очевидно, понравилась маленькой Олли.

— Подожди меня, я сейчасъ приведу маму съ куклой, но тогда Грэси должна уйти и уступить ей свое мѣсто.

Олли сначала несочувственно отнеслась къ подобной мѣнѣ, но почти тотчасъ новизна взяла свое, какъ обыкновенно бываетъ съ ея поломъ, голодающимъ или нѣтъ. Однако, она все же благоразумно спросила:

— Кукла хочетъ ѣсть?

— Никогда, отвѣчалъ Гэбріель рѣшительнымъ тономъ.

— Это хорошо, промолвила Олли, какъ бы успокоившись.

Хитрый Гэбріель тотчасъ отыскалъ съумасшедшую мистрисъ Думфи и, приласкавъ мнимаго ребенка, никогда не покидавшаго ее, сказалъ нѣжно:

— Вы убиваете себя, ухаживая за ребенкомъ. Боже мой! какъ онъ исхудалъ. Я увѣренъ, что перемѣна и товарищество ему сдѣлаютъ пользу. Подите къ Олли, она вамъ поможетъ ухаживать за нимъ до завтра.

Завтра было конечнымъ предѣломъ будущаго для мистрисъ Думфи.

Такимъ образомъ, бѣдная съумасшедшая съ мнимымъ ребенкомъ заняла мѣсто Грэсъ, и Олли была совершенно счастлива. Человѣкъ съ болѣе утонченной натурой или съ болѣе дѣятельнымъ воображеніемъ, чѣмъ Гэбріель, быть можетъ, возсталъ бы противъ такой чудовищной комбинаціи, но Гэбріель видѣлъ только, что всѣ были довольны и что отсутствіе Грэсъ нечувствительно для Олли. Маленькая дѣвочка и съумасшедшая поочередно няньчили мнимаго ребенка, первая предвкушая будущее и забывая настоящее, а послѣдняя — живя въ прошедшемъ. Заботы обѣихъ о сохраненіи частицы своей скудной пищи для куклы были, по истинѣ, трогательны, но некому было обратить на это вниманія, такъ какъ единственный зритель, Гэбріель, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣйствующимъ лицемъ драмы; къ тому же, самая трогательная сцена кажется патетичной только издали.

Около полудня, золотушный молодой человѣкъ, двоюродный

братъ Конроевъ, умеръ. Гэбріель пошелъ тотчасъ въ сосѣдній шалашъ и старался ободрить своихъ товарищей по несчастью. Онъ на столько успѣлъ въ своемъ намѣреніи, что языкъ обычнаго разскащика развязался, и онъ сталъ описывать, какъ всегда, великолѣпные обѣды. Все же, когда Гэбріель ушелъ къ себѣ въ 4 часа, тѣло умершаго не было еще предано землѣ.

Вечеромъ, сидя съ Олли и мистрисъ Думфи у мерцающаго огня, онъ вдругъ замѣтилъ странную перемѣну въ бѣдной женщинѣ. Мнимый ребенокъ выпалъ изъ ея рукъ, и глаза ея безсознательно смотрѣли въ пространство. Гэбріель спросилъ, что съ ней, но она не отвѣчала. Онъ прикоснулся къ ней; тѣло ея словно окоченѣло. Олли начала плакать, и звуки ея рыданій какъ бы пробудили мистрисъ Думфи. Не двигаясь съ мѣста и неестественнымъ голосомъ она промолвила:

— Слышите!

Олли перестала плакать по знаку Гэбріеля.

— Ѣдутъ! продолжала мистрисъ Думфи.

— Кто? спросилъ Гэбріель.

— Къ намъ на помощь.

— Гдѣ?

— Далеко, очень далеко. Они только-что выѣзжаютъ. Двѣнадцать людей съ вьючными лошадьми и провіантомъ. Предводитель американецъ, а другіе — иностранцы. Они ѣдутъ... но, о! какъ еще далеко!

Гэбріель пристально смотрѣлъ на нее, но не промолвилъ ни слова. Послѣ убійственнаго молчанія она продолжала:

— Тамъ, гдѣ они ѣдутъ, солнце свѣтитъ, птицы поютъ и трава зеленѣетъ, но это слишкомъ, слишкомъ далеко.

— Вы ихъ знаете? спросилъ Гэбріель.

— Нѣтъ.

— А они насъ знаютъ?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же они ѣдутъ и почему знаютъ, гдѣ мы?

— Ихъ предводитель насъ видѣлъ.

— Гдѣ?

— Во снѣ [1].

---

[1] Я считаю долгомъ подвергнуть еще дальнѣйшему испытанію терпѣніе скептическаго читателя и обратить его вниманіе на, быть можетъ, самый вѣрный и вполнѣ подтвержденный фактъ этой вообще вымышленной хроники. Положеніе и мѣсто нахожденія злополучной Доннерской партіи (тогда еще неизвѣстной группы эмигрантовъ), умиравшей отъ голода въ пустынномъ горномъ проходѣ Калифорнійскихъ Сіерръ, узнаны впервые во снѣ капитаномъ Уонтомъ изъ Напы. Испанскія лѣтописи удостовѣряютъ, что помощь несчастнымъ, оставшимся въ живыхъ, была послана только на основаніи этого сна.

Гэбріель засвисталъ и посмотрѣлъ на мнимаго ребенка, валявшагося на полу. Онъ готовъ былъ признать нѣчто ненормальное и, быть можетъ, пророческое въ словахъ этой съумасшедшей женщины; но онъ никакъ не могъ допустить подобнаго же явленія въ человѣкѣ здоровомъ и не голодномъ. Однако, обычное добродушіе и способность во всемъ видѣть надежду на счастливый исходъ взяли въ немъ верхъ, и онъ спросилъ:

— Какъ они пріѣдутъ?

— Они прежде минуютъ прекрасную долину и широкую, блестящую рѣку, потомъ переберутся черезъ гору и очутятся въ другой прекрасной долинѣ съ быстрой рѣкой, которая бѣжитъ такъ близко отсюда, что я слышу плескъ воды. Развѣ вы ея не видите? Вонъ она, за той снѣжной вершиной; зеленая долина и въ ней дождь идетъ. Посмотрите на нее.

И она указала прямо на сѣверъ, гдѣ простиралась пустынная, снѣжная страна.

— Можете вы дойти до нее? спросилъ практическій Гэбріель.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Я должна здѣсь ждать мою дѣвочку. Она идетъ за мною и найдетъ меня здѣсь.

— Когда?

— Завтра.

Въ послѣдній разъ произнесла она это вѣчное слово «завтра»; немного за полночь, ея ребенокъ явился къ ней въ лучезарномъ сіяніи, хотя невидимый для Гэбріеля, и бѣдная съумасшедшая, вскочивъ съ блестящими глазами, протянула къ нему руки. Гэбріель поддержалъ ее и положилъ въ ея объятія мнимаго ребенка. Она была мертвая.

Черезъ минуту, онъ бросился въ сосѣдній шалашъ, но не пошелъ далѣе двери. То, что̀ онъ тамъ видѣлъ, онъ никогда впослѣдствіи не разсказывалъ, но, возвратясь къ сестрѣ дрожащими шагами, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и глаза его дико блуждали. Онъ сознавалъ только одно — надо бѣжать изъ этого проклятаго мѣста.

— Господи! помоги мнѣ, помоги *имъ*! воскликнулъ онъ громко и, схвативъ испуганную, плачущую Олли, выбѣжалъ на снѣжную поляну.

Черезъ минуту онъ исчезъ во мракѣ.

*

IV.

Природа указываетъ путь.

По бѣлоснѣжному откосу одного изъ горныхъ отроговъ, къ сѣверу отъ ущелья, медленно поднимались отъ полудня до захода солнца двѣ фигуры; наконецъ, онѣ рельефно обрисовались на краю гребня. Это были Фѝлипъ и Грэсъ.

Несмотря на всю усталость долгаго странствія, недостатокъ пищи и мрачную тѣнь прошедшаго горя, Грэсъ была прелестна при нѣжномъ, розовомъ свѣтѣ потухающаго дня. Мужская одежда, сшитая не по ея росту, придавала ея хорошенькой, маленькой фигуркѣ еще бо̀льшую миньятюрность, не скрывая ея художественныхъ очертаній. Фѝлипу были теперь ясно видны ея черные глаза, окаймленные густыми бровями, правильный овалъ ея лица и даже веснушки на верхней губѣ. Онъ нѣжно обнялъ ее и поцѣловалъ: первое, очевидно, для физической поддержки, а второе—безъ всякой видимой причины.

— Любите вы меня, Фѝлипъ? спросила Грэсъ съ характеристической осторожностью женскаго пола.

Она уже не разъ задавала этотъ вопросъ, и Фѝлипъ съ поспѣшной откровенностью мужчинъ въ подобныхъ случаяхъ всегда отвѣчалъ, какъ и въ настоящую минуту:

— Да̀, Грэсъ.

Однако, молодой человѣкъ былъ задумчивъ, озабоченъ и голоденъ. Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ они покинули своихъ товарищей. На второй день они нашли нѣсколько сосновыхъ шишекъ, сохранившихся подъ снѣгомъ, и бѣлку съ ея зимнимъ запасомъ продовольствія. На третій день, Фѝлипъ убилъ и съѣлъ бѣлку; въ тотъ же вечеръ, онъ увидалъ утку, летѣвшую надъ ущельемъ. Вполнѣ увѣренный, что утка летѣла къ какому-нибудь недалекому озеру, Фѝлипъ замѣтилъ направленіе ея полета, а потомъ меткимъ выстрѣломъ повергъ ее на землю. На слѣдующее утро они съѣли своего путеводителя и направили шаги по его указанію.

Но Фѝлипъ обманулся въ надеждахъ. Съ гребня горнаго отрога, достигнутаго съ такимъ трудомъ, открывался все тотъ же однообразный пейзажъ безконечныхъ бѣлыхъ, волнистыхъ вершинъ до самаго горизонта. Нигдѣ не было видно разсѣлины въ кряжѣ или хоть малѣйшаго слѣда воды. Ничто не указывало, откуда или куда летѣла утка. Онъ сталъ соображать, не пере-

мѣнить ли снова свой путь, какъ неожиданное обстоятельство распорядилось по своему ихъ дальнѣйшей судьбой.

Грэсъ, стоя на самомъ краю утеса, смотрѣла съ напряженнымъ вниманіемъ на необозримую снѣжную равнину, какъ вдругъ почва подалась подъ ея ногами. Филипъ схватилъ ее за руку, но въ тоже мгновеніе гранитная масса отдѣлилась отъ утеса и, низвергнувшись въ бездну, оставила молодую дѣвушку висящей на воздухѣ. Прежде, чѣмъ Филипъ успѣлъ отскочить съ своей драгоцѣнной ношей, каменная глыба, на которой онъ стоялъ, также дрогнула и покатилась внизъ, увлекая за собою Филипа и Грэсъ. По счастью, масса камней и льда летѣла впередъ и очищала имъ путь, хотя почти перпендикулярный вдоль горнаго откоса.

Даже падая, Филипъ сохранилъ присутствіе духа и не хватался за камни, попадавшіеся на дорогѣ и которые, отторгнувшись отъ утеса, могли бы ихъ раздавить. Прежде, чѣмъ онъ потерялъ чувство, онъ помнилъ, что крѣпко обвилъ руками и спряталъ ея лицо на своей груди, инстинктивно охраняя ее отъ окружающей опасности; потомъ онъ полусознавалъ, что очутился во мракѣ, вслѣдъ затѣмъ снова въ свѣту, что вокругъ него хрустѣли сучья и еловыя иглы царапали его лицо. Наконецъ, какая-то преграда остановила его паденіе, а въ головѣ у него все завертѣлось и наступило утѣшительное мгновеніе полной безсознательности.

Когда онъ очнулся, то что̀ то его душило и жгло. Открывъ глаза, онъ увидалъ передъ собою Грэсъ: блѣдная, дрожащая, она терла снѣгомъ его руки и лобъ. На одной изъ ея круглыхъ щечекъ виднѣлась капля крови.

— Что̀ съ вами, Грэсъ, вы ранены? промолвилъ Филипъ, едва переводя дыханіе.

— Нѣтъ, милый, храбрый Филипъ, отвѣчала молодая дѣвушка:—но я такъ счастлива, такъ благодарна, что вы спасены.

Однако, она прислонилась къ дуплу и смертельно поблѣднѣла даже залитая солнечнымъ свѣтомъ, ея верхняя губа посинѣла.

Но Филипъ ея не видалъ. Онъ жадно смотрѣлъ вокругъ себя. Онъ лежалъ среди обломковъ низвергнувшейся скалы и сломанныхъ сучьевъ. Въ ушахъ его раздавался плескъ воды, а передъ нимъ, въ какихъ-нибудь ста футахъ, весело бѣжала рѣчка. Онъ взглянулъ на верхъ: красный свѣтъ заходящаго солнца проникалъ широкимъ лучемъ черезъ отверстіе, пробитое ихъ паденіемъ въ каменномъ и снѣговомъ сводѣ, сложенномъ самой природой.

Онъ зналъ теперь, откуда летѣла утка, отчего онъ не видалъ

ранѣе этой рѣки. Онъ зналъ теперь, куда исчезли всѣ птицы и животныя, отчего лѣса и ущелья были покрыты безслѣдной снѣжной пеленой. Наконецъ, передъ ними былъ открытый путь.

Онъ вскочилъ и съ восторгомъ воскликнулъ:

— Грэсъ, мы спасены!

Грэсъ смотрѣла на него счастливой улыбкой, но скорѣе она радовалась, что онъ былъ невредимъ, чѣмъ понимала причину его восторга.

— Посмотрите, Грэсъ, продолжалъ онъ: — сама природа указываетъ намъ путь изъ этой снѣговой пустыни. Слѣдуя по берегу этой рѣки, мы выйдемъ въ болѣе широкую долину.

— Я знаю, сказала Грэсъ просто.

Фѝлипъ взглянулъ на нея вопросительно.

— Когда я вытащила васъ изъ подъ снѣга и обломковъ утеса, я видѣла долину, о которой вы говорите. Вонъ оттуда все видно.

И она указала на уступъ горы надъ отверстіемъ въ каменномъ сводѣ, гдѣ остановилась въ своемъ паденіи гранитная глыба.

— Когда вы меня вытащили, дитя мое?

Грэсъ улыбнулась.

— Вы не знаете, ка́къ я сильна, сказала она и въ доказательство своихъ словъ упала въ обморокъ.

Фѝлипъ бросился къ ней и сталъ искать у себя въ карманахъ фляжку съ водкой, которую онъ, какъ святыню, берегъ во время всѣхъ ихъ бѣдствій. Она исчезла. Онъ бросилъ взглядъ вокругъ себя и съ отчаяніемъ увидалъ на снѣгу фляжку, но пустую.

Впервые въ ихъ тяжеломъ странствіи Фѝлипъ застоналъ. Въ тоже мгновеніе, Грэсъ открыла глаза. Увидавъ въ его рукахъ пустую фляжку, она съ улыбкой сказала:

— Я все влила вамъ въ горло, милый Фѝлипъ. Вы были безъ чувствъ, и я боялась, что вы умрете. Простите меня.

— Я былъ только ошеломленъ паденіемъ, а вы, Грэсъ, вы?

— Мнѣ теперь лучше, сказала она, стараясь встать, но, вскрикнувъ отъ боли, снова упала на землю.

Фѝлипъ не слыхалъ и не видалъ этого. Онъ поспѣшно взлѣзъ на указанный молодой дѣвушкой уступъ горы и возвратился, сіяя радостью:

— Я вижу долину, Грэсъ, она въ нѣсколькихъ миляхъ! воскликнулъ онъ:—еще свѣтло, и мы тамъ остановимся на ночлегъ.

— Врядъ ли, милый Фѝлипъ, отвѣчала Грэсъ, качая своей маленькой головкой.

— Отчего? спросилъ Филипъ съ нетерпѣніемъ.

— У меня... кажется... нога сломана.

— Грэсъ!

Но уже молодая дѣвушка была безъ чувствъ.

V.

Изъ снѣга въ мракъ.

По счастью, Грэсъ ошибалась. У нея была только свихнута щиколка, но все же она не могла стоять. Филипъ разорвалъ свою рубашку, сдѣлалъ бинтъ и, намочивъ его снѣговой водой, обвернулъ распухшую ногу молодой дѣвушки. Потомъ онъ отправился въ кусты и вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ перепелкой и уткой, изъ которыхъ поспѣшно приготовилъ горячій ужинъ для больной. Имъ нѣчего было болѣе бояться голодной смерти, а потому ихъ не пугало нѣсколько дней насильственнаго отдыха.

Въ послѣдніе часы воздухъ сталъ гораздо мягче. Около полуночи верхушки сосенъ заколебались, запахло сыростью и глухая дробь послышалась на снѣжномъ сводѣ. Это былъ дождь.

— Весна, пробуждается весна, произнесъ шепотомъ Филипъ.

Но Грэсъ теперь было не до поэзіи, даже въ устахъ милаго человѣка. Она припала головой къ его плечу и промолвила:

— Вы должны продолжать путь, голубчикъ, а меня оставьте здѣсь.

— Грэсъ!

— Да, Филипъ. Я могу преспокойно васъ здѣсь обождать. Мнѣ нѣчего теперь бояться. Мнѣ такъ хорошо здѣсь, въ сравненіи съ *ними*.

Филипъ почувствовалъ на своей рукѣ капли ея слезъ и насупилъ брови. Быть можетъ, его укоряла совѣсть или было что-то особенное въ тонѣ молодой дѣвушки; но ея слова непріятно затронули ту внутреннюю его сторону, которую онъ называлъ здравымъ смысломъ. Онъ, дѣйствительно, считалъ себя возвышеннымъ, пламеннымъ, сильнымъ, легкомысленнымъ существомъ, спасеннымъ отъ погибели только благодаря своему мужеству.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ ничего не отвѣчалъ. Онъ думалъ о томъ, какъ, рискуя своей жизнью, спасъ эту молодую дѣвушку отъ страшной смерти, какъ берегъ ее во время опаснаго пути, неся все бремя на себѣ, какъ, по его

милости, она была счастлива, что̀ сама вполнѣ признавала; думалъ о своей готовности, ради ея безпомощнаго положенія, отложить дальнѣйшее странствованіе; думалъ о счастіи, которое ее ожидало съ нимъ въ будущемъ... и что̀-же?.. Въ минуту ихъ спасенія, она заботилась о двухъ умирающихъ существахъ, которыя безъ особаго чуда должны были умереть прежде, чѣмъ она могла до нихъ достигнуть. При этомъ надо сказать, что Филипъ, разсуждая подобнымъ образомъ, всегда ставилъ себя на мѣсто того человѣка, съ которымъ онъ не соглашался, и спрашивалъ себя, ка̀къ бы онъ поступилъ въ такомъ случаѣ. Конечно, постоянно оказывалось, что онъ поступилъ бы прямо противоположно. Въ настоящемъ случаѣ, ставя себя на мѣсто Грэсъ, онъ чувствовалъ, что бросилъ бы всѣхъ и все ради любви и блестящей будущности, открывавшейся передъ нею. Поэтому ясно, что ея поведеніе доказывало нравственное уродство или недостатокъ расы. Подобная логика легка и неопровержима. Къ ней часто прибѣгали и за Калифорнійскими Сіеррами, люди даже не утомленные физически, а въ полной силѣ своихъ умственныхъ и физическихъ способностей.

— Поговоримъ прямо, Грэсъ, и поймемъ другъ друга, прежде чѣмъ идти далѣе или вернуться назадъ, сказалъ онъ совершенно измѣнившимся тономъ:—пять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули хижину; еслибъ мы были увѣрены, что съумѣемъ найдти дорогу назадъ, то все же на это потребуется еще пять дней; а къ тому времени тамъ все будетъ кончено. Они или спасены, или уже безполезна всякая помощь. Мои слова̀ могутъ показаться вамъ жестокими, но жестокъ фактъ, а не слова̀. Еслибъ мы остались съ ними, то не принесли бы имъ никакой пользы, а только раздѣлили бы ихъ судьбу. Я былъ бы на мѣстѣ вашего брата, а вы—на мѣстѣ сестры. Не наша вина, а счастье, что мы не умираемъ вмѣстѣ съ ними. Провидѣнію угодно, чтобъ мы съ вами спаслись. Быть можетъ, по волѣ того же Провидѣнія, мы погибли бы, стараясь имъ помочь, и помощь которая ихъ спасетъ, не спасла бы насъ.

Грэсъ не привыкла къ мужской логикѣ и невольно почувствовала, что, еслибъ Филипъ говорилъ съ нею этимъ тономъ въ снѣжномъ сугробѣ, то она никогда не ушла бы оттуда. Но, конечно, всѣ читатели мужскаго пола признаютъ несостоятельность ея женскаго инстинкта и замѣтятъ, что онъ нисколько не опровергалъ аргументовъ Филипа.

Она взглянула на него съ какимъ-то страхомъ. Слезы-ли отуманили его глаза, или по какой другой причинѣ, но онъ теперь казался совершенно чуждымъ ей человѣкомъ, и впервые

она почувствовала себя одинокой. Ей хотѣлось попрежнему прижаться къ нему, но ее удерживало какое-то новое чувство стыда.

Филипъ замѣтилъ ея колебаніе и по своему объяснилъ его.

— Лучше намъ отложить всякій разговоръ о помощи другимъ, пока мы сами не избѣгнемъ опасности, сказалъ онъ съ прежней горечью:—несчастный случай съ вами задержитъ насъ нѣсколько дней, а мы сами не знаемъ, гдѣ мы. Усните теперь, прибавилъ онъ болѣе нѣжно:—а утромъ мы увидимъ, что̀ предпринять.

Грэсъ долго плакала, прежде, чѣмъ уснуть. Бѣдная Грэсъ! Она давно ждала этого случая поговорить съ Филипомъ о себѣ, объ ихъ будущемъ. Она намѣревалась открыть ему тайну доктора Деваржа и передать всѣ его слова̀, даже тѣ, которыя выражали сомнѣніе въ самомъ Филипѣ. Тогда, конечно, Филипъ открылъ бы ей свои планы, и они вернулись бы съ помощью къ несчастнымъ; Филипъ былъ бы герой, Гэбріель призналъ бы его достойнымъ мужемъ, сестра, и всѣ были бы счастливы. А теперь они умерли, умерли, проклиная ее... и Филипъ въ эту минуту не простился съ нею, не поцаловалъ ее!

На другой день дождь шелъ ливнемъ, и вода изъ рѣкъ поднялась. Теченіе теперь было быстрое и уносило снѣгъ, ледъ, сучья и даже иногда, въ сѣроватомъ свѣтѣ туманнаго утра, проносилось цѣлое дерево, вырванное съ корнями. Неожиданно Филипъ, погруженный въ тяжелую думу, вскочилъ съ громкимъ крикомъ. Грэсъ томно открыла глаза.

Онъ указалъ ей на дерево, которое спускаясь по теченію, задѣло за берегъ, гдѣ они сидѣли, и на мгновеніе остановилось.

— Грэсъ, произнесъ онъ, съ прежнимъ одушевленіемъ:—природа насъ сама спасетъ. Она привела насъ сюда на берегъ рѣки, а теперь прислала за нами лодку. Пойдемте, Грэсъ.

Прежде, чѣмъ она могла отвѣтить, Филипъ весело взялъ ее на руки и бережно посадилъ на дерево между двумя торчащими къ верху корнями. Потомъ онъ положилъ подлѣ нея свое ружье и провизію; самъ же, помѣстившись на носу этого страннаго корабля, отчалилъ отъ берега съ помощью отломаннаго сучка сосны. Съ минуту, дерево не повиновалось, но потомъ понеслось по теченію, какъ живое существо.

Рѣка была узкая и быстрая, такъ что Филипъ напрягалъ все свое вниманіе и энергію, чтобъ удержать дерево посреди русла. Грэсъ сидѣла молча, любуясь своимъ милымъ, столь ловкимъ, сильнымъ и полнымъ одушевленія.

— Видите вы полѣно? воскликнулъ онъ:—наконецъ, мы близь селенія.

Дѣйствительно, свѣжеотрубленное сосновое полѣно плыло рядомъ съ ними. Лучъ надежды блеснулъ въ головѣ Грэсъ: если они были такъ недалеко отъ помощи, то, быть можетъ, она достигла и до несчастныхъ страдальцевъ! Но молодая дѣвушка не сказала ни слова объ этомъ Филипу, а онъ, казалось, позабылъ ее.

Черезъ нѣсколько времени, однако, онъ обернулся къ ней и, пройдя на корму импровизированной лодки, сѣлъ подлѣ нея.

— Грэсъ, дитя мое, мнѣ вамъ надо кое что̀ сказать, произнесъ онъ, нѣжно взявъ ее за руку.

Сердце Грэсъ радостно и тревожно забилось; она не смѣла поднять глазъ. Не обращая вниманія на ея волненіе, Филипъ продолжалъ:

— Черезъ нѣсколько часовъ, мы не будемъ болѣе въ пустынѣ, но между людьми, быть можетъ, женщинами. Конечно, это будутъ люди чужіе, не ваши родственники, не товарищи, съ которыми мы провели столько дней и недѣль, а люди, не знающіе насъ и нашихъ страданій.

Грэсъ взглянула на него, но ничего не сказала.

— Вы понимаете, Грэсъ, что, не зная насъ, они могутъ истолковать во зло наше бѣгство. Говоря прямо, дитя мое, вы—молодая дѣвушка, а я—молодой человѣкъ. Ваша красота, милая Грэсъ, послужитъ въ глазахъ свѣта болѣе вѣроятнымъ истолкованіемъ нашего товарищества, чѣмъ самая истина. Поэтому, эту истину надо скрыть. Я одинъ возвращусь съ помощью къ вашимъ родственникамъ, а васъ оставлю на попеченіе добрыхъ людей. Но я оставлю васъ здѣсь не какъ Грэсъ Конрой, а вы возьмете мое имя.

Грэсъ вспыхнула, и не только ея щеки, но и горло покрылось яркимъ румянцемъ. Едва переводя дыханіе, она ждала его слѣдующихъ словъ.

— Вы будете моей сестрою, Грэсъ Ашлей, сказалъ онъ спокойно.

Кровь отхлынула отъ ея щекъ, вѣки тяжело опустились, и она закрыла лицо руками. Филипъ терпѣливо ждалъ отвѣта. Когда она снова подняла глаза, то лицо ея было спокойно и гордая улыбка уграла на ея устахъ.

— Вы правы, промолвила она.

Въ это мгновеніе, ихъ осѣнилъ неожиданный лучъ свѣта и тепла; дерево быстро обогнуло крутую косу и медленно поплыло по широкой рѣкѣ, среди роскошной, волнистой долины, залитой

полуденнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Вдали, въ какой нибудь милѣ, виднѣлся столбъ дыма, поднимавшійся къ небу изъ трубы хижины.

VI.

Слѣды.

Впродолженіи двухъ недѣль, всходило и садилось безоблачное солнце надъ суровыми очертаніями Монументнаго Пика. Впродолженіи двухъ недѣль, не произошло никакой видимой перемѣны въ роковой бѣлизнѣ снѣгомъ покрытыхъ утесовъ, въ волнистой, бѣлоснѣжной равнинѣ, растилавшейся во всѣ стороны, въ мертвой тишинѣ, царившей вверху и внизу. Было 1-е апрѣля; въ воздухѣ чувствовалась весенняя мягкость, но въ необозримой пустынѣ не слышно было ни звука, ни движенія.

Однако, при ближайшемъ наблюденіи, оказывалась большая, хотя и медленная, тайная перемѣна. Бѣлыя очертанія горъ не были такъ круглы и полны; мѣстами виднѣлись трещины и въ нихъ обнаженный гранитъ; кости начинали мало по малу проглядывать изъ подъ отвисавшаго тѣла. И все же эта перемѣна произошла безмолвно, безъ нарушенія могильной тишины.

Наконецъ, въ одинъ свѣтлый, блестящій день, въ роковой долинѣ раздались человѣческія голоса и бряцанье шпоръ. Въ горномъ проходѣ показалась кавалькада всадниковъ и вьючныхъ муловъ, которые медленно двигались, то проваливаясь въ снѣгу, то шумно стуча копытами по камню. Неожиданные звуки пробудили дремавшее горное эхо, подняли вокругъ, отъ сотрясенія въ воздухѣ, снѣжную пыль и вызвали изъ какой-то невѣдомой пещеры на снѣжную поверхность такое дикое, растерзанное и чудовищное существо, которое едва походило на человѣка. Оно прокралось по снѣгу до большого дерева и, какъ испуганное животное, стало ждать въ засадѣ приближенія путниковъ.

Впереди отряда ѣхали два человѣка: одинъ серьёзный, озабоченный, молчаливый; другой энергичный, живой, словоохотливый. Наконецъ, первый сказалъ медленно, какъ бы вспоминая что-то:

— Они должны быть недалеко. Я видѣлъ ихъ именно въ такой мѣстности. Она мнѣ знакома.

— Дай Богъ, отвѣчалъ поспѣшно второй всадникъ:—по правдѣ сказать, я сомнѣваюсь, чтобъ мы удержали въ повиновеніи

людей до завтра, если наши безумные поиски ни къ чему не поведутъ.

— Именно здѣсь я видѣлъ мужчину и женщину. Если, по близости, тутъ не найдется груды камней, то я признаю свой сонъ несправедливымъ, а себя—старымъ дуракомъ.

— Ну, да̀, дайте намъ хоть груду камней, хоть лоскутокъ бумаги, старое одѣяло, или колесо. Колумбъ могъ продолжать свой путь и держать въ порядкѣ своихъ матросовъ, благодаря морскому тростнику. Но люди на что̀-то смотрятъ! Боже мой! что̀-то движется вдоль утеса.

Подъ вліяніемъ общаго суевѣрнаго инстинкта, весь отрядъ скучился; даже тѣ, которые, за нѣсколько минутъ, всего громче выражали свой скептицизмъ, притаили дыханіе отъ страха. Дикое существо, спрятавшееся за дерево, теперь выскочило и, принявъ человѣческій образъ, съ странными ужимками и глухимъ воплемъ приблизилось къ отряду. Это былъ Думфи.

Первый оправился отъ волненія предводитель и встрѣтилъ Думфи на пол-дорогѣ.

— Кто вы?

— Человѣкъ.

— Что̀ съ вами?

— Голоденъ.

— Гдѣ другіе?

— Кто? спросилъ Думфи, подозрительно взглянувъ на незнакомца.

— Другіе. Вы не одинъ?

— Одинъ.

— Ка̀къ вы сюда попали?

— А вамъ какое дѣло? Я здѣсь и умираю съ голода. Дайте мнѣ ѣсть и пить.

Съ этими словами, онъ въ изнеможеніи опустился на четвереньки.

Въ толпѣ раздался ропотъ.

— Дайте ему ѣсть. Онъ не можетъ стоять, не только говорить. Гдѣ докторъ?

— Предоставьте его мнѣ; онъ болѣе нуждается въ моей помощи, чѣмъ въ вашей, сказалъ младшій изъ передовыхъ всадниковъ, котораго назвали докторомъ.

Онъ налилъ водки въ горло несчастнаго. Думфи тяжело перевелъ дыханіе и вскочилъ на ноги.

— Ка̀къ васъ зовутъ? спросилъ нѣжно молодой докторъ.

— Джаксонъ, отвѣчалъ Думфи, бросая вокругъ себя дикій, вызывающій взглядъ.

— Откуда?

— Миссури.

— Какъ вы сюда попали?

— Отсталъ отъ товарищей.

— А они...

— Пошли впередъ. Дайте поѣсть.

— Отведите его въ лагерь и передайте Санхезу: онъ знаетъ, что̀ съ нимъ сдѣлать, сказалъ докторъ одному изъ людей и прибавилъ, обращаясь къ предводителю: — ну, Блунтъ, вы спасены; но ваши девять человѣкъ въ клеенчатой одеждѣ уменьшились до одного, и тотъ, признаюсь—не важный экземпляръ.

— Я желалъ бы, докторъ, чтобъ далѣе ничего не исполнилось изъ моего сна, отвѣчалъ Блунтъ:—я согласенъ теперь возвратиться, но что̀-то мнѣ говоритъ — дѣло только начинается. Этотъ человѣкъ дѣлаетъ вѣроятнымъ все остальное. Но что̀ это?

Одинъ изъ людей отряда подошелъ къ предводителю съ лоскуткомъ бумаги, углы котораго обнаруживали слѣды гвоздей.

— Это объявленіе я снялъ съ дерева, но читать не умѣю, сказалъ бывшій *vachero*.

— И я также, отвѣчалъ Блунтъ, взглянувъ на бумагу:—это, кажется, по-нѣмецки. Позовите Глора.

Черезъ минуту подошелъ рослый швейцарецъ и, прочитавъ бумагу, сказалъ:

— Это—указаніе какъ найти скрытое сокровище, чрезвычайно важное, драгоцѣнное.

— Гдѣ?

— Подъ грудой камней.

Блунтъ и докторъ переглянулись.

— Ведите насъ туда, сказалъ Блунтъ.

Послѣ часоваго пути, они достигли гребня горы, гдѣ ущелье круто поворачивало. Блунтъ громко вскрикнулъ.

Передъ ними была груда камней, нѣкогда симетрически положенныхъ другъ на друга, а теперь разбросанныхъ по сторонамъ. Снѣгъ и земля были взрыты вокругъ. Повсюду валялись бумаги, портфель съ рисунками птицъ и растеній, разбитый стеклянный футляръ съ насѣкомыми и разбросанныя перья набитыхъ птицъ. Немного по-одаль лежало что̀-то походившее на кучу лохмотьевъ. Ближайшій къ ней всадникъ съ громкимъ крикомъ соскочилъ съ лошади. Это была мистрисъ Бракетъ — мертвая.

VII.

Слѣды начинаютъ исчезать.

Она умерла уже съ недѣлю. Черты ея лица и одежда были почти неузнаваемы; все тѣло было судорожно стянуто. Молодой докторъ сталъ внимательно ее осматривать.

— Умерла отъ голода? спросилъ Блунтъ.

Докторъ ничего не отвѣчалъ, но, отойдя отъ трупа, подобралъ съ земли валявшіеся остатки чучелъ, понюхалъ ихъ, поднесъ къ губамъ и, наконецъ, спокойно сказалъ:

— Нѣтъ, она отравлена.

Всѣ присутствующіе отшатнулись отъ трупа.

— Я полагаю, что отрава бы случайная, продолжалъ докторъ хладнокровно:—бѣдная женщина, мучимая голодомъ, набросилась на эти чучела птицъ, которыя прикрыты толстымъ слоемъ мышьяка для предохраненія отъ насѣкомыхъ. Несчастная сдѣлалась жертвою предосторожности ученаго.

Во всемъ отрядѣ раздались восклицанія ужаса и негодованія.

— Вишь какой, предпочелъ сохранить проклятыхъ птицъ! произнесъ швейцарецъ.

— Убилъ женщину, чтобъ спасти дохлую дичь, промолвилъ другой.

Докторъ улыбнулся и невольно подумалъ, что доктору Деваржу въ эту минуту было бы небезопасно показаться въ отрядѣ.

— Если этотъ энтузіастъ естествоиспытатель еще живъ, то я надѣюсь, что онъ не явится къ намъ хоть нѣсколько часовъ, сказалъ онъ на ухо Блунту.

— Кто это такой?

— Иностранецъ, довольно извѣстный ученый въ своей странѣ. Я не разъ слыхалъ его имя. Это—докторъ Деваржъ, и въ разбросанныхъ здѣсь бумагахъ онъ увѣряетъ, что сдѣлалъ удивительныя открытія въ наукѣ. Онъ также цѣнитъ очень высоко свою коллекцію.

— А стòитъ ее собрать и сохранить!

— Не теперь, намъ дорога каждая минута. Прежде подумаемъ о несчастныхъ людяхъ, а потомъ о наукѣ.

Они поѣхали далѣе. Бумаги и коллекціи, сохраненныя такъ старательно, плодъ столькихъ мѣсяцевъ терпѣливаго труда и лишеній, памятникъ научныхъ открытій и побѣды человѣческаго ума—остались брошенными на снѣгу. Вѣтеръ, разметая снѣгъ

съ горныхъ откосовъ, какъ бы съ презрѣніемъ разносилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, а лучи солнца, уже теплые, накаляя металлическую поверхность ящика и портфеля, хоронили ихъ все глубже и глубже въ снѣгу, словно желая скрыть навѣки отъ человѣческаго глаза.

Обогнувъ долину по горному скату, гдѣ снѣгъ былъ унесенъ вѣтромъ, отрядъ достигъ, черезъ нѣсколько часовъ, большаго дерева у входа въ роковое ущелье. Объявленіе все еще виднѣлось на деревѣ, но грубое изображеніе руки, указывавшее нѣкогда на похороненные подъ снѣгомъ шалаши, теперь, по волѣ вѣтра или непогоды, значительно опустилось и знаменательно указывало на снѣгъ подъ ногами. Входъ въ ущелье былъ занесенъ такими сугробами, что путники были принуждены оставить своихъ лошадей и пойти пѣшкомъ. Инстинктивно они сохраняли совершенное безмолвіе и подвигались одинъ за однимъ, то по мокрому снѣгу, то по обнаженнымъ уступамъ горы. Наконецъ, они достигли до деревянной трубы и крыши шалаша, виднѣвшихся надъ снѣгомъ. Всѣ остановились и взглянули другъ на друга. Предводитель отряда подошелъ къ трубѣ и, нагнувшись къ ней, крикнулъ:

— Кто тамъ?

Отвѣта не было. Только горное эхо откликнулось вдоль всего ущелья, и снова наступила мертвая тишина, прерываемая лишь паденіемъ льдинки или снѣжной лавины съ горнаго ската. Послѣ минутнаго колебанія, Блунтъ пошелъ къ отверстію въ сугробѣ и опустился въ подземное жилище. Не прошло и мгновенія, какъ онъ возвратился блѣдный и сдѣлалъ знакъ доктору. Они оба исчезли въ отверстіе. Мало по малу, за ними послѣдовали и остальные люди отряда. Черезъ нѣсколько времени, они медленно поднялись на поверхность, держа въ рукахъ три мертвыхъ трупа. Потомъ они снова исчезли и вынесли разъединенныя части скелета четвертаго мертвеца. Опять наступило гробовое молчаніе. Всѣ глядѣли другъ на друга, не смѣя вымолвить слова.

— Здѣсь долженъ быть другой шалашъ, сказалъ, наконецъ, Блунтъ.

— Вотъ онъ! воскликнулъ одинъ изъ людей, указывая на вторую трубу.

Теперь уже нѣчего было колебаться. Худшее уже было узнано. Поспѣшно всѣ направились ко второму подземному жилищу и исчезли въ немъ. Возвратясь обратно, они собрались въ кучку и шопотомъ говорили о чемъ-то съ видимымъ волненіемъ. Они были такъ заняты, что даже не замѣтили неожиданнаго появленія въ ихъ средѣ новаго лица.

VIII.

Слѣды все болѣе и болѣе исчезаютъ.

Это былъ Филипъ Ашлей—блѣдный, утомленный, съ впалыми глазами, но съ напряженными нервами и непреодолимой энергіей. Четыре дня передъ тѣмъ, онъ оставилъ Грэсъ на попеченіи гостепріимнаго поселенца и его семейства въ Калифорнійской Долинѣ. Мрачный, недовольный, онъ ненавидѣлъ цѣль своего странствія, но все же предпринялъ его, повинуясь обѣщанію, данному Грэсъ, и дикому инстинкту своей совѣсти. Онъ теперь стоялъ подлѣ шалаша, скрытаго въ снѣгу, и обернулся къ вышедшимъ изъ него людямъ съ полу-циничной, полу-равнодушной улыбкой.

Докторъ первый его замѣтилъ и бросился къ нему.

— Пойнсетъ, Артуръ! воскликнулъ онъ:—что̀ вы тутъ дѣлаете?

Ашлей вспыхнулъ при видѣ доктора и инстинктивно промолвилъ:

— Шш!

Потомъ онъ поспѣшно взглянулъ на окружающихъ и съ видимымъ смущеніемъ произнесъ:

— Я оставилъ лошадь у входа въ ущелье.

— Я вижу, отвѣчалъ докторъ:—вы также явились сюда съ помощью, но уже поздно.

— Поздно? повторилъ Ашлей.

— Да̀. Они всѣ или умерли, или исчезли.

Странное выраженіе показалось на лицѣ Ашлея, но докторъ этого не замѣтилъ. Онъ отошелъ къ Блунту, сказалъ ему что̀-то на ухо и потомъ прибавилъ громко:

— Капитанъ Блунтъ, это—поручикъ Пойнсетъ, 5-го линейнаго полка, мой старый товарищъ, съ которымъ я не видался уже два года. Онъ, подобно намъ, явился сюда съ человѣколюбивой цѣлью. Это такъ походитъ на него.

Обычный Филипу тонъ образованнаго и свѣтскаго человѣка, а также радушная встрѣча со стороны доктора расположили весь отрядъ въ его пользу. Мало по малу, его смущеніе исчезло и онъ спросилъ:

— Что̀ это за люди?

— Ихъ имена означены на лоскутѣ бумаги, прибитомъ на деревѣ, отвѣчалъ докторъ:—конечно, мы не можемъ признать всѣхъ труповъ, такъ какъ никто не остался въ живыхъ. Мы навѣрно опредѣлили только трупы доктора Деваржа, схороненнаго